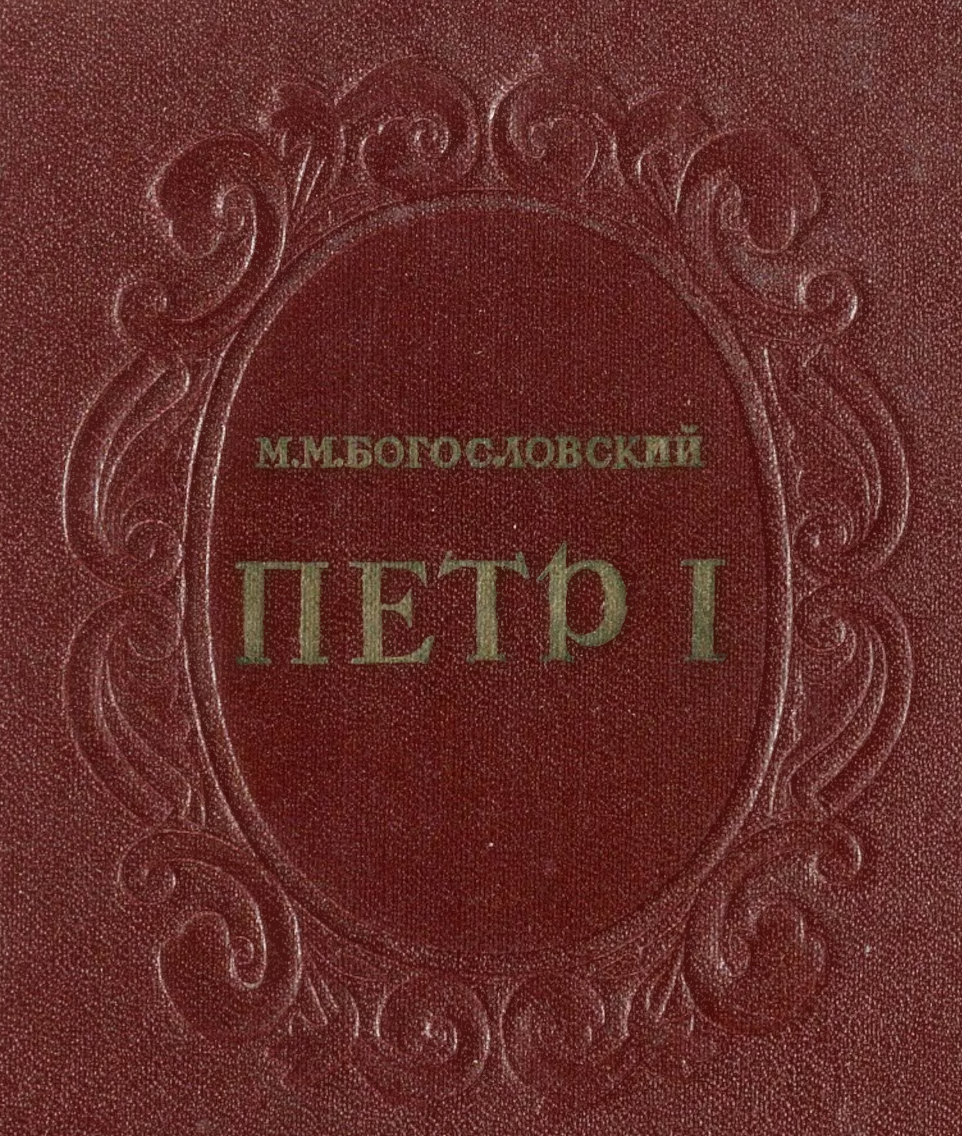

М.М.БОГОСЛОВСКИЙ
ПЕТР I

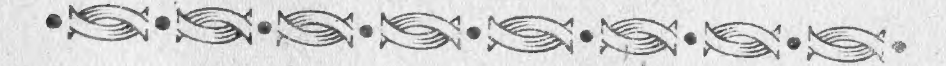
Акад. М. М. БОГОСЛОВСКИЙ

ПЕТР I

Под редакцией
проф. В. И. ЛЕБЕДЕВА

ОГИЗ
ГОСУДАРСТВЕННОЕ
СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО
1940

В выпускаемом первом томе работы акад. М. М. Богословского даются материалы для биографии Петра I. Некоторые из них появляются в печати впервые. В издаваемом томе охватывается период с 30 мая 1672 г. по 9 марта 1697 г. «Материалы для биографии Петра I» предназначаются как для студентов исторических факультетов и преподавателей истории СССР, так, благодаря доступности языка, и для широкого круга читателей.

Подготовка текста настоящего издания к печати, подбор иллюстраций, составление примечаний к ним, указателей имен личных и географических и объяснительного словаря произведены Н. А. БАКЛАНОВОЙ.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Личность Петра I приблекала пристальное внимание дворянской и буржуазной историографии. Современники Петра I, представители господствующего класса дворянства, боготворили его. 22 октября 1721 г., после заключения Ништадтского мира, при преподнесении Петру I титула императора, канцлер Головкин говорил: «Всероссийское государство в такое сильное и доброе состояние, и народ свой поданный в такую славу у всего света через единое токмо свое руковождение привел».

Феофан Прокопович в своей истории Петра I, главным образом, описывает события Северной войны до 1713 г. Несколько более подробно коснулся походов и путешествий барон Гюйсен, засоряя исторические события мелочными подробностями.

В 1718 г. кабинет-секретарю Макарову было поручено составить историю Северной войны. Петр писал в 1722 г. в своих замечаниях: «...вписать в историю, что в сию войну сделано, каких когда распорядков земских и воинских обоих путей регламентов и духовных; також строения фортец, гаванов, флотов корабельнаго и галернаго, и мануфактур всяких, и строения в Питербурхе и на Котлине и в прочих местах».

Петр сам тщательно исправил эту работу и многое изменил. Так, вместо чрезвычайно хвалебного описания своего участия в Полтавской битве, Петр I написал: «За людей и отечество, не щадя своей особы, поступал как доброму приводцу надлежит».

Позднее новгородский дворянин Петр Крекшин составил в 1742 г. «Краткое описание блаженных дел государя императора Петра Великого», в котором выдумки досужего писателя перемешаны с подлинными историческими фактами.

Личность Петра I вызывала громадный интерес и в западноевропейской историографии.

За границей еще в 1725 г. выходит жизнеописание Петра I в изложении некоего анонимного автора, Нестесураноя, полном баснословных описаний.

В 1733 г. в Венеции появилось описание жизни Петра, составленное аббатом Антонием Катифоро. В Англии Мотлей (1749 г.), во Франции Мовильон (1752 г.), в Венеции Феодози (1772 г.) вы-

таются дать историю Петра I. Их сочинения полны грубых ошибок, искажающих истинный ход событий.

По поручению императрицы Елизаветы знаменитый Вольтер написал «Histoire de l'Empire de Russie sous Pierre le Grand, par l'auteur de l'histoire de Charles XII» — произведение, к сожалению, также изобилующее ошибками.

Дворянский историк XVIII в. — Щербатов — поднимает протест против привития варварской Руси западноевропейской культуры. Щербатов в сочинении «О повреждении нравов в России» представляет допетровскую Россию в прикрашенных тонах. Но во всех сторонах жизни XVIII в. и во внутренней и внешней политике правительства настолько велики достижения, что дерзнувший критиковать умолкает перед личностью Петра I. Купец Иван Голиков всю свою жизнь занимался собиранием рукописных и печатных материалов о Петре I, и в его колоссальном труде «Деяния Петра Великого, мудрого преобразователя России, собранные из достоверных источников и расположенные по годам» Петр I выводится полубожеством, осчастливившим Россию.

В начале XIX в. дворянский историк Карамзин не довел свою «Историю государства российского» до Петра I. В «Записке о древней и новой России» (1811 г.) Карамзин обвиняет Петра I в потере национального чувства. «Мы стали гражданами мира, — писал Карамзин, — но перестали быть в некоторых случаях гражданами России; виною — Петр». Он, «увидев Европу, захотел сделать Россию Голландией».

Великий русский поэт А. С. Пушкин собирал материалы по истории Петра I, но преступная рука царизма прервала жизнь гения, и его замысел написать историю Петра I остался неосуществленным. Личность Петра I запечатлена гением русской поэзии в поэмах «Полтава», «Медный всадник» и в повести «Арап Петра Великого».

В 1834 г. Пушкин приглашал к сотрудничеству по написанию истории Петра I М. Погодина, который в своей работе «Семнадцать первых лет в жизни императора Петра Великого (1672—1689)» установил преемственность решения Петром I ближайших задач, предназначенных расширить пределы России до моря, утвердить ее первенство на севере и открыть сообщение с Европой. Десять лет (1689—1700 гг.) до возвращения Петра I из заграничного путешествия набросаны Погодиным вчерне и, к сожалению, не опубликованы. Погодин хотел довести биографию Петра до Полтавского сражения 1709 г. Восхваляя значение Петра, Погодин и позднее Устрялов курили фимиам Николаю Палкину.

Белинский и Герцен сознавали значение личности Петра. «Петру I, — писал Белинский, — мало конной статуи на Исаакиевской площади: алтари должно воздвигнуть ему на всех площадях и улицах великого царства русского» [1].

Величие Петра I заключалось в борьбе с варварством Московской Руси. По словам Герцена, «к концу XVII века на престоле

[1] *Белинский,* Соч., т. VI, стр. 190, 193, СПБ 1913.

царей появился смелый революционер, одаренный обширным гением и непреклонной волей — это деспот по образцу комитета общественного спасения»[1]. Чернышевский и Добролюбов высоко оценили личность Петра.

Славянофилы ценили личность Петра I, но его преобразования, по их мнению, не были национальны, следовательно, были вредны. «У него (Петра I. — *В. Л.*), — писал Аксаков, — не было предшественников в древней Руси».

«В России, — возражал славянофилам С. М. Соловьев, — прежде Петра была сознана необходимость образования и преобразования; прежде Петра началась сильная борьба между старым и новым»[2].

В рецензии на «Историю Петра» Устрялова Соловьев писал: «Мысль о Северной войне была мыслью веков. Она была начата Иоанном IV... Она жила в Годунове... Она воскресла в царе Алексее и его министрах и досталась в наследство Петру как вековое предание. Это Петр сам ясно сознавал и признавал, гордясь великим значением совершителя того, что было начато, чего так сильно желали его предшественники»[3].

Соловьев в своей рецензии рисует Петра I как человека своей эпохи. «Необходимость движения на новый путь, — по словам Соловьева, — была сознана, обязанности при этом определились; народ поднялся и собрался в дорогу; но кого-то ждали; ждали вождя; вождь явился»[4].

Буржуазный историк всецело поддерживает надклассовую теорию самодержавной власти. Во всей широте свой взгляд на личность великого преобразователя С. М. Соловьев развил в «Чтениях о Петре Великом» (1872 г.).

Ученик С. М. Соловьева, В. О. Ключевский, придавая громадное значение личности Петра I, писал: «Весь смысл русской истории сжимался в один вопрос о значении деятельности Петра»[5]. По словам Ключевского, петровские реформы «стали камнем, на котором оттачивалась русская историческая мысль более столетия»[6]. Однако Ключевский не понимал личности Петра, когда говорил, что он «во всем был больше делец, мастер, чем мыслитель. Такой склад его ума отразился и на его политическом и нравственном характере»[7]. Роль Петра как политика и стратега, боровшегося «варварскими методами с варварской отсталостью», не показана буржуазным историком.

М. Н. Покровский в духе своей ошибочной, антиленинской, антинаучной теории о торговом капитализме писал: «Если символическую фигуру Петра мы заменим торговым капиталом, как раз к началу Северной войны ставшим в центре всех дел, — эта

---

[1] *Герцен,* Сочинения и письма, т. VI, стр. 325—328.
[2] *Соловьев,* История России, т. XVII, стр. 404.
[3] «Атеней», № 28, 1858, стр. 81.
[4] *Соловьев,* Соч., СПБ 1882, стр. 118.
[5] *Ключевский,* Курс русской истории, т. IV, стр. 255.
[6] Там же, стр. 253.
[7] Там же, стр. 46.

оценка будет вполне правильной»[1]. Все преобразования Петра I благословляет все тот же торговый капитал. «Торговый капитализм в качестве обличителя стоит в начале реформы, — в качестве наставника замыкает ее»[2]. Покровский чернит личность Петра и называет его в четырехтомнике грубым солдатом.

Совершенно умаляется роль Петра I как выдающегося полководца и организатора, сделавшего чрезвычайно много для создания национального государства помещиков и купцов. По мнению Покровского, торговый капитализм заставил Петра биться 20 лет за Балтийское море. Успешная внешняя политика Петра характеризуется «набегом торгового капитализма».

Между тем классики марксизма-ленинизма неоднократно уделяли внимание событиям времен Петра и личности преобразователя. В «Тайной дипломатии XVIII в.» Маркс писал: «Он (Петр I. — *В. Л.*) превратил Московию в современную Россию тем, что обобщил ее систему, а не тем, что присоединил к ней несколько провинций».

Энгельс писал о Петре: «Этот действительно великий человек, — великий совсем не так, как Фридрих «Великий», послушный слуга преемницы Петра, Екатерины II, — первый вполне оценил изумительно благоприятную для России ситуацию в Европе. Он ясно увидел, наметил и начал осуществлять основные линии русской политики как по отношению к Швеции, Турции, Персии, Польше... так и по отношению к Германии»[3].

Ленин указывал, что «Петр ускорял перенимание западничества варварской Русью, не останавливаясь перед варварскими средствами борьбы против варварства»[4].

Необыкновенно четкую характеристику личности Петра дал товарищ Сталин в беседе с немецким писателем Людвигом: «Петр Великий сделал много для возвышения класса помещиков и развития нарождавшегося купеческого класса. Петр сделал очень много для создания и укрепления национального государства помещиков и торговцев. Надо сказать также, что возвышение класса помещиков, содействие нарождавшемуся классу торговцев и укрепление национального государства этих классов происходило за счет крепостного крестьянства, с которого драли три шкуры»[5].

Товарищ Сталин, упоминая о промышленной политике Петра, говорил: «Когда Петр Великий, имея дело с более развитыми странами на Западе, лихорадочно строил заводы и фабрики для снабжения армии и усиления обороны страны, то это была своеобразная попытка выскочить из рамок отсталости»[6]. В этих высказываниях дается яркая характеристика прогрессивной роли эпохи Петра и ее классовой сущности.

---

[1] *Покровский*, Русская история, т. II, стр. 219.
[2] Там же, стр. 227.
[3] *Маркс* и *Энгельс*, Соч., т. XVI, ч. II, стр. 12.
[4] *Ленин*, Соч., т. XXII, стр. 517.
[5] *Сталин*, Беседа с немецким писателем Эмилем Людвигом, 1938, стр. 3.
[6] *Сталин*, Вопросы ленинизма, изд. 9-е, стр. 359.

Постановления партии и правительства (от 16 мая 1934 г. и 26 января 1936 г.), замечания товарищей Сталина, Кирова и Жданова на конспект учебника по истории СССР, замечания Правительственной комиссии на начальный курс по истории СССР, вышедший «Краткий курс истории ВКП(б)» показывают громадное значение исторической науки и в частности истории нашей родины для подрастающего поколения. Партия и правительство призывают бороться в исторической науке с антиленинскими и антинаучными взглядами М. Н. Покровского и его «школы», ликвидировавших историю как науку и ее преподавание в советской школе. Перед советской исторической наукой стоит задача критически освоить наследие буржуазных историков для создания подлинно марксистско-ленинской истории нашей родины.

К историкам такого типа принадлежит ученик В. О. Ключевского покойный академик М. М. Богословский, автор капитальных работ «Земское самоуправление на русском севере в XVII в.», «Областная реформа Петра Великого», «Провинции 1719—1727 гг.» и др. К концу своей жизни М. М. Богословский приступил к грандиознейшей работе «Петр Великий», из которой успел до смерти написать четыре первых тома — до начала Северной войны (1700 г.).

Все предшествующие работы о Петре I далеко уступают по обилию фактов работе акад. Богословского. На основе, главным образом, архивных материалов М. М. Богословский в хронологическом порядке описывает день за днем жизнь Петра I, окружающую бытовую обстановку, отдельных лиц. Сложные события автор разлагает на простейшие факты, критически проверяя их достоверность. Любой читатель, интересующийся историей своей родины, найдет в этой книге обильный материал для ознакомления с величайшими событиями.

Пусть не ищет читатель в этой книге жизни народных масс и угнетенных народов, стонавших под гнетом феодалов-крепостников. Не дается ни социальной характеристики стрелецкого движения 1682 г., ни борьбы феодальных групп. Отсталость Московской Руси не показана автором, и многие факты трактуются им с точки зрения психологизма. Жизнь Петра I протекает у автора на фоне ежедневных будничных забот и занятий. Между тем XVII век поставил перед отстававшей Россией вопрос — быть или не быть ей самостоятельным государством. Петр I поистине старался вывести страну из рамок феодальной отсталости, способствовал развитию капиталистических элементов и успешной внешней политикой поставить ее в один ряд с первоклассными европейскими государствами. «Петр, по крайней мере, в этой части, — захватил лишь то, что было абсолютно необходимо для нормального развития его страны», — писал Маркс в «Тайной дипломатии XVIII века».

В. Лебедев

ПРЕДИСЛОВИЕ АВТОРА

Целью настоящего труда было дать, насколько возможно, более подробное описание жизни и деятельности Петра Великого. Для этого я старался собрать все те известия, которые сохранились о нем в разного рода памятниках. Свой рассказ я располагал по возможности в простейшем хронологическом порядке. Я старался, насколько позволяли источники, восстанавливать жизнь Петра день за днем, изображать ее так, как она протекала в действительности, наблюдать совершенные им действия, разгадывать одушевлявшие и волновавшие его чувства, представлять себе воспринятые им ежедневные впечатления и следить за возникавшими у него идеями. Есть особая прелесть в том, чтобы следить за жизнью исторического деятеля, переживать ее вместе с ним, как бы воскрешая его. Есть не меньшая прелесть в том, чтобы, наблюдая эту отдельную жизнь, изучать и восстанавливать ту историческую обстановку, т. е. те события и тот быт, среди которых эта жизнь протекала, с одной стороны, оказывая на них свое и в настоящем случае могущественное воздействие, с другой — в большей или меньшей мере испытывая на себе их влияние.

О Петре Великом написано, конечно, очень много. Два недостатка в этой огромной литературе всегда мне бросались в глаза: в области фактов — их не всегда критически твердо установленная достоверность, в области общих суждений — их не всегда достаточная обоснованность. Развиваясь под влиянием общих философских систем, наша историография иногда делала слишком поспешные и не опиравшиеся на факты обобщения, опережавшие разыскание и критику фактического материала. Мне хотелось собрать факты, достоверные факты, которые, будучи собраны в достаточном количестве, своим неоднократным повторением ведут к надежным общим суждениям. Может быть, то, что мною собрано, не окажется излишним и будет когда-либо принято во внимание при составлении таких общих суждений.

Крупные и сложные исторические события могут быть разложены на простые и простейшие факты включительно до отдельных ежедневных действий, чувств и мыслей отдельных лиц, в них участвовавших. Чтобы отчетливо знать какой-либо механизм, не-

обходимо разобрать его на составляющие его части и изучить каждую из этих частей. Чтобы точно знать историческое событие, следует его разложить на те простейшие факты, из которых оно составилось, и изучить эти факты отчетливо. Меня преимущественно и занимало разложение сложного факта на простейшие составные и отчетливое изображение последних. Мне казалось, что таким методом можно всего лучше достигнуть поставленной цели: дать критически проверенное изображение такого сложного исторического факта, каким была жизнь Петра Великого.

На своей дороге я встретил немало затруднений, главнейшим из которых было самое изложение фактов. Несравненно легче строить широкие обобщения, чем изложить даже простой, но критически проверенный факт, так, чтобы за достоверность изложения можно было вполне поручиться. Чем обобщение шире, тем построить его легче. Но нет ничего труднее, как передать простой исторический факт вполне точно, т. е. вполне так, как он происходил в действительности, на самом деле. Абсолютно точная передача исторических фактов для нас недостижима; вследствие недостатка источников, вследствие разноречий или противоречий в них изображение лиц и событий всегда страдает более или менее значительной аберрацией. Техника выделки зрительных стекол достигла значительного совершенства, при котором такая аберрация ничтожна. Техника исторического изображения такой степени не достигла и едва ли когда достигнет.

Невозможно предвидеть, когда этот мой труд по условиям типографского дела и по разным другим соображениям смог бы появиться в печатном виде, и появится ли вообще когда-нибудь. В том постоянстве, с которым я, однако, непрерывно вел эту работу за последние годы, меня поддерживал пример наших древних летописцев и книжных «списателей», не отступавших перед мыслью, что труд их останется на долгие и долгие годы в единственном рукописном экземпляре.

г. Воскресенск, 15 августа 1925 г.

Рис. 1. Петр в детстве

Миниатюра из рукописной книги XVII в.: «Корень российских государей». Подлинник находится в Государственной публичной библиотеке в Ленинграде.

ДЕТСТВО

I. РОЖДЕНИЕ ПЕТРА. ДЕТСКАЯ ЦАРЕВИЧА

Петр Великий родился в Москве в Кремлевском дворце в ночь на четверг 30 мая 1672 г. О месте его рождения, не обозначенном точно в официальных известиях, существовали разные предания: указывали село Измайлово и село Коломенское. Но, несомненно, местом рождения Петра был Кремль. Сохранилась записка о взносе вещей «в хоромы» царицы Натальи Кирилловны 28 мая 1672 г., следовательно в этот день царица находилась в Кремлевском дворце; иначе, если бы она находилась в одной из подмосковных резиденций, в записке было бы сказано, что вещи взяты к царице «в поход» [1]. Если царица жила в Кремле 28 мая, невозможно допустить, чтобы она предприняла «поход» в какое-либо из подмосковных сел на последних днях и, можно даже сказать, часах беременности. Что двор находился в момент рождения Петра в Кремле, видно также из той быстроты, с которой состоялось торжественное молебствие в Успенском соборе по случаю рождения царевича. Распоряжение об этом молебствии рассылалось «с верху», т. е. из Кремлевского дворца, из личной канцелярии государя — приказа Тайных дел. О времени, точнее, о часе рождения Петра, также есть разногласие. Сохранились две разрядные записки об этом событии, указывающие различно час рождения. В одной говорится, что царевич родился «*за полтретья часа до дня*», т. е. в 12 ч. 48 м. ночи по нашему счету; другая повествует, что «в прошлом 180 (1672) году мая в 30 день, в *отдачу ночных часов*. . . даровал бог царевича» и т. д. «Отдача ночных часов» 30 мая приходилась на 3 ч. 18 м. утра по нашему счету. Какому из этих свидетельств следует отдать преимущество? Думаем, что первому. В самом деле, из вступительных слов второй записки — «в про-

[1] *Есипов,* Сборник выписок из архивных бумаг о Петре Великом, т. II, стр. 342.

шлом году» — видно, что она не современна событию, а составлялась уже в следующем, 1673, году, когда из памяти составителя ее могли исчезнуть мелкие подробности происшествия; первая же записка производит впечатление более современной событию. Затем час рождения, указанный первой запиской, более вероятен и потому, что лучше согласуется с дальнейшим известием о торжественном молебне в Успенском соборе, на котором присутствовал весь двор, думные чины, московское дворянство и офицеры солдатских и стрелецких полков и московские гости. Молебен происходил во втором часу дня, по нашему счету в пятом, и, очевидно, необходим был некоторый промежуток времени, чтобы разослать повестку всем приглашенным на молебен и чтобы они собрались на него в парадном платье. Такой промежуток времени с первого часа по полуночи, когда согласно с первой запиской родился Петр, до пятого часа по полуночи, когда служился молебен, достаточен, тогда как промежуток времени с 3 ч. 18 м. утра до пятого часа утра, если следовать второй записке, был бы слишком мал для таких сборов. Итак, считаем, что Петр Великий родился в ночь на 30 мая 1672 г. в исходе первого часа по полуночи. В пятом часу утра состоялся торжественный выход в Успенский собор к молебну, на котором присутствовали: царевичи (сибирские и касимовские), бояре, окольничие, думные и ближние люди, стольники, стряпчие и дворяне московские в цветных охабнях, полковники солдатских полков, полковники, головы и полуголовы стрелецких полков, именитый человек Строганов и «гости» — виднейшие представители купечества. Молебен служил Питирим — митрополит новгородский, с двумя митрополитами, тремя архиепископами и одним епископом. После молебна находившиеся в соборе духовенство, думные и служилые чины приносили государю поздравление. Отслушав молебен в Успенском соборе, Алексей Михайлович посетил Архангельский собор, монастыри Чудов и Вознесенский и через Благовещенский собор вернулся во дворец. Во время этого шествия в Столовой палате было объявлено пожалование отца царицы Кирилла Полуектовича Нарышкина и ее воспитателя Артамона Сергеевича Матвеева в окольничие, а когда государь проходил из Столовой палаты за переграду, за переградой было «сказано думное дворянство» дяде царицы Федору Полуектовичу Нарышкину. В то же утро после обедни собрались в Передней комнате и в сенях перед Передней думные люди и служилые чины. В Передней государь жаловал собравшихся водкой и фряжскими винами; заедали яблоками, дулями и грушами в патоке. В сени перед Передней выходил угощать водкой голов и полуголов стрелецких и подполковников солдатских полков оружейничий Богдан Матвеевич Хитрово.

Устроить обычный «родильный» стол на другой день после рождения Петра, в пятницу 31 мая, было невозможно: для него требовались обширные приготовления, а между тем в субботу 1 июня нельзя было давать парадного пира накануне праздника,

Рис. 2. Кремлевская площадь в XVII в.

Слева на первом плане — Архангельский собор, за ним Благовещенский, далее Столовая и Золотая палаты. Посередине — Гранитовая палата с Красным крыльцом и Золотой решеткой. На заднем плане — Колымажные ворота и терема. Справа — Успенский собор. — Миниатюра из рукописной книги «Избрание на царство Михаила Федоровича», составленной в 1672 г. в Посольском приказе. Подлинник находится в Оружейной палате в Москве.

в воскресенье же, 2-го, наступало уже заговенье перед петровским постом. Поэтому в этот день при дворе ограничились малым обедом в царицыной Золотой палате, «без зову» и «без мест». У стола были бояре, окольничие, думные дворяне, ближние люди и дьяки. Перед Золотой палатой в проходных сенях «кормлены Благовещенского собора священники, которые служат у крестов», т. е. духовенство дворцовых домовых церквей. «Власти» и высшее духовенство не были приглашены по случаю наступавшего поста. Государь жаловал всех водкой, закусывали коврижками, яблоками, дулями, смоквой, цукатами в патоке и иными «овощами». Одним из блюд за обедом был требуемый обычаем при праздновании родин «взвар», который подавался в ковшах.

С новорожденного царевича была снята мерка, и на третий день по его рождении, 1 июня, иконописцу Симону Ушакову была заказана икона на кипарисной доске длиной в 11 и шириною в 3 вершка (в «меру» Петра); он начал писать образ троицы и апостола Петра, но вследствие болезни работа его прервалась и была закончена другим иконописцем — Федором Козловым [1].

[1] *Забелин*, Опыты изучения русских древностей и истории, т. I, стр. 6; *Есипов*, Сборник выписок, т. I, стр. 1.

В субботу 29 июня, в день тезоименитства новорожденного царевича, в третьем часу дня, т. е. по нашему счету в шестом часу утра, до обедни, в церкви св. Алексея митрополита в Чудовом монастыре совершено было над младенцем таинство крещения. Крестил царский духовник протопоп Благовещенского собора Андрей Савинов; восприемниками от купели были царевич Федор Алексеевич и сестра государя царевна Ирина Михайловна. К крещению выносила царевича назначенная к нему в «мамы» боярыня княгиня Ульяна Ивановна Голицына. На другой день, в воскресенье 30 июня, после обедни у царя были митрополит новгородский Питирим и высшее духовенство и игумены

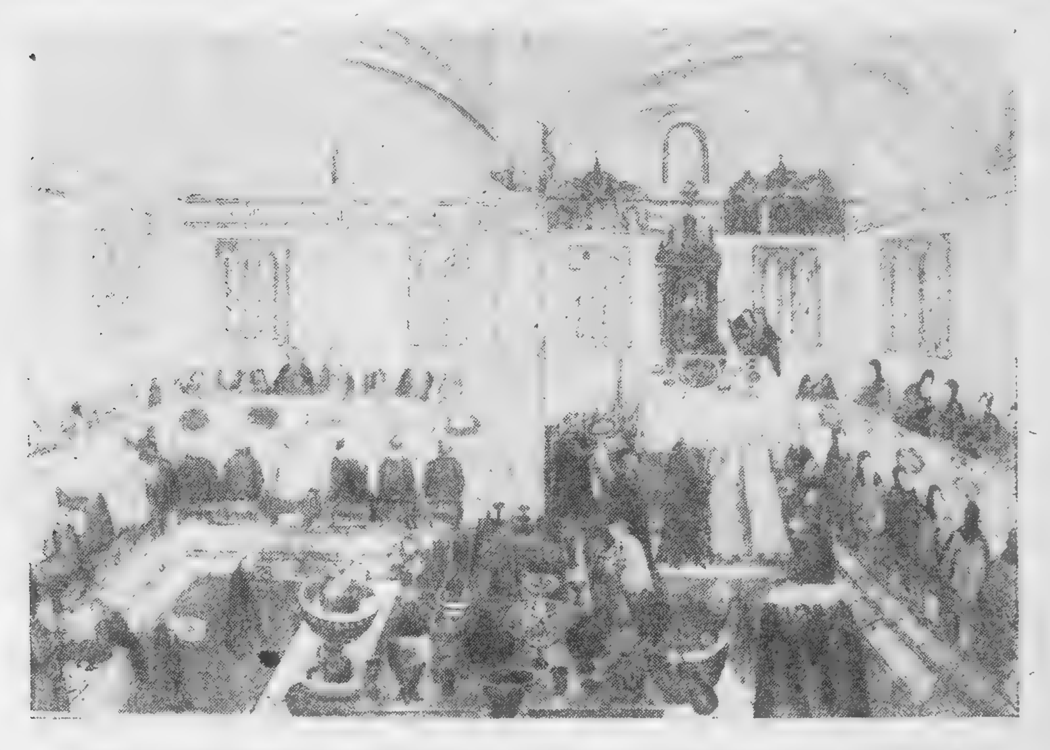

Рис. 3. Парадный обед («стол») в Кремлевском дворце в XVII в.
Миниатюра из рукописной книги «Избрание на царство Михаила Федоровича». Подлинник находится в Оружейной палате в Москве.

с образами и подношениями по случаю рождения и крещения царевича. С подношениями явились также царевичи: грузинский, касимовские и сибирские, Боярская дума, ближние люди, именитый человек Г. Д. Строганов, гости, члены гостиной и суконной сотен, представители черных сотен и конюшенных слобод и посадские люди из городов. В тот же день в Грановитой палате состоялся у государя «родильный» стол. Приглашены были высшее духовенство, царевичи грузинский, касимовский и два сибирских, члены Боярской думы и думные дьяки, ближние люди, полковники, головы и полуголовы стрелецкие и представители торгово-промышленного мира: гости и члены гостиной и суконной сотен. Чины московского дворянства: стольники, стряпчие и жильцы служили, как всегда при парадных обедах, за столом

потчевали, кормили, чашничали, есть ставили и «в столы смотрели». «Родильный» стол, по обычаю, отличался обилием сахарных блюд. На стол были поданы: коврижка сахарная большая, изображавшая герб государства Московского, другая коврижка сахарная же коричная; голова большая (сахару), «росписана с цветом» весом в два пуда двадцать фунтов, орел сахарный большой литой белый, другой орел сахарный же большой красный с державами, весом по полтора пуда каждый; лебедь сахарный литой весом два пуда, утя сахарное литое же весом двадцать фунтов, попугай сахарный литой весом десять фунтов, голубь сахарный литой весом восемь фунтов, город сахарный Кремль с людьми с конными и с пешими, башня большая с орлом, башня средняя с орлом, «город четвероугольной с пушками» и т. д. и т. д. Все присутствовавшие за обедом были пожалованы еще сахарными блюдами, отнесенными к ним на дом. 4 июля состоялся в Грановитой же палате «стол крестильной». В те же дни, 30 июня и 4 июля, были столы на половине царицы Натальи Кирилловны в ее Золотой столовой палате для боярынь [1].

Новорожденного царевича окружала та же царственная роскошь, в какой проходили младенческие годы всех царевичей XVII в. К младенцу приставлен был целый штат. При нем мы видим кормилицу Ненилу Ерофееву, впоследствии (1684 г.) вышедшую вторым браком замуж за князя Львова. Петра долго — еще и двух с половиною лет — не отнимали от груди, и Ненилу Ерофееву должна была сменить новая кормилица, имя которой нам неизвестно. По смерти первой «мамы», княгини Голицыной, ее место заняла боярыня Матрена Романовна Леонтьева, а при ней в помощницах была Матрена Васильевна Блохина. При детской царевича состояли еще шесть женщин: казначея, заведывавшая бельем и платьем, и пять постельниц. Царевич со своим штатом помещался в особых пристроенных к дворцу деревянных хоромах. Одна комната в этих хоромах была у него обита серебряными кожами. В 1674 г. ему построены были «верхние новые хоромы»; в них в июле этого года полы, лавки и подоконники обиты были «сукном червчатым амбурским». Позже (в 1676 г.) в новых хоромах живописцу Ивану Салтанову поручено было расписать слюдяные окна: написать «в кругу орла, по углам травы по слюде; а написать так, чтоб из хором всквозе видно было, а с надворья в хоромы, чтоб невидно было» [2]. В 1673 г. младенцу устроена была новая колыбель: «бархат турской золотной, по червчетой земле репьи велики золоты, да репейки серебрены не велики, в обводе морх зелен, подкладка тафта рудожелта, на обшивку ременья бархат червчет веницейский, к яблокам на обшивку объярь по серебреной земле травы золоты с шолки розными». В колыбель был сделан пуховик «наволока камка жолта травная, нижняя наволока полотняная твер-

[1] Дворцовые разряды, т. III, стр. 889—894 и дополнения, стр. 463 и сл.

[2] *Есипов*, Сборник выписок, т. I, стр. 205, 206; *Забелин*, Опыты изучения русских древностей и истории, т. I, стр. 10—11.

ских полотен, пуху лебяжьего чистого белого пошло полпуда» [1]. В 1673 г. в детскую царевича были заказаны опахала из страусовых перьев разных цветов [2]. В так называемых «кроильных» книгах царской и царицыной Мастерских палат сохранились записи с описанием одежды и обуви, которые изготовлялись в этих палатах для царевича. 4 сентября 1672 г. царевичу скроены чулки на беличьем меху: «в тафте желтой, испод подложен белей черевей». В декабре того же года ему изготовлялись кафтанчики: «кафтан объярь по червчетой земле, по нем струя и травы золото с серебром, в длину с запасом аршин, в плечах ширина поларшина, рукавам длина пол-девята (8½) вершка... в подоле два аршина с четью, подпушка камка желта мелкотрава, шесть пуговок, обшиты золотом волоченым, на петли ткан снурок золотной новой», и другой кафтан «объярь по алой земле, по ней струя и травы золоты», а также кроилась и верхняя одежда: два зипуна из белого атласу, один из них на собольих пупках, зипун из алого атласу на лисьих черевах. В июне 1672 г. царевичу кроился опашень «объярь по червчатой земле, по ней травы золоты с серебром», башмаки «бархат червчат, подряд и около стелек камка желта куфтерь», на шапку обнизную (жемчугом) — чехол в тафте алой. В феврале 1675 г. — «подвязки, шитые серебром по белому атласу» и т. д. [3]. В составленной в 1676 г. описи царевичева гардероба, хранившегося в «раковинном сундуке», упоминаются: «ферезеи и чюги, и кафтаны ездовые, и однорядки суконные, и шубы и опошни объеринные золотные и серебреные, и гладкие, и зуфные, и ферези, и зипуны золотные ж и серебреные, и отласные, и камчатые, и тафтяные, и шапки бархатные двоеморхие, и гладкие, и суконные с запаны, и с петли жемчужными» [4].

По мере роста царевича детская его наполняется игрушками, описание которых нам также сохранили хозяйственные документы дворцовых приказов. В январе 1673 г. восьмимесячному царевичу были сделаны «два стульца деревянных потешных». В мае того же года внесена в хоромы к царевичу исполненная шестью костромскими иконописцами «потешная книга» (книга с картинками). Ко дню именин годовалого ребенка был сделан «конь деревянный потешный» на колесцах железных прорезных, обтянутый жеребячьей кожей, с седлом, положенным на войлок, обитый серебряными гвоздиками, с прорезными железными позолоченными стременами и с уздечкой, украшенной изумрудцами. К тому же дню были сделаны царевичу игрушечные два «барабанца», размерами один в четверть, другой в 3 вершка. В июле 1673 г. в детской появляется музыкальный инструмент — «цымбальцы маленькие» с золотным шнурком и кистями. А к 1 октября сторож Оружейной палаты изготовил для

---

1 *Есипов*, Сборник выписок, т. I, стр. 203.
2 Там же, стр. 5.
3 Там же, стр. 199 и сл., стр. 12.
4 Там же, стр. 209.

царевича деревянных лошадок и пушки из липового и кленового дерева против данных ему образцов. В начале следующего, 1674, года у царевича в хоромах упоминаются другие музыкальные инструменты: «клевикорт», на который пошло семь колодок струн медных, и цимбалы немецкого дела [1]. В апреле на пасхе царевичу в хоромах была устроена «качель» на веревках, обшитых червчатым бархатом [2]. В мае того же года в Оружейной палате золотили для царевича «на два ларчика бархатные по железу старые оправы, скобы и наугольники, и замки, и ключики, и подставочки» [3]. К первой половине 1674 г. в детской царевича появляется «кораблик серебряной сканной с каменьи» ценою в 20 рублей. Кораблик был куплен у иноземца Андрея Миколаева и внесен к царевичу окольничим А. С. Матвеевым; «а росписки в том кораблике нет, — читаем в документе, о нем упоминающем, — потому что изволил государь царевич принять сам». Нельзя ли к этой игрушке, изображающей корабль, относить первый зародыш любви к кораблю, которая проявится впоследствии с такой силой? [4] В июне 1674 г. двухгодовалому Петру покупаются луки и стрелы: «9 лучков жильничков да к ним 8 гнезд северег», а в следующем месяце живописцу Ивану Безминову велено было расписать золотом, серебром и красками «5 знамен маленьких по разным тафтам, с обе стороны солнце и месяцы, и звезды». В том же июле 1674 г. московский стрелец Петрушка Щербак чинил выданную ему из хором царицы Натальи Кирилловны «каретку», в которой царевич катался по комнатам. В августе покрывались серебром «два лука маленькие», были изготовлены шесть барабанцев, опять упоминаются двое цымбал и какие-то еще музыкальные «страменты», к которым делалось впоследствии при починке их 204 иглы стальных. В декабре в хоромы царевичу расписывался золотом и красками «набат потешной» с привязанной к нему серебряной тесьмой, иконописец Федор Нянин писал золотом и серебром «барабанец», а книжному переплетчику иноземцу Савве Афанасьеву велено было «оболочь цымбальцы книжкою, сафьяном самым добрым алым и навесть печати золотом, а застежки сделать из галуну». К рождеству царевичу делались опять «набаты». В январе 1675 г. иконописец Тимофей Рязанец писал царевичу «книгу потешную в четверть листа»; в феврале другой живописец расписывал красками для царевича «столик». В мае 1675 г. в хоромы Петра была сде-

---

[1] Там же, стр. 3, 4, 9, № 35, 36, 66, 68, 69.

[2] *Забелин*, Опыты, стр. 13.

[3] *Есипов*, Сборник выписок, т. I, стр. 10.

[4] Государственный архив феодально-крепостнической эпохи (ГАФКЭ) архивный фонд: б. Архив министерства иностранных дел, Приказные дела около $\frac{7185}{1677}$ гг., № 197, л. 2. 10 июля 1674 г. было сделано распоряжение об уплате за кораблик денег. (Ввиду того что весь архивный материал, использованный в данной работе, хранится в ГАФКЭ, в дальнейших ссылках указание на ГАФКЭ опускается и обозначается лишь архивный фонд, из которого взят тот или иной документ.)

лана «баба деревянная потешная» с украшениями: с серебряной цепочкой и с серьгами. Следующие затем записи 1675 г. показывают, что трехлетнему Петру в июне делаются к двум лукам тетивы, расписываются золотом и красками «потехи»: «топорок с обушком, топор простой, чеканец, пяток ножиков, топор посольской и молоток, пяток шариков, а колокольцы положены в те шарики (бубенчики)», изготовляются «запасные потехи статей (предметов) со сто»: булавы, буздуханы, ножики, шестоперы, чеканы, топоры посольские и простые, молотки, шарики. В ноябре и декабре золотятся «пушечка со станком и с колесцы потешная» и «четыре лучка недомерочка» и расписываются золотом, серебром и красками: 5 древок, 5 прапоров (знамен) тафтяных, 4 топора круглых, 3 топора с обушками, два топора простых, 2 буздухана, 2 булавы, 4 ножика, 2 пары пистолей и карабины [1].

Такова была обстановка детской царевича Петра в первые три с половиной года его жизни. Его хоромы со стенами, обтянутыми ярким сукном и обитыми серебряной кожей, озаряемые лучом солнца, проникавшим сквозь расписные слюдяные окна, полны были красок и звуков. С тех мгновений, как пробуждающееся сознание ребенка стало воспринимать окружающие явления, перед ним открывался целый мир ярких, блестящих и звучащих предметов. Детская была полна оживления. Жужжали стрелы, спущенные с посеребренных луков, двигался занимавший, должно быть, среди забав главное место деревянный конь в богатом уборе с позолоченными стременами и уздечкой, сиявшей изумрудцами, развевались пестро расписанные знамена, развертывались яркие картинки в потешных книгах, пускался в дело арсенал игрушечного оружия: топориков, шестоперов, обушков и пр., звенели струны цымбальцев и цымбал, должно быть бывших в большом употреблении, потому что часто отдавались в починку, стучали барабаны, раздавался звон маленьких потешных колоколов — набатов и бубенчиков. Вот тот волшебный мир игрушек, в котором безмятежно протекали первые годы беззаботного младенчества. Заметим, что к трехлетнему возрасту ясно начинают обнаруживаться наклонности и вкусы царевича: в бесконечном запасе игрушек делается отбор, преобладание начинают получать военные «потехи».

В детской маленький царевич, вероятно, не один; к царевичам для игр подбирали всегда сверстников, детей придворных, в особенности из царицыной родни. Что Петр с младенчества окружен был товарищами, свидетельствует уже и то количество, в котором заготовляются в его детской игрушки: знамена, барабанцы, игрушечное оружие. Такие мальчики при царевичах жаловались званием комнатных стольников. Одним из участников детских игр Петра с младенческих лет был сын воспитателя царицы А. С. Матвеева, будущий видный сотрудник царя — Ан-

[1] *Есипов*, Сборник выписок, т. I, стр. 10—16.

дрей Артамонович (род. в 1666 г.), пожалованный званием комнатного стольника на восьмом году от роду. Из этого же круга комнатных стольников при царевиче вышли также и другие сотрудники Петра: Автоном Михайлович Головин и знаменитый канцлер Гавриил Иванович Головкин. Необходимой принадлежностью детской царевича в XVII в. были комнатные «карлы». Таких карликов упоминается при двухлетнем царевиче трое, в 1679 г. — четверо, а в 1683 г. их уже перечислено 14 человек [1]. Следует признать чистым вымыслом рассказ Крекшина, будто еще при жизни царя Алексея из детей, окружавших царевича, составлен был потешный полк, носивший название Петрова полка. Недостоверен также и рассказ француза Невиля о том, что руководителем военных забав царевича был состоявший на московской службе иноземец Менезий, которого царь Алексей Михайлович, умирая, будто бы назначил воспитателем Петра. Все участие Менезия, бывавшего действительно при дворе, могло заключаться в том, что он видел игры Петра со сверстниками в солдатики и, может быть, дал при этом, как военный человек, какие-либо указания игравшим детям [2].

II. ВЫЕЗДЫ ИЗ МОСКВЫ В РАННЕМ ДЕТСТВЕ

Где, кроме кремлевских хором, бывал Петр в ранние младенческие годы? Нельзя сказать с точностью, вывозили ли его или нет в какую-либо из подмосковных резиденций осенью 1672 и весной и летом 1673 г., так как за этот период времени утрачены и Дворцовые разряды и записи царских выходов [3]. Первым записанным в уцелевших документах выездом его из Москвы было путешествие к Троице, куда царь Алексей Михайлович отправился «с государынею царицею и с царевичи и с царевны» 5 октября 1673 г. Обыкновенно царь осенью ездил к Троице в сентябре к 25-му на праздник Сергия. В 1673 г. задержало эту поездку разрешение царицы Натальи Кирилловны от бремени дочерью, царевной Натальей Алексеевной (род. 22 августа 1673 г.). Состоявший из множества карет царский поезд двигался медленно, подолгу останавливаясь на промежуточных станах, и прибыл в монастырь только 15 октября к вечеру. Проведя в монастыре 16-е, царь Алексей Михайлович отбыл оттуда 17 октября и возвращался с тою же медленностью, проводя по нескольку дней на станах в селах Воздвиженском, Братовщине и Тайнинском [4]. 26 октября царь с семьею достиг, наконец, Преображен-

---

[1] Там же, отд. I, № 42, 43, 63, 64, 65, 74, 107, 119, 157.

[2] *Шмурло*, Критические заметки по истории Петра Великого (Журнал министерства народного просвещения, 1901, декабрь, стр. 237—249; 1902 г., апрель, стр. 421, 439); *Чарыков*, Посольство в Рим и служба в Москве Павла Менезия, гл. V.

[3] То, что помещено Строевым в «Выходах царей и великих князей» под 1672 и 1673 гг., относится к 1673 и 1674 гг.

[4] Дворцовые разряды, т. III, стр. 906—908; «Выходы», стр. 562 и сл.

ского, где и оставался до 14 ноября. 14 ноября 1673 г. он уехал в Коломенское, а «великая государыня царица и великие государи царевичи и государыни царевны из Преображенского изволили притти к Москве» [1]. До 14 мая 1674 г. Петр оставался в Москве. 14 мая «в четверток после столового кушанья великий государь со всем своим государским домом изволил итти в монастырь преподобного отца Саввы Сторожевского» [2]. Путешествие совершалось опять так же неторопливо, как и предыдущая поездка к Троице. До 22 мая царь прожил на первом стану по дороге в Савин монастырь — в селе Хорошеве, откуда 21 мая приезжал даже в Москву и побывал в монастырях Алексеевском, Зачатиевском и Новодевичьем; 22 мая двинулись из Хорошева на следующий стан, в село Павлово, и там оставались до 25 мая. Утром этого дня прибыли в монастырь. Царь был у обедни, а после столового кушанья в тринадцатом часу дня, в четвертом часу дня по нашему счету, посетил монастырскую больницу. Проведя у Саввы Звенигородского и праздник Вознесения 28 мая, царь двинулся в обратный путь 29 мая и 30-го прибыл в село Воробьево, где

Рис. 4. Дворец в подмосковном селе Коломенском

Гравюра Гильфердинга, сделанная перед тем, как дворец был разобран в 1767 г.

---

[1] «Выходы», стр. 562, 563; Дворцовые разряды, т. III, 909.

[2] Там же, стр. 574; 14 мая в четверг приходилось в 1674 г., а не в 1673, как напечатано в «Выходах».

царское семейство и проводило время до 7 июля. Здесь 29 июня были отпразднованы именины двухлетнего царевича. Накануне государь слушал малую вечерню и всенощную в селе Воробьеве. В самый петров день к литургии выезжал в Новодевичий монастырь и, вернувшись в Воробьево, принимал поздравления и давал обед на чистом воздухе: «именинными пирогами жаловал бояр, и окольничих, и думных людей на Переднем крыльце. Стол был в бархатной палатке и в шатрах»[1]. 7 июля Алексей Михайлович с семьей из Воробьева переселился в Москву. Царице Наталье Кирилловне опять приходило время родить, и вероятно, поэтому она с 7 июля оставалась уже в Москве. 4 сентября 1674 г. царица разрешилась от бремени дочерью — царевной Феодорой, и поэтому не могла сопровождать царя в обычной его поездке к Троице, предпринятой 23 сентября. 24 октября царь Алексей со старшим сыном царевичем Федором посетили кремлевские храмы и монастыри: Успенский и Архангельский соборы, Вознесенский и Чудов монастыри, находившиеся тогда в Кремле подворья Троицкого Сергиева и Кирилло-Белозерского монастырей и церковь Николая Гостунского. Следом за ними по тем же монастырям и церквам «ходила государыня царица, а с нею государи царевичи меньшие (т. е. Иван и Петр) да государыни царевны». Царицу в ее богомолье сопровождала большая свита, в которой были бояре, ближние люди, стольники, мамы, верховые боярыни, казначеи. На время этого обхода храмов Кремль запирался. Богомолье было предпринято перед отъездом из Москвы. На другой день, 25 октября 1674 г., двор выехал в Преображенское. Царь ехал в карете с царевичем Федором Алексеевичем. За ним двигался в карете царевич Иван Алексеевич с дядькою князем П. И. Прозоровским. Затем в колымаге, запряженной двенадцатью лошадьми, ехала царица. «Да с нею же, государынею, сидели в колымаге: государь царевич и великий князь Петр Алексеевич, да меньшие государыни царевны (Наталья и Феодора), да мамы, да боярина Кирилова жена Полуехтовича Нарышкина Анна Леонтьевна, да стольника и ближнего человека Иванова жена Кирилловича Нарышкина — Прасковья Алексеевна». За каретой царицы ехали ее отец и воспитатель, бояре К. П. Нарышкин и А. С. Матвеев, и шли царицыны стольники да 40 человек дворян. За ними двигались еще две колымаги: в одной сидели «государыни царевны большие» — сестры царя Алексея Михайловича, в другой «государыни царевны меньшие» — его дочери, те и другие с их верховыми боярынями. За колымагами царицы и царевен ехали в колымагах «верховые боярыни, и казначеи, и карлицы, и постельницы, а всех шло за государынею царицею и за государыни царевны 30 колымаг», причем подле каждой ехало по двое царицыных детей боярских. Весь этот громадный царский поезд конвоировался еще конными и пешими стрельцами[2].

[1] Там же, стр. 574—576.
[2] Дворцовые разряды, III, 960, 981, 1038, 1087—1092.

Пребывание в Преображенском в эту осень 1674 г. было особенно веселым, по крайней мере, отличалось «потехами». Два раза давалась в Преображенском придворном театре комедия. В первый раз «тешили его, великого государя, иноземцы: «как Алаферна царица (так!) царю голову отсекла» и на арганех играли немцы да люди дворовые боярина Артемона Сергеевича Матвеева». На этом спектакле был государь со свитой, причем за теми боярами и ближними людьми, которые не были за государем в походе в селе Преображенском, посланы были в Москву сокольники и стремянные конюхи с указом быть к государю в Преображенское. На другом спектакле царь присутствовал с семьею. «Того ж году, — читаем мы в Дворцовых разрядах, — была у великого государя в селе Преображенском другая комедия, и с ним, великим государем, была государыня царица, государи царевичи (едва ли и Петр, которому было всего два с половиной года) и государыни царевны. И тешили великого государя немцы ж да люди боярина Артемона Сергеевича Матвеева: «как Артаксеркс велел повесить Амана по царицыну челобитью и по Мардахеину наученью»; и в арганы играли, и на фиолях, и в страменты и танцовали. А за ним, великим государем, в комедии были бояре и околничие, и думные дворяне, и думные дьяки, и ближние люди, и столники, и всяких чинов люди». Третье такого рода увеселение было на «филиппово заговенье» — 14 ноября. «Была у великого государя потеха на заговенье, а тешили его, великого государя, иноземцы немцы да люди боярина Артемона Сергеевича Матвеева на арганах, и на фиолях, и на страментах и танцовали и всякими потехами розными» [1].

С наступлением рождественского поста театральные зрелища с участием иноземной труппы, с музыкой и танцами должны были прекратиться; развлечения царской семьи получили иной характер. «Декабря в 7 день ходил великий государь из села Преображенского с государынею царицею и с государи царевичи и государыни царевны в село Измайлово тешиться (охотиться) и всякого строенья смотреть; и кушенье раннее было у великого государя в селе Измайлове» [2]. На другой день, 8 декабря, царь также со всей семьею: с царицей, царевичами и царевнами — выезжал «тешиться» в соседнее с Преображенским село Алексеевское, где и было «раннее кушанье». 13 декабря Алексей Михайлович вновь отправился на охоту в село Соколово, но на этот раз уже один; царская семья в этот день возвратилась в Москву. Таким же внушительным поездом царевич Федор Алексеевич ехал «в избушке» (поставленной на сани), запряженной шестью лошадьми; с ним сидели его дядьки боярин князь Ф. Ф. Куракин и окольничий И. Б. Хитрово. За ним двигалась «в каптане», запряженной двенадцатью лошадьми, царица. Далее царевны

---

[1] Дворцовые разряды, III, 1131—1132.
[2] Там же, 1128.

Рис. 5. Село Измайлово

Гравюра И. Зубова второй четверти XVIII в.

большие и меньшие и, наконец, боярыни верхо́вые, казначеи, карлицы и постельницы «каптан с пятьдесят» [1].

Зима и весна 1674/75 г. были проведены царской семьею в кремлевских хоромах. 14 февраля 1675 г., в «прощеное воскресенье», перед началом великого поста царица с обоими царевичами, Иваном и Петром, и с царевнами ходила на богомолье по кремлевским соборам и монастырям в первом часу дня, по нашему счету в восьмом часу утра [2]. Такое же богомолье по кремлевским церквям царица предприняла в «фомино воскресенье» 11 апреля одна; а затем в тот же день объехала вместе с царевичами и царевнами некоторые «загородные» монастыри: Новодевичий, Зачатиевский и Страстной. Царица сидела в колымаге вместе с царевичами Иваном и Петром и с меньшими царевнами (дочерьми); и со своим обычным ближайшим штатом: боярынями А. Л. Нарышкиной, П. А. Нарышкиной, М. В. Блохиной, с мамами и кормилицами. За колымагою ехали бояре К. П. Нарышкин, А. С. Матвеев, думный дворянин А. Н. Лопухин да царицыны стольники и назначенные сопровождать царицу дворяне московские. Перед царицею ехал в своей карете царевич Федор Алексеевич со своими дядьками князем Ф. Ф. Куракиным и И. Б. Хитрово. Посещая монастырь, царица жаловала игумений с сестрами к руке, причем ее поддерживали под руки справа боярыня А. Л. Нарышкина, а слева боярыня П. А. Нарышкина, и по указу государыни первая из боярынь спрашивала у игумений с сестрами о спасении, а приезжих, находившихся в монастыре разных чинов боярынь, о здоровье [3].

С апреля же 1675 г. начались приготовления к переезду царской семьи в село Воробьево: были посланы туда плотники из стрельцов разных приказов 300 человек, велено было им построить к приходу великого государя хоромы [4]. 23 мая в «троицын день» указано было думному дьяку Разряда Герасиму Дохтурову послать стрельцов по дворам к стряпчим и дворянам московским с повестками, чтобы они были на следующий день к походу; а из приказа Большого дворца были отправлены на Воробьевы горы «все государевы обиходы». В тот же день, 23 мая, «послана наперед в поход на Воробьеву гору с верху нарочно боярыня Матрена Васильевна Блохина (мама царевича Петра), да с нею 10 постельниц да 10 человек детей боярских государыни царицы; а велено ей досмотреть во всех хоромах государыни царицы, и государынь царевен, и государей царевичев, что все ли в хоромах сделано стройно и самой ей, Матрене, велено дожидаться приходу великого государя» [5]. Сам государь вместе

[1] Дворцовые разряды, III, 1130, 1134—1137.

[2] Там же, 1235—1236.

[3] Там же, 1320 и 1354—1355. Пропуск в III т. Дворцовых разрядов в несколько листов на стр. 1320 должен быть, повидимому, заполнен записями, напечатанными на стр. 1350: «великому государю» и т. д. — 1355.

[4] Там же, 1331—1332.

[5] Там же, 1403—1404.

с царицей перед отъездом из Москвы посетили кремлевские соборы и монастыри, причем во время этого богомолья перед царской четой по случаю троицына дня стольники несли на ковре «лист и веник». Отъезд состоялся в духов день, 24 мая. Царь ехал в одной карете с царевичем Федором; царевич Иван Алексеевич отдельно, царица в одной колымаге с царевичем Петром, с меньшими царевнами и с теми боярынями, которые ее обыкновенно сопровождали [1].

Житье в Воробьеве длилось на этот раз с 24 мая по 19 июня. Здесь, вероятно, Матвеев 28 мая «ударил челом» царю Алексею Михайловичу и его детям подарками: царю подарил «карету черную немецкую» и 6 лошадей; царевичу Федору «карету бархатную червчату», 6 лошадей, немецкую библию с иллюстрациями («в лицах») да музыкальные инструменты: «клевикорты да две охтавки»; царевичу Петру: «карету маленкую, а в ней 4 возника темнокарие, а на возниках шлеи бархатные, пряшки вызолочены, начелники, и гривы, и нахвостники шитые, а круг кареты рези вызолочены, а на ней 4 яблока вызолочены да вместо железа круг колес медь вызолочено, да круг кареты стекла хрусталные, а на стеклах писано цари и короли всех земель, в той карете убито бархатом жарким... а круг кареты бахромы золотные». Кроме этой маленькой каретки, боярин подарил еще Петру рыжего иноходца «попона аксамитная, муштук неметцкой с яшмы, начелки, и нагривки, и нахвостник шиты», да немецкого снегиря (попугая?) [2]. В Воробьево царевичу Петру отправлялись из Москвы игрушки. 4 июня были ему сделаны тетивы к двум лукам. 11 июня были даны деньги сторожу Никитке на проезд в Воробьево: «отвозил он, сторож, коня деревянного государю царевичу и великому князю Петру Алексеевичу» [3]. 8 июня, в «день ангела» царевича Федора, царь Алексей Михайлович ездил с царевичем-именинником к обедне в Новодевичий монастырь, а царица с двумя меньшими царевичами, Иваном и Петром, в сопровождении свиты боярынь и постельниц в 20 колымагах выезжала к приходской церкви к Троице (в Воробьеве?). 19 июня двор переехал из Воробьева в Преображенское, где пробыл до 28 июня. На этот раз Алексей Михайлович ехал в одной карете с царицей и с царевичами Федором и Петром. Царевич Иван Алексеевич ехал отдельно. На другой день по приезде в Преображенское царь, побывав у обедни в селе Покровском, «после кушанья» ездил с семьею «тешиться» в Измайлово, причем сидел в карете с царевичами Федором и Петром, за ними двигались царица с меньшими царевнами, затем в следующей карете сестры и дочери царя: царевна Ирина Михайловна с сестрами да царевна Евдокия Алексеевна с сестрами. Царевич Иван и две меньшие дочери Алексея Михайловича в поездке не участвовали. Из описания этих поездок видно, что

[1] Там же, 1404—1409.
[2] Там же, 1419—1420.
[3] *Есипов*, Сборник выписок, т. I, стр. 14—15.

трехлетний Петр выезжает вместе с отцом, выходя уже, таким образом, хотя бы на это время, из рук женского персонала — мам. 23 июня царица выезжала с царевичами Федором и Петром к обедне в село Покровское. 26 июня царь вновь ездил из Преображенского в Измайлово «тешиться»; на этот раз с царицею, с царевичем Федором и с большими царевнами. Петр не упомянут в описании этой поездки, но не упомянут и при перечислении членов царского семейства, остававшихся в Преображенском. Особенностью этой увеселительной прогулки царя был обед на открытом воздухе: «и кушанье было у великого государя в селе Измайлове, в роще» [1]. К именинам Петра царское семейство 28 июня опять вернулось в Воробьево, причем в этом переезде царевич Петр ехал впереди отца в отдельной карете с бабушкой боярыней А. Л. Нарышкиной, двумя тетками: А. К. Нарышкиной и П. А. Нарышкиной, и боярыней М. Р. Селивановой. За каретой его ехали бояре К. П. Нарышкин, А. С. Матвеев да стольники И. Ф. Нарышкин и И. И. Головин. Алексей Михайлович сидел с царицей и с детьми: царевичем Федором и царевною Феодорой. В «день ангела» царевича Петра, 29 июня, царь со старшим сыном был у обедни в Донском монастыре, где служил патриарх и «власти». Вернувшись от обедни, государь жаловал бояр и ближних людей пирогами, и затем был обед в шатрах. На обеде также присутствовал патриарх с высшим духовенством. Особенность празднования именин царевича в 1675 г. состояла, между прочим, и в том, что во время обеда царь «посылал от себя [со] столом (т. е. с блюдами) к государю царевичу и великому князю Петру Алексеевичу боярина и оружничего Б. М. Хитрово, — заведывавшего Приказом Большого дворца, — а за ним несли купки и еству стольники великого государя по списку». Царевич-именинник благодарил боярина и угощал его: «и государь царевич жаловал за то боярина и оружничего Богдана Матвеевича воткою и подачами с купки и с чарки». Царица жаловала в этот день пирогами свой штат: мам, верховых боярынь, казначей, кормилиц и постельниц [2].

1 июля 1675 г. государь выезжал из Воробьева к Девичьему монастырю и тешился под Девичьим монастырем «в лугах и на водах с соколами и с кречетами и с ястребы». Царя сопровождали на охоту Наталья Кирилловна и царевичи Федор и Петр. В это последнее лето своей жизни Алексей Михайлович побывал во всех своих любимых подмосковных резиденциях. Из Воробьева 14 июля двор переехал в Коломенское; там проведено было время до 26 июля, когда царское семейство вернулось опять в Воробьево, где оставалось на этот раз немногим более месяца, до 29 августа. Здесь 26 августа праздновались именины царицы Натальи, а 29 августа именины царевича Ивана Алексеевича. К обедне царь выходил в полотняную церковь, устроенную на

---

[1] Дворцовые разряды, III, 1446—1448, 1471—1472, 1483—1484.
[2] Там же, 1487—1489, 1494—1495, 1499—1500.

Воробьеве близ государева двора и освященную 21 июня 1675 г. В этот же день, 29-го, Алексей Михайлович с семьею переехал в Коломенское. Здесь 2 сентября представлялось ему и занимавшему место на особом троне по левую руку царя царевичу Федору Алексеевичу цесарское посольство, незадолго перед тем приехавшее в Москву. Во время этой аудиенции и произошел случай, описанный секретарем посольства Лизеком: царица тайно смотрела на прием из соседней комнаты, а бывший с нею Петр вдруг распахнул дверь и дал случай иноземцам увидеть московскую государыню. На 11 сентября — «день ангела» младшей царевны Феодоры — царь с семьею вновь перебрался в Во-

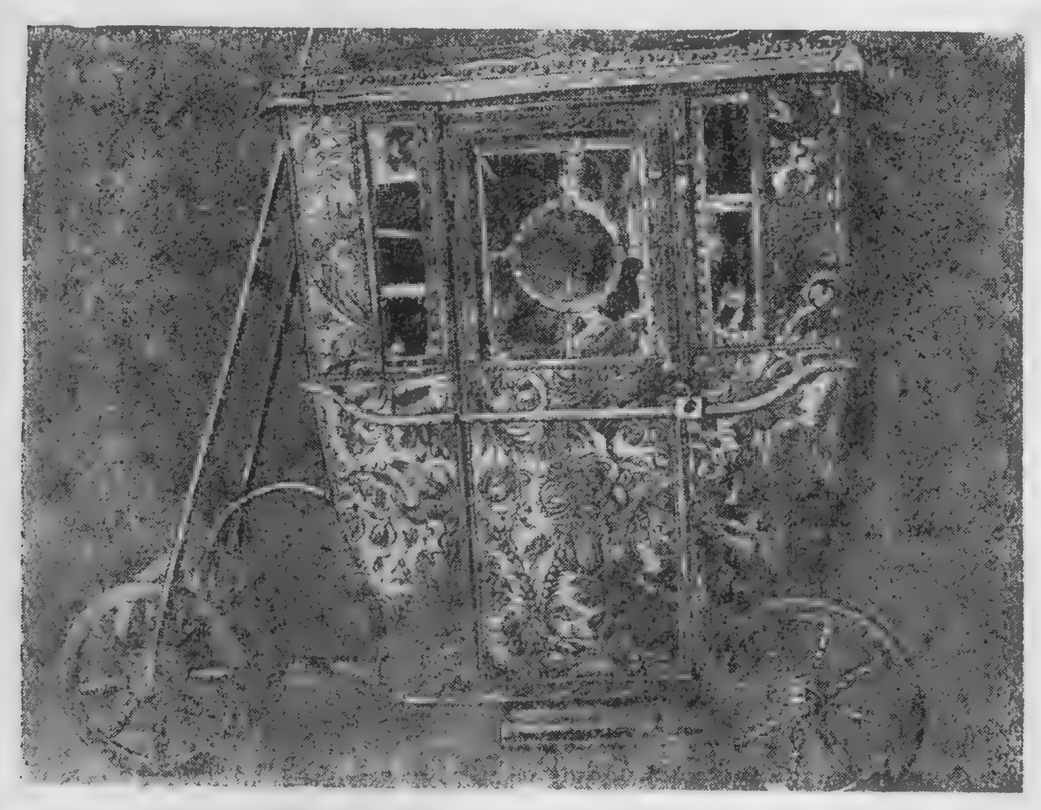

Рис. 6. Детская каретка Петра

Находится в Оружейной палате в Москве.

робьево, слушал там литургию в полотняной церкви, а 12 сентября «со всем своим государским домом» переехал в Москву. Через неделю, 19 сентября, царское семейство выехало к Троице. Выезд этот через Спасские ворота, Красную площадь, по Никольской смотрели поставленные по разным местам иностранные посланники, а высказанные ими от этого зрелища впечатления были записаны сопровождавшими их московскими приставами. Датский резидент Монс Гей, стоявший у седельного ряда и удивлявшийся великолепию царского поезда, обратил особенное внимание на маленькую каретку царевича Петра, подаренную ему Матвеевым, и на окружавших ее карликов. Польский резидент, смотря на эту же каретку, «что была зело преукрашена и с див-

ными маленькими возники и, тому похваляя, выдивитися не мог»[1]. Секретарь цесарского посольства Лизек, наблюдавший поезд у Казанского собора, пишет, что «вслед за поездом царя показался поезд царицы. Впереди ехал стольник с двумястами скороходов, за ними вели 12 рослых, белых, как снег, лошадей из-под царицыной кареты, обвязанных шелковыми сетками. Потом следовала маленькая, вся испещренная золотом карета младшего князя в четыре лошадки крошечной породы, по бокам шли четыре карлика и такой же сзади верхом на крохотном коньке»[2]. От Троицы вернулись в Москву 3 октября[3]. Поздняя осень и начало зимы с 9 ноября по 15 декабря были, по обыкновению, проведены Алексеем Михайловичем в Преображенском. И это было последнее житье его там.

III. ДЕТСКИЕ ИГРЫ. ОБУЧЕНИЕ ГРАМОТЕ

Безмятежно, как тихий летний день, прошли три года и семь месяцев детства Петра со светлыми и радостными впечатлениями уютного кремлевского терема, а затем пышных выездов царя Алексея, его красивых и занимательных для детского внимания соколиных потех и загородного приволья на чистом воздухе в Воробьеве, Коломенском и Преображенском. Вдруг стряслась беда. В январе 1676 г. царь Алексей Михайлович внезапно занемог. 6 января он принимал участие в торжественном выходе на Иордань, 12-го праздновал именины сестры Татьяны Михайловны. 19-го была при дворе комедия[4] с музыкой; но царь почувствовал себя нездоровым, слег в постель и, прохворав 10 дней, 29 января скончался. 30 января состоялся вынос его тела в Архангельский собор и погребение. За гробом несли нового государя — болезненного Федора Алексеевича в креслах, за ним, по древнему обычаю, — в санях царицу-вдову Наталью Кирилловну. Младенца-царевича на похоронах не было.

При дворе должны были произойти перемены. Старшими детьми царя Алексея, их родственниками по матери и приспешниками второй брак отца с Нарышкиной был встречен враждебно. Недружелюбное отношение к молодой мачехе, сдерживаемое при отце, теперь проявилось открыто. Царица-вдова с ее малолетними детьми должна была занять во дворце второстепенное место. Через полгода над ней разразился новый удар. 4 июля 1676 г. ее воспитатель боярин А. С. Матвеев, «приятель» царя

---

[1] Дворцовые разряды, III, 1501—1502, 1536, 1557, 1618, 1630, 1476, 1631. *Погодин*, Семнадцать первых лет, стр. 11; «Выходы», стр. 604—605; Памятники дипломатических сношений, V, 232, 235; ср. официальную реляцию цесарских послов, там же, 276: «а после того из них меншого государя царевича коретка малая вся позлащена с маленькими 4 лошадки, а посторонь ее 4 человека карликов».

[2] *Погодин*, Семнадцать первых лет, стр. 11.

[3] «Выходы», стр. 608, 609, 611.

[4] *Погодин*, Семнадцать первых лет, стр. 14; «Выходы», стр. 613.

Рис. 7. Царь Алексей Михайлович в последние годы жизни

Портрет маслом.

Рис. 8. Царь Федор Алексеевич

Портрет маслом. Подлинник находится в музее «село Коломенское».

Алексея и его первый министр, ближайший советник царицы после смерти мужа, опора ее и Нарышкиных, был отправлен в ссылку, сначала в почетную в Верхотурье на воеводство, а затем и в заточение в Пустозерск. Выслан был из столицы старший из братьев царицы Натальи Кирилловны — Иван Кириллович. Распространенные ранее у прежних историков, сделавшиеся ходячими представления о том, что царица Наталья Кирилловна по смерти мужа принуждена была удалиться из Москвы и поселиться в Преображенском, совершенно неверны. Проф. Шмурло доказал, что царица Наталья продолжала оставаться в Кремлевском дворце. Она ведет теперь гораздо более неподвижный образ жизни, чем это было ранее. Весь печальный для нее 1676 год был проведен безвыездно в Москве [1]. Ребенок-царевич, разумеется, не сознавал происшедшего; в его детской продолжаются те же, как раньше, беззаботные игры, и детская наполняется такими же игрушками. На «святой неделе» велено было живописцу Ивану Салтанову расписать для царевича красками «гнездо голубей, гнездо ракиток, гнездо кинареек, гнездо щеглят, гнездо чижей, гнездо боранов, а у борашков сделать, чтоб была будто шерсть по них сущая» [2]. 24 апреля того же года тот же живописец Иван Салтанов получил приказ расписать красками «сиволчки» (волчки) для царевича. 15 мая мастеру стрельного дела Оружейной палаты Василью Емельянову велено было сделать царевичу «саадак стрел, по счету 17 стрел». В июне царевичу изготовлялись два лука недомерочков жильников. В том же месяце в Оружейной палате иконописцами Никифором Бовыкиным и Федором Матвеевым писалась по приказу боярыни Матрены Романовны Леонтьевой потешная книга, для чего было закуплено две дести бумаги писчей толстой, гладкой и доброй и выдано 10 золотников шафрану и 100 листов золота листового сусального. В июле живописцу Дорофею Ермолаеву было выдано 1 рубль 19 алтын 4 деньги за золото и краски, которыми он расписывал потешные игры: пару пищалей, пару пистолей, три булавы, три перната, три обушка, три топорка, три ножичка в хоромы к государю царевичу Петру Алексеевичу. В августе покрывалось бархатом черным и вишневым седло для царевича, вероятно, для его деревянного коня. 31 августа живописец Дорофей Ермолаев получил деньги за золото и краски: «тем золотом и красками прописывал барабанец маленькой»; в сентябре в хоромы царевича поступила потешная сабля: ножны покрыты ғзом зеленым, оправа медная золоченая, пояс сабельный шелковый турецкого дела. В декабре царевичу делаются пять барабанцев, а также потешные деревянные пистоли, карабины, пищали винтованные с замками [3].

---

[1] *Шмурло*, Критические заметки (Ж. М. Н. П., 1900 г., август, стр. 229—230).

[2] *Забелин*, Опыты, т. I, стр. 14; *его же*, Домашний быт русских царей, ч. II, стр. 204 (изд. 1915 г.).

[3] *Есипов*, Сборник выписок, т. I, стр. 16—18; ср. *Забелин*, Домашний быт русских царей, ч. II, приложение IV, стр. 2.

В 1677 г. в конце августа царица выезжала с детьми на несколько дней (29, 30, 31 августа) в Коломенское[1], в конце сентября того же года была у Троицы. В этом «троицком объезде», как читаем в одной из записей царицыной Мастерской палаты, царевичу Петру была сделана ферезея, обшитая серебряным плетеным кружевом[2]. В 1678 г. опять в конце августа был выезд в Коломенское (22 августа)[3]. Так же, вероятно, прошли и следующие, 1679—1681, годы[4]. К концу 1679 г. относится перемена в штате царевича: из-под женского надзора он переходит в руки мужского педагогического персонала. К нему приставлен дядька боярин Родион Матвеевич Стрешнев с помощниками, которыми были назначены думный дворянин Тихон Никитич Стрешнев и стольник Тимофей Борисович Юшков. 30 ноября 1679 г. боярин Р. М. Стрешнев приказывал делать в хоромы к царевичу деревянные потешные сабли, палаши, кончеры и топорки. 2 декабря он принимает «разные потешки», купить которые было поручено истопнику Семену Золотому. 13 декабря он же принял в хоромы царевича лист александрийской бумаги, на котором Оружейной палаты живописный мастер Карп Иванов написал красками и золотом «двенадцать месяцев и беги небесные против того, как в Столовой в подволоках написано», т. е. как в Столовой было изображено на плафоне[5].

Неизвестно, когда царевич Петр начал обучаться грамоте. Крекшин в своем наполовину баснословном повествовании о делах Петра Великого приводит дату — 12 марта 1677 г., когда, следовательно, царевичу шел пятый год[6]. Забелин считал возможным приурочить это событие еще к более раннему времени и высказывал предположение, что Петра начали обучать еще при жизни отца. На эту мысль навело Забелина найденное им в расходных книгах Тайного приказа известие, что подьячий этого приказа Григорий Гаврилов в октябре и ноябре 1675 г. писал в хоромы к государю азбуку и часослов. 26 ноября ему выдано в награду 10 рублей, а 27 ноября в соборе Николы Гостунского было отслужено молебствие для многолетнего здравия царевича Петра Алексеевича, как думал Забелин, перед началом учения, которое вообще было в обычае начинать со дня «пророка Наума» — 1 декабря[7]. Наоборот, проф. Шмурло в «Критических заметках по истории Петра Великого» отодвигает

---

[1] *Шмурло*, Критические заметки (Ж. М. Н. П., 1900 г., август, стр. 232).

[2] *Есипов*, Сборник выписок, т. I, стр. 19.

[3] Там же, стр. 221.

[4] *Шмурло*, Критические заметки (Ж. М. Н. П., 1900 г., август, стр. 233—234): «Легенда о Преображенском, как месте, куда, будто бы, царица Наталья Кирилловна с сыном Петром была удалена при жизни своего пасынка, должна быть оставлена и лишена права претендовать на значение исторического факта».

[5] *Есипов*, Сборник выписок, т. I, стр. 20—21.

[6] *Крекшин*, Записки, изд. Сахаровым, стр. 20.

[7] *Забелин*, Домашний быт русских царей, ч. II, стр. 222; ранее в «Опытах», т. I, стр. 33—34.

начало учебных занятий царевича к концу 1679 г., когда Петру шел уже восьмой год от роду[1]. Итак, указываются три даты: 12 марта 1677 г., 27 ноября или 1 декабря 1675 г. и конец 1679 г. Крекшин, конечно, писатель недостоверный; его рассказ полон небылиц и выдумок. Но как можно выдумывать и сочинять такую точную дату, которую он приводит? Именно ее определенность и точность сообщают ей характер вероятности. Забелин свои соображения высказывал нерешительно, как предположение. Но все же приведенные им известия требуют разъяснения: надо доказать, что эти известия не имеют отношения к началу занятий Петра — тогда и предположения Забелина потеряют силу. Против его даты, против начала обучения Петра в декабре 1675 г. говорит слишком ранний возраст царевича; припомним, что Петра от груди отняли только в возрасте $2^1/_2$ лет, следовательно, если принять дату Забелина — незадолго, всего за год до начала обучения! За дату, приводимую Шмурло, — конец 1679 г., говорят два соображения. Во-первых, в это время меняются лица, которым поручен надзор за царевичем: из рук мамы он переходит в руки воспитателей Р. М. Стрешнева с помощниками. Естественно поэтому ставить в связь с этой переменой надзора также и начало учебных занятий. Во-вторых, как раз с начала 1680 г. в хозяйственных дворцовых записях встречаем ряд известий, касающихся учебных занятий и показывающих, что эти занятия начались. Так, 4 марта 1680 г. оклеен червчатым атласом «учительный налой» царевича; 16 марта того же года оклеен червчатым бархатом букварь царевича; 24 марта иконописец Тимофей Рязанец писал и расцвечивал шафраном «потешные листы» в хоромы царевичу[2]. Предположение Шмурло наиболее вероятно, но все же полной достоверностью не обладает. Остаются непоколебленными дата Крекшина и предположение Забелина. Вопрос о времени начала учебных занятий Петра надо считать пока нерешенным и открытым до тех пор, пока не будет найден какой-либо новый документ, который позволит решить его с точностью.

Неизвестно также, кто начал обучать Петра грамоте. Тот же Крекшин дает очень живо написанный рассказ о начале занятий Петра, где первым учителем является «из приказных» Никита Моисеевич Зотов. Крекшин повествует, как царь Федор Алексеевич обратил внимание царицы Натальи Кирилловны, что царевичу Петру приспело время учиться, как по докладу боярина Ф. П. Соковнина был призван к этому делу Зотов, как он был представлен царю, проэкзаменован в его присутствии Симеоном Полоцким и найден пригодным к новой обязанности, как затем патриарх отслужил молебен, благословил отрока, вручил его учителю и тот посадил его за учение, разнообразя его показыванием «кунштов», т. е. картин, и рассказами из русской

[1] *Шмурло*, Критические заметки (Ж. М. Н. П., 1902 г., апрель, стр. 421—439).

[2] Там же, стр. 429.

истории, к которой мальчик почувствовал интерес и охоту[1]. Но все ли в этом рассказе верно? Зотов ли начал обучать царевича грамоте?

Никита Моисеев сын Зотов в 1669 и 1670 гг. значится в списках подьячих Челобитного приказа, занимая среди подьячих этого приказа второе место с окладом поместным в 200 четей и денежным в 35 рублей[2]. В 1671—1673 годах он в том же приказе занимает среди подьячих первое место с теми же окладами[3]. В мае 1674 г. он был произведен в дьяки того же приказа[4]. Можно думать, что Зотов был на виду в правительственных сферах, как опытный приказный делец. В 1675 г. царем Алексеем Михайловичем была учреждена следственная комиссия для расследования злоупотреблений бывшего на Дону воеводой думного дворянина И. С. Большого Хитрово. В состав этой комиссии вошли: боярин И. Б. Милославский, думный дьяк Стрелецкого приказа Ларион Иванов и дьяк Челобитного приказа Н. М. Зотов[5]. В 1679 г. Н. М. Зотов значится уже дьяком Владимирского Судного приказа, находящегося под начальством князя В. В. Голицына[6]. Может быть, знакомство по комиссии 1675 г. с думным дьяком Ларионом Ивановым, который при Федоре Алексеевиче стоял во главе Посольского приказа, а также знакомство по Владимирскому Судному приказу с князем В. В. Голицыным, в конце 1670-х годов одним из виднейших московских сановников, содействовало дальнейшим служебным успехам Зотова. В августе 1680 г. он получает серьезное и ответственное назначение из Посольского приказа по дипломатической части: он назначен был ехать в Крым в товарищах с посланником стольником и полковником В. М. Тяпкиным, отправлявшимся туда для заключения перемирия[7].

Если бы Зотов в это время, в 1680 г., был уже учителем царевича Петра, то, спрашивается, зачем понадобилось бы отрывать

---

[1] *Крекшин*, Краткое описание и т. д. в «Записках русских людей», изд. Сахаровым.

[2] Архив министерства юстиции, Разрядные книги Московского стола, кн. № 63, л. 72 и № 64, л. 75. Правильно называл Зотова подьячим Челобитного приказа Голиков; но неизвестно, почему Устрялов считал его подьячим приказа Большого прихода. Это неправильное название повторил вслед за Устряловым и Ключевский в своем курсе, т. IV, стр. 3.

[3] Там же, № 66, л. 77, № 70, л. 75.

[4] Там же, № 72, л. 81 об.; ср. Дополнения к Актам историческим (Д. А. И.), т. VIII, стр. 339.

[5] Дворцовые разряды, III, 1185; ср. там же, 1098—1099, 1129—1130, 1355.

[6] Д. А. И., т. IX, стр. 105—106: «в судных: в Володимерском боярин князь В. В. Голицын, а с ним стольник Петр Петров сын Пушкин, дьяки (велено быть во дворце) Федор Злобин, Микита Зотов. Иван Ляпунов (на службе, а ныне велено быть Сидору Поплавскому)». Подлинник этого акта см. Арх. мин. юст. Записная книга Московского стола, № 19. В подлиннике отметка: «велено быть во дворце», относится только к имени Федора Злобина, она поставлена только над этим именем, равно как отметка: «на службе, а ныне велено быть Сидору Поплавскому». относится только к имени Ивана Ляпунова. У имени же Микиты Зотова никаких отметок в подлиннике нет.

[7] Там же, стр. 155—156.

его от занятий с царевичем и назначать в посольство в Крым? Дело об этом посольстве сохранилось, и дьяк Зотов ни в одном из документов этого дела не называется учителем царевича, а это, несомненно, имело бы место, если бы он действительно в то время был учителем. В Крыму Зотов пробыл зиму 1680/81 г., участвовал в заключении Бахчисарайского перемирия и вернулся в Москву в июне 1681 г. Так как в Крыму было тогда моровое поветрие, то Тяпкин и Зотов по приезде в Москву подвергнуты были карантину. 22 июня 1681 г. к ним на дворы был послан подьячий Посольского приказа Силин с предписанием стольнику Тяпкину со двора, где он стоит, никуда не съезжать, а дьяку Зотову — отдать статейный список посольства и все дела и казну Тяпкину, а самому ехать в деревню, в Москве не жить, ни с кем не видеться, в городе никуда не разъезжать, платья и никаких товаров никому не давать. Зотов был очень обижен распоряжением о выезде в деревню и приписывал это распоряжение злобе на него управлявшего Посольским приказом думного дьяка Лариона Иванова, с которым у Зотова уже тогда была ссора и на которого он подавал челобитье государю. Между Зотовым и подьячим Силиным произошел такой разговор: «А дьяк Микита Зотов подьячему говорил и спрашивал, прислан ли де к нему с ним, подьячим, о том государев указ из Посольского приказу на письме, что ему ехать в деревню. И дьяку Миките Зотову подьячей говорил, что де письменного государева указу к нему не прислано, а наказано говорить о том ему словесно. И дьяк Микита Зотов говорил: опасенье де он имеет в том, что к нему письменного его государева указу не прислано, что ему с Москвы в деревню ехать. Как де он с Москвы поедет в деревню, чтоб ему того в побег не поставили, потому что челобитие де у него было великому государю на думного дьяка на Лариона Ивановича. А он де его с Москвы посылает в деревню; хотя де он с Москвы в деревню и поедет, только де добрые люди у него на Москве останутся и проведают: по указу де великого государя его, Микиту, думный дьяк Ларион Иванович в деревню посылает, всем де людем свет, а ему тьма». Зотов указывал далее, что Ларион Иванов не боится заразы, пускал к себе на дом переводчиков и представлял их переводы государю, а его, Зотова, считает нужным держать взаперти и даже высылать в деревню. «И переводчиков Ларион Иванович в домы свои отпускает и к нему в дом ходят, и письма они к нему всякие приносят и переводы переводят и те их письма он, думный дьяк Ларион Иванович, доносит до великого государя, а он де, Микита, сидит взаперти, в пустом дворишке, а ныне де ево ж и в деревню посылает. А после того он, дьяк Микита Зотов, говорил: дела де у него, которые есть, отдаст он стольнику Василию Тяпкину, а сам ехать сбиратца будет и поедет с Москвы в коломенскую свою деревню»[1]. В переписной книге 1678 г. за

[1] Архив мин. ин. дел, Крымские дела 1681 г., № 7.

дьяком Никитой Моисеевым Зотовым значилось в Коломенском уезде в стану Большом Микулине поместье в сельце Донашеве, а в нем один двор крестьянский, двор задворных людей и двор бобыльский [1].

Если бы Зотов был до поездки в Крым учителем Петра, едва ли его стали бы так бесцеремонно выпроваживать из Москвы, так как он мог бы прибегнуть к заступничеству царицы или людей, близких ученику. Вероятно, и в своих жалобах перед подьячим Силиным он сослался бы на свое прежнее положение учителя. Итак, посылка Зотова в посольство в Крым в августе 1680 г. и обращение с ним по приезде в Москву летом 1681 г. показывают, что до поездки он не был учителем царевича. К тому же ни в одном официальном документе он до поездки и по возвращении из посольства не именуется «учителем» Петра. Только с 1683 г. в хозяйственных дворцовых записях мы встречаем его имя со званием учителя. С этой поры преподавание им Петру несомненно. С 1683 г. в тех же записях упоминается и другой, младший, судя по размерам выдаваемых ему сравнительно с Зотовым наград, — Афанасий Нестеров. Что Петр учился в 1680 г., это бесспорно. Но кто вел с ним тогда занятия — предстоит еще исследовать.

IV. СТРЕЛЕЦКОЕ ДВИЖЕНИЕ 1682 г.

27 апреля 1682 г. скончался царь Федор Алексеевич, не назначив себе наследника. Предстояло избрание нового царя, причем неминуемо должна была произойти борьба партий. При Федоре придворное общество раскалывалось на три партии. В первые годы его царствования политическое влияние принадлежало его родственникам по матери — Милославским. Во главе этой партии стоял старейший из Милославских — боярин Иван Михайлович; далее мы видим в ее составе бывшего казанского воеводу И. Б. Милославского, стольника Александра Милославского, двух братьев Толстых: Ивана и Петра Андреевичей. В тесном союзе с Милославскими действовал влиятельный боярин Б. М. Хитрово со своими родственниками. Душой партии была одна из дочерей царя Алексея, царевна Софья. В последние годы царствования Федора партия Милославских была, однако, несколько оттеснена выдвинувшимися царскими любимцами. Влияние получили возведенный в бояре Иван Максимович Языков, тонкий и ловкий придворный, «глубокий», по отзыву современника, «московских прежде площадных, потом и дворских обхождений проникатель», человек незнатного происхождения, появлявшийся сначала только «на площади», т. е. на площадке внутреннего крыльца, где толпилось по утрам придворное общество низшего ранга, а затем проникнувший и во внутренние апартаменты дворца. Вместе с ним выдвинулись постельничий

---

[1] Арх. мин. юст., Писцовые книги, № 9275, л. 104 об. — 105.

Алексей и чашник Семен Лихачевы. Значение Языкова и Лихачевых с их родичами особенно усилилось в последние месяцы жизни царя Федора, со времени его второго брака со свойственницей Языкова Марфой Матвеевной Апраксиной.

Наконец, третью партию, отстраненную, находившуюся в тени, составляли Нарышкины с царицей Натальей во главе. Сила этой партии заключалась в А. С. Матвееве, опытном государственном дельце, человеке также выдвинувшемся своими трудами и заслугами. Но Матвеев был сослан вскоре же по воцарении Федора, и без него положение партии было печально. Нарышкины — отец царицы Кирилл Полуектович и ее многочисленные братья — были политически ничтожными людьми, а сколько-нибудь видные и выдающиеся из Нарышкиных были тоже сосланы. Впрочем, в последние месяцы жизни Федора, именно со времени его второй женитьбы, появились признаки наступления для Нарышкиных лучших дней. Царица Марфа Матвеевна Апраксина была крестница Матвеева и хлопотала перед царем о возвращении крестного. Языковы и Лихачевы обнаруживают стремление сблизиться с Нарышкиными, и Матвеев был переведен из Пустозерска сначала на Мезень, а затем «до указа» в один из костромских пригородов — Лух. Таково было положение дворцовых партий, когда умер царь Федор.

Царь скончался в 4 часа пополудни, и три удара в большой соборный колокол возвестили московскому населению об этом событии. В присутствии патриарха и высшего духовенства начался печальный обряд прощания с почившим царем. В числе прощавшихся упоминаются члены Боярской думы, придворные чины, столичное и городовое дворянство иноземного и московского чина: генералы, полковники, стольники, стряпчие, дворяне и дети боярские, наконец, высший чин торговых людей — гости. Поклонившись праху почившего, прощавшиеся целовали руки у обоих царевичей — Ивана и Петра. Затем патриарх, высшее духовенство и члены Боярской думы собрались в Передней палате дворца и здесь происходило совещание, кому из обоих царевичей быть на царстве. Раздались голоса, что этот вопрос может быть решен только собранием всех чинов Московского государства, т. е. Земским собором. Эти чины и были тотчас «для того» призваны, по выражению официального объявления о кончине царя Федора и об избрании Петра на царство. Созвание собора не представляло затруднений, потому что чины, в него входившие, были здесь же, во дворце, и только что прощались с умершим царем. Служилые чины: стольники, стряпчие, дворяне московские, дьяки, жильцы, городовые дворяне и дети боярские, а также представители тяглого населения: гости, члены гостиной и суконной сотен и, вероятно, по обыкновению старосты черных сотен Москвы — находились на крыльце, что перед Переднею палатою, и на внутренней дворцовой площадке у церкви «Спаса на Бору». Известно, что служилые и тяглые московские столичные чины рассматривались как представители также и провинциаль-

ного населения. Служилые московские чины — стольники, стряпчие, дворяне московские, жильцы — представляли те уезды, где они владели поместьями и вотчинами, а высшие разряды московских посадских людей — гости, члены гостиной и суконной сотен, набиравшиеся в Москву из провинциальных посадов, но продолжавшие нередко владеть в этих посадах имуществом и вообще не терявшие с родными посадами связей и отношений, служили представителями посадского населения всего государства, так что в лице столичного населения у правительства был всегда под рукой готовый Земский собор. Такой собор в экстренных случаях оно и собирало. Но кроме московских тяглых чинов, на дворцовой площади 27 апреля 1682 г. могли присутствовать и выборные от посадов, находившиеся тогда в Москве для обсуждения податной реформы и распущенные только 6 мая 1682 г.[1]. Когда патриарх с высшим духовенством и боярами вышел на крыльцо, что перед Переднею, к собравшимся на этом крыльце и на площади у Спаса чинам, — Земский собор оказался налицо в полном своем составе. И в самом деле, присутствовали все общественные группы, обыкновенно входившие в состав земских соборов: Освященный собор с патриархом во главе, Боярская дума, представители служилого и тяглого классов. К этому собору патриарх и обратился с речью о кончине царя Федора, которую закончил вопросом, кому из царевичей быть на царстве. В ответ послышались крики за Петра Алексеевича; были голоса и за Ивана Алексеевича. Один из таких голосов занесен в записки современника события А. А. Матвеева. «От противные стороны некто Максим Исаев сын Сумбулов, в ту же пору будучи в городе Кремле, при собрании общем с своими единомышленниками, гораздо из рядового дворянства, продерзливо кричал, «что по первенству надлежит быть на царстве государю царевичу Иоанну Алексеевичу всея России»[2]. Но первые крики были сильнее или, по крайней мере, так казалось руководителям собора. Был провозглашен царем Петр, и патриарх, вернувшись во дворец, благословил его на царство.

Итак, на предварительном совещании Освященного собора с Боярской думой, а затем и в созванном вслед за этим совещанием Земском соборе не было полного единодушия. Когда патриарх предложил избрать на царство кого-либо из двух братьев, пишет по близким и свежим воспоминаниям участников события автор «Гистории о царе Петре Алексеевиче» князь Б. И. Куракин, то «стало быть несогласие, как в боярех, так и площадных: один одного, а другие другова. И по многом несогласии избрали царем царевича Петра Алексеевича»[3].

Решение собора было результатом того взаимоотношения, в какое стали дворцовые партии к моменту выборов. На ожесточенность предвыборной борьбы партий указывает, например,

---

[1] Акты исторические (А. И.), т. V, № 83.

[2] *А. А. Матвеев*, Записки, изд. Сахаровым, стр. 6.

[3] Архив князя Куракина, т. I, стр. 43.

тот факт, что приверженцы Петра — князья Борис и Иван Алексеевичи Голицыны и князья Долгорукие, отправляясь во дворец по случаю кончины царя Федора, надели под платье панцыри, опасаясь, что спор с Милославскими дойдет до ножей [1]. Всего естественнее был переход царского венца к старшему царевичу — Ивану. Но царевич Иван был хилый, болезненный мальчик с ограниченными умственными способностями. В случае его воцарения власть перешла бы к Милославским. Хорошо понимая это, партия Языкова и Лихачевых стала на сторону Нарышкиных. К союзу Языковых с Нарышкиными примкнул и патриарх Иоаким. Этот союз и решил дело в пользу Петра [2].

Итак, Петр был избран на царство. С его избранием обстоятельства должны были перемениться. Правительницей государства на время малолетства Петра по народному обычаю при отсутствии закона о регентстве становилась его мать царица Наталья. Теперь Милославские должны были, казалось, ожидать той участи, которую испытывали Нарышкины. Но ни Иван Михайлович Милославский, ни царевна Софья не были людьми, способными легко примириться с неудачей, и с необычайной энергией принялись поправлять дело. Первое столкновение между Софьей и царицей Натальей произошло на другой же день после царского избрания на похоронах царя Федора 28 апреля 1682 г. За гробом шли, как полагалось, обе вдовствующие царицы: Марфа Матвеевна и Наталья Кирилловна и царь Петр в «смирном» (траурном) платье. Но, вопреки обычаю, запрещавшему царевнам показываться открыто среди публики, на похоронах Федора явилась, презирая общественное мнение, и царевна Софья. Наталья Кирилловна, раздраженная этим поступком падчерицы, поспешила проститься с телом царя Федора, вышла из Архангельского собора и увела сына, не дослушав литургии и отпевания и дав повод к разным толкам и пересудам, которыми воспользовались Милославские. Впоследствии, чтобы положить пересудам конец, царица принуждена была оправдываться, указывая, что малолетний царь не мог вынести долгой службы и голода. Царевна Софья, после погребения на обратном пути из собора во дворец, обращаясь к народу, «вопила» и причитала, что враги брата Федора отравили, а Ивана отстранили от царства. «Умилосердитесь над нами, сиротами, — говорила она, — или отпустите в чужую землю к королям христианским». Этими жалобами царевна, очевидно, хотела указать, что считает происшедшие накануне царские выборы незаконными.

Тотчас же по избрании Петра Наталья Кирилловна вызвала в столицу А. С. Матвеева, на советы которого она рассчитывала опереться, и своих родственников Нарышкиных. Но Матвеев прибыл в Москву только 12 мая вечером, а между тем неопыт-

---

[1] *А. А. Матвеев,* Записки, изд. Сахаровым, стр. 4—5.

[2] Подробный разбор свидетельств об избрании Петра на царство см. у *Шмурло,* Критические заметки по истории Петра Великого (Ж. М. Н. П., 1902 г., июнь, стр. 233—256).

Рис. 9. Стрелецкий голова
Рисунок из альбома Пальмквиста 1674 г.

Рис. 10. Стрелец
Рисунок из альбома Пальмквиста 1674 г.

ная царица-правительница действовала робко и нерешительно и допускала ошибки, которыми тотчас же пользовались в своих целях враги. Неблагоприятное впечатление произвели награды и пожалования, полученные родственниками царицы по поводу царского избрания. В особенности большие укоризны возбудило пожалование 22-летнего брата царицы Ивана Кирилловича, никакими заслугами не отличившегося, прямо в бояре и в оружейничьи. Пользуясь недальновидностью и промахами нарышкинского правительства, И. М. Милославский до приезда в Москву Матвеева, по образному выражению С. М. Соловьева, «кипятил заговор». По ночам к нему собирались выборные от стрелецких полков, а с «верху», от царевны Софьи, по стрелецким слободам также посылались агенты с деньгами и с обещаниями. Милославские пустили в ход находившуюся в Москве готовую для осуществления заговора силу, которую проглядели и не сумели взять в свои руки Нарышкины. Этой силой было московское стрелецкое войско — московский пехотный гарнизон, состоявший из 20 полков. Стрелецкое войско к концу царствования Федора находилось в возбужденном, нервном состоянии. Дисциплина в нем совсем расшаталась. В полках завелся после похода против Разина казацкий обычай: собираться на сходки, или «в круги», для обсуждения своих дел. Большое недовольство в войске вызывали притеснения командиров, полковников, людей прежде всего чуждой стрельцам социальной среды. Стрельцы набирались из вольных людей, из свободных от тягла родственников посадских людей или из свободных элементов сельского населения. В полковники над стрельцами назначались обыкновенно дворяне, приносившие на службу привычки и приемы своей крепостной вотчины. Стрельцы жаловались, что полковники берут их в свои дворы в денщики, облагают их всякими поборами и работами в свою пользу и тем отвлекают их от промыслов. Полковники, очевидно, распоряжались в полках, как в своих именьях. Жалобы на злоупотребления полковников подавались стрельцами правительству еще в последние дни царя Федора. После его смерти жалобы эти раздались сильнее. 30 апреля 1682 г. во дворец явились уполномоченные от стрельцов с обвинениями против некоторых командиров и с требованием выдачи их войску на расправу. Царица Наталья и окружавшие ее лица были застигнуты этим требованием врасплох, растерялись и уступили стрельцам: 16 полковников [1] были арестованы, лишены полковничьего чина, приговорены к наказанию батогами и, кроме того, подвергнуты суровому правежу, какому обыкновенно подвергались недоимщики и не расплатившиеся должники, пока не уплатят взыскиваемых с них денег. Войско совершенно разнуздалось. Старый начальник всего войска, управлявший Стрелецким приказом, боярин князь Ю. А. Долгорукий и товарищ его по управлению приказом сын его князь Михайло

[1] Акты Археографической экспедиции (А. Э.), т. IV, № 254.

Долгорукий теряют всякую власть над стрельцами. Особый авторитет среди стрельцов приобретает и становится фактическим командиром войска князь И. А. Хованский, воевода, принимавший участие в войнах при царе Алексее Михайловиче, большой болтун и хвастун, «Тараруй» по народному прозвищу. Хованский до поры держал сторону Милославских, возмущался избранием Петра и разжигал и без того взбудораженных стрельцов, стращая их, что при новом царе, которого бог весть почему выбрали, будут они у бояр еще в большем ярме, чем прежде, будут у них работать самые тяжкие работы, а дети их будут уже совсем невольниками. Хованский пророчил, что новое правительство «поддаст» и все Московское государство в неволю какому-нибудь чужеземцу, а веру православную совсем искоренит. Раздражение клокотало в стрелецком войске. Достаточно было первого же повода, чтобы оно вылилось страшным потоком. Искусными мерами Милославских это раздражение было направлено против враждебной партии, которую решено было разгромить и терроризировать. По рукам стрельцов ходил список «изменников»-бояр, которых надо было истребить. Для начала мятежа был пущен слух, что Нарышкины извели царевича Ивана.

В полдень 15 мая раздались звуки набата, и в Кремль принесено было тревожное известие, что со всех сторон идут вооруженные стрельцы. Пока А. С. Матвеев, совершенно проглядевший волнение стрельцов, — что и не удивительно, так как он, пробыв в Москве всего два дня, не успел войти в курс событий, — докладывал царице, пока отдавали приказ запереть кремлевские ворота, стрельцы с барабанным боем ворвались в Кремль и с криками, что Нарышкины задушили царевича Ивана, подошли к Красному крыльцу. Царица Наталья, узнав о причинах тревоги, вместе с патриархом и боярами вышла на крыльцо и вывела обоих братьев: и царевича Ивана и царя Петра. Бушевавшая толпа стихла. Несколько стрельцов, подставив лестницу, влезли на крыльцо и спросили царевича Ивана, подлинно ли он царевич и кто из бояр его изводит. Убедившись в подлинности царевича, стрельцы поняли, что обмануты; слух оказался ложным. Но вожаки движения не дремали. Из толпы раздались крики, чтобы выдали изменников-бояр, обозначенных в списке. К стрельцам спустилось несколько бояр, в том числе и Матвеев, и стали их унимать. Бестактная выходка князя Михаила Долгорукого испортила дело: некстати и слишком поздно вспомнив о том, что он — стрелецкий начальник, и не понимая происходившего, он стал резко кричать на стрельцов, чтобы убирались из Кремля по домам. Долгоруких, отца и сына, не любили и не уважали в войске, а тут Долгорукий, над которым глумились в полках, позволяет себе кричать. Толпа рассвирепела. Делом одной минуты было для стрельцов взобраться на крыльцо, схватить М. Долгорукого, сбросить его вниз на копья товарищей, стоявших перед крыльцом, и изрубить бердышами. Взбегая на

крыльцо, стрельцы схватывали обвиненных бояр, именами которых прожужжали им уши, и сбрасывали их на копья, других убивали на площади перед дворцом. Не довольствуясь убийствами, продолжали еще вакханалию, издеваясь над убитыми: волокли по земле трупы, крича: «Вот боярин Артамон Сергеевич, вот Долгорукий, вот думный едет, дайте дорогу!» 15 мая погибли А. С. Матвеев, стольник Ф. П. Салтыков, которого убили по ошибке вместо брата царицы Ивана Кирилловича, другой ее брат, Афанасий Кириллович Нарышкин, далее воевода, командовавший войсками в чигиринских походах, князь Г. Г. Ромодановский, боярин И. М. Языков, думный дьяк Ларион Иванов и другие.

Рис. 44. Боярин А. С. Матвеев

Портрет маслом. Подлинник находится в Государственном историческом музее в Москве.

Убийствами 15 мая кровавая трагедия не кончилась. 16 мая стрельцы вновь появились перед дворцом с требованием выдачи Ивана Нарышкина. Однако он на этот раз не был выдан. 17-го они вновь появились с тем же требованием, яростно крича, что не уйдут, пока им не выдадут изменника, и грозя боярам. Дворец оказался вновь в осаде. Царевна Софья обратилась к Наталье Кирилловне, требуя выдачи Ивана Нарышкина. «Брату твоему, — говорила она, — не отбыть от стрельцов; не погибать же нам всем из-за него». Запуганные бояре просили царицу о том же, видя в выдаче Ивана Кирилловича единственное средство погасить восстание. Царица была вынуждена уступить и велела вывести брата из темного чулана, где он прятался за перинами и подушками. Его привели в церковь «Спаса за золотою решеткою», причастили, соборовали и затем выдали стрельцам. Стрельцы, завидя жертву, бросились на него, но не сразу убили, а потащили его сначала в застенок в Константиновской башне пытать, чтобы добиться у него признания в измене. Нарышкин мужественно выдержал пытку, не сказав ни слова, и все-таки был рассечен на части на Красной площади. В этот же день был вар-

варски казнен, также после пыток, немец доктор Даниил фон Гаден, обвиняемый в отравлении царя Федора и, разумеется, ни в чем неповинный.

Но партия Нарышкиных казалась все еще недостаточно разгромленной. По наущению Милославских стрельцы продолжают появляться перед дворцом с требованиями, наносившими противникам новые удары. Убийства прекратились, начались проскрипции. 18 мая стрельцы подали челобитную на имя государя, чтобы указал постричь в монахи своего деда, отца Натальи Кирилловны — Кирилла Полуектовича. Спорить со стрельцами не приходилось, под формой челобитной они диктовали правительству свою волю, которая и была немедленно исполнена. Старик был пострижен и отправлен в Кириллов монастырь. 20 мая подана была другая такая же челобитная о ссылке всех остальных Нарышкиных, а также постельничего Алексея Лихачева, казначея Михаила Лихачева, окольничего Павла и чашника Семена Языковых и других. Партия Нарышкиных и Лихачевых была, таким образом, уничтожена. Мило-

Рис. 12. Стрелецкое восстание 15 мая 1682 г.

В верхней части рисунка изображен момент схватыванья стрельцами И. К. Нарышкина, найденного под престолом дворцовой церкви. Нижняя часть рисунка изображает сбрасывание бояр с Красного крыльца на копья стоящих внизу стрельцов. — Миниатюра из «Повести о зачатии и рождении Петра Великого» Крекшина. Подлинная рукопись второй четверти XVIII в. находится в отделе рукописей Государственного исторического музея в Москве.

славские могли торжествовать победу; они добились власти. Но этому фактическому переходу власти надо было придать юридические формы. Это было сделано посредством тех же не допускающих отказа стрелецких челобитных. 23 мая войско заявило о своем желании, чтобы царствовали оба брата вместе. Боярская дума, обсудив это требование, решила созвать Земский собор, который опять в его экстренном малом виде был тотчас же созван и постановил, ссылаясь на примеры из византийской истории, царствовать обоим царям. 26 мая новое требование — царю Ивану Алексеевичу считаться первым царем. 29 мая стрельцы объявили свою волю боярам, чтобы правление государством по молодости обоих царей было вручено царевне Софье. Софья, наконец, достигла цели. Ее заветная мечта осуществилась. Власть, притом открыто и с соблюдением внешних юридических форм, переходила в ее руки.

Царевне, однако, на первых порах пришлось разочароваться в достигнутом успехе. Оказывалось, что она получила только внешнюю форму, только призрак власти. Победа была одержана при помощи такой силы, какую представляло собою в майские дни 1682 г. разнузданное стрелецкое войско. Это войско, распорядившееся царским венцом, скоро почувствовало себя хозяином положения. Во главе его очутился, сделавшись начальником Стрелецкого приказа вместо убитого в смуте князя Ю. А. Долгорукого, князь И. А. Хованский. Хованского впоследствии обвиняли в очень высоких и дерзких замыслах и покушениях; говорили, что он мечтал женить сына на царевне Екатерине Алексеевне и указывал на свое происхождение из королевского дома Гедимина, ясно давая будто бы понять, куда он метит. Возможно, что эти рассказы появились во враждебной ему среде, чтобы оправдать внезапную и крутую с ним расправу. Верно, однако, то, что действительная фактическая власть в течение лета 1682 г. оказалась в его руках, поскольку, разумеется, он умел ладить со стрелецким войском. Хованский является в этот период времени посредником между войском и правительницей, и его устами войско продолжает диктовать свою волю царевне Софье так же, как оно ранее диктовало ее царице Наталье. Стрельцы потребовали себе нового титула «надворной пехоты» (гвардии) и сооружения памятника на Красной площади с надписью, восхваляющей их деяния 15—17 мая, и Софья должна была то и другое исполнить. Стрельцы поддержали настойчивые требования раскольников устроить на Лобном месте публичное прение о вере с патриархом и архиереями, и Софья устроила его 5 июля 1682 г. и присутствовала на нем вместе с царицей Натальей Кирилловной, причем приверженцы старой веры, которой сочувствовал или делал вид, что сочувствует, Хованский, держали себя во дворце при чтении своей челобитной вызывающе дерзко. Смягчать и укрощать эту требовательность войска Софья должна была постоянными раздачами денег и обещаниями еще бóльших наград. Правительница скоро поняла, в чьих

руках действительная власть, поняла и то, какой ненадежной опорой были для нее стрельцы. Распустившаяся, не знающая над собой удержу вооруженная толпа могла совершить кровавый государственный переворот, но не могла служить опорой для нормальной правительственной деятельности. Но за стрельцами стояла другая социальная сила. Хозяйничанье стрельцов в Москве весной и летом 1682 г. сопровождалось волнением низших слоев московского населения: низшего слоя посадских жителей, московского черного люда и многочисленной челяди, холопей из боярских дворов, получивших волю в майские смутные дни, когда был сожжен Холопий приказ и изодраны хранившиеся в нем крепостные книги.

Настоящей опоры Софья должна была искать в иных общественных элементах и нашла ее в том общественном классе, на который опирались Романовы с самого своего избрания — в поместном дворянстве. Поняв опасность и непрочность своего положения в столице, Софья с обоими царями выехала 19 августа из Москвы в село Коломенское, откуда перебралась в Саввин-Сторожевский, а затем в Троицкий монастырь. По окрестным уездам были посланы грамоты с предписаниями помещикам немедленно собраться и явиться к государям. Отовсюду съезжались дворянские полки. Когда количество этого дворянского войска оказалось достаточным, Софья велела схватить Хованского и казнить его с сыном без всякого суда. Казнь была совершена 17 сентября в день ее именин в отстоящем в 10 верстах от Троицкой лавры селе Воздвиженском, где находилась тогда и сама царевна с государями. Стрельцам нанесен был сильный удар. Первым их инстинктивным движением было схватиться за оружие: они заперлись в Кремле, сели там в осаде. Это было уже настоящее восстание против правительницы. Троицкий монастырь, куда укрылся двор, был переведен на военное положение, как во время знаменитой осады его поляками: везде расставлены были караулы, из бойниц стен выглянули дула орудий. Монастырь стал центром, к которому стягивалась служилая рать. Ее сила была столь внушительна, что стрельцы струсили и решили сдаться. Современники живо изображают, как напуганы были они идущей отовсюду на Москву дворянской ратью и с каким трепетом шла под предводительством суздальского митрополита Илариона выборная депутация от них в Троицкий монастырь с повинной. Депутаты опасались, что их перехватают и казнят так же, как Хованских. Софья, приняв депутацию, согласилась простить стрельцов, если они заслужат прощение своими головами. Стрельцам были предписаны условия, исполнять которые они обязались под присягой. Собираться в круги по-казачьи было им теперь запрещено: столб на Красной площади с хвалебной надписью в память майских убийств велено было сломать; наиболее предприимчивые стрелецкие вожаки были разосланы по уездным городам. Начальником Стрелецкого приказа назначен был думный дьяк Ф. Л. Шакловитый, энер-

гичными и суровыми мерами восстановивший в войске хотя некоторую дисциплину. Только после этих мер Софья стала действительной правительницей государства. К ноябрю 1682 г. двор вернулся в Москву.

V. ПЕТР В ПРАВЛЕНИЕ СОФЬИ

Уступив первенствующее место царевне Софье и потеряв власть, царица Наталья Кирилловна с детьми не покидает, однако, Кремля. Зима 1682/83 г. проведена была Петром в Кремлевском дворце с кратковременной поездкой в феврале 1683 г. в село Коломенское [1]. Только с наступлением весны, 6 мая, царица с семьей перебралась в летнюю резиденцию, село Воробьево, где и провела значительную часть лета. Петр прерывал житье в Воробьеве приездами в Москву для необходимого участия в церковных торжествах и придворных церемониях. Так, 13 мая он приезжал в Новодевичий монастырь по случаю праздника Смоленской иконы богородицы, считавшейся главной святыней монастыря; 19 мая, в канун празднования памяти московского святителя Алексия, он вместе с царем Иваном Алексеевичем был в Чудовом монастыре «у малые вечерни и молебного пения». «А после молебного пения, — как замечает разрядная записка этого дня, — быв в своих государских хоромех (в Кремле), изволил с Москвы иттить в село Воробьево ж». 21 мая царь приезжал в Москву для приема польского посланника Яна Зембицкого в Столовой палате Кремлевского дворца. 29 мая он показался в Москве, вероятно, по какому-нибудь личному делу: «изволил, — читаем в разрядной записке, — из села Воробьева приттить к Москве и был в своих государских хоромах. И после того изволил с Москвы иттить в село Воробьево ж». 4 июня польскому посланнику Зембицкому дана была прощальная аудиенция, для которой Петр опять появлялся в Москве на этот день. 7 июня новый приезд в Москву. 8 июня Петр вместе с братом присутствует в Архангельском соборе на панихиде по царе Федоре Алексеевиче и затем, повидимому, остается в Москве на довольно продолжительное время. В Москве 29 июня отпразднованы были царские именины. Отметку о выезде из Москвы мы встречаем в разрядных записях под 13 июля — опять в село Воробьево, где Петр остается всю вторую половину июля и начало августа с такими же кратковременными наездами в столицу: 25 июля поздравлять со «днем ангела» тетку царевну Анну Михайловну, а 30 июля на прием приехавших в Москву «митрополита и иных властей Афонские горы». С 20 по 29 июля в Воробьево приезжал гостить и царь Иван Алексеевич. С середины августа видим Петра уже в Москве. 18 сентября он предпринял обычную для царского двора поездку к Троице ко дню памяти Сергия,

---

[1] *Есипов*, Сборник выписок, т. I, стр. 255: 14 февраля 1683 г. «мастеровым людем, которые поехали за ним, государем, в село Коломенское». Но 21 февраля Петр опять в Кремле; см. там же.

25 сентября, к 30 сентября приехал от Троицы в подмосковное село Покровское на Филях и, встретив там храмовой праздник Покрова, вернулся в тот же день, 1 октября, в Москву. Осень 1683, зима 1683/84 и ранняя весна 1684 г. проведены были в Москве по прежнему порядку. Несколько раньше, чем в предыдущем году, в 1684 г. Петр перебрался в Воробьево 28 апреля, прожил там май и первые дни июня. 8 июня он переехал в Преображенское, а во второй половине июля 1684 г. мы видим его опять в Воробьеве, куда он выехал 13 июля. В этот день царевна Софья поднесла ему, «как он государь изволил итти в поход в село Воробьево, три места запан», украшенных алмазами: «запана орел с коруною, запана петлицами, запанка кругла» [1]. 27 июля от царя Петра из похода из села Воробьева привезены были в Оружейную палату снасти токарные с предписанием изготовить по присланным образцам снасти железные и немедленно отослать к нему, государю, в Воробьево [2]. Но затем Преображенское становится все более частым местопребыванием, чередуясь только с Коломенским. В Преображенском в 1684 г. Петр проводит август. 6 сентября царица Наталья выехала с сыном на богомолье в Калязин монастырь, оттуда к 25 сентября к Троице и вернулась в Москву, как и в прошлом году, к 1 октября. Октябрь и ноябрь также были проведены в Преображенском — всего, следовательно, в течение 1684 г. Петр прожил в нем не менее четырех месяцев. То же видим и в следующие годы. Даже и в те месяцы, которые Петр проводит в Москве, он постоянно наезжает в Преображенское: видимо, там идут какие-то дела, которые притягивают к себе его внимание. Все же представление о том, что в годы правления царевны Софьи царица Наталья Кирилловна была выжита из Кремлевского дворца, следует считать неверным, так же как и представление о том, что она рассталась с Кремлем в царствование Федора. Основным местопребыванием ее двора при Софье оставался попрежнему Кремлевский дворец. Но часть года, и чем дальше, тем все более значительную, царица проводит с сыном в летних резиденциях: в 1683 г. в Воробьеве, в 1684 г. в Воробьеве и Преображенском, в 1685—1689 гг. в Коломенском и Преображенском [3].

Живя в Кремле или в подмосковных дворцовых селах, царь Петр в годы правления Софьи появляется вместе со старшим братом на церковных торжествах и придворных церемониях и принимает в них участие, хотя и далеко не с такой аккуратностью, как царь Иван Алексеевич. Памятником этого участия Петра в церемониях служат «Дворцовые разряды» — своеобразный камерфурьерский журнал XVII в., к сожалению, не сохранившийся за 1686 и 1687 гг. Обычный годовой круг церковных

---

[1] Дворцовые разряды, IV, 215, 217—220, 222, 227—231, 244, 249, 251, 284—285; *Есипов,* Сборник выписок, т. I, стр. 47.

[2] *Есипов,* Сборник выписок, т. I, стр. 47.

[3] Там же, стр. 47—48; Дворцовые разряды. IV, 302, 305, 308.

и придворных торжеств начинался 1 сентября совершением «действа Нового лета». На площади перед Архангельским собором на особом помосте патриархом совершалось молебствие, на которое выходили из дворца через Благовещенский собор оба государя. После молебствия там же на площади патриарх обращался к царям с поздравительной речью, которую говорил «по письму». Затем государи поздравляли патриарха и духовных властей и принимали поздравления от окружавших их бояр и всякого чина служилых людей, причем в 1683 и 1684 гг. от бояр говорил царям приветственную речь боярин князь Никита Иванович Одоевский. В этот же день, по возвращении во дворец после «действа Нового лета», у государей бывал прием по случаю именин царевны Марфы Алексеевны; государи в Передней палате жаловали именинными пирогами поздравителей: находившихся при московском дворе царевичей, думных чинов и ближних людей, стольников, управлявших приказами («стольников, которые сидят в приказех в судьях»), стрелецких полковников, дьяков, заведующих дворцовым хозяйством степенных ключников и представителей тяглого населения — гостей. Обращает на себя внимание то обстоятельство, что «Дворцовые разряды» ни разу за 1683—1688 гг. не отмечают празднования именин царевны Софьи и участия Петра в нем. Во второй половине сентября в 1683 и 1684 гг. оба государя по обычаю, заведенному прежними московскими царями, бывали у Троицы. 22 октября бывал торжественный крестный ход из кремлевских соборов в Казанский собор. В нем Петр принимал участие в 1688 г. 21 декабря праздновалась память «московского святителя» — митрополита Петра. В навечерие этого дня государи бывали в Успенском соборе у вечерни и молебствия, а в самый день праздника в том же соборе у литургии. В праздник рождества Христова перед литургией государи принимали в Столовой или Передней палате дворца святейшего патриарха и духовных властей, являвшихся «славить Христа». 6 января происходило на Москве-реке торжественное водосвятие. Но на этом торжестве в 1683 и 1684 гг. присутствовал один царь Иван Алексеевич. 12 января справлялись именины тетки государей царевны Татьяны Михайловны, а 26-го — именины сестры царевны Марии Алексеевны с обычными пожалованиями именинных пирогов. Около 29 января, дня годовщины смерти царя Алексея, служилась по нем панихида в Архангельском соборе, 12 февраля праздновалась память другого московского «святителя» — митрополита Алексия. В канун этого праздника в 1685 г. Петр был у молебна в Чудовом монастыре. 1 марта, в день св. Евдокии, — прием во дворце по случаю именин царевны Евдокии Алексеевны. В один из дней около 17 марта — «Алексия божия человека», день именин царя Алексея, когда полагалось совершать панихиды по церковным уставам, — служилась опять по нем панихида в Архангельском соборе. 25 марта — престольный праздник в Благовещенском соборе. Наступала «страстная седмица».

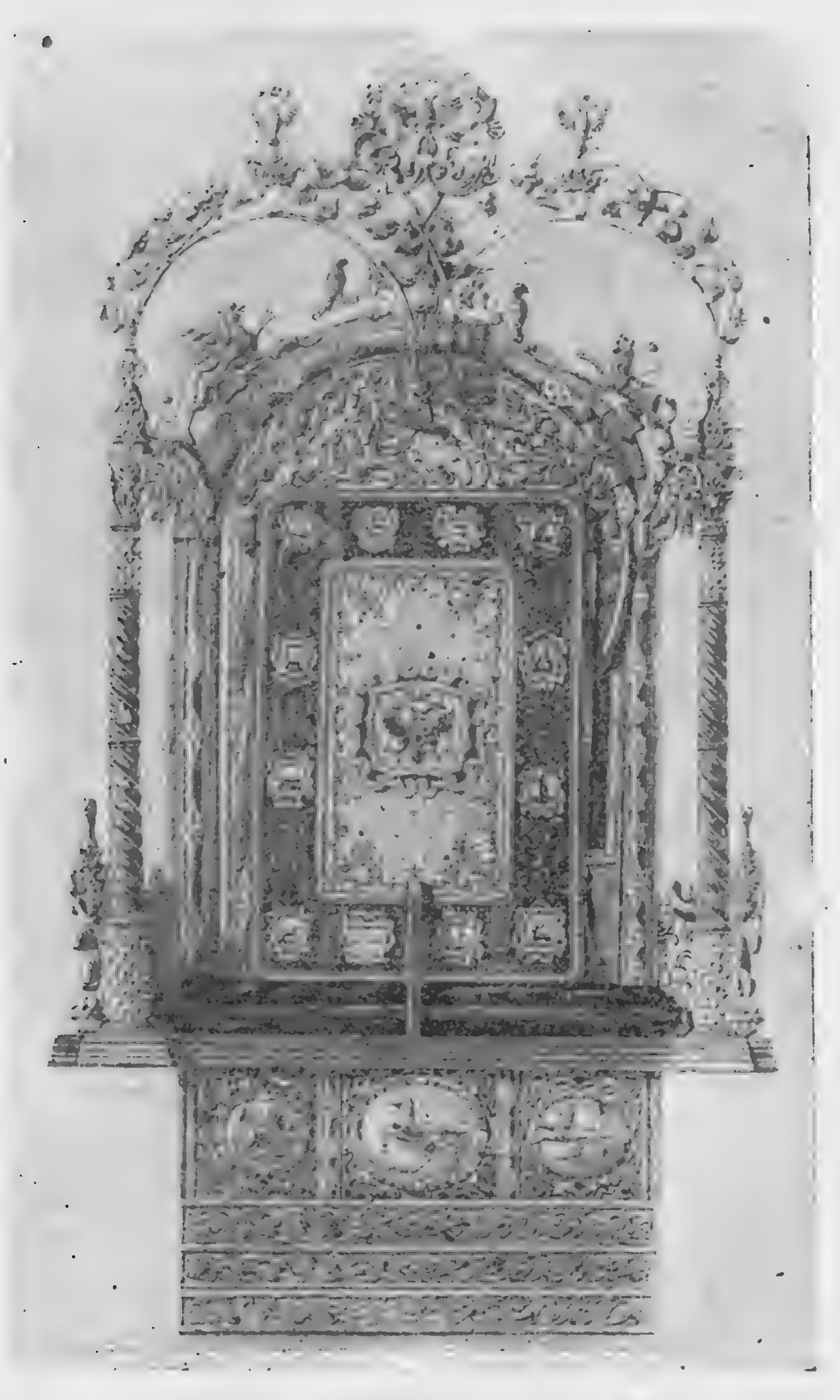

Рис. 13. Серебряный двойной трон царей Ивана и Петра Алексеевичей

Находится в Оружейной палате в Москве. Рисунок взят из книги «Древности государства российского».

В вербное воскресенье совершалось «шествие на осляти». Мы видим Петра на этом торжестве, ведущим под уздцы лошадь, на которой восседал патриарх, за все те годы, за которые сохранились разрядные записи этого дня; 1683 (1 апреля), 1684 (23 марта) и 1685 (12 апреля). В 1688 г. в великий четверг он присутствует в Успенском соборе при «действе омовения ног». В великую пятницу он с особенным постоянством посещает совершающийся в том же соборе обряд омовения «святых мощей» (1683, 1684, 1685, 1688). Утреню в «светлое воскресенье» оба государя слушали в Успенском соборе. После утрени патриарх и духовные власти являлись во дворец в Столовую палату поздравлять государей. В годовщину смерти царя Федора Алексеевича, 26 апреля, в также в «день его ангела», 8 июня, были царские выходы на панихиды по нем в Архангельский собор. 15 июня праздновалась память московского митрополита Ионы. В навечерие праздника апостолов Петра и Павла, «дня своего ангела», Петр с неизменным постоянством присутствовал в Успенском соборе у вечерни и молебного пения, а в самый день праздника там же слушал литургию. После литургии царь во дворце принимал поздравление со «днем ангела» и жаловал поздравителей именинными пирогами. В 1683 г. упоминается в этот день «именинной стол в Грановитой палате». За обедом присутствовали святейший патриарх и власти, два сибирских царевича, думные чины, полковники и полуполковники выборных солдатских и стрелецких полков, дьяки Разряда и Стрелецкого приказа, гости, купечество гостиной и суконной сотен и сотские черных сотен и слобод. В следующие годы именинный стол не упоминается. 3 июля или в один из ближайших к этому дней праздновалась память четвертого «великого московского святителя» — митрополита Филиппа. С 1684 г. в день 5 июля начинает упоминаться благодарственное молебствие в Успенском соборе в память победы над раскольниками в споре, происходившем с ними в 1682 г. Однако на этом молебствии присутствует один царь Иван Алексеевич. 8 июля — крестный ход в Казанский собор. Присутствие Петра в этом ходе упоминается в 1689 г. 25 июля именины тетки царевны Анны Михайловны. На праздновании дня «успения богородицы» Петр обыкновенно в Успенском соборе, 14-го — у вечерни и молебного пения и 15-го — у литургии. 16 августа справлялся храмовой праздник в придворной церкви «Спаса на Сенях». Годовой круг церковных и семейных торжеств при дворе замыкался празднованием тезоименитства царя Ивана Алексеевича 29 августа.

Среди церковных торжеств происходили церемонии чисто государственного характера: приемы иностранных посланников и гонцов, на которых Петр присутствует также с первого года царствования. Так, уже 10 ноября 1682 г., вскоре же после возвращения двора в Москву после стрелецких волнений, государи принимали в Столовой палате кремлевского дворца хивинское посольство; 1 января 1683 г. была прощальная аудиенция гонцу

польского короля; 11 марта являлся «на приезде» шведский посланник, а 4 мая он был принят государями «на отпуске», 21 мая — прием польского посланника и т. д.

Отрочество и юность Петра проходят в соблюдении чинных обрядов величественного кремлевского ритуала с его церковными торжествами, с царскими выходами к богослужениям и с придворными церемониями. Старший брат, царь Иван Алексеевич, соблюдает их гораздо строже. Петр за время правления Софьи появляется только на церемониях, обозначенных выше; Иван Алексеевич принимает участие и на многих других, сверх упо-

Рис. 14. Прием иностранных послов царями Иваном и Петром Алексеевичами в Грановитой палате

Посреди палаты двойной трон, на котором сидят Иван (в шапке, закрывающей глаза) и Петр, перед ними послы, по сторонам на лавках бояре. Гравюра из книги Schlessing. Derer beyden Czaren in Russland. 1693—1694 гг.

мянутых. Но в душу Петра вследствие его большей восприимчивости и живости внешние впечатления западают глубже. Из участия в юные годы в церковно-придворных церемониях он на всю жизнь хорошо усвоил весь состав богослужебного обихода. Иностранный наблюдатель, секретарь шведского посольства Кемпфер, видевший обоих государей на торжественном посольском приеме летом 1683 г., ярко изображает различие в отношении к окружающему у старшего и младшего братьев. Царь Иван Алексеевич участвовал в церемонии совершенно пассивно, как бы не замечая ничего происходящего перед ним; Петр, наоборот, за всем внимательно следил и живо выражал свое участие. «В Приемной палате, — пишет Кемпфер, — обитой турецкими

коврами, на двух серебряных креслах под иконами сидели оба царя в полном царском одеянии, сиявшем драгоценными каменьями. Старший брат, надвинув шапку на глаза, опустив глаза в землю, никого не видя, сидел почти неподвижно; младший смотрел на

Рис. 15. Иван (в профиль) и Петр Алексеевичи

Гравюра de L'Armessin, в Париже, 1685 г.

всех; лицо у него открытое, красивое; молодая кровь играла в нем, как только обращались к нему с речью. Удивительная красота его поражала всех предстоявших, а живость его приводила в замешательство степенных сановников московских. Когда посланник подал верующую грамоту и оба царя должны были встать

в одно время, чтобы спросить о королевском здоровье, младший, Петр, не дал времени дядькам приподнять себя и брата, как требовалось этикетом, стремительно вскочил с своего места, сам приподнял царскую шапку и заговорил скороговоркой обычный привет: «Его королевское величество, брат наш Каролус Свейский по здорову ль?» Петр в одиннадцатилетнем возрасте показался Кемпферу шестнадцатилетним юношей [1].

Но обязательные придворные церемонии, отличавшиеся притом продолжительностью и, надо полагать, до крайности утомительные, едва ли могли привлекать к себе Петра, даже при всей его живости и при всем активном его отношении к окружающему. Вероятно, он чувствовал в них тягостную повинность, отбыв которую, он спешил предаться своим любимым занятиям. В чем же заключались занятия Петра в годы регентства Софьи?

Рис. 16. Н. М. Зотов.

Гравюра с современного оригинала

Мы уже видели, что Зотов и Нестеров в документах упоминаются в качестве учителей Петра именно с 1683 г. 1 апреля этого года Зотов закупает в хоромы к государю «стопу бумаги доброй»; 4 апреля приобретается для Зотова «нашивка плетеная золотая с кистьми», пожалованная ему учеником; 20 августа ему жалуется материя на два кафтана; 23 октября ему выдается «под кафтан испод песцовой черевей белый»; 29 декабря встречаем запись о выдаче ему его жалованья — 30 рублей. Подобные же пожалования ему заносятся в дворцовые хозяйственные книги и в последующие, 1684 и 1685, годы [2]. В те же годы получает пожалования кафтанами и нашивками и другой учитель Петра, Нестеров, но всегда в меньшем размере, и отсюда видно его значе-

---

[1] *Погодин,* Семнадцать первых лет, стр. 103—104.

[2] *Есипов,* Сборник выписок, т. I, стр. 256, 258, 259, 264, 270, 271, 273.

ние как младшего [1]. Еще и в 1683 г. Петр не расстается с азбукой, которая в этом году переплеталась «в пергамин зеленой» [2]. Однако с этого года появляются в его хоромах и другие книги, свидетельствующие о расширении круга его интересов. Книги брались из библиотеки покойного царя Федора Алексеевича. 27 февраля 1683 г. взята была «Библия в лицах с летописцем»; 19 марта были взяты: книга «О луне и о всех планетах небесных», хроника Матвея Стрыйковского и «Персонник на латынском языке в пергамине белом», а 29 октября того же года взяты «Книга беседы иже во святых отца нашего Иоанна Златоуста на деяние апостольское» [3] и книги Минеи месячные: сентябрь, октябрь и ноябрь месяцы. Когда именно окончились уроки Зотова, неизвестно. Но он за все 1680-е годы в чине думного дьяка неотлучно находится при Петре. Это видно из того, что думный дьяк Никита Зотов постоянно упоминается в разрядных записях в свите, сопровождающей Петра в его поездках в загородные дворцы и в путешествиях по монастырям. Перестав быть учителем, он сделался одним из ближайших к царю лиц и сделал в дальнейшем очень видную карьеру, заняв место начальника Ближней канцелярии со званием «Ближней канцелярии генерал-президент». Нестеров, по обычаю того времени, и по окончании занятий продолжал носить звание «учителя» и получал еще и в 1690—1692 годах царское жалованье: сукно, атлас и соболей. Что дало Петру первоначальное преподавание? Грамоту, плохое уменье писать, выученный наизусть текст нескольких богослужебных книг и кое-какие отрывочные и бессистемные сведения по истории, географии и космографии.

Но внимание Петра все более и более захватывают другие занятия, которые и отрывают его, вероятно, от зотовских уроков. В хоромах царевича Петра уже в самом раннем его детстве мы видели военные игрушки. С возрастом эти игрушки развиваются в военные «потехи» (игры). В начале 1682 г. для царевича в Кремле у его хором устраивается потешная площадка, на которой поставлены потешный деревянный шатер и потешная изба, на площадке стояли деревянные пушки [4]. До нас дошли в большом количестве записи о выдаче по требованию Петра разных предметов, хранившихся в Оружейной палате, или об изготовлении разных предметов по его приказанию. Перед нами в этих драгоценных документах целый мир вещей, которыми окружен Петр, которые его заботят и занимают его внимание, которые показывают, куда направлялись его вкусы и склонности. На первом месте здесь, конечно, предметы военных забав. Так, встречаем записи о починке прорванных, видимо от постоянного употребления, барабанов, об изготовлении новых. 8 мая 1682 г. царь Петр «указал взнесть к себе, великому государю, в хоромы

---

[1] *Есипов*, Сборник выписок, т. I, стр. 36, 43.
[2] Там же, стр. 259.
[3] *Забелин*, Домашний быт русских царей, ч. II, стр. 603, 604, 605, 600.
[4] Там же, стр. 230.

Рис. 17. Так называемая «Никоновская летопись с рисунками»

Рукопись XVI в., рисунки и переплет поновлены в XVII в. В XVII в. хранилась в патриаршей библиотеке, откуда была взята для занятий Петра. В настоящее время находится в отделе рукописей Государственного исторического музея в Москве.

Книга раскрыта на листах с изображениями сцен из осады Юрьева русскими войсками во время Ливонского похода Ивана Грозного.

12 тростей морских средней руки». В Оружейной палате таких тростей не сыскалось, и они были куплены в городских рядах. «И мая в 10 день, — читаем далее в той же записи, — те трости поданы к нему, великому государю, в хоромы; принял боярин и оружейничей Иван Кириллович Нарышкин. И того ж числа от великого государя из хором боярин и оружейничей Иван Кириллович выдал 11 тростей и приказал те трости стростить — из 3-х одну, а из 8-ми 4 трости и приложить к ним копья железные наводные и прибить прапорцы (знамена) тафтяные». 12 мая — почти накануне кровавых событий стрелецкого бунта — «великий государь Петр Алексеевич указал сделать в Оружейной палате 6 древок кленовых на тростеной образец с коленами, да к тем же древкам сделать 6 копий» [1]. 13 января 1683 г. велено было сделать в хоромы малолетнего царя две пушки деревянные потешные, мерою одна в длину аршин, другая в полтора аршина, на станках с дышлами и с колесами окованными. Пушки эти были изготовлены к 26 марта; внутри они были опаяны жестью, а снаружи высеребрены; станки, дышла и колеса расписаны зеленым аспидом, каймы, орлы, клейма и прочие украшения были вылиты из олова [2]. С переездом двора царицы Натальи в мае 1683 г. в Воробьево военные потехи царя приобретают более широкий размах. На воробьевских полях было для них более простора, чем на площадке кремлевских хором. Прорванные барабаны то и дело присылаются в Москву для починки. В Воробьеве производится стрельба из пушек, но уже не из игрушечных деревянных, а из настоящих железных. 30 мая 1683 г., в день рождения государя, произведена была «потешная огнестрельная стрельба», за которую огнестрельный мастер иностранец Симон Зоммер и действовавшие под его руководством Пушкарского приказа гранатного и огнестрельного дела русские мастера и ученики получили награды. Новая потеха, видимо, очень полюбилась Петру. В июле того же года стольник Гаврило Иванович Головкин отдал в переделку для государя «*шестнадцать пушек* малых, и в том числе пушка большая без станку, две пушки большие на полковых станках, две пушки поменши тех на полковых же станках, три пушки верховые с станками, две пушки без станков большие, пушка малая без станку, три пушки на волоковых станках — медные, 2 пушки железные без станков; а приказал: к первой пушке сделать два станка, один полковой, другой волоковой; а которые пушки без станков, к тем пушкам приделать станки полковые и расписать красками цветными, а старые станки починить и колеса приделать новые» [3]. В августе этого же года упоминаются 10 человек стряпчих конюхов, состоящих «у потешных лошадей», и среди них Сергей Бухвостов и Еким Воронин — будущие первые солдаты заро-

---

[1] *Есипов*, Сборник выписок, т. I, стр. 26—29.
[2] Там же, стр. 33—34.
[3] Там же, стр. 37—40; *Забелин*, Домашний быт русских царей, ч. II, стр. 647.

ждающегося среди этих военных игр первого потешного полка — Преображенского. Наряду с этими свидетельствами о настоящих потешных лошадях и пушках встречается еще и в 1683 г. свидетельство о двух деревянных потешных коньках, купленных в хоромы государя [1]. Записи 1684 г. открываются распоряжением окольничего Т. Н. Стрешнева оклеить червчатым бархатом и перевить золотным галуном принесенные им из хором государя два «древка протазанные» (22 января). 3 марта из хором выдал стольник Г. И. Головкин три барабана: «один большой, другой средний, третий малый — испорчены, кожи у них испроломаны». В апреле вносятся в хоромы 10 сабель, в июне в починку отданы 8 барабанов. Число предметов, отпускаемых из Оружейной палаты, растет. 22 ноября 1684 г. палата отправляет в Преображенское протазаны, алебарды, пальники, палаши, кончеры, шпаги, пищали золоченые, винтованные и духовые и скорострельную о 10 зарядах, мушкеты «с жагры и с немецкими замки», посольские булатные топоры и мечи, бердыш с пищальным стволом и с замком, «бунчук крымской с хвостом» — всего 71 предмет. 13 февраля 1685 г. в Преображенское за Петром везена была оружейная казна на двух подводах: сабли с каменьем, булавы, лубья саадашные, щиты, рогатины, знамена, копья. 30 апреля туда же было отправлено 5 телег: «везены на тех телегах всякие хоромные потехи и ружья» [2]. Май и июнь 1685 г. проведены были в селе Коломенском. Одно требование за другим летит оттуда в Оружейную палату: прислать 16 пар пистолей, такое же число карабинов с перевязями, с медной оправой; прислать 16 мушкетов, 15 карабинов, 8 карабинцев маленьких, прислать луки со стрелами; лук потешной, гнездо северег (стрел) шефраненых с белохвостцовым орловым перьем, гнездо ж северег стольничьей статьи, 5 самопалов новых, два карабинца потешных с замками и с жагры; лук с буйволовыми костьми, два лука турецких и т. д. и т. д. [3]. Огнестрельная потеха делается любимым удовольствием Петра и принимает иногда разнообразные и неожиданные формы. 24 февраля 1688 г. производилась «огнестрельная стрельба в верху (т. е. во дворце) на Постельном крыльце. Для этой стрельбы жильцом Никифором Семеновым Кудрявцевым были сделаны мишени: деревянный человек, да змей, да городок» [4]. В Преображенском возникает целый потешный городок, который становится центром этих военных игр. Городок этот в 1685 г., кажется, состоял всего только из двух избушек. Но в 1686 г. находим известие об отправке туда значительного количества лесных материалов для укрепления городка. По стенам его возводятся башни, на передней из них сооружены часы с боем, для чего потребовалось восемь колоколов. Через Яузу перебрасываются мосты. Городок обстраивается.

[1] Там же, № 181.
[2] Там же, стр. 44—45, 52, 54, 274.
[3] Арх. мин. ин. дел, Книга по Устюгу, № 251, л. 34 об. — 35.
[4] *Есипов*, Сборник выписок, т. I, стр. 57—59.

В этом и следующих годах в нем строятся царские хоромы, каменная церковь, особые дворы, где во время пребывания Петра в Преображенском ставятся его приближенные; строятся съезжая изба, избы для офицеров потешного отряда, казенный и оружейный амбары, потешная конюшня и множество других деревянных построек [1].

Наряду с военными потехами Петр, видимо, начинает еще в ранней молодости интересоваться разного рода ремеслами, любовь к которым он затем сохранил на всю жизнь. 27 июня 1684 г. «дано каменщикам за снасти: за лопатку и за молотки железные, которые у них взяты к нему, государю, в верх — 16 алтын». Это — первое известие о занятиях Петра ремеслом; он начал с ремесла каменщика. От работы каменщика он перешел к печатному делу. 16 ноября того же, 1684, года окольничий Т. Н. Стрешнев «приказал из Серебряной палаты к нему, великому государю, в хоромы взнесть на печать доску кованную красной зеленой меди, гладкую, в длину и в ширину по десяти вершков». Затем в хоромы поступили плотничьи инструменты. 30 ноября стольник Г. И. Головкин «приказал сделать в хоромы 2 топорика маленьких плотничных и насадить на топорища кленовые и закрепить с гайки, чтоб было крепко». За плотничьими инструментами последовали столярные. В 1686 г. «сентября со 2-го числа октября по 10-е число по указу в. г. Петра Алексеевича. . . станочного дела мастеры делали к нему, великому государю, в хоромы верстак столярской с двумя выдвижными ящиками». В то же время, в сентябре 1686 г., покупалась в хоромы «кузнечная всякая снасть» [2]. Таким образом, в детские и юношеские годы Петр проходил разного рода мастерства, приобретал навыки в работе каменщика, типографа, плотника, столяра и кузнеца; упражнял в этих ремеслах детски гибкую руку. Поэтому его рука и была так искусна во всяком мастерстве впоследствии.

В записях Оружейной палаты встречаем известия о посещениях Петром находившейся в палате «оружейной большой казны». Появляясь в палате лично, он осматривал хранившиеся в этой обширной кладовой московских государей вещи и приказывал внести к себе в хоромы то, что ему было в данный момент нужно или что занимало его внимание. Так, посетив оружейную большую казну 30 января 1685 г., царь «указал к себе, великому государю, в хоромы взнесть: образ всемилостивого спаса» с изображениями по сторонам «пресвятой богородицы» и Иоанна Предтечи, «резан по слоновой кости, на малой дске; карабинец немецкой винтованной, малопулей, станок с раковинами; часы столовые стоянцы; часы же столовые с арабом; часы же шкатуна большая, коробочку — янтарные; пару пищалей золоченых, станки яблоновые с костми и с раковины и с серебряною оправою; пищаль гладкую, красного железа нарядную» [3]. Главным

---

[1] *Есипов*, Сборник выписок, т. I, стр. 345 и сл.
[2] Там же, стр. 46, 51, 53, 72, 73.
[3] Там же, № 246.

образом, Петр выбирает оружие, оружие всего более его занимает. Побывав в палате 11 июля 1687 г., он указал к себе внесть: пищаль, «ухват, что людей хватают, ратовище дубовое, подсошек железный», 3 алебарды немецкого дела, 3 знамени сотенных, писанных по камкам, 10 копий железных, 2 копья с крюками, 70 карабинов, 20 копий с древками, 10 древок копейных, 5 труб фитильных, 4 барабана, 2 корабля малых (модели?). Но во время одного из посещений, 30 сентября 1686 г., царь вместе с калмыцким саадаком, бухарским луком, булатным тесаком и 3 пистолетами захватил и музыкальные инструменты: «фиоль немецкую точеную и 4 тулунбаса медных», а также, видимо, привлекший к себе его внимание «глебос большой» — большой географический глобус. По этому глобусу Петр мог получить представление о шарообразной форме земли. Но глобус, должно быть, служил еще и для каких-либо иных занятий, помимо географических, по крайней мере, ему понадобилась основательная починка. Под 1 марта 1688 г. встречаем запись: «велено в Оружейной палате глебуз, который выдан от него, великого государя, из хором, починить заново. И тот глебуз для починки часового дела мастеру иноземцу Ивану Яковлеву, а по скаске его надобно на починку того глебуза: меди проволочной толстой — шесть фунтов, бумаги александрийской руки 10 листов; яиц свежих 50» [1].

Рис. 18. Большой глобус, привезенный голландскими послами в подарок царю Алексею Михайловичу

В XVII в. он хранился в Оружейной палате, откуда был взят во дворец для занятий Петра. В настоящее время находится в Государственном историческом музее в Москве.

[1] *Есипов*, Сборник выписок, т. I, № 336, 320, 342.

Любопытство, возбужденное другим инструментом, побудило, как известно, Петра уже самостоятельно, по доброй воле и с жаром приняться за продолжение столь рано прерванного образования. Об этом втором периоде своего учения рассказывает нам сам Петр в написанном им предисловии к Морскому уставу, изданному в 1720 г. В этом предисловии Петр дает краткий очерк истории кораблестроения в России и, между прочим, вспоминает и о своем образовании. «Перед посылкою князя Якова Долгорукова во Францию, — пишет царь, — между другими разговоры сказывал вышеупомянутый князь Яков, что у него был такой инструмент, которым можно было брать дистанции или расстояния, не доходя до того места. Я зело желал его видеть; но он мне сказал, что его у него украли. И когда поехал он во Францию, тогда наказал ему купить между другими вещами и сей инструмент [1]. И когда возвратился он из Франции и привез, то я, получа оный, не умел его употреблять. Но потом объявил его дохтуру Захару фон-дер Гулсту, что не знает ли он? который сказал, что он не знает, но сыщет такого, кто знает; о чем я с великою охотою велел его сыскать. И оный дохтур в скором времени сыскал голландца, именем Франца, прозванием Тиммермана, которому я вышеописанные инструменты показал, который, увидев, сказал те ж слова, что князь Яков говорил о них, и что он употреблять их умеет: к чему я гораздо пристал с охотою учиться геометрии и фортификации. И тако сей Франц чрез сей случай стал при дворе быть беспристанно и в компаниях с нами [2]. До нас дошли три отрывка из учебных математических тетрадей Петра с собственноручными его записями. В первом из них Петром, вероятно под диктовку учителя, записаны правила первых трех арифметических действий: «адицоа», «супстракцио» и «мултопликация», также решенные им задачи на эти действия. Часть задач на умножение писаны рукой учителя. Во втором отрывке находится правило определения широты данного места; в третьем — правило, как вычислить полет брошенной из мортиры бомбы [3]. Так как Петр в упомянутом предисловии к Морскому уставу говорит, что у Тиммермана он учился геометрии и фортификации, то С. М. Соловьев думал, что с правилами арифметики Петр познакомился под руководством какого-либо другого учителя. Так это или иначе, во всяком случае Петром был пройден математический курс, какого его старшим братьям не преподавалось. По примеру старших детей царя

---

[1] Стольник князь Я. Ф. Долгорукий был отправлен во Францию весной 1687 г. для привлечения Франции к союзу против турок. 22 февраля 1687 г. из царской Мастерской палаты было ему выдано «1 000 золотых одиноких, а те золотые посланы с ним для покупки немецких узорочных товаров про обиход великих государей, как он послан на посольство во французскую и иные немецкие земли» (*Есипов*, Сборник выписок, т. I, стр. 280). Долгорукий возвратился из Франции 15 мая 1688 г.

[2] *Устрялов*, История царствования Петра Великого, т. II, приложение I.

[3] Письма и бумаги Петра Великого, т. I, № 1—3. (В дальнейших ссылках даем сокращенно: П. и Б.)

Алексея, Петру после первоначального учебного курса следовало бы проходить высший словесный курс под руководством какого-либо ученого украинца, вроде Симеона Полоцкого. Но царица Наталья Кирилловна подозрительно относилась к ученым украинцам, державшим сторону царевны Софьи, и с словесным курсом медлила, а тем временем любознательность юного царя,

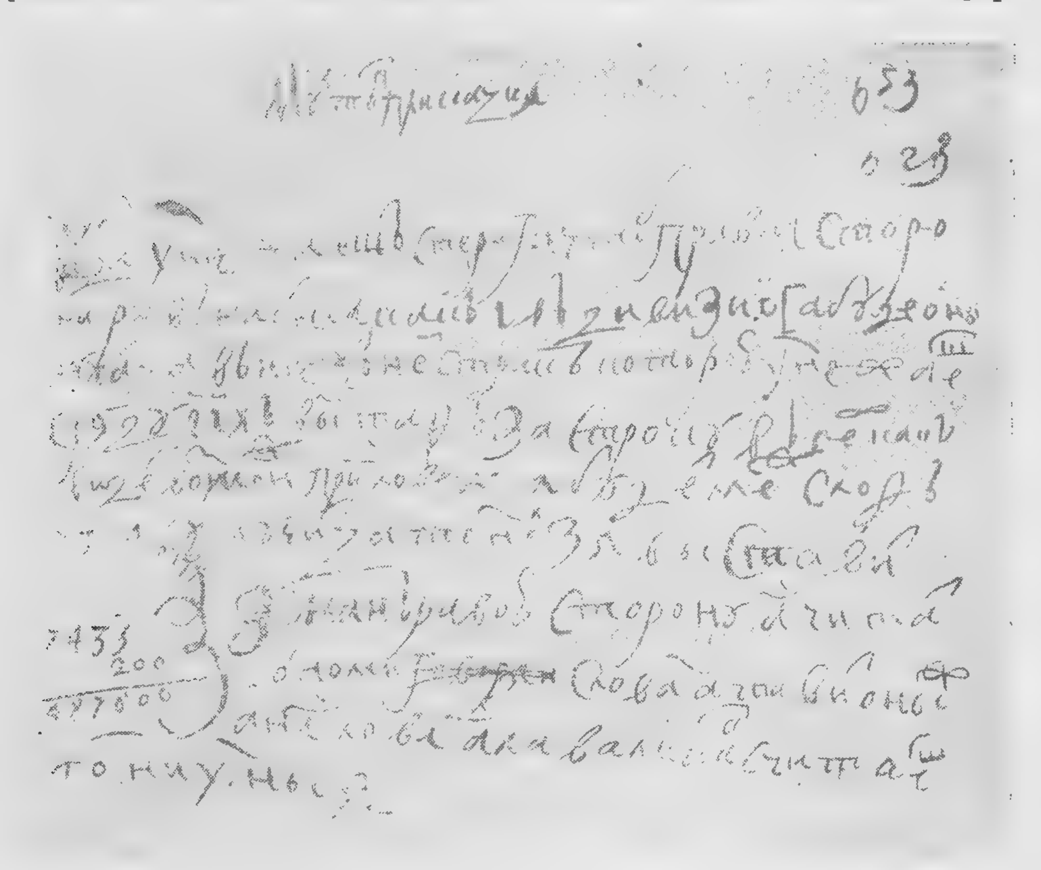

Рис. 19. Лист из учебной тетради Петра по арифметике 1688 г. с изложением правила умножения

«Мултопликация.

Когда умножаешь стереги чтоб правая сторона равъна была какъ і въ дивизиі а буде оны лучатца въ нижъней страке которою умножаеш сряду і іхъ выстафъ за строку въсех какъ видет возможн[о] при слове «А» а будет меж слофъ лучитца то нелзя выставит на пъравою сторону а считат ономи слова а ставит оны ж а не слова а славами как считаеш помни умныя».

Подлинник находится в ГАФКЭ в Москве (Архивный фонд — 6. Государственный архив, Кабинет Петра I, отделение I, книга № 55).

возбужденная неизвестным предметом — астролябией, — повлекла его к добровольным занятиям математическими науками под руководством иностранца.

Точно так же любознательность, возбужденная случайно попавшимся на глаза предметом, вызвала в юном Петре склонность, которая стала в нем преобладающей страстью до конца дней. Так, по крайней мере, объяснял он сам в том же предисловии к Морскому уставу возникновение отличавшей его любви к морю, к мореплаванию и кораблестроению. Потешные «суды» — струг

и шняк — существовали уже в 1687 г. в Преображенском потешном городке на Яузе [1]. Но исключительный интерес к плаванию начинается со случайной находки. «Несколько времени спустя (в 1688 г., после того как Долгорукий привез астролябию) случилось нам быть в Измайлове на Льняном дворе и, гуляя по амбаром, где лежали остатки вещей дому деда Никиты Ивановича Романова, между которыми увидел я судно иностранное, спросил вышереченного Франца (Тиммермана), что это за судно. Он сказал, что то бот английский. Я спросил, где его употребляют.

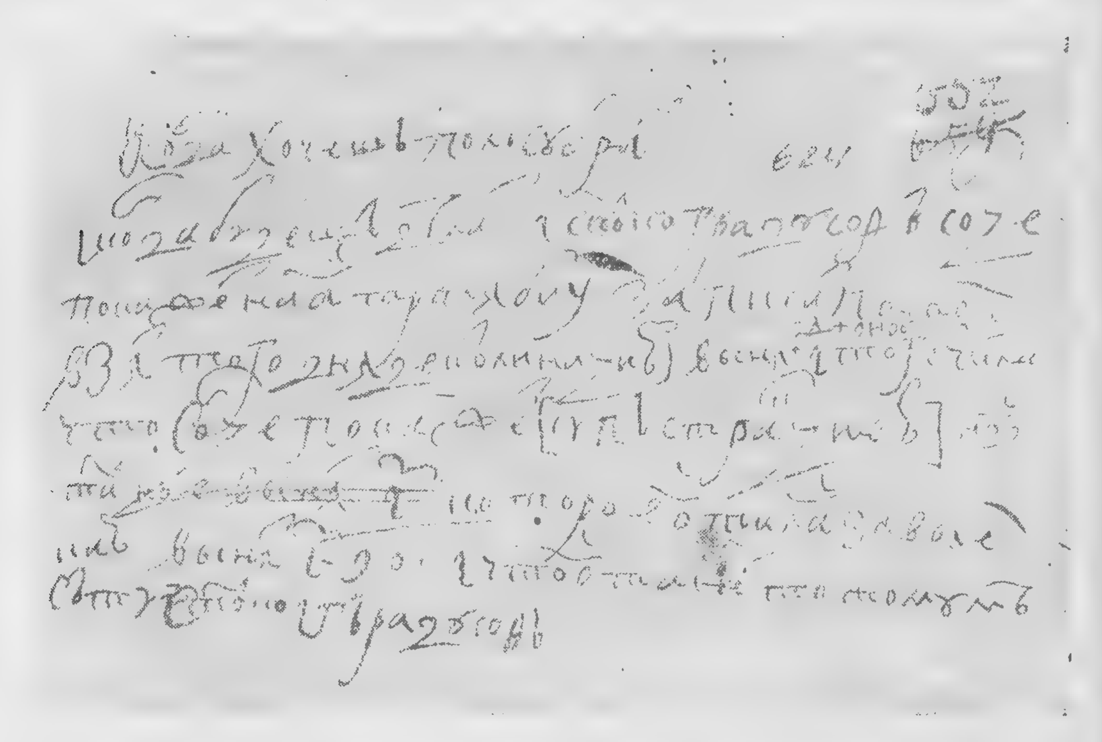

Рис. 20. Лист из учебной тетради Петра по астрономии, 1688 г.

«Когда хочешь полосу брат і когда будешь дѣлат і сколко градусофъ сонце покажет на астралябиум записат потом взят того дня декълинацию і вынят оною іс того числа что сонце покажет [супъстракциею] а досталное которое осталас за выемкаю вынят із 90 і что останет то тому мѣсъту столко і гърадусофъ». Подлинник находится в ГАФКЭ в Москве (Архивный фонд — 6. Государственный архив, кабинет Петра I, отделение I, книга № 55).

Он сказал, что при кораблях для езды и возки. Я паки спросил: какое преимущество имеет пред нашими судами (понеже видел его образом и крепостью лучше наших)? Он мне сказал, что он ходит на парусах не только что по ветру, но и против ветра; которое слово меня в великое удивление привело, и якобы неимоверно. Потом я его паки спросил: есть ли такой человек, который бы его починил и сей ход мне показал. Он сказал мне, что есть. То я с великою радостью сие услыша, велел его сыскать. И вышереченный Франц сыскал голландца Карштен Бранта, который призван при отце моем в компании морских людей для делания морских судов на Каспийское море,

[1] *Есипов*, Сборник выписок, т. I, стр. 346—347.

который оный бот починил и сделал машт и парусы и на Яузе при мне лавировал, что мне паче удивительно и зело любо стало. Потом, когда я часто то употреблял с ним и бот не всегда хорошо ворочался, но более упирался в

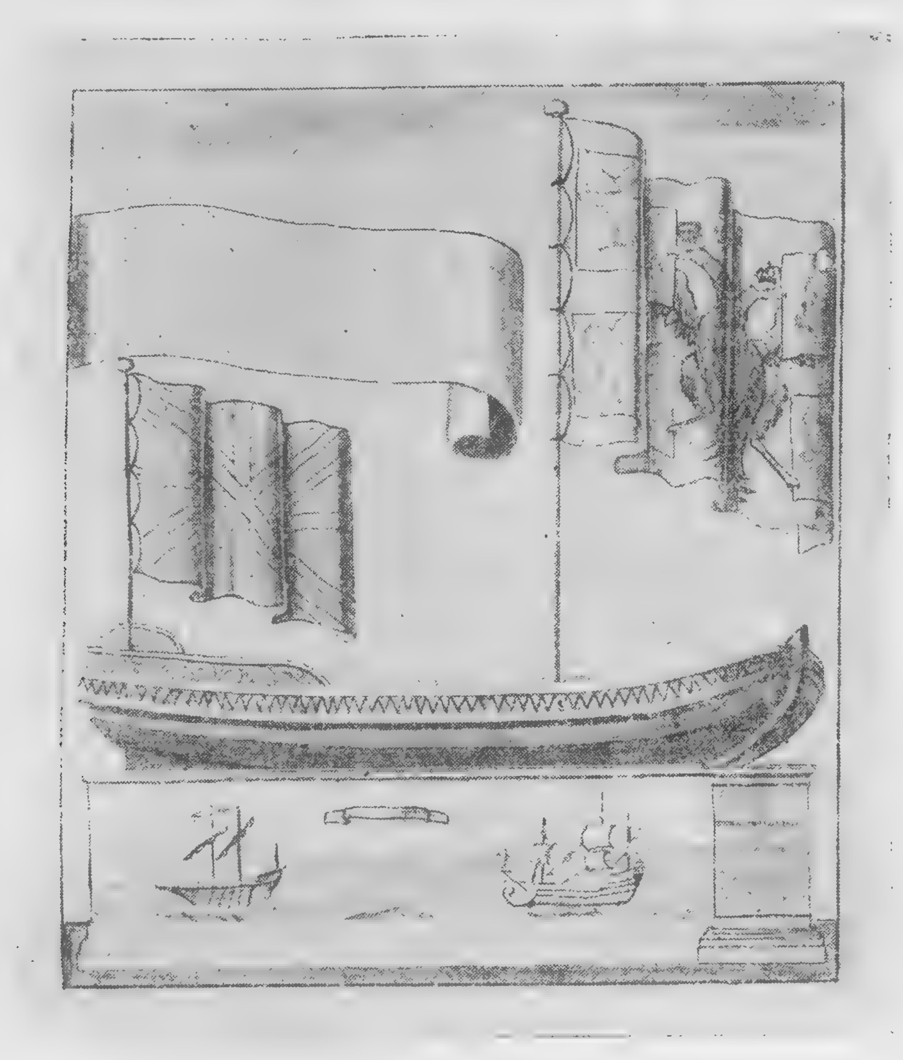

Рис. 21. Ботик Петра I

Гравюра И. Зубова, сделанная в 1722 г. по распоряжению Петра. Над изображением ботика помещена надпись, повествующая о значении ботика для образования русского флота, в ней передается рассказ Петра о том, как им был найден этот ботик (рассказ этот приводится в предисловии к Морскому регламенту 1721 г.); далее говорится, что в 1722 г. ботик «первее народу выставлен и презентован того ради, понеже богоданным ныне миром плоды его паче известны и крепко утверждены стали и мир сей плодом его неложно нарещися может».

берега, я спросил, для чего так? Он сказал, что узка вода. Тогда я перевез его на Просяной пруд, но и там немного авантажу сыскал, а охота стала от часу быть более. Того для я стал проведывать, где более воды. То мне объявили Переяславское озеро, яко наибольшее, куда я, под образом обвещания

в Троицкий монастырь, у матери выпросился. А потом уже стал ее просить и явно, чтобы там двор и суды сделать. И так вышереченный Карштен Брант сделал два малые фрегата и три яхты. И там несколько лет охоту свою исполнял. Но потом и то показалось мало; то ездил на Кубенское озеро. Но оное ради мелкости не показалось. Того ради уже положил намерение прямо видеть море». Воспоминания царя, написанные спустя 32 года после рассказанных в них событий, вполне точны и подтверждаются другим документом. Действительно, в Дворцовых разрядах за 1688 г. под 30 июня записан поход Петра в Троицкий монастырь «по своему государскому обещанию» в необычное для такого похода время и несмотря на то, что ездил туда незадолго перед этим с матерью (31 мая 1688 г.). Сохранилось и письмо Петра к царице Наталье Кирилловне, помеченное «із Переславля, іуля въ 5 д.» (1688 г.). «Желаю всегда здравия, а я за благословениемъ твоімъ живъ і паки благословения прошу»[1].

27 января 1689 г. царица Наталья Кирилловна на семнадцатом году женила сына на дочери окольничего Федора Абрамовича Лопухина Евдокии. Свадьба была сыграна скромно. Венчался Петр в маленькой дворцовой церкви «ап. Петра и Павла», построенной в 1684 г. Таинство совершал его духовник протопоп Меркурий. К красавице-жене Петр не почувствовал никакой склонности. Повидимому, его гораздо более занимали в то время заложенные предыдущим летом в Переяславле корабли. Едва миновал медовый месяц и стали вскрываться реки, Петр летит уже, забыв жену, к любимому озеру. Сохранилось пять писем Петра к матери, писанных из Переяславля весной 1689 г.[2]: «Вселюбезнейшей і паче живота телесного дражайшей моей матушьке, — пишет он в одном из них, — гасударыни царице і великой княгине Наталиі Кириловънѣ сынишъка твой, в работе пребывающей, Петрушъка, благословения прошу, а о твоем здравиі слышеть желаю. А у нас молитвами твоіми здорово все; а озеро все вскрылось сего 20-го числа, і суды все кромѣ большого короблня в оддѣлъкѣ, тол[ко] за канатами станетъ, і о том милости прошу, чтоп тѣ канат[ы] по семисот сажен ис Пушъкарского приказу не мешкофъ присланы были; а за ними дѣло станет, і житье наше продолжитца. По сем паки благословения прошу. Іс Переславъля, апреля 20 д. 1689». Судя по записям Дворцовых разрядов, 23 апреля Петр был уже в Москве. «За три часа до вечерни» в этот день он «изволил с Москвы итить в село Преображенское», 26 апреля из Преображенского он приезжал в Москву на панихиду по царе Федоре Алексеевиче и вернулся опять туда же[3]. Проведя конец апреля и май в Преобра-

[1] *Устрялов,* История, т. II, приложение I; Дворцовые разряды, IV, 388; П. и Б., т. I, № 4. В письмах, собственноручно написанных Петром, сохранена его орфография. — *Ред.*

[2] П. и Б., т. I, № 5—9.

[3] Дворцовые разряды, IV, 432—433. Если только верны записи Дворцовых разрядов за эти дни, тогда нельзя относить к концу апреля письмо Петра к матери из Переяславля (П. и Б., т. I, № 7), как это делают издатели П. и Б.

женском, где также началась постройка потешного корабля, Петр 2 или 3 июня 1689 г. опять примчался в Переяславль. 8 июня он писал матери письмо, опять вводя ее в свои интересы: «Вседража[й]шей моей матушкѣ недостойноі Петрушка, благословения прося, челомъ бью і за присылъку з дохтуромъ і з Гаврилою (Головкиным), яко Ной иногъда о масличном сукѣ, ра-

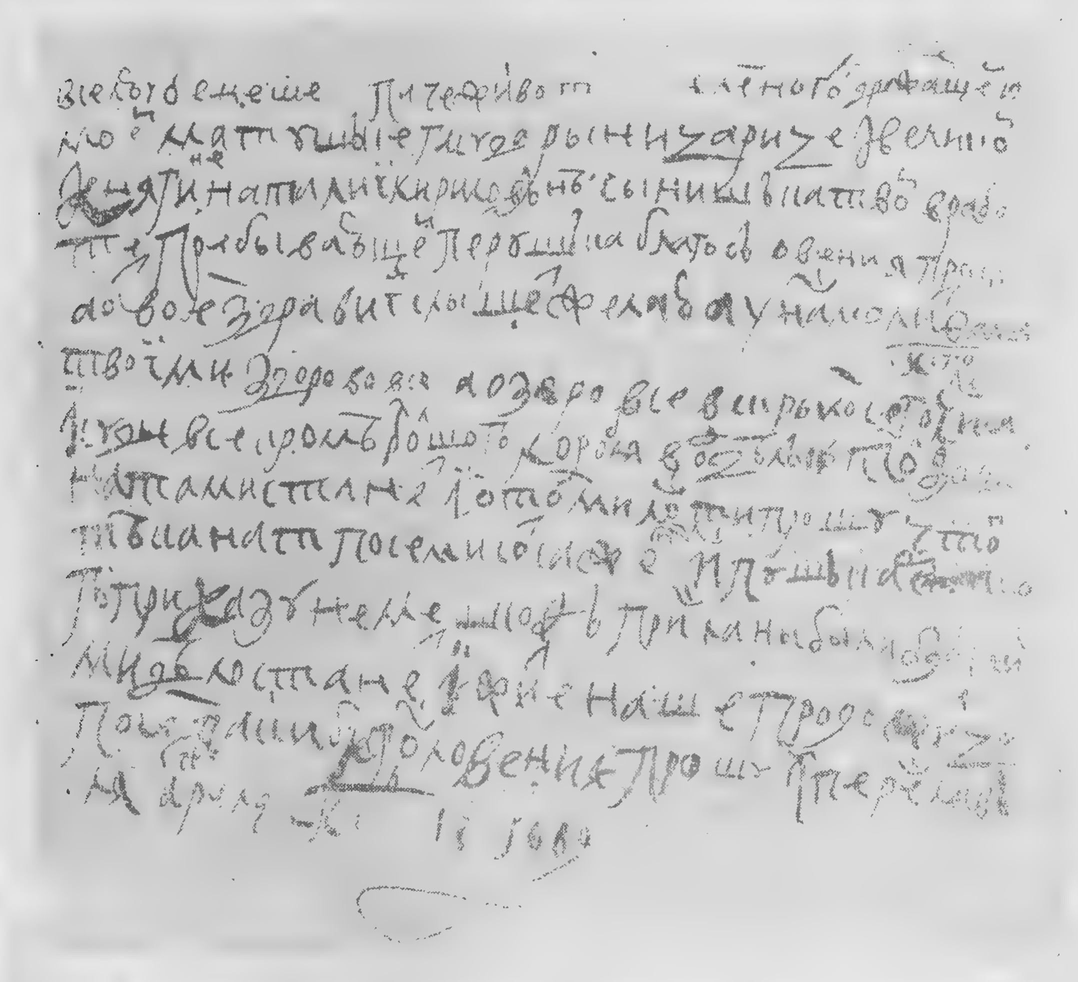

Рис. 22. Письмо Петра к матери из Переяславля от 20 апреля 1689 г.

Подлинник находится в ГАФКЭ в Москве (Архивный фонд — 6. Государственный архив, разряд IV, № 1).

дуюся і паки челом бью. А у нас все молитвами твоіми здорово, і суды удались всѣ зело хороши. По семъ дай Господь здравия души і тѣлу, якоже азъ желаю. Аминь. Ісъ Переславъля, іуня в 8 д. А масътеръ корабелной Кортъ (помощник Карстен Бранта) іуня в 2 д. умъре до нашего приезду за дватцать за два часа» [1]. 11 июля видим Петра уже в Москве в Архангельском соборе на панихиде по царе Федоре Алексеевиче. Панихида должна была служиться 8 июня на память Федора Стратилата, но была отложена до 11-го, «для того, что государей из походу дожидались» [2].

[1] П. и Б., т. I, № 8.

[2] Дворцовые разряды, IV, 445.

ЮНОСТЬ

VI. СТОЛКНОВЕНИЕ ПЕТРА С СОФЬЕЙ

В этих забавах проходила юность Петра, и он достиг уже семнадцатилетнего возраста. Если в одиннадцать лет иностранцу, его видевшему, он казался шестнадцатилетним, то понятно, что в семнадцать лет он выглядел совершенно взрослым. Лица, стоявшие близко к Петру, пользовались, конечно, каждым случаем подчеркнуть возмужалость царя и его способность взяться за государственные дела. Передавая толки в московском обществе и, может быть, выдавая предположения и желания за совершившиеся уже факты, шведский резидент в Москве фон Кохен еще в декабре 1687 г. доносил своему правительству, что теперь царя Петра стали ближе знать, так как «первый министр кн. Голицын (Василий Васильевич) обязан ныне докладывать его царскому величеству о всех важных делах, что прежде не делалось; говорят, что в течение наступающего января месяца его царское величество вступит в брак». Брак состоялся ровно на год позже. 10 февраля 1688 г. тот же Кохен доносил, что «его царское величество царь Петр прилежно посещал думу и, как говорят, недавно ночью секретно рассматривал все приказы» [1]. Нет пока возможности проверить это сообщение; но от марта того же, 1688, года имеется вполне достоверный документ, содержащий известие о посещении Петром Посольского приказа и намек на посещение им Разряда. 16 марта в четвертом часу ночи, т. е. по нашему счету в десятом часу вечера, Петр, возвращаясь из Архангельского собора с панихиды по царе Алексее Михайловиче, зашел в сопровождении свиты в Посольский приказ, был там в Большой палате, побывал и в другой комнате, так называемой «тайной казенке», где обратил внимание на находившиеся там иконы. Об этом посещении царя приказные дьяки В. Бобинин, И. Вол-

[1] «Русская старина», 1873 г., сентябрь.

ков и Б. Михайлов на следующий день известили кн. В. В. Голицына и его сына письмом: «Премилосердным государем нашим князю Василию Васильевичу, князю Алексею Васильевичу здравия и радости и нескончаемых благ непрестанно со усердием желаем. Известно вам, государем, чиним, что сего марта в 16 день великим государем, их царскому величеству, выход был к Архангелу к понахиде, а после того в ночи в четвертом часу пришествие великого государя царя и великого князя Петра Алексеевича (титул) было в государственной Посолской приказ и изволил в большой палате постоять у стола и смотреть росписи колодником и в тайной казенке быть изволил же и смотрел икон. А были при нем, великом государе, князь Борис Алексеевич Голицын, бояря князь Михайло Алегукович Черкасской, князь Михайло Иванович Лыков, князь Иван Борисович Троекуров, окольничей Семен Федоровичь Толочанов, Алексей Иванович Ржевской и иные ближние люди, человек з двадцать. И при нем, великом государе, спрашивал князь Борис Алексеевич: где сидят донские раскольники? И дневальные сказали, что розданы дьяком и подьячим за караул по дворам. И изволил великий государь из государственного Посолского приказу шествовать в Розряд. А иных колодников и ни о чем о ином спрашивать не изволил. А в то, государи, время, как ево государское пришествие было и в приказе дневальные подьячие и сторожи были все и ко входу палату отперли вскоре. И все, государи, в приказе здорово» [1]. Петр, следовательно, заходил в приказ уже в неприсутственное время, когда в нем оставались только дежурные подьячие и сторожа.

То обстоятельство, что Петр постоял несколько времени у стола в Большой палате Посольского приказа и посмотрел на иконы в тайной казенке, не дает еще возможности заключать о его стремлении взяться за государственные дела, сколь ни оригинально было это посещение царем приказа, прецедента которому нельзя, вероятно, найти в истории XVII в. Но Софья и ее приверженцы могли истолковать это неожиданное происшествие как один из признаков желания приближенных Петра знакомить царя с государственными учреждениями и вводить его в работу государственной машины. Разговоры о переходе власти к Петру не прекращались в Москве всю весну 1688 г. «Самое правительство, — пишет тот же Кохен от 6 апреля, — находится in statu quo ante, и потому известие из Польши о происшедшей перемене правительства есть пустой вымысел. Если бы что произошло, то я по обязанности не преминул бы тотчас уведомить о том». Но 11 мая он уже сообщает: «Кажется, что любимцы и сторонники царя Петра отныне тоже примут участие в управлении государством. Несколько дней тому назад брат матери его, Лев Кириллович Нарышкин, пожалован в бояре» [2]. В январе 1689 г. произошло событие, окончательно уже свидетельствовав-

[1] Чтения в Обществе истории и древностей российских, 1911 г., кн. 4, смесь. № 6.

[2] «Русская старина», 1878 г., сентябрь, стр. 124.

шее о совершеннолетии Петра: он женился. Положение правительницы Софьи становилось поэтому неловким: ей предстояло удалиться.

Софья прекрасно понимала это и давно уже стала заботиться о том, чтобы упрочить свое положение, придав своей власти более постоянную форму. После заключения вечного мира с Польшей, 26 апреля 1686 г., по которому Киев оставался навсегда за Московским государством и который справедливо мог считаться крупнейшим успехом ее правления, Софья стала именовать себя в грамотах рядом с именами царей. Указ об этом именовании царевны вышел 8 января 1687 г. В грамотах и других официальных актах титул государей стали писать таким образом: «Великие государи цари и великие князи Иоанн Алексеевич, Петр Алексеевич и великая государыня благоверная царевна и великая княжна София Алексеевна, всея Великие и Малые и Белые России самодержцы». С того же времени царевна стала появляться вместе с царями на дворцовых церемониях и на выходах к церковным торжествам, приучая общество видеть себя неразлучной с царями. Но всего этого было недостаточно. У Софьи созревает мысль о венчании царским венцом. В августе 1687 г. Софья поручила своему второму фавориту, Шакловитому, без шума разведать, как примут эту мысль стрельцы и поддержат ли ее намерение. Шакловитый созвал к себе на дом 30 стрелецких урядников и предложил им написать челобитную с просьбой, чтобы царевна венчалась царским венцом. Урядники отнеслись к предложению холодно, заявив, что челобитной писать не умеют и опасаются, примет ли ее царь Петр Алексеевич. «Если не послушает, — возразил Шакловитый, — схватите боярина Льва Кирилловича Нарышкина и кравчего Бориса Алексеевича Голицына: тогда примет челобитье». «А патриарх и бояре?» — спрашивают неохотно стрельцы. «Патриарха можно переменить, — горячится Шакловитый, — а бояре — отпадшее, зяблое дерево; разве постоит до поры до времени один князь Василий Васильевич Голицын». Так передавался этот разговор позднее на следствии по делу Шакловитого, осенью 1689 г. Из этой беседы Софья поняла, что стрельцы не будут ее поддерживать особенно усердно, раз надо было прибегать к таким насильственным мерам, как захват близких к царю людей и смена патриарха. На время она решила отложить свое намерение, однако не совсем отказалась от него. Для более постепенного приготовления умов к замышляемому перевороту был отпечатан ее портрет в царском облачении, в короне и со скипетром в руках. Ее окружают семь аллегорических изображений, представляющих семь ее добродетелей («разум, благочестие, щедрота, великодушие, надежда божественная, правда, целомудрие»). Сильвестр Медведев написал к портрету вирши, прославляющие царевну за эти добродетели. На овальном ободке портрета прописан был полный царский титул царевны с обычным перечислением всех земель, входящих в состав Московского государства. Такое же изображение с надпи-

Рис. 23. Царевна Софья Алексеевна

Вокруг ее портрета помещены медальоны с аллегорическими изображениями семи добродетелей. На рамке, окаймляющей портрет, находится полный титул «правительницы» на латинском языке. Под портретом — переведенные на латинский язык вирши, прославляющие Софью. — Гравюра, скопированная амстердамским гравером Блотелингом по заказу Софьи в 1687 г. с русской гравюры Тарасевича. В 1689 г. гравюры Тарасевича и Блотелинга с изображением Софьи велено было уничтожить. В настоящее время гравюра Блотелинга представляет величайшую редкость; гравюры же Тарасевича не сохранилось вовсе.

сями на латинском языке было заказано в Голландии для распространения за границей, для подготовки иностранных дворов к московским переменам.

Между тем царица Наталья Кирилловна зорко и ревниво следила за честолюбивыми поползновениями царевны; раз даже не сдержалась и открыто высказалась в присутствии старших и младших царевен, золовок и падчериц: «Для чего она стала писаться с великими государями вместе? У нас люди есть, и они того дела не покинут». Официально между обоими дворами, царевниным и царицыным, соблюдались корректные отношения. Конец августа 1688 г. оба государя и с ними царевна-правительница проводили в селе Коломенском. «Августа в 27 день, — читаем в Дворцовых разрядах, — великие государи цари и великие князи Иоанн Алексеевич, Петр Алексеевич и великая государыня благоверная царевна и великая княжна София Алексеевна, всеа Великие и Малые и Белые России самодержцы изволили государыни царицы и великие княгини Натальи Кирилловны ангелу (26 августа день св. Наталии) праздновать в селе Коломенском»[1]. На самом деле между ними накипало взаимное и все более открытое раздражение, становившееся заметным посторонним наблюдателям. Софья косо посматривала на занятия Петра. Его потешных она называла озорниками, а он все набирал и набирал потешных. За осень 1688 г. генерал Гордон заносит в свой дневник ряд требований Петра о высылке из гордонова полка в Преображенское для записи в потешные солдат, флейтщиков и барабанщиков, замечая при этом, что князь В. В. Голицын очень недоволен этими требованиями. Гордон делит в дневнике придворное общество на две противоположные партии и под 23 сентября 1688 г. делает отметку, что разговор Петра с каким-то подьячим, которого царь расспрашивал, получали ли жалованье подьячие, возбудил неудовольствие в другой партии. 17 октября он упоминает в дневнике о том, что, возвращаясь из Измайловского с близким к князю В. В. Голицыну человеком Л. Р. Неплюевым, имел с ним пространный разговор о тогдашних «тайных соображениях»[2]. Как потом выяснило следствие, у людей, окружавших царевну и предвидевших с ее падением и свое собственное, стали появляться страшные мысли. Князь В. В. Голицын вздыхал: «Жаль, что в стрелецкий бунт не уходили царицу Наталью с братьями, теперь бы ничего не было». Шакловитый ставил вопрос ребром: «Чем тебе, государыня, не быть, лучше царицу извести». Один из его подчиненных, стрелец Чермный, шел далее всех и высказывался уже совершенно открыто: «Как быть, — рассуждал он, — хотя и всех побить, а корня не выведешь: надобно уходить старую царицу, медведицу». А на возражение, что за мать вступится царь, он добавлял: «Чего и ему спускать? Зачем стало?» Софья подогревала это настроение

---

[1] Дворцовые разряды, IV, 406.
[2] Tagebuch des generals Patrick Gordon, II, 227, 229, 232.

своими жалобами на притеснения, чинимые будто бы ей нарышкинской партией. Неоднократно царевна призывала к себе доверенных стрельцов и беседовала с ними: «Зачинает, — говорила она раз перед ними в церкви у «Спаса на Сенях», — зачинает царица бунт с братьями и с князем Борисом Голицыным, да и патриарх на меня посягает; чем бы ему уговаривать, а он только мутит». Шакловитый, присутствовавший при этом разговоре, сказал: «Для чего бы князя Бориса и Льва Нарышкина не принять (устранить)? Можно бы принять и царицу. Известно тебе, государыня, каков ее род и какова в Смоленске была: в лаптях ходила!» «Жаль мне их, — возразила царевна, — и без того их бог убил». Среди стрельцов приверженцы Софьи распускали самые нелепые слухи вроде тех, какие были пущены в 1682 г. Говорили, что Нарышкины покушаются на жизнь царевны; что Федор Нарышкин, придя в комнату царевны, бросил в нее поленом; что Лев и Мартемьян Нарышкины ломились в комнату царя Ивана и изломали его царский венец; что Лев Нарышкин и князь Борис Алексеевич Голицын растащили всю царскую казну, а всех стрельцов хотят перевести; что в Преображенском только и дела, что музыка да игра, и что приспешники молодого царя «с ума споили» и т. д. Чтобы раздражить спокойных стрельцов, прибегали даже к хитростям. Преданный Софье человек, подьячий приказа Большой казны Шошин, одевшись в костюм, похожий на костюм Льва Кирилловича Нарышкина, в сопровождении стрелецких капитанов ездил ночью по Москве, хватал караульных стрельцов и приказывал бить их до смерти. И когда стрельцов начинали колотить, один из спутников Шошина громко восклицал: «Лев Кириллович! За что бить до смерти? Душа христианская!» Этим думали вызвать озлобление против Нарышкина в массе стрельцов. Но масса эта оставалась спокойной. На жалобы Софьи у «Спаса на Сенях» наиболее преданные стрельцы равнодушно отвечали: «Воля твоя, государыня, что хочешь, то и делай». Настроение 1682 г. не повторялось. Самые беспокойные и недовольные элементы из стрелецкого войска были разосланы из Москвы по городам после расправы с Хованским, и Софья теперь потеряла то орудие, которым она так успешно действовала в 1682 г. Речи софьиных приспешников немедленно передавались ко двору царицы Натальи и передавались в настолько преувеличенном виде, насколько могла преувеличивать сплетня XVII в. При царицыном дворе обвиняли Шакловитого в попытках убить князя Б. А. Голицына и братьев Нарышкиных, говорили, что он намеревался вдовствующую царицу заточить в монастырь или прямо извести, запалив Преображенское, что сторонники Софьи ворожили против здоровья царицы и по ветру напускали на нее с сыном и на всю их родню всякие болезни и т. д.[1]. Озлобление между обеими сторонами росло. Легко по-

[1] «Розыскные дела о Федоре Шакловитом», изд. Археографической комиссией.

нять, какое впечатление производили эти разговоры при дворе царицы Натальи на восприимчивого юношу Петра, видевшего в детстве кровавые сцены устроенного сестрой стрелецкого мятежа, какая глубокая ненависть к Софье должна была расти в его душе. Первые открытые столкновения брата с сестрой произошли в июле 1689 г.

Между тем, как Петр летом 1689 г. особенно усердно предавался военным играм с потешными конюхами и новому занятию, всецело его захватившему, — кораблестроению, все более тяготясь московским церковно-придворным ритуалом и все более уклоняясь от участия в его исполнении, царевна-правительница как бы намеренно подчеркивает свое строгое соблюдение этого ритуала и свою преданность святыням и готовность участвовать в церковных торжествах. Вернувшись из Переяславля к 11 июня и побывав на панихиде по царе Федоре, служившейся в этот день именно потому, что царь запоздал к 8-му, Петр после панихиды отправился в Преображенское. 19 июня оттуда в Оружейную палату был прислан потешный сокольник Иван Юров, который, «пришед, сказал: сего де вышеписанного числа из села Преображенского великий государь послал его к Москве в Оружейную палату, а указал: пару пистолей немецких со станками шамшировыми, с золоченою медною оправою, которая прислана была из Оружейной палаты к нему, великому государю, в поход сего ж месяца июня, отдать в Оружейную палату попрежнему, и вместо того взять три пары пистолей немецких же, с станками с синослоевыми» [1]. В то же время в Преображенском заложен был «потешный корабль», крупных размеров баркас, стенки которого строились в четверть аршина толщины. Из Преображенского Петр появился в Москве 24 июня вечером «в отдачу дневных часов», а 25 июня вместе с царем Иваном он после литургии выходил в Успенский собор на торжественное молебствие по случаю дня коронации, совершавшееся патриархом. Затем отметки о выезде Петра из Москвы нет. 28 июня он по обыкновению был вместе с братом в Успенском соборе у малой вечерни и молебного пения, 29 июня, «в день своего ангела», в том же соборе слушал литургию. После литургии Петр в верху, в новой Столовой, жаловал сибирского и касимовского царевичей, бояр, окольничих, думных и ближних людей для тезоименитства своего кубками ренского, а после них в той же палате жаловал стольников, полковников, стряпчих походных, дьяков и гостей водкой. В этот день объявлены были производства в чины. Царский тесть Ф. А. Лопухин был пожалован в бояре, И. И. Нарышкин и П. М. Апраксин из комнатных стольников были произведены в окольничие. 2 июля за 3 часа до вечера Петр отбыл в Коломенское. За описанное время он пропустил целый ряд церковных торжеств, на которых неизменно присутствовала Софья, частью с царем Иваном, частью одна. 14 июня в Успенском соборе царь

---

[1] *Есипов*, Сборник выписок, т. I, стр. 85.

Иван с царевной Софьей присутствовали на молебствии по случаю полученных вестей о победе Голицына над крымцами. Петр, вероятно, сознательно уклонился от этого торжества, так как вести из Крыма не заключали в себе ничего отрадного. Голицын писал, что при приближении русских к Крыму были бои с крымцами, в которых «ратные люди бусурман многих побили и живых поймали и с поля их сбили», что хан «с своим поганством, видя их, ратных людей, мужественное и храброе на себя наступление, ушли от них в Перекопь и в иные дальние свои жилища». В дальнейшем же извещалось, что когда бояре и воеводы от Перекопи отступили и шли к речке Белозерке, то на них нападали белгородские орды и черкесы и «с теми неприятелями были у ратных людей бои великие, на которых они, ратные люди, того поганства многих побивали»[1]. Отступление от Перекопи, укрепления которой Голицын не решился штурмовать, знаменовало собою явную неудачу второго Крымского похода. Так это и поняли при дворе Петра. 14 июня было навечерие памяти Ионы, митрополита Московского. Царевна второй раз в этот день выходила

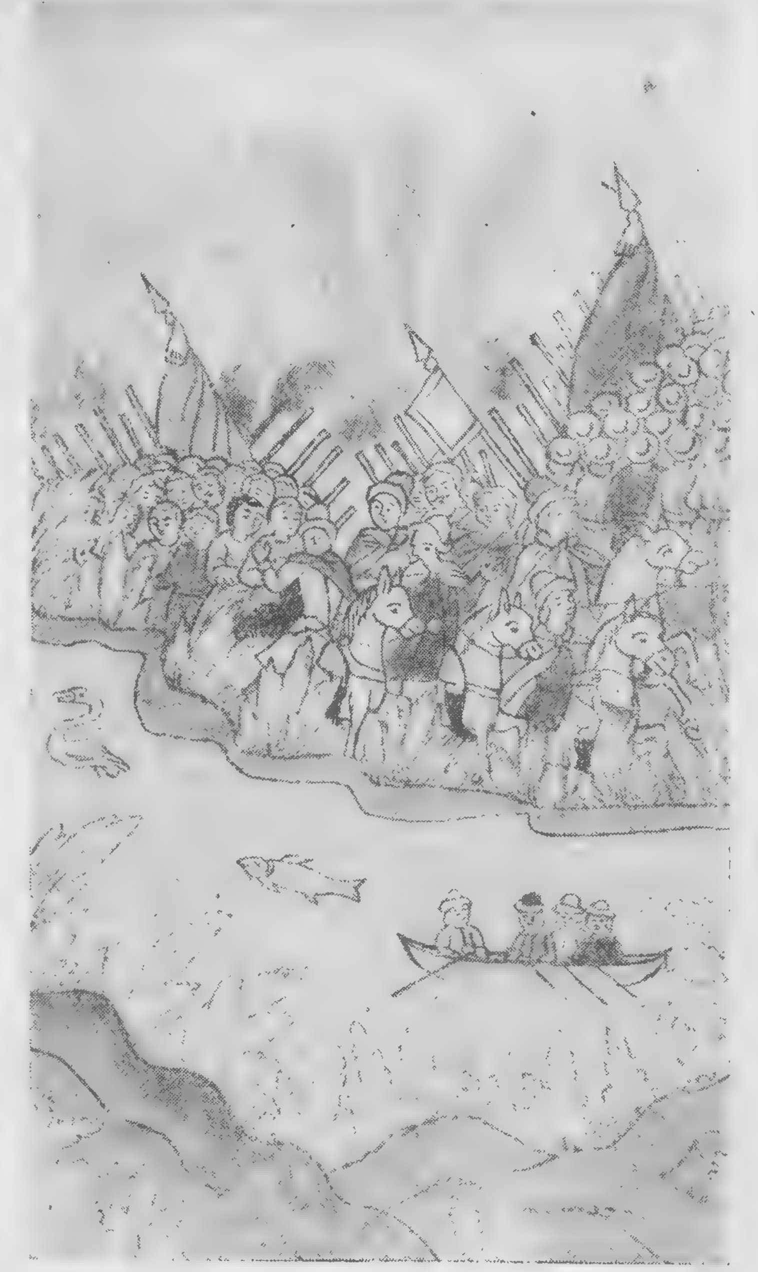

Рис. 24. Возвращение войска В. В. Голицына из Крымского похода

На первом плане изображены казаки в лодке, далее русское войско, за ним — степь, подожженная татарами. — Миниатюра из «Повести о зачатии и рождении Петра Великого» Крекшина. Подлинная рукопись второй четверти XVIII в. находится в отделе рукописей Государственного исторического музея в Москве.

[1] Дворцовые разряды, IV, 446—447.

в Успенский собор к всенощному бдению. 15 июня, в самый день памяти митрополита Ионы, она слушала в Успенском соборе литургию, вечером этого дня в канун празднества «Тихона чудотворца» была у всенощной во вновь сооруженной церкви Тихона в Белом городе у Смоленских ворот, а утром 16 июня, в самый праздник Тихона, присутствовала на освящении этой церкви и слушала в ней литургию. 20 июня царевна «изволила для моления о дожде иттить к церкви пророка Илии, по прозванию Обыденного, что за Пречистенскими вороты близ Москвы-реки, и той церкви слушать всенощного пения». Утром 21 июня она вместе с царем Иваном Алексеевичем шла в крестном ходу из Успенского собора в эту церковь Ильи Обыденного и была там за обедней. 23 июня, в день празднования «сретения владимирской иконы богоматери», царевна шествовала в крестном ходу из Успенского собора в Сретенский монастырь, отстояла там литургию, а после литургии вернулась с крестным же ходом в Успенский собор. 26 июня она «изволила иттить для моления» в Новодевичий монастырь, была там у обедни и молебного пения. 27-го прибыл туда царь Иван Алексеевич. Из монастыря царевна с братом вернулись 28 июня на рассвете, 4 июля, в навечерие празднества «преподобного Сергия Радонежского», царевна слушала всенощную на Троицком подворье в церкви Сергия. 5 июля вместе с царем Иваном она была за литургией в той же церкви, а затем оба прибыли в Успенский собор на молебствие по поводу победы над раскольниками в этот день в 1682 г.: «что в прошлом во 190 г. июля 5 дня милостию всесильного бога за его святую соборную и апостольскую церковь и за святую непорочную христианскую веру раскольщики и церкви божии противники распопа Микитка Пустосвят с его советники попраны и побеждены, и искоренены». 7 июля было празднование московскому митрополиту Филиппу, перенесенное почему-то на этот день с 3 июля. Царевна Софья с братом Иваном — в Успенском соборе [1]. Эти частые выходы царевны, это постоянное появление ее на церковных торжествах среди народа, создавшее царевне популярность, не было по душе царице Наталье и приверженцам Петра, могло казаться им опасным. Можно предполагать, что при дворе Петра шла речь, что надо положить этим выходам конец. 8 июля, в день празднования «казанской иконе божьей матери», бывал из кремлевских соборов крестный ход в Казанский собор к литургии. На это торжество рано утром 8 июля приехал из Коломенского в Москву Петр. Оба государя и царевна из дворцовой церкви Спаса, сопровождая иконы, вышли в Благовещенский собор, а оттуда направились в Успенский собор. Против угла Грановитой палаты шествие встретил патриарх со всем Освященным собором. Приложившись к иконам и преподав благословение государям, патриарх вместе с ними вошел в Успенский собор. В соборе государи приклады-

[1] Дворцовые разряды, IV, 452—455, 447—450, 453, 455—456.

вались к иконам и мощам, а хор пел им многолетие. Отсюда крестный ход должен был двинуться дальше. В этот момент и произошло столкновение Петра с сестрой. Царевна взяла образ «О тебе радуется», чтобы нести его в ходу. Петр потребовал, чтобы Софья не ходила. Царевна возражала, вышел горячий спор. Царевна настояла на своем и отправилась с крестным ходом. Петр, сдерживая гнев, дошел с процессией до Архангельского собора, здесь ее покинул и уехал в Коломенское. После многолетия, читаем в официальной разрядной записке этого дня, ни слова, разумеется, не говорящей об описанном столкновении, о котором нам рассказывает в своих воспоминаниях А. Матвеев, из соборной церкви великий государь Иоанн Алексеевич и великая государыня Софья Алексеевна изволили итти за иконами и за честными крестами в Спасские ворота на Лобное место. А великий государь Петр Алексеевич «изволил святые иконы и честные кресты из соборные церкви проводить до соборные ж церкви архистратига божия Михаила и изволил он, великий государь, приттить в тое церковь. И, знаменався у святых икон и у мощей благоверного царевича Димитрия, изволил с Москвы иттить в то же вышепомянутое село Коломенское» [1].

И после происшедшего 8 июля эпизода Софья, совершенно не считаясь с недовольством Петра и вопреки его словам, продолжала выходы на публичные торжества. 14 июля вечером она присутствовала у всенощной в церкви князя Владимира, что на Кулишках подле Ивановского монастыря, а на другой день, 15 июля, была на освящении этой церкви. Поводом к дальнейшим столкновениям было возвращение из похода князя В. В. Голицына и прием, оказанный ему Петром. 18 июля полкам князя Голицына, расположенным в окрестностях села Семеновского, на Калужской дороге, велено было итти к Москве. 19 июля царевна устроила своему любимцу торжественную встречу. Рано поутру в этот день царевна прибыла в церковь Тихона, что у Смоленских ворот, и, выслушав здесь молебен, отправилась к Серпуховским воротам, чтобы встретить «животворящий крест» и иконы, бывшие в полках в походе. За крестом и иконами, сопровождаемыми духовенством Донского монастыря и духовенством, бывшим в походе, шли князь В. В. Голицын и другие воеводы, командовавшие разрядами: командир Новгородского разряда боярин Алексей Семенович Шеин, Рязанского разряда боярин князь Владимир Дмитриевич Долгорукий, командир Низового полка стольник и воевода Василий Михайлович Дмитриев-Мамонов и подчиненные им воеводы. Встреча состоялась на указанном месте, у Серпуховских ворот. Приложившись к кресту и иконам, царевна жаловала бояр и воевод «к руке» и спрашивала их о здоровье. От Серпуховских ворот шествие двинулось в Кремль Ка-

---

[1] Дворцовые разряды, IV, 457—458; *Матвеев*, Записки, изд. Сахаровым, стр. 52.

дашевским и Всесвятским мостом через Предтеченские ворота. Впереди двигались ратные люди: «ротмистры, и полковники, и стольники, и стряпчие, и порутчики, и хорунжие, и дворяне, и жильцы, и иных чинов по 5 и по 6 человек в ряд в саадаках и в саблях и с иным оружием». Затем следовало духовенство, Освященный собор с Адрианом, митрополитом Казанским и Свияжским, во главе, а за крестом и иконами шла царевна, в сопровождении князя Голицына и других воевод, думных чинов, московского дворянства, дьяков, гостей и приказных людей.

Рис. 25. Боярин князь В. В. Голицын
Гравюра Тарасевича.

У дворца, у Колымажных ворот, встретил процессию царь Иван Алексеевич, а перед Успенским собором, у угла Грановитой палаты, — патриарх, отслуживший затем в Успенском соборе молебствие. После молебна, сопроводив крест и иконы к себе «в верх», царевна и царь Иван в Передней палате дворца вновь жаловали воевод «к руке», причем думный дьяк В. Г. Семенов говорил им приветственную речь. А затем государь и царевна жаловали «к руке» и всех участвовавших в процессии служилых людей [1]. Торжество вышло внушительным. Тем яснее, конечно,

[1] Дворцовые разряды, IV, 459—465.

замечалось и тем досаднее было для царевны намеренное отсутствие на нем Петра. Голицын и воеводы принуждены были на следующий день для представления Петру отправиться в Коломенское и, по всей вероятности, были приняты весьма сухо. Может быть, в ответ на сухость этого приема Софья устроила в честь возвратившихся воевод новое торжество. 23 июля она была в Новодевичьем монастыре у обедни, за которой велено было присутствовать и Голицыну с воеводами. После обедни отслужено было благодарственное молебствие по случаю победы над их государскими врагами «проклятыми агарянами». «А после молебного пения изволила она, великая государыня, жаловать их, бояр и воевод, кубками фряжских питей, а ратных людей: ротмистров, и стольников, и поручиков, и хорунжих, и иных московских чинов людей, которые в том монастыре были, водкою» [1]. Между тем заготовлялся манифест о пожалованиях и наградах за Крымский поход. Но тут Софья натолкнулась на категорический отказ Петра утвердить этот манифест. Отношения страшно обострились. В Кремлевском дворце опять пошли разговоры о злоумышлениях со стороны Петра и его приверженцев против царевны. 25 июля в день именин царевны Анны Михайловны, когда ожидалось появление Петра в Москву, по распоряжению Шакловитого у Красного крыльца поставлен был в скрытом месте караул в 50 человек стрельцов, которым предписано было при первых же звуках набата спешить в верх и хватать кого укажут. Шакловитый опасался какой-либо «хитрости» над государыней со стороны потешных, которые придут с Петром. Но Петр не явился в этот день ни на богослужение, ни на церемонию пожалования поздравителей водкой в Передней палате, вероятно, избегая встречи с сестрою. Он прибыл из Коломенского только «за 3 часа до вечера», часов около пяти пополудни по нашему счету, заехал поздравить тетку и в тот же вечер отправился к себе в Преображенское. Только после многих просьб, с большим трудом, по свидетельству Гордона, удалось уговорить Петра утвердить манифест о наградах. Согласие его было дано 26 июля, а 27-го список наград был прочтен боярам с товарищами во внутренних покоях дворца, а прочим чинам на верхней лестнице. Награды заключались в пожалованиях вотчин и поместий, в обращении части поместий в вотчину, в денежном жаловании, в подарках кубками, мехами и материями. Розданы были также золотые медали с изображениями государей и царевны. Но, дав согласие на награды, Петр сорвал свое раздражение, отказав в приеме Голицыну с товарищами, когда они явились было в Преображенское его поблагодарить. «Все поняли, — пишет по этому поводу Гордон, — что согласие младшего царя было вынужденное с великим насилием, что возбудило его еще больше против военачальника и против главнейших советников при дворе из противной стороны». Оскорбленная отказом в приеме Голицыну,

[1] Дворцовые разряды, IV, 466—467.

Софья не могла скрыть своего раздражения. В тот же день, 27 июля, вечером в Новодевичьем монастыре после всенощной по случаю празднования 28 июля «Смоленской иконе богоматери» царевна, жалуясь на царицу Наталью Кирилловну, говорила провожавшим ее в походе в монастырь стрельцам: «И так беда была, да бог сохранил; а ныне опять беду зачинает. Годны ли мы вам? Буде годны, вы за нас стойте, а буде не годны, мы оставим государство» [1]. Атмосфера насыщалась электричеством: чувствовалась неизбежность грозы. «Все предвидели ясно, — записывает Гордон в своем дневнике под 28 июля, — открытый разрыв, который, вероятно, разрешится величайшим озлоблением». «Пыл и раздражение, — говорит он под 31 июля, — делались бес-

Рис. 26. Золотая монета-жетон

с изображениями на одной стороне царей Ивана и Петра, на другой — царевны Софьи; по краям — начальные буквы их титулов (увеличена в 2 раза).

Такие монеты (медали) выдавались служилым людям — участникам второго Крымского похода. Экземпляры таких медалей имеются в Государственном историческом музее в Москве.

престанно больше и больше, и, казалось, они должны вскоре разрешиться окончательно». 4 августа сторонниками Петра был сделан шаг, который можно было в противном лагере понять, как первый удар. В этот день Петр находился в Измайлове и праздновал именины царицы Евдокии Федоровны. После литургии состоялось вошедшее в обычай угощение думных и ближних людей кубками фряжских питей, а чинов московского дворянства, дьяков и гостей — водкою, а затем поздравлявшие приглашены были к царскому столу. В числе поздравлявших явился в Измайлово и Шакловитый. От Шакловитого, пользуясь его присутствием, потребовали выдачи одного из его клевретов, стрельца Стрижева, наиболее усердно подбивавшего других против младшего царя. Шакловитый отказался было его выдать и был аре-

[1] Дворцовые разряды, IV, 468; Gordons Tagebuch, II, 266—267; Розыскные дела о Ф. Шакловитом.

стован в Измайлове, но, впрочем, вскоре же и отпущен. Напряженное озлобление, о котором говорил Гордон, дошло до высшей точки. 6 августа, читаем в его дневнике, «ходили слухи, которые страшно передавать». Обе враждующие стороны как бы стали в позы обороняющихся, каждая готова была ожидать нападения и видеть начало этого нападения в любом движении противника. Катастрофа разразилась в ночь с 7 на 8 августа. 7 августа в Москве нашли подметное письмо, в котором объявлялось, что в ночь на 8-е придут из Преображенского потешные побить царя Ивана и всех его сестер. Были приняты меры предосторожности, Кремль был заперт; туда пропускали только известных лиц. В Кремль вызван был на ночь сильный отряд стрельцов в 100 человек. Другому отряду в 300 человек велено было стоять наготове на Лубянке. Среди стрельцов различно объяснялась причина их вызова; одни говорили, что они вызваны для того, чтобы ранним утром сопровождать царевну в Донской монастырь; другие, что им придется «постращать в Преображенском», третьи, что, наоборот, оборонять Кремль от ожидаемого нападения потешных конюхов, которые придут из Преображенского. Носились самые противоречивые слухи. Среди стрельцов самого преданного, казалось бы, Софье Стремянного полка образовалась группа из семи человек, преданных Петру, во главе с пятисотенным Ларионом Елизарьевым, которые с тревогой следили за приготовлениями этой ночи и видели в этих приготовлениях замысел напасть на Преображенское. Ожидание достигло того напряженного состояния, при котором малейший шорох может показаться раскатами грома. Вдруг ночью в Кремль въехал прискакавший зачем-то из Преображенского спальник Петра Плещеев со своим человеком и двумя потешными. Его почему-то пропустили через Никольские ворота, но затем стащили с лошади, задержали вместе с его спутниками и повели на допрос к Шакловитому. Вызванная этим происшествием тревога показалась группе преданных Петру стрельцов критическим моментом. Двое из них, Мельнов и Ладогин, помчались в Преображенское, чтобы известить Петра о грозящей опасности. Царя разбудили. В одной сорочке, босой он вскочил на коня (одежда была ему принесена в соседнюю рощу), а затем помчался к Троице, куда и прискакал утром 8 августа. Измученный этой скачкой, он, войдя в келью, бросился на постель и в слезах рассказал прибежавшему архимандриту Викентию о грозившей опасности. В тот же день приехала в монастырь царица Наталья Кирилловна, пришли потешные и стрельцы стоявшего в Преображенском Сухарева полка.

Между тем в Кремлевском дворце долго ничего не знали о происшедшем в Преображенском. Ночь с 7 на 8 августа после ареста Плещеева прошла спокойно. За два часа до света царевна Софья в сопровождении Шакловитого и ночевавшего в Кремле стрелецкого отряда пошла на богомолье, но не в Донской монастырь, а в Казанский собор. Вернувшись из собора,

она приказала распустить стрельцов по их слободам. Тогда только получено было известие о бегстве Петра к Троице. В Москве были поражены этим событием, но во дворце сделали вид, что не придают этому значения. «Вольно ему, взбесяся, бегать», — тоном равнодушного человека заметил Шакловитый в ответ на донесение о событии. Однако нетрудно себе представить, что царевна переживала нелегкие минуты. Она не могла не чувствовать, что почва уходит из-под ее ног. Война, скрываемая до сих пор, теперь была объявлена открыто. Петр открыто занял положение обороняющегося человека, спасающегося от злого умысла — это могло привлечь к нему сочувствие общества. Притом он укрылся под сенью монастыря «преподобного Сергия», за теми самыми стенами, за которыми нашла себе защиту и Софья осенью 1682 г.

Проследим далее перипетии борьбы между братом и сестрой, продолжавшейся месяц. Всеми делами у Троицы руководил

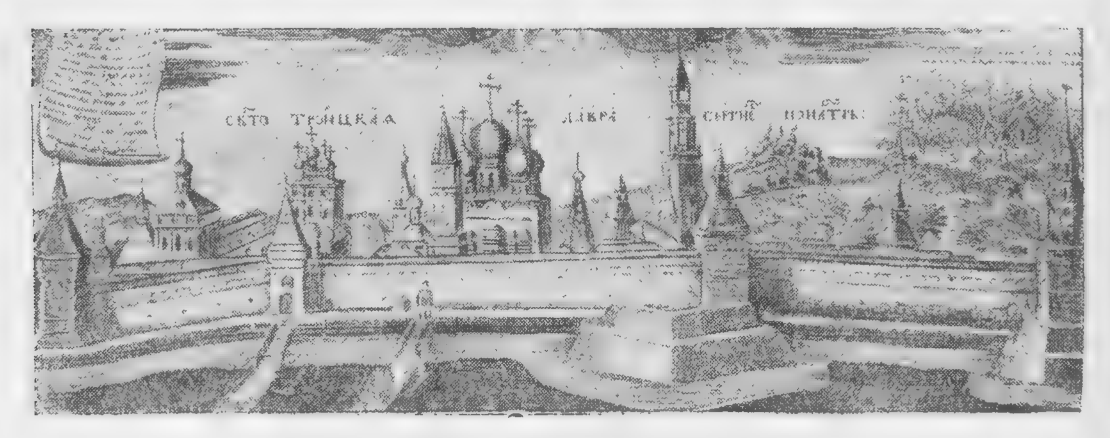

Рис. 27. Троице-Сергиев монастырь

Гравюра И. Зубова 1725 г.

князь Б. А. Голицын, нанося оттуда царевне удар за ударом. 9 августа от имени Петра был отправлен запрос старшему государю и царевне о причинах необычного скопления стрельцов в Кремле в ночь с 7 на 8 августа. Софья принуждена была в ответ оправдываться, ссылаясь на свое намерение итти в Донской монастырь, и, таким образом, она была поставлена в положение обвиняемой. 10 августа царь потребовал к себе полковника Стремянного стрелецкого полка Ивана Цыклера и с ним 50 человек стрельцов этого же полка. Есть известие (дневник Гордона), что Цыклер сам тайно просил Петра вызвать его в монастырь, обещая ему многое раскрыть. Цыклер со времени майского мятежа 1682 г. был одним из преданнейших Софье людей. Царевна могла скорее опасаться за его участь, чем подозревать с его стороны измену, и отпустила его. Вслед за ним 13 августа был отправлен к Троице боярин Иван Борисович Троекуров с поручением уговорить Петра вернуться в Москву; поездка его была безрезультатна. 14 августа были посланы от Троицы указы к 18

стрелецким полковникам, кроме Цыклера и Сухарева, находившихся уже в монастыре, с приказанием явиться к 18 августа самим и привести с собой от каждого полка пятисотенного, сотенных, пятидесятников, десятников да по 10 человек рядовых. Такие же грамоты были разосланы, кроме полковников, и в самые полки с обращением к стрелецким урядникам и к самим стрельцам. Два солдатских полка — Захаров и Гордонов — получили подобные же предписания. Указы о том же были посланы к князьям Василию Васильевичу и его сыну Алексею Васильевичу Голицыным, как стоявшим во главе Иноземского приказа, управлявшего солдатскими полками, и к Шакловитому, как начальнику Стрелецкого приказа. Грамоты эти были получены в Москве 16 августа. С исполнением требования Петра Софья осталась бы совсем без вооруженной силы. Она приказала пригласить полковников во дворец и объявила им, чтобы к Троице не ходили и в распрю ее с братом не вмешивались, пригрозив головой за ослушание. Полковники повиновались царевне. Не исполнили предписания Петра и командиры иноземных полков. Гордону запретил двигаться к Троице князь В. В. Голицын. Чтобы удержать стрельцов, Шакловитый пустил слух, что грамоты присланы от Троицы вымыслом князя Б. А. Голицына без ведома Петра. Гордон был из тех, кто верил этому слуху. Вероятно, для того чтобы смягчить и объяснить этот отказ, Софья уговорила царя Ивана послать к Троице его любимого дядьку боярина князя Петра Ивановича Прозоровского и вместе с ним отправила духовника Петра протопопа Меркурия. Миссия Прозоровского и духовника не имела успеха. Прозоровский вернулся ни с чем. Вслед за царским духовником отправился к Троице сам патриарх (между 19—22 августа); но царевна напрасно рассчитывала на его посредничество. Иоаким явно держал сторону Петра и, поехав к Троице, там и остался. «Послала я патриарха, — с досадой говорила Софья стрельцам, — для того, чтобы с братом сойтись; а он заехал в поход, да там и живет, а к Москве не едет». Между тем 27 августа в Москве в стрелецких полках были получены вторичные грамоты с прежним предписанием явиться к Троице всем урядникам (начальным людям) и по 10 человек рядовых от каждого полка. Получены были подобные же грамоты в сотнях и слободах московского посада. Предписывалось явиться в лавру старосте каждой слободы и по 10 человек выборных тяглецов от каждой сотни или слободы. За ослушание царь грозил смертной казнью. На этот раз стрельцы и московское население поняли, что грамоты являлись не вымыслом князя Б. А. Голицына, а подлинным выражением царской воли. В монастырь отправились 5 полковников, более 500 урядников и множество рядовых. Пошли также призванные тяглецы из сотен и слобод. Когда стрельцы явились к Троице, они были впущены в монастырь. Петр с матерью и патриархом вышел к ним на крыльцо царских чертогов (с начала XIX в. это здание было занято Московской духовной академией. В настоя-

щее время в нем помещается высшее Педагогическое училище). Дьяк по приказанию государя прочел выписку, составленную из показаний ранее явившихся к Троице стрельцов об умыслах Шакловитого. Все урядники и рядовые, гласит официальный отчет об этой сцене, «возопили слезным воплем, что они Федкина злого умысла не знают и не ведают, великим государям служат

Рис. 28. Ф. Л. Шакловитый,

изображенный в виде «великомученика» Федора Стратилата. Под портретом помещены изображения военных атрибутов и герб Шакловитого. Гравюра Тарасевича, вырезанная им одновременно с гравюрой, изображающей царевну Софью. В настоящее время представляет собой чрезвычайную редкость.

и работают, как служили и работали и прежним государям; воров и изменников ловить рады и во всем волю государскую исполнять готовы» [1].

Испытав напрасно все средства уладить столкновение с братом, Софья прибегла к последнему и крайнему: сама решила ехать к Троице объясниться. 29 августа, как свидетельствует разрядная записка, за 2 часа до вечера царевна вышла в Успенский собор

[1] Gordons Tagebuch, II, 267—271; Дворцовые разряды, IV, 469—470; Розыскные дела о Ф. Шакловитом.

и слушала там молебное пение. После молебствия в Успенском соборе она посетила Архангельский собор, затем помолилась еще в Вознесенском и Чудовом монастырях, на Троицком подворье и в церкви «Вознесения господня», что на Никитской улице. Взяв из этой церкви икону Казанской божьей матери, царевна побывала в Казанском соборе, откуда отправилась к Троице. Царевну сопровождали бояре: князь Я. Н. Одоевский, оберегатель князь В. В. Голицын, князь В. Д. Долгорукий, князь М. Я Черкасский, А. С. Шеин и др.[1] На другой день ее встретил на дороге спальник Петра князь Гагин с требованием вернуться обратно. Софья продолжала путь, несмотря на вторичное такое же требование, переданное ей другим спальником, Бутурлиным. Наконец, в Воздвиженском, в 10 верстах от Троицы, царевну встретил боярин князь И. Б. Троекуров с угрозой, что, если поедет, то будет поступлено с нею «нечестно». Царевна принуждена была вернуться в Москву, куда прибыла 31 августа. Свою досаду она сорвала по обыкновению в словах к стрельцам: «Чуть меня не застрелили. В Воздвиженском прискакали на меня многие люди с самопалами и луками. Я насилу ушла и поспела к Москве в 5 часов». В тот же день, 31 августа, приехал от Троицы в Москву стрелецкий полковник Нечаев со стрельцами, посланный Петром захватить и привезти к Троице Шакловитого, с трудом пробравшийся к Москве проселками, так как большая троицкая дорога была занята большим отрядом верного пока Софье стрелецкого полковника Айгустова. Явившись в Кремль, Нечаев у Красного крыльца передал грамоту об аресте Шакловитого дьяку Стрелецкого приказа, который понес ее в верх. Сопровождавшие Нечаева стрельцы разгласили о цели его приезда по своим полкам. Софья приказала Нечаеву с его стрельцами явиться 1 сентября. Стрельцов поставили у Красного крыльца, а Нечаева повели в верх. Встретив Нечаева вопросом, как смел он взять на себя подобное поручение, Софья вспылила и в гневе приказала отрубить ему голову. «К счастию, — замечает Гордон, — не было под рукою палача». На площади перед Красным крыльцом стояло много стрельцов и большая толпа народу в ожидании обычного в этот день «действа Нового лета». Действо в этом году совершалось не на открытом воздухе, а в Успенском соборе. Царского выхода к действу не было; не присутствовали на нем и бояре. Выйдя на Красное крыльцо и сойдя вниз до последней ступени, Софья обратилась к стрельцам и народу с жалобами и убеждала не верить присланным от Троицы грамотам. «Те де письма, — говорила она, — от воров составлены. За что выдавать людей верных и добрых (Шакловитого). . . Довелось тех изветчиков (стрельцов, дававших показания у Троицы) прислать к Москве и здесь ими разыскивать»[2].

---

[1] Дворцовые разряды, IV, 478—480.

[2] Gordons Tagebuch, II, 271—272; Дворцовые разряды, IV, 481; Розыскные дела о Ф. Шакловитом.

Предполагая, что Нечаеву не удалось исполнить поручения, Петр 2 сентября отправил к нему на помощь еще двух стрелецких полковников, Спиридонова и Сергеева, с приказом явиться, минуя Софью, непосредственно к царю Ивану и добиться выдачи Шакловитого с его сообщниками. 3 сентября к царю Ивану по тому же делу послан окольничий И. А. Матюшкин, который должен был представить ему доказательства виновности Шакловитого и его сообщников. Царь Иван, как доносил к Троице полковник Сергеев, ответил, что он прикажет выдать Шакловитого, если за ним приедет боярин Петр Иванович Прозоровский.

4 сентября Софья лишилась еще одной опоры. Ушли к Петру служилые иноземцы с генералом Гордоном во главе. 5 сентября они были представлены Петру, который пожаловал их к руке, спрашивал о здоровье и из собственных рук поднес по чарке вина. Наконец, 6 сентября рухнула и последняя надежда царевны. Стрельцы разных полков пришли в Кремль и обратились к ней с решительным требованием выдать Шакловитого. Царевна крикнула было на них; но в толпе раздался ропот, послышались угрозы набатом. Угадывая признаки бунта, Софья принуждена была уступить и выдала своего любимца князю П. И. Прозоровскому, который под караулом повез его к Троице, куда и доставил его 7 сентября. Еще ранее, в первых числах сентября, стрельцы переловили в Москве и отправили к Троице его приспешников. Выдачей Шакловитого царевне был нанесен окончательный удар.

Вслед за Шакловитым, поняв, на чьей стороне оказывается успех, добровольно явился в лавру с повинной и князь В. В. Голицын с сыном, не игравший в августовские дни 1689 г. никакой активной роли. Шакловитый в тот же день был подвергнут допросу с пыткой, а 12 сентября казнен с двумя наиболее ответственными стрельцами, Петровым и Чермным. Голицыным была сказана ссылка в Каргополь [1], но затем местом их ссылки был избран более отдаленный город — Яренск, откуда в 1691 г. они были переведены в еще более далекий Пустозерск. Софья была устранена от правления.

Сохранилось письмо от имени Петра к царю Ивану Алексеевичу без даты, но написанное, очевидно, между 8 и 12 сентября, после допроса Шакловитого, но до его казни и до назначения новых начальников приказов, начавшегося 12 сентября. «Братец государь царь Иоанн Алексеевичь, — читаем в этом письме, — с невестушкую, а с своею супругою, и с рождением своим в милости божией здравствуйте. Извесно тебе, государю, чиню, купно же и соизволения твоего прошу о сем, что милостию божиею вручен нам двум особам скипетр правления прародительного нашего Росийского царствия, якоже о сем свидетелствует матери нашие восточные церкви соборное дейстово 190 году (т. е. коронация 1682 г.), так же и братием нашим, акресным государем, о государствовании нашем извесно, а о третьей особе, чтоб с нами

[1] Gordons Tagebuch, II, 274—283; Розыскные дела о Ф. Шакловитом.

быть в равенственном правлении, отнюдь не воспоминалось. А как сестра наша царевна София Алексеевна государством нашим учела владеть своею волею, и в том владении что явилось особам нашим противное и народу тягость и наше терпение, о том тебе, государю, извесно. А ныне злодеи нашы Фетка Шакловитой с товарыщы, не удоволяся милостию нашею, преступя обещания свое, умышлял с ыными ворами о убивстве над нашим и матери нашей здоровием, и в том по розыску и с пытки винились. А теперь, государь братец, настоит время нашим обоим особам богом

Рис. 29. Допрос и пытки Шакловитого

в Троице-Сергиевом монастыре. — Миниатюра из «Повести о зачатии и рождении Петра Великого» Крекшина. Подлинная рукопись второй четверти XVIII в. находится в отделе рукописей в Государственном историческом музее в Москве.

врученное нам царствие править самим, понеже пришли есми в меру возраста своего, а третьему зазорному лицу, сестре нашей ц. С. А. (так!), с нашими двемя мужескими особами в титлах и в росправе дел быти не изволяем; на то б и твоя б, государя моего брата, воля склонилося, потому что учела она в дела вступать и в титлах писаться собою без нашего изволения, к тому же еще и царским венцом для конечной нашей обиды хотела венчатца. Срамно, государь, при нашем совершенном возрасте тому зазорному лицу государством владеть мимо нас. Тебе же, государю братцу, объявляю и прошу: поволь, государь, мне отеческим своим изволением для лутшие ползы нашей и для народного успо-

коения, не обсылаясь к тебе, государю, учинить по приказом правдивых судей, а не приличных переменить, чтоб тем государство наше успокоить и обрадовать вскоре. А как, государь братец, случимся вместе, и тогда поставим все на мере. А я тебя, государя брата, яко отца, почитать готов. А о ином к тебе, государю, приказано словесно донести верному нашему боарину князю Петру Ивановичю Прозоровскому и против сего моего писания и словесного приказу учинить мне отповедь. Писавый в печалех брат ваш царь Петр здравия вашего желаю и челом бью»[1]. Указ об именовании во всех официальных бумагах попрежнему только двух государей был издан уже 7 сентября[2]. В конце сентября царевна Софья была заключена в Новодевичий монастырь.

VII. ПРАВИТЕЛЬСТВО В 1689—1699 гг.

Свергнув Софью, партия царицы Натальи Кирилловны и Петра вновь очутилась у власти. Сама царица Наталья, по выражению автора «Гистории о царе Петре Алексеевиче», знаменитого дипломата петровского времени князя Б. И. Куракина, была «править не капабель» (capable), потому что «будучи принцесса доброго темпераменту, добродетельного, токмо не была ни прилежная и не искусная в делах и ума легкого»[3]. С 12 сентября 1689 г. началось назначение новых, преданных Петру, начальников приказов на место приверженцев Софьи[4]. Во главе правительства, заняв место начальника Посольского приказа, однако, без титула «оберегателя», стал старший из братьев царицы, боярин Лев Кириллович Нарышкин. Это был еще очень молодой человек, всего 25 лет от роду (родился в 1664 г.), сотоварищ в чине комнатного стольника первых детских игр Петра, а затем член «компании», окружавшей царя в юные годы. В 1688 г., в 24-летнем возрасте, он уже был боярином. Видимо, Лев Кириллович отличался большим запасом энергии и горячим темпераментом. Его именно, несмотря на его молодость, вместе с князем Б. А. Голицыным царевна Софья обвиняла в замыслах против нее, как руководителей нарышкинской партии, говоря перед стрельцами: «Уж житья нам не стало от Бориса Голицына да от Льва Нарышкина. Царя Петра они с ума споили, брата Ивана ставят ни во что; комнату его дровами закидали; меня называют девкою, как будто я не дочь царя Алексея Михайловича». Именно боярином Л. К. Нарышкиным нарядился один из доверенных царевны, подьячий Шошин, который в июле 1688 г. ночью ездил по Мясницкой и Покровке в сопровождении переряженных стрельцов и бил караульных, причем спутники его кричали «Лев Кириллович! за что его бить до смерти, душа христианская». Это делалось для того, чтобы возбу-

---

[1] П. и Б., т. I, № 10.

[2] Так в Дворцовых разрядах, IV, 482 и 485. *Устрялов* относит его к 8—12 сентября (История, II, примечание 17).

[3] Архив князя Куракина, I, 62—63.

[4] Дворцовые разряды, IV, 483 и сл.

дить в московском населении ненависть к Нарышкину, но все же, значит, Лев Кириллович считался способным предпринимать такие ночные наезды. Особенными дарованиями Нарышкин не отличался. «Помянутого Нарышкина, — замечает о нем тот же автор «Гистории», Куракин, — кратко характер можно описать, а именно, что был человек гораздо посреднего ума и невоздержный к питью, также человек гордый и, хотя не злодей, токмо не склончивый и добро многим делал без резону, но по бизарии своего гумору»[1]. Делая, по выражению Куракина, добро многим, Нарышкин не забывал, однако, и о себе и, повидимому, умел хорошо устроить свои собственные дела. В своих руках он сосредоточил огромные подмосковные владения по берегам реки Москвы, простиравшиеся от Дорогомиловской слободы до села Архангельского, и в том числе вотчины Фили, Кунцево, которое он выменял у патриарха, Троицкое-Лыково и др. Ему были также пожалованы основанные иноземцем Марселисом железные тульские заводы, и он сделался единственным поставщиком-монополистом железа в казну. В 1692 г. вышел царский указ: «...для всяких казенных надобностей железо покупать на тульских железных заводах... а окроме тех заводов железа из всех приказов ни на какие расходы нигде ни у кого не покупать»[2]. По молодости лет и по ограниченности способностей Лев Кириллович только номинально стоял во главе управления внешними делами. Всеми делами По-

Рис. 30. Царица Наталья Кирилловна

Гравюра Штенглина 1742 г. с современного оригинала.

[1] Архив князя Куракина, I, 63.

[2] Дворцовые разряды, IV, 640—641.

сольского приказа продолжал заправлять сидевший в приказе и при В. В. Голицыне опытный делец, думный дьяк Емельян Игнатьевич Украинцев.

Разрядный приказ, а вскоре затем и Конюшенный, по устранении оттуда окольничего Алексея Прокофьевича Соковнина, будущего сообщника Цыклера [1], были поручены боярину Тихону Никитичу Стрешневу. Стрешнев в то время был человек зрелых лет (род. в 1649 г.). Мы встречаем его в чине стольника уже в 1669 г. В 1679 г. в чине думного дворянина он был назначен вторым воспитателем к царевичу Петру при боярине Родионе Матвеевиче Стрешневе, занимавшем место первого воспитателя. Петр был очень привязан к своему дядьке, как это видно из последующей переписки между ними. «О характере его описать можем только, — читаем о Т. Н. Стрешневе у Куракина, — что человек лукавый и злого нраву, а ума гораздо среднего, токмо дошел до сего градусу таким образом, понеже был в поддядьках у царя Петра Алексеевича с молодых его лет и признался к его нраву и таким образом был интриган дворовой». Вместе с разрядными делами он соединял в своих руках, по свидетельству того же современника, управление большей части внутренних дел: «. . .был в правлении в Разряде и внутри правления государственного большую часть он дела делал» [2].

Желанием оказать внимание царю Ивану Алексеевичу надо объяснить назначение его воспитателя князя Петра Ивановича Прозоровского начальником приказа Большой казны и Большого прихода. Князь П. И. Прозоровский, сын князя И. С. Прозоровского, убитого в Астрахани во время разинского бунта, проходил исключительно придворную службу, бывал в рындах, был приставом у вселенских патриархов во время их пребывания в Москве в 1666—1668 гг., наконец, был назначен дядькой царевича Ивана Алексеевича. В августе 1689 г. царевна Софья посылала его к Троице уговаривать Петра от имени Ивана Алексеевича вернуться в Москву, но безрезультатно. В известном письме Петра к царю Ивану от Троицы об устранении царевны Софьи от правления Петр называет князя П. И. Прозоровского «верным боярином». Стрелецкий приказ, один из самых важных за последнее время, наследие Шакловитого, получил боярин князь Иван Борисович Троекуров. Князь И. Б. Троекуров, сын боярина Б. И. Троекурова, значится в стольниках уже в 1653 г., в 1658 г. он «чашничает» во дворце на парадном обеде по случаю прибытия в Москву грузинского царя Теймураза. Нося звание «стольника и ближнего человека», он был, повидимому, одним из близких людей царя Алексея Михайловича в последние годы царствования. Мы видим его постоянно при особе государя: он поддерживает царя под руку на торжественных выходах, в «троицын день» при выходе царя в кремлевские соборы несет перед

---

[1] Дворцовые разряды, IV, 576—577.
[2] Архив князя Куракина, I, 63.

Рис. 31. Боярин Л. К. Нарышкин

Портрет маслом. Оригинал находится в Государственном историческом музее в Москве.

ним «веник» (букет?), при переезде царя в загородные дворцы Воробьево и Преображенское посылается предварительно «досматривать государевых хором», при разлуке царя с царицей посылается к царице «с здоровьем», т. е. с известием о здоровье государя и для получения сведений о здоровье государыни. Он немало послужил и по администрации. В последние пять лет царствования Алексея Михайловича он стоял во главе Иноземского и Рейтарского приказов, а в 1674 г. ему, кроме того, поручался и Монастырский приказ[1]. По смерти царя Алексея мы видим кн. И. Б. Троекурова в чине боярина воеводой в Киеве (1677 г.). Вернувшись с воеводства, он управлял Московским Судным приказом, а в 1680—1681 гг. вновь посылался на воеводство в Смоленск. До смоленского воеводства и после него князь Иван Борисович постоянно при дворе и получает разные почетные поручения: сопровождает в выездах царя Федора, а после него одинаково и царя Ивана и царя Петра, видимо, обоим им одинаково преданный; или же во время царских походов оставляется с другими боярами «на Москве», т. е. входит в состав боярской комиссии, которой поручается столица на время отсутствия государей; назначается, заменяя особу государей, присутствовать в соборе «у действа страшного суда», итти за иконами в крестных ходах, обедать у патриарха 15 августа, в день престольного праздника московской патриархии. Перед назначением в Стрелецкий приказ он управлял некоторое время Поместным приказом (1688 г.)[2]. Во время столкновения Петра с Софьей в августе 1689 г. он играл очень видную роль. Как лицо, пользующееся расположением Петра, он был послан царевной к Троице, как и Прозоровский, уговаривать Петра вернуться в Москву, но тщетно. Он остался у Троицы. Когда Софья 29 августа отправилась сама в Троицкий монастырь, Троекуров был выслан Петром к ней навстречу в село Воздвиженское с приказанием объявить ей, что «с нею поступлено будет нечестно», если она будет продолжать свой путь. Как человек, преданный также и царю Ивану и приятный ему, князь Иван Борисович в сентябре 1689 г. был послан Петром к брату с просьбой удалить Софью из дворца в Новодевичий монастырь. Приказ Большого дворца был отдан дяде молодой царицы — жены Петра — Петру Меньшому Абрамовичу Лопухину, ранее, в 1678 г., в чине стольника сидевшему в Иноземском и Рейтарском приказах, в 1681 г. — с боярином Иваном Михайловичем Милославским в приказах Большой казны и Большого прихода. В 1683 г. Лопухин был начальником Каменного, а перед самым столкновением Петра с Софьей 31 июля 1689 г. в чине окольничего был назначен заведывать Ямским приказом. Поместный приказ достался Петру Меньшому Васильевичу Шереметеву, ранее бывшему, между прочим, казанским воеводой (1682 г.). Ямской приказ был поручен окольничему Кондратию Фомичу Нарышкину[3]. Начальником

[1] Дворцовые разряды, III, 1009.
[2] Там же, IV, 374.
[3] С 20 мая 1690 г. Дворцовые разряды, IV, 560.

Московского Судного приказа был сделан стольник князь Яков Федорович Долгоруков; приказ Казенного двора получил один из ближайших друзей детства Петра, будущий канцлер, постельничий Гавриил Головкин [1]. В трех приказах удержались лица, управлявшие ими и при Софье: в Сибирском — князь Иван Борисович Репнин, в Аптекарском — боярин князь Яков Никитич Одоевский и, наконец, в Казанском дворце кравчий князь Борис Алексеевич Голицын, правивший этим приказом с 1683 г. [2]. Князя Б. А. Голицына, главного руководителя Петра в столкновении с царевной Софьей, Куракин считает единственным выдающимся умом в составе нового правительства: «Был человек ума великого, а особливо остроты, но к делам неприлежной, понеже любил забавы, а особливо склонен был к питию» [3]. Голицын, так же как и его двоюродный брат князь Василий Васильевич, отличался большой склонностью к иноземцам, был первый, который, по свидетельству того же Куракина, «начал с офицерами и купцами иноземными обходиться». В 1688 г. он особенно близко познакомился с двумя иностранными офицерами: Гордоном и Лефортом. 25 июля этого же года Гордон был приглашен к Голицыну обедать, а 15 сентября Голицын был на обеде у Лефорта и от него заехал к Гордону. Он, несомненно, содействовал в 1689 г. сближению Петра с этими офицерами [4].

Рис. 32. Боярин князь Б. А. Голицын

Литография.

[1] *Устрялов*, История, т. II, стр. 95—98. Иноземский и Рейтарский приказы были поручены боярину князю Ф. С. Урусову, Владимирский Судный и Челобитный — боярину князю М. Г. Ромодановскому, Разбойный — боярину князю М. И. Лыкову, Земский приказ — князю М. Н. Львову.

[2] Там же, стр. 97—98.

[3] Архив князя Куракина, т. I, стр. 63.

[4] Gordons Tagebuch, II, 223, 228.

Начальники приказов составляли в 1690-х годах как бы объединенный кабинет, в котором до смерти царицы Натальи (1694 г.) Л. К. Нарышкин был председателем. Иностранцы прямо и называют его «первым министром», а Куракин рассказывает, что все остальные министры должны были докладывать ему по своим ведомствам: «Также к нему все министры принадлежали и о всех делах доносили, кроме князя Бориса Алексеевича Голицына и Тихона Стрешнева». Перед этими наиболее влиятельными членами кабинета, по словам Куракина, остальные бояре, даже знатнейших фамилий, были «без всякого повоира (pouvoir) в консилии или в палате, токмо были спектакулями (зрителями)» [1]. Правление кабинета продолжалось около 10 лет (1689—1699 гг.) и не ознаменовалось решительно ничем выдающимся во внутренних делах.

VIII. ПЕТР В 1690 г.

Личное участие Петра в борьбе с сестрой не следует преувеличивать. Он в этой борьбе был все же гораздо более символом, чем активно действующим лицом с собственной инициативой. Правда, в иные моменты он гневно выступает сам, но выступает, возбужденный разговорами окружающих. Его именем действовала и распоряжалась партия с князем Б. А. Голицыным во главе. Его личные, наиболее захватывающие его интересы далеко не замыкались в сфере этой борьбы и не поглощались ею.

В самый напряженный период столкновения с Софьей, в августовские дни 1689 г., внимание Петра устремляется на те же самые предметы и дела, на которые оно направлялось и раньше. Будучи у Троицы, он живо следит за производившимися тогда в Преображенском потешными постройками и в особенности за постройкой потешного корабля и 20 августа приказывает «кормить и поить состоящего у того корабельного дела иноземца против иных его братьи иноземцев» [2]. Едва только расправившись с Шакловитым и его сообщниками, Петр от Троицы вместе с матерью и женой 15 сентября выехал в находящуюся неподалеку Александрову слободу, куда прибыл 16-го и где провел целую неделю, поглощенный военными экзерцициями, происходившими под руководством сопровождавшего двор генерала Гордона. Свет на пребывание царя в Александровой слободе и на занятия его там бросает нам дневник Гордона. 17 сентября Гордон был вызван к царю, показывал ему ученье солдат и имел с ним, как он отмечает в своем дневнике, продолжительную беседу. 18-го Гордон производил перед государем конное ученье и боевую стрельбу; 19-го двор из Александровой слободы выезжал в находящуюся в 10 верстах от слободы Лукьянову пустынь, возле которой также происходило конное ученье, и в тот же день опять вернулся в сло-

---

[1] Архив князя Куракина, т. I, стр. 63.
[2] *Есипов,* Сборник выписок, т. I, № 359.

боду. Во время этих кавалерийских упражнений Гордон свалился с лошади и повредил себе руку. Царь подошел к нему, принял в нем участие и казался очень обеспокоен этим происшествием. Несмотря на полученный ушиб, Гордон 20 и 21 сентября вновь руководит разного рода военными упражнениями в поле, причем 21-го эти упражнения продолжались до позднего вечера. 22 сентября Петр выехал из слободы и, переночевав в деревне Слятино, 23-го прибыл к Троице. «Марсовы и Нептуновы потехи», как Петр называл военные и морские упражнения, всецело владеют его вниманием. Государственными делами он совсем не интересуется и при жизни матери в правление совершенно не вмешивается.

6 октября 1689 г., после того как удалось настоять на переселении бывшей правительницы в Новодевичий монастырь, двор Петра тронулся в Москву. С переездом в столицу опять пошел своим чинным размеренным ходом годовой круг царского обихода, движение которого было нарушено драматическими августовскими и сентябрьскими событиями. Можно заметить даже, что в 1690 и 1691 гг. Петр, очевидно, под воздействием настояний матери, соблюдает, по крайней мере, по внешности все требования кремлевского ритуала строже, чем в предыдущее время, хотя, конечно, и не с той точностью, как царь Иван Алексеевич. Понемногу, однако, в этот царский обиход XVII в. вкрадываются новые, вносимые живой личностью младшего царя черты. Бросаются также в глаза за 1690-е годы особенно дружные и тесные отношения между братьями-царями, держащимися постоянно вместе под высшим руководством царицы Натальи Кирилловны.

По возвращении от Троицы Петр октябрь и первые три недели ноября 1689 г. проводит в столице с кратковременными однодневными выездами 15 и 24 октября в Преображенское, а 31 октября и 6 ноября в Коломенское. 21 ноября оба царя выезжали на богомолье в Саввин Сторожевский монастырь, откуда вернулись 27 ноября и проследовали в Преображенское, где и оставались до 7 декабря. С этого числа и по 27 апреля Петр все время находился в Москве. 20 декабря в навечерие праздника «Петра митрополита» оба государя были по обычаю у вечерни и молебного пения в Успенском соборе, а в самый день празднования там же у обедни. 24 декабря, в рождественский сочельник, государи, отслушав литургию в своих дворцовых церквах на верху — царь Иван Алексеевич в церкви «живоносного христова воскресения», а царь Петр в церкви ап. Петра и Павла — выходили после литургии на действо многолетия, совершаемое патриархом. После этого действа приносились там же, в соборе, взаимные поздравления с наступающим праздником: патриарх и власти поздравляли государей, а государи поздравляли патриарха и властей. Затем приносили поздравление государям бояре и служилые чины, причем поздравительную речь говорил князь Я. Н. Одоевский, государи отвечали боярам и служилым людям милостивым словом. Церемония закончилась взаимными поздравлениями

находившихся в соборе духовных и светских чинов. В самый день рождества государи слушали литургию в тех же своих дворцовых церквах, а после литургии в пятом часу дня, по нашему счету во втором часу пополудни, принимали у себя в Передней патриарха с Освященным собором, являвшихся «славить Христа».

5 января 1690 г. крещенский сочельник справлялся так же, как и рождественский, с тем же выходом государей в Успенский собор к действу многолетия и с теми же поздравлениями. 6 января, в крещение, Петр участвовал в торжестве, на котором в прежние годы его присутствие не отмечалось, — в шествии на Иордань к освящению воды. После обедни, отслушанной в своих дворцовых церквах, в четвертом часу дня, т. е. в двенадцатом по нашему счету, государи возложили на себя в Мастерской палате царские одежды: порфиры, диадимы и мономаховы шапки и шествовали с верху в сопровождении думных и ближних людей, высшего дворянства, дьяков и гостей в Успенский собор Постельным крыльцом и через Красную лестницу. Войдя в собор, государи прикладывались к иконам и мощам при пении патриаршими певчими многолетия. В собор за государями входили лишь думные и ближние люди, а стольники, стряпчие, дворяне, дьяки и гости, не входя в собор, становились по обе стороны рундука (помоста), устроенного от Успенского собора к Архангельскому. По окончании многолетия, преподав государям благословение, патриарх с Освященным собором, начав пение молебствия, двинулись за крестами и иконами через западные двери собора крестным ходом на Иордань. Государи, выйдя из храма, ожидали в южных дверях, ведущих на соборную площадь. Поравнявшись с государями, патриарх осенял их животворящим крестом, а власти им кланялись, и с этого момента государи вступили в процессию: процессию открывали стрельцы в числе 600 в цветном лучшем платье с нарядными протазанами и копьями. За духовенством и иконами, предшествуя государям, шли служилые московские чины, начиная с младших по трое в ряд в бархатных кафтанах, за ними двигались московские же чины, ближние и думные люди в золотных кафтанах. Государей сопровождала свита из бояр и думных дворян, а за свитой шел «окольничей» князь И. С. Хотетовский «для oберегания их государского шествия от утеснения нижних чинов людей» — это и была, кажется, первоначальная, древнейшая обязанность окольничего. За окольничим выступали «гости в золотных же кафтанах, да приказные и иных чинов люди множество». Процессию замыкали дьяки Конюшенного приказа, за которыми везены были «государские большие нарядные сани», сопровождаемые столповыми приказчиками, стремянными конюхами и иными конюшенного чина людьми. По обеим сторонам крестного хода двигались стрельцы в цветных кафтанах с золочеными пищалями, выдававшимися им на этот случай из Оружейной палаты. Не участвовавшие в процессии солдатские и стрелецкие полки были выстроены на Соборной площадке и на

площади перед Чудовым монастырем, а также на Москве-реке около Иордани до Москворецких и Всесвятских ворот и по противоположному берегу реки в Садовниках «с знамены и барабаны и со всем ратным строем в цветном платье». Когда государи, достигнув Иордани, стали на приготовленном для них месте, патриарх роздал государям и присутствующим зажженные свечи и начал действо освящения воды. Во время погружения креста в воду подполковники, капитаны и знаменщики солдатских и стрелецких полков принесли знамена к надолбам, которые построены были около Иордани. Освятив воду, патриарх кропил ею государей и принес им поздравление. Следовали затем взаимные поздравления с речью боярина князя Алексея Андреевича Голицына подобно тому, как это происходило в Успенском соборе. Были окроплены принесенные знамена полков, и процессия двинулась обратно в том же порядке в Успенский собор. Государи из собора отбыли к себе на верх. У Тайницкой башни «для смотрения того их, государского, выходу» были отведены места комиссару датского короля Андрею Бутенанту фон Розенбушу с королевскими дворянами и иных окрестных государств иноземцами, а также бывшей в Москве депутации от донских казаков — атаману Фролу Миняеву с товарищи. Хоругви и иконы, блестящие ризы духовенства, раззолоченная толпа бояр и придворных, разноцветное стрелецкое войско, пестрая толпа народа, звон кремлевских колоколов — все это должно было произвести внушительное впечатление на иностранцев и на донских казаков [1].

8 января в навечерие празднования митрополиту Филиппу оба государя были в Успенском соборе у вечерни и молебна. 9-го, в самый день его памяти, в Успенском соборе за литургией был один царь Иван Алексеевич. 11 января был при дворе Гордон и видел Петра, занятого, по его свидетельству, приготовлением фейерверка — занятие, к которому царь сильно пристрастился. 12 января, в день Татьяны — именины царевны Татьяны Михайловны, — государи слушали обедню в своих дворцовых церквах, после обедни выходили в Переднюю палату и жаловали думных и ближних людей кубками фряжских вин, а стольников, стряпчих, дьяков и гостей — водкой. 19 января, как записывает в своем дневнике Гордон, он около 11 часов утра прибыл во дворец и оттуда сопровождал Петра в подмосковное имение боярина Петра Васильевича Шереметева. Там, говорит тот же свидетель, они были угощены превосходнейшим обедом, после которого отправились в одну из царских летних резиденций, сожгли несколько фейерверков, возвратились опять к Шереметеву, где опять были великолепно угощены, и затем уже отбыли в Москву. Гордон пишет далее в дневнике под 20 января, что от «дебоша» предыдущей ночи принужден был лежать в постели весь день до вечера. Визит в подмосковную Шереметева, очевидно, сопровождался оргией, в которой, конечно, не последнее участие принимал и

[1] Дворцовые разряды, IV, 491, 501—504, 506, 507, 511—521.

семнадцатилетний царь. 26 января, на память Ксенофонта и Марии, в день именин царевны Марии Алексеевны, имела место обычная церемония пожалования кубками фряжских вин и водки. 31 января служилась в Архангельском соборе панихида по царе Алексее Михайловиче (ум. 29 января); на ней присутствовали оба государя[1].

12 февраля, на память Алексея митрополита, оба государя были за обедней в Чудовом монастыре. 14 февраля на панихиде по царевиче Алексее Алексеевиче (ум. в 1670 г.) присутствовал только старший царь. В ночь на 19 февраля, в шестом часу ночи, по нашему счету 18 февраля в двенадцатом часу ночи, в семье Петра произошло важное событие: родился царевич Алексей Петрович. Утром 19 февраля в одиннадцатом часу утра оба государя имели торжественный выход по этому случаю в Успенский собор к молебствию, которое совершалось патриархом. По окончании молебствия, патриарх с духовенством, думные чины и ближние люди приносили государям поздравление. Приняв благословение патриарха, государи при звоне всех колоколов «Ивана Великого» из Успенского собора прошли в Архангельский и Благовещенский соборы, а затем вернулись во дворец, где слушали литургию в своих дворцовых церквах. После литургии Петр в Передней палате угощал думных и ближних людей кубками фряжских питей, а московское дворянство, стрелецких полковников, дьяков и гостей — водкой. Гордон был среди поздравляющих на приеме и заносит в дневник, что получил из рук Петра кубок водки. По случаю рождения царевича были объявлены пожалования: возведены были в бояре дядя Петра по матери ближний стольник Мартемьян Кириллович Нарышкин и дядя царицы Евдокии Федоровны окольничий Петр Меньшой Абрамович Лопухин, управлявший Приказом Большого дворца. Царь Петр в этот день, как показывает официальный документ, разрядная записка, в точности исполнил установленный придворный ритуал. Но другой документ, бросающий более света на интимную сторону жизни Петра, дневник Гордона, позволяет заключить, что рождение сына было для семнадцатилетнего Петра событием безразличным, совсем его не захватившим. Вечером того же дня, 19 февраля, Гордон был вытребован во дворец и пробыл с царем всю ночь, а на другой день, 20 февраля, Петр в сопровождении Гордона уехал из Москвы на обед к Л. К. Нарышкину в его подмосковную вотчину Фили, которую Нарышкин стал обстраивать, сооружая там существующую доныне каменную церковь и боярский двор. Там царь оставался весь день и вернулся в Москву утром 21 февраля[2].

22 февраля в Кремль приходили с поздравлением государям шесть стрелецких полков. Войска эти входили «на дворец», т. е. на дворцовую площадку, около церкви «Спаса на Бору»,

---

[1] Gordons Tagebuch, II, 290–291; Дворцовые разряды, IV, 522, 523, 525, 526.
[2] Дворцовые разряды, IV, 526—529; Gordons Tagebuch, II, 291.

по очереди по два полка и выстраивались на этой площадке. Петр смотрел на выстроившихся стрельцов с Каменного крыльца, что у лестницы, ведущей с Постельного крыльца на площадку к церкви Спаса. Входя на площадку, полки «поздравляли», по-нашему салютовали государю. «А о поздравлении речь говорили первых полков полковники, которые стояли против государского места». Петр поручил начальнику Стрелецкого приказа князю И. Б. Троекурову сказать полкам его похвалу. «И они, полковники, — продолжает разрядная записка, — и полуполковники, и капитаны, и стрельцы им, великим государем, на их государской премногой и превысокой милости били челом до земли с великою радостью». В заключение произведена была стрельба из мушкетов. Эта военная церемония — смотр полкам, закончившийся стрельбой,— была в обиходе московского двора нововведением, появление которого надо, разумеется, приписывать вкусам младшего государя. 23 февраля в воскресенье мясопустное совершено было над царевичем таинство крещения в Чудовом монастыре. Крещение совершал патриарх, восприемницей была царевна Татьяна Михайловна. Затем в той же церкви Чудова монастыря Петр с царицей Натальей Кирилловной слушали литургию. После литургии состоялся обычный прием поздравителей в Передней с пожалованием кубками фряжских питей и водкой. В тот же день в девятом часу дня, по-нашему в четвертом часу пополудни, приходили с поздравлением два солдатских и остальные шесть стрелецких полков с тою же церемонией, как и накануне, 22 февраля. Командиры и офицеры приходивших в эти дни салютовать полков были пожалованы разного рода материями. 25 февраля, во вторник на масленице, Петр утром отправился в подмосковное село Воскресенское на Пресне. 26-го выехал туда же царь Иван Алексеевич. В Воскресенское, кроме царей, приехали также и царицы Наталья Кирилловна и Прасковья Федоровна. О цели этой поездки сообщает нам Гордон. В Воскресенском по случаю масленицы устроен был фейерверк. Празднество началось пальбой из пушек сначала из каждой в отдельности по два выстрела в цель, а потом залпами из всех 50 холостыми зарядами. Затем происходил парад войск. Войска проходили перед государями маршем, а затем, разделясь на два отряда, произвели нечто вроде примерного сражения, сопровождавшегося пальбой залпами. Когда стемнело, зажгли фейерверк на переднем дворе Пресненского дворца, он горел в течение двух часов. Затем на внутреннем дворе этого дворца был сожжен другой фейерверк, еще бóльших размеров, приготовленный самим царем и продолжавшийся три часа. Двор вернулся в Кремль около полуночи. Потеха не обошлась без печального случая. Во время первого фейерверка был убит один дворянин, на голову которого упала неразорвавшаяся ракета весом в 5 фунтов. Это событие не помешало, однако, продолжению празднества. 28 февраля, в пятницу на масленице, в четвертом часу дня, по-нашему в одиннадцатом часу утра, к царю Петру приходили в верх патриарх и власти с подношениями по случаю рождения

царевича Алексея Петровича, подносили государю «святые иконы», кресты с мощами, кубки, соболи сороками и разные материи: «оксамиты, и золота, и бархаты, и отласы, и байбереки, и объяри гладкие, и камки, и иные узорочные портища». Затем был с такими же дарами думный чин: касимовские царевичи, бояре, окольничие и думные дворяне, «а подносили кубки ж и бархаты, и отласы, и байбереки, и объяри золотные ж и серебряные и гладкие, и соболи сороками ж». За ними принят был именитый человек Григорий Дмитриевич Строганов; гости и торговые люди гостиной сотни подносили кубки, соболи и такие же узорочные портища. В тот же день у Петра был «радостный стол» в Грановитой палате. К столу были приглашены патриарх с Освященным собором, касимовские царевичи Иван и Семен Васильевичи, думные чины, ближние люди, начальники приказов, полковники и подполковники солдатских и стрелецких полков, именитый человек Строганов, дьяки Разряда и Стрелецкого приказа и гости. Объявлены были пожалования. Князь Б. А. Голицын пожалован из кравчих в бояре, Петр Большой Абрамович Лопухин и Федор Кириллович Нарышкин — из комнатных стольников в кравчие. Гордон, упоминая в своем дневнике об этом обеде, сообщает нам эпизод, также изображающий внутреннюю, интимную сторону жизни Петра. Оказывается, что Гордон, очевидно, по приглашению Петра должен был обедать за этим «радостным столом» в Грановитой палате. Против этого новшества, против присутствия иноземца за столом во дворце вместе с православным духовенством энергично восстал патриарх Иоаким, и юный царь должен был уступить. Чтобы выйти из неловкого положения, в которое он поставил своим приглашением Гордона, Петр на другой день пригласил его к обеду запросто в загородном дворце и был с ним особенно любезен [1].

1 марта, в день св. Евдокии, Петр праздновал именины сестры царевны Евдокии Алексеевны. После обедни в церкви ап. Петра и Павла он выходил в Переднюю к обычному пожалованию кубками фряжских питей и водки. Царь Иван Алексеевич в этот день отправлялся в Новодевичий монастырь, где он вообще после низложения Софьи бывал по нескольку раз в год, вероятно, навещая томившуюся там сестру. Петр ни разу не участвовал в походах в этот монастырь, очевидно, избегая встречи с Софьей [2].

На другой день, 2 марта, было «прощеное воскресенье». По обычаю прежних царей оба государя посетили в этот день Успенский и Архангельский соборы и побывали в монастырях — Вознесенском и Чудовом и на Троицком подворье, находившемся тогда в Кремле. До этого выхода, а также после него исполнялся обряд прощения: государи в Грановитой палате жаловали к руке думный чин, московское дворянство, дьяков и гостей. 16 марта, в воскресенье третьей недели великого поста, по случаю празднования «Федоровской иконы богоматери» оба государя присутствовали у

---

[1] Дворцовые разряды, IV, 529—536; Gordons Tagebuch, II, 296—297.
[2] Дворцовые разряды, IV, 536—537.

обедни в дворцовой церкви «Рождества богородицы на верху на Сенях». 17 марта в понедельник в одиннадцатом часу дня, по нашему счету в пятом часу пополудни, скончался патриарх Иоаким; того же числа в третьем часу ночи, по нашему счету в девятом часу вечера, совершен был Адрианом, митрополитом казанским и свияжским, вынос его тела из патриарших покоев в церковь Двунадесяти апостолов на патриаршем дворе. На следующий день, 18 марта, во вторник на третьей недели поста состоялось его погребение. В шестом часу дня, в двенадцатом часу дня по нашему счету, оба государя в «своей государской атласной одежде смирного (траурного) цвету» вышли к западным дверям Успенского собора и отсюда направились с крестным ходом в церковь Двунадесяти апостолов и затем участвовали в торжественном перенесении патриаршего тела из этой церкви в Успенский собор. Впереди процессии несены были «святые иконы», за ними дьяконы несли гробовую крышу, покрытую черным травчатым бархатом, затем шли патриаршие певчие, исполняя надгробные песнопения, за ними соборные протопопы несли гроб. Тело патриаршее положено было в гроб «по древнему обыкновению и по патриаршескому чину». За гробом шли митрополиты, архиепископы, епископы и иные власти, а за ними шествовали государи в сопровождении обычной свиты «в смирных кафтанах». По принесении в собор тело патриарха было поставлено среди церкви близ амвона, а во время «малого входа» за литургией было внесено в алтарь и поставлено за престолом близ «горнего места» до конца литургии. Государи отслушали в соборе часы, преждеосвященную обедню и весь «чин погребения» патриарха [1]. Патриарх Иоаким (как мы уже видели выше) ревниво охранял старинные устои московской жизни, враждебно относился к иноземцам и с неодобрением посматривал на дружественные связи с ними молодого царя, начавшиеся со знакомства с Тиммерманом и в особенности окрепшие со времени пребывания у Троицы осенью 1689 г., когда царь сошелся с Лефортом и Гордоном. Может быть, эту дружбу молодого царя к иноземцам патриарх имел в виду в тех резких выпадах против них, которые находятся в его завещании [2]. Патриарх просит государей в этом завещании запретить подданным всякое общение с еретиками иноверцами латинами, лютерами и кальвинами и безбожными татарами и советует удаляться от них, как от врагов божиих и ругателей церковных, и в особенности не вступать с ними ни в какие разговоры о вере, мольбищных храмин их новых строить не позволять, а существующие уже в Москве разорить. Патриарх молит государей не давать проклятым еретикам иноверцам быть начальниками в полках над служилыми людьми, потому что такие проклятые еретики, богомерзкие живые идолы, в полках пользы воинству православному никакой не приносят, а только гнев божий на него наводят. Он припоминает по

---

[1] Дворцовые разряды, IV, 537—542.

[2] *Устрялов*, История, т. II, приложение IX.

этому поводу, как он во время Крымских походов молил и просил, словесно и письменно, не назначать еретиков начальниками, но ни царевна Софья, ни князь В. В. Голицын его не послушались, и оттуда неудачи этих походов. Советники из царского синклита, пишет патриарх в заключение завещания, бывавшие на посольствах в чужих странах, видели, как каждое государство держит свой нрав и обычай в одеждах и поступках, а чужеземных обычаев не приемлют и иным верам свободы не дают. Петр, вероятно, вздохнул с облегчением, когда не стало строгого патриарха, ревнителя старины, и мог теперь, не боясь его укоризн, дать полную волю своим чувствам к новым друзьям-иноземцам и склонности к иноземному быту, с которым он начал у них знакомиться. Вскоре же после смерти патриарха, 1 апреля, как раз вопреки последним словам его завещания об иноземных обычаях и одеждах, царю Петру, как значится в записях царской Мастерской палаты, было сделано «немецкое платье»: камзол, чулки, башмаки, шпага на шитой золотом перевязи и «накладные волосы», т. е. парик. Часть материалов для этого платья была куплена «у генерала у Франца Лефорта». [1]

Рис. 33. Патриарх Иоаким

Портрет маслом. Оригинал находится в Государственном историческом музее в Москве.

Но московский церковно-придворный обиход шел своим чередом. 21 марта в пятницу третьей недели великого поста государи

[1] *Есипов*, Сборник выписок, т. I, стр. 453.

были в Архангельском соборе на панихиде по отце, царе Алексее Михайловиче, которая служилась в этот день вместо 17 марта. 25 марта они слушали обедню в Благовещенском соборе; 30 марта в воскресенье четвертой недели поста праздновали вместо 1 апреля «день ангела» дочери царя Ивана царевны Марии Ивановны с обычным выходом в Переднюю и угощением придворных вином. 13 апреля в вербное воскресенье обычного крестного хода из Успенского собора в церкви «Входа в Иерусалим, что в Китае на Рву» (придел храма Василия Блаженного), и «действа цветоносия не было для того, что было меж-патриаршество». Страстная и пасха проведены были царями по обычаю. 18 апреля, в великую пятницу, государи выходили в Успенский собор после действа омовения мощей. Царь Иван Алексеевич был в соборе также в великую субботу у заутрени; остальные службы страстной недели государи слушали в своих дворцовых церквах. В светлый день, 20 апреля, перед выходом государей к заутрени в Успенский собор им представлялись, их «пресветлые очи видели в комнате», несколько дворян и старейшие дьяки из приказов. Выход прошел в обычном порядке при многолюдном съезде во дворец боярства и дворянства в золотных кафтанах. После пения пасхальных стихир государи прикладывались к иконам, а затем христосовались с думными и служилыми людьми, «жаловали их к руке». После заутрени из Успенского собора, побывав в Архангельском и Благовещенском соборах, государи прошли на верх и слушали литургию в дворцовых церквах: Иван Алексеевич в церкви «Спаса на Сенях», а Петр Алексеевич — в церкви «Живоначального христова воскресения». После литургии в дворцовых церквах в третьем часу дня, по-нашему в седьмом часу утра, до начала литургии в Успенском соборе у государей в Передней были с «животворящим крестом» и со «святою водою» митрополит казанский и свияжский Адриан, вообще первенствовавший в богослужениях после кончины патриарха, с монастырскими властями и соборянами. В четверг на пасхе, 24 апреля, после литургии у государей вновь было в Передней палате духовенство: митрополиты, архиепископы и из монастырей власти с подношением. В течение всей светлой недели государи христосовались с служилыми, придворными и тяглыми чинами, жаловали к руке московское дворянство, генералов и начальных людей полков иноземного строя, городовых дворян, дьяков, дворовых и конюшенного чина и приказных людей, гостей, гостиную сотню, черных сотен и слобод сотских, старост и чернослободцев, а также торговых иноземцев. Проведя «святую» в Москве, государи 27 апреля, в фомино воскресенье, выехали в село Коломенское. Иван Алексеевич выехал туда обыкновенной дорогой; Петр отправился в девятом часу дня, по нашему счету в первом часу дня, и на этот раз необычно, как описывает разрядная записка: «водяным путем, Москвою рекою, в судах; а к тому его государскому шествию изготовлено было плавное судно особым обрасцом, на корабелное подобие, с парусы и с конаты, и убито было червчатыми сукны.

И изволил он, великий государь, иттить в том судне. А за ним, великим государем, бояре и околничие, и думные и ближние люди, да столники и стряпчие шли в стругах. А около судна, в котором изволил великий государь иттить, шли в малых стружках и в лодках потешные конюхи с ружьем, с пищали и с корабины и из ружьев стреляли. И изволил он, великий государь, в то село приттить во втором часу ночи»[1], по нашему счету в десятом вечера. «Плавное судно на корабельное подобие», упоминаемое разрядной запиской, — вероятно, тот потешный корабль, который строился в Преображенском летом и осенью 1689 г. Несомненно, в связь с приготовлениями к плаванию этой флотилии надо ставить расход, записанный в книге царской Мастерской палаты под 7 апреля 1690 г.: «...велено дать иноземцу Францу Тимерману на покупку полотна на парусы и на иные мелочные припасы к струговому делу 4 руб. 3 алт. 2 д.»[2]. Как свидетельствует Гордон, участник этого путешествия, 28 апреля Петр посетил вотчину боярина А. П. Салтыкова, расположенную неподалеку от Коломенского. 30-го царь со свитой ужинали у Гордона и были, замечает последний в дневнике, очень удовольствованы. Это был первый случай посещения русским царем иностранца. Петр действовал не стесняясь: патриарха Иоакима не было уже в живых[3].

2 мая после вечерни государи вернулись в Москву и присутствовали в Архангельском соборе на панихиде по царе Федоре Алексеевиче, отложенной до этого числа ввиду того, что день его кончины, 27 апреля, приходился на фомино воскресенье 4 мая за пять часов до вечера, т. е. в три часа дня, Петр, неизвестно по какой причине, ходил молиться по монастырям, был в Вознесенском монастыре, на Кирилловском подворье и в Алексеевском монастыре. 5 мая оба государя в восьмом часу утра выезжали в Петровский монастырь, что на Петровке, и присутствовали там на освящении церкви во имя Петра митрополита и после освящения в той же церкви на литургии. После обедни царь Иван уехал, а Петр оставался в монастыре и жаловал думных и ближних людей водкой. 6 мая в четвертом часу пополудни Петр переехал на житье в Преображенское. 16 мая вызывался в Преображенское Гордон, вероятно, для совета по военным делам. 20 мая Петр из Преображенского приезжал к обедне в Чудов монастырь на праздник «обретения мощей митрополита Алексия». 30 мая в Преображенском происходило празднование дня рождения Петра. Празднование это описано в дневнике Гордона; оно совершалось не по старинному ритуалу. Люди всех чинов, повествует Гордон, прибыли в Преображенское и принесли поздравление его величеству, когда он вышел из церкви. Многие были приглашены к столу. Генералы, среди которых находился и Гордон, сели за один стол с боярами и

[1] Дворцовые разряды, IV, 552—553.
[2] *Есипов*, Сборник выписок, т. I, № 455.
[3] Gordons Tagebuch, II, 302.

думными людьми. Неподалеку от них сидели за столом стрелецкие полковники. Иноземцы, которые были приглашены к обеду, находились в другом шатре. Во всем было большое изобилие. Пили за здоровье его величества, а после обеда сам царь угощал гостей водкой. Все время после обеда до ночи происходила пальба из пушек и ружей. Стреляли также деревянными ядрами в цель. Гордон вернулся домой совершенно усталый [1].

В Преображенском в мае 1690 г. происходили особенно энергичные военные упражнения, о которых мы встречаем несколько отметок в дневнике Гордона за этот месяц: 12 мая было учение конницы; 15 мая конница упражнялась с оружием; 22 мая опять маневрировала конница. Готовились к потешным сражениям, назначенным на июнь. Первое из этих сражений устроено было 2 июня и окончилось несчастием. Брали штурмом двор в селе Семеновском, расположенном по соседству с Преображенским. В дело были пущены ручные гранаты — глиняные горшки, начиненные порохом. Одну из таких гранат разорвало около Петра и опалило ему лицо. Гордон и несколько стоявших близ царя офицеров были легко ранены. Дальнейшие сражения пришлось отложить. К 21 июня Петр уже оправился и в этот день присутствовал на крещении дочери царя Ивана, царевны Феодосии. 25 июня он ездил в Алексеевское, а 27-го прибыл в Москву, где обычным порядком праздновал свои именины: 28-го был у вечерни, а 29-го у обедни в Успенском соборе, а затем принимал поздравления с обычным угощением вином и водкой. Гордон и другие, как читаем в дневнике Гордона за это число, были приглашены к столу и вернулись домой поздно [2].

4 июля государи были за всенощной на Троицком подворье, а 5-го — там же у обедни по случаю празднования памяти Сергия. Введенное Софьей в этот день молебствие в воспоминание победы над Никитою Пустосвятом и раскольниками с 1690 г. более не совершалось. 8 июля, в праздник образа «Казанской божьей матери», оба государя были в крестном ходу в Казанский собор и слушали литургию в этом соборе. 10 июля на праздник «положения ризы господней» они были у обедни в Успенском соборе. Перед обедней у царя Ивана Алексеевича и царицы Прасковьи Федоровны в Золотой палате был большой прием духовенства, бояр и ближних людей, а также гостей и из слобод старост и сотских, являвшихся во дворец с поздравлениями и с подношениями: «с золотыми и с кубки, и с собольми, и с оксамиты, и с бархаты золотными, и с иными дорогими и узорочными вещми», по случаю рождения и крещения царевны Феодосии Ивановны. Царь Иван с супругою приняли только иконы, поднесенные духовенством, а прочими подношениями «пожаловали» подносителей, т. е. с благодарностью отказались от подарков. В тот же день был радостный стол в Грановитой палате. Петр не при-

---

[1] Дворцовые разряды, IV, 553—556, 559; Gordons Tagebuch, II, 305.
[2] Gordons Tagebuch, II, 303—305, 308.

сутствовал на этом обеде, подобно тому, как и царь Иван не был на обеде по случаю рождения царевича Алексея Петровича. 11 июля после вечерни оба государя были в Архангельском соборе на панихиде по царе Михаиле Федоровиче (ум. 13 июля). 12 июля, как рассказывает Гордон, он был с государем в подмосковной у начальника Разбойного приказа боярина князя М. И. Лыкова, праздновавшего свои именины. Вечером вся компания ужинала у Л. К. Нарышкина (вероятно на Филях), где «сильно пили». Домой вернулись, замечает Гордон, «поздно или скорее рано»: на следующее утро. 14 июля Петр уехал в Преображенское. 20 июля в шестом часу пополудни оба государя отправились в Коломенское. Под 21 июля в дневнике Гордона находим заметку: «приказал царь Петр Алексеевич пригласить Гордона и других на Фили, где было довольно весело». 24 июля Петр выезжал из Коломенского в Троицкое — от Коломенского в 14 верстах — на именины к князю Б. А. Голицыну. В свите, между прочим, находился и Гордон, прибывший в Коломенское накануне. За обедом у Голицына было большое изобилие, так что утром 25-го там же, в княжеской усадьбе, Гордон слег в постель от жестокой колики. Царь сам пришел в комнату, где лежал Гордон, и обещал прислать ему лекарство, как только вернется в Коломенское. Лекарство действительно было царем прислано в час пополудни, и Гордон, получив от него облегчение, смог к вечеру вернуться в Коломенское. 25 июля за два часа до вечера оба государя приезжали в Москву поздравить «с ангелом» тетку царевну Анну Михайловну и в первом часу ночи, т. е. в девятом вечера, вернулись опять в Коломенское. 28 июля царь Иван Алексеевич приезжал оттуда в Новодевичий монастырь на храмовой праздник «Смоленской богоматери» [1].

1 августа мы видим обоих государей в Преображенском. В этот день совершалось там освящение воды и совершалось в новой, введенной, разумеется, Петром, обстановке. «А Иордань, — описывает это священнодействие разрядная записка, — устроена была на Яузе реке близ их государского двора. . . Да во время освящения ж воды около Иордани поставлен был пушечной наряд, который в том селе на потешном дворе, да стояли дву Стремянных стрелецких полков полковники с полуполковники, и с капитаны, и с стрельцами, устроясь ратным обычаем, с знамены, и с барабаны, и с ружьем, в цветном платье. И после освящения воды из пушек и из мелкого ружья была стрельба». 4 августа в Преображенском справлялись именины царицы Евдокии Федоровны с обычным пожалованием фряжскими питьями и водкой. 6 августа, день Преображенья, праздновался торжественно в Преображенском [2]. Гордон был на празднике. После обеда произведен был маневр. Преображенский полк выступал против первого стрелецкого Стремянного полка и сбил его с поля [3]. Из Преображенского в

[1] Дворцовые разряды, IV, 561—570; Gordons Tagebuch, I, 310, 312.
[2] Дворцовые разряды, IV, 571—574.
[3] Gordons Tagebuch, II, 313.

Москву оба государя прибыли 12 августа в первом часу ночи[1], в восьмом часу вечера по-нашему. 14 августа, в навечерие праздника «успения богородицы» они были в Успенском соборе у вечерни и молебного пения; 15-го — там же у литургии; 16 августа, в праздник «нерукотворенного образа», были у литургии в дворцовой церкви «Нерукотворенного спаса на верху»; 20-го после вечерни в Вознесенском монастыре — на панихиде по царице Евдокии Лукьяновне. 22 августа Петр со свитой посетил Гордона в Немецкой слободе. 23 августа в субботу состоялось избрание нового патриарха на место почившего Иоакима, и в этой церемонии государи принимали участие. В третьем часу дня, в девятом часу утра по-нашему, собрались в Крестовой патриаршей палате митрополиты, архиепископы и весь Освященный собор для патриаршего избрания. В шестом часу дня, в двенадцатом часу по-нашему, государи вышли из внутренних покоев в каменную Переднюю и указали послать к собравшимся иерархам, чтобы они «для довершения» того патриаршего избрания были к ним, великим государям, в Переднюю. Иерархи вошли в Переднюю Красным крыльцом, а перед ними ключарь Успенского собора с дьяконом несли «животворящий крест господень» на серебряном блюде. Войдя в Переднюю, члены Освященного собора «говорили вход», а затем ударили челом государям. При входе собора государи встали со своих мест, приняли благословение от митрополитов, затем опять сели и указали членам собора сесть по лавке. «И, посидев мало, — продолжает разрядная записка, — великие государи с своих государских мест изволили встать и говорили архиереем о избрании патриарше; и власти великим государем говорили, что о таком великом деле, как они, великие государи, укажут. Потом великие государи, советовав со архиереи, изволили говорить преосвященному Адриану, митрополиту казанскому и свияжскому, речь». Речь эта, вероятно, была сказана от имени государей кем-либо из свиты. Текст ее приведен в разрядной записке, он гласил следующее: «Изволением в троице славимого бога и за молитвы пресвятые владычицы нашея богородицы и приснодевы Марии и великих святителей Петра, Алексея, Ионы и Филиппа, московских чудотворцев, мы, великие государи, соизволяем, а Преосвященный собор просят быти тебе, преосвященному Адриану митрополиту, на патриаршеском престоле всеа Русии». Выслушав речь, митрополит Адриан «множицею отрекался, яко не могий нести таковаго великого бремени». Но «великие государи говорили ему, чтоб он их государского повеления и всего Освященного собору прошения не преслушал, был на патриаршеском престоле». Тогда митрополит согласился и «избран был в святейшие патриархи на вдовствующий всея России патриаршеский престол». Государи, а за ними власти и думные люди «здравство-

[1] Дворцовые разряды, IV, 574. По Гордону — 11-го. (Счет дней не начинался ли с вечера, тогда и по Дворцовым разрядам будет 11-го?)

вали» новоизбранному патриарху. Патриарх благословил государей крестом и кропил всех присутствовавших «святою водою». Проговорив отпуск, члены Освященного собора вышли из Передней, причем государи проводили новоизбранного патриарха до дверей [1].

На другой день, 24 августа, в воскресенье, на память перенесения мощей Петра митрополита московского, состоялось самое поставление новоизбранного патриарха. К действу поставления в Успенский собор в пятом часу дня, по нашему счету в десятом утра, выходили через Красное крыльцо оба государя в царских облачениях и в венцах. Войдя в собор и приняв благословение у новоизбранного патриарха, государи заняли место на особом приготовленном посреди собора рундуке о 12 ступенях. По левую руку от государей на том же рундуке стал новоизбранный патриарх, и начался обряд поставления, причем патриарший посох новопоставляемому вручили сами государи (инвеститура). После обряда поставления совершена была новым патриархом литургия. В девятом часу дня, по окончании литургии, государи, сняв с себя царские облачения в приделе Дмитрия Солунского, пошли из собора в Грановитую палату. Патриарх же в предшествии певчих и подьяков, ключаря и дьякона, несших крест на серебряном блюде и «святую воду», и в сопровождении особой назначенной для того свиты из двух бояр, окольничего, думного дьяка — это был Н. М. Зотов, четырех стрелецких полковников и четырех полуполковников, проследовал в свои палаты. В исходе девятого, по-нашему второго, часа дня государи послали к патриарху «с вестью» дворцового дьяка. В начале десятого часа, третьего часа по-нашему, патриарх со всем Освященным собором, также в предшествии певчих, исполнявших песнопения, и с преднесением «святого креста» на блюде через Красное крыльцо вступил в Грановитую палату. В грановитых сенях встретил патриарха боярин Петр Абрамович Лопухин, а посередине палаты его встретили сами государи. Патриарх, проговорив вход, осенял государей крестом и кропил «святой водой». Государи сели на своих местах, а патриарх сел подле государей в креслах; архиереи и архимандриты сели по левую сторону на лавке. Перед государями и патриархом был поставлен накрытый скатерью стол и на нем поставлены судки и солонки и положены перепечи по обычаю. Патриарх, встав, говорил «Отче наш» и благословил трапезу. Боярин Лопухин поставил перед государями шесть кубков ренского и романеи. Государи подали патриарху каждый по два кубка, а патриарх, приняв те кубки, государям бил челом и отдал кубки кравчему своему Андрею Владыкину, который поставил их перед патриархом «по конец» стола. Потом великим государям принесли на стол три ествы: куря под лимоны, калью с лимонами, пирог изращатый; несли ествы стольники, а впереди них шел и на стол

[1] Дворцовые разряды, IV, 574—579; Gordons Tagebuch, II, 314.

их ставил боярин П. А. Лопухин; патриарху принесли его патриаршие стольники три ествы же постные: блюдо стерляжины свежепросольной, уху, коровай; перед патриаршими ествами шел и на стол их ставил его патриарший дворецкий Д. И. Сурмин. Затем государи жаловали кубками с ренским архиереев, архимандритов и игуменов, а также бояр, окольничего, думного дьяка, полковников и полуполковников, которые сопровождали патриарха. Думный дьяк Емельян Украинцев объявил патриарху царские дары: два кубка серебряных позолоченных, объярь золотную, бархат гладкий, два атласа гладких, две камки, два сорока соболей. Святейший патриарх на тех дарах великим государям челом ударил; дары были отнесены на патриарший двор. Затем великие государи и патриарх, посидев мало, встали и по произнесении отпуска пошли со святейшим патриархом из Грановитой палаты к себе в верх, в свои хоромы. В верху, в хоромах, патриарх был для благословения и поздравления у царицы Натальи Кирилловны и у царевен Анны Михайловны и Татьяны Михайловны. Из хором царевен патриарх шел Постельным крыльцом мимо Столовой палаты до Благовещенской паперти, возле которой его ожидала изготовленная от Конюшенного приказа царская карета. На другой день после поставления патриарха Петр со всей семьей — обеими царицами, с сыном и сестрой — переехал в Преображенское [1].

27 августа в Преображенском справлялись именины царицы Натальи Кирилловны. В церкви «Воскресения христова» служил литургию митрополит Крутицкий Евфимий и с ним два архимандрита; за литургией присутствовал Петр с семьей. В седьмом часу дня, по нашему счету в двенадцатом, в Преображенское приехали царь Иван Алексеевич с царицей Прасковьей Федоровной. В девятом — во втором часу дня — туда же прибыл патриарх Адриан с властями. Перед царскими хоромами встречал его тот же боярин П. А. Лопухин, а у Передней в сенях встретили сами государи. Войдя в комнату, патриарх говорил вход и благословил государей «животворящим крестом» и рукой. Потом великие государи сели на своих государских местах, а патриарху указали сесть же. Посидев мало, государи с святейшим патриархом пошли к царице Наталье Кирилловне, а власти ожидали в комнате. Побыв малое время у царицы, государи пришли в Столовую и сели; а Столовая была для того наряжена по чину. Потом в Столовую вошел патриарх со властями и сел по левую сторону государей, а архиереи на лавке. И, посидев мало, встали, и святейший патриарх по случаю своего поставления подносил государям образа и дары, а те образа и дары объявлял великим государям по росписи боярин П. А. Лопухин. Царю Ивану Алексеевичу патриарх поднес образ «всемилостивого Спаса», оклад чеканный; кубок серебряный с кровлею золоченый; алтабас по серебряной земле, на нем травы золотые; бар-

[1] Дворцовые разряды, IV, 580—591.

хат турецкий золотный, по нем репьи шелку разных цветов; атлас золотный по красной земле; объярь золотную по красной земле; атлас гладкий красный; камку желтую куфтяр; два сорока соболей, 200 золотых. Такие же дары были поднесены царю Петру и в меньших размерах другим членам царского семейства. Государи жаловали властей и думных людей кубками ренского, а прочих служилых людей, а также представителей тяглого населения — водкой. Затем государи удалились в свои хоромы, а думных и служилых людей, а также гостей, гостиной сотни, дворцовых и черных слобод посадских людей указали кормить; и для того были поставлены шатры, и «кормка была со удовольствием». Празднество не обошлось, по свидетельству Гордона, без пушечных залпов и фейерверка. Царь Петр был так доволен, прибавляет этот свидетель, пальбой и фейерверком, что удержал у себя бояр, думных людей, стольников и иноземных офицеров и целую ночь пировал с ними. Произошел, однако, за пиром неприятный случай, рассказывает тот же Гордон. «Царь рассердился за одно слово, которое показалось ему оскорбительным, и много труда стоило всем, чтоб его успокоить». «Вероятно, это был уже один из припадков гнева, — замечает по этому поводу Погодин, — которым Петр был подвержен и в которых доходил иногда до неистовства». Царь Иван Алексеевич из Преображенского отбыл в Москву в одиннадцатом часу дня, по нашему счету в четвертом, а патриарх Адриан в двенадцатом, т. е. в пятом [1].

29 августа были отпразднованы именины царя Ивана Алексеевича. Петр приезжал из Преображенского поздравлять брата. За последние четыре месяца (сентябрь—декабрь) 1690 г. дворцовых разрядных записей не найдено. Этот недостаток до некоторой степени восполняется точным дневником Гордона. С большою вероятностью можно полагать, что обычный дворцовый ритуал за эти месяцы исполнялся так же, как он был исполняем за первые восемь месяцев 1690 года. 1 сентября справлялось действо Новолетия, начавшееся позже, чем бывало в прежнее время, в 10 часов утра, так как Петр несколько запоздал приехать к нему из Преображенского. По окончании церемонии Петр вернулся опять в Преображенское. Туда после обеда выезжал Гордон с поздравлениями. Празднество Нового года, начавшееся в Москве старинным церковным обрядом действа Новолетия, было закончено в Преображенском новой военной церемонией: четырьмя залпами из 21 пушки и другого мелкого оружия. Сентябрь, октябрь и ноябрь были проведены Петром в Преображенском с краткими наездами в Москву, когда требовалось участие царя в церемониях по ритуалу (например, 22 октября — крестный ход в Казанский собор), и с краткими поездками по дворцовым селам, по большей части с увеселительными целями. В первую половину сентября в Преображенском и окрестностях

[1] Дворцовые разряды, IV, 593—598; Gordons Tagebuch, II, 316—317; *Погодин*, Первые годы единодержавия, 1689—1694 («Русский архив», 1879 г., кн. I, стр. 14).

производились военные упражнения, прерванные несчастным случаем в начале июня (см. стр. 105). 3 сентября Петр обедал у Лефорта. После обеда он вернулся в Преображенское, где производилось учение войску и делались приготовления к маврам следующего дня. 4 сентября Гордон был вызван в Преображенское, куда отправился в 8 часов утра. После завтрака начались маневры. Стремянной стрелецкий полк сражался против потешных, Семеновской пехоты и конницы московского дворянства. Два других стрелецких полка действовали один против другого. И на этот раз маневры сопровождались несчастными случаями, показывающими горячность, с которой обе стороны вели дело. Многие, по свидетельству Гордона, были ранены и обожжены порохом. Сам Гордон был ранен в ногу и получил ожог лица, что заставило его целую неделю просидеть дома[1]. 7 сентября Петр находился в Преображенском: ему отправлено туда «в поход в село Преображенское» 300 рублей из средств Новгородского приказа[2]. 11 сентября он был опять в Преображенском и принимал участие в новых потешных битвах. В этот день потешные бились со стрельцами Сухарева полка, причем на этот раз все обошлось благополучно. Бои чередовались с веселыми пирами. 12 сентября Гордон встретился с царем в Преображенском на обеде у боярина Петра Васильевича Шереметева. 13 сентября давал обед князь Ф. Ю. Ромодановский. Гордон имел здесь случай поговорить с царем о своих делах, причем говорил за него также Т. Н. Стрешнев. 14-го вновь состоялись военные упражнения, также с благополучным исходом. В связь с этими потехами надо поставить относящуюся к сентябрю 1690 г. запись в Оружейной палате о заказе 144 «прапорцов» по присланным образцам. 16 сентября Петр приезжал из Преображенского в Москву[3]. Он собирался выехать к Троице 19 сентября, но по случаю дурной погоды в этот день, рассказывает Гордон, поездка эта была отложена. 23-го он был у Гордона на свадьбе его дочери Марии с капитаном Даниилом Кравфордом; на празднество были приглашены Гордоном несколько бояр и дворян и вся знать Немецкой слободы. Отложенная поездка к Троице к празднику преподобного Сергия так и не состоялась. 27 сентября Гордон подал царю вторую челобитную о своем деле — об увеличении жалованья. Петр передал ее Г. И. Головкину с приказанием сделать выписку и доложить. 1 октября справлялся храмовой праздник в Покровском на Филях — вотчине Л. К. Нарышкина. Гордон с несколькими офицерами отправился в Преображенское и оттуда они сопровождали Петра на Фили. Веселье продолжалось два дня, 1 и 2 октября. Гордон вернулся домой 2-го поздно вечером. 4 и 10 октября он был в Преображенском и «состоял при особе» государя. 13 ок-

---

[1] Дворцовые разряды. IV, 601—606; Gordons Tagebuch, II, 317—318.
[2] Арх. мин. ин. дел., Приказные дела 1688 г., № 245, л. 168.
[3] *Есипов*, Сборник выписок, т. I, стр. 115, № 468; Gordons Tagebuch, II, 319—320.

тября Петр явился обедать к Гордону со свитой от 30 до 40 человек. Гости пробыли до 10 часов вечера и, как замечает хозяин в дневнике, «были очень веселы». 16-го был обед у Лефорта, где пробыли до 11 часов вечера. 18-го Гордон ездил в Преображенское и оттуда сопровождал царя в Измайлово. 20-го он опять был в Преображенском и обедал с царем у князя Ивана Ивановича Троекурова. 22 октября Петр, по свидетельству Гордона, принял участие в крестном ходе в Казанский собор, тотчас после которого вернулся в Преображенское. 23 октября Гордон был вызван в Преображенское; целый день происходили военные упражнения, а вечером он ужинал вместе с Петром у приказчика Тараса. 25 октября Петр был на ужине у Лефорта. 29-го Гордон находился при особе царя в Преображенском. 1 ноября ночью за ним было прислано из Преображенского; в 4 часа утра он был уже там и сопровождал царя к князю Федору Юрьевичу Ромодановскому, жена которого разрешилась от бремени сыном, названным Михаилом. Все сопровождавшие царя поздравили родильницу и получили от царя дукаты и другие вещи, чтобы подарить ей. Гордон подарил саблю в ножнах, украшенных драгоценными камнями. Пиршество по случаю родин у князя Ромодановского было продолжительно. Гордон вернулся домой только 2 ноября в 3 часа ночи. 3-го генерал был в Преображенском и говорил с царем и некоторыми боярами о своем деле: он хлопотал об устройстве на русской службе своего сына. 5 ноября он вновь ездил в Преображенское и Измайлово, где он был допущен к руке вдовствующей царицы. Петр, таким образом, представил своего друга матери. Затем он сопровождал Петра и был на фейерверке в Покровском. 7 ноября — Петр на обеде у Лефорта, с полудня затянувшегося далеко за полночь. 11 ноября Гордон виделся с Петром в Преображенском и беседовал с ним, 18-го Петр выехал из Преображенского в Измайлово на храмовой праздник, справлявшийся в этой резиденции 19 ноября. 20-го отправился туда же Гордон, но встретил Петра на пути и сопровождал его. 21-го в дневнике его читаем заметку: «...веселились всю ночь в Андроньеве монастыре». Петр прямо не упомянут, но вполне вероятно его участие в этом веселье, иначе зачем бы иноземец католик Гордон попал в этот монастырь? 24 ноября он сопровождает Петра в Покровское (Л. К. Нарышкина?), 27-го Петр на обеде у Лефорта. 30 ноября царь опять в Покровском в сопровождении Гордона. В то время как он там находился, кто-то, как записывает Гордон, явился с известием, что в Москве происходит мятеж. Царь со всеми, кто с ним был, вернулся в Москву. 1 декабря Гордон провел весь день в обществе царя. 3-го Петр обедал у Андрея Федоровича Нарышкина. 7-го после обеда Гордон отправился в Преображенское, где происходила церемония учреждения потешных полков. Роты потешных были официально подразделены на два полка. На церемонии присутствовали оба царя. Вечером царь Петр отправился к Лефорту, провел там

всю ночь и на другой день, 8-го, там же у Лефорта обедал. 10 декабря Гордон в Москве находился при особе государя, 12-го он обедал у царя в Москве. 15-го царь был на обеде у Петра Абрамовича Лопухина; 18-го — у Алексея Петровича Салтыкова. 19-го Гордон был с царем в Преображенском. 20-го он рассчитывал увидеть Петра «в городе», т. е. в Москве, но Петр не вернулся еще в город. 21 декабря Гордон видел его на обеде у Петра Васильевича Шереметева, а 22-го — у Андрея Артамоновича Матвеева, где оставались всю ночь. 26-го Гордон в Москве дежурил при государе. 29-го он сопровождал Петра при посещении некоторых лиц из знати и вернулся домой в 3 часа утра. Возможно, что это была поездка «со славлением Христа» на святках [1].

Рис. 34. Патрик Гордон

Портрет маслом. Оригинал находится в Государственном историческом музее в Москве.

Из этого перечня, заимствованного из дневника Гордона, видно, как растет в 1690 г. сближение Петра с новыми его друзьями — иностранцами, с которыми он познакомился лично осенью 1689 г., — Патриком Гордоном и Францем Лефортом. Дружеская связь сначала устанавливается с Гордоном. Попытка пригласить генерала на парадный придворный обед встретила решительное сопротивление со стороны патриарха, но Петр принимает Гордона у себя запросто, а весной, после смерти патриарха, делает небывалый для московского государя шаг — посещает иноземца в его доме. 3 сентября мы видим его у Лефорта и затем в последние месяцы 1690 г. царь — беспрестанно в Немецкой слободе то у одного, то у другого из своих новых, столь различных по характеру приятелей-иноземцев. Патрик Гордон, шотландец по происхождению, ревностный католик по вере и верный яковит по политическим убеждениям, рано покинул родину, служил в шведских и польских войсках, в 1660-х годах попал в Россию и участвовал в войнах времени царя Федора и

[1] Gordons Tagebuch, II, 319—329.

царевны Софьи. В момент знакомства с Петром это был уже человек немолодой — в 1690 г. он отпраздновал свое 55-летие. Его прямая и честная натура, продолжительная и богатая опытом служба снискали ему глубокое уважение не только в Немецкой слободе, но и в московских правительственных сферах. Моло-

Рис. 35. Ф. Я. Лефорт

Гравюра Шенка в Амстердаме.

дому Петру он стал необходим как опытный советник и руководитель, в особенности в воинских потехах.

Иного характера был Лефорт. Швейцарец из Женевы, следовательно француз, человек, не отличавшийся ни выдающимися способностями, ни обилием знаний, но полный жизни, весельчак, занимательный собеседник и добрый товарищ. «Помянутый

Рис. 36. Немецкая слобода под Москвой

В центре изображен дворец Ф. А. Головина, к которому в коляске подъезжает Петр. Гравюра де Витта.

Лефорт, — пишет о нем князь Б. И. Куракин, — был человек забавной и роскошной или, назвать, дебошан французской... денно и нощно был в забавах, супе, балы, банкеты, картежная игра, дебош с дамами и питье непрестанное, оттого и умер во время своих лет под пятьдесят». Лефорт сделался поверенным Петра в его сердечных делах в слободе и «пришел», — по выражению Куракина, — «в крайнюю милость и конфиденцию интриг амурных». В его именно доме Петр научился «с дамами иноземными обходиться, и амур первый начал быть»[1]. Под последними словами Куракина надо понимать любовь Петра к дочери виноторговца из слободы — красавице Анне Монс.

Новые друзья Гордон и Лефорт вводили Петра в круг общества Немецкой слободы, в этот привлекательный для молодого Петра западноевропейский уголок, устроившийся по соседству с Москвой. Там было столько нового, столько интересного и заманчивого для его ненасытной любознательности! В слободе все было так непохоже на дворцово-монастырский ритуал Кремля. Там господствовали более свободные, но более утонченные нравы. Там умели интенсивно работать, но умели и досуг посвящать удовольствиям гораздо более изящным. Но не одни только эти «супе» и балы с дамами и танцами могли привлекать Петра в слободу; в нем могли возбуждаться в слободе и более серьезные интересы. В слободе, как в уголке Западной Европы, в думах и разговорах ее пестрого разнонародного населения неизбежно должны были находить отзвук великие события, развертывавшиеся тогда на Западе, — та упорная борьба, которая шла между Людовиком XIV, с одной стороны, Голландией и Англией, престол которой только что занял голландский штатгальтер Вильгельм, — с другой.

«В Немецкой слободе, — как верно изображал ее Погодин, — жили люди всех европейских народностей и исповеданий: голландцы, англичане, шотландцы, немцы, итальянцы, реформаты, кальвинисты, католики. Все они с напряженным вниманием следили за событиями, смотрели на них с своих точек и желали успеха той или другой стороне, смотря по тому, что для кого было выгоднее или согласнее с их понятиями. Между тем все они жили вместе, в одной слободе, служили одному государству или имели дело с одним государством и всякий день должны были входить в сношения друг с другом. Потому они могли только спорить между собою, рассуждать, доказывать и отвергать, действовать только посредством убеждений, что все происходило очень часто в присутствии Петра, который всякий почти день был между ними и слушал их горячие состязания. Для восприимчивого, быстро все схватывающего Петра, с мыслию, неустанно работавшею, с живым воображением, эти состязания сделались новою школою политическою. Пред ним открывался новый свет, выступали перед глазами явления, доселе неизвестные, круг зре-

[1] Архив князя Куракина, I, 66.

ния расширялся, и он, слышавший и знавший до сих пор только о соседях поляках, татарах и турках, со врожденной своей проницательностию и любознательностию устремлял далее свои пытливые взоры»[1].

IX. 1691 г. ПОТЕШНЫЕ БОИ ПОД СЕМЕНОВСКИМ

1691 год прошел во многом подобно предыдущему с довольно строгим исполнением всей программы московского дворцового обихода, но и с очень заметным, еще более тесным сближением с Немецкой слободой и иноземцами. По установившемуся уже обычаю с рождества и до фоминой недели Петр по большей части жил в Москве, прерывая это местопребывание в столице кратковременными выездами в то или другое из подмосковных сел, выездами, о которых даже и не упоминают Дворцовые разряды и о которых мы знаем из дневника Гордона. 1 января Гордон был вызван в Кремль и получил приказание быть на другой день при государе в Преображенском. 2 января Петр в Преображенском сказал ему, что придет к нему на другой день обедать, останется у него на ужин и проведет всю ночь в его доме. Действительно, 3 января Петр приехал к Гордону в 10 часов утра с огромной свитой и тотчас же сел за стол. Гостей было 85 человек и при них около сотни слуг. Компания обедала, затем, когда пришло время, ужинали, а ночь, как выражается Гордон, провели «по-лагерному». На следующее утро веселое общество переправилось к Лефорту, где обедали и оставались до 7 часов вечера. 6 января вместе с братом Петр присутствовал на водоосвящении, совершенном во всем одинаково с прошлым годом. 8-го в Столовой палате Кремлевского дворца цари принимали иностранных послов: польского резидента Юрия Доминика Довмонта и посланца волошского воеводы Яна Белевича. Но официальная разрядная записка отмечает, что в этот день в навечерие памяти Филиппа митрополита к вечерне и молебному пению и в самый день памяти 9 января к литургии в Успенский собор царю Петру выхода не было, выходил один царь Иван Алексеевич. 11 января Петр обедал у князя Б. А. Голицына, где был и Гордон. 12 января, в день именин царевны Татьяны Михайловны, царь был на литургии в своей дворцовой церкви Петра и Павла, но на обычную в таких случаях церемонию пожалования вином и водкой думных и служилых людей не выходил — было, очевидно, некогда: во дворец был вызван сын генерала Гордона Яков приготовлять фейерверк. Тем же делом занимался при дворе и зять Гордона Рудольф Страсбург. Занятие было небезопасное: Страсбург в том же январе 1691 г. опалил себе голову, руки и ноги, так что едва избежал смерти. Трое других пострадавших при этом умерли. Получил ушиб

[1] *Погодин*, Петр Первый. Первые годы единодержавия («Русский архив», 1879 г., кн. I, стр. 17—18).

руководитель этого занятия учитель Петра Франц Тиммерман. 24 января во дворце опять был прием иностранных дипломатов, резидентов польского Довмонта и голландского Ягана Вилиама ван Келлера, причем последний подал государям грамоту от принца Вильгельма Оранского с извещением о вступлении его на английский престол. 26 января в день Ксенофонта и Марии — «день ангела» царевны Марии Алексеевны — Петр опять ограничился только присутствием на литургии в своей дворцовой церкви и к пожалованию поздравителей не выходил. 28 января он посетил больного боярина Родиона Матвеевича Стрешнева; после того заезжал к Гордону. 30-го он вместе с царем Иваном Алексеевичем присутствовал в Архангельском соборе на панихиде по царе Алексее Михайловиче по случаю годовщины его смерти [1].

1 февраля оба государя были в Успенском соборе на торжестве поставления нового митрополита псковского и изборского Илариона. 2-го, 4-го и 9-го Петр посещал больного Р. М. Стрешнева. 6 февраля он обедал у Лефорта и пировал там всю ночь. 12 февраля, в день празднования памяти Алексия митрополита, оба государя были за обедней в Чудовом монастыре. 16-го, в понедельник на масленице, во втором часу ночи, по нашему счету в седьмом часу вечера, Петр отправился в село Воскресенское на Пресне, куда на следующий день, 17 февраля, утром прибыл и царь Иван Алексеевич и где вечером этого дня был сожжен фейерверк. Этот масленичный фейерверк на Пресне, как и рождественское славление, входит в обычай и становится необходимой статьей придворного обихода; у юного, еще 19-летнего Петра начинают складываться свои неизменные привычки. В Москву государи вернулись в седьмом часу ночи, по нашему счету в первом часу по полуночи. 19 февраля в четверг на масленице происходило празднование дня рождения царевича Алексея Петровича, которому исполнился год. Празднование дня рождения было нововведением Петра, но справлялось оно в старых формах, а именно: поутру государи присутствовали за литургией в своих дворцовых церквах: Иван Алексеевич в церкви Воскресенья, а Петр — в церкви «Спаса нерукотворенного». Затем в Передней палате оба государя жаловали думных и ближних чинов кубками фряжских питий, а прочих служилых людей и гостей — водкой. Новость празднования дня рождения сказалась на языке официальной разрядной записки этого дня, составитель которой счел нужным дать объяснение причине празднования, изложив притом объяснение довольно неуклюже: «Для того, что в 198 (1690) году февраля 19 число день рождения благоверного государя царевича и великого князя Алексея Петровича». День этот, начавшийся старинными обрядами, литургией в придворных церквах и пожалованием питьями поздра-

[1] Gordons Tagebuch, II, 329—332; *Есипов,* Сборник выписок, т. I, стр. 389—393.

вителей, царь заканчивал совсем не по-старинному: послал за Гордоном и удерживал его при себе до вечера, а затем отправился с ним в Немецкую слободу, причем заехал и к нему. 20 февраля Петр выезжал в Покровское в сопровождении Гордона и оставался там всю ночь. 22 февраля сыропустное воскресенье было проведено по-старинному. Оба государя в седьмом часу дня, по-нашему во втором часу пополудни, посетили для моления Троицкое подворье, Чудов и Вознесенский монастыри, соборы Успенский, Архангельский и Благовещенский и прощались с боярами и служилыми людьми, жалуя их к руке. Первая неделя поста не послужила для Петра препятствием побывать 26 февраля в Немецкой слободе проездом в Преображенское и Измайлово, куда он выезжал в этот день. На другой день, 27 февраля, Гордон видел царя в Москве у Т. Н. Стрешнева [1].

1 марта, в воскресенье, в неделю православия и в день именин царевны Евдокии Алексеевны, государи были у литургии в своих дворцовых церквах, а затем в Передней палате состоялась обычная церемония пожалования винами и водкой. Отбыв придворную церемонию, Петр отправился к Лефорту. 2 марта он обедал у Гордона, 5-го выезжал на короткое время в Преображенское, а затем навестил больного Р. М. Стрешнева. 6 марта царь сказал Гордону, что жалует ему частию серебряной посуды, частию других вещей на 1 000 рублей, а зятю его на 500 рублей. Под 9 марта находим в дневнике Гордона отметку, свидетельствующую о том, что в 1691 г. Петр расширяет круг своего знакомства с Немецкой слободой. За предыдущий год в дневнике отмечалось посещение Петром только двух иноземцев — Гордона и Лефорта. В этот день, 9 марта, царь обедает у Елизария (Эбергардта) Избрандта, голштинца по происхождению, занимавшегося некогда торговлей в Гамбурге и оттуда в конце 1680-х годов переселившегося в Москву. Впоследствии, в 1692 г., он был поставлен во главе посольства, отправленного в Китай [2]. 12 марта Петр на короткое время выезжал в Преображенское, ужинал у Лефорта. 13-го оба государя были на панихиде по царе Алексее Михайловиче, отслуженной в этот день вместо «дня его ангела» 17 марта, на который приходилось празднование именин царевича Алексея Петровича, почему и нельзя было служить панихиды в этот день. Под 14 марта читаем у Гордона заметку о событии, показывающем, чем занят был Петр в описываемое время: спущена была на реку «новая», как ее называет Гордон, яхта. 15 марта царь был в Данилове монастыре. 17-го обычным порядком праздновалось тезоименитство царевича Алексея; государи были у обедни в Алексеевском монастыре, а затем происходило в Передней палате пожалование поздравителей. 22 марта видим Петра на литургии в дворцовой церкви «Рождества богородицы на Сенях», по случаю празднования в этот день «Фе-

[1] *Есипов*, Сборник выписок, т. I, стр. 393—395; Gordons Tagebuch, II, 334—335.

[2] *Posselt*, Der General und Admiral Franz Lefort, 1866, II, 65—66.

доровской иконы богоматери» 25-го он в Благовещенском соборе. Под 27 марта Гордон вновь записал известие о спуске на реку «большой» яхты. Надо полагать, что здесь идет речь не о другой яхте, а о той же самой, спуск которой он отметил под 14 числом. По крайней мере, шведский резидент фон Кохен в письме к рижскому генерал-губернатору упоминает только об одной яхте, говоря, что построил ее всю собственноручно сам Петр; да и 14 марта Москва-река еще обыкновенно бывает подо льдом. Вероятно, 14 марта были сделаны приготовления к спуску, а 27-го состоялся уже и самый спуск. 29 марта Петр принимал участие в праздновании тезоименитства дочери царя Ивана Алексеевича царевны Марии Ивановны [1].

Раз яхта была спущена, как было утерпеть, чтобы ее не попробовать, и вот 2 апреля Петр сделал пробное плавание в Коломенское, предпринятое, очевидно, без всякого парада и потому не описанное в Дворцовых разрядах, отмеченное только Гордоном. Из плавания он возвратился поздно вечером 3-го. 5 апреля было вербное воскресенье, справлявшееся в этом году с исполнением шествия на осляти, в котором принимает участие и Петр. 6-го Гордон находился при государе. Страстная неделя проведена была по обычаю. 9-го апреля, в великий четверг, оба государя были в Успенском соборе при перенесении «мира»; 10-го, в великую пятницу, выходили туда же прикладываться к мощам после обряда их омовения. 11-го, в великую субботу, так же как и в предыдущем году, у заутрени в Успенском соборе был один старший царь. В обычном же порядке была 12 апреля встречена и затем проведена пасха: с приемом дьяков в Комнате перед выходом к «светлой заутрени», с выходом в Успенский собор, с приемом патриарха во дворце между заутреней и литургией, с посещением московских монастырей, с христосованием со всяких чинов людьми в течение всей недели. 14 апреля вечером Гордон сопровождал Петра в Андроньев монастырь. 15-го, в среду на пасхе, во дворце у государей был патриарх со всем Освященным собором «с подношением». В тот же день Гордон приносил официальное поздравление во дворце: «был у руки» обоих государей. 17-го Петр выезжал в Преображенское. 18-го в третьем часу пополудни государи давали в Столовой палате аудиенцию приехавшему в Москву цесарскому интернунцию Ягану Курцу, а затем в пятом часу пополудни посетили Чудов и Вознесенский монастыри, Троицкое и Кирилловское подворья в Кремле. Наконец, 19 апреля, в фомино воскресенье, так же, как и в предыдущем году, Петр с семейством перебрался из столицы в Коломенское. Сам Петр, по примеру прошлого года, отправился туда водным путем, очевидно, на вновь спущенной яхте, несмотря на дурную погоду и сильный противный ветер; но в этот день вследствие противного ветра успели доплыть

---

[1] Gordons Tagebuch, II, 335—337; *Есипов*, Сборник выписок, т. I, стр. 396—398; «Русская старина», 1878 г., сентябрь.

только до Самаровой горы — в Коломенское при продолжающемся ненастье пришли только 20 апреля. Семейство Петра — царица Наталья Кирилловна, царица Евдокия Федоровна и царевич Алексей Петрович — выехало в Коломенское 19-го сухим путем. Пребывание двора в Коломенском продолжалось с наездами в Москву до 14 мая. 21 апреля Петр навестил боярина Р. М. Стрешнева. 22-го предпринята была поездка из Коломенского вниз по Москве-реке в Николо-Угрешский монастырь, где царь остался ночевать. 23-го, продолжая плавание, Петр остановился в вотчине стольника Василия Алексеевича Соковнина, лежавшей на берегу Москвы-реки, и там также ночевал. Так как водой оттуда вернуться, вероятно за противным ветром, было нельзя, то 24-го вернулись в Коломенское сухим путем с заездом в Угрешский монастырь обедать. 27 апреля Гордон ездил в Коломенское, но вследствие нездоровья на следующий день испросил позволение вернуться в Москву[1].

1 мая Петр приезжал в Москву к часу пополудни в Петровский монастырь на погребение своего деда, отца царицы Натальи Кирилловны — Кирилла Полуектовича Нарышкина; с похорон заехал в Кремлевский дворец в 3 часа дня. После вечерни он присутствовал в Архангельском соборе вместе с братом на панихиде по царе Федоре Алексеевиче, перенесенной на этот день с 26 апреля; с панихиды вернулся в Коломенское. 8-го он выезжал из Коломенского навестить боярина Р. М. Стрешнева; вечером ужинал у Лефорта. 12-го случилось горе в семье царя Ивана Алексеевича: скончалась дочь его царевна Феодосия. 13-го Петр приехал на ее погребение в девятом часу утра по нашему счету, а с похорон в третьем пополудни вернулся в Коломенское. На другой день, 14 мая, двор переехал в Преображенское, где оставался до 26 июня. Оттуда Петр заезжал 20 мая к Р. М. Стрешневу и посещал своих иноземных друзей в Немецкой слободе. 22-го обедал у Лефорта; 23-го был у Гордона, причем подарил ему участок земли от его дома до р. Яузы. 25 мая после обеда Гордон ездил в Преображенское, где производились опыты со вновь изобретенными мортирами. 26 мая в одиннадцатом часу утра по нашему счету Петр приехал в Москву, до третьего часа пополудни был «в своих государских хоромах» и затем вернулся в Преображенское[2].

2 июня в Преображенском происходило празднование дня рождения Петра, перенесенное на этот день, так как 30 мая пришлось на «родительскую субботу» — канун троицына дня. Официальная разрядная записка, заносящая на свои страницы это празднование, все еще не может приспособиться к нововведению и все еще говорит о праздновании довольно нескладно, без обычной свойственной ей гладкости: «Июня во 2-й день по указу

---

[1] Там же, 337—338; *Есипов*, Сборник выписок, т. I, 398—406.

[2] *Есипов*, Сборник выписок, т. I, стр. 409—411; Gordons Tagebuch, II, 339—341.

великих государей царей и великих князей Иоанна Алексеевича, Петра Алексеевича всея Великия и Малыя и Белыя России самодержцев, в его, великого государя царя и великого князя Петра Алексеевича всея Великия и Малыя и Белыя России самодержца, походе в селе Преображенском были бояря и окольничие, и думные, и ближние люди, и стольники, и генералы, и стряпчие, и дворяня, и дьяки из приказов, и гости. А после литургии бояря, и окольничие, и думные люди ему, великому государю, поздравляли, что во 180 году мая в 30 день было его государское рождение. А он, великий государь, в том селе жаловал их, бояр, и окольничих, и думных, и ближних людей кубками фряжских питей, а стольников, и генералов, и стряпчих, и дворян, и дьяков, и гостей водкою». Гордон, бывший в числе поздравителей, отмечает, что получил стакан вина из собственных рук государя. Празднование сопровождалось неизбежной теперь в таких случаях в Преображенском пальбой. Через два дня, 4 июня, в Преображенском неизвестно по какому случаю опять производилась увеселительная стрельба. В течение июня Гордон довольно часто бывал в Преображенском. Кроме поездки 2 июня, он отмечает поездки туда 6, 9 и 12 июня; очевидно, что там идут военные занятия, на которых нужно было его присутствие. 19 июня Петр был у голландского резидента ван Келлера, который об этом посещении доносил Штатам: «Я имел честь принимать у себя его величество царя Петра Алексеевича и угощать его наилучшим для меня возможным образом. Его царское величество сам пожелал меня посетить и появился, так же как у министров шведского и датского при этом дворе, в сопровождении большого числа бояр и князей. Посещение длилось почти 24 часа под гром труб, литавров и других музыкальных инструментов. Весь город говорил об этом празднестве и знает, что слуга вашей милости угощал его величество стаканом по голландскому обычаю. Я доволен, что это беспокойство, которого я не мог избежать, прошло и что его царское величество со всей своей свитой и с дамами, которые были приглашены, удалился в полном удовольствии и совершенно удовлетворенный» [1]. 20 июня происходили военные упражнения под Семеновским. 23-го Гордон был на празднике у некоего Мунсона (Mounson), где присутствовал и Петр. Речь идет, очевидно, о Монсе, дочь которого пленила сердце юного царя. 26 июня во втором часу ночи, по нашему счету в одиннадцатом часу вечера, двор переехал в Москву, и здесь в обычном порядке был отпразднован день апостолов Петра и Павла с выходом 28-го к вечерне и молебному пению, а 29-го — к литургии в Успенский собор и с угощением вином в Передней палате [2].

Начало июля Петр, как можно думать, оставался в Москве и с особенной точностью присутствовал на приходившихся на это

[1] *Posselt*, Lefort, I, 498—499.

[2] *Есипов*, Сборник выписок, т. I, стр. 411, 412—413; Gordons Tagebuch, II, 341—343.

время церковных торжествах. Так, 5 июля он был в Успенском соборе на поставлении чудовского архимандрита Иоасафа в митрополиты ярославские и ростовские, а после поставления слушал литургию в дворцовой церкви «Спаса на Сенях». 8 июля он по обыкновению принял участие в крестном ходе в Казанский собор; 10-го, в праздник «положения ризы господней», был у обедни в Успенском соборе и в тот же день в Архангельском соборе на панихиде по царе Михаиле Федоровиче. На всех этих торжествах Петр в 1691 г. показывался один: царь Иван Алексеевич на них отсутствовал. 12 июля Петр вновь перебрался в Преображенское и там жил до конца ноября. 15 июля видел его в Преображенском и разговаривал с ним Гордон. Там не прерывались военные занятия. 16 июля, отмечает Гордон, полковник Христофор фон Левенфельдт делал там опыт с сооружением редута. 17-го Гордон встретился с царем на пиру у генерал-майора Менезия. 20-го Петр был на пиру у другого иноземца, которого Гордон называет Вериес (Veryes). 21-го — вечер у Лефорта. 23-го Петр ужинал и провел всю ночь у Гордона. 25 июля по строго исполнявшемуся каждый год обыкновению Петр приезжал в Москву поздравить тетку царевну Анну Михайловну и вернулся в Преображенское «в отдачу часов дневных», т. е. в восьмом часу вечера по нашему счету. 29 июля Гордон был в Преображенском и получил приказ снарядить 300 человек из своего полка на следующий день. 30-го он производил этому отряду ученье в окрестностях Преображенского [1].

1 августа царь заходил к Гордону. 3-го Гордон производил ученье войскам у Семеновского. 4 августа справлялись в Преображенском именины царицы Евдокии Федоровны. Петр был у обедни в церкви «Воскресения Христова», а затем в Передней палате преображенского дворца жаловал думный чин и служилых людей вином и водкой. В «отдачу часов дневных», т. е. около 7 часов вечера, приехал в Преображенское царь Иван Алексеевич, и вскоре после его прибытия государи принимали в Передней палате польского резидента Ю. Д. Довмонта. 5 августа Гордон был в Преображенском и получил приказание сопровождать государя в его поездке, куда — дневник Гордона умалчивает; 6-го ему были отпущены для этого лошади. 8 августа Петр приехал к Гордону вечером, ночевал у него, а на другой день обедал. Поездка, которая предполагалась, была отложена по случаю нездоровья царицы (матери?). В этот год Петр, вопреки обычаю, провел вне Москвы дни 14—16 августа и не был на храмовых праздниках в Успенском соборе и в дворцовой церкви «Спаса на Сенях». Его, очевидно, всецело отвлекали усиленные военные занятия в Преображенском, о которых делает отметки Гордон. 25 августа генерал был вызван в Преображенское обучать войска. 26-го он опять был там и по полученному приказанию делал

---

[1] Там же, стр. 413—415; Gordons Tagebuch, II, 344—345.

маневры с кавалерией. 27 августа (вместо 26-го) отпраздновали в Преображенском именины вдовствующей царицы, на которые приезжал из Москвы царь Иван Алексеевич. Разрядная записка говорит, что государи в этот день «бояр, и окольничих, и думных, и ближних людей против прежнего обыкновения водкою не жаловали». В тот же день в Преображенском был прием посланнику польского короля Яну Окрасу. Вечером сожжен был фейерверк. 28 августа Гордон в Преображенском опять маневрирует с кавалерией. 29-го он получил приказ явиться на следующий день обучать войска, и это ученье он производил 30-го под Семеновским [1].

1 сентября Петр в седьмом часу дня, по-нашему в первом пополудни, прибыл из Преображенского в Москву и вместе с царем Иваном Алексеевичем присутствовал на действе Нового лета, которое совершалось обычным порядком. Вечер он проводил у иноземца Ильи Тауберта. 3-го вечером Гордон видел царя у Л. К. Нарышкина, а 7-го обедал с ним у генерального писаря Преображенского полка Ивана Инехова. По одной записи Новгородского приказа знаем, что в этот день в хоромы царя Петра в Преображенском были внесены потребованные им из приказа 600 рублей [2]. 12 сентября вечером Петр был у Гордона. 14-го «за час до ночи», т. е. в половине пятого вечера, Петр приехал из Преображенского в Москву; затем в Столовой палате дворца происходили приемы цесарского интернунция Ягана Курца, польского посланника Яна Окраса, польского резидента Ю. Д. Довмонта и приехавших в Москву «табунных голов и астраханцев служилых людей». Во втором часу ночи, по нашему счету в восьмом вечера, царь вернулся в Преображенское. 16-го Гордон в Преображенском обучал военному строю дьяков и подьячих. Петр в этот день заходил к нему. 18 сентября царь выехал к Троице — это был обычный срок царских выездов в Троицкий монастырь на праздник «преподобного Сергия», но дождаться там праздника у Петра, видимо, терпения нехватило, и он 22 сентября вечером вернулся уже в Преображенское. 23-го туда явился Гордон приветствовать царя с приездом и был «допущен к руке». Вечер 25 сентября Петр провел у иноземца Ильи Тауберта на пиру. 28-го в Преображенском происходило ученье кавалерии, в котором принимал участие Гордон. 29-го царь обедал у думного дьяка Автонома Иванова. 30 сентября Гордон был в Преображенском на ученье потешных рот [3].

1 октября Гордон ездил в Покровское-Фили к Л. К. Нарышкину на празднество освящения там вновь построенной церкви, однако присутствие Петра в этот день в Покровском дневник Гордона не отмечает. 3 октября в первом часу ночи, по нашему

---

[1] Gordons Tagebuch, II, 345—348; *Есипов*, Сборник выписок, т. I, стр. 446—447.

[2] Арх. мин. ин. дел, Приказные дела 1691 г., № 261, л. 38.

[3] Дворцовые разряды, IV, 603—608; Gordons Tagebuch, II, 348—351.

счету в шестом часу вечера, в Преображенском родился у Петра второй сын, царевич Александр Петрович. 4 октября в седьмом часу дня, по нашему счету во втором пополудни, Петр приехал из Преображенского в Москву, и затем состоялся выход обоих государей в Успенский собор к молебну. «А за великими государи, — читаем в разрядной записке, — были царевичи, и бояре, и околничие, и думные, и ближние люди, и столники, и судьи из приказов, и стряпчие, и дворяне, и дьяки, и гости, и приказные люди в цветных кафтанах. Во время ж того молебного пения в соборной церкви были гостиной сотни и чернослободцы, и иных чинов люди великое множество; а на Ивановской колоколне был звон во вся колокола». После молебна государи в соборе принимали поздравление от патриарха и боярства, а затем из Успенского собора прошли для моления в соборные церкви Александра Невского, Архистратига Михаила и Благовещения. После литургии Петр в Передней палате жаловал бояр, служилых людей и гостей винами и водкой. За полчаса до вечера, т. е. в начале пятого часа пополудни по-нашему, он уехал в Преображенское [1].

Рождение царевича не помешало большим маневрам, происходившим в окрестностях Преображенского и Семеновского 6, 7 и 9 октября и известным под именем второго Семеновского похода, к которым войска готовились в течение всего лета и в течение сентября. Полки были поделены на две армии. Одной командовал «генералиссимус» князь Ф. Ю. Ромодановский, другой — также «генералиссимус» И. И. Бутурлин. Первая армия состояла из полков Преображенского, Семеновского и двух выборных солдатских: 1-го — бывшего Агея Шепелева и 2-го — Бутырского с конным отрядом рейтар и гусар. В состав второй армии Бутурлина входили стрелецкие полки также с рейтарами и гусарами. Сохранилась подробная реляция об этих маневрах под заглавием «Описание великого и страшного бою, который был в нынешнем 200 году октября 6 и в 7 , и в 9 числех у его пресветлейшего генералиссимуса Фридриха Рамодановского», принадлежащая перу кого-то из участников боя, находившегося в первой армии Ромодановского, которую он называет *мы* и *наши*, именуя вторую армию Бутурлина *неприятелем* [2]. По этой реляции дело происходило следующим образом. Его пресветлейшество генералиссимус Ромодановский, услышав про неприятельское войско, что неприятель, собрав несколько тысяч конного и пешего войска, думает итти в поле, чтобы дать бой, указал тотчас своей армии приготовиться. Генералу Менезию, полковникам Крейчу, Лейфелю, Ригеману и майору Балку приказано было укомплектовать рейтарские полки. Когда эти приготовления были в определенный срок закончены, генералиссимус Ромодановский назначил своим пехотным и конным войскам смотр на

---

[1] Gordons Tagebuch, II, 351; Дворцовые разряды, IV, 610—612.
[2] *Устрялов*, История, т. II, приложение XI.

3 октября. Произведя 3 октября смотр и найдя войска «при доброй справе» (в исправности), Ромодановский велел своим полкам выходить в поле 5 октября.

Согласно этому приказу полки Ромодановского вышли в поле в первом часу дня, т. е. по нашему счету в седьмом часу утра, а сам генералиссимус с некоторыми ротами явился к войску после полудня. Затем войско двинулось до сборного места во втором часу ночи, по нашему счету в шестом часу вечера, и заняло позицию на речке Красной, близ леса, вдалеке от «неприятельских» позиций. К полуночи неприятель подошел ближе и стал в полумиле от лагеря первой армии. Однако, несмотря на такую близость неприятеля, в течение ночи никаких военных действий не было; только в неприятельском лагере дважды подымалась тревога.

Рис. 57. Князь Ф. Ю. Ромодановский

Гравюра Иванова по рисунку Аргунова со старинного портрета маслом.

6 октября на заре неприятель вышел из лагеря и стал в поле «в крепком ополчении, размешав свою конницу меж пехоты». Тогда и армия Ромодановского начала выступать из лагеря и выстроилась в поле против неприятеля. Пехота стала посередине с отрядом гусар впереди; на правом и на левом крыльях заняла место конница с некоторыми частями пехоты. В тылу расположились конные и пешие батальоны. Центром командовал генерал А. М. Головин, правым крылом Гордон, а левым Лефорт. Когда обе армии выстроились, то после трубных сигналов «стали травиться», т. е. задирать друг друга. Затем генерал Гордон с частью конницы правого крыла ударил на левое крыло неприятеля, сбил его с позиции и взял у неприятеля четыре знамени, да гусары взяли еще одно знамя. Однако смятое неприятельское крыло оправилось и, несмотря на понесенный урон, выстроилось

опять. Тогда устремилось в атаку левое крыло армии Ромодановского: Лефорт со своими рейтарами ударил на неприятельский правый фланг. Неприятель стойко выдержал этот натиск и храбро бился. Оторвав некоторую часть неприятельского правого крыла, конница Лефорта повернула назад; неприятель бросился за нею, но безуспешно, потому что конница остановилась и, будучи поддержана подоспевшими ей на помощь силами, вновь обернулась против преследовавшего ее врага. Неприятель, погнавшийся за отрядом Лефорта, был разбит, разогнан и возвратился «не получа своей пользы». В этой стычке взята была булава и несколько знамен.

Несмотря на этот урон, неприятель бросил в атаку своих гусар, которые ударили на гусар князя Ромодановского. Однако гусары Ромодановского побили неприятельских, некоторых взяли в плен, а рейтары «*ротмистра Петра Алексеева* (царя) взяли в плен гусарского генерала Гулста «с голою шпагою». Тогда неприятельский генералиссимус, видя, что его дело «приходит к худобе, а не к лучшему», подъехал с некоторыми конными ротами к фронту Ромодановского «тихо, являл себя будто к разговору едет», имея замысел захватить армию Ромодановского врасплох, и вдруг ударил на его войско, а сам бросился на Ромодановского, чтобы его пресветлейшество убить и тем привести его войско «во обезглавление». Ему навстречу кинулся ротмистр Петр Алексеев и, не допустя его до Ромодановского, взял его живого в плен. Видя плен своего вождя, неприятельское войско побежало; войска Ромодановского преследовали его до самого лагеря (обоза), так что неприятель едва успел укрыться в лагере. Когда преследовавшие вернулись, Ромодановский приказал своему войску итти с поля в лагерь, а пленному неприятельскому генералиссимусу велел ехать за собой по левую сторону. В лагере Ромодановского пленный генералиссимус был принят с

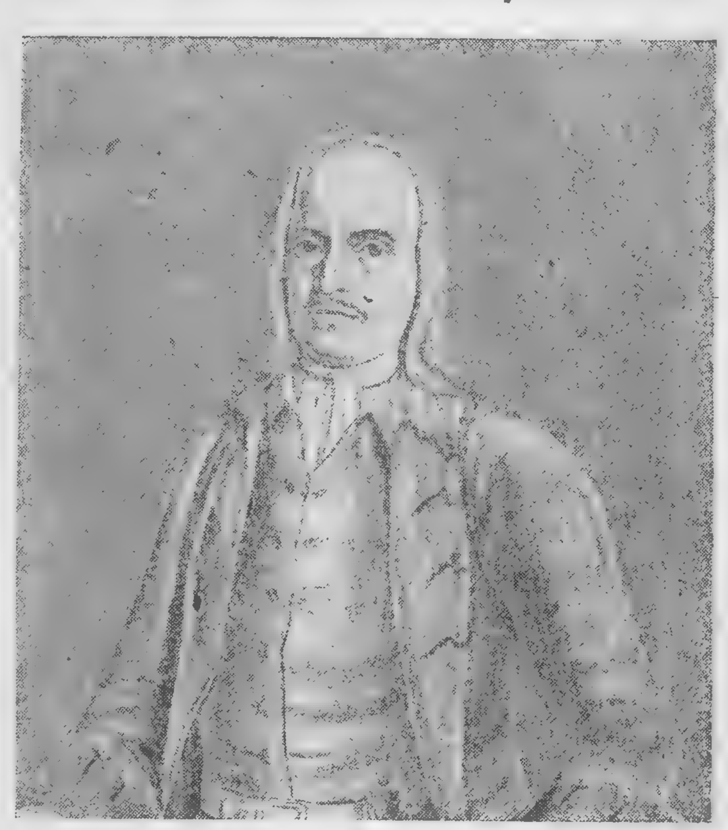

Рис. 58. Солдат Преображенского полка С. Л. Бухвостов

Гравюра Махаева со старинного оригинала.

честью. Вызвав командиров своей армии, Ромодановский похвалил их за службу и пил за победу и за храбрость своих войск. Этот тост сопровождался троекратным залпом по всему лагерю. Затем Ромодановский провозгласил тост за здоровье пленного неприятельского генералиссимуса, и тот отвечал подобным же тостом. После тостов неприятельский генералиссимус обратился к его пресветлейшеству с просьбой оказать над ним милость и отпустить его в свое войско, дав обещание быть ему впредь во всяком приятстве и послушании, быть другом, а не недругом. Его пресветлейшество «по благоутробию своему» исполнил просьбу пленного, сам проводив его за обоз, и здесь с ним простился, причем был сделан опять троекратный залп. Проводить пленного Бутурлина до его лагеря было приказано ротмистру Петру Алексееву, который это и исполнил. При возвращении своего генералиссимуса неприятельские войска на радостях стреляли трижды. Бутурлин подарил проводившему его ротмистру шпагу. Тем кончились военные действия первого дня.

В ночь на 7 октября к неприятелю подошел резерв в составе четырех полков пехоты. Вследствие этого на утро неприятель прислал к Ромодановскому, чтобы вновь дать бой. Его пресветлейшество выговаривал посланному, что их генералиссимус поступает не по обещанию и позабыл оказанную ему милость. Однако тотчас же его пресветлейшество указал своим войскам выходить в поле, причем пехоте было предписано стать близ обоза, потому что и неприятельская пехота в этот день в поле не выходила. Дело 7 октября ограничилось только конным сражением. Конница с обеих сторон билась накрепко. Но милостию божией за их неприятельскую неправду конница Ромодановского одолела; было взято множество неприятельских знамен, и неприятель вернулся в обоз с большими потерями. В ночь на 8 октября неприятель докучал войску Ромодановского многими тревогами. Пришлось ночью выслать в поле несколько конных рот, которые побили неприятеля, подъезжавшего к лагерю Ромодановского, и взяли в плен семь человек да три лошади. 8 октября день прошел спокойно: за превеликим дождем боя не было.

9 октября произошло генеральное сражение. На утренней заре оба войска вышли из лагерей в поле в полном составе; в лагерях были оставлены только немногие. Неприятель двинулся на наше (т. е. Ромодановского) войско с решимостью победить или погибнуть. Нашему войску мешал сильный, дувший в лицо ветер, и этой нашей невыгодой думал воспользоваться неприятель. Чтобы избавиться от ветра, его пресветлейшество приказал своим войскам немного отступить от обоза. Таким образом обоз лишился прикрытия. Заметив это, неприятель отрядил полковника Турнера взять и разорить наш обоз. Для предупреждения этой опасности его пресветлейшество приказал нескольким ротам с правого крыла поспешить на защиту обоза. Эти роты ударили на отряд полковника Турнера с тылу, порубили всех его солдат, да одного человека и самого полковника взяли в плен; взяли

также четыре знамени. Видя свою пагубу, неприятель наступил на нас всем своим войском, конницею и пехотой с великим шумом и криком — и был бой непрестанный в течение пяти часов. В конце концов одолело наше войско, неприятель обратился в бегство: наши за ним гнались и его в конец побили, взяли его обоз, пушки, шатры и множество всякой живности. Конница наша побила неприятельскую, не допустив ее до обоза, загнала беглецов в пруд и захватила неприятельские знамена. «И тот бой равнялся судному дню», — говорит «Описание».

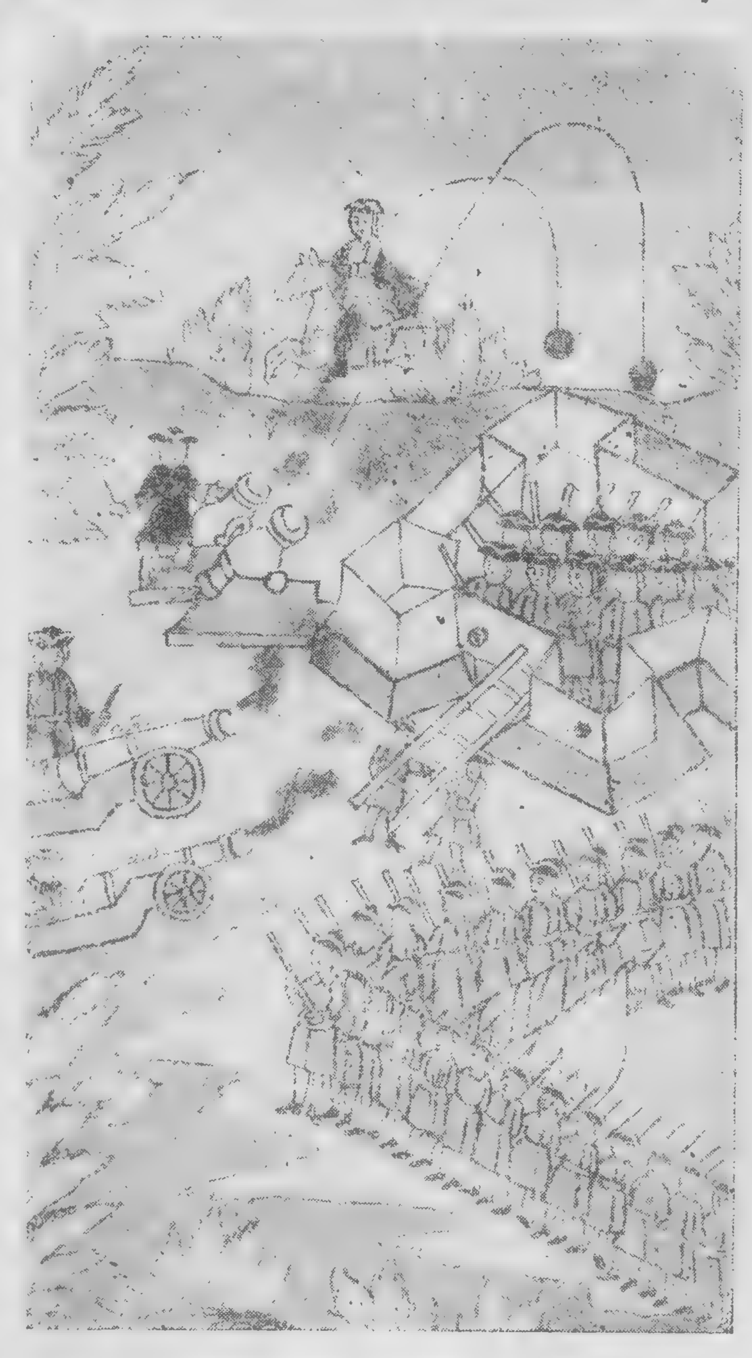

Рис. 39. Взятие потешными войсками Петра городка «Прешпурха»

Миниатюра из «Повести о зачатии и рождении Петра Великого» Крекшина. Подлинная рукопись второй четверти XVIII в. находится в отделе рукописей Государственного исторического музея в Москве.

Поведение обоих генералиссимусов описывается в реляции в комическом виде. Во время битвы оба они пропали. Генералиссимуса Фридриха разыскивали в течение трех часов и, наконец, нашли его в обозе неприятельском с немногими людьми у самого неприятельского шатра. Бутурлина отыскали «между трупов крыющегося». Между тем после боя армия победителей выстроилась в неприятельском обозе — конница по правую сторону, а пехота по левую. Была сложена добыча — взятые знамена и ружья. Его пресветлейшество изволил проходить сквозь свои войска,

ступая по неприятельским клейнотам. Придя в неприятельский шатер, он сел и милостиво похвалил за храбрость всех своих начальных людей и рядовых. Неприятельского генералиссимуса привели пред его пресветлейшество с некоторыми его главными начальниками и ближними людьми и поставили на колени. Его пресветлейшество указал «выговорить им их прежней неправды». А неприятель против тех слов паданием на землю отповедь чинил.

После этого унизительного для побежденных обряда его пресветлейшество изволил итти из неприятельского обоза в свой обоз. Раздались три залпа: первый, когда генералиссимус вышел из шатра, второй — когда он сел на лошадь, третий — когда тронулся в путь. Впереди шла конница, за ней его пресветлейшество, а перед ним волокли по земле взятые у неприятеля знамена и клейноты. За Ромодановским ехал на лошади побежденный неприятельский генералиссимус без ружья и без шпаги; за ним вели пешком остальных неприятельских командиров. Шествие замыкала пехота. Придя в свой лагерь, генералиссимус Фридрих приказал всех начальных людей кормить, «при котором столе и сам его пресветлейшество изволил кушать». Пир сопровождался обычными тостами и громом залпов. «И по совершении того стола, — кончает реляция, — вышед из шатра, изволил сам его пресветлейшество все свое войско милостиво похвалить; а за раны и за службы придачи и жалованья обещал впредь. А потом все войско указал роспустить в домы своя, и сам изволил итти того ж числа в стольный свой город Прешпур (Пресбург)». Все эти маневры, в которых было так много маскарадного, были не более, как наивной юношеской игрой, не преследовавшей никаких сознательных и заранее поставленных целей. Игра занимала и нравилась сама по себе. В этом и был ее единственный смысл. Однако игра сопровождалась некоторыми неигрушечными последствиями. Обещание генералиссимуса Фридриха дать придачи за службы и *за раны* не было только словами, пустой формой. Сражения, действительно, не обошлись без ран и увечий. Между прочим несколько дней спустя после маневров умер от полученных ран ближний стольник князь Иван Дмитриевич Долгорукий. «Федор Матвеевичь, — писал о его смерти Петр Ф. М. Апраксину: — Против сего пятого на десять числа в ночи, в шестом часу (в ночь на 14-е число, по Гордону) князь Иван Дмитриевич от тяжкие своея раны, паче же изволением божиим, переселися в вечные кровы, по чину Адамову, идеже и всем нам по времени быти. Посем здравствуй. Писавый Petrus» [1].

13 октября в навечерие празднества «преподобные Параскевы», «ангела» царицы Прасковьи Федоровны, царь Иван Алексеевич был у вечернего пения и у молебна в церкви Воскресения, а царь Петр был в Немецкой слободе на свадьбе у Андрея

[1] П. и Б., т. I, № 12.

Буша. Не появлялся он в Москве и на другой день поздравить царицу Прасковью. 16-го царь был у какого-то лица, которое Гордон обозначает неразгаданной буквой R. 18 октября приходили в Преображенское для поздравления Петра с рождением второго сына царевича Александра Петровича два старых выборных стрелецких полка да девять полков стрелецких, «устроясь ратным строем в цветном платье». Входили на площадь перед дворцом полки по очереди, сперва Стремянной стрелецкий полк один, затем остальные стрелецкие полки по четыре зараз и, наконец, солдатские полки. Царь, рассказывает Гордон, смотрел на полки из окна. У других окон было много знатных господ, дам и прочих зрителей. Гордон приводит в дневнике текст речи, сказанной им при этом и заключавшейся в произнесении царского титула и пожелании многих лет. Государь пожаловал полки, говорит разрядная записка, велел их милостиво похвалить. Все били челом государю. Церемония, как и подобная же в прошлом, 1690, году по случаю появления на свет царевича Алексея Петровича, окончилась стрельбой из мушкетов [1]. Поздравители офицеры были пожалованы кусками дорогих материй по чинам, утнер-офицеры и солдаты — деньгами. 19 октября Петр был у Лефорта. Под 20 октября встречаем любопытную запись в бумагах Мастерской палаты: «куплено в Мастерскую палату книга Устав Церковной, а по договору денег дано 9 р. 23 а. 2 д.; а та книга подана великому государю в хоромы, принял постельничий Гаврило Иванович Головкин» [2]. Очень возможно, что Устав церковный потребовался для того, чтобы служить образцом разным уставам, сочинявшимся для известного всешутейшего и всепьянейшего собора, зародыш которого и относится именно к описываемому времени. 22 октября Петр, прибыв из Преображенского в четвертом часу дня, по нашему счету в одиннадцатом утра, принял участие вместе с царем Иваном Алексеевичем в крестном ходе в Казанский собор и в десятом часу дня, по-нашему в пятом пополудни, вернулся в Преображенское. Вечером Гордон видел его на пиру у виноторговца Монса. 28 октября царь был у Лефорта. 29-го, во втором часу дня, по-нашему в 9-м утра, у царя Ивана Алексеевича родилась дочь царевна Екатерина Ивановна. За час до вечера, т. е. по нашему счету в три часа дня, Петр прибыл из Преображенского и в первом часу

---

[1] Gordons Tagebuch, II, 353—354. По Дворцовым разрядам (IV, 614—616), эта церемония происходила в Преображенском. Гордон, всегда столь точный, говорит, что он водил свой полк в Кремль, и описывает церемонию, как происходившую в Кремле. Предпочтение следует отдать Дворцовым разрядам. Их показание подкрепляется третьим источником, записями дворцовых приказов (см. *Есипов*, Сборник, выписок, т. I, стр. 123, № 490): «200 г. октября в 18 д. в. г. ...здравствовали с новорожденным его государским наследником... царевичем Александром Петровичем... *в селе в Преображенском* на дворце». Гордон, описывая день 18 октября 1691 г., вероятно, справлялся с описанием подобной же церемонии по поводу рождения царевича Алексея и ошибочно спутал место действия.

[2] *Есипов*, Сборник выписок, т. I, стр. 124, № 492.

ночи, т. е. в пятом пополудни, состоялся выход обоих государей в Успенский собор к молебну. После молебна из Успенского собора государи направились для моления в Архангельский и затем должны были итти в Благовещенский собор. Но в Благовещенский собор последовал уже только один царь Иван Алексеевич. Петр «из собора архистратига божия Михаила изволил с Москвы иттить в село Преображенское ж в третьем часу ночи», т. е. по нашему счету в седьмом часу вечера[1].

7 ноября за полчаса до вечера, по нашему счету в начале четвертого часа дня, Петр переехал из Преображенского в Москву и на другой день, 8-го, посетил шведского комиссара Книппера. 15-го он был у Гордона. 16 ноября в первом часу дня, в десятом часу утра по нашему счету, выехал, как гласит официальная разрядная записка, для моления в Троицкий Сергиев монастырь, на самом же деле в Переяславль, который был им забыт с июня 1689 г.[2].

Еще 3 ноября был отдан приказ строить в Переяславле Залесском у озера дворец для пришествия великих государей, быть у этой постройки кормового дворца стряпчему Роману Карцеву с сыном его Степаном и с братом Данилом да для письма подьячему Я. Васильеву и выдать им на постройку 300 рублей из приказа Большого дворца. Роману Карцеву, кроме письменного наказа о постройке, дана была роспись, каких запасов купить: а именно: 610 бревен еловых или сосновых трехсаженных, 300 бревен еловых же или сосновых четырехсаженных, 40 срубов сосновых или еловых, 10 срубов погребных 3 или 4 сажен, драни, тесу, скалы, досок половых, лавочных досок, досок красных дверных и окошечных косяков, моху; лесу заборного, столбов. Ему же поручено было осмотреть в монастырях, где пристойно, кирпичу, глины и извести[3].

К приезду Петра в ноябре 1691 г. дворец этот, разумеется, не мог быть готов. Что мог делать Петр в Переяславле в середине ноября, когда озеро уже замерзло, неизвестно. На его занятия в Переяславле не указывает и сохранившееся письмо его к матери из этой поездки от 19 ноября: «Паче жития моего в мире сем любимой матери моей, великой государани царице и великой княгине Наталии Кириловне недостойный сын твой Петрушка во многожелании благословения твоего челом бью и паки тогожде прося, возвещаю, что благословением твоим во въсяком изообилии пребываем на ползу свою. По сем желаю души и телу стократ тысяшного здравия. Аминь. Из Переславъля, наябъря 19 числа»[4].

Пробыл Петр на этот раз в Переяславле недолго — всего 2—3 дня, только взглянул на озеро и, может быть, дал лично

[1] Дворцовые разряды, IV, 616—618; 620—622; Gordons Tagebuch, II, 354—355.

[2] Дворцовые разряды, IV, 623—624; Gordons Tagebuch, II, 355.

[3] *Есипов*, Сборник выписок, т. I, стр. 371 и сл.

[4] П. и Б., I, № 13.

какие-нибудь указания относительно постройки дворца. Но вид хотя и замерзающего или уже замерзшего озера возбудил с новой силой затихшую было страсть. К тому же долетавшие до Москвы и живо обсуждавшиеся в то время в Немецкой слободе, частым посетителем которой стал Петр, известия о действиях могущественных флотов враждовавших тогда держав: Англии и Голландии, с одной стороны, и Франции — с другой, могли заинтересовать и Петра и возбуждать у него охоту к морскому делу. 20 ноября в пятом часу ночи, по нашему счету в девятом часу вечера, Петр вернулся в Москву. Гордон ездил встречать царя в подмосковное село Братовщину[1]. 24 ноября, в «день ангела» царевны Екатерины Алексеевны, государи были у обедни каждый в своей дворцовой церкви, а затем оба в Передней палате жаловали обычных в такие дни поздравителей вином и водкой.

Приведем из дневника Гордона записи за конец ноября, в которых прямо о Петре не говорится, но где его присутствие может с достаточным основанием подразумеваться. 24 ноября Гордон был в городе и получил приказание на следующий день с рассветом находиться на Потешном дворе. 25 ноября очень рано он отправился с конницей на Потешный двор, оттуда к Родиону Мейеру, от него к г. Гоутману, где веселились до полуночи. 26-го компания была опять у Гоутмана до поздней ночи, равно как и следующие дни, 27 и 28 ноября. 28 ноября Гордон от Гоутмана «проводил the G. верхом до города и поздно вернулся домой». Под этим обозначением the G., подобно тому как и под обозначением the Gr., можно подразумевать Петра[2]. 30 ноября вечером Петр был у Гордона.

1 декабря Гордон праздновал обручение своей племянницы с полковником Левенфельдтом и на этом его семейном торжестве присутствовал царь. Между тем после поездки Петра в Переяславль идет ряд распоряжений о заготовке в этом городе разных припасов, необходимых для продовольствия большого количества народа и для судостроения. Так, 1 декабря велено было из дворцовых переяславских, ростовских, ярославских и костромских сел перевезти в Переяславль хлебных всяких запасов 1 722 чети, причем для приема и хранения этих запасов переяславский посад должен был выбрать двух целовальников. Велено было также купить и подвезти зимним путем 500 сажен дров, 300 пудов меду, а для пивного варения два котла железных мерою по 20 ушатов каждый. Из приказа Большого дворца выдавались в течение декабря 1691 г. крупные суммы на покупку хлебных запасов и конских кормов, а также материалов на

---

[1] Дворцовые разряды, IV, 624 и сл.; Gordons Tagebuch, II, 356. Устрялов неизвестно почему относил возвращение царя к 30 ноября (II, 142, примечание 27).

[2] Дворцовые разряды, IV, 625—626; Gordons Tagebuch, II, 356; *Погодин*, Петр Первый. Первые годы единодержавия («Русский архив», 1879 г., кн. I, стр. 23, 26).

продолжение дворового строения и к строению пяти судов: бревен, досок, брусов и т. д.[1].

8 декабря вечером Петр заходил запросто к Гордону. 9-го он вновь выехал из Москвы. На этот раз путешествие продолжалось дольше. Повидимому, в этот именно раз Петр совершил поездку на Кубенское озеро, о которой он упоминает в предисловии к Морскому регламенту, но о которой ни в каких других документах известий пока не найдено. Предположение это можно основывать на письме датского комиссара Бутенанта фон Розенбуша от 12 декабря 1691 г., в котором он сообщает, что государь уехал за 500 верст для осмотра своих владений и что в этом путешествии его сопровождает Лефорт[2]. 15 декабря выехал к Троице навстречу царю Гордон и прождал его там целый день 16-го. 17-го Петр на рассвете приехал в Троицкий монастырь, пообедал у келаря и продолжал путь к Москве. 22-го он навещал больного зятя Гордона полковника Страсбурга. 24 декабря оба государя слушали обедню в своих дворцовых церквах, а к действу многолетия выходили в Успенский собор. 25-го, в день «рождества христова» у литургии государи были в дворцовых церквах, а после литургии во втором часу дня, по нашему счету в одиннадцатом часу утра, во дворец в Переднюю являлся «славить Христа» патриарх со всем Освященным собором. Вечером этого дня Петр был у Гордона. 30-го и 31-го он опять навещал зятя Гордона. 31-го вечером был у полковника Ригемана[3].

Итак, проследив день за днем, насколько это возможно сделать по сохранившимся документам, жизнь Петра за 1690 и 1691 гг., надо сказать, что она проходит в тяжелых и стеснительных рамках обычного дворцового обихода. Несомненно, под влиянием матери Петр соблюдает весь его круг лишь с незначительными уклонениями, хотя даже и по официальным записям (за 1691 г.) можно иногда заметить, как он опаздывает к началу того или другого придворного торжества или уезжает до его окончания, видимо, тяготясь им и спеша к интересующим его занятиям. Но его живая и оригинальная природа все же не позволяла ему быть таким послушным рабом установившегося обихода, каким был царь Иван Алексеевич; его сильная и властная воля сказывается в тех нововведениях, которые ему удается осуществить в том, в чем какие-либо нововведения сделать всего труднее, в том, что менее всего склонно поддаваться каким-либо переменам, — в прочно сложившемся вековом придворном ритуале. А между тем по инициативе 17—18-летнего юноши-царя в ритуал входят совсем новые порядки: заводится обычай пушечной и ружейной пальбы по торжественным дням, устраиваются фейерверки, на которые собирается весь двор и не только семья самого Петра, но и семья царя Ивана Алексеевича; самое место празднования переносится иногда в Преображенское, устраива-

[1] Gordons Tagebuch, II, 357; *Есипов*, Сборник выписок, т. I, стр. 372—373.
[2] *Posselt*, Lefort, II, 268.
[3] Gordons Tagebuch, II, 357—359; Дворцовые разряды. IV, 627—629.

ются небывалые царские выезды «водяным путем». Царь на церковных торжествах появляется еще в старинном русском платье: в царском облачении или в разного цвета русских кафтанах. Но вне этих торжеств он носит немецкое платье, все более к нему привыкает, и о шитье ему немецких холодных и теплых кафтанов и «немецкого зипуна» свидетельствуют записи приказа Мастерской палаты за 1691 г.[1]. Какие предметы интересуют царя, видно из заказа, сделанного им осенью 1691 г. за границей. Через Архангельск выписаны были для него «4 шняка (баркаса), 24 барабана да мафематийские орудия, два глобоза, органы большие, 30 пар пистолей и карабинов нового дела, 110 аршин полотна парусного»[2]. В письмах Петр подписывается по-латыни Petrus. Можно заметить также, что круг знакомства его с иноземцами Немецкой слободы расширяется и дружба с ними крепнет. В 1690 г. с весны Петр посещает Гордона и с осени того же года Лефорта. В 1691 г. он, кроме этих двух ближайших друзей, бывает еще у Избрандта, Монса, Менезия, Книппера, ван Келлера, Тауберта и др. Дружба к двум главным приятелям подкрепляется и вещественными доказательствами. Так, Гордону 6 марта было объявлено царем пожалование в 1 000 рублей да зятю его в 500. Побывав у Гордона 23 мая, Петр подарил ему участок земли на р. Яузе. 23 декабря 1691 г. «дано из Мастерской палаты генералу иноземцу Францу Яковлеву сыну Лафорту денег 200 рублев»[3]. Это — первая в ряду нескольких подобных записей.

Дружба с Лефортом переходит в самую горячую привязанность. В конце 1691 г. некий женевец Сенебье, поступивший на русскую службу капитаном и пользовавшийся покровительством своего соотечественника Лефорта, пишет о последнем своей матери за границу: «Его царское величество очень его (Лефорта) любит и ценит его выше, чем какого-либо другого иноземца. Его чрезвычайно любит также вся знать и все иностранцы. При дворе только и говорят о его величестве и о Лефорте. Они неразлучны. Его величество часто посещает его и два или три раза у него обедает. Оба они одинаково высокого роста с тою разницею, что его величество немного выше и не так силен, как генерал. Это монарх 20 лет, у которого есть уже два принца. Он

[1] *Есипов*, Сборник выписок, т. I, № 489. К августу того же 1691 г. относится запись о шитье для Петра «чалмы турецкой», которая была поднесена ему в Преображенском думным дьяком Е. И. Украинцевым: «199 августа в 28 де по указу в.в. г.г., царей и в.в. кн. Иоанна Алексеевича, Петра Алексеевича (т.) делана к их государской потехе в село Преображенское чалма турецкая, а к той чалме взята тафейка государственного Посолского приказу у переводчика у Сулеймана Тонкачова да на обвивку сурожского ряду у торгового человека у Семена Иванова кисей 15 аршин с полуаршином да завязошного ряду у торгового человека у Ефтифея Софронова аршин с вершком бахрамы золото с серебром... И тое чалму в селе Преображенском в. г. царю и в. кн. Петру Алексеевичу (т.) поднес думной дьяк Емельян Игнатьевич Украинцев» (Арх. мин. ин. дел, Приказные дела 1688—1695 гг., № 128, л. 664).

[2] *Есипов*, Сборник выписок, т. I, № 133, № 535.

[3] Там же, стр. 126, № 502; ср. стр. 137.

часто появляется во французском платье, подобно г. Лефорту. Последний в такой высокой милости у его величества, что имеет при дворе великую силу. Он оказал большие заслуги и обладает выдающимися качествами. Пока Москва остается Москвою,

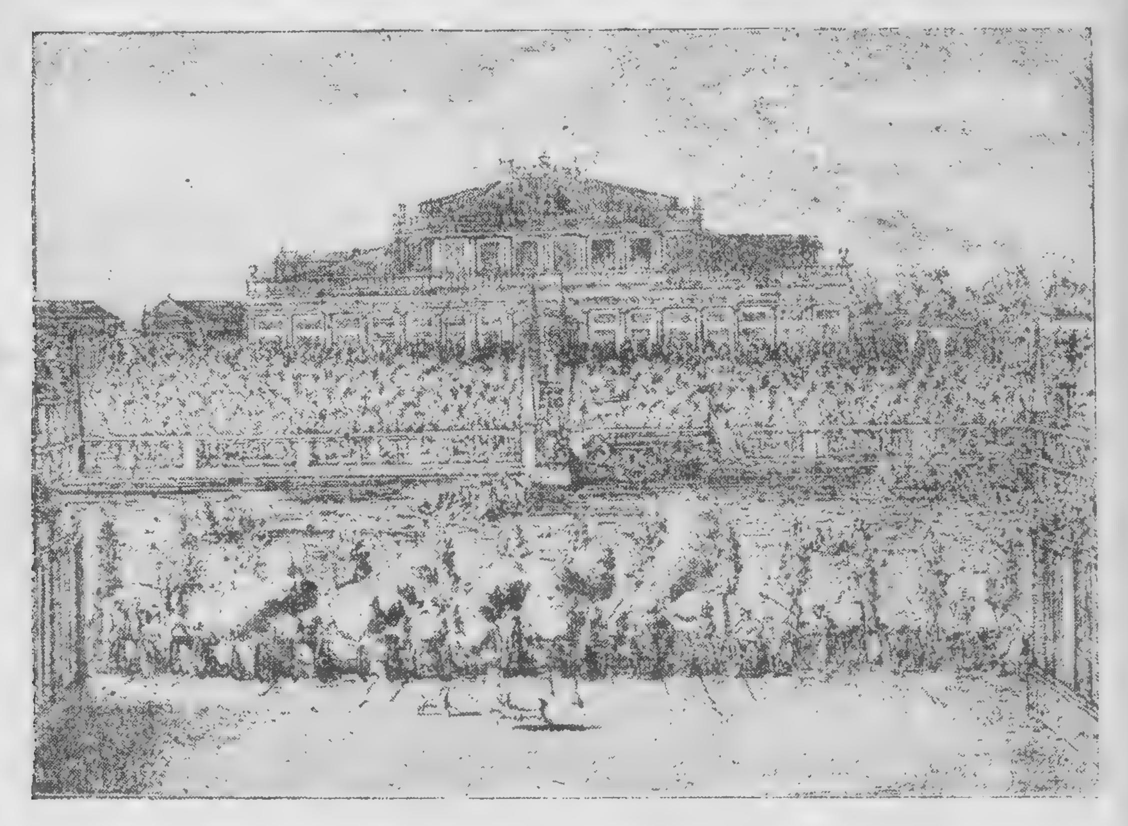

Рис. 40. Дом Лефорта в Немецкой слободе
Гравюра де Витта.

не было в ней иностранца, который пользовался бы таким могуществом. Он приобрел бы большое состояние, если бы не был так великодушен. Верно, конечно, что благодаря этому качеству он достиг такой высокой ступени. Его величество делает ему значительные подарки» [1].

X. 1692-ой год

1692 год в жизни Петра отличался неоднократными поездками в Переяславль Залесский с довольно долговременным там пребыванием. Царь с увлечением предавался кораблестроению и плаванию на озере. Вследствие этих отлучек из Москвы участие Петра в исполнении круга дворцового обихода становится гораздо менее постоянным; но и живя в столице, он уклоняется от этого круга более, чем в предыдущие годы.

За 1 января 1692 г. Гордон отмечает в дневнике, что был в этот день в Преображенском, «где поставлен был патриарх». Речь

[1] *Posselt,* Lefort, II, 63—64.

идет, по всей вероятности, о шутовском возведении в патриархи бывшего учителя, неразлучного спутника в путешествиях и неизменного члена компании Никиты Моисеевича Зотова, которого Петр и будет называть потом «святейшим кир Ианикитой, архиепископом Прешпурским и всея Яузы и всего Кокуя патриархом». 3 января царь выезжал в Измайлово, 4 января скончался гордонов зять полковник Страсбург. Гордон дал знать об этом царю, который тотчас же приказал выдать вдове умершего 300 рублей. Как и в предыдущие годы, прошли церковные службы крещенского сочельника 5-го и самого праздника крещения 6 января с торжественным выходом обоих государей на Иордань. 7-го Петр присутствовал на похоронах полковника Страсбурга, на которые явился с «полком» около 12 часов дня. 10 января, в воскресенье на память Филиппа митрополита государи слушали обедню в своих дворцовых церквах: выхода в Успенский собор не было. 12-го, в день именин тетки царевны Татьяны Михайловны, Петр был у обедни в своей дворцовой церкви апостолов Петра и Павла, но, так же как и в прошлом году, не выходил в Переднюю палату к пожалованию винами и водкой. 15 января на панихиде по царевиче Алексее Алексеевиче в Архангельском соборе был только старший царь; выхода Петра не было. 18-го он рано утром вместе с Тихоном Никитичем Стрешневым завтракал у Гордона. 26 января в «день ангела» царевны Марии Алексеевны Петр, так же как и 12 января, ограничился только присутствием у обедни и к пожалованию не выходил. 27-го он опять завтракал у Гордона, оставался у него весь день и уехал после ужина. 29 января оба государя были в Архангельском соборе на панихиде по царе Алексее Михайловиче [1].

1 февраля в понедельник на масленице Петр в сопровождении Гордона отправлялся в село Воскресенское на Пресне, очевидно, для подготовки там масленичного фейерверка. 2-го, в день сретения, отслушав обедню в дворцовой церкви ап. Петра и Павла, он в четвертом часу дня, по нашему счету в одиннадцатом утра, выезжал в Преображенское, откуда вернулся на другой день, 3 февраля, во втором часу дня, в девятом утра по-нашему. На панихиде, совершавшейся в этот день, 3 февраля, в Архангельском соборе по царевиче Алексее Алексеевиче, Петр не был; присутствовал на ней один царь Иван Алексеевич. Но в селе Воскресенском на Пресне в этот вечер был в присутствии Петра сожжен фейерверк, очевидцем которого был Гордон. За стрельбу из пушек в цель: «в яблоко и в средней, и в большой круги» — и за «потешные огнестрельные нововымышленные многие разные стрельбы», происходившие в этот день на Пресне, пушкари, гранатные мастера, ученики и другие участники по изготовлению огненных потех пожалованы были сукнами [2]. 7 февраля, проще-

---

[1] Gordons Tagebuch, II, 360—361; 363—365; Дворцовые разряды, IV, 629—641.

[2] *Есипов*, Сборник выписок, т. I, стр. 130—131, № 527—528.

ное воскресенье, государи провели по старому обычаю. Утром слушали литургию в своих дворцовых церквах; затем в Передней палате жаловали к руке думный чин, служилых людей и гостей. В восьмом часу дня, по нашему счету в третьем часу пополудни, государи выходили для моления в соборы Благовещенский, Архангельский и Успенский, в Чудов и Воздвиженский монастыри и на подворье Троицкого монастыря, причем в трапезной на этом подворье жаловали к руке тех служилых людей, которые не были у этого пожалования во дворце. На следующий день, 8 февраля, в понедельник первой недели великого поста, Петр выехал в Переяславль. Гордон провожал его до села Ростокина [1].

Между тем в Переяславле и в Москве для Переяславля шла усиленная работа. Отстраивался и отделывался царский дворец. К 1 февраля токарного дела подмастерья Тимофей Федосеев да солдат Сергей Кузьмин уговорились в приказе Большого дворца в Переяславль Залесский к государскому хоромному строению выточить по 1 000 баляс против данного им образца. Еще в январе 1692 г. были посланы из Москвы для этих хором ценинные печи; затем отправлялись изразцы для печей, изготовлялись слюдяные окончины, покупалось и посылалось английское красное сукно на обивку дверей и ставен. Живописцам Оружейной палаты велено было написать в Переяславль Залесский в государские хоромы икон в готовые рамы на полотнах, добрым мастерством 11 образов по мере в длину по два, в ширину по аршину и в том числе 4 образа спасовых, 4 образа богородичных, образ «мученицы Наталии в молении у вседержителя», «образ человека божия Алексея», «образ Александра Невского в молении у Нерукотворенного образа», «образ апостола Петра» да «мученицы Евдокии». Этот заказ был исполнен к 26 марта. Изготовленные слюдяные окончины расписывались красками. 20 февраля 1692 г. в приказе Большого дворца живописец Ивашка Новиков уговорился написать 10 окончин слюдяных в Переяславль Залесский в хоромы царевича Алексея Петровича. Он же расписывал слюдяные окончины в тот же дворец в хоромы царицы Евдокии Федоровны. Заказаны были для хором 16 фонарей нарядных из слюды [2].

Дворец расположен был на южном берегу озера в 2 верстах от города за селом Веськовым, против пристани, устроенной саженях в ста от берега на сваях. Вправо от дворца построена была деревянная церковь «Вознесения господня», влево, на мысу Гремячем, сооружена была батарея. При дворце обстраивались дворы: конюшенный, деловой, остоженный и сенной, огороженные заборами с двумя большими и с малою конюшнями, с амбаром и избами для служителей. На башне устанавливались боевые часы о семи колоколах. В Переяславль направлялись из Москвы

---

[1] Gordons Tagebuch, II, 366—367; Дворцовые разряды, IV, 642—644.

[2] *Есипов*, Сборник выписок, т. I, стр. 373—377.

разного рода продовольственные запасы для двора и для судостроителей. 5 февраля послано туда грибов на семи подводах. 14 февраля послано из Кормового дворца из Москвы живой и свежей рыбы на 14 ямских подводах. 25 февраля послано рыбных и мясных и иных припасов на 55 подводах. 26 февраля отправлено икры зернистой на пяти подводах. 28 февраля послано из Кормового дворца просольной рыбы на 210 подводах. 5 февраля было послано браг, квасов и пив на 14 подводах. Того же числа в Переяславль был откомандирован подключник для варки кислых щей. 6 февраля с Сытенного дворца, заведывавшего питьями, было отправлено всяких запасов на 20 подводах. Крестьяне Заузольских дворцовых волостей должны были поставить 300 бочек для хранения питей: 200 тридцативедерных и 100 двадцатипятиведерных. 3 марта послано 20 подвод с запасами с Хлебенного дворца. Заказывались, закупались и передвигались в Переяславль разного рода материалы для судостроения, лесные материалы: доски дубовые и липовые москворецкие самые добрые и сухие, бревна еловые, брусья, косяки дубовые, клей карлук, клей рыбий, смола ломовая, смола черная и красная жидкая в бочках, сера еловая, сера горючая, шерсть козловая, сало ветчинное и говяжье, ужища корабельные, канаты, веревки разных размеров, нитки корабельные, якоря четверорогие, крюки большие и малые, железные котлы для варки смолы и т. п. Отдавались распоряжения о перевозках в Переяславль зимним путем на дровнях и санях построенных уже судов: яхты и шняков, находившихся на Яузе и на Москве-реке в Преображенском, в Москве и в Коломенском. Перевозка этих судов продолжалась даже и позже, весной, колесным путем при помощи каких-то особых станков. 15 апреля велено было купить в село Преображенское «к делу», т. е. для изготовления станка, на котором везть яхту из Преображенского в Переяславль, на дышло бревно кленовое или дубовое длиною трех сажен, в отрубе четырех вершков, три дерева кленовых и т. д.[1]. Вся эта суматоха в дворцовом хозяйстве поднята была бурно вспыхнувшей страстью юного царя к мореплаванию, можно сказать, его капризом. Его стремительная воля привела в движение механизм дворцового управления — приказ Большого дворца и его отделения: дворцы Кормовой, Сытенный, Хлебенный, поставила на ноги персонал этих приказов и задала ему усиленную работу. Так воля Петра будет и впоследствии воздействовать на государственный механизм в более широком масштабе.

Петр сам принялся в Переяславле за постройку корабля и до такой степени увлекся этой работой, что решительно забыл обо всем окружающем. Без него похоронили в Москве царевну Марию Ивановну, дочь царя Ивана Алексеевича, скончавшуюся 13 февраля. 16 февраля в Переяславль принуждены были отправиться главнейшие члены правительства — Л. К. Нарышкин и

[1] Там же, стр. 371 и сл.

князь Б. А. Голицын, чтобы уговорить царя вернуться в столицу для приема прибывшего в Россию персидского посла, который в отсрочке приема или в отсутствии младшего царя мог усмотреть обидное пренебрежение. Петр вернулся в Москву только 26 февраля, а через день, 28-го, не утерпел и в сопровождении Гордона и Л. К. Нарышкина, вопреки всяким обычаям, сам побывал у персидского посла, чтобы посмотреть привезенных им в дар государям зверей: льва и львицу. «Посол угощал нас, — пишет Гордон, — по обычаю своей страны музыкой, конфетами и напитками»[1].

1 марта состоялся въезд персидского посла в Москву[2]. Через день, 3 марта, Петр выехал опять в Переяславль, откуда вернулся 12-го. Вечером в день приезда он был у всенощной в дворцовой церкви апостолов Петра и Павла накануне праздника «Федоровской божией матери», а в самый день праздника, 13 марта[3], оба государя были у литургии в церкви «Рождества богородицы на Сенях». Вечер этого дня царь провел у Гордона. 16 марта в навечерие празника «св. Алексия, человека божия», Петр был у преждеосвященной обедни в своей дворцовой церкви, а 17-го, в самый праздник, в «день ангела» царевича Алексея, он слушал обедню в Алексеевском монастыре, где служил патриарх. После литургии, вернувшись во дворец, он жаловал думных и ближних людей (прочие служилые люди и гости в разрядной записке этого дня не упоминаются) кубками фряжских питей. В это же число в девятом часу дня, по нашему счету в четвертом часу пополудни, дана была государями торжественная приемная аудиенция «на приезде» персидскому послу Юзбаше Усейн-Хан-Беку и двум персидским купчинам: Ага-Кериму и Ага-Шамсе. Посол и купчины въезжали в Кремль через Спасские ворота. По улицам, где посол должен был проезжать с Посольского двора и до Красного крыльца, были выстроены по обеим сторонам шесть стрелецких полков ратным строем в цветном платье. Поезд посла открывали стрельцы 2 003 человека, которые несли шаховы поминки и дары государям от послов и купчин, и в числе этих поминков везли в построенных для того нарочно санях двух привезенных посольством зверей — льва и львицу. За стрельцами, сопровождавшими подарки, ехали верхом 20 человек конюхов в цветном платье, за ними шаховы дворяне, наконец, посол в санях о шести лошадях, вокруг которых шли его слуги, 10 человек, в панцырях с пищалями. За посольскими санями двигались купчины, каждый в санях о четырех лошадях. Посла и купчин сопровождали особо для этого назначенные пристава: два стольника и дьяк. По Красному крыльцу по обе стороны лестницы стояли стрельцы Стремянного полка в цветном платье с золоче-

---

[1] Gordons Tagebuch, II, 367. Аудиенция его «на приезде» описана в Дворцовых разрядах, IV, 655 под 17 марта. *Погодин* (ук. соч., стр. 271) смешал церемонию въезда 1 марта с приемной аудиенцией 17 марта.

[2] Дворцовые разряды, IV, 644—646; Gordons Tagebuch, II, 367—368.

[3] Дворцовые разряды, IV, 653.

ными протазанами, а на самом крыльце под шатром и в сенях Грановитой палаты — 60 человек жильцов в бархатных и объяринных терликах с золочеными протазанами. У сенных дверей Грановитой палаты посла встретили комнатный стольник князь А. Я. Хилков да дьяк Осип Татаринов, которые, «проговоря встречную речь и с послом корошевався», т. е. поздоровавшись, шли перед ним в Грановитую палату. У других дверей Грановитой палаты встречали ближний стольник князь Ю. Я. Хилков да дьяк Артемий Волков и, поздоровавшись с послом «проговоря встречную речь и корошевався», ввели его в Грановитую палату. В Грановитой палате в то время государи сидели уже на своих государских местах в царских венцах и в «диадимах» со скипетрами. При государях по обе стороны тронов стояли рынды в золотных кафтанах и в шапках с запанами, стольники: с правой стороны комнатный Вас. П. Шереметев да М. С. Колычев, с левой — комнатный Влад. П. Шереметев да Б. С. Колычев. Бояре, окольничие и думные дворяне в золотных кафтанах сидели, занимая свои места на скамьях; на рундуках в Грановитой палате стояли стольники, стряпчие, дворяне московские и дьяки, а у дверей палаты стояли гости — все в золотных кафтанах. Государям посла и купчин «челом ударить объявлял» (представлял) думный посольский дьяк Е. И. Украинцев. Посол правил шахов поклон и поздравление и подал шахову грамоту, а после того подали шаховы грамоты купчины. Государи указали грамоты принять думному дьяку Е. И. Украинцеву. «И изволили великие государи спросить про шахово здоровье, встав, а говорить: «брат наш, великий государь, по здорову ль?»... А после того пожаловали великие государи посла и купчин и шаховых дворян к своей государской руке. И посол целовал великих государей в правую полу, а великие государи в то время изволили наднести на него свои государские руки. А за послом был его посолской племянник да два человека купчин и шаховы дворяне, целовали великих государей в правую полу ж, а великие государи изволили наднести на них свои государские руки. А после того пожаловали великие государи посла и купчин, велели спросить о здоровье; и посол и купчины на государеве жалованье били челом... А потом пожаловали великие государи посла, велели ему сесть; а для того изготовлена была ему скамья, покрыта ковром. А потом великим государям явлены посолские и купчинины дары, — являл посольский думный дьяк по росписи, принимали казенные дьяки (т. е. дьяки Казенного двора), — а во время явки посол стоял. А было шаховых поминков и посолских и купчининых даров: булавы, и седла с каменьем, и золотные, и шелковые и иные вещи, и шелк сырец... А после того послу говорена речь о делех, что у него грамота принята и посолство выслушано, а ответ бояре и думные люди учинят иным временем». Тем церемония приема закончилась [1].

---

[1] Там же, 653—657.

20 марта отпраздновано было вербное воскресенье с обычным участием обоих государей в шествии на осляти. В этот праздник Лефорту была оказана большая милость: он был назначен командиром 1-го выборного солдатского полка, бывшего Агея Шепелева, а затем получившего название Лефортова. Это назначение немало обидело Гордона, командовавшего 2-м солдатским выборным полком — Бутырским. Попрежнему прошла «страстная седмица» с тем только различием, что обряд омовения «св. мощей», после которого государи выходили в Успенский собор к ним прикладываться, совершен был не в великую пятницу, а в великую среду, 23 марта, потому что на великую пятницу приходилось в этом году благовещенье. В день благовещенья Петр слушал литургию у себя в дворцовой церкви: к храмовому празднику в Благовещенский собор выходил один царь Иван Алексеевич. Во всем попрежнему прошла встреча «светлого дня», 27 марта, у заутрени в Успенском соборе, но в самый «светлый день» Петр вечером побывал у иноземца Гордона. 30-го вечером царь вновь его навестил по поводу его болезни. 31 марта, в четверг на пасхе, после литургии у государей в Грановитой палате был патриарх со всем Освященным собором с подношениями, а в восьмом часу дня, по нашему счету в первом часу пополудни, в той же палате государи вновь принимали персидского посла, приезжавшего во дворец для переговоров с назначенными для ведения этих переговоров боярами. Встреча посла происходила с церемониями, подобными описанным выше [1].

3 апреля, в фомино воскресенье, оба государя присутствовали в Успенском соборе на поставлении новоспасского архимандрита Игнатия в митрополиты тобольские. После поставления царь Иван Алексеевич возвратился из собора переходами в свои государские хоромы, а Петр побывал в Вознесенском и Чудове монастырях, на Кирилловском и Троицком подворьях. 4 апреля он был у Лефорта, а 5-го уехал в Переяславль, где на этот раз оставался более месяца; вернулся в Москву 9 мая. 23 апреля выехал из Москвы в Переяславль Гордон. 25-го вскоре после обеда он прибыл в Переяславль и целовал руку у царя. Царь, отмечает Гордон, «был очень рад показать мне все корабли. Вечером он зашел ко мне». 26-го Гордон плавал по озеру в устье реки Веськи, причем на обратном пути пришлось испытать сильную непогоду [2].

1 мая в Переяславле состоялось торжество: спуск на воду корабля. 2 мая Гордон, купивший, между тем, дом в Переяславле для будущих приездов, откланялся государю и отправился в Москву. 9 мая вернулся в столицу и Петр. В Переяславле на верфи с ним работало над корабельными постройками 16 человек потешных Преображенского полка, пригодных на все руки и оказавшихся, между прочим, и кораблестроителями. Сохрани-

---

[1] Дворцовые разряды, IV, 659—672; Gordons Tagebuch, II, 370—371.
[2] Дворцовые разряды, IV, 677; Gordons Tagebuch, II, 371—373.

лось письмо к Петру одного из них, сержанта Якима Воронина, написанное 9 мая 1692 г., т. е. через два дня по отъезде царя из Переяславля, и содержащее, видимо, интересовавшие Петра известия о двух яхтах и о том корабле, который Петр строил «по приказу государя своего генералиссимуса князя Федора Юрьевича (Ромодановского)». Письмо составлено уже в том фамильярном тоне, в котором и впоследствии будут обращаться к Петру его корреспонденты, без всяких титулов. «Пишут ученики твои, — читаем в этом письме, — из Переяславля Залесского, корабельного дела мостильщики, щегольного (мачтового) дела мастерства Якимко Воронин с товарищи 16 ч. челом бьют за твое мастерское учение. По твоему учительскому приказу нам, ученикам, что которую яхту опрокинуло в воде, и тое яхту мая в 9 день взняли и воду из нее вылили; а чердак у нее сломало, у юмферов железо переломало, и ее взвели к мосту; и она зело качка, на одну сторону клонится. А другую яхту взвели тут же к мосту небольшими людьми и парусом, и, взведши, поставили на якорь. И по сие число шла она хорошо. И что по твоему учительскому приказу от посланного к корабельному делу государя своего генералиссимуса князя Федора Юрьевича, который что делал корабль, и ты тот корабль делал бы по его государскому приказу, и, сделав, поехал к Москве, и тот корабль взимал я, Якимко, со учениками своими по твоему учительскому приказу; и по твоему учению тот корабль взняли на три ворота в 6 часов и с обедом; а до самого моста довели с великим натужением; и после того, того ж дня под другой корабль блоки подволокли. Писавый Якимко Воронин челом бьет со всеми твоими учениками. Мая 9 дня 7200 года. Переславль Залесский» [1]. Письмо это, замечает Погодин в своей посмертной статье о Петре Великом, «показывает, с каким усердием работали ученики и товарищи Петровы, им вдохновенные: воротами, без всяких хитрых машин, подняли они большой корабль и протащили его до моста через значительное пространство, да и тут еще Воронин как будто опасается обвинения в медленности и замечает, что в продолжение этого времени был и обед, потребовавший также хоть полчаса. Извещением они не замедлили успокоить своего учителя и хозяина, чтоб он ни одной минуты не оставался в беспокойстве или неизвестности о положении своего любезного дела до малейших подробностей» [2].

В день приезда, 9 мая, Петр посетил Гордона и пробыл у него с час. 10-го он побывал у Лефорта и съездил в Преображенское, где присутствовал на военных упражнениях. 11 мая была дана прощальная аудиенция «на отпуске» персидскому послу с теми же церемониями, как и аудиенция «на приезде». Она-то и была,

---

[1] Gordons Tagebuch, II, 373; *Устрялов*, История, II, примечание 34. Мост, о котором здесь говорится, — мост через реку Трубеж, у которого зимовали и чинились суда.

[2] «Русский архив», 1879 г., кн. I, стр. 28.

по всей вероятности, причиной возвращения Петра из Переславля в Москву [1].

12 мая Петр был на свадьбе гордоновой дочери Марии, вдовы капитана Кравфорда, выходившей замуж вторым браком за майора Карла Снивинского. 14 мая, в субботу, за 3 часа до рассвета скончался второй сын Петра, царевич Александр Петрович, и в тот же день в шестом часу дня, по нашему счету в десятом часу утра, тело его было вынесено в Архангельский собор и там погребено. За гробом царевича шел и на погребении присутствовал царь Иван Алексеевич. «А великому государю... Петру Алексеевичу, — значится в разрядной записке этого дня, — к выносу, и к божественные литоргии, и к погребению в собор архистратига божия Михаила того числа выходу не было». Что могло быть причиной такого прямо неприличного отсутствия Петра на похоронах сына? По всей вероятности, полное равнодушие к семимесячному младенцу, сыну от нелюбимой уже царицы, к которой он совершенно охладел, встретившись с Анной Монс. На другой день после похорон сына, 15 мая, в Троицын день Петр был у обедни в своей дворцовой церкви. 16 мая он перебрался из Москвы в Преображенское. 18 мая были похороны духовника обоих государей, благовещенского протопопа Меркурия. Погребение в церкви Косьмы и Дамиана совершал патриарх; на погребении присутствовал царь Иван Алексеевич, Петра не было. Но его видим 21 мая на похоронах капитана ван дер Ницина (van der Nizin), и с похорон он зашел к Гордону, у которого оставался до полуночи. 28 мая он обедал у Менезия. 30 мая в Преображенском праздновали день рождения государя, на который царь Иван Алексеевич приехал еще накануне. 30 мая в Преображенское собрались патриарх с властьми, думные чины, служилые люди и гости. После литургии собравшиеся в Передней палате Преображенского дворца великого государя поздравляли, «что во 180 г. (1672) мая в 30 день было его государское рождение. А он, великий государь, ему, святейшему патриарху, изволил подносить, а потом властей изволил жаловать кубками фряжских питей». Потом такими же фряжскими питьями были пожалованы думные чины и ближние люди, а прочие служилые чины и гости были пожалованы в государевом шатре водкой. 31 мая Петр приехал из Преображенского в Марфино и там ночевал, куда на 1 июня был вызван Гордон [2].

8 июня хоронили первого руководителя Петра в плавании и кораблестроении, голландца Карстен Брандта. Гордон был на похоронах, но присутствия на них Петра не отметил. Во вторую половину 1692 г. переславским судостроением заведует уже «мастер инженер Франц Тиммерман», на его имя адресуются корабельные припасы, направляемые в Переславль. Весь июнь проведен был Петром в Преображенском почти безвыездно, за ис-

---

[1] Gordons Tagebuch, II, 374; Дворцовые разряды, IV, 682—683.

[2] Дворцовые разряды, IV, 685—688, 691—692; Gordons Tagebuch, II, 375.

ключением посещений соседней Немецкой слободы. В Преображенском же жил в этом месяце царь Иван Алексеевич. 21 июня Гордон говорил о фейерверке при дворе, но неизвестно, по какому случаю. 24 июня Петр был у Гордона. 25-го Гордон отмечает, что видел царя опять в Немецкой слободе. В слободе тогда много говорили по поводу полученных известий о победе, одержанной союзным англо-голландским флотом над французским, и эти известия очень интересовали Петра, выражавшего свои симпатии союзникам и восхищавшегося личностью короля Вильгельма. Симпатии к голландцам могли быть внушаемы близкими к царю представителями этой нации в Немецкой слободе; они же, несомненно, говорили ему о личных доблестях их штатгальтера принца Оранского, занявшего английский престол, и возбуждали в нем интерес к Вильгельму III. В письме к Штатам от 24 июня 1692 г. по поводу полученных известий о победе голландский резидент в Москве ван Келлер сообщал о настроении Петра: «Этот юный герой часто выражает живое воодушевляющее его желание присоединиться к кампании под предводительством короля Вильгельма и принять участие в действиях против французов или оказать поддержку предприятиям против них на море» [1]. Письмо ван Келлера показывает, как живо следил Петр за ходом войны англичан и голландцев с Францией, за успехами союзных флотов, и, может быть, игру во флот на Переяславском озере надо ставить в связь с морскими операциями на Западе [2].

За 27 июня в дневнике Гордона мы находим отметку: «. . .его величество принимал лекарство». Но чем Петр тогда недомогал, остается неизвестным. Нездоровье не было серьезным. 28 июня царь был уже вновь в Немецкой слободе. «День ангела» 29 июня Петр справлял в этом году в Преображенском, а не в Москве, как в предыдущие годы. Накануне у всенощной и в самый день праздника у литургии оба государя были в церкви Воскресения в Преображенском. Отслужив обедню в Успенском соборе, приезжал в Преображенское поздравлять царя патриарх со властями. Петр «для тезоименитства своего государского святейшему патриарху и властям подносил кубки фряжских питей», а затем оба государя пришли в шатер и угощали вином и водкой приносивших поздравление думных и служилых людей и гостей [3].

Июль 1692 г. Петр проводил в Преображенском, не показываясь в Москву на празднование «положения риз пресвятые богородицы» 2-го, «памяти митрополита Филиппа» 3-го и «преподобного Сергия» 5-го; на всех этих празднованиях присутствовал только царь Иван Алексеевич. 3 июля вечером Петр находился в Марфине, где виделся с ним Гордон; 6-го ужинал у Гордона. Только крестному ходу 8 июля в Казанский собор он остался верен, приехал из Преображенского в одиннадцатом часу утра и вместе с братом принял в нем участие. 11 июля Гордон нахо-

[1] *Posselt*, Lefort, I, 518—519.
[2] Gordons Tagebuch, II, 376—377.
[3] Gordons Tagebuch, II, 377; Дворцовые разряды, IV, 694—695.

дился при государе и сопровождал его, как он записывает в дневнике, «на другой берег реки», но куда именно, неясно. 12-го Петр обедал у Бутенанта, 14-го ездил в село Петровское; 15-го Гордон был в Преображенском и виделся с царем. 20-го Петр заходил к Гордону, а 22 июля он со всем семейством, с обеими царицами и сыном, выехал, как гласит разрядная записка, «по своему государскому обещанью для моления в обитель преподобных Сергия и Никона, радонежских чудотворцев», на самом же деле в Переяславль с заездом только по пути в Троицкий монастырь, куда накануне, 21 июля, выехал царь Иван Алексеевич с царицей Прасковьей Федоровной. Это была четвертая поездка в Переяславль за 1692 г., на этот раз продолжавшаяся больше месяца [1].

9 августа Т. Н. Стрешнев объявил Гордону, что его Бутырский полк должен выступить в Переяславль, но чтобы вел он его не сам, а поручил отвести полковнику. 11 августа Гордон выехал из Москвы и 13-го был уже в Переяславле. 14 августа происходил, по его словам, обед на «адмиральском» корабле: «адмиралом» переяславской флотилии считался тогда сухопутный «генералиссимус» князь Ф. Ю. Ромодановский. День 15 августа ввиду праздника успения богородицы прошел без всяких предприятий. 18-го флот в час утра поднял паруса, переплыл через озеро и с рассветом бросил якорь на противоположной стороне, но принужден был простоять там вследствие противного ветра 19 и 20 августа и только 21-го, подняв якоря в час пополудни, вернулся к семи часам вечера. 23 августа Гордон обедал у боярина Ю. И. Салтыкова и имел случай при этом пригласить царя к себе на обед на четверг 25-го. 24 августа он находился с царем на борту корабля. 25-го Петр обедал у Гордона; в этот же день приехал в Переяславль Лефорт. «Я не сумел бы, любезный брат, — писал Лефорт своему старшему брату за границу, — изобразить вам радость, которую выказали при моем приезде его величество и все придворные. Так как я имею честь командовать кораблем, который носит название «Марс» и на котором находится его величество, то тотчас же по моем прибытии его величество отправился на названный корабль и послал за мной бригантину, чтобы привезти меня к нему. Когда я вступил на корабль, его величество осыпал меня такими знаками милости, что я не могу вам описать. Палили из всех пушек корабля и после того, как его величество показал мне все богатство и всю красоту отделки моего корабля, мы вернулись опять на сушу. Царь приказал, чтобы по поводу моего прибытия стреляли пушки на всех кораблях. Затем меня отвели в мой дом, который его величество соблаговолил для меня выстроить. Это очень красивое здание. На следующий день его величество оказал мне честь у меня обедать; а на третий ему угодно было угощать меня на

---

[1] Дворцовые разряды, IV, 696—699, 707—708; Gordons Tagebuch, II, 378—379.

нашем корабле, причем целый день стреляли из пушек на всех судах»[1]. 26 августа отпразднованы были именины царицы Натальи Кирилловны; давал по этому случаю обед ее брат Л. К. Нарышкин. Под 27-м августа Гордон говорит о приготовлениях к отъезду: в этот день угощали шкиперов и матросов переяславских кораблей. Гордон покинул Переяславль 28-го и 31-го прибыл в Преображенское. Надо полагать, что в то же время вернулся в Преображенское и Петр, потому что 1 сентября он уже присутствовал в Кремле на действе Нового лета, приехав на это действо «в 6-м часу дня вполы», по нашему счету в 11 часов утра. Прямо с действа, «не быв в своих государских хоромах, от дворцового крыльца», как гласит разрядная записка, он уехал в Преображенское в девятом часу дня, во втором пополудни по-нашему. Вся осень и декабрь до рождества проведены были в Преображенском. 2 сентября Петр был у Лефорта, где находился и Гордон. 3 сентября вернулись из Переяславля и царицы. 5-го Петр был у Гордона и затем выезжал в Коломенское. 11 сентября он присутствовал в Успенском соборе на поставлении архимандрита елецкого монастыря Феодосия в архиепископы черниговские. Можно заметить, что церемоний епископских поставлений Петр вообще не пропускал. В этот же день в Столовой палате Кремлевского дворца государи принимали польского резидента Ю. Д. Довмонта. После приема Петр вернулся в Преображенское, где происходило ученье солдат. 16-го он был у Лефорта, 18-го — у Менезия, 19-го — у Гордона, 25-го — у Лефорта, 27-го — опять у Гордона[2].

За октябрь 1692 г. Гордон, всегда так тщательно отмечающий в дневнике выезды Петра, визиты его к себе, свидания с ним во дворце и встречи с ним у других лиц, совсем не упоминает о Петре, хотя говорит о нескольких своих поездках в Преображенское, о визитах своих к Лефорту и о пирах у него (4, 6, 13 и 30 октября) и у других лиц — Гутебира, Менезия, князя Урусова и др. 18 октября состоялось пострижение любимой тетки Петра — царевны Анны Михайловны, которую он с такой неизменной аккуратностью (кроме только 1692 г.) являлся поздравлять со «днем ангела» 25 июля. «Благоверная царевна и великая княжна Анна Михайловна, — повествует нам разрядная записка 18 октября, — яже от многих лет желая, ныне оставя мирское житие и свои царские чертоги, изволила восприяти ангельского образа пребывание и с монахини водворение в Вознесенском девичье монастыре, что в Кремле. И для болезни ее, государыни, пострижение ей было того числа в 4-м часу дня» (по нашему счету в одиннадцатом часу утра) в дворцовой церкви «Успения богородицы в верху». Из хором провожали царевну в церковь царь Иван Алексеевич, царица Прасковья Федоровна и «благородные государыни царевны». Действо пострижения совершал патриарх

[1] *Posselt*, Lefort, II, 275.
[2] Gordons Tagebuch, II, 380—384; Дворцовые разряды, IV, 715—720.

Адриан «да с ним Вознесенского монастыря и ее, государынин, духовник иеромонах Павел. А в монахинях имя ей, государыне, преименовано Анфиса Михайловна. А после пострижения великая государыня благородная царевна изволила быть в той церкви в трапезе до шествия своего в вышеписанной монастырь». «Того ж числа в отдачу дневных часов» (в 4 часа 30 минут пополудни) прибыл из Преображенского царь Петр: «И в первом часу нощи в последней чети (в 5 часов 15 минут пополудни) благородная государыня царевна и великая монахиня Анфиса Михайловна изволила из своего государского дома, из вышеименованные трапезы иттить по обещанию своему в Вознесенской девичь монастырь. И из той трапезы несли ее, государыню, на уготованном ее ложе светличною лестницею до саней ближние бояре, а в санях изволила она, государыня, иттить в Куретные ворота и подле патриарша двора и мимо Чудова монастыря к святым воротам» (Вознесенского монастыря). Перед царевной шел царь Иван Алексеевич, а за нею Петр «изволил в тот монастырь иттить пешешествием». За санями царевны-инокини ехали в возках царицы Прасковья Федоровна, Евдокия Федоровна и царевны. У «святых» ворот монастыря встречали инокиню «того монастыря протопоп и священницы во облачении с честным крестом и со свещи, и с кандилы и игуменья с сестрами». Проводя ее в келью, царь Иван Алексеевич вернулся к себе в верх, а царь Петр отбыл в Преображенское [1].

Не упоминается за 1692 г. в Дворцовых разрядах обычного крестного хода 22 октября, в котором Петр до тех пор неизменно участвовал. 26 октября вечером только что постриженная и 24 октября принявшая схиму царевна Анна — Анфиса Михайловна — скончалась; 28-го происходили ее похороны. Петр приехал из Преображенского на печальную церемонию в четвертом часу дня, по нашему счету в одиннадцатом утра, и после похорон вернулся туда же [2].

10 ноября Гордон, постоянно выезжавший в Преображенское, отмечает свое свидание с царем. 13 ноября Петр был у Лефорта. 22-го до обеда с ним виделся вновь Гордон и отметил, что царь чувствовал себя нездоровым. 23 ноября Петр слег в постель, заболев дизентерией. Тем не менее на следующий день, как гласит официальная запись, поданы были в селе Преображенском письменные принадлежности: «чернилница столовая оловянная, двои ножницы, ножичек перочинной, клей, два прута сургучю, 7 пер лебяжьих самых добрых» [3]. 29 ноября Гордон навещал Петра после обеда.

3 декабря в дневнике Гордона находим отметку, что царю стало лучше. 6-го он встал с постели. Но 12 декабря обозначилось снова ухудшение: Гордон записал в дневнике, что царь почувствовал себя хуже, лишился сил. 13-го он был очень слаб,

[1] Дворцовые разряды, IV, 724—726.
[2] Там же, IV, 726—729.
[3] Арх. мин. ин. дел, Приказные дела 1691 г., № 246, л. 278.

14-го — чувствовал себя лучше, 15-го чувствовал себя довольно хорошо, хотя все еще жаловался на слабость[1]. Нетрудно себе представить, какую тревогу должна была внушить болезнь царя в близких к нему кругах. Шведский резидент в Москве Кохен писал рижскому губернатору, что близкие к Петру лица, Лефорт, князь Б. А. Голицын, Ф. М. Апраксин и Плещеев, боясь в случае смерти Петра возвращения царевны Софьи, заготовили лошадей, чтобы бежать из Москвы. Может быть, это известие и страдает преувеличением. Все же оно показывает, однако, степень тревоги среди приверженцев Петра. Но могучая натура его превозмогла недуг; он стал поправляться. 21 декабря около часу дня он переехал в Москву встречать рождество и проводить святки. Опасения среди друзей, в особенности среди иностранцев, улеглись. «Его царское величество великий царь Петр Алексеевич, — доносил 23 декабря Штатам голландский резидент ван Келлер, — в течение нескольких недель был очень серьезно нездоров; теперь он чувствует себя лучше; и восстановление его здоровья доставило нам всем очень большую радость. Эта радость тем живее, что его царское величество чрезвычайно принимает к сердцу интересы вашей высокомочности, так же как и интересы его величества короля Вильгельма, и что его величество очень склонен к нам, иностранцам, — обстоятельство, которое возбуждает даже зависть в его собственном народе. Для нас поэтому есть важнейшие причины пожелать ему продолжительного и доброго здоровья»[2]. 25 декабря, в день рождества христова Петр по обыкновению был за обедней в своей дворцовой церкви и затем вместе с братом принимал патриарха. 26-го его видел Гордон, который нашел его лучше, а 31 декабря он уже отдавал Гордону приказ испытать пригодность каких-то маленьких мортир для метания ручных гранат.

XI. ПЕРВОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ В АРХАНГЕЛЬСК 1693 г.

Январь и февраль 1693 г. до великого поста были по обыкновению проведены Петром в Москве. 1 января Гордон докладывал ему о результатах опытов с маленькими мортирами, произвести которые царь поручил ему 31 декабря предыдущего года. 6 января на крещенском водосвятии Петр отсутствовал, вероятно потому, что все еще не чувствовал себя достаточно здоровым после перенесенной в конце 1692 г. болезни. В «дни ангелов» царевен Татьяны Михайловны и Марьи Алексеевны, 12 и 26 января, он ограничился присутствием у себя в дворцовой церкви за обедней и к пожалованию поздравителей вином и водкой не выходил. Не выходил он и к молебствию 28 января по случаю рождения у царя Ивана Алексеевича дочери царевны Анны, будущей императрицы Анны Ивановны. Петр вообще, должно быть, в течение

[1] Gordons Tagebuch, II, 387—389.

[2] *Posselt*, Lefort, I, 513; Дворцовые разряды, IV, 739—740; Gordons Tagebuch, II, 390—391.

января воздерживался еще от выходов из дому. У Гордона он побывал только 25-го. Нет отметок в дневнике Гордона и о посещении царем Лефорта, дававшего, между прочим, большой праздник 17 января, или других каких-либо лиц русских или иноземцев. Но зато Гордон посещал царя очень часто. Заметки об этих посещениях мы находим в дневнике его под 1, 4, 6, 7-м, когда он получил от царя приказ позаботиться о масленичном фейерверке, 9, 10, 12, 14 и 30 января. Впрочем, в конце января, по свидетельству шведского резидента фон Кохена, Петр, еще не совсем здоровый, принимал участие в праздновании свадьбы одного немецкого золотых дел мастера: разъезжал по городу, созывая гостей, распоряжался на свадебном пиру и беспрестанно потчевал гостей напитками, сам однакоже пил мало [1].

1 февраля Петр выезжал в Преображенское; показался также и в Немецкой слободе. 3 февраля в пятницу происходило в Чудовом монастыре рано утром, «до отдачи ночных часов», перед литургией, часу в седьмом утра по нашему счету, крещение царевны Анны. Крещение совершал патриарх Адриан. Петр был восприемником от купели; восприемницей была царевна Татьяна Михайловна. 17 февраля Гордон завтракал утром с царем, который подарил ему «большую лодку». 19 февраля в воскресенье мясопустное, в день рождения царевича Алексея Петровича, Петр был у обедни в своей дворцовой церкви апостолов Петра и Павла, но приема поздравителей с пожалованием винами и водкой не было. В этот день в село Воскресенское на Пресне был вывезен фейерверк. 20-го Гордон ездил на Пресню; но так как была сырая погода, то фейерверк был отложен до следующего дня. 21 февраля, во вторник на масленице, выехали в Воскресенское оба государя. В этот вечер, рассказывает Гордон, был сожжен фейерверк, приготовленный царем и иноземцами [2]. Шведский резидент фон Кохен сообщает об этом фейерверке некоторые подробности [3]. После троекратного залпа из 56 пушек вспыхнул белым огнем павильон с именным вензелем голландскими буквами генералиссимуса князя Ф. Ю. Ромодановского. Затем явился огненный Геркулес, раздирающий пасть льва. Все время вздымались ракеты. Праздник закончился ужином, с которого Гордон вернулся домой около трех часов утра. 22 февраля, в среду, был там же сожжен другой фейерверк, изготовленный русскими, который по замечанию Гордона, произвел также большой эффект. И в этом маленьком эпизоде изготовления и сожжения фейерверков обнаруживается единение Петра не с русскими, а с иноземцами: он изготовлял фейерверк не с первыми, а со вторыми. 23 февраля, в четверг на масленице, Петр пировал в Покровском на Филях у Л. К. Нарышкина, где был также и Гордон. 26 февраля прощеное воскресенье началось по-древнерусски. Оба государя были

---

[1] Дворцовые разряды, IV, 743, 750, 754, 755; Gordons Tagebuch, II, 392—397; *Устрялов*, История, т. II, стр. 144.

[2] Дворцовые разряды, IV. 758, 760; Gordons Tagebuch, II, 397—399.

[3] *Устрялов*, История, т. II, стр. 144.

у обедни в дворцовых церквах. В первом часу дня, в седьмом часу утра по нашему счету, выходили в соборы Благовещенский, Архангельский и Успенский, побывали также в Вознесенском и Чудовом монастырях и на Троицком подворье, а в Передней палате прощались с боярами и служилыми людьми, жалуя их к своей государской руке. Но вечер прошел по-новому: Лефорт давал прощальный пир в честь царя, уезжавшего на другой день в Переяславль. Кутили всю ночь. На пиру не обошлось без скандала. Один из братьев царицы, Авраам Лопухин, побранился и даже подрался с хозяином — Лефортом, осыпал его бранными словами и смял ему всю прическу. Петр также вмешался в эту ссору, принял сторону друга против свойственника и надавал Лопухину пощечин [1]. С пира Гордон, бывший на нем, вернулся в 5 часов утра. Петр 27-го «за час до рассвета», как говорит Гордон, т. е., следовательно, тоже прямо с пира, выехал в Переяславль. Это был понедельник первой недели великого поста. Если припомним, что и в прошлом, 1692, году царь также выехал в Переяславль в «чистый понедельник», то можно заметить, как у Петра, еще очень молодого человека, всего на 21-м году жизни, складываются определенные, постоянные привычки, — любовь к ежегодному повторению установленного порядка [2].

Между тем продолжалось снабжение Переяславля продовольственными и корабельными припасами. Еще в декабре 1692 г. заведывавшему переяславским дворцом Роману Карцеву велено было «про государский обиход» в прибавку к остававшимся еще запасам купить 200 четвертей пшеницы, 100 пудов масла коровья, 850 полот мяс свиных, весом полот по пуду, 95 пудов 20 фунтов хмелю, 100 сажен дров, 300 копен сена, 1 000 четвертей овса. Деньги на покупку всех этих припасов Карцев должен был взять с переяславской Рыбной слободы, с Симской волости, с вотчин ростовского митрополита и с вотчин переяславских монастырей: Горицкого, Никитского, Данилова и Федоровского девичья, обложив их по гривне со двора. Было, таким образом, объявлено специальное обложение некоторых местностей Переяславского края на удовлетворение встретившейся надобности дворцового хозяйства. Кроме того, шли посылки в Переяславль и денежных сумм и запасов натурой из Москвы. В конце января 1693 г. велено было послать в Переяславль для государского пришествия с Сытного двора из Москвы на ставку медов 200 пудов меду-сырцу, да в феврале бочку самого доброго отборного уксусу, бочку ренского, бочку столового; с Кормового дворца — 672 пуда соли, 10 пудов грибов целиков, 30 пудов икры зернистой. В начале марта с Кормового дворца в прибавку к прежним припасам посылались 100 осетров аханных, 800 пучков вязиги, 150 связок вялой казанской белорыбицы, 20 пуд. молок и т. д. Двигались и корабельные припасы: сосновые доски, дубовые косяки, пенька, рогожи,

[1] Донесение шведского резидента Кохена в книге *Устрялова*, История, т. III, стр. 191, примечание 30.

[2] Дворцовые разряды, IV, 763, 767—768; Gordons Tagebuch, II, 399.

ужища лычные, смола жидкая в бочках и густая, железо шведское, дровни для перевозки пушек и т. д. [1]

Петр пробыл в Переяславле в эту поездку около двух недель. 10 марта выехал туда к нему Лефорт. 16-го царь вернулся уже в Москву. Гордон встречал его и обедал с ним в селе Ростокине. Петр поспешил в Москву, вероятно, вследствие известия о болезни матери. Ввиду этой болезни, как свидетельствует Гордон, ожидавшийся 17 марта в «день ангела» царевича Алексея Петровича царский выход к обедне в Алексеевский монастырь был отменен. Не было в этот день при дворе и обычного пожалования поздравителей; но все же Гордон занимался приготовлением фейерверка. 18 марта на панихиде по царе Алексее Михайловиче в Архангельском соборе присутствовал один царь Иван Алексеевич. Петра на ней не было. Но в тот же день он был у Лефорта, от него зашел к Гордону, а ужинал у князя Б. А. Голицына. Гордон говорит, что царь был очень печален. 19 марта он опять появился в слободе, после обеда вернулся в Москву, а вечером, повидимому, успокоившись относительно здоровья матери, опять выехал в Переяславль. На этот раз Петр вернулся оттуда 7 апреля с тем, чтобы «страстную» и «пасху» провести в Москве. 7 апреля Гордон опять встречал его в Ростокине, где Петр останавливался, пробыв с час, подкрепляясь пищей и питьем [2].

8 апреля, в вербную субботу, Петр обедал у Лефорта. Вербное воскресенье, 9 апреля, было отпраздновано по-старинному с участием обоих государей в шествии на осляти. 12-го, в великую среду царь присутствовал на похоронах иноземца Ивана Акемы. В великую пятницу, 14 апреля, в Успенский собор прикладываться к мощам после их омовения выходил один царь Иван Алексеевич. Но «светлое воскресенье», 16 апреля, было встречено Петром по-старому у заутрени в Успенском соборе и у литургии в своей дворцовой церкви апостолов Петра и Павла с приемом затем патриарха в Передней палате. Вечером в «светлый день», как и в прошлом, 1692, году, Петр виделся с Гордоном. 19 апреля, в среду на пасхе, Петр выезжал в Коломенское. 20-го в четверг оба государя принимали в Передней палате патриарха со всем Освященным собором, являвшихся с подношениями. 22-го, в субботу на пасхе, Петр обедал у Юрия Ивановича Салтыкова. 23-го, в фомино воскресенье, также по установившемуся обычаю Петр выехал в Коломенское водным путем. В составе свиты, его сопровождавшей, находился и Гордон. Путешествие носило характер увеселительной поездки по окрестностям Москвы. Первую остановку царская яхта сделала у Симонова монастыря; царь с компанией обедали в монастыре. После обеда пустились в дальнейший путь и остановились для ужина в вотчине А. П. Салтыкова Самара-Гора; к ночи добрались до Коломенского. Утром 24 апреля, по-

---

[1] *Есипов*, Сборник выписок, т. I, стр. 382 и сл.

[2] Gordons Tagebuch, II, 400—401, 403; Дворцовые разряды, IV, 772.

завтракав у «приказчика Андрея», вероятно, управляющего Коломенским, отправились в Дубровицы, где ужинали и ночевали у хозяина этой вотчины князя Б. А. Голицына. Весь день 25-го прогостили у него. 26-го после обеда двинулись из Дубровиц по Серпуховской дороге, переправились через реку Пахру и прибыли ужинать и ночевать в вотчину князя Ф. Ю. Ромодановского, которую Гордон называет Rosay (?); там провели 27 апреля весь день. 28-го, выехав от Ромодановского после обеда, опять переправились через реку Пахру на пароме и около 6 часов вечера прибыли в Москву. 30 апреля царь, как говорит Гордон, «со всей нашей компанией» обедал у г. Термонда, доктора из Германии, причем «слишком много пили». Гордон, всегда чувствовавший себя нездоровым после этих попоек, — так что вслед за отметкой в его дневнике о каком-либо пиршестве неизменно следует отметка о том, что был болен и оставался дома, — на этот раз расхворался на целый месяц [1].

3 мая Петр был у Лефорта. 4-го он обедал у Б. П. Шереметева и с этого обеда отправился в Переяславль плавать на судах, чего не имел возможности делать в предыдущие посещения Переяславля ранней весной 1693 г., когда озеро было еще подо льдом. Но Переяславское озеро казалось Петру слишком малым и тесным; попытка найти другое, просторнее, как мы знаем, не удалась, и он уже мечтал о настоящем море. «Но потом и то (Переяславское озеро), — писал он впоследствии в предисловии к Морскому регламенту, — показалось мало, то ездил на Кубенское озеро [2]; но оное ради мелкости не показалось. Того ради уже положил свое намерение прямо видеть море; о чем стал просить матери своей, дабы мне позволила; которая, хотя обычаем любви матерней в сей опасный путь многократно возбраняла, но потом, видя великое мое желание и неотменную охоту и, не хотя, позволила. И тако во [3] году был у Города» [4].

Море овладевает мыслью и воображением Петра. Поездка в Переяславль в мае 1693 г., продолжавшаяся с 4-го по 22-е этого месяца, была последнею. «С тех пор, — говорит Устрялов, — царь посещал Переславль Залесский только проездом из Москвы к Архангельску да пред началом азовских походов для осмотра и выбора орудий в походную артиллерию. После того, более 25 лет, не был в нем ни разу. Суда стояли на берегу Трубежа и, едва прикрытые ветхими сараями, гнили и разрушались». Переяславские суда были брошены и забыты, как бывают брошены и забыты взрослым человеком игрушки, которыми он играл в детстве. Только в 1722 г., на пути в Персию заехав в Переяславль, Петр вновь увидел свою флотилию в печальном, полуразрушенном состоянии.

7 февраля 1722 г. был дан переяславским воеводам указ

---

[1] Gordons Tagebuch, II, 403—405; Дворцовые разряды, IV, 775, 780, 784, 788.
[2] Вероятно, в декабре 1691 г., см. стр. 134.
[3] В подлиннике здесь пропуск. — *Ред.*
[4] Gordons Tagebuch, II, 405; *Устрялов,* История, т. II, приложение I.

беречь остатки кораблей, яхты и галеры; но указ этот не исполнялся. «Из этой флотилии переславской, — сообщает тот же историк о дальнейшей судьбе переяславских кораблей, — уцелел один небольшой бот, сбереженный крестьянами села Веськова и с 1803 г. охраняемый в особо устроенном здании под надзором отставных матросов; фрегаты же, яхты и галеры не оставили по себе никаких следов, но не исчезли из памяти народной. По дедовским рассказам жители Переславля знают, что когда-то на берегу Трубежа близ церкви «Знамения пресвятые богородицы» в сараях стояли корабли и самая церковь доселе слывет «при кораблях». Помнит народ и место, где был дворец Петра Великого, также разрушенный до основания. Его разломали помещики, владевшие селом Веськовым более 100 лет. Подаренное императрицею Елисаветою Петровною одному из лейб-компанцев, ротмистру Будакову, оно обратилось из дворцового в помещичье, переходило вместе с дворцом в частные руки, продавалось даже с публичного торга, и покупатели старались извлечь из него всевозможные выгоды, вовсе не думая о сбережении памятников старины. Последний из владельцев вырубил вековые березы, под которыми отдыхал Петр после трудов, уничтожил разведенный им сад, даже воспретил жителям Переславля прогулки на мыс Гремяч, куда они любили собираться...» [1]

Переяславская флотилия была, конечно, только потеха, игра в крупных размерах, не дешево обошедшаяся казне, давшая себя почувствовать некоторой податной тяготой и части местного переяславского населения: Рыбной слободе, монастырским вотчинам и дворцовым землям. Эта игра имела одно только значение, именно то, которое и указано самим Петром в его автобиографической записке, составляющей предисловие к Морскому регламенту: она была одним из моментов развития в нем склонности к мореплаванию.

Вернувшись из Переяславля в Москву 22 мая, Петр на следующий день, 23-го утром, навестил все еще больного Гордона, а «за 3 часа до вечера», в половине шестого пополудни по нашему счету, переехал в Преображенское. 26 мая он выехал в Саввин Сторожевский монастырь; там вместе со старшим братом провел 30-е, день своего рождения; 1 июня вернулся в Преображенское. 4 июня, троицын день, Петр провел в Измайлове, где был у обедни. 10 июня он был на пиру у Лефорта; 12-го был у Гордона. 17 июня Гордон ездил на Фили в Покровское, оттуда — к своему Бутырскому полку, которому производил ученье; обедал там на Бутырках вместе с царем. 18-го Петр принимал в Преображенском «посланцов» украинского гетмана И. С. Мазепы — Ивана Ковальчука «с товарищи» 82 человека [2], а затем был в Немецкой слободе. Военные занятия в июне шли полным ходом. 17 июня с Потешного двора в Оружейную палату доставлено было 500 муш-

---

[1] *Устрялов*, История, т. II, стр. 145—146.
[2] Арх. мин. ин. дел., Приказные дела 1688—1695 гг., № 128, л. 813.

кетов немецких, которые велено было вычистить, а попорченные из них починить[1]. День именин, 29 июня, был отпразднован в Преображенском с приездами туда, как и в предшествующем году, царя Ивана Алексеевича и патриарха со властями. В этот день Лефорт получил чин полного генерала. Не забыт был он и другого рода милостями: среди записей Мастерской палаты за июнь 1693 г. встречаем две о выдаче Францу Лефорту каждый раз по 200 рублей и одну запись о выдаче ему же 35 рублей[2].

Согласие матери на путешествие в Архангельск было выпрошено еще до последней поездки в Переяславль. Уже в письме от 12 мая 1693 г., в то время как Петр находился в Переяславле, Лефорт писал брату в Женеву о путешествии в Архангельск, как о деле решенном и даже указывал срок отъезда: «4 июля мы едем с его царским величеством в Архангельск... Его царское величество едет туда развлекаться и там велено строить несколько барок и одно большое судно»[3]. 3 июля Лефорт, и сам собиравшийся в путь, по устанавливающемуся обычаю давал прощальный пир в честь царя. Пир этот у Лефорта продолжался собственно беспрерывно четыре дня, начавшись еще 30 июня празднованием состоявшейся в Женеве свадьбы его племянницы, вышедшей замуж за итальянца Пелиссари. «Генерал Лефорт, — пишет об этом празднике за границу упоминавшийся уже нами выше капитан Сенебье, земляк Лефорта, им покровительствуемый, — перед отъездом царя в Архангельск в течение четырех дней роскошно угощал его величество, а также всех князей и бояр и всех уважаемых иностранцев и дам в числе двухсот персон. Сверх блестящего угощения все эти дни была прекрасная музыка, танцы, в высшей степени интересные фейерверки и каждый день по 20 залпов из 12 пушек. Мы всем обществом под гром артиллерии пили здоровье господ женевских сенаторов»[4].

4 июля на рассвете Петр выехал из Москвы. Его сопровождала большая свита, в состав которой входили: бояре князь Б. А. Голицын, князь М. И. Лыков, Ю. И. Салтыков, В. Ф. Нарышкин, А. С. Шеин, князь К. О. Щербатой, князь М. Н. Львов, кравчий К. А. Нарышкин, генерал Лефорт, думный дворянин Ф. И. Чемоданов, постельничий Г. И. Головкин, ближние стольники князь Ф. Ю. Ромодановский и И. И. Бутурлин (оба генералиссимуса), князь Ф. И. Троекуров, Ф. М. Апраксин, Ф. Л. Лопухин, С. А. Лопухин, 18 стольников, неизменный спутник Петра во всех походах думный дьяк Н. М. Зотов, дьяки Виниус и Воинов, доктор Захарий фан-дер-Гульст, крестовый священник Петр Васильев с восемью певчими, двое карлов — Ермолай и Тимофей, сорок стрельцов при трех капитанах во главе с полковником Сергеевым, пользовавшимся благоволением Петра за то, что в 1689 г. «по

---

[1] *Есипов*, Сборник выписок, т. I, № 545, стр. 138.

[2] Дворцовые разряды, IV, 793—796, 800; Gordons Tagebuch, II, 406—410; *Есипов*, Сборник выписок, т. I, № 544, стр. 137—138.

[3] *Posselt*, Lefort, II, 281—282.

[4] *Posselt*, Lefort, II, 707, примеч. 51.

посылке из Троицкого Сергиева монастыря во время возмущения к бунту вора и изменника Федьки Шакловитова привез его, Федьку, из Москвы в тот монастырь». Полковник Сергеев в 1692 г. был награжден за эту заслугу пожалованием серебряного вызолоченного кубка с кровлею весом в полтора фунта да 100 рублями денег на кафтан [1], а теперь получил почетное назначение сопровождать царя в поездке. Кроме стрельцов, Петра сопровождали 10 человек потешных с трубачом. Всего свита доходила до 100 человек.

До Вологды царь ехал в карете на рессорах, обитой внутри разноцветным трипом, которую он потом подарил архиепископу холмогорскому Афанасию. В Вологду прибыл 8 июля в субботу и пробыл здесь до среды 12-го. В этот день, отобедав у архиепи-

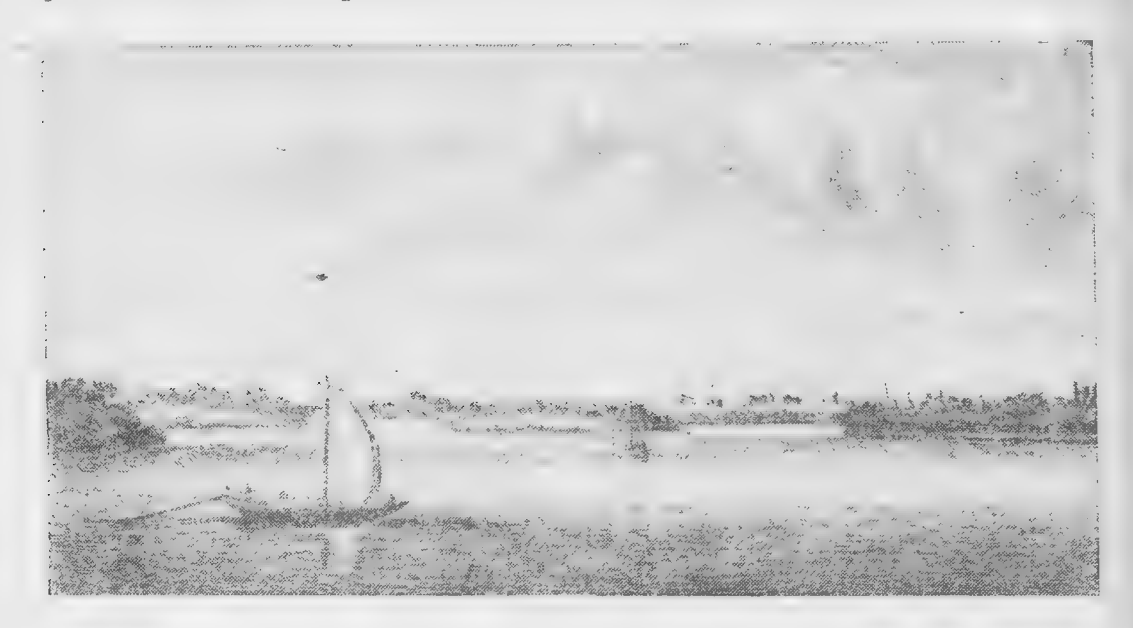

Рис. 41. Устюг Великий

Гравюра из «Путешествия» де Бруина, изд. 1714 г.

скопа [2], он двинулся дальше речным путем: сев на карбас, спустился в Сухону. 21 июля он отбыл из Устюга Великого вниз по Двине. Сохранился счет устюжских ямских старост Михайлы Губина и Ивана Скорнякова, из которого видно, что для шествия великого государя и сопровождавших его всякого чина людей ими было издержано 515 руб. 14 алт. 1 ден. на наем носников и кормщиков и разных работных людей и на покупку якорей и всяких судовых припасов [3]. Между Холмогорами и Орлецом 27 июля Петр был встречен двинским воеводой окольничим А. А. Матвеевым. 28 июля, в пятницу, Петр достиг Холмогор, где уже ожидали его вернувшийся раньше прибытия царя воевода и архиепископ Афанасий, поспешивший выехать в свою епархию из

---

[1] *Есипов*, Сборник выписок, т. I, № 536, стр. 136.

[2] *Степановский*, Вологодская старина, стр. 320—321.

[3] Арх. мин. ин. дел., Приказные дела 1694 г., № 189, л. 5.

Москвы за несколько дней до отъезда государя. Местная двинская летопись так описывает встречу царя в Холмогорах: «А 28 числа в пяток в начале 3-го часа дне (в исходе шестого часа утра по нашему счету) в соборе и по приходским церквам к литоргии благовестили, а праздновали того дне Смоленской пресвятой богородице. Великий государь судами своими объявился от Курострова в исходе 6 часа дне (около 9 ч. 30 м. утра по-нашему). В соборе приказал преосвященный архиепископ благовестить в большой колокол до пришествия государского, и игуменом, присутствующим на Холмогорах, и всем приходским священникам указал архиерей на встретение великого государя быть в соборную церковь с лучшим облачением. Архиерей в соборную церковь пришел в 7 часов дне и ожидал пришествия великого государя, также и игумены и весь освященный чин. Великий государь царь... Петр Алексеевич... прииде к Холмогорскому городу на седьми стругах, а великого государя струг преди всех шол. И как приближился к городу, выстрел был из всех пушек и мелкого оружия от обоих полков; также и с государских судов из большого оружия. Пушек стояло на обрубе выкачено тринатцать. Полки оба (стрелецкие под начальством гордонова зятя полковника Снивинса) полным строем стояли на площади от Богоявленских ворот до пристани государской. Как великий государь к пристани приходил и тогда другой выстрел был из всего оружия и из судов государских; а струг государев к пристани пристал в начале 8 часа дне (в третьей четверти одиннадцатого часа утра по нашему счету). Егда великий государь на пристань выступил, тогда третий выстрел был, и, вышед, великий государь изволил шествовать в карете в город Богоявленскими вороты. А бояра, и стольники, и все чиновные люди за великим государем шли пеши. Внегда великий государь объявился из Спасских ворот, тогда в соборе звон был во вся. Егда же великий государь шествовал на городок к соборной церкви, тогда преосвященный Афанасий, архиепископ холмогорский и важеский, из соборной церкви на встретение великого государя изыде со святыми иконами и со всем освященным чином в облачении малом. В начале певчие в лучших стихарях пели стихиру: «Днесь благодать». За певчими два священника пред архиереем несли крест и икону пресвятые богородицы выносные и икону преображения господня; подьяки двое с ослопными свещами и с лампадою по стороны. Одесную архиерея большого собора протопоп нес животворящий крест с мощьми на серебряном блюде. По левую сторону Бояговленского собора — протопоп со евангелием большим; два дьякона с репиды, диакон со святою водою, позади архиерея подьяк с посохом, и встретил великого государя у колокольни прям соборные церкви на мосту. Великий государь, вышед из кареты, поклонение творил святым иконам и архиерею. Архиерей великого государя крестом благословил и святою водою кропил, и поздравлял великого государя во благополучном путешествии. По сих великий государь архиерея целовал в ремена и руку, подобне и архи-

ерей великого государя. По сим великий государь со всеми своими чиновными людьми иде в соборную церковь Преображения господня, а со святыми иконами пред государем шли. Архиерей (шел) с государем. И, пришед, великий государь в соборную церковь по обычном поклонении по чину целовал святые иконы. Певчие архиерейские великому государю пели входное и многая лета. Великий государь изволил стоять одесную места архиерейского; архиерей же стоял по левую сторону. И великий государь жаловал игуменов и соборных священников и диаконов и иных всех к руке. Выговаривал государскую милость болярин князь Борис Алексиевич Голицын. Протодиакон с кадилом пред спасителевым образом ектению читал. . . По ектении архиерей возглас «Услыши ны, боже». И по возгласе по чину «Честнейшую» и отпуск говорил со крестом сам архиерей. По отпуске великий государь у архиерея в руке крест целовал и боляра и протчие пришедшие с государем. Во время ектении великий государь со архиереем ходил в олтарь южными дверьми, и в олтаре государь целовал святые мощи. И к преосвященному архиепископу великий государь во мнозе являл свое государское милостивое слово. И из церкви архиерей бил челом великому государю в дом спасителев и свой архиерейской хлеб кушать и со всеми боляры и чиновными людьми. И великий государь по прошению архиерейскому изволил из церкви шествовать в дом, и во время шествия звон был во вся. Певчие, пред государем идучи, пели ирмосы греческого согласия: «Веселися Иерусалиме» и «бог господь и явися нам». И того дни великий государь у преосвященного архиепископа хлеба кушал в крестовой и с боляры его царского величества, и все чиновные люди хлеба ели. А иным служивым людям погреб был (т. е. угощение вином). А откушал великий государь в исходе 11 часа (около половины третьего пополудни по-нашему). После кушанья изволил гулять с преосвященным архиепископом на огороде и на ветреной мельнице. И по сих не со многими людьми шествовал на песок к берегу на свой струг; а боляра и чиновные люди со архиерейского двора особою вышли статьею. И того вечера и нощи до 5 часа (до первого часа ночи по-нашему) великий государь изволил гулять в шняке по Двине не со многими людьми» [1].

На другой день, 29 июля, в субботу, Петр обедал у двинского воеводы, окольничего А. А. Матвеева. «И после кушанья, — читаем в той же летописи, — в 9 часе дня (около полудня по нашему счету) великий государь с Холмогор со всеми своими струги во всяком благополучном здравии богом храним изволил шествовать к городу Архангельскому. И на отшествии государском стрельба была из большого оружия и обоих полков трикратно. А

---

[1] «О высочайших пришествиях великого государя царя и великого князя Петра Алексеевича. . . из царствующего града Москвы на Двину к Архангельскому городу и т. д. иждивением Н. Новикова и Компании. В Москве 1783 г.», стр. 11—16.

как мимо посад плыли, тогда звон был по всем церквам во вся колокола» [1].

30 июля, в воскресенье, царь прибыл в Архангельск «в 8 часу дня» (около одиннадцати часов утра по-нашему). Здесь также встречали его с колокольным звоном, ружейной и пушечной пальбой. Царский карбас остановился ниже города, у Моисеева острова, где был построен для приезда Петра дворец.

1 августа в крестный ход на Иордань, устроенную на реке против архиерейского дома, государь не выходил, как объясняет летопись, по случаю сильного дождя. На водосвятии присутствовали: двинский воевода А. А. Матвеев, дьяк и стольники. «Стрельцам, городовому полку, стойка и стрельба из мелкого оружья были».

В намерение Петра входило посетить Соловецкий монастырь, и в монастыре знали об этом и готовились к встрече. Архимандрит монастыря Фирс отпиской на имя преосвященного Афанасия Холмогорского, полученной последним еще 24 июля, запрашивал его указаний относительно встречи, и преосвященный в ответной грамоте от 26 июля давал такие указания: при появлении царского корабля в виду монастыря учинить благовест в большой колокол; при приближении царя к обители звонить во весь большой звон; на пристани встретить царя архимандриту с Освященным собором в праздничном священном одеянии с иконами и крестами; соответствующим образом принять государя и в церкви; через князя Б. А. Голицына испросить относительно встречи указаний самого государя. Архиерей обещал уведомить братию о воле государя, если что об ней узнают, и сообщал, что будет сам сопровождать царя в монастырь; такое желание Петра было выражено ему еще в Москве: «да и к нам его, государев, благоволительный глагол был, еже шествовать с ним нам к вам в Соловецкой монастырь; а впредь как его благоволение о нас будет, о том к вам возвестим же» [2]. Для морского путешествия Петра была приготовлена 12-пушечная яхта «Святой Петр», неизвестно, в России ли выстроенная или приобретенная у иностранцев.

Но 2 августа архиепископу, приготовившемуся сопровождать царя, было объявлено, что государь его от участия в морском путешествии освобождает. Петр увлекся другой мыслью. Несколько английских и голландских судов, нагрузившись товарами в Архангельске, собирались плыть в обратный путь под конвоем военного корабля. Петру захотелось непременно их провожать в море, чтобы посмотреть на плавание настоящих кораблей, и поездка на богомолье в Соловецкий монастырь была отложена. Чтобы окончательно удостовериться в перемене намерений государя, архиепископ Афанасий в тот же день, 2 августа, посылал на Моисеев остров к боярину князю Б. А. Голицыну своего брата Дмитрия Любимова с соборным ключарем и с дьяком. Князь Б. А. Голицын подтвер-

[1] Там же, стр. 17.
[2] Арх. *Досифей*, Описание Соловецкого монастыря, III, стр. 250—252.

дил сообщенное архиепископу. 3 августа, в четверг, архиепископ ездил в своем шняке прощаться с государем, которого застал уже на яхте «Святой Петр». Архиепископа сопровождали брат его Дмитрий Любимов, дьяк Карп Андреев, ключарь, протодиакон и два иподиакона. Преосвященный благословил государя в путь и поднес ему хлеб и рыбу. Царь принял его весьма милостиво, как говорит летопись: «...тамо будучи, архиерей великого государя великие милости сподобился», сопровождающих его лиц Петр жаловал к руке. «По сих архиерей с великим государем вселюбезне простился и с боляры, и великий государь милостиво преосвященного с премногою любовию отпустил к городу Архангельскому до своего государского пришествия». Не обошлось без столь любимого Петром пушечного салюта. «На отпуске архиерея с яхты стрелять государь указал из пушек» [1].

Иностранные корабли снялись с якоря 4 августа, и Петр на своей яхте отплыл с ними; но так как ветер был слишком слабый, то за день корабли добрались только до Березового устья Двины, там должны были простоять весь день 5 августа и только 6-го двинулись в дальнейший путь. «4 числа в пяток, — повествует летопись, — великий государь после кушанья 1 часа дне (в пятом часу утра) изволил на яхте своей с людьми своими и с немецкими корабли путешествовать на двинское устье Березовское. . . К 5 числу в ноче великий государь пришол на устье и становился на якоре и стоял сего же августа до 6 числа. Сего ж дня в 3 часе (в седьмом часу утра) великий государь на яхте своей с корабли из двинского устья изволил путешествовать на море, ветром шелоником (беломорское название южного ветра)». Петр, наконец, увидел море, к которому так сильно стремился. Первая же встреча произвела неизгладимое впечатление; свободная стихия стала любимой навсегда. Царь провожал иностранные корабли в Северное море на расстояние около 300 верст и распростился с ними у Трех островов, находящихся у Терского берега за устьем реки Поноя. 10 августа он вернулся из этого плавания в Архангельск. «И тако, — рассказывает он сам впоследствии в упомянутой уже своей автобиографической записке в предисловии к Морскому регламенту, — в 1693 году был у Города, и от Города ходили на море до Поноя с английскими и голландскими купеческими кораблями и одним голландским конвоем, которым командовал капитан Голголсен; а мы были на своей яхте, именуемой св. Петра» [2].

Между тем пришло письмо от матери, страшно беспокоившейся за судьбу сына. «Свету моему, радости моей, — писала царица, — паче живота моего возлюбленному, драгому моему. Здравствуй, радость моя, царь Петр Алексеевич, на множество лет! А мы, радость наша, живы. О том, свет мой, радость моя, сокрушаюсь, что тебя, света моего, не вижу. Писала я к тебе,

---

[1] «О высочайших пришествиях...», стр. 19—20.

[2] «О высочайших пришествиях...», стр. 20; *Устрялов*, История, т. II, приложение I.

к надежде своей[1], как мне тебя, радость свою, ожидать, и ты, свет мой, опечалил меня, что о том не отписал. Прошу у тебя, света своего, помилуй родшую тя, как тебе, радость моя, возможно, приезжай к нам, не мешкав. Ей, свет мой, несносная мне печаль, что ты, радость, в дальном таком пути. Буди над тобою, свет мой, милость божия, и вручаю тебя, радость свою, общей нашей надежде пресвятой богородице. Она тебя, надежда наша, да сохранит. А от меня, свет мой, радость моя, благословение». Царица упрекает сына, что он не извещает ее о дне приезда; но Петром овладело уже новое желание — дождаться в Архангельске прибытия туда новых заграничных кораблей. «Государыне моей матушкѣ, — пишет он царице от 14 августа в ответ на приведенное выше письмо, — царице Наталье Кириловнѣ. Iзволила ты писать ко мне с Васильем Соймоновым, что я тебя, государыню, опечалил тем, чт[о] о приезде своем не отписал. I о том i ныне подлинно отписать не могу для того, что дожидаюсь караблей; а как ане будут, о том нихто не ведает, а ожидают вскоре, потому чт[о] болше трех недель отпущены iз Амстеръдама; а как оне будут, i я iскупя, что надабет, поеду тот час день i ночь. Да о́ едином милости прошу: чего для iзволишъ печалитца обо мне? Изволила ты писать, что предала меня в паству матери божией; i такова пастыря имеючи, почто печаловать? Тоя бо молитвами i претстателст[в]ом не точию я един, но i мир сохраняет господь. За сем благословения прошу. Недостойный Петрушка. От Города, августа в 14 д.»[2]. 14 августа преосвященный Афанасий посылал ключаря во дворец к кравчему К. А. Нарышкину доложить, «где государь благоволит в праздник Успения пресвятые богородицы быть у всенощного и литоргии. И великий государь вечерню великую и утрени изволил слушать в дворцовых хоромах; пели его государские певчие; отпущал (служил) его государской верховой священник Петр Васильев. А в праздник (15 августа) литоргию слушал на Кегострове у Илии Пророка». 16 августа, «в среду великий государь с ближними своими у преосвященного архиепископа в доме хлеба кушал»[3].

Не обрадовало царицу сообщение сына, что он будет дожидаться прибытия иноземных кораблей и поэтому не знает, когда вернется. Пришлось ей испытать и новое беспокойство. Выпрашивая у матери позволения съездить в Архангельск, Петр обещал ей в море не ходить. Между тем в Москву 17 августа пришло известие, что царь благополучно возвратился из морского путешествия, пробыв в море шесть дней[4]. «Сотвори, свет мой, надо мною милость, — пишет вновь Наталья Кирилловна сыну, — приезжай к нам, батюшка мой, не замешкав. Ей, ей, свет мой, велика мне печаль, что тебя, света моего радости, не вижу. Писал ты, радость моя, ко мне, что хочешь всех кораблей дожи-

[1] Это письмо до нас не дошло.
[2] *Устрялов*, История, т. II, приложение II, № 8, 9; П. и Б., I, № 14.
[3] «О высочайших пришествиях...», стр. 22—23.
[4] Gordons Tagebuch, II, 414.

даться, и ты, свет мой, видел, которые прежде пришли: чего тебе, радость моя, тех дожидаться? Не презри, батюшка мой свет, сего прошения, о чем просила выше сего. Писал ты, радость моя, ко мне, что был на море — и ты, свет мой, обещался мне, что было не ходить. И я, свет мой, о том благодарю господа бога и пресвятую владычицу богородицу, общую нашу надежду, что тебя, света моего, сохранила в добром здравии. Да буди над тобою, светом моим, милость божия и вручаю тебя, радость свою, надежде своей пресвятой богородице, и мое грешное благословение». К этому письму царица приложила написанное тем же почерком письмо к Петру от имени трехлетнего сына, царевича Алексея, надеясь затронуть в Петре родительские чувства и этим ускорить его возвращение. «Превеликому государю моему, батюшку, — писал царевич. — Здравствуй, радость мой батюшка, царь Петр Алексеевич, на множество лет! Сынишка твой, Алешка, благословения от тебя, света своего радости, прошу. А я, радость мой государь, при милости государыни своей бабушки царицы Наталии Кирилловны в добром здравии. Пожалуй, радость наша, к нам, государь, не замешкав; ради того, радость мой государь, у тебя милости прошу, что вижу государыню свою бабушку в печали. Не покручинься, радость мой государь, что худо писмишко: еще, государь, не выучился. За сим, государь мой радость батюшка, благословения прошу» [1].

Петр был поставлен в тяжелое положение. С одной стороны, печаль матери и ее призывы скорее вернуться, а с другой — страстное желание видеть приход новых иностранных кораблей. Взяло верх последнее. «Радость моя! — пишет ей царь в ответ. — По писму твоему ей-ей зело опечалился, потому тебе пѣчаль, а мне какая радость. Пожалуй, здѣлай меня беднова без печали тем: сама не печался, а істина не заживусь. А словесно о нашем пребывани известит Федор Чемаданоф. А у нас по се время все здорова малитвами тваіми» [2]. Печалясь об огорчении матери, Петр все же остается в Архангельске, где он мог и не соскучиться в ожидании голландских кораблей. Здесь было ему, что посмотреть и чем заняться. «Единственный в России приморский пункт, — говорит Устрялов, — доступный для западной предприимчивости, искавшей сокровищ в богатой Московии, Архангельск, в летнее время представлял самую одушевленную картину торговой деятельности. К Успенской ярмарке приходило обыкновенно до 100 кораблей голландских, английских, гамбургских, бременских с самыми разнообразными произведениями европейской промышленности, с сукнами, полотнами, шелковыми тканями, кружевами, золотыми и серебряными изделиями, винами, аптекарскими материалами, галантерейными вещами; к тому же времени рекою Двиною приплывали русские барки, нагруженные пенькою, хлебом, поташем, смолою, салом, юфтью, рыбьим клеем, икрою.

---

[1] *Устрялов*, История, т. II, приложение II, № 10, 11.
[2] П. и Б., т. I, № 15.

Иноземные негоцианты, проживавшие в Москве, Ярославле, Вологде и других городах, раннею весною съезжались в Архангельск и оставались там до зимнего пути. 24 дома заняты были иностранными семействами, постоянно жившими в Архангельске, и комиссионерами голландских, английских и гамбургских негоциантов. Для склада товаров, привозимых из-за границы и из внутренних областей России, выстроено было, по повелению царя Алексея Михайловича, иностранцами Марселисом и Шарфом огромное каменное здание, более версты в окружности, обороняемое со стороны Двины шестью башнями с бойницами, сверх того валом и палисадом (окончено в 1684 г.) В середине находились кладовые и амбары. По сторонам гостиные дворы: на правой стороне от Двины русский, на левой — немецкий. Беспрерывный

Рис. 42. Архангельск

(В центре города — длинное белокаменное здание гостиного двора.)
Гравюра из книги де Бруина, 1714 г.

в продолжение целого лета приход иностранных судов, разнообразный вид их, богатство привозимых ими изделий западной промышленности, шумная деятельность по Двине и в городе — все это, без сомнения, в высшей степени занимало любознательного царя» [1].

19 августа архангельский воевода А. А. Матвеев давал государю с боярами обед, прощальный, по случаю окончания его воеводства. На его место 22 августа архангельским воеводой был назначен стольник Ф. М. Апраксин, а Матвеев послан в Москву. 25 августа Петр, с большим благоволением относившийся к холмогорскому архиепископу Афанасию, выразил свое расположение к нему подарком: подарил ему свой струг, на котором пришел в Архангельск по Двине из Вологды, «с парусом, с якорем и с заводы и со всею прикрасою и снастью судовою». Передать

[1] *Устрялов*, История, т. II, стр. 155—156.

струг в собственность архиепископа приезжал к преосвященному боярин князь Б. А. Голицын. На струге находилась коллекция разных флагов: «с сим стругом пожалованы были и разные флаги, в том числе и большой штандарт с российским гербом». На другой день, 26 августа, «от государя присылка была к преосвященному архиепископу, приходили с полным столом». 27 августа, в воскресенье, государь «праздновал у себя Адриану и Наталии и у литоргии изволил быть с боляры за Двиною у Илии пророка. Сего ж дне у великого государя во дворце на боляр и на всех своих людей имянинной стол был, и из пушек стрельба была». Архиепископ до этого обеда ездил к государю благодарить за подарок судна и за присланное накануне угощение. 29 августа, в день именин царя Ивана Алексеевича, Петр был у литургии на Кегострове в церкви Ильи пророка, отслушав накануне всенощную у себя во дворце. 30 августа давал обед новый архангельский воевода Ф. М. Апраксин. «Великий государь, — читаем в Двинской летописи, — хлеба кушал у воеводы Федора Матфеевича. Стрельба была из пушек. От государя архиерею многи подачи были». Архиерей также не упускал случая засвидетельствовать свою преданность государю; его хозяйство отчасти обслуживало дворец: «Хлебы пекли про обиход государской в доме архиерейском архиерейские хлебники и относили во дворец на каждый день»[1].

1 сентября архиепископ перед литургией совершал «действо Нового лета». На действе присутствовали воевода, дьяк и «иные от государевых приходные люди». Торжество сопровождалось залпами: «...стрельба была из пушек и из полков из мелкого оружья по три выстрела и с яхты государевы и с немецких кораблей». После литургии, отошедшей в начале седьмого часа дня (в двенадцатом часу дня по-нашему), архиепископ ездил к государю поздравлять его с Новым годом и застал государя за обедом у князя Б. А. Голицына в доме иноземки вдовы Володимеровой. «Великий государь преосвященного архиепископа милостивым своим словом любительне жаловал и из своих государских рук жаловал преосвященного архиепископа водкою. Сего 1 числа день был благополучный и воздух прозрачный». 2 сентября архиерей угощал у себя государева священника Петра Васильева, восемь человек царских певчих и государева карла. С воскресенья, 3 сентября, начались сборы в путь, в Москву. 3-го постельничий Г. И. Головкин, который должен был с частью свиты двинуться первым, заезжал в собор во время литургии проститься с архиепископом и заходил к нему в дом «на перепутье». 6 сентября архиепископ давал вновь обед государю. За обедом царь милостиво беседовал с архиепископом, и летопись передает предметы разговора: «Великий государь изволил у преосвященного архиепископа в доме хлеба кушать и с боляры и сержанты своими ближними. Во время кушанья великий госу-

[1] «О высочайших пришествиях...», стр. 23, 26.

дарь с преосвященным архиепископом и боляры своими изволил милостивно и благоутешительно беседовать о царственных бытностях и о болярских и великих людей, также и о мирских простых людех и в работе пребывающих, и о домовном и о всяком заводов здании многоразумно; также и о водяном путешествии морском и речном кораблями и всякими судами со многим искусством. А приезжал государь ко архиерею в немецком шпяке сам четверт, а боляра приходили пеши». В этот же день, 6 сентября, начался отъезд в Москву царской свиты: отпущены были постельничий Г. И. Головкин и думный дьяк Н. М. Зотов, государев священник Петр Васильев и певчие [1].

В сентябре в праздник «рождества богородицы» Петр был за обедней у Ильи пророка на Кегострове и за службой сам читал апостола [2]. В тот же день он отвечал матери царице Наталье Кирилловне на ее не дошедшее до нас письмо, в котором она просила писать ей почаще и, когда поедет в обратный путь, «не надседаться» (не утомляться) скорым путем. «Вседражайшей моей матушкѣ царице Наталье Кириловънѣ, — пишет Петр. — Ізволила ты, радас[ть] моя, писать, чтобъ я писалъ почаще: і я і так на въсякую почъту приписаваю самъ, толко виноватъ, что не въсе самъ. А что, радость моя, скорым путемь нѣ натселся, і ты, пожалуй, своею печалью не натсади меня. А я, слава богу, кроме сего натсажать себя інымъ не стану і поеду по мѣре не замешкафъ; а Анъдурския (т. е. гамбургские) карабли еще не бывали. По семъ, радасть моя, здравствуй, а я малитвами твоіми жифъ. Petrus. От Города, сеньте[б]ря в 8 д» [3]. 10 сентября, в воскресенье, Петр был у обедни у Ильи пророка на Кегострове и после обедни «на перепутье» заходил к священнику этой церкви.

Около 10 сентября пришли, наконец, давно ожидаемые гамбургские корабли. Петр тотчас же отправился их осматривать и щедро одарил капитанов и матросов. Лефорт дал пышный праздник в честь иностранных моряков, по обыкновению сопровождавшийся пушечными залпами [4]. В осмотре кораблей и увеселениях с моряками прошла неделя, и царь стал собираться домой. 12 сентября отпущена была еще часть свиты: боярин князь К. О. Щербатый да дьяк Михаил Воинов. На воскресенье, 17 сентября, Петр указал архиепископу Афанасию приехать к обедне в церковь Ильи пророка на Кегостров, чтобы проститься с ним. В этот день рано поутру архиепископ, отстояв литургию в соборе, отправился в церковь Ильи пророка в сопровождении архимандрита Соловецкого монастыря, своего казначея, ключаря соборного и иподиакона. Соловецкий архимандрит вез в особом карбасе «подносы» (подарки) государю. В церковь архиерей приехал после чтения апостола и вошел в северное крыльцо. «Великий государь також

---

[1] Там же, стр. 26—29; ср. Летопись Двинская, изд. Титовым, стр. 69.
[2] «О высочайших пришествиях...», стр. 30.
[3] П. и Б., т. I, № 16.
[4] *Posselt*, Lefort, II, 286—287.

в паперти у северных врат церковных изволил слушать божественную литоргию. И по чтении евангелия архиерей великому государю должное почтение отдал и сущие со архиереем. И великий государь у архиерея благословился и обычно целование сотвори. По сих великий государь пожаловал архимандрита соловецкого к руке. Архимандрит поднес великому государю икону соловецких чудотворцев на окладе, да святую просфору и святую воду, книгу жития и службы чудотворцев и лестовки — подавали казначей архирейской да ключарь. Великого государя поддерживал боярин князь Б. А. Голицын, а инии боляре в слушании литоргии в церкви стояли. Литоргию служил тоя церкви священник. По заамвонной молитве ключарь подносил по чину архиерею антидор, а иподиакон теплоту и великий государь от руку архиерееву по чину антидор принимал и теплоту кушал, такожде и боляра». По окончании обедни Петр направился к своему шняку в сопровождении архиерея и бояр и при этом соловецкий архимандрит поднес государю хлеб и рыбу — продукты, которые он вез в особом своем струге. Садясь в шняк, Петр пригласил плыть с собой преосвященного Афанасия; но во время пути, увидев в реке белугу, не мог удержаться, чтобы не поохотиться за нею, пересел в маленькую шлюпку и гонялся за рыбой. Затем, подъехав к мосту, показывал архиерею сделанные на берегу приготовления для фейерверка: «чиненные потехи»: кораблик и другие. У моста он расстался с преосвященным и отправился в свой дворец. «По отпуске литоргии, — говорит летопись, — великий государь изволил шествовать в шняк свой, с ним же и архиерей и боляра, и присутствующие с ними. При путешествии великому государю архимандрит соловецкий подносил хлеб и рыбу. Государь архиерея изволил взять в шняк свой. Идучи по реке, государь в малой шлюбке за белугою изволил тешиться и, приехав к мосту, изволил государь казать на берегу чиненные потехи: караблик и иные со всем урядом; и оттоле архиерея с присудствующими изволил отпустить в дом свой, а сам изволил шествовать на гору к себе в дом». Неоднократно проявляя чувство своего особенного расположения к архиепископу Афанасию, Петр в тот же день дал ему новое доказательство этого чувства: пожаловал ему свою карету «на рейсорах, внутри обитую трипом разноцветным», ценою во 100 рублей. Вечером этого дня был сожжен фейерверк, «Сего ж вечера. . . великий государь потешные вещи, ракитки (ракеты) и гранадки спущал на Аглинском мосту, а кораблик на реке на плоте ниже Аглинского мосту стоял» [1].

Задумывая на будущее лето опять посетить Архангельск и предпринять более далекое морское плавание, Петр решил увеличить свой флот на Белом море и к имевшейся у него яхте «Святой Петр» присоединить еще два корабля. Один из этих кораблей он поручил купить в Голландии; другой был заложен в Ар-

---

[1] «О высочайших пришествиях. . .», стр. 31—34; ср. Летопись Двинская, изд. Титовым, стр. 70.

хангельске на Соломбальской верфи, и заботиться о его постройке должен был вновь назначенный архангельский воевода, будущий русский генерал-адмирал Ф. М. Апраксин.

Наконец, 19 сентября, во вторник, Петр расстался с Архангельском. Он двинулся в путь от Английского моста в седьмом часу дня, по нашему счету в первом часу пополудни, плывя на малом дощанике, а свита «со всеми обиходы» двигалась за ним на трех вологодских карбасах. При отплытии раздалась пушечная пальба с кораблей и от города. Когда Петр поравнялся с архиерейским домом, облеченные в стихари архиерейские певчие, находившиеся на подаренном преосвященному Афанасию карбасе, пели государю многолетие. К царскому дощанику подплыл на своем шняке сам архиепископ, везя царю в подарок хлеб и рыбу. «И великий государь хлебы, и рыбу, и пироги приказал принять любезно, и архиерея изволил принять к себе в судно, а хлеб и рыбу отвести указал на кормовое судно. Архиерей с государем до Архангельского монастыря (собора) путешествовал, и оттоле изволил государь по молитве и по прощении отпустить архиерея в дом архиерейской, с ним же воеводу, дьяка и гостя: а сам великий государь, отпустя их, изволил богом сохраняем шествовать в путь свой» [1].

«Вседражайшая радость, государыня матушка царица Наталья Кириловъна, — писал Петр матери в день отъезда из Архангельска. — Ізвесно чиню, что мы сего сенътебря 19 д. поехали отъ Города к Москве въ добромъ здоровъе, малитвами твоіми. І какъ чрезъ сие писмо изволишъ увѣдомитца, не ізволь болше писать для того, что многожды станутъ почтари разъежатца в дороге ночми, і отъ тово будеть сумненья, что писмы доходи. . . А я болше писать не буду, а чаю, что і сам не замешкаю. За симъ благословения прося. Petrus» [2].

В Холмогоры Петр прибыл в четверг 21 сентября вечером. Отпустив свиту, «бояр своих со всеми приказы» в Москву с Холмогор сухим путем «на телегах, и в коретах, и в колясках», сам он с немногими приближенными в небольшом карбасе отправился по речке Вавчуге (правый приток Двины, впадающий в Двину выше Холмогор против Курострова) осмотреть находившийся на этой речке лесопильный завод и корабельную верфь братьев Бажениных. Вернувшись от Бажениных, Петр доплыл до Копытова, оттуда направился в Москву сухим путем [3]. Опередив свиту, он приехал в Преображенское 1 октября около 8 часов вечера. Вероятно, отсюда было отправлено им письмо к царице Наталье Кирилловне с просьбой извинить, что остался там ночевать, не доехав до Кремля, где, надо полагать, была тогда царица. «Паче живота моего телесного вселюбезной матушки моей.

---

[1] «О высочайших пришествиях. . .», стр. 34—35. «Гостя», — очевидно, управлявшего в этом году архангельской таможней.

[2] П. и Б., т. I, № 17.

[3] «О высочайших пришествиях. . .», стр. 35.

Да не прогневица благородие твое, еже остах зде ночевати; сие же пишу для ради безмерной милости твоея ко мне. По сем недостойный Petros»[1].

XII. ОСЕНЬ 1693 г.

Осенние месяцы 1693 г. по возвращении из Архангельска прошли особенно весело во все более тесных и дружественных отношениях с любимыми иноземцами. 2 октября, на другой день по прибытии Петра, Гордон отправился приветствовать его с приездом. После обеда царь посетил его с «компанией»; все остались ужинать и были «удовольствованы». 3-го происходила свадьба иноземца Якова Лефебра, которую царь почтил своим присутствием. 4 октября Гордон был в Преображенском, завтракал с царем и передал ему некоторые артиллерийские инструменты: квадранты, а также гранатный мешок. 5 октября дан был большой праздник генералиссимусом И. И. Бутурлиным; присутствие на нем Петра Гордон, однако, не отмечает. 6-го вернулся из архангельской поездки Лефорт, и Петр был в тот же день у него. 8-го царь обедал у генерал-майора Ригемана. 9-го Гордон из слободы отправился в Москву по делам. В его отсутствие заезжал к нему царь и оставил ему приказ на следующий день приготовляться к встрече генералиссимуса князя Ф. Ю. Ромодановского при его возвращении из архангельской поездки. Эта встреча на другой день и состоялась. «Рано утром (10 октября), — пишет Гордон, — мы поехали в Алексеевское, где генералиссимус провел ночь, и были пред его допущены». Затем состоялся парад в Семеновском. На поле были выстроены четыре полка. Генералиссимус проследовал по фронту, причем палили из пушек каждого полка, а затем последовали залпы из ружей. В заключение полки проходили церемониальным маршем мимо дворца и, выстроившись перед съезжей избой (Семеновского полка), были распущены по домам[2].

Об этой встрече генералиссимуса, между прочим, рассказывает Петр в письме к новому архангельскому воеводе Ф. М. Апраксину от 11 октября. «Федор Матвеевичь! Зеркало, которое в серебряных рамах у Фраксома, вели прислать к Москве, также и органцы маленькие, о которых ведает гость Алексей Филатьев. А мы приехали к Москве октября 1 дня, дал бог в добром здоровье; а генералиссимус изволил притти в 10 день, и встреча была всеми четырмя салдатскими полками; также и святейший патриарх (Зотов) приехал наутрие того дни в добром здоровье. По сем здравствуй. Piter. Из Преображенского октября 11 дня»[3]. В этот день, 11 октября, утром Петр заходил к Гордону, а обедать отправился к Лефорту. После обеда Гордон был у

---

[1] П. и Б., I, № 18; ср. *Погодин*, Петр Первый («Русский архив», 1879 г., кн. I, стр. 45); ср. Gordons Tagebuch, II, 418.

[2] Gordons Tagebuch, II, 418—419.

[3] П. и Б., т. I, № 19. Первый раз подпись имени по-голландски.

царя и провел с ним время до позднего вечера. Беседы с ним, видимо, не были все-таки кончены, потому что он провел с царем и следующее утро 12 октября до 10 часов, когда Петр уехал в Покровское на Фили. 13-го там, в Покровском, был обед, на который ездил Гордон. 14-го Гордон, по обыкновению — на другой день после пиров — сидел весь день дома. В третьем часу ночи, в восьмом часу вечера по нашему счету, царь прислал к нему с известием, что на следующий день приедет к нему обедать. Действительно, 15 октября около 9 часов утра Петр был уже у Гордона и завтракал у него, а затем около 12 часов дня, когда собралась остальная компания, сели обедать, причем все были «очень удовольствованы», и после этого удовольствования Гордон хворал и оставался дома долее обыкновенного — два дня. 18 октября он вновь ездил в Покровское на Фили и обедал там с царем. 22 октября, в «Казанскую», в прежние годы Петр обыкновенно принимал участие в крестном ходу из Кремля в Казанский собор; но в 1693 г. он в этому ходу не был, за иконами шел один царь Иван Алексеевич. Этот день Петр провел на пиршестве, устроенном генерал-майором Ригеманом. 23-го утром, очевидно с пира, царь заходил к Гордону, затем отправился в Преображенское и оттуда поехал на Фили. 26-го туда же был вызван Гордон, обедал там и ужинал вместе с царем. 29 октября, в воскресенье, Петр, приехав из Преображенского в Москву в десятом часу утра, был вместе с братом на освящении церкви «Сретения иконы пресвятые богородицы, именуемой Владимирской», что в Китае у Никольских ворот, и затем у литургии в той же церкви. После литургии во втором часу пополудни он отбыл в Преображенское [1].

5 и 6 ноября был двухдневный пир у Лефорта, во время которого Петр подарил Гордону еще участок земли на берегу Яузы. 8 ноября утром, придя к Лефорту, Гордон застал там Петра; затем Петр зашел к Гордону и взял у него книги по артиллерии. В связи с известием под 4 октября о представлении Гордоном царю артиллерийских инструментов можно заключить, что́ составляло, между прочим, сюжет разговоров царя с его любимым генералом и чем Петр в то время сильно интересовался. 12 ноября утром Петр был в Покровском на Филях, а затем Гордон видел его на крестинах у И. Р. Стрешнева. 19-го царь был на большом обеде у архимандрита Чудова монастыря, где был также и Гордон [2].

2 декабря Гордон виделся с царем в Преображенском, а 4-го Петр заходил к нему на короткое время. 8-го царь с компанией обедал у архимандрита Симонова монастыря. И на этом обеде в монастыре был также Гордон; отсюда видно, что наше духовенство не находило уже ничего предосудительного в трапезе с иноземцами. 10 декабря, пишет Гордон, двор переехал в Москву,

---

[1] Gordons Tagebuch, II, 419—420; Дворцовые разряды, IV, 833—834.
[2] Gordons Tagebuch, II, 421—422.

очевидно из Преображенского. 16-го был устроен князем Б. А. Голицыным праздник в одной из его подмосковных, а 21-го праздновал именины боярин П. В. Шереметев. У обоих Петр был в числе гостей. Рождественский сочельник и утро рождества проведены были царем с соблюдением обычных выходов. Однако 25 декабря он все же побывал в Немецкой слободе. 27-го он был на обеде у генералиссимуса князя Ф. Ю. Ромодановского. 28-го заезжал к Гордону, причем англичане, которых царь застал у своего друга, поднесли Петру золотые карманные часы ценою в 66 фунтов стерлингов и ящичек с инструментами ценою в 35 фунтов. Петр каждому из них поднес по бокалу вина [1]. От того же времени — декабря 1693 г. — дошел до нас документ, бросающий некоторый свет на бытовую вещественную обстановку, окружавшую Петра и его семью в те годы; это — список вещей заграничной работы, купленных у некоего иноземца Яна Балтуса. Среди них находим оружие для самого Петра: шпага, пара пистолей, две пары «штыкантов» (надо думать ружей со штыками?), далее часы «серебряные сканные (филигранные) пересыпные», столовые принадлежности: ложки, ножи и вилки: «5 нагалищ (футляров), в них по ложке, да по ножу, да по вилкам серебряным», некоторые вилки, ножи и ложки золоченые; «готоваленка обита гвоздми, в ней ножик с вилками складные, черены черепаховые, да ноженки», «3 готоваленки сканные с ножи», «пара ножей складных, черенья черепаховые», «чарка серебряная сканная»; картины в рамах и зеркала: «12 картин в рамах золоченых за стеклом», зеркало складное о двух стеклах, 5 зеркал в рамах черепаховых; различные туалетные предметы: «погребчик (ящичек) черепаховый, оправа на нем серебряная сканная, в нем 12 четвертинок маленьких», «погребчик серебряный сканный, в нем 7 склянок хрустальных, 16 ножинок, оправленных серебром», «8 араматников серебряных, в том числе 1 бочечкою, да 4 точеные, да 3 с финифтью», 8 гребней черепаховых, 19 склянок маленьких в медной вызолоченной оправе, коробочка с духами очень дорогими, заметим — цена коробочки показана 10 рублей, тогда как, например, пара пистолетов стоила 5 рублей, далее 26 коробочек маленьких, в том числе 2 серебряные сканные, 2 стальные, 3 с черепахами, 5 костяных, 4 деревянные с «личинами», т. е. с портретами, 7 деревянных расписанных с позолотою, 3 деревянные олифные, 4 щеточки черепаховые. Куплены были также птицы: «птичка попугай в клетке, цена 3 алтына 2 деньги», «3 птички, цена 6 алтын». Птицы, вероятно, предназначались для царевича Алексея Петровича. Для него же, конечно, приобретены были игрушки: «гремушечка серебряная» и 2 куклы. В описи упомянут «молоточек стальной» и какие-то инструменты, но какие именно — из описания выяснить нельзя: «Инстромент маленькой, цена 3 рубля», «Инстромент покрыт ящуром, оправлен серебром, в нем снасть серебряная, цена 16 рублев». Наконец,

[1] Gordons Tagebuch, II, 423—427.

значатся серебряные вещицы-безделушки: кораблик серебряный, меленка серебряная, цепочка серебряная. За все эти вещи уплачено было Яну Балтусу 235 рублей, взятые из Новгородского приказа [1].

XIII. СМЕРТЬ ЦАРИЦЫ НАТАЛЬИ КИРИЛЛОВНЫ

1694 год начался подобно предыдущим. 5 января, в крещенский сочельник, государи слушали обедню каждый в своей дворцовой церкви, но к освящению воды и к действу многолетия в Успенский собор выходил один только царь Иван Алексеевич. 6 января оба государя были в крестном ходу на Иордань. 9-го Гордон видел Петра у князя Ф. С. Урусова. 12 января, в день именин царевны Татьяны Михайловны, Петр был у обедни в своей дворцовой церкви, но к пожалованию поздравителей не выходил. 19-го и 20-го Гордон ездил из слободы в Москву и бывал у царя: видимо, что-то царь с ним обсуждал. Возможно, что беседа шла о новой поездке в Архангельск, мысль о которой всецело занимала Петра в зиму 1693/94 г. 21 января Петр был в числе гостей на празднике, данном окольничим А. А. Матвеевым. Вдруг беззаботное веселье было прервано разразившейся бедой. Заболела и слегла в постель царица Наталья Кирилловна, хворавшая и раньше, после переяславской поездки и весной 1693 г. 22 января о ее болезни занес отметку в свой дневник Гордон. Еще ранее, задумав какой-то поход из Москвы на 26 января, Петр обещал Гордону приехать к нему 25-го на прощальный ужин с танцами. Очевидно, по делу об устройстве этой пирушки Гордон 25 января за два часа до рассвета отправился ко двору, но царя в Кремле уже не застал. Оказалось, что болезнь царицы приняла опасный оборот. Положение ее было безнадежно, и Петр, простившись с нею, в порыве горя умчался к себе в Преображенское. Гордон поспешил туда и, как он пишет, нашел царя в высшей степени удрученным и огорченным. Во втором часу дня в первой четверти, по нашему счету в исходе девятого часа утра, царица скончалась. Когда известие об этом пришло в Преображенское, царь в присутствии Гордона предавался чрезвычайному горю. «Странным кажется, — замечает, рассказывая об этих событиях, Погодин, — как Петр, видя мать свою умирающею, оставил ее и уехал в Преображенское. И здесь обнаруживается его своеобразный характер: он не хотел или не мог дождаться двух-трех часов и удалился. Может быть, она была без памяти или страдала сильно, и Петру было слишком тяжело видеть эти страдания. Но все-таки сыну оставлять умирающую мать — противно чувству» [2].

---

[1] Арх. мин. ин. дел., Приказные дела 1691 г., № 261, л. 415—419. Уплата состоялась 20 февраля 1694 г.

[2] Дворцовые разряды, IV, 842—844, 851, 853; Gordons Tagebuch, II, 434—435; *Погодин*, Петр Первый («Русский архив», 1879 г., кн. I, стр. 48).

Погребение царицы происходило на другой день после ее смерти, 26 января. В третьем часу дня, по нашему счету в десятом часу утра, обитый черным бархатом гроб с телом царицы с обычными царскими почестями был вынесен окольничими и стольниками из ее хором мимо дворцовой царицыной церкви «великомученицы Екатерины на Сенях», сенями, что перед царицыной Золотой палатой и Постельным крыльцом, до пореградных дверей Красного крыльца. У дверей Красного крыльца под шатром стояли изготовленные, по древнему обыкновению, обитые черным сукном и покрытые черным же бархатом сани. Поставленный на эти сани гроб с телом государыни несен был стольниками и дворянами на среднюю лестницу Красного крыльца, а оттуда площадью до Вознесенского монастыря. Процессию открывали стольники, несшие крытую черным бархатом гробовую «кровлю». Затем шли дьяконы и священники; за ними несены были иконы и кресты, а за иконами шло высшее духовенство по чину: из соборов протопопы, игумены, архимандриты, епископы, архиепископы и митрополиты. Далее следовали царские и патриаршие певчие с пением надгробных песнопений. Перед гробом шел патриарх Адриан. Гроб окружали дьяконы из соборов с кадилами. За гробом «в печальном смирном платье» шел царь Иван Алексеевич в предшествии бояр и ближних людей и в сопровождении царевичей, бояр, московского дворянства, служилых людей и множества всякого чина людей в черных кафтанах со свечами в руках при звоне колоколов Ивана Великого «по древнему обыкновению тихим возгласием». После литургии и отпевания тело царицы было опущено в могилу в Вознесенском монастыре. «А великому государю царю и великому князю Петру Алексеевичу, — прибавляет разрядная записка этого дня, — выходу за телом ее, благоверные государыни царицы и к погребению не было». Вечером после похорон царицы Нарышкины, родственники царя, по свидетельству Гордона, собрались в Преображенском, чтобы выразить ему сочувствие. Это вызвало у него новый приступ сильнейшего горя [1].

Не был Петр и на третий день по кончине царицы, 27 января, в Вознесенском монастыре у заупокойной литургии, на которой присутствовал царь Иван Алексеевич. Но в тот же день после вечерни он один, без свиты, зашел в Вознесенский монастырь помолиться на могиле матери [2]. Это поведение Петра: и отсутствие на похоронах матери и одинокий приход на ее могилу, свидетельствует о глубине и искренности его горя. Он поступал, как пораженный глубокой скорбью искренний человек, которому невыносимо было являться на людях в официальной церемонии и который желал остаться со своим горем наедине, не считаясь притом ни с какими требованиями этикета. Так же одиноко по вечерам, как бы украдкой, посещал он могилу матери и впоследствии, 1 и 13 февраля, отсутствуя на официальных заупокойных бого-

[1] Дворцовые разряды, IV, 853—856.
[2] Там же, 862.

служениях по ней в девятый день — 3 февраля, в двадцатый — 13 февраля и в сороковой — 10 марта [1].

28 января мы видим Петра на собрании у Лефорта. Нельзя думать, чтобы он предавался там веселью. Такое странное на наш взгляд его появление в обществе можно объяснить желанием отвлечься, забыться в кругу сочувствующих друзей, который не отпугивал его, как публичная церемония. У Лефорта на этом собрании решались разные вопросы, касавшиеся новой поездки на север, и именно на этом собрании Гордон был назначен контр-адмиралом будущей морской экспедиции. У Лефорта был Петр и на следующий день, 29 января [2]. Что на Лефорта возложены были хлопоты по устройству второго путешествия в Архангельск, видно из несколько более позднего письма его к брату в Женеву. «Я писал, — сообщает Лефорт брату, — по приказанию его царского величества в Амстердам к бургомистру Витзену о корабле, который снабжен 40 пушками и всем к тому принадлежащим. Отдан уже приказ о переводе 40 000 талеров для уплаты за него. Я буду иметь честь командовать на нем в качестве капитана, князь Голицын будет лейтенантом, наш великий монарх — шкипером, а рулевым будет служить прежний его рулевой. Кроме того, у нас будут еще два корабля, их будут вести два генерала, из коих один — мой зять Гордон, а другой по имени Бутурлин. Все господа, которые обыкновенно следуют за двором, поедут с нами. Делаются большие приготовления, и всем распоряжаюсь я. Я надеюсь, что все, если богу будет угодно, удастся по желанию государя» [3].

Насколько заботы о морской экспедиции поглощали внимание Петра, видно из письма его к архангельскому воеводе Ф. М. Апраксину, написанного 29 января того же года. «Федор Матвеевичь, — пишет ему царь. — Беду свою и последнюю печаль глухо объявляю, о которой подробно писать рука моя не может, купно же и сердце. Обаче воспоминая апостола Павла, «яко не скорбети о таковых» и Ездры, «еже не возвратити день, иже мимо иде», сия вся, елико возможно, аще и выше ума и живота моего (о чем и сам подлинно ведал), еще поелику возможно, рассуждаю, яко всемогущему богу и вся по воле своей творящу (так угодно). Аминь. По сих, яко Ной, от беды мало отдохнув и о невозвратном оставя, о живом пишу. Понеже по обещанию моему, паче же от безмерной печали, незапно зде присетити хощу, и того для имам некие нужды, которые пишу ниже сего: 1. Посылаю Никласа да Яна для строения малого корабля, и чтоб им лес, и железо, и все к тому было вскоре готово, понеже рано приехать имеем. 2. Полтораста шапок собачьих и столько же башмаков разных мер сделать, о чем в готовности не сомневаюсь. И желаю от бога купно здравия компании вашей. Piter» [4].

---

[1] Там же, 863, 867, 874.
[2] Gordons Tagebuch, II, 435.
[3] От 9 февраля 1694 г. (*Posselt*, Lefort, II, 289).
[4] П. и Б., т. I, № 21.

В этом письме видна глубокая печаль: Петр не может даже подробно касаться постигшей его беды, говорит о ней глухо. Но чувство не мешает мысли о занимающем его деле, и всего на пятый день после смерти матери он настолько владеет собой, чтобы давать распоряжения о постройке малого корабля и помнить подробности о башмаках и собачьих шапках, необходимых для плавания в северном море. Из письма видно, что поездка в Архангельск предполагалась вскоре же. Однако ее пришлось отложить до весны.

XIV. ПЕРЕД ОТЪЕЗДОМ В АРХАНГЕЛЬСК

31 января Гордон был у государя в Преображенском. 1 февраля, как упомянуто выше, Петр после вечерни побывал в Вознесенском монастыре у гроба матери. 2 февраля он ранним утром выехал с компанией в подмосковное село Троицкое, в 15 верстах от Москвы. В поездке участвовал и Гордон. В этой загородной прогулке проведено было также и 3 февраля — девятый день по кончине матери. Гордон записал, что компанию там хорошо угостили. 6 февраля вечером царь был на свадьбе майора Беккера фон Деллена с Маргаритой Крекс, дочерью полковника Иоахима Креке. 9-го давал прощальный пир И. А. Матюшкин по случаю своего отъезда на воеводство в Вятку. Петр был в числе гостей. В воскресенье 11 февраля, «в мясное заговенье», был грандиозный банкет у Лефорта на 250 человек. Траур по царице матери не помешал этому пиршеству и сказался только в отсутствии обычных теперь уже на таких пирах пальбы и музыки. 13 февраля, в двадцатый день по смерти матери, Петр вновь посетил ее могилу, но опять без свиты, после вечерни. 14-го Гордон получил из Англии через посредство новгородского купца Якова Мейера вещи для поднесения царю от англо-московского общества. 15-го он отправился с известием об этом в Преображенское, и Петр не утерпел, в тот же день приехал сам к Гордону за вещами. Подарки заключались в следующем: 6 алебард, какие носят в Англии джентльмены-пенсионеры (gentlemen-pensioners), 12 протазанов, какие носят гвардейцы-телохранители, прекрасный стальной меч с золотой рукояткой, пара художественно сделанных пистолетов, шляпа с красивым белым пером. 16 февраля эти вещи были отправлены в Преображенское. Еще раньше от того же общества были поднесены Петру карманные часы и ящик с инструментами, а также несколько дюжин бутылок канарского секта, сидра и других напитков. 18 февраля, воскресенье на масленице, «сыропустное», было проведено Петром по-старому с выходом в восьмом часу дня, по нашему счету в третьем пополудни, для моления в Успенский, Архангельский и Благовещенский соборы, в Чудов и Вознесенский монастыри и с допущением бояр и ближних людей к руке[1].

[1] Gordons Tagebuch, II, 436—437; Дворцовые разряды, IV, 868.

В начале марта установлен был срок выезда в Архангельск, о чем Петр уведомлял архангельского воеводу Ф. М. Апраксина письмом от 5 марта в шутливой форме, как бы передавая распоряжение «адмирала» князя Ф. Ю. Ромодановского. «Федор Матвеевичь, — пишет царь, — письмо твое чрез Михайлу Куроедова мне вручено и, выразумев, доносил о всем государю своему и адмиралу, который, донос выслушав, указал мне ж отписать тебе сими словами: 1) что он, государь, человек зело смелый к войне, а паче к водяному пути, о чем и сам ведаешь; и для того здесь далее апреля последних чисел медлить отнюдь не хочет; 2) такожде и брат его, государев, любовью с ним, паче же рвением, яко афиняне, нового ищущи, обязал его в сем пути, также оставити не хочет; 3) шаутбей-нахт будет Петр Иванович Гордон; всех людей будет близко трех сот разных чинов; а кто и в каком чине и где, о том буду писать впредь. И того для во всем прилежнее поспеши, а паче в карабле. По сем аз и с товарыщи, у работы блочной будучи, много кланяемся. Здрав буди. Piter. Марта в 5 день»[1]. Итак, путешествие назначалось не позже последних чисел апреля по приказу смелого на войне, любящего водяной путь, как иронизирует Петр, Ф. Ю. Ромодановского, и благодаря рвению его жаждущего новостей, и в этом подобного древним афинянам брата, и устанавливалось число путешественников около 300 человек. В заключение письма царь торопит Апраксина приготовлением всего необходимого и главное с постройкой заложенного им в Архангельске в 1693 г. корабля, для которого царь сам точит блоки. 9 марта, в пятницу на третьей неделе поста, накануне 40-го дня по смерти царицы Натальи Кирилловны, Петр был в Вознесенском монастыре вместе с братом у вечерни, а затем государи слушали панихиду. От появления на официальной заупокойной литургии по царице 10 марта Петр опять уклонился, и на ней присутствовал один царь Иван Алексеевич. 17 марта, «в день ангела» сына, Петр был у обедни в своей дворцовой церкви; но обычного пожалования поздравителей в Передней палате не было. 22 марта царь, в виде любезности к другу, переслал Гордону два письма от его сына, находившегося в Тамбове на службе. 25 марта выхода к обедне в Благовещенский собор не было; Петр слушал литургию в своей дворцовой церкви апостолов Петра и Павла[2].

Нет в Дворцовых разрядах 1694 г. записи о праздновании вербного воскресенья, так что не знаем, участвовал ли Петр в этом году в шествии на осляти. В великую пятницу, 6 апреля, в Успенский собор прикладываться к святым мощам после совершенного патриархом действа их омовения выходил один царь Иван Алексеевич. Петр отступил в этом случае от своего обыкновения прежних лет и не был в соборе. «Светлый день», 8 апреля, был встречен по-старинному обоими государями у утрени в

---

[1] П. и Б., т. I, № 22.
[2] Дворцовые разряды, IV, 874, 879—881; Gordons Tagebuch, II, 441—442.

Успенском соборе. Из собора после заутрени государи проследовали для моления в Вознесенский монастырь, в Архангельский и Благовещенский соборы, а литургию слушали в своих дворцовых церквах, после чего во втором часу дня, в седьмом утра понашему, у государей в Передней был патриарх со всем Освященным собором и «славил Христа». Вечером этого дня Петр с компанией был на большом празднике, данном Лефортом [1].

Упоминание о торжественном выходе Петра в кремлевские соборы в пасхальную ночь 8 апреля 1694 г. — последнее упоминание об участии его в старинных кремлевских церемониях. Уже со времени все более тесного сближения с иноземцами, затем с продолжительными отлучками из Москвы, с поездками в 1692 и 1693 гг. в Переяславль и в особенности в Архангельск в 1693 и 1694 гг., он совсем перестает появляться на придворно-церковных торжествах. Со смертью матери, все же связывавшей царя до некоторой степени с благочестивыми обычаями и преданиями старины, Петр окончательно освобождается от требований придворного обихода. Центр его интересов из Кремлевского дворца переносится в Немецкую слободу, и вместе с угасавшим царем Иваном Алексеевичем, строго соблюдавшим старые обряды и обычаи, доживал свои последние годы величественный и чинный церковно-придворный кремлевский ритуал с его из года в год повторявшимся обязательным кругом церковных торжеств, с царскими выходами на богослужения в соборы и «походами» в подмосковные монастыри, с крестными ходами и церковными «действами», с молебными пениями, с многолюдными приемами патриарха и властей, с пожалованием думных и служилых людей именинными пирогами, а затем кубками вина и т. д. При дворе Петра постепенно слагается свой, новый чин с иными обрядами и действами, не связанными со стариной.

XV. ВТОРОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ В АРХАНГЕЛЬСК

В течение великого поста 1694 г. Петр и члены компании, собиравшиеся на Белое море, заняты были приготовлениями к путешествию. Гордон специально подготовлял тех солдат, которых он должен был везти с собой, заботился о платье для сопровождавших его слуг. На второй неделе поста Петр отправлял в Архангельск 2 000 пудов пороху, на четвертой — выточенные им самим блоки для корабля, а на шестой — 1 000 самопалов. «Федор Матвеевич, — писал он Апраксину в начале апреля. — По указу великого государя генералиссимуса князя Федора Юрьевича (Ромодановского) пороху 2 000 пуд, также и 1 000 самопалов посланы; а ружье взял стрелец Ивашко Адамов. Порох на второй неделе, а ружье на шестой неделе отпущены до Вологды, а с Вологды водою велено везть. А о ружье, хотя и не задолго до нас придет, не опасайся для того, что зело хорошо и цело и пере-

[1] Дворцовые разряды, IV, 882, 884—887; Gordons Tagebuch, II, 442.

правки не хощет, разве дорогою испортитца; а я имянно наказал беречь. А блоки на карабль все зделаны и отпущены на четвертой неделе на Вологду. И о том, пожалуй, скажи нашим товарыщем Никласу да Яну, и великой поклон от всех нас. Да пожалуй, о пиве не позабудь. Также и 24 пушки готовы. По сем в обоих естествах купно здравствуй. Piter»[1]. Подобные же распоряжения заключаются и в другом письме к Апраксину, посланном около того же времени. «Запасы и пиво и прочая рано изготовить вели, а мы будем зело рано по вешней воде. Да отпиши, в кое время там лед расходится. А железо с Олонца от Бутмана, и я ему о том говорил»[2]. Эти первые письма Петра к Ф. М. Апраксину с распоряжениями о всякого рода приготовлениях, касающихся приезда в Архангельск и путешествия по Белому морю, отличаются уже теми чертами, которыми будет отличаться деловая переписка его в течение всей его жизни: памятью о всевозможных бесчисленных мелочах и деталях каждого занимающего его дела, о которых он считает нужным непременно сказать сам, никому, очевидно, не поручая и не доверяя. При этом сам он отступает на второе место, скрываясь за выдвигаемой на первый план фигурой «государя-генералиссимуса» или «адмирала» князя Ф. Ю. Ромодановского, от имени которого будто бы идут приказания и над которым Петр в то же время непрочь поиронизировать, говоря, например, о его «смелости к войне и к водяному пути». Плотники-голландцы Никлас и Ян называются «нашими товарищами», поклон передается от «всех нас», от всей компании, где царь играет скромную роль сержанта, бомбардира, шкипера или протодьякона. Все это также черты, известные в Петре и впоследствии.

28 апреля Петр был у Л. К. Нарышкина на крестинах его сына Александра. В воскресенье, 29-го, Лефорт давал прощальный обед для отъезжающих в Архангельск. «Его величество, — описывает сам он этот пир в письме к брату в Женеву, — оказал мне честь, обедал и затем ужинал у меня. Приглашен был весь двор, т. е. князья и бояре. В большой зале, которую я построил благодаря щедротам его царского величества, разместились вдоль окон более двухсот человек. Солдаты, которые должны были ехать с нами, были угощены после обеда, и было выпито за счастливое путешествие его царского величества. Присутствовало также и дамское общество, иностранное или немецкое, но не танцовали вследствие траура по царице-матери. Собираясь около полуночи уехать, его царское величество приказал мне оставаться до вторника (1 мая), чтобы отправить все общество»[3]. Часть свиты двинулась в тот же день после этого обеда; другая часть, и в том числе Гордон, выехала 30 апреля. Царь отправился

---

[1] П. и Б., т. I, № 23.

[2] П. и Б., т. I, № 24. Бутман — иноземец из Гамбурга, Бутенант фон Розенбуш, которому принадлежали медный и железные заводы в Олонецком уезде. Он был также комиссаром датского короля в Москве.

[3] *Posselt*, Lefort, II, 295—296.

1 мая[1]. 4 мая уже неподалеку от Вологды, миновав деревню Обдорское (Afdorskoi), Гордон со спутниками расположились обедать, и в это время проехал, обогнав их, Петр, который в тот же день прибыл в Вологду и здесь ожидал, пока соберется вся свита, делая приготовления к путешествию. 6-го давал обед собравшимся вологодский воевода князь П. Г. Львов[2]. В Вологде было заготовлено для царского путешествия 22 карбаса. 8-го в 8 часов утра Гордон сел на контр-адмиральский карбас. В 10 часов утра суда снялись с якоря и, проплывая мимо города, салютовали из пушек, на что пушки вологодской крепости отвечали также салютом. Флотилия двигалась в следующем порядке: на первом карбасе, нагруженном военными припасами, плыл ближний стольник князь Ф. И. Троекуров; на втором — вице-адмирал И. И. Бутурлин; на третьем — боярин Л. К. Нарышкин; на четвертом — князь Б. А. Голицын; на пятом — стольник Ф. Ф. Плещеев; на шестом — бомбардир Преображенского полка Осип Зверев с солдатами; на седьмом — крестовый священник дворцовой церкви «св. Спаса на Верху» Петр Васильев с певчими; на восьмом и девятом — отряд солдат, состоявший под командой Бутурлина; на десятом — командир Преображенского и Семеновского полков А. М. Головин; на одиннадцатом — «великий Шкипер», как называет его Гордон, т. е. царь; на двенадцатом — адмирал князь Ф. Ю. Ромодановский. Далее следовало девять карбасов, именно: карбас-столовая, карбасы с кухней, с канцелярией, с аптекой, с хлебными запасами, с придворными служителями, с провизией. Шествие замыкал на своем карбасе контр-адмирал П. И. Гордон. Вечером же 8-го, когда суда, выйдя из реки Вологды и вступив в реку Сухону, бросили якори и компания собралась за ужином, был отдан приказ относительно сигналов. По одному пушечному выстрелу с адмиральского корабля все должны собираться к обеду или к ужину; если адмирал даст два выстрела — должны высшие офицеры собираться к адмиралу на совет. Три выстрела с адмиральского корабля обозначают, что адмирал бросает якорь, и все суда должны также остановиться. Пальба из всех пушек на адмиральском корабле служила сигналом сниматься с якоря; по этому сигналу должны были палить из всех пушек вице-адмирал и контр-адмирал и, наконец, открывать такую же пальбу все суда. Если бы ночью с каким-либо из судов случилось несчастье, оно должно поднять на мачте фонарь и сделать один пушечный выстрел.

9 мая флот, спускаясь по реке Сухоне, миновал небольшой Борисоглебский монастырь и городок Шуйский, принадлежавший

---

[1] Так указан день его выезда в Летописи Двинской, см. «О высочайших пришествиях...», стр. 39. Ср. *Устрялов*, История, т. II, стр. 163; *Погодин*, «Русский архив», 1879 г., кн. I, стр. 50. Издатель П. и Б. относит отъезд Петра почему-то к 29 апреля (т. I, стр. 493—494). Гордон под 4 мая рассказывает, что царь обогнал его под Вологдой. Из этого следует, что царь выехал после Гордона.

[2] А не Лыков, как у Устрялова; см. *Барсуков*, Списки воевод.

тогда ростовским митрополитам. 10 мая ночью проплыли мимо города Тотьмы; 11-го прошли мимо городка Брусинца с остатками старинных укреплений и старинной церковью. 12 мая, миновав устье реки Стрельны, правого притока Сухоны, и расположенный при этом устье погост Стрельнинский, Гордон любовался красотой высоких берегов реки с красными пластами почвы, которые виднелись между покрывавшими берега деревьями. При впадении в Сухону реки Нижней Ерги внимание Гордона обратил на себя погост с двумя красиво расположенными церквами и несколькими домиками около церквей. В 8 часов вечера того же 12 мая флот пришел в Устюг Великий и был встречен пушечными и ружейными салютами с крепостного вала. Устюжский воевода П. А. Толстой, один из виднейших будущих сподвижников Петра, предложил гостям ужин. На следующий день, 13 мая, после церковной службы, позавтракав у воеводы, Петр с компанией в 10 часов утра отплыл при громе пушек с крепостного вала и с судов. Вниз по Двине плыли так же, как и по Сухоне: брали гребцов, менявшихся каждые 15 верст, а когда был попутный ветер, подымали паруса. 14 мая в 6 часов утра флотилия прошла мимо погоста Николы Комарицкого, затем миновала Телегов монастырь, село Красный Бор и к вечеру достигла Николо-Ягрышского погоста, границы Устюжского уезда, и вступила в пределы Важского уезда. Перед взорами Петра вновь, как и в прошлом году, открывались виды наиболее населенной, оживляемой торговым движением в Архангельск местности Поморского края, берега Сухоны, а потом Северной Двины с частыми погостами, с многочисленными церквами, красотой которых залюбовался Гордон, с деревнями, в которых он же отметил прочность постройки домов, открывались, можно сказать, лучшие картины тогдашнего Московского государства. Но Петр едва ли предавался подобным созерцаниям. Его мысль была занята совершенно другим. 15 мая на пути между деревнями Кургоминской и Конецгорьем он явился на контр-адмиральский карбас к Гордону и передал ему книгу с предписаниями и сигналами, которыми суда должны были руководиться. Он пробыл у Гордона около двух часов. В ночь на 16 мая прошли мимо Усть-Ваги. Архиепископ Афанасий, ожидавший царя в Холмогорах, послал навстречу к нему архиерейского дома сына боярского Михайлу Окулова с «листом» к его царскому величеству, т. е. с отпискою, в которой архиепископ, вероятно, спрашивал о распоряжениях, касавшихся приема. Михайло Окулов встретил царский дощаник «прям Копачевской деревни и на дощаник пришел, и о посылке своей, и о листе архиерейском известно учинил. Великий государь указал лист принять и благоволил смотреть оной, и, смотрев, жаловал преосвященного архиепископа милостливым словом своим». Царь приказал сообщить архиепископу, что в Холмогорах останавливаться не будет, и указал ему итти к Архангельску[1]. 17 мая флотилия

[1] «О высочайших пришествиях...», стр. 39—40.

миновала Холмогоры, действительно, не останавливаясь в них, и 18-го в 12 часов дня достигла Архангельска, где была встречена девятью залпами из пушек и ружейной пальбой, производившейся стрельцами под командой полковника Снивина, зятя Гордона. Подойдя к Английскому мосту, карбасы бросили якори. Петр, сойдя на берег, отправился в церковь Ильи пророка на Кегострове, где отслужил благодарственный молебен [1].

О приезде своем в Архангельск он в тот же день уведомил письмами некоторых своих друзей, членов компании, оставшихся в Москве, между прочим Преображенского полка полковника Юрия фон Менгдена (Фамендина) и того же полка майора Адама Вейде. Об этих письмах государя, до нас не дошедших, свидетельствуют ответы двух упомянутых лиц, рисующие нам отношения членов компании к Петру. «Богом дарованной и православной господине Шипгер (шкипер) Петер Алексеевичь, — писал царю фон Менгден. — Богомудрова твоево источника течения от Города мая 18 зде мая ж 28 самого отпрыску причастился, которой отпрыск за помочью божию великою мою печаль и скорбь всю отнял и привел к великой радости. О, ты радость наша великая! живи во здравье многие лета и за сем во великом благодарению, падая лицом до земли, челом бью. Должной твой работник Юшка Фамендин. В Немецкой Слободе мая 28». Адрес: «Шипгеру». В том же роде и письмо от Адама Вейде [2]. Переписка эта показывает, что в окружавшей Петра компании друзей царские титулы были упразднены и Петр вращался в компании под псевдонимом шкипера. Заключительные слова письма Вейде написаны по-голландски; отсюда видно, что Петр владел уже этим языком.

Одним из первых действий Петра в Архангельске был осмотр строившегося там корабля, заложенного им в предыдущем году. Корабль был готов к спуску. 19 мая царь зашел к Гордону и, повидимому, говорил о спуске корабля. По крайней мере, Гордон рассказывает, что после царского визита он отправился на яхту и до вечера ждал царя, чтобы ехать на спуск корабля; однако Петр не прибыл, и спуск состоялся 20 мая в 12 часов дня. На спущенном корабле устроен был обед, за которым все были хорошо угощены, и вернулись по домам очень поздно. 21 мая состоялось совещание у адмирала относительно числа людей и количества провианта, которое надо было взять с собой в морское плавание. Решено было запастись провиантом на 10 недель, и отсюда видно, что путешествие предполагалось продолжительное [3].

Экспедиция должна была отправиться только после того, как прибудет из Голландии заказанный там третий корабль. Этого корабля приходилось ждать и коротать время частью, вероятно, в работе над отделкой только что спущенного корабля, частью

---

[1] Gordons Tagebuch, II, 445—457.
[2] П. и Б., т. I, стр. 494.
[3] Gordons Tagebuch, II, 457—458.

в увеселениях. 23 мая Петр со свитой обедал у архиепископа [1]. 26-го он с компанией пировал у гордонова зятя, командира архангельских стрельцов полковника Снивина. 27 мая, в троицын день, царь был у обедни в церкви Ильи пророка на Кегострове; литургию совершал там преосвященный Афанасий в сослужении духовника государева священника Петра Васильева, священника Преображенского села Алексия, священника Ильинской церкви. Пели «великий государь басом со своими государскими певчими» [2]. В тот же день давал большой обед архангельский воевода Ф. М. Апраксин. 28 мая Гордон виделся с царем на яхте «Святой Петр». 29-го обедал с ним, но у кого — неизвестно, в дневнике оставлен незаполненный пропуск. Временем до прихода корабля из Голландии Петр решил воспользоваться, чтобы исполнить свое прошлогоднее обещание посетить Соловецкий монастырь и поклониться «соловецким чудотворцам.» Путешествие решено было совершить на яхте «Святой Петр». Царя сопровождали: архиепископ Афанасий со своими ризничим и иподиаконом, духовник государев священник Петр Васильев, боярин Т. Н. Стрешнев, ближний стольник В. Ф. Нарышкин, думный дьяк Н. М. Зотов [3] и несколько солдат. 30 мая, в день рождения царя, в 3 часа пополудни яхта «Святой Петр» снялась с якоря и скрылась из вида города. Но так как ветер был слишком слаб, то вскоре пришлось остановиться и весь день 31 мая простоять на якоре в устье реки. В этот день внезапно умер сопровождавший Петра в Архангельск и очень им любимый доктор Захарий фан-дер-Гульст. Позаботиться о его похоронах царь поручил Лефорту, а сам остался на корабле [4].

Наконец, 1 июня яхта вновь пустилась в путь. Дул крепкий восточный ветер, перешедший в сильнейшую бурю после того как яхта прошла мимо Унской губы. Положение судна стало опасным. «Когда из устья Двины реки вышли, — рассказывает местная летопись, — тогда ветр к Соловецкому монастырю был благополучен; но как зашли за морскую губу, Унскими рогами называемую, тогда нечаянно востал ветр сильной и прикрутной, от которого причинилась буря великая в море, и от того суда государевы носились нужно волнами. Все тогда утверждение на судах начало сокрушаться, и едва якорями возмогли содержаться. Все тогда были в толь великой скорби и печали, что и отчаяваться начали о избавлении своем, чего ради все мольбу ко господу богу приносили и преосвященный архиепископ Афанасий молебное пение совершал, а государь, учиня христианскую исповедь, приобщился святых таин пречистого тела и крови христовой из рук преосвященного» [5]. Благодаря искусству лоцмана, крестьянина принадлежавшей Соловецкому монастырю Сумской волости

---

[1] Летопись Двинская. изд. Титовым, стр. 77.
[2] «О высочайших пришествиях. . .», стр. 41—42.
[3] Летопись Двинская, изд. Титовым, стр. 77—78.
[4] Gordons Tagebuch, II, 458.
[5] «О высочайших пришествиях. . .», стр. 42—43.

Антипа Тимофеева, яхта благополучно прошла Унские рога — два ряда далеко вдающихся в море подводных камней, введена была в Унскую губу и 2 июня, вскоре после полудня, бросила якорь у расположенного на берегу губы Пертоминского монастыря. Так как буря не прекращалась, то Петру пришлось прожить в монастыре пять дней. 5 июня в монастыре праздновали «всемилостивому спасу». «На литоргии, — гласит та же летопись, — сам царь на крылосе пел и послания апостольские читал. И по сем великий государь... в память пришествия и бытия своего в Пертоминской обители всемилостивого спаса святый крест древянный, видением четвероконечный, сам своими руками содела и нес из монастыря на раменах своих со всем синклитом до

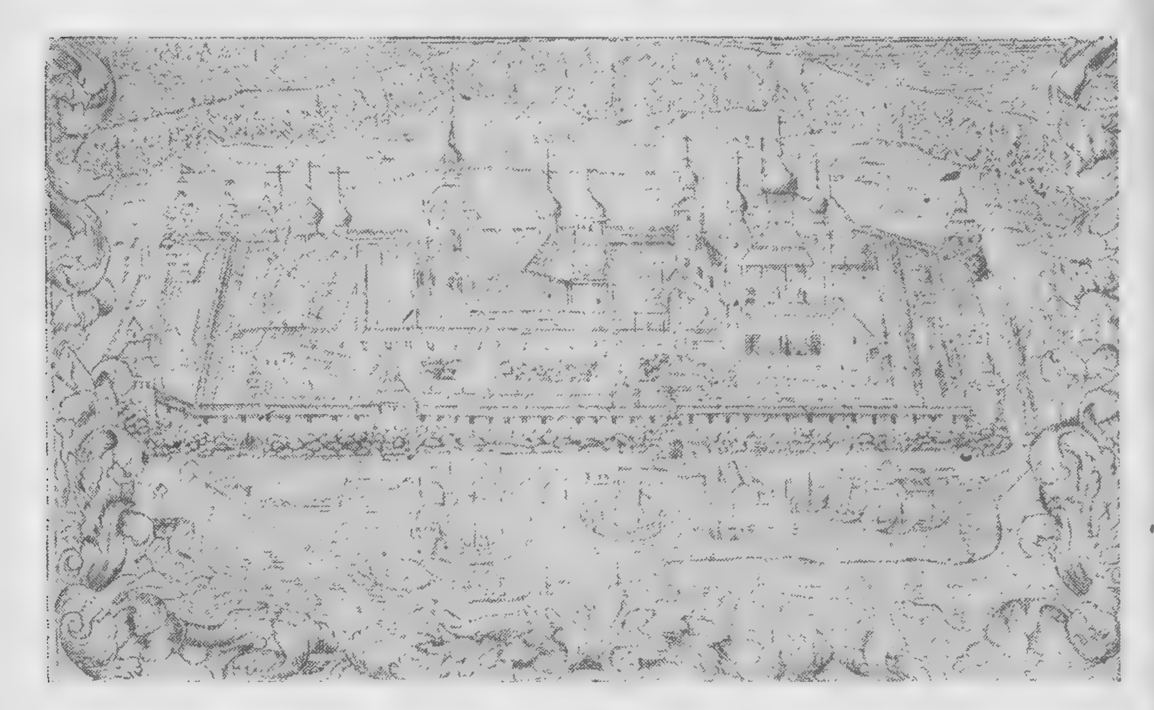

Рис. 43. Соловецкий монастырь
Гравюра С. Никифорова. 1710 г.

места, идеже присташа первее к берегу, и постави его на месте том и подписа резными писмены на голандском языке, своима жа руками». Крест деревянный в полторы сажени вышины: надпись на нем: «Dat Kruys maken kaptein Piter van a Cht. 1694», т. е.: «Этот крест сделал капитан Петр в лето Христово 1694»[1]. Приютивший царя во время бури Пертоминский монастырь получил от него щедрые пожалования.

6 июня Петр вышел в успокоившееся море и на следующий день, 7 июня, благополучно достиг Соловецкого монастыря. Там он оставался до 10 июня и так же щедро одарил братию.

10-го он пустился в обратный путь в Архангельск, куда прибыл ве-

[1] Gordons Tagebuch, II, 458—459; «О высочайших пришествиях...», 43—47. Крест в 1805 г. перенесен в Архангельский собор, где и хранился (П. и Б., т. I, стр. 495).

чером 13 июня, как замечает Гордон, «в наилучшем состоянии», и ужинал в тот вечер у Лефорта. По возвращении царь уведомил о совершенной поездке в Соловецкий монастырь брата, царя Ивана Алексеевича, письмом, составленным в древнем стиле. «Превозлюбленной мой государь батко и братец царь Иоанн Алексеевичь, — писал Петр. — Здравствуй на многие лета со сажителницею своею, а моею государынею невестушкою, и с рождением. А которая, государь братец, было завещание прошлого году о поклонении мощей чудотворцев Зосима и Савватия и некаким случаем того обещания не снес, а ныне соизволением божиим тот залог содержал и, будучи во обители, и раки их чудотворцевы видеть сподобился, и оттуды во всяком здравии, за их святыми молитвами и поспешением божиим доехал до Города июня в 13 день, слава богу, во всяком здравии со всеми будущими со мною. И для сей ведомости, яко ко отцу и брату, посылаю ведомость. Да прошу, братец, милости: пожалуй, прикажи отдать поклон тетке и матери, государыне царевне Татияне Михайловне, потому ж невеске и сестрам, что, слава богу, жив. А о корабле еще поддлинной ведомости нет и буду дожидатца у Города. За сим здравствуй, государь братец. Petrus. От Города, 14 дня, во 12 час дни месяца июния»[1]. Извещая брата о своем путешествии в монастырь, что могло интересовать благочестивого царя Ивана Алексеевича, Петр в последних словах выдает и свои помыслы: это — ожидание все не идущего корабля из Голландии. Петр известил о своем путешествии также и оставшихся в Москве членов компании: Ю. фон Менгдена, Адама Вейде и генерального писаря Преображенского полка И. Инехова, о чем узнаем опять по их ответным письмам[2]. 14 июня после обеда царь посетил два стоявших в Архангельске английских корабля. Капитаны устроили хорошее угощение, причем, как пишет Гордон, не щадили ни напитков, ни пороха. Домой с кораблей вернулись поздно. 16-го угощал компанию по случаю своих именин Т. Н. Стрешнев. После обеда царь отправился на яхту «Святой Петр» и передал ее в качестве контр-адмиральского корабля Гордону, причем было выпито по стакану вина. 17-го был дан большой и роскошный пир воеводой Ф. М. Апраксиным. 23 июня Петр, как отмечает Гордон, был на берегу. 24-го он опять сошел на сушу и вечером был у гордонова зятя. Между тем работы по отделке нового спущенного корабля шли так успешно, что 28 июня он мог быть уже выведен на рейд. У всенощной накануне «дня своего ангела» Петр был в церкви «Успения пресвятые богородицы на Бору». Служил архиепископ Афанасий. 29-го царь праздновал на вновь спущенном корабле свои именины. «29 июня, — пишет Гордон, — я отправился на борт нового корабля и ждал там, пока прибыл его величество, возвратившись из церкви (пророка Ильи на Кегострове). Мы его поздравили на борту и получили из рук генера-

---

[1] П. и Б., т. I, № 26.
[2] Там же, стр. 495.

лиссимуса — адмирала и вице-адмирала по бокалу водки, а по другому секта». Как ново было это празднование государева «ангела» на корабле и как далеко от старинного московского ритуала! Обеденный стол для архиепископа и свиты был приготовлен в царском дворце на Мосеевом острове. Затем Петр отправился к английскому капитану Джону Гриму, где вся компания была угощена с излишеством. 30-го давал обед капитан нового корабля. Гордон пригласил царя со всей компанией на следующий день обедать к себе. 1 июля царь с компанией обедал на яхте у Гордона и оставался у него до поздней ночи. 5 июля Гордон виделся с царем по делам на новом корабле. 6-го Петр, очевидно, в благодарность английским капитанам за гостеприимство, подарил им 40 пудов пороху. В этот же день веселились у Ф. М. Апраксина. 8 июля князь Б. А. Голицын давал обед для государя и бояр по случаю совершенного в этот день крещения в православную веру царского лекаря Антония, по выражению двинского летописца «иноземца лютерской ереси», у которого князь Б. А. Голицын был восприемником от купели [1]. 11 июля новый корабль, совсем отделанный, был окрещен именем «Святой Павел» и передан вице-адмиралу И. И. Бутурлину. Торжество это сопровождалось пиршеством с пушечной пальбой [2].

Чувство радости, возбужденное в Петре окончанием постройки корабля, было усилено пришедшим в то же время известием из Москвы от одного из членов «компании», А. А. Виниуса, управлявшего тогда, между прочим, рижской почтой. Виниус к своему письму приложил полученное им письмо от амстердамского бургомистра Витзена, который сообщал, что заказанный в Голландии для Петра корабль уже шесть недель назад вышел в море, направляясь в Архангельск. В ответе Петра Виниусу от 12 июля сквозит охватившее его при этом известии чувство радости. «Min Her, — пишет царь. — Писмо твое і въ немъ переводъ с писма Витценова мне врученъ, іс которого начала восприемъ радости, что 6 недѣль на море, конъца ожидаемъ, дабы, его же слышаниемъ радуемся, руками могъли осезать». Петр не может не поделиться с Виниусом сообщением о вчерашнем событии и продолжает: «А новый корабъль 11 д. июля савъсемъ отдѣланъ і окрещенъ во імя Павъла апостола і Марсовымъ ладономъ доволно куренъ; въ томъ же курениі і Бахусъ припочътенъ былъ давольно», — так обозначил царь пушечную пальбу и пиршество, которыми ознаменовано было крещение нового корабля. В своем письме Виниус извещал царя о происшедших в Москве пожарах. Петр в ответе, продолжая те же мифологические сравнения, обнаруживающие у него кое-какие сведения по античной мифологии, сообщает о пожаре, вспыхнувшем на одной из барок и угрожавшем всем судам, стоявшим в устье впадающей в Двину реки Кончугурки. «О сколь нахальчифъ вашъ Вульканусъ, — читаем

[1] Летопись Двинская, изд. Титовым, стр. 78—79.
[2] Gordons Tagebuch, II, 459—464.

далее в том же письме. — Не довольствуется вами, на суше пребывающими, но і здѣсь на Нептунусову державу дерзнулъ і едва не всѣ суды, въ Кунъчукорье лежащия, къ ярмонъкѣ, с товары въсе пожег; абаче чрезъ наши труды весма разоренъ, точию едину барки кровълю і бортъ жѣгъ с [х]лебомъ, а возле была барка съ пенькою і естлибъ та загорелось, тогда бъ отнюдь не возмозно было отнять, і чаю, чтобъ сеи пожаръ не меньши былъ всехъ московъских, і коробли старымъ бы пескомъ домой пошли. Piter. іюля въ 12 д.» [1]. 13 июля Петр со свитой обедал у преосвященного Афанасия.

XVI. ВЫХОД В ЛЕДОВИТЫЙ ОКЕАН

Обладая уже двумя кораблями на Белом море и ожидая прибытия третьего, Петр мечтает о постройке у Архангельска целого флота. Винниусу было поручено достать из Амстердама от того же Витзена чертежи и размеры голландских кораблей. Виниус, однако, не мог удовлетворить царя. «Со вчерашнею, государь, почтою, — пишет он Петру 9 июля, — из-за моря бурмистр Витцен писал ко мне, что он в книге своей не описал меру о кораблях и о яхтах меры против кила для того де, что той меры описать было невозможно, затем, что всякой корабелной мастер делает по своему рассуждению, как кому покажется, и чтоб для примеру доброго розмеривания изволил бы ваше царское величество указать розмерить тот корабль, на котором Ян Флам пошел к Городу и куплен про вашу, великих государей, потребу. А тот де корабль зело хорош и розмерен зделан, и против того карабля розмеру возможно иные суды делать» [2]. Петр не соглашается с такими доводами, возражает, указывая на разные типы судов, чем выдает свои познания в кораблестроении. Встреченное на пути препятствие не уменьшает его движения к намеченной цели, и он продолжает настаивать на своем — сыскать размеры судов разных типов. «Min Her, — отвечает он Виниусу от 19 июля. — Писмо твое, іюля въ 9 д. писанное, мнѣ вручено іюля въ 16 день, и в том письме писано, чтобы розмер взять с карабля, которой Флам приведет, и с того бы делать и иные суды. И тому невозможно статца, потому что тот карабль фрегат, а не флейт, и для того кшталтом (видом, Gestalte) зело розны суть межь себя, а голиаты и яхты и гараздо далея видом и розмером. И для того, сколко возможно, потрудись, чтобы тем розным судам всякому особь розмер сыскать. Да в том же писме и другое писмо (Виниус пересылал царю письмо от сестры Петра царевны Натальи Алексеевны) запечатано принел в целости. А Флам по се число еще не бывал. Piter. От Города июля в 19 д.» [3]. Не без горечи, вероятно, писал Петр эти заключительные слова письма: «А Флам по се число еще не бывал». Но как

---

[1] П. и Б., т. I, № 27.
[2] Там же, стр. 500—501.
[3] Там же, № 28.

раз в тот же день, когда было написано это письмо, желанный корабль вместе с двумя английскими судами показался в устье Двины. «Мы были, — пишет Гордон, — на той стороне реки на пирушке и слышали выстрелы». Это был канун Ильина дня. Петр был в церкви Ильи пророка на Кегострове. В устье Двины есть песчаные отмели, часто изменяющие свое местоположение и этим затрудняющие судоходство. Корабли должны ждать прилива, чтобы пройти их безопасно [1]. Вероятно, этим объясняется некоторое замедление в прибытии корабля в Архангельск: только 21 июля около 4 часов пополудни он подошел к острову Соломбале и бросил якорь, где обыкновенно стояли на якоре тяжело нагруженные суда. Это был 44-пушечный фрегат «Santa Proffeetie» («Святое пророчество») с экипажем из 40 матросов под командой Яна Флама. Еще задолго до прибытия «Святого пророчества» в Архангельск амстердамский бургомистр Витзен прислал Лефорту (от 24 мая) подробное его описание, которое последний приложил в письме к своему брату в Женеву от 4 июля: «На борту корабля, — пишет Витзен, — находятся 40 хороших матросов. Он снабжен 44 железными пушками, 6 из них — гаубицы, все из хорошего железа. Экипаж, снасти, якори, мачты, паруса, оружие и т. д. отборные. Уже теперь видно, как развевается флаг его царского величества перед этим городом (Амстердамом). Я велел погрузить на борт три тысячи пудов пороху, далее, несколько хороших ружей, сабли, пистолеты, ядра и цепные ядра и вообще все, что должно быть на военном корабле. Корпус судна сделан из наилучшего дерева, какое только можно было найти; это, далее, лучший ходок, чему мы сделали пробу перед этим городом. Плата матросам немного высока, частию из-за военного времени, частию вследствие недостатка в экипаже, который нелегко найти, если не заплатить дороже обыкновенного. Каюта кормовой части корабля снабжена великолепной походной кроватью, с хорошими матрацами, занавесами из красной шелковой материи и со всеми принадлежностями, а также ковром. Имеется также и ковровая скатерть для стола. Каюта, находящаяся повыше, в которую входят по потайной лестнице, разделена на два отделения, из них в заднем я велел поставить полог из шелковой материи другого цвета для постели его величества. Потолки этих обеих кают расписаны лучшими мастерами, и там изображены с натуры цветы и птицы. Точно так же украшены живописью кормовая и носовая части корабля, а стены обеих кают обиты разрисованной кожей. Я велел штурману в нижнем пространстве кормы сделать запас салфеток, скатертей, посуды и других вещей и необходимых столовых и постельных принадлежностей, а также запастись рейнскими и французскими винами и согласно вашему распоряжению захватить с собой обезьян и маленьких болонских собак» [2]. Прибытие желанного

---

[1] *Устрялов*, История, т. II, стр. 172.
[2] *Posselt*, Lefort, II, 302—303.

корабля праздновалось пиром. «Mi Her, — пишет Петр Виниусу 21 июля, повидимому, с самого пира, — ничто іное нынѣ мнѣ писать, только, что давъно желали, нынѣ в 21 д. совершилось: Янъ Фъламъ въ целости приехалъ, на катором каробле 44 пушкъи і 40 матрозофъ. Пожалуй, поклонись въсемъ нашимъ. Пространъее писать буду въ настояшей почьте; а ныне обвеселяся, неудобно простърано писать, пачеже і нельзя, понеже при таких случаехъ въсегда Бахусъ почитается, которой своіми листьеми засланяетъ очи хотящимъ пространо писати. Schiper Fon schip santus profetities. Отъ Города, іюля въ 21 д.» [1]. Подпись Петра с ошибками на голландском языке: «шкипер корабля «Святое пророчество» — показывает, что он принял на себя звание шкипера этого корабля, лейтенантом был назначен боярин князь Б. А. Голицын, а капитаном уроженец самого сухопутного государства в Европе Франц Лефорт, но фактически управлял кораблем в звании штурмана опытный моряк Ян Флам, совершивший уже 30 плаваний в Архангельск и знакомый со всеми бухтами в Белом море; он и привел корабль в Архангельск. На корабле еще в Амстердаме поднят был русский флаг — красный, синий, белый, представлявший собой вариацию голландского флага (красный, белый, синий), под которым он пришел. Своей радостью Петр не замедлил поделиться и с братом, царем Иваном Алексеевичем, и, хотя поздно вечером, но в тот же день, 21 июля, продиктовал к нему следующее письмо: «Превозлюбленной мой государь, батко и братец, царь Иоанн Алексеевичь! Здравствуй на многие лета со сажителницею своею, а моею государынею невестушкою и с рождением. По премногу возблагодарствовал твою к себе братцкую милость, что пожаловал чрез писмо мое о ведомости своего здоровья и всего нашего дому, о чем, яко о самом себе, вашего здоровья слышати желаю. Да вестно тебе чиню: сего июля 21 числа, что чрез волю мою велено кораблю быть, пришел 1, и, ежели благоволит бог, возбравши поиду и тем же богом и возвращением не умедлю. Потом же прошу милости яко у батки и брата: пожалуй, донеси тетке и матери моей, государыне царице Татияне Михайловне, и поклон отдай; такъже невеске и сестрам. Слава богу, жив. За сим, здравствуй, мой государь батко и братец. Petrus. От Города, июля 21-го дня 3-го часа ночи» (в двенадцатом часу ночи по нашему счету) [2].

Слова этого письма «возбравши поиду», вероятно, намекают на предполагаемое морское путешествие на новом корабле. Однако фрегат, пробывший в пути из Голландии до Архангельска 5 недель и 4 дня, требовал некоторой починки, которая и продолжалась около недели, конечно, не без личного участия в ней царя. 24 июля праздновал свои именины лейтенант нового корабля князь Б. А. Голицын. 27-го Гордон заносит в дневник известие о том, что началась погрузка провианта на имеющие отплыть

---

[1] П. и Б., т. I, № 29.
[2] Там же, № 30.

корабли. 28-го Петр был в компании англичан на берегу, а 29-го англичане угощали его на одном из их кораблей. 31-го вечером царь зашел к Гордону и передал ему составленные им и написанные на русском языке изъяснения к сигналам для руководства ими во время путешествия и просил перевести их на английский язык в четырех экземплярах для раздачи капитанам английских кораблей. 1 августа Петр со свитой был у обедни в Успенской церкви и слушал молебствие перед путешествием. После литургии был на обеде у преосвященного Афанасия. В тот же день, приготовляясь к экспедиции, Гордон перебрался на борт яхты «Святой Петр». 3-го, рано утром, к нему явился туда Петр и, заметив, что ветер благоприятен, приказал отбуксировать яхту к другим кораблям, что и было исполнено. Решено было выходить в море в таком порядке: впереди вице-адмирал И. И. Бутурлин на корабле «Апостол Павел», за ним четыре голландских корабля, возвращающихся домой из Архангельска; в центре — адмирал князь Ф. Ю. Ромодановский на корабле «Святое пророчество», где находился и Петр; за ним четыре возвращающихся английских корабля и, наконец, контр-адмирал Гордон на яхте «Святой Петр». На царский корабль приезжал на своем шняке архиепископ Афанасий благословить царя перед путешествием и поднес ему приношение: хлеб, рыбу и иные припасы «про государский обиход». Однако, приготовившись к отплытию 3 августа, флот этот не мог двинуться вследствие безветрия. Участники экспедиции коротали время в увеселениях. 5 августа вся компания с царем на одном из островов двинского устья забавлялась игрой в кегли. Гордон в шутку обещал капитану Блоа, командиру одного из английских кораблей, назвать остров его именем с тем, чтобы он устроил для всей компании угощение. На другой день, 6 августа, опять ездили на остров играть в кегли. Капитан Блоа дал обещанную попойку. 7-го на том же острове угощали русских отплывавшие на кораблях англичане. Гомерическое пиршество длилось беспрерывно всю ночь на 8-е, целый день 8-го и еще ночь на 9-е число. 9-го на восходе солнца поднялся было благоприятный ветер; все поспешили опять на корабли, но скоро ветер спал, и пришлось опять стоять на месте. От 9-го сохранилось письмо Петра к царю Ивану Алексеевичу, ответное на письмо последнего, с поклонами тетке царевне Татьяне Михайловне, невестке, сестрам и домашним. 10 августа поднялся вновь небольшой ветер. Подняты были якори; корабли двинулись, но, пройдя всего 3 версты, должны были вновь остановиться в одном из рукавов двинского устья — Маймеце. 11-го задул противный ветер. На адмиральском корабле состоялся совет, на котором было положено, если на следующее утро ветер не переменится, вести корабли к устью Двины буксиром, т. е. при помощи лодок с гребцами. «После обеда, — записывает Гордон, — мы отправились на берег и забавлялись в обществе генерала Лефорта и англичан игрою в кегли, причем выпито было так много ликера, что стало очень весело. Наконец, 12-го подул попутный, хотя и слабый, ветер при туманной погоде». В 4 ча-

са утра корабли снялись с якорей, около 10 часов утра прошли мимо Маркова острова, где находился стрелецкий караул для наблюдения за приходящими и отходящими судами, прошли мимо Крестовского острова, названного так по множеству крестов на устроенном там кладбище, затем в час дня миновали остров Мураву и в 2 часа дня, так как вода была мелка, бросили якори невдалеке от песчаных отмелей Мудьюгского острова, на котором высилась деревянная башня (маяк?) и где во время навигации жили лоцманы и солдаты. Петр посетил яхту Гордона и поручил ему перевести на английский язык и отослать капитанам отставших кораблей какое-то распоряжение [1].

Весь день 13 августа пришлось простоять из-за противного ветра. 14-го в 4 часа утра направление ветра изменилось, и эскадра могла продолжать путь. Около 6 часов утра она вышла из Двинского устья и лавировала, ожидая отставшие английские корабли. Лоцманы были отпущены, и в 9 часов утра с адмиральского корабля дан был сигнал каждому занять свое место, и через час все суда после установленных салютов двинулись в открытое море в том порядке, который ранее был указан, держа курс на север. «Имея в виду с правой стороны высокий берег, — говорит Гордон, подробно, почти час за часом описывавший этот путь, — эскадра подошла вечером к мысу, который называется Голубым, или Серым, углом. Как только мы его достигли, мы изменили курс и направились на северо-восток. Этот Голубой, или Серый, угол находится в 12 милях от устья Двины. Вечером от захода солнца до полуночи наступил штиль, так что корабли продвинулись только незначительно вперед; с полуночи, однако, явилась возможность продолжать путь при свежем ветре. 15 августа, часов около 9 утра, поднялся туман; стали раздаваться пушечные выстрелы, барабанный бой и звуки труб — сигналы держаться всем вместе. Из-за тумана яхта «Святой Петр» чуть было не налетела на скалу у острова Сосновца возле Терского берега. В 2 часа пополудни, думая, что мы удалены на большое расстояние от берега, мы очутились прямо перед ним. Штурман ошибся местностью и восклицал, что компасы неверны. Мы повернули на восток и едва проплыли несколько минут, как из-за густого тумана увидали берег от нас на расстоянии брошенного камня». Крест, который Гордон и его спутники в тумане приняли за корабль, оказался водруженным на берегу. Контр-адмирал пришел в ужас и совсем растерялся: яхту могло выбросить на берег и, казалось, не было возможности ее повернуть. Отрубили канат и бросили якорь, и яхту удалось остановить не далее одной сажени от скалы. Гордон решительно не знал, что делать далее. Наконец, решено было оттащить яхту от берега, буксируя ее при помощи имевшейся при ней лодки. Этот прием удался. Между тем туман стал рассеиваться, яхта благополучно была проведена между островом и берегом и в 3 часа дня была уже в открытом море вне опасности. Полчаса

[1] Gordons Tagebuch, II, 465—471; П. и Б., т. I, № 31.

спустя стали заметны некоторые из кораблей эскадры, но в значительном отдалении. Туман окончательно разошелся, дул довольно свежий ветер, Гордон приказал развернуть все паруса, чтобы догнать остальные корабли. «Так, — заключает Гордон свой рассказ об этом происшествии, — избавило нас божественное провидение от этой опасности. По милости божией нас спасло то обстоятельство, что ветер был не очень силен, и то, что мы во-время бросили якорь» [1].

Прочие суда эскадры, убавив паруса, дожидались задержавшегося контр-адмиральского корабля, затем, по его присоединении, двинулись вперед полным ходом. Вскоре после заката солнца флот прошел в виду устья реки Поноя, ночью миновал лежащие к северу от Поноя Три острова, которых Петр достигал в предыдущем году, а на рассвете 16 августа обогнул Орлов нос, направляясь к северу. Яхта «Святой Петр» шла все время отставая от других кораблей и держалась близ берега, на котором по низинам и долинам был виден снег. К полудню ветер стих. Был созван совет, на котором решено в случае противного или слишком сильного ветра повернуть обратно, предоставив купеческим кораблям продолжать путь. Сигналом к возвращению в Архангельск должны быть пять пушечных выстрелов из больших орудий с адмиральского корабля, а сверх того поднятие флага на бизань-мачте, если приказ о возвращении будет отдаваться днем. После обеда на яхту Гордона собрались капитаны английских кораблей и распрощались с ним за стаканом ликера. Вечером был ужин на адмиральском корабле. Ночью эскадра прошла при благоприятном свежем ветре мимо Лумбовской бухты и островов того же имени и на рассвете 17 августа достигла утесов мыса Святого носа. К 7 часам утра ветер окреп и начал становиться противным. Раздались условленные пять пушечных выстрелов — сигнал к возвращению, «чему мы очень обрадовались»,—искренно замечает Гордон. Начался обмен прощальными салютами с купеческими кораблями, которые отправились дальше, а затем Гордон салютовал адмиралу и вице-адмиралу, прибывшим на его корабль. Возвращались при сильном ветре. Около часу пополудни прошли мимо устья Поноя, вечером завидели остров Сосновец с водруженным крестом, где за день перед тем контр-адмиральский корабль едва не разбился. Мимо острова прошли ночью, держась на более отдаленном расстоянии от берега, чем раньше [2].

18 августа на рассвете ветер стих; Гордон потерял из виду шедшие впереди корабли. Яхту кидало из стороны в сторону, но вперед она не двигалась. 19-го около 7 часов утра поднялся свежий южный ветер; яхта стала лавировать. К полудню ветер усилился. Контр-адмирал опять совершенно растерялся. «Мы считали себя погибшими», — откровенно пишет он. Контр-адмирал не нашелся предпринять ничего иного, как подойти на расстояние

[1] Gordons Tagebuch, II, 471—473.
[2] Ibid., 473—475.

версты к берегу, бросить якорь и, пересев на шлюпку, искать спасения от той стихии, которая, казалось бы, должна была быть ему близкой по званию контр-адмирала, на берегу, где виднелись многочисленные хижины и где он со спутниками занялся собиранием оказавшихся там в большом количестве ягод земляники, малины, красной и черной смородины, брусники и костяники. Дождавшись более благоприятной погоды, храбрый моряк вернулся на корабль, распустил паруса и на рассвете 20 августа догнал другие корабли [1].

20 августа в 8 часов утра эскадра прошла мимо деревни Куя, находившейся неподалеку от двинского устья. Ветер стих, и корабли несло приливом. В час пополудни адмиральский и вице-адмиральский корабли достигли «бара», песчаной отмели в устье, и бросили там якорь из-за безветрия. 21 августа вошли в устье Двины, но сначала вице-адмиральский корабль, а затем и гордонова яхта сели на мель. Потребовалась получасовая работа, чтобы стащить яхту оттуда воротом. После этого злоключения Гордон благополучно достиг Соломбальского рейда, бросил якорь подле адмирала и отправился на адмиральский корабль, а затем «Великий Шкипер» (Петр) прибыл на его яхту и пробыл на ней с час. Вице-адмирал не так скоро справился с затруднением и пришел на рейд только 22-го [2].

Путешествие было окончено. Надо было собираться в Москву. 22 августа Гордон был занят распределением офицеров и солдат своего отряда, а также и багажа по судам, на которых предстояло плыть вверх по Двине до Пенды. 23-го он явился к Петру откланяться, причем передал ему какие-то книги и подарил два присланные из Англии «Ladstöcke» (?), что было царю очень приятно. В тот же день давал пир воевода Ф. М. Апраксин. 24-го Гордон пустился в путь. Повидимому, одновременно с ним отправились князь Ф. Ю. Ромодановский, Т. Н. Стрешнев и Н. М. Зотов. В этот день последние двое приставали в Холмогорах, где служили молебствие. 26 августа проследовал мимо Холмогор и Петр, которого сопровождал до этого города архиепископ Афанасий. Царь, как и на пути в Архангельск, не останавливался в Холмогорах [3]. 29 августа он достиг уже устья Пенды, впадающей в Двину несколько севернее Ваги, откуда писал архангельскому воеводе Ф. М. Апраксину: «Min Her, — сего августа в 29 день на Пенду приехали, слава богу, живы. Как поехал, за суетою забыл, ныне молю исправить некие нужды, а именно: естьли лимонов свежих будет много, половину осолить, а другую натер[е]ть на сахар искрошивши, всыпать в бутыли, а нутрь изрезать и пересыпать сахаром же в ставики; а каково делать, и тому послал я образец. А буде мало будет, все зделать в лимонат. О секе и ренском не запамятовать, а об ином из каравана ни о чем не прошу, разве естьли будут инструменты

[1] Ibid., 475—476.
[2] Ibid., 476—477.
[3] Летопись Двинская, стр. 80—81.

математецкие или тимерманские. Piter. При сем писавый пресовещенный Гедеон киевский и галицкий благословение посылаю. Фетка Троекуров, Фетка Плещеев, Ермошка Мешюков челом бьют. Один брат Гашка, Алексашка Меншиковы, Гуморт, Алешка Петелин, Оска Зверев, Вареной Мадамкин. С Пенды»[1]. Письмо с распоряжениями о лимонах, секе и ренском ярко рисует, между прочим, одну черту в характере Петра, которая с этих молодых лет будет отличать его всю жизнь: его способность входить до мелочей во все подробности каждого дела, в том числе и своего домашнего хозяйства. Он не только отдает самые подробные распоряжения, но и посылает образец, как надо исполнить предписанное. Письмо подписано «компанией», в сопровождении которой ехал Петр, участниками постоянной, даже и во время пути не прерывавшейся игры в церковный собор, один из членов которого и подписался первым под именем митрополита киевского и галицкого Гедеона. Кто носил это звание — неизвестно. Остальные, подписавшие письмо, участники компании были: стольник князь Ф. И. Троекуров, спальник Ф. Ф. Плещеев, Г. Д. Меншиков, А. Д. Меншиков, будущий светлейший князь, Иоганн Гумерт — родом эстляндец, выехавший на службу из Польши в 1693 г., Осип Зверев и Алексей Петелин — бомбардиры Преображенского полка, карла Ермолай Мишуков. Что за личность, подписавшаяся Вареным Мадамкиным, издателям писем Петра не удалось выяснить. С Пенды шла сухопутная дорога на Вологду вверх по реке Ваге через Важский уезд и Устьянские волости, которой, повидимому, и пользовались в осеннее время, когда навигация по верхней Двине и по Сухоне была уже затруднена. Так, по крайней мере, возвращался Гордон с некоторыми из своих спутников, пересев в Пенде с карбасов в экипажи. Можно с вероятностью предположить, что тем же путем двигался и Петр. Остановка в Пенде — пункте, где пересаживались с речных судов в экипажи, и дала ему повод написать вышеприведенное письмо к Апраксину[2].

Что же дали Петру эти две поездки на Белое море в 1693 и 1694 гг.? Какие последствия они вызвали? Прежде всего следует помнить, что поездки в Архангельск, кораблестроение там и плавание по Белому морю были не государственными делами, а исключительно «потехами» государя, потехами, служившими непосредственным продолжением переяславского кораблестроения и плавания, но предпринятыми в более широком масштабе и на настоящем море, уже не с игрушечными, а с настоящими кораблями, но все еще с игрушечными адмиралами, капитанами и лейтенантами, которые трепетали, приходили в отчаяние и терялись при сильном ветре и тумане, как Гордон, и сажали корабли на мель. Петр познакомился с морским кораблем, с его устройством, снаряжением и оснасткой, приобрел познания в корабельном

---

[1] П. и Б., т. I, № 32.
[2] Gordons Tagebuch, II, 477—479.

деле и мореплавании. Прожив несколько месяцев на море, он привык к морю и полюбил его. С той поры шум морских волн, морской воздух, морская стихия тянут его к себе и с годами сделаются для него необходимой потребностью. У него разовьется органическое стремление к морю.

Мелькнула, впрочем, во время пребывания в Архангельске и одна государственная мысль. Насмотревшись на чужестранные корабли, приходившие в Архангельск с заграничными товарами и увозившие русские товары, Петр подумал о такой же деятельности и русских кораблей и для первой пробы приказал Апраксину нагрузить два корабля, «Святой Павел» и «Святое пророчество», русскими товарами и отправить их в заграничные порты. В первую очередь был назначен к отплытию «Святой Павел»; другой «большой корабль» — «Святое пророчество» — должен был отправиться на следующий год. Дело это вследствие его новизны плохо подвигалось. Еще в конце 1694 г. Ф. М. Апраксин обращался к царю, представляя о затруднениях с матросами и не зная, какими товарами нагружать отправляемый корабль, что вызвало довольно раздраженный ответ Петра: «Min Her, — писал он Апраксину (в конце 1694 г.). — Письмо ваше выразумев, соответствую, что карабль, как при мне наряжен был к отпуску, и сары (галерные работники) хотя сперва и не хотели ехать, однакож после обещалися. А о товаре, какой в него класть, на то мне здесь, в таком будучи расстоянии, делать невозможно; да и там будучи, я говорил: с чем лучше, с тем и отпускай, потому что товар, что класть, и иноземцы, кому то купить, все там, и тебе удобнее то зделать, о чем и я пространнее говорил. А пашпорт прислан будет вскоре; а карабль болшой, в ту ж пору положено, что зимовать, а тот отпустить, и дивлюся, что затем отповеди другой требуете. Piter»[1].

XVII. КОЖУХОВСКИЙ ПОХОД

В Москву Петр вернулся 5 сентября. Игра сменялась игрой; им уже владеет новая мысль — большие сухопутные маневры, план которых и обсуждался в Архангельске с Гордоном. По этому поводу Гордон составил особую записку. Эту записку под заглавием «Распоряжения относительно того, что должно быть приготовлено и сделано для имеющих произойти близ Коломенского военных упражнений» он поместил в своем дневнике под 10 августа; вероятно, около того времени она и была представляема царю. Местом для маневров были избраны обширные равнины под Москвой по обоим берегам Москвы-реки в окрестностях деревни Кожухова (на левом берегу) и села Коломенского (на правом берегу). Здесь, на правом берегу, в излучине реки против деревни Кожухово еще в отсутствие Петра сооружен был «безымянный городок», пятиугольный ретраншемент,

[1] П. и Б., т. I, № 34.

укрепленный валом в 5 аршин высоты и рвом глубиной в 4 аршина. На углах ретраншемента сделаны были бойницы и щиты, на валу расставлены рогатки, а вокруг городка устроены были волчьи ямы[1].

Известия о кожуховском походе сохранились в трех памятниках, которые и должны служить источниками рассказа об этом деле. Из этих памятников на первое место надо поставить «Известное описание о бывшей брани и воинских подвиг между изящными господами генералиссимы князем Федором Юрьевичем и Иваном Ивановичем и коих ради причин между ими те брани произошли: а тот их поход друг на друга и война бысть сего 203 года сентября с 23 октября даже до 18 числа того же года»[2]. Это подробное описание в приподнято-шутливом тоне составлено, вероятно, по распоряжению Петра кем-то из участников похода в «сем же 203» (1694/95 г.). Менее подробные, но вполне достоверные данные о походе содержит дневник Гордона, также участника события[3]. Третье место должен занять короткий рассказ о походе в записках современника Желябужского[4].

Первые три недели сентября прошли в приготовлениях к маневрам. Разосланы были по ближайшим к Москве городам грамоты с предписанием служилым людям московских чинов, т. е. стольникам, стряпчим, дворянам московским и жильцам явиться в Москву к 18 сентября с огнестрельным оружием и на добрых лошадях для обучения ратному строю[5]. Гордон из архангельской поездки вернулся в Москву 11 сентября; 12-го его посетил Лефорт и передал ему приказание Петра набрать к предстоящим маневрам человек 200 или 300 солдат. 13-го Гордон ездил в Преображенское представляться царю; царь поздравил его с приездом и пригласил к обеду. 17 сентября в Преображенском происходило заседание совета, на котором обсуждались вопросы в связи с маневрами и, между прочим, вопрос о снабжении полков повозками. Гордон записывает в дневнике, что ему на его полк для него, для офицеров, солдат и амуниции было назначено 260 повозок. 18-го Гордон был вызван в Преображенское, где был отдан приказ в ближайшее воскресенье после обеда выходить с полками на равнину под Семеновское. Вечером того же числа Петр был у Гордона и рассматривал сооруженную им машину, которая должна была прорывать батальоны, хотя бы и за-

---

¹ Gordons Tagebuch, II, 467—469.

² Напечатано в «Военном сборнике» (1860 г., № 11). Краткое изложение «Известного описания» было сделано в 1824 г. Корниловичем в «Северном архиве» (1824 г., кн. 9). По всей вероятности, это и есть то описание, которое Петр в апреле 1695 г. послал Ф. М. Апраксину в Архангельск при письме, в котором писал: «Да посылаю я к вашей милости книгу и чертеж станов, и обозов, и боев, которые были под Кожуховым» (П. и Б., т. I, № 36).

³ Gordons Tagebuch, II, 483—490.

⁴ *Желябужский*, Записки, изд. Сахаровым.

⁵ Такие грамоты были отправлены в Тулу, Калугу, Можайск, Серпухов, Звенигород, Верею, Боровск, Клин, Каширу, Дмитров, Владимир, Переяславль Рязанский, Малоярославец, Коломну, Переяславль Залесский, Дедилов, Углич, Кашин, Юрьев Польский, Алексин, Суздаль.

щищенные испанскими рогатками. Машина очень понравилась царю, и он приказал изготовить таких три [1].

Участвовавшие в маневрах войска, как и во время предыдущих маневров, были разделены на две армии под командой прежних генералиссимусов: И. И. Бутурлина, на этот раз почему-то шутливо называвшегося «польским королем», и князя Ф. Ю. Ромодановского. Сборными пунктами армий перед выступлением на маневры были назначены: для бутурлинских войск село Воскресенское на Пресне, для войск Ромодановского — село Семеновское. Отсюда те и другие войска должны были двигаться на Кожуховские поля. 23 сентября, в воскресенье, состоялось выступление армии И. И. Бутурлина. Это было торжественное шествие, очень живописное и, вероятно, привлекшее большое количество зрителей. Войска двигались через Москву по Тверской улице, затем прошли через Кремль, вышли из Кремля Боровицкими воротами, а оттуда через Каменный мост и Серпуховские ворота к укрепленному городку. Впереди ехали повозки с запасами. За ними шли пять стрелецких полков: впереди Стремянной Сергеева, далее полки Дементьева, Жукова, Озерова и Макшеева, одетые в длинные стрелецкие кафтаны и широкие шаровары с небольшими касками на головах. Стрельцы были вооружены ружьями и тупыми копьями. Шестой стрелецкий полк Дурова отправлен был заранее вперед для караула в городке и для устройства обоза. За стрелецкими полками шел отряд пехоты, составленный из подьячих. За пехотой шла конница: одиннадцать конных рот, сформированных также из подьячих, и две роты, набранные из дьяков. За ними — рота есаулов, составленная из стольников. За стольниками ехал со знаменем воевода Ф. П. Шереметев, потом везены были булава и знак. Наконец, следовал сам генералиссимус в мундире, сделанном наподобие французского кафтана, на богато убранном коне. По обеим сторонам его шли 16 человек с алебардами. Генералиссимуса сопровождала большая свита, так называемые «завоеводчики», среди которых находились представители знатнейших московских фамилий. Прибыв на место своего назначения, генералиссимус приказал окружить ретраншемент еще новыми укреплениями [2] и назначил туда комендантом генерала Трауернихта. Всего под командой Бутурлина считалось 7 500 человек.

26 сентября выступила из Семеновского, где она сосредоточилась еще с 24-го, армия Ромодановского. И это было также шествие через Москву, не менее великолепное и также не без некоторой примеси маскарада и шутовства, какими и впоследствии будут отличаться процессии, устраиваемые Петром. Процессия прошла по Мясницкой, также через Кремль, через Боровицкие ворота и Каменный мост. Впереди шел во главе роты «гамаюнов» (?), составленной из дворовых людей, царский шут Яков

[1] Gordons Tagebuch, II, 470—475.

[2] Ср. *Ласковский*, Материалы для истории инженерного искусства в России, II, 14.

Тургенев, носивший титулы «знатного старого воина и киевского полковника»; рота его была вооружена самопалами, а на знамени был изображен его дворянский герб: коза. За отрядом Тургенева следовал сибирский царевич с двумя конными ротами. За ним двигался отряд Лефорта: 12 всадников в панцырях, 12 верховых лошадей Лефорта в богатых уборах, далее запряженная парой его карета, по сторонам которой шли 6 гайдуков в красных венгерских кафтанах, длинных шапках и с топориками в руках; рота гранатчиков с ружьями, имея с левого боку сумы с ручными гранатами, и, наконец, сам генерал Лефорт, ехавший в богатой одежде впереди восьми рот своего полка. Эти роты шли с распущенными знаменами при звуке труб, флейт и при барабанном бое; солдаты были вооружены частью ружьями, частью копьями. За отрядом Лефорта двигался отряд Гордона, вели 5 верховых лошадей его конюшни, потом следовала рота гранатчиков, за ними везли на телеге мортиру и, наконец, ехал сам генерал впереди девяти рот своего полка. У второй роты прикреплены были к ружьям деревянные штыки с тупыми концами. Бутырский гордонов полк шел также с военной музыкой. За Бутырским полком следовали Преображенский и Семеновский полки. Перед Преображенским полком шли бомбардиры *Петр Алексеев*, князь Ф. Троекуров и И. Гумерт. Вслед за Семеновским полком ехала конница: 3 роты гусар в шишаках и латах, «от головы до ног в железе», рота палашников, рота конных гранатчиков. За гранатчиками двигалась «карета великая о 6 возниках» (лошадях). За ней рота карлов, человек 25, которой командовал карла же Ермолай Мишуков в красном немецком платье и в английской шляпе с перьями, за карлами — рота есаулов. Потом — воевода у знамени — боярин А. С. Шеин и, наконец, сам генералиссимус в богатом наряде на пышно убранном коне. Его сопровождал «дворовый воевода» князь Черкасский и свита из 40 «завоеводчиков» из знатнейших дворян. За свитой двигались два рейтарских полка по 8 рот в каждом; рейтары держали карабины дулами вверх. За конницей следовала артиллерия: пушечного наряда и пороховой казны воевода С. И. Салтыков с 6 пушками и 6 мортирами. Артиллеристы были в мундирах с золочеными орлами на груди и на спине. В хвосте процессии везены были: большой набат, литавры и воинские обозы. Один из источников, откуда мы берем сведения о Кожуховском походе, Желябужский, при описании процессии, упоминает еще о государевой карете, в которой сидели боярин М. С. Пушкин и думный дьяк Н. М. Зотов. Карету сопровождали в пешем строю стремянные конюхи в нарядном платье, за ними двигалась конная рота «нахалов», набранная из боярских холопей, а за нею сформированная из таких же холопей рота «налетов». В основном источнике — «Известном описании» — этих подробностей нет. «Маршировали мы, — замечает об этом шествии в своем дневнике Гордон, — в порядке и во всем блеске». Пройдя через Серпуховские ворота, войска князя Ромодановского направились к Данилову

монастырю и, вновь переправившись по Даниловскому мосту на левый берег Москвы-реки, расположились у Симонова монастыря лицом к реке, левым флангом опираясь на Кожухово, а правым занимая урочище Тюфелево (теперь Тюфелева роща). Из приведенных выше описаний шествий той и другой армии, сохраненных нам современниками, видно, что, как и на прежних маневрах, под командой Бутурлина было сосредоточено старое московское войско, под командой Ромодановского — полки нового строя.

27 сентября высшее московское купечество — гости — угощали обедом, вероятно, не по доброй воле, а по принуждению свыше, генералиссимуса Ромодановского и его сподвижников. В тот же день, как читаем в «Известном описании»: «по назначенном ударении в литавры» выезжал генералиссимус князь Федор Юрьевич с завоеводчиками и есаулами на самый берег Москвы-реки. На противоположном берегу показался со своей свитой генералиссимус И. И. Бутурлин. Оба генералиссимуса, стоя друг против друга, перебранивались через реку: «вычитали друг другу неправды и ссоры, чего ради сия тяжелая война и от кого началась, причитая друг другу причины», а когда эти перебранки дошли «до слов яростных» — раздались выстрелы. Заречные стали стрелять по кожуховским; в ответ на это Ромодановский приказал дважды или трижды выстрелить из мортиры гранатами.

День 27 сентября ознаменовался еще поединком представителей обеих сторон. Со стороны Ромодановского выехал к лагерю Бутурлина, по словам «Известного описания», славный поединщик и храбрый муж Родион Павлов, который «вызывал, яко древний славный греческий под Троею Аякс, себе на поединок такова храброго ж мужа и в делех таковых искусного». Из бутурлинского лагеря на этот вызов выслан был Артемий Палибин, «муж в делех воинских и поединках храбрый и искусный». Родион Павлов наскочил на Артемья и выстрелил по нем из пистолета; тот, испугавшись, «понеже единым точию воззрением Родионова лица страхом сердце его исполнися, устремился, даже й не вынув пистолета, в бегство, Родион же гнался за ним и бил по нем плетью и прогнал его в обоз неприятельский». В полках Ромодановского эта победа была встречена радостно, и генералиссимус приказал своей пехоте ознаменовать ее троекратным залпом из мушкетов.

Предпринята была Ромодановским разведка по берегу реки с целью отыскать места, удобные для переправы, и сделаны приготовления к переправе; именно по нескольку лодок связывали плетнем, сверху делали помост из досок и бревен, с боков отверстия для орудий.

В ночь на 28-е эта переправа была совершена под проливным дождем. Войска Бутурлина пытались сбить переправившихся, но эти попытки были безуспешны, и армии Ромодановского удалось окопаться и укрепиться на правом берегу реки. С 29 сен-

тября по 1 октября заключено было перемирие, во время которого «друг ко другу переезжали, якобы вражды никогда отнюдь не бывало». Ромодановский расположил войска двумя линиями. В первой линии левый фланг занят был первым отделением Преображенского полка, в центре расположился лефортов полк, на правом стали полки гордонов и Семеновский. Во второй линии на левом фланге расположены были повозки, на правом фланге поместили вновь сформированную часть Преображенского полка — «8 новоприборных рот», которые иногда называются вторым Преображенским полком. В пространстве между двумя линиями, в центре, саженях в 50 позади первой линии, поставлен был шатер главнокомандующего, окруженный воеводами, завоеводчиками и есаулами. Перед шатром расположились гости, которые «готовили всему войску столовые кормы, ествы и питье». Невдалеке от шатра генералиссимуса расположены были гусары, палашники, рейтарские роты и артиллерия. Весь лагерь Ромодановского обнесен был рвом в сажень ширины и такой же глубины и валом, построенным с «изрядными выводами по инженерной науке». 29 сентября, в субботу, был в лагере Ромодановского военный совет о способах, какими можно было бы взять бутурлинский городок. 30-го, в воскресенье, утром Ромодановский ездил в село Коломенское к обедне. После обеда, когда он выехал из лагеря со своей свитой, к нему подъехал, тоже со свитой, Бутурлин, и стали разговаривать, «и дошло меж ими до слов досадительных, и, выняв Иван Иванович пистолет, не взывав обычаем кавалерским, по князе Федоре Юрьевиче стрелил, но никакого зла ему не сотворил»; «князь Федор Юрьевич против того ему никакого зла не сотворил ж, но тому его делу посмеялся и говорил: не повелось нигде между сильнейшими господами за учиненным перемирным договором так, не обвестясь и на поединок не вызвав, выстреливать» с видимым желанием покончить войну убийством одного генералиссимуса. «По сих, — продолжает «Известное описание», — обоя господа, пришед в ярость многую, повелеша пехоте друг на друга сражатись и перво. . . полковник господин славный Тургенев воскликнул: ги, ги, ги, ударился своими на неприятельскую пехоту и учинился меж ими бой великой и стрельба многая: полковнику непрестанно посреде огня и дыму кричашу. . . и их прогна. А потом пришли с неприятельской стороны чрез договоры прибавочные многие люди и наших хотели прогнать, но того учинить не могли, ибо мужественною храбростию и ручными гранаты и горшками наши их прогнали даже до обозу их». В этой стычке было 45 человек получивших раны, ожоги и телесные повреждения.

1 октября по случаю праздника покрова богородицы утром военных действий не было. Но после полудня генералиссимус Ромодановский вывел из лагеря пехотные солдатские полки: Преображенский, Семеновский, лефортов и гордонов — и, построив их на расстоянии сажен ста от бутурлинского укрепленного

городка, приказал генералам Лефорту и Гордону построить два редута, окопать их рвами, укрепить плетнем и поставить на них рогатки [1]. Опять дело не обошлось без поединка между самими главнокомандующими. Ромодановский распоряжался сооружением редутов, как вдруг «неприятель его, генералиссимус Иван Иванович, к нему приехав, нача ему досадительные слова говорить и, выняв пистолет, хотел по нем стрелити, но та осеклась, и то видя, князь Федор Юрьевич из своей пистоли по нем стрелил и Ивана Ивановича прогнал». Войска Бутурлина старались помешать возведению редутов, так что Ромодановский должен был посылать свою конницу отгонять неприятеля. «И тому бывшу, — говорит «Известное описание», — учинился свальный у конницы бой, который был ровнейшим порядком; но потом, как сей страны конница, вся собрався, лавою на неприятелей, а гусары в них с сторон ударились, не могли неприятели долго устояти, но все в бегство за свой обоз устремились». Из обоза Бутурлина стали бросать в конницу Ромодановского ручными гранатами, но не причинили ей, однако, вреда и только ранили своего же генералиссимуса. Когда редуты были окончены, Ромодановский оставил в гордоновом 200, а в лефортовом 100 человек гарнизона, велел своим полкам в знак победы выстрелить залпом и к вечеру отвел свое войско в лагерь.

2 октября осадные работы против укрепленного городка, или ретраншемента, продолжались. Ромодановский вывел в поле те же четыре солдатских полка и расположил их у самого рва ретраншемента, поставив на флангах восемь рот конницы. Под их прикрытием было приказано построить еще два редута, один в 8, другой в 10 саженях от рва. До полудня во время этих работ производилась с обеих сторон перестрелка из самопалов, и противные армии бросали друг в друга ручные гранаты. После полудня Бутурлин перешел к более решительным действиям, чтобы помешать осаждающим: сначала бросил против них отряд конницы, который, однако, был прогнан, а затем сделал сильную вылазку пехотой. «Около трех часов, — пишет Гордон, — между тем, как мой полк стоял на правом крыле, вышли стрельцы в большом числе из своего лагеря и устремились прямо на меня, чем я был побужден перестроить мой фронт направо. Мой фронт состоял из пяти рот и одной роты гренадер, две роты находились в резерве, а остальные роты были в лагере. После получасовой битвы стрельцы стали подаваться назад. Когда мы начали стрелять, они отступали, а мы наседали на них. Это продолжалось в течение часа, пока они не были отогнаны на значительное расстояние *к великому удовольствию его величества*». Петр, следовательно, не скрывал своей радости, видя поражение стрельцов. Два вновь построенных редута остались во власти осаждающих, которые связали их линиями с редутами, сделан-

---

[1] Ср. *Ласковский*, Материалы для истории инженерного искусства в России, II, 16.

ными накануне. «Известное описание» содержит еще одну подробность боя в этот день. Осажденные прибегли к хитрости: со стен стали из медных труб поливать водой пехоту Ромодановского с тем, чтобы вымочить и сделать непригодными к бою ее ружья и ручные гранаты. Заметив это, бомбардиры и сержанты Преображенского полка, взяв некую великую трубу, опустили один ее конец в Москву-реку, а другой направили на людей, стоящих со щитами на стене городка, и с «великою пряткостью на неприятеля лили, так что и со щитами не могли стоять, но овых опровергало назад, а иных так обмочило, что они со стен разбежались». И этот день не обошелся без «потерь», хотя, по свидетельству Гордона, и незначительных. 3 октября стрельцы предприняли две вылазки, одну вслед за другой, чтобы овладеть ближайшими к городку редутами; но обе вылазки были отбиты. После полудня войска Ромодановского вновь продолжали осадные работы, ведя их от редутов до самого рва городка. Осажденные, чтобы помешать этим работам, сделали новую попытку нападения. Они были встречены Преображенским полком и после сильной пальбы должны были отступить, причем бомбардир Преображенского полка *Петр Алексеев* с несколькими матросами того же полка взяли в плен стрелецкого полковника Сергеева, за что генералиссимус публично его благодарил. Утром 4 октября осажденные войска Бутурлина делали опять вылазки, чтобы завладеть редутами осаждающих, но были отбиваемы. Желая исправить этот урон, сам генералиссимус Бутурлин бросился на Ромодановского. Произошел третий по счету поединок между главнокомандующими, причем на этот раз они бились бичами «зело долго», и Иван Иванович должен был отступить. Это был день св. Франциска, именины Лефорта. Именинник давал большой обед, на котором возникло смелое решение немедленно же взять городок приступом. После обеда генералиссимус Ромодановский отдал приказ штурмовать городок. С левой стороны двинулись в атаку Преображенский полк и бомбардиры, а с правой — полки Семеновский, лефортов и гордонов. «Около 3 часов, — пишет Гордон, — мы выступили, неся с собой фашины и доски, чтобы заполнить рвы и накладывать на них мосты, а также везли на двух повозках воспламеняющиеся предметы, чтобы зажечь вал». «И в том приступе, — говорит «Описание», — первый бомбардир Преображенского полку Петр Алексеевич учинил зажигательную телегу длинную: в ней были положены некоторые огненные составы и хворост и смола, а спереди было железное копье с зазубрьем вострым; и как тое телегу роскатя (рву хворостом накиданну бывшу) в вал, то копье увязло, и ту телегу зажгли». Таким образом, подожжен был плетень, окружавший неприятельский вал, земля осыпалась и открылся доступ осаждающим. Однако, по свидетельству Гордона, огонь от зажигательных повозок причинил городку лишь незначительный вред. Осажденные защищались очень храбро: бросали в осаждающих ручные гранаты и бомбы и начиненные зажигательными веще-

ствами горшки, лили на них из пожарных труб воду, отбивались палками, длинными бичами и шестами, к концу которых привязаны были зажженные пуки пеньки, обмакнутой в смолу, серу или селитру. Был виден, говорит свидетель, «великий огнь и воскурение дыма», и слышен крик с обеих сторон. Победа склонилась на сторону осаждающих. «После двухчасового сопротивления, — продолжает свой рассказ Гордон, — мы взяли внешние верки при помощи штурмовых лестниц и преследовали осажденных так настойчиво, что вместе с ними ворвались в крепость». Стрельцы Бутурлина бежали из городка, ушли в свой обоз, расположенный вправо от городка, и там окопались. Городок достался в руки победителей. Комендант городка генерал Трауернихт и стрелецкий полковник Макшеев были взяты в плен. Приведенные связанными к генералиссимусу Ромодановскому пленники, «видя страшное его победоносное лицо, вострепетав, на колена свои пали, просяще у него милосердия и своего живота»[1]. В городке в виде гарнизона был поставлен Семеновский полк. Генералиссимус князь Ромодановский повелел сказать своим войскам милостивое слово. Это не особенно грамотно составленное слово сказывал рында князь М. Н. Львов. «Генералы, полковники, бомбардиры и прочие храбрых пехотных войск урядники! Превысокий генералиссимус наш, князь Федор Юрьевич Прешбургский и Парижский (?) и всея Яузы обдержатель, велел вам сказать, видя сего числа храбрый воинский ваш подвиг и смелость в приступе к неприятельскому городу и какими дивными, огнедышущими промыслы и стрельбою мочною, не устрашась неприятельской стороны жестокого противления и розных огненных вымышленных бомбов, гранат и горшков кидания и водного из многих труб литья и на шестах смоленым с огнем отбивания и землею метания, однакож смело лицо свое против тех всех стихий утвердясь в таком малом времени во одержание по прежнему его град[2], из рук неприятеля его взяв, паки ему возвратили и тольких вязней (пленников), яко и самого воеводу и полковника со всем его полком и [с] знамены и с ружьем взяли; а осталых храброго своего и мужественного приступа к бегству понудили, жалует за тое вашу службу». На радости генералиссимус велел «потчивать довольно» своих храбрых воинов, а пленных велел отпустить. День опять не обошелся без жертв. Несколько человек было ранено, и пострадал и сам именинник Лефорт, которому огненным горшком обожгло лицо. «В меня бросили, — писал об этом эпизоде Лефорт своему брату в Женеву, — горшок, начиненный более чем четырьмя фунтами пороху; попав мне прямо в плечо и в ухо, он причинил мне ожог, именно обожжена была кожа на шее, правое ухо и волосы, и я более шести дней ходил слепым. Однако, хотя кожа на всем лице у меня была содрана, все же я достиг того, что мое знамя

[1] «Известное описание...»

[2] Считалось, что укрепленный городок, за который шла борьба, принадлежал Ромодановскому и неправдой был отнят у него Бутурлиным.

было водружено на равелине и все равелины были взяты... Я безусловно принужден был удалиться в тыл, чтобы перевязать мои раны. В тот же вечер мне была оказана тысяча почестей. Его величество принял в моем злоключении большое участие, и ему было угодно ужинать у меня со всеми главными офицерами и князьями. Я угощал их, несмотря на то, что вся моя голова и лицо обвязаны были пластырями. Когда его величество увидал меня, он сказал: «Я очень огорчен твоим несчастием. Ты сдержал свое слово, что скорее умрешь, чем оставишь свой пост. Теперь не знаю, чем тебя наградить, но непременно награжу»[1].

5 октября пехоте Ромодановского дан был отдых, тем более что и погода не благоприятствовала военным действиям: лил сильный дождь. Конница готова была к действиям, но осажденные не выходили в поле из обоза, куда они укрылись по взятии городка. Между тем, военачальники заметили, что Петр остался недоволен слишком быстрой сдачей городка и бегством стрельцов; ему хотелось брать крепость не штурмом, а правильной осадой, устраивая редуты, апроши, подкопы и мины. Среди них заходила речь о том, чтобы вновь отдать городок стрельцам и на этот раз брать его осадными работами. За такой образ действий стоял Гордон, обедавший в этот день вместе с царем у князя Б. А. Голицына. Два следующих дня, 6 и 7 октября, был перерыв в маневрах. 6-го перед полуднем Ромодановский имел торжественный въезд во взятый городок, осматривал его и угощал своих офицеров. 7-го, в воскресенье, он ездил утром в Симонов монастырь молиться, а затем после обеда собрал у себя военный совет и объявил о своем решении отдать городок обратно Бутурлину, желая исправить свою славу, пресеченную тем, что неприятель покинул городок, не оказав всего возможного сопротивления. 8-го городок был, действительно, возвращен Бутурлину, который, хотя и исполнен был гнева на такое над собой посмеяние, приказал занять его четырем стрелецким полкам: Жукова, Озерова, Дурова и Макшеева. Осаждающие удержали за собою только внешний вал городка, который они обвели плетнем и покрыли турами и щитами для прикрытия от стрельбы и от ручных гранат противника. В тот же вечер Гордон начал делать к городку подземный ход под фас болверка. 9 октября осадные работы шли полным ходом. Апроши к городку велись с двух сторон: с левого фланга, где находился Преображенский полк, и с правого, где стоял Гордон. Петр в этих работах принимал деятельное участие: сам начал делать сапу под фас другого болверка. В тот же день он вместе с другими бомбардирами пустил из мортиры несколько бомб в городок и в стрелецкий обоз. Одна из бомб попала в шатер самого Бутурлина. В ночь на 10-е подземные галереи осаждающих доведены были до окружающего городок рва. Следующие затем дни

[1] *Posselt*, Lefort, II, 213—215.

10—13 октября, прошли в трудной работе над проведением подземных ходов под ров и вал, чтобы его взорвать. Трудность работы увеличивалась еще тем, что в почве, где пролагались эти ходы, оказались ключи, наводнявшие вырытые ходы водой, которую приходилось откачивать. С своей стороны и осажденные, догадываясь о направлении апрошей по шуму заступов и кирок, наполняли ров водой и тем содействовали наводнению подземных сооружений осаждающих. Чтобы вести подкоп в тишине, пришлось бросить заступы и кирки и пустить в ход какие-то вновь изобретенные специальные инструменты — «скобли», которыми снимали землю, собираемую потом в небольшие кули, а также в некоторых местах приходилось сверлить землю большими буравами. Во время подземных работ осаждающие не переставали также кидать в городок бомбы. 13 октября, как шутливо повествует «Описание», «никакого военного промыслу не было ж, точию искали с обеих сторон, какими б способы войну сию между обоими господами генералиссимы за наставанием студеных ветров и ненастья прекратить и свои воспаленные сердца к мирным договорам склонить». 14-го, в воскресенье, войска отдыхали. Оба генералиссимуса оказались за обедней в Симоновом монастыре «и во время пения стояли вместе и долгое имеша между себе слово о настоящей между ими войне, яже от толиких лет продолжися и причитаху един другому вины к зачатию тоя, но никоторой себя восхоте винна признати. Людие же, се видевше, зело с обеих стран обрадовались, надежду имеюще, яко тот их съезд в таком святом месте не будет бесплоден... и чаяли, яко сии господа не чрез послов, ниже съезды, но сами, особами своими, жалея с обеих стран людей своих, миром ссоры свои успокоят; но тот их разговор совершился малоплоден... о новопостроенном граде, о котором вся их вражда и ссора ныне возрасла, отложили до завтрашнего октября до 15 дня, в нем же договор или война паки начнется». Наступило 15 октября, но враждующие, по словам «Описания», к согласию притти не могли, «но якоже яростный лев, егда на ся видит, аще бы и вяще себе силою наскачущего прелютого зверя, тогда собрав в сердце своем яростное отмщение, не может быти успокоен, дондеже супостата своего, неправо нань нападшего, прогонит или совершенно истребит, сице генералиссимус наш князь Федор Юрьевич, видя с своей стороны правость... возвысил свое сердце, отринув противника своего, генералиссимуса Ивана Ивановича, к миру снисходительные статьи, изобрал паки быти брани». Решено было штурмовать городок. Перед городком выстроены были полки Преображенский, лефортов, Семеновский и гордонов. Бомбардир *Петр Алексеев* ввел в подкоп со стороны Преображенского полка мину — четыре пороховых ящика и зажигательную тележку, наполненную горючими веществами, и зажег их. Между тем с противоположной стороны Гордон повел со своим полком наступление и приказал заполнить ров, перекинуть мост через ту его часть, которая вела к воротам, и при-

готовить штурмовые лестницы. Но так как зажженная Петром мина долго не взрывалась и задержала наступление преображенцев, то и Гордон принужден был приостановиться и отступить, благодаря чему осажденные на той стороне, откуда он нападал, получили возможность пополнить израсходованные боевые припасы. Наконец мина взорвалась, обрушила вал, как бы «преклонивший свою выю», по выражению «Описания», в нем образовался пролом, и штурм возобновился. Преображенцы ворвались в крепость по обвалившемуся валу, а Семеновский и гордонов полки взобрались на вал по штурмовым лестницам. Гарнизон мужественно оборонялся, но, в конце концов, был выбит из городка и укрылся в своем обозе. Победителям досталось много пленных, 14 знамен и 30 барабанов. Городок был занят Преображенским полком. Князь Ромодановский угощал свои победоносные войска, а также и пленных «питием, кто что востребовал».

Взятием городка маневр еще не окончился. Надо было овладеть еще обозом, куда укрылись остатки бутурлинской армии. 16 октября после вчерашнего штурма и пира была передышка, тем более, что дождливая погода мешала военным действиям, которые и ограничились только метанием в обоз противника бомб, поваливших там многие шатры, в том числе и шатер генералиссимуса Бутурлина. 17 утром Ромодановский созвал военный совет, на котором было решено после завтрака штурмовать обоз. Полки Преображенский, Семеновский и лефортов, а также кавалерия Ромодановского были выведены в поле. Сражение началось небольшими кавалерийскими стычками и кончилось тем, что кавалерия Бутурлина, будучи несколько раз отбита, была обращена в бегство и рассеялась частью в Коломенское, частью в деревню Новинки и за Москву-реку к Вишняковским и Петровским рощам. Затем ударила на обоз пехота. Неприятель оказывал отчаянное сопротивление. Но метание бомб преображенскими бомбардирами и храброе наступление Преображенского полка заставили неприятеля податься назад: преображенцы взошли на вал. Заметив развевающееся на валу черное преображенское знамя, стали врываться в обоз и другие полки. Все стихии, говорит «Описание», были употреблены в этом бое. При стрельбе из мушкетов и метании бомб, горшков и ракет было беспрестанное *огненное* блистание, *воздух* дышал на неприятеля сильным ветром, враги поливали друг друга *водою* из труб и кидались *землею*. Наконец, обоз был взят. Князь Ф. Ю. Ромодановский со своею свитой, как орел, наскочил на неприятельского главнокомандующего, взял его в плен и, приказав привести его в свой шатер, говорил ему шутливо укоризненную речь: как он при своих несовершенствах и при скудости воинских промыслов осмелился все-таки начать такую брань? Прежде начатия войны надо было ему исчислить свою силу, испытать разум начальствующих, сделать смету воинским и хлебным запасам, особенно же денежной казне — и в шутливой форме здесь высказывается серьезная мысль, которая и впоследствии будет повторяться

Петром, когда он познакомится с настоящей войной: «ибо не просто деньги в войне имут силу великую, при казне бо оскудевшей и недостатку являющу, тогда у воина сердце и храбрость упадает и бьются неохотою, и принуждают своего генералиссима уступати или во вредительные входить договоры». И. И. Бутурлин приносил свое оправдание «с поникдым лицом». Побежденные воеводы и прочие начальствующие просили прощения на коленях. Сцена кончилась угощением неприятелей.

18 октября произошло торжественное примирение генералиссимусов, закончившиеся пиром, данным князем Ф. Ю. Ромодановским. «Было празднество у генералиссимуса, — записывает Гордон, — причем мы угощались на счет гостей (т. е. московских коммерсантов) и были отпущены около 11 часов. После переправы через реку были с обеих сторон пути выстроены пешие и конные полки. Когда перед ними проезжал генералиссимус, он был приветствован обычным образом и залпами из ружей. После этого полки были распущены по квартирам».

Кожуховский поход был чем-то средним между потехой и настоящими маневрами. В нем было много маскарадного и шутовского, и такой характер похода отразился и на тоне его «Описания». «Описание» — подробный и точный журнал маневров — составлено в стиле какой-то героической поэмы, в которой кожуховские бои сравниваются с Троянской войной, герой войны князь Ф. Ю. Ромодановский носит шутовский титул «Пресбургского, Парижского и всея Яузы одержателя», а причинами войны выставляются пограничные столкновения между двумя генералиссимусами — государями, соседние «державства» которых разделялись только речкой Хопиловкой (небольшой приток Яузы, теперь в черте города Москвы), зависть, которой был уязвляем Иван Иванович к князю Федору Юрьевичу во время беломорского плавания, потому что Федор Юрьевич плыл на лучшем корабле, и, наконец, захват Бутурлиным кожуховского городка. Немало маскарадного было в торжественных процессиях, которыми обе армии выступили на поля битв; одну из них и открывал даже царский шут; в ней участвовала рота карликов в пестрых костюмах. Смехотворное зрелище должны были представлять неоднократные, сопровождавшиеся словесными перебранками поединки между главнокомандующими, в особенности, например, когда они хлестали друг друга бичами. Комический характер носили и церемонии празднования побед в лагере Ромодановского.

Но в то же время кожуховские бои были до некоторой степени и настоящими маневрами. Войска вели наступление и оборонялись, брали крепость приступом, засыпая рвы, взбираясь на валы по штурмовым лестницам, затем упражнялись в правильных осадных работах, строя редуты, делая апроши, закладывая мины под неприятельские укрепления и взрывая их. Маневры были даже более близки к настоящим битвам, чем следовало бы. Стреляли, конечно, холостыми зарядами, метали не настоящие бомбы и гранаты, бросались друг на друга с деревянными штыками и ту-

пыми копьями. Но каждая стычка оканчивалась «потерями», значительным количеством ушибленных, раненых и особенно обожженных. Были даже убитые. «Утром 20 октября, — пишет Гордон в дневнике, — умер солдат Анисим, который был ранен ядром в ногу и получил воспаление раны». Войска приобретали опыт в настоящих боях; но этот опыть распределялся неравномерно. Действуют две армии, но разного состава: в одну входят новые солдатские полки, другая сформирована исключительно из стрельцов. Первой дана активная роль, она — нападающая; стрельцам отведена пассивная оборона. Солдатским полкам Петр оказывает явное пристрастие, не сдержанное хотя бы малой долей такта. Он сам в качестве «бомбардира» стреляет бомбами из мортир в стан стрельцов, сам подводит мину под их укрепления. Заранее осужденные на поражение, они в заключение маневра подвергаются позору: отнятые у них знамена волочат по земле. Понятно, какие чувства к Петру унес стрелец из кожуховского похода.

АЗОВСКИЕ ПОХОДЫ

XVIII. МЕЖДУНАРОДНОЕ ПОЛОЖЕНИЕ РОССИИ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ 1690-х ГОДОВ

Кожуховская игра, последняя потеха Петра, была только игрой. Ни о чем серьезном он, предпринимая ее, не думал. Об отсутствии у него каких-либо широких планов, кроме самой игры, свидетельствует нам сам Петр, вспоминая впоследствии о кожуховских маневрах. «Хотя в ту пору, — писал он, — как трудились мы под Кожуховом в Марсовой потехе, ничего, более, кроме игры, на уме не было; однако эта игра стала предвестницею настоящего дела». Но кожуховские маневры внушили царю такую уверенность в силах и искусстве его полков, в способности его войска вести военные действия, осаждать крепости и брать их штурмом, что тотчас же после маневров он мог искать случая применить только что испытанную силу к серьезному делу. Повод к такому применению давали внешние отношения, в которых тогда находилось Московское государство. Вступив в союз с Польшей и Австрией и предприняв в этом союзе Крымские походы, Софья нарушила Бахчисарайское перемирие 1681 г., и с тех пор Московское государство находилось с Крымом и с сюзереном крымского хана, турецким султаном, в состоянии войны, которой конца не предвиделось. В эпоху Крымских походов московское правительство предъявляло к Турции требования, совершенно неприемлемые для последней. Оно выступило с программой, осуществить которую удалось ровно сто лет позже императрице Екатерине II. Оно требовало ни много, ни мало, как уступить России Крым и обе крепости, запиравшие выходы в Азовское и Черное моря: Азов в устьях Дона и Очаков в устье Днепра; далее — всех татар из Крыма выселить в Анатолию, всех находящихся в Турции и в Крыму русских пленных освободить без выкупа и, наконец, уплатить контрибуцию в 2 миллиона червонных. Такие притязания рассчитаны были на победу; но так

как Крымские походы кончились неудачей, то о них не могло быть и речи. Московское правительство понизило тон. В 1690-х годах оно уже не говорило об уступке Крыма, крепостей, о выселении турок в Анатолию и уплате военного вознаграждения, оно ограничивалось требованиями: освободить без выкупа пленных, взамен чего обещало освобождение турецких и татарских пленных, находящихся в России, крымскому хану отказаться от получения ежегодной казны из Москвы — этой унизительной для Московского государства, хотя и замаскированной дани, далее — татарам прекратить набеги на русские владения, не препятствовать запорожским казакам заниматься рыбными и звериными промыслами на их территориях по Днепру и обеспечить безопасность торговых сношений с Крымом и Турцией. Но и эти условия Турция и Крым находили невозможными. Крым ни за что не соглашался ни на безвозмездное возвращение пленных, этой главной своей добычи, ни на отказ от ежегодной дани. Таким образом, состояние войны, хотя и без активных военных действий, продолжалось.

Между тем и отношения у союзников, воевавших с Турцией, не были гладки. Союзники подозревали друг друга в намерении заключить сепаратный мир с общим врагом. Русские дипломатические агенты при цесарском и польском дворах сообщали в Москву о переговорах этих дворов с Турцией (причем на интересы России совершенно не обращалось внимания), о том, что австрийцы и поляки помирятся с Турцией при первом удобном случае и выдадут Россию. С своей стороны цесарское и польское правительства упрекали Москву в полной бездеятельности по отношению к общему врагу, в прекращении всякой помощи союзникам. В марте 1691 г. явился в Москву цесарский посланник Иоганн Курц с упреками за бездействие, с требованием двинуть русские войска на Крым и с угрозой, что если деятельной помощи с русской стороны оказано не будет, то цесарь помирится с турками. В августе того же года приехал в Москву польский посланник Ян Окраса, убеждавший московское правительство предпринять поход на Крым; если это сочтено будет невозможным, то послать войска на низовья Днепра или, в случае трудности такой экспедиции, по крайней мере, отрядить часть русских войск на помощь Польше. Однако миссия и того и другого посланников не имела успеха. От Крыма это охлаждение между союзниками, это взаимное недоверие и подозрение не укрылось. Там стали говорить с посылавшимися туда время от времени московскими гонцами высокомерно. В декабре 1693 г. одному из таких гонцов ответили грубо и предложили условия Бахчисарайского перемирия; ни о каких других условиях не хотели и слушать.

Отсутствие мира с турками и Крымом, постоянные угрозы крымских нападений на окраины, расстройство отношений с союзниками, опасение, что союзники заключат отдельный мир без участия России, побуждения со стороны союзников высту-

пить с военными действиями против общего врага, отказ Турции и Крыма принять предлагаемые Москвой условия — вот вопросы, занимавшие в первой половине 1690-х годов московские правительственные сферы, вот предметы, которых постоянно приходилось касаться в разговорах окружавшим Петра лицам, членам тогдашнего правительства. Как ни далеко держался в эти годы Петр, всецело поглощенный марсовыми и нептуновыми потехами, от правления, все же он не мог остаться к этим предметам равнодушен и к этим разговорам глух. Не раз мелькала, быть может, у него мысль о невозможности добиться мира с мусульманами дипломатическим путем и о необходимости действовать силой оружия. Когда кожуховские маневры внушили ему уверенность в этой силе, эта туманно и расплывчато мелькавшая мысль сразу получила определенное и яркое очертание: турок и татар надо бить оружием. Как с ним обыкновенно бывало, мысль эта всецело его захватила. Несомненно, что способы осуществления этой мысли обсуждались уже в конце 1694 г., а с января следующего (1695) года начались и практические приготовления к задуманному делу: походу на Азов.

XIX. ОСЕНЬ 1694 г.

О Петре за последние месяцы 1694 г. мы имеем мало известий, почерпаем их исключительно из дневника Гордона. Та же компания и тот же образ жизни. Вскоре же после окончания кожуховских маневров, 23 октября вечером, Петр пришел запросто к Гордону и пригласил его на четверг 25 октября в Преображенское на новоселье к генералу А. М. Головину. Это празднование в назначенный день и состоялось. «Все напились», — замечает о нем Гордон в дневнике и по обыкновению под следующим числом стоит неизбежная в таких случаях отметка: «Я был нездоров и оставался дома». 31 октября в Преображенском Петр присутствовал на одной (чьей — не упомянуто) свадьбе, где его видел Гордон. 6 ноября Гордон ездил на Фили к Л. К. Нарышкину, где за обедом был и Петр.

19 ноября Гордон был в Преображенском. Царь дал ему две выписанные для него Гордоном прошлой зимой книги. «21 ноября, — пишет Гордон, — его величество зашел ко мне в 11 часов (утра) и просидел около часу. Потом мы поехали на свадьбу Юрия Рица, который женился на вдове Франка. Когда мы проезжали по улице нашей церкви, я говорил его величеству о том, чтобы он позволил нам построить каменную церковь, на что он милостиво изъявил согласие. Мы были затем на упомянутой свадьбе. Его величество уехал в 6 часов, а я в 8 часов». Гордон был ревностный католик, принимал близко к сердцу церковные дела и был как бы главой католической приходской общины в Немецкой слободе. При патриархе Иоакиме самому существованию католической церкви в Москве грозила опасность. Теперь, при Адриане, времена были иные, и вот, воспользовавшись

удобным случаем, Гордон получил разрешение царя на постройку особого каменного здания для церкви, помещавшейся до тех пор в деревянном доме. 26 ноября вечером Петр опять заходил к Гордону объявить, что на следующий день будет у него обедать со всей компанией. Этот обед 27 ноября состоялся. Царь с компанией прибыл в первом часу. «По истечении часа, — пишет Гордон, — мы сели за обед и угощались до 7 часов вечера». 29 ноября был большой праздник у Лефорта. 2 декабря вечером Петр посетил полковника фон Менгдена, у которого в ночь на это число умерла жена. От Менгдена вместе с Гордоном царь поехал к опасно больному генералу Менезию, на выздоровление которого, замечает Гордон, было мало надежды. 12 декабря Гордон записал в дневник факт большой важности для него, для католической общины да и для всех иноземцев Немецкой слободы: царь прибыл в католическую церковь и присутствовал на богослужении. Петра привлекала в католическую церковь, разумеется, любознательность, желание посмотреть чужое богослужение. Все же это был поступок, свидетельствовавший о его веротерпимости, которая, конечно, могла только радовать московских иноземцев, но, конечно, это был поступок, ужаснувший, вероятно, немалое число православных людей, и такой, на который не решился бы никто из прежних царей. 13 декабря Гордон видел Петра в Кремле. 15-го царь явился на похороны генерала Менезия, умершего 9 декабря. К 10 часам утра, рассказывает Гордон, у дома умершего выстроились войска, назначенные для отдания почести, по три роты от каждого солдатского полка. Тотчас же вслед затем прибыл священник, совершивший при гробе заупокойную службу. Но вдруг вспыхнул пожар на Покровке. Царь с несколькими офицерами и солдатами поспешил туда. Пришлось ждать его возвращения, так что погребальная процессия могла притти в церковь только к 12 часам. 18 декабря Гордон виделся с Петром в Кремле, а 19-го застал его вечером у Лефорта. Возможно, что главной темой бесед во время этих частых свиданий Петра с обоими генералами и была предполагаемая война против турок. Перед самым рождеством, 23 декабря в 2 часа ночи, вновь случился пожар на Покровке. Гордон отправился туда и уже нашел царя на пожаре [1]. В стихии огня в виде ли пушечной пальбы, фейерверка или пожара одинаково было для Петра что-то притягательное; и он, как видно, не упускал случая побывать на пожаре.

XX. ПЕРВЫЙ АЗОВСКИЙ ПОХОД 1695 г. ДВИЖЕНИЕ ВОЙСК ГОРДОНА К АЗОВУ

Святки и январь 1695 г. проходили в обычных увеселениях. Сыграно было в присутствии Петра несколько свадеб. 2 января Гордон ездил к царю с своим племянником Гарри пригласить

---

[1] Gordons Tagebuch, II, 491—492, 494—499

царя на свадьбу Гарри. 13—15 января, в течение трех дней, справлялась по-шутовски с маскарадными процессиями свадьба царского шута Якова Тургенева. В экипажи свадебного поезда были запряжены быки, козлы, свиньи и собаки. Сами участники поезда были в странных костюмах: в мочальных кулях, в лычных шляпах, в крашенинных кафтанах, опушенных кошачьими лапами, в разноцветных кафтанах с беличьими хвостами, в соломенных сапогах, в мышьих рукавицах, в лубочных шапках и т. п. Молодые ехали в царской карете, а за ними шли видные представители боярства в бархатных кафтанах. Свадебное пиршество происходило на поле между Преображенским и Семеновским за городом в нарочно приготовленных шатрах. 15 января новобрачные возвращались в город на верблюде[1]. Гордон находил эту процессию ряженых очень красивой. В этот день, как замечает Гордон в дневнике, царь чувствовал себя нездоровым и, можно поэтому думать, не принимал участия в процессии. Во второй половине января Петр был на трех свадьбах у иноземцев, где его встречал Гордон: 18-го — на свадьбе майора Цеге фон Мантейфеля с дочерью проповедника Александра Юнге, 23-го вечером — на свадьбе полковника Джемса Бане с дочерью полковника Георга Скотта, 24-го — на свадьбе майора Джемса Брюта с дочерью генерал-лейтенанта Цейге. Надо полагать, что план похода против турок среди этих увеселений продолжал обсуждаться, и 20 января на Постельном крыльце был сказан указ служилым людям собираться в поход в Белгород и Севск к боярину Б. П. Шереметеву для промысла над Крымом. Этот объявленный поход на Крым должен был служить лишь прикрытием настоящего удара на Азов, демонстрацией, предпринимавшейся с целью отвлечь от Азова крымцев. Азовский поход подготовлялся в строгом секрете. Под 27 января Гордон сообщает, что все войска получили приказ быть готовыми к походу. Эти подготовительные действия получили особенно энергичный характер в феврале. Об усиленной организации похода свидетельствуют записи Гордона за февраль. 6 февраля происходил военный совет на Пушечном дворе, где, как записывает Гордон, «приняты были различные решения относительно нашего похода в Азов». 7 февраля Гордон производил на Бутырках смотр и разбор своему полку, из состава которого отобрал 104 человека, не пригодных для службы. В этот же день он призван был к царю и вместе с ним составлял список амуниции и других необходимых вещей, которые надлежало взять с собой в поход. Было решено построить в Воронеже для перевозки припасов водою 1 000 стругов. Намечен был и план передвижения. Московские полки с артиллерией и амуницией должны были итти водой, по рекам Москве, Оке и Волге спуститься до Царицына, а оттуда пройти к городку Паншину на Дону в том месте, где Дон и Волга наиболее близко подходят друг к другу. Городовые полки предпола-

[1] *Желябужский*, Записки, изд. Сахаровым, стр. 18; Gordons Tagebuch, II, 502—503.

галось доставить к Азову по Дону в стругах, которые будут построены в Воронеже. 11 февраля Гордон ездил в Преображенское и отмечает в записи этого дня, что сделаны были служебные назначения на время похода. 12-го он опять был в Преображенском, где производил смотр офицерам. Царь около этого времени, но в какой именно день точно неизвестно, выехал в Переяславль Залесский для осмотра находившихся там пушек и артиллерийских запасов. 16 февраля из Переяславля от него было получено в Москве письмо с уведомлением о числе пушек и о весе ядер [1]. Петр вернулся из Переяславля 19 февраля около полуночи. Под 20 февраля Гордон записывает: «После обеда поехал я в арсенал (мастерские Пушечного двора), где рассчитывал встретить его величество, но там его не нашел». Очевидно, что Петр немало времени проводил в этих мастерских, если Гордон, желая повидаться с ним, направился прежде всего именно туда. «Оттуда, — продолжает Гордон, — я поехал к князю Борису Алексеевичу (Голицыну) и имел с ним долгий разговор относительно нашего похода. Затем я отправился к боярину Льву Кирилловичу (Нарышкину) по случаю его именин и пожелал ему всего лучшего. У него с другими гостями я обедал, повидался затем с его матерью и женой и вернулся домой. Между тем его величество рассылал за мной повсюду, чтобы меня отыскать. Я отправился к нему, и мы совещались относительно нашего похода. По моему совету было решено блокировать Азов, но окончательное решение было отложено до военного совета, который должен был происходить на следующий день». Военный совет 21 февраля действительно состоялся. На нем было решено послать под Азов 10-тысячный отряд со всевозможной поспешностью сухим путем. Этот отряд, соединившись с пятью- или шестьюстами казаков, расположившись перед крепостью, должен был воспрепятствовать приходу в Азов какой-либо помощи. Командиром этого отряда был назначен генерал Гордон с тем, чтобы отправиться к Азову как можно скорее. 22-го Гордон был на празднестве у Л. К. Нарышкина, «где, — как он пишет, — обсуждались предложения, которые я сделал, и были отданы соответствующие приказания». 23 февраля Гордон виделся с царем на прощальном празднике у одного из ближайших к Петру бомбардиров бомбардирской роты — Петра Гутмана. 25-го он побывал, вероятно, по поводу приготовлений к его ускоренной экспедиции, у виднейших членов правительства: у Т. Н. Стрешнева, князя П. И. Прозоровского, Л. К. Нарышкина и князя Б. А. Голицына. В тот же день он получил для своего отряда мушкеты и 1 000 наконечников для копий. 26-го он виделся с Петром на празднестве у П. М. Апраксина, а на следующий день, 27 февраля, после обеда приехали к нему князь Б. А. Голицын, П. М. Апраксин, а затем и царь в сопровождении многих членов компании и оставались у него до ночи [2].

[1] Gordons Tagebuch, II, 501—508.
[2] Ibid., 510—513.

1 марта Гордон был в городе у князя Б. А. Голицына, где ему был сообщен последовавший накануне вечером приказ царя о выдаче подъемных денег для похода в размере: генералу 300 рублей, полковнику 100 рублей и т. д. 2 марта утром царь завтракал у Гордона, затем поехал с ним на смотр всех шести стрелецких полков, а после смотра с ним же заезжал в разные другие места. Гордон деятельно собирался в путь, делал и принимал прощальные визиты, и Петр перед его выступлением оказывал ему большое внимание. 5 марта, пишет Гордон, «днем был дома и все время меня тревожили визитами. Вечером выехал проститься с друзьями. Его величество заходил ко мне, но не застал меня дома». 6 марта Гордон представлялся в прощальной аудиенции царю Ивану Алексеевичу и был допущен к руке. В этот же день ему был объявлен приказ взять в Тамбове 1 200 лошадей, повозки и все принадлежности и выданы подъемные деньги. 7-го утром после ранней мессы и напутственного молебна (Itinerarium) он ездил в город проститься с Л. К. Нарышкиным и князем Б. А. Голицыным, затем вместе с царем и членами компании завтракал у Лефорта. После обеда Петр с компанией прибыл к нему. Простившись с царем, боярами, друзьями и семьей, Гордон в 4 часа после полудня отправился в путь [1].

Отряд Гордона состоял из его Бутырского полка (894 человека) и семи московских стрелецких полков: Сергеева, Жукова, Кровкова, Кобыльского, Обухова, Капустина и Козлова (4 620 человек). В Тамбове к этому отряду присоединились четыре полка тамбовских солдат (3 879 человек). Всего, следовательно, в отряде Гордона считалось 9 393 человека. Сверх того при Гордоне состояли 16 стольников, 1 стряпчий, 2 дьяка, 12 подьячих. Артиллерия состояла из 10 мортир для полупудовых гранат, 12 гаубиц, 31 фальконета. Эта артиллерия была снабжена запасом в 6 000 пудов пороха, 4 600 ядер и 4 000 гранат. Требовалось для перевозки войск, артиллерии, снарядов до 4 000 подвод. Гордон двигался сухим путем на Бронницы, Коломну, Переяславль Рязанский, Ряжск и Тамбов, которого он достиг 18 марта. Здесь он расположился на продолжительный отдых, ожидая прекращения разлива рек. Из Тамбова полки Гордона стали выступать в самом конце апреля, а сам он выехал 1 мая. Войско направилось к реке Хопру и 9 мая подошло к нему. Четыре дня продолжалась переправа через Хопер, а затем левым берегом Хопра войско спустилось до городка Усть-Хоперска при впадении Хопра в Дон. 23—25 мая при Усть-Хоперске Гордон переправлялся на правый берег Дона и получил здесь провиант, присланный на стругах из Воронежа. 28 мая отсюда он тронулся в дальнейший путь по степи и 30 мая переправился по семи наведенным мостам через правый приток Дона Чир. 4 июня он достиг Донца, переправа через который представляла значительно более препятствий вследствие глубины русла, быстроты течения и недо-

[1] Ibid., II, 513—515.

статка лесных материалов для сооружения мостов: в окрестностях намеченного для переправы места росли только дубовые леса. Притом стрельцы, как жалуется Гордон, работали вяло, с неохотой и нерасторопно. Мост был готов только 8 июня. Переправа всего отряда Гордона была закончена 9 июня к вечеру, и 10-го продолжали дальнейший путь. Между тем во время стоянки на берегу Донца Гордон послал к атаману Донского войска в Черкасск с известием о своем приближении и с просьбой указать место для переправы на левую сторону Дона и сделать необходимые приготовления для этой переправы. 10 июня от атамана и всего войска был получен ответ, в котором Гордон предупреждался о большой трудности взятого им пути; впрочем, атаман прислал проводника и обещал оказать содействие при переправе через Дон и другие реки. 11 июня Гордон приблизился к казацкой станице Раздоры, куда пришли барки с назначенными для его войска запасами. 13-го у Раздор, пользуясь этими барками, армия начала переправу на левый берег Дона. 14-го там же, вблизи Раздор, около 6 часов вечера в лагерь Гордона прибыл донской атаман Фрол Миняев со старшиной. Свидание было продолжительно. И сам атаман, и старшина старались отклонить Гордона от его намерения итти к Азову, не дождавшись остальных частей армии. Но генерал настаивал на необходимости продолжать поход и потребовал, чтобы казаки соединились с ним всей своей силой, на что казаки изъявили готовность повиноваться приказу государей и согласились, хотя и неохотно, как замечает Гордон, итти вместе с ним и подчиняться его распоряжениям. «Я угощал их, — рассказывает он в дневнике, — разных сортов напитками. Они принесли мне в подарок овцу, несколько хлебов и сушеной осетрины. После дальнейших разговоров я обещал их посетить. Когда они таким образом были отпущены, я взял с собой несколько полковников, стольников и караул и поехал к берегу реки, где была палатка атамана. Он приветствовал нас и, усадив на диваны и мягкие скамьи, угощал водкой, пивом и медом. После двухчасовой беседы я вернулся». В этот же день Гордон получил письмо от боярина Б. П. Шереметева, в котором тот сообщал о своем выступлении 10 мая из Белгорода и о прибытии 28 мая к реке Коломаку. Утром 15 июня Гордон закончил переправу своих войск на левый берег Дона, около 11 часов выступил в дальнейший поход и к 4 часам пополудни достиг реки Сужати. 16 июня он получил письмо от атамана Фрола Миняева с вестями об Азове, добытыми через казацких лазутчиков. Лазутчики доносили, что к Азову пришло много кораблей и галер, которые подвезли большое количество войска. При их прибытии турки с радости сделали залп и 40 выстрелов из крупных орудий. На помощь городу собралось необыкновенно большое количество конницы из всяких народов, которая расположилась лагерем вне города: лазутчики видели необъятное множество шатров и палаток. Поэтому казаки советовали Гордону не итти дальше, но остановиться на реке Сужати или в другом ка-

ком-либо надежном месте и написать обо всем государям. Получив такие известия, Гордон вечером того же дня созвал на военный совет всех полковников, подполковников и майоров, прочитал им письмо атамана и предложил высказаться. Голоса членов совета были робки и полны сомнений, но все затем присоединились к решительному заявлению Гордона о необходимости итти вперед. В этом смысле и был дан ответ казацкому атаману. На следующий день, 17 июня, армия Гордона достигла реки Маныча, а 18-го переправилась через него, соорудив мост. Степь, по которой за эти последние дни шло войско, была в полном цвету. Среди цветов Гордон отмечает дикую спаржу, темьян и майоран, тюльпан, гвоздику, медовый клевер и другие. 21 июня около полудня к Гордону опять приехал донской атаман Фрол Миняев и привел с собою пленного грека, которого с шестью его товарищами захватил в плен на Азовском море. На допросе, сделанном ему Гордоном, грек показал: зовут его Федором Юрьевым, родом он из Крыма из города Султан-Сарая, по вероисповеданию христианин, по национальности грек, занимается торговлей мелкими товарами. В начале января этого года приехал он в Азов для торговых дел; при его прибытии в Азове было (войска) до 3 000. Около того же времени пришел туда паша именем Муртоза с 1 000 человек, из которых половина — пехота. Пехота введена была в город, а конница стоит вне города в палатках. Несколько недель тому назад пришли из Кафы четыре корабля, по 500 человек пехоты в каждом, и ожидаются еще из Константинополя три корабля и десять фуркат с войском, амуницией и провиантом. С наступлением весны начали укреплять город, вычистили рвы, обложили каменный вал землей, поставили батареи и сделали некоторые наружные укрепления. Войсками в городе командуют Муртоза паша и подчиненный ему Мустафа бей. Он, грек, хотел вернуться в Крым на маленьком корабле, на котором было шесть матросов и две железных пушки, они не защищались, а как только казаки на них напали, сдались. Гордон отослал пленников вверх по Дону навстречу Петру. 22 июня он принимал у себя и угощал белым вином и конфетами донского атамана с его товарищами. Казаки пришли в веселое настроение и приглашали генерала в их город Черкасск. В ответ на это приглашение Гордон 23 июня послал в Черкасск своего сына Джемса. 25-го донской атаман сообщил ему, что присоединится к нему со всем казацким войском. 26-го утром, ввиду приближения к цели похода, Гордон приказал отслужить во всех полках молебствие. Казаки шли уже в виду гордоновой армии. Войско перешло пересохший ручей Батай, достигло левого притока Дона Койсуги, рукав которой носит название речки Митищевой. Здесь, на Койсуге, Гордон выбрал место для устройства пристани для выгрузки артиллерии и припасов, идущих водой. 27-го он дошел до цепи холмов вблизи Азова и расположил лагерь на главном из них — Скопиной кровле. Отсюда открывался вид на Азов и на два его форта — каланчи. Тотчас по прибытии Гордон приказал

дать три выстрела. В ответ турки дали залп из крепости и зажгли дома в предместьях вокруг города, расчищая место для обороны. Казаки расположились позади гордоновой армии. 28-го Гордон с рассвета пустил в ход все руки, укрепляя свой лагерь; работа эта распределена была между полками. Он ждал прибытия Петра [1].

XXI. ДВИЖЕНИЕ ВОЙСК Ф. Я. ЛЕФОРТА И А. М. ГОЛОВИНА К АЗОВУ

Время после выступления Гордона из Москвы, несомненно, употреблено было Петром на дальнейшие приготовления и сборы. Этими сборами царь оправдывается в замедлении ответом Ф. М. Апраксину в Архангельск. «Min Her Guverneur Archangel, — пишет он ему из Москвы от 16 апреля. — О замедлении ведомости против вашего письма во истину больше суетами и непрестанным недосужеством, нежели леностию умедленно: понеже ведает ваша милость, что какими трудами нынешней осени под Кожуховым чрез пять недель в Марсовой потехе были, которая игра, хотя в ту пору, как она была, и ничего не было на разуме больше, однакож после совершения оной началось иное, и преднее дело явилось яко предвестником дела, о котором сам можешь рассудить, коликих трудов и тщания оное требует, о чем, естьли живы будем, впредь писать будем. С Москвы на службу под Азов, по их пресветлейшества указу, пойдем сего ж месяца 18 числа» [2]. Итак, предполагалось, закончив все приготовления, выступить 18 апреля. Однако это предположение не осуществилось, и выступление пришлось отложить до конца апреля. 26 апреля великие государи в Преображенском слушали и утвердили составленный Виниусом доклад Посольского приказа об учреждении на время Азовского похода почт по двум направлениям, по которым должны были двигаться к Азову войска; во первых, через Владимир, Нижний и далее по Волге, пока этим путем будут итти войска, а во-вторых — на Серпухов, Тулу, Новосиль, Ливны, Старый и Новый Оскол, Валуйку и по Дону на Черкасск — на все время операций под Азовом [3]. О дне выступления Петра в Азовский поход два источника, указывающие этот день, разногласят. Бывший в русском стане под Азовом австрийский агент Плейер указывает 30 апреля; Желябужский в своих записках относит выступление на воскресенье 28 апреля [4].

---

[1] Gordons Tagebuch, II, 515—563.

[2] П. и Б., т. I, № 36.

[3] Арх. мин. ин. дел, Приказные дела 1695 г., № 111, л. 12—15.

[4] *Устрялов*, История, т. II, приложение XVIII, стр. 569; *Желябужский* (изд. Сахаровым), стр. 21. В рукописи XVIII в., хранящейся в Арх. мин. ин. дел, Дела турецкие 1695—1696 гг., картон 52, под заглавием: «Список дневной краткой записки о двух походах государя Петра I к турецкому городу Азову с историческим оного описанием и о взятии оного города российским оружием», указывается 5 мая как день выступления Петра из Москвы (л. 4 об.), дата совершенно невозможная, как будет видно ниже из записей в «Юрнале».

Решить этот спор, имея пока только эти два источника, невозможно. Следует ждать какого-либо третьего указания, которое и решит вопрос. Как будто, впрочем, точное обозначение даты события воскресеньем говорит скорее в пользу Желябужского, в памяти которого событие связалось именно с воскресным днем. 27 апреля по указу великих государей генералы с ратными пешими людьми — московскими солдатскими и стрелецкими полками — явились в село Преображенское «во всем воинском ополчении с ружьем и з знамены и з барабаны», и здесь им сказан был указ о походе против неприятелей водным путем на Дон. После этого смотра из Преображенского войска двинулись через Москву в полдень [1]. Шествие это описывает Желябужский, может быть, очевидец. Процессия напоминала собой такие же процессии перед кожуховским походом. Впереди шел отряд Головина, а за ним отряд Лефорта. Шествие открывал на конях «двор» А. М. Головина, т. е. его люди, вооруженные холопы; за ними двигалась его генеральская карета, подле которой шли также его холопы в красных кафтанах с обнаженными мечами. За каретой шел сам Головин, а за Головиным Петр, сопровождаемый комнатными людьми и в том числе князем Б. А. Голицыным, князем М. И. Лыковым, князем М. Н. Львовым, П. Т. Кондыревым и иноземцами, несшими знамя (хоругвь) и вооруженными алебардами. За царем шли восемь рот Преображенского полка, которым командовал полковник Ю. А. фон Менгден, причем во главе пятой роты шел будущий видный дипломат князь Г. Ф. Долгорукий, а седьмой командовал будущий выдающийся сотрудник Петра, а впоследствии верховник, князь Д. М. Голицын. За преображенцами шли шесть стрелецких полков, назначенных в отряд Головина, именно полки полковников Сухарева, Озерова, Колзакова, Батурина, Головцына и Макшеева [2]. За стрелецкими полками шло другое отделение Преображенского полка и, наконец, Семеновский полк под командой полковника Чамберса. Сохранилась ведомость о количестве людей в отряде Головина от июня 1695 г.; из нее видно, что в его полках тогда считалось 6 922 человека [3]. Перед Лефортом также везли парадную коляску; его самого сопровождали стольники и есаулы. В состав отряда Лефорта входил его солдатский полк, а затем несколько стрелецких полков, к сожалению, не указанных Желябужским. Из того, что Плейер считал в отрядах Головина и Лефорта вместе 20 000 человек, Устрялов, вычитая из этого числа 7 000, входивших в отряд Головина, заключает, что в корпусе Лефорта было не менее 13 000 человек. Пройдя по Мясницкой и дойдя до Кремля, полки шли затем Никольскими воротами, мимо соборной церкви и дворца и через Боровицкий мост выходили к Москве-

---

[1] Арх. мин. ин. дел, Приказные дела 1695 г., № 115, л. 6.

[2] *Желябужский* (стр. 20—21) указывает только пять полков, пропуская почему-то полк Макшеева. Вообще описание процессии у Желябужского не совсем точно.

[3] *Устрялов*, История, т. II, приложение XVII, ведомость 6.

реке у Всесвятского Каменного моста. Там они размещались на приготовленных стругах, которые «по Москве-реке по берегам по обе стороны стояли в плавном гружении с запасами и с воинским употреблением во всякой готовности»[1]. По той же упоминавшейся выше сохранившейся в кабинетных делах ведомости о составе отряда Головина видно, что он размещен был на 77 стругах. На 40 стругах погружена была артиллерия и боевые припасы, а именно: 104 мортиры, 44 пищали голландских, 14 000 бомб, 9 100 ядер, 1 000 гранат и 16 600 пудов пороху[2]. На другой день (28 апреля по Желябужскому) при пушечной и мушкетной пальбе со стругов караван двинулся в путь. В этот день Петр писал Гордону, может быть, как раз уведомляя его о выступлении; самое письмо до нас не дошло; о получении письма «от Великого бомбардира» только упоминает Гордон в своем дневнике под 25 июня[3].

За плаванием каравана мы можем следить по нескольким отправленным с дороги письмам Петра, а также по особому источнику, по журналам («Юрналам»), веденным в окружавшей Петра бомбардирской роте с краткими ежедневными записями. Эти походные «Юрналы» именно и начинаются с плавания под Азов в 1695 г. и затем тянутся через все царствование[4]. Караван был задержан ветрами у села Дединова на Оке ниже Коломны: «Ветры нас крепко держали в Дединове два дни», — сообщал Петр Виниусу[5]. 6 мая, как читаем в бомбардирском «Юрнале», « . . .проехали Переяславль-Рязанский. . . к городу приставали суда небольшие, а караван весь не был». На следующий день миновали Старую Рязань[6]; 8 мая плыли мимо Терехова монастыря, 9-го пришли к городу Касимову, «стоит на левой стороне на горе; и караван стоял у города до полуночи, а многие суда шли мимо; перед светом караван пошел и весь в путь. День был тихий, а в ночь была погода небольшая». 10 мая два раза делали остановку на якоре из-за непогоды; непогодой прибило одно из судов к берегу. В ночь на 11 мая прошли мимо города Елатьмы, а следующей ночью, с 11 на 12 мая, в четвертом часу пополуночи, достигли Мурома и стали у берега, ожидая сбора всего каравана. Простоять под Муромом пришлось из-за непогоды 12 и 13 мая. «Ветры нас крепко держали в Дединове два дни, да в Муроме

---

[1] Арх. мин. ин. дел, Приказные дела 1695 г., № 115.

[2] *Устрялов,* История, т. II, приложение XVII, ведомость 5.

[3] Gordons Tagebuch, II, 559.

[4] Походные журналы, СПБ, 1853 г.

[5] П. и Б., т. I, № 38, из Нижнего от 19 мая.

[6] Вероятно, во время этого путешествия по Оке братия Солотчинского монастыря «била челом» Петру и просила принять «столового обиходу: десять гусей, сорок куриц, три быка, десять баранов, двадцать полоть ветчины, масла коровья два пуда, сметаны кадка, творогу извару (?), тысеща яиц, пива яшнова бочка, пива арженово две бочки». Этот столовый обиход братия просила «принять пониже Кузминска в монастырской вотчине в селе Новоселках» (Журнал Рязанской губ. ученой архивной комиссии 13 января 1885 г., приложение III, в Трудах Рязанской ученой архивной комиссии, I, вып. I).

три дни, — писал Петр в упомянутом письме к Виниусу, — а больше всех задержка была от глупых кормщиков и работников, которые именем словут мастеры, а дело от них, что земля от неба».

В дальнейший путь пустились 14 мая, и в это число проплыли мимо устья Клязьмы. На следующий день прошли мимо сел Варяжа, Павловского Перевоза, монастыря Дудинова. В ночь на 16 мая за два часа до рассвета стали на якорь, немного не дойдя до Нижнего, а днем 16-го пришли в Нижний и пристали к берегу[1]. В Нижнем предстояла остановка на несколько дней, так как надо было перегрузить тяжести: артиллерию и боевые припасы с мелких стругов в более крупные волжские суда — паузки, поднимавшие груз до 12 000 пудов. Город заблаговременно готовился к приему государя, о чем живое свидетельство дает нам сохранившаяся книга записей расходов по этому приему[2].

Земской избой во главе с земским старостой Данилой Рукавишниковым был принят ряд соответствующих мер. Приведены были в порядок и заново вымощены тесом пристани по реке Оке. Ремонтировалась мостовая по улицам, причем деревянную мостовую настилали городские обыватели на свои средства, «по улицам мосты мостили тутошные жильцы своим лесом», но работы по выравниванию земли для этой мостовой были сделаны земскою избой. Далеко от Нижнего, вверх по Оке до Мурома, был послан в лодке особый «проведывальщик», чтобы известить о приближении государева каравана. Навстречу каравану выезжали до села Павлова посадские люди, повторяя этот выезд троекратно, так как караван задержался в пути. Заготовлены были для поднесения царю «в почесть» подарки: собольи меха, серебряные вещи и драгоценные материи, для чего в Москве у торговых людей были «наняты», т. е. приобретены для подношения государю, с тем, чтобы вернуть вещи обратно, если подношение не состоится: сорок соболей ценою в 140 рублей, кубок серебряный ценою в 33 руб. 3 алт. 2 ден., 2 кружки серебряных позолоченых ценою в 50 руб. 14 алт., солонка чеканная серебряная золоченая в 5 руб. 10 ден., 10 аршин золотного атласу в 70 рублей и 10 аршин золотной объяри в 50 рублей. В обильном количестве заготовлены были также в поднос государю съестные припасы: 17 с лишком пудов икры, белуга живая, осетр, стерляди, разная уловная рыба; закуплена была скотина на мясо: быки, коровы и овцы. Припасено было 83 пуда меду. Однако все эти дары царю поднесены не были, как гласит сделанная в расходной книге заметка: «те все вышеписанные статьи великому государю в поднос время не изошли, потому что времени не получили», вероятно потому, что он не желал обременять посадское население этими подарками. Драгоценные вещи были возвра-

[1] Походный журнал 1695 г., стр. 1—4.

[2] Арх. мин. юст., Приказные дела, № 5090/59, 2-я половина книги, л. 553—575.

щены тем, у кого они были «наняты» на случай подношения, с уплатой некоторых денег «за наем», часть съестных припасов пошла на поднесение в почесть окружавшим царя лицам, часть была продана и даже с прибылью. Расходная книга отмечает, что нижегородцы посадские люди «на все струги ходили с почестью к начальным людем поклониться и к бояром, и к окольничим, к генералом, и к духовнику, и к иным начальным людем. Всего изошло 10 калачей и 10 ситных». Но дело не ограничилось только калачами да ситными. Боярину князю Б. А. Голицыну были поднесены икра, рыба живая, боченок винограду, 6 пудов сорочинского пшена, пуд сахару, 12 пудов меду. Генералу Ф. Я. Лефорту, названному в одном месте книги просто «немчином Лефортом», — калач в гривну ценою, стяг говядины, 2 пуда икры, кадь меду в 4 пуда, 2 головы сахару; сержанту Якиму Воронину — хлеб да калач, живая рыба, 2 головы сахару, 10 ведер уксусу. Еще в марте по грамоте из приказа Казанского дворца велено было в Нижнем про обиход великого государя сварить из казенного солоду 50 «варь» по семи четвертей варя. Пиво варили в течение пяти недель с 24 марта по 29 апреля, нанимая на неделю от 15 до 22 человек. Для хранения пива потребовалось заготовить лед, для чего наняты были особые «пролубные» работники. Сваренное пиво «устанавливали в снег и льдом укладывали и лед кололи».

Поход направлявшегося к Азову каравана через Нижний пал на этот город тяжелым бременем, и покупка съестных припасов в почесть и заготовка питья были только незначительной частью этой тяжести. На посад возложена была повинность построить на свои деньги семь паузков, крупных волжских судов, на которые надлежало перегрузить артиллерию и военные запасы, и эта постройка обошлась посаду более чем в 1 000 рублей. Кроме того, во время остановки каравана посадское управление производило на свой счет ремонт стругов, входивших в состав каравана, и снабжение их разными судовыми припасами, из которых расходная книга перечисляет: деревянные брусья, железо, гвозди двоетесные, однотесные, тяжные, четвертные, скобы, войлоки, пеньку, снасти «смольные и белные» — несколько сот пудов, смолу, лубье, гнезда (пары) весел, бечеву, топоры, долота, напарьи, пешни, вереги. На государев струг поставлено было 10 возов дров, куплены были кирпич и глина на очаг, 5 косяков мыла. Для струга кн. Б. А. Голицына был куплен и окован железом сундук; государеву духовнику куплено было на струг 20 пудов «смольных и белных снастей», смолы, пеньки, войлоков, скоб, гвоздей, два топора. Сам экипаж стругов довольно бесцеремонно относился к посадскому имуществу: так, тес, которым были вымощены пристани по Оке, «с пристанища разобрали на многие полковые струги и под полковую казну». На струг кн. Б. А. Голицына выдано было в пользование 5 пешен, «и те пешни, — замечает расходная книга, — увезли с собою». Караван был снабжен в Нижнем не только судовыми припасами, но и

людьми: на посад была возложена повинность выставить на струги более полуторы тысячи гребцов «до Козмодемьянска, до Симбирска и до Царицына», и, кроме того, земская изба наняла еще 286 человек гребцов.

Остановка в Нижнем продолжалась с 16 по 21 мая; дело затягивалось еще и оттого, что пришлось целых три дня ожидать, пока подошли оторвавшиеся от каравана и отставшие струги. «Min Her Kenich, — писал Петр князю Ф. Ю. Ромодановскому от 19 мая из Нижнего. — Письмо вашего пресветле[й]шества, государя моего милостивого, в стольном граде Пресшпурхе маия в 14 день писанное, мне в 18 день отдано, за которую вашу государскую милость должны до последней каплы крови своей пролить, для чего и ныне послоны; и чаем за вашеи многие и теплые к богу молитвы, вашим посланием, а нашими трудами и кровъми оное совершить [1]. А о здешнем возвещаю, что холопи ваши генералы Авто[но]м Михайловичь и Франц Яковлевичь со всеми войски, дал бог, здорово, и намерены завтрешнего дня итить в путь, а мешкали для того, что иные суды в три дни на силу пришли, и ис тех многие небрежением глупых кормщиков, которых была болшая половина в караване; также и суды, которые делали гости, гораздо худы, иные насилу и пришли. А казну здесь перегрузили в пауски; а из служивых людей по се число умерло неболшое число, а ис того числа иные болные с Москвы поехали. За сим отдаюсь в покров щедрот ваших. Всегдашный раб пресветлейшего вашего величества бомбадир Piter. Из Нижнего, майя в 19 день» [2]. За 18 мая походный журнал отмечает: «В то время у города, а караван еще не собрался», за 19-е: «караван собрался весь», а за 20-е: «караван весь стоял у города, плывучи по Оке реке». 21 мая приготовления к дальнейшему плаванию были окончены, караван тронулся в путь вниз по Волге и в тот же день миновал село Работки, а 22 мая прошел мимо Макарьева Желтоводского монастыря, села Лыскова и Васильсурска [3]. Перед Петром, в предыдущие (1693 и 1694) годы видевшим северную суровую природу Двины, стала открываться теперь ширь величайшей русской реки. Однако развертывавшиеся перед глазами манящие волжские дали едва ли производили на Петра что-нибудь подобное эстетическим впечатлениям, получаемым теперь в тех же местах нами. Содержание заботивших его мыслей видно из его письма в Москву к исполнявшему разные его поручения переводчику Посольского приказа А. Ю. Кревету от 22 мая: «Mi Her (так!), — пишет ему Петр, — послал я к тебе обрацы инструментов, и ты отпиши про них. Которые на листу, те вели приделать и положить в тот же ящик, а каторые из розных бумажак связаны, и те вели в асобую готовальню зделать, толко, чтоб тое готовалню мошно было на

[1] Петр намекает на предстоящее взятие Азова.

[2] П. и Б., т. I, № 37, ср. № 38 (в тот же день к Виниусу) и примечание к № 37 о несохранившемся письме к Головкину.

[3] Походный журнал 1695 г., стр. 4—5.

поесу носить, что бы она была не тежела. Для того и про снасти напиши, чтоб были суптелни. Да отпиши про нее не в одно место, для того, что она мне нужна вскоре, и для того я чаю, что удобно аб одной отписать в Швецкую землю, буде там делают, и об том поговорить Книперу; и буде делают, чтоб не мешкав зделать и ко мне прислать, а о другой отпиши, куды хочешь. А о здешнем поведении ведомо буди: мая в 16 день пришли в Нижняе, а из Нижнего пошли в путь маия в 21 день, славо богу, счастлива. Его пресветлейшества генералисимуса князь Федора Юрьевича бомбадир Piter»[1].

Рис. 44. Самара

Гравюра из книги де Бруина, изд. 1714 г.

23 мая прошли в виду городов Козьмодемьянска и Чебоксар. 24-го миновали Свияжск и подошли к Казани, стояли на якоре по реке Волге против реки Казанки до вечера, а затем продолжали путь и миновали села Верхний Услон и Нижний Услон. 25 мая прошли Камское устье. 26-го подошли к городу Симбирску, «и была погода велика и пристали к берегу на якорь; и многие суда стояли же у города против церкви Спаса преображения; церковь на берегу стоит, на самом верху на горе. В...[2] часу якорь вынули и пошли в путь, и был дождь; от города отъехали не само далеко, погодою прибило к берегу; и то было малое число, и опять пошли в путь». 28 мая проплыли мимо деревни

[1] П. и Б., т. I, № 39.

[2] В этом месте в подлиннике пропуск. — *Ред.*

Маркваш, сделав остановку на якоре против этой деревни из-за непогоды; к вечеру прошли Царев курган. 29 мая миновали Самару, 30-го — Сызрань. У Сызрани видел проплывший мимо нее флот пристав Посольского приказа Иван Башмаков, командированный в приволжские города для устройства в них почты на время движения по Волге войск. Вернувшись в Москву, он показывал в Посольском приказе, что «при нем сызранской воевода встречал... генералов с полки от Сызранска верстах в дватцети на воде. А великого государя караван Сызранск проплыл в тот же день, в который он (пристав) в Сызранск приехал в самые вечерни: идет купами судно за судном, не в болшом расстоянии. А князь Бориса де Алексеевича (Голицына) струги, слышал он, что поотстали и идут не в болшом расстоянии от каравана великого государя». Пристав добавил при этом, что изо всех приволжских городов воеводы посылают беспрестанно вверх по Волге особых нарочных узнавать, где находится великий государь с войсками, чтобы его заранее встретить «и ожидают его государского пришествия везде радостно и в съестных запасах везде доволность ратным людем чинят» [1]. 3 июня флот был в Саратове, наконец, 6 июня, в пятом часу ночи, по нашему счету в первом часу пополуночи, приплыли в Царицын [2]. Это и был конечный пункт плавания по Волге. Отсюда надлежало перейти

Рис. 45. Царицын

Гравюра из книги де Бруина, изд. 1714 г.

[1] Арх. мин. ин. дел, Приказные дела 1695 г., № 111, л. 180—181, 183.
[2] Походный журнал 1695 г., стр. 5—13.

сухим путем через степь к городу Паншину, расположенному на берегу Дона в том месте, где Дон ближе всего подходит к Волге.

Дни 7—9 июня проведены были в Царицыне и посвящены сбору каравана и приготовлениям к походу через степь. Под Царицыном стояли уже в ожидании войска, собранные сюда из Астрахани и других приволжских городов. Их видел в бытность свою здесь в первой половине мая упомянутый выше пристав Посольского приказа Иван Башмаков. «А как он был на Царицыне, — показывал он в Посольском приказе, — и в то время видел... ратных людей из Астрахани и из иных низовых городов, около Царицына на нагорской стороне верстах в дватцети и в тритцети стоят обозами, а лошадей на корм гоняют из обозов в степи»[1]. 10 июня «перебирались с судов на возы сухим путем», как свидетельствует походный журнал. Войско расположилось лагерем под Царицыном верстах в двух от города. «И в обоз, — продолжает журнал, — все вышли и ночевали в степи недалеко, отъехав от города версты с две». Из Царицына 10 июня Петр писал Ромодановскому, Виниусу и Л. К. Нарышкину; но сохранилось из этих писем только первое, в котором читаем: «Min Her Kenich, писмо ваше государское, маия в 28 день писанное, мне вручено июня в 9 день, за которую вашу государскую несравнительн[ую] работе нашей милость нещетно челом бью и о здешнем пребывании возвещаю, что отец ваш великий господин святейши[й] кир Ианикит, архиепускуп Прешпурский и всея Яузы и всего Кокую потриарх, такожде и холопи ваши, генералы Автамон Михайлович и Франц Яковлевичь, со всеми при них будущими, дал бог, в добром здоровии, а намеренны итить в путь завтре или конч[а]е во вторник. Piter. Из Царицына, июня в 10 день»[2]. Из этого письма узнаем, между прочим, что неизменный спутник Петра Н. М. Зотов, председатель всепьянейшего собора, сопровождал Петра и в первом Азовском походе. Действительно, поход начался на другой день, 11 июня: «по утру рано пошли все войско в путь, — как говорит журнал под этим числом, — и перешли речку прозванием Мечатна, от Царицына семь верст; и от той речки отъехали с версту и ночевал обоз». Движение через степь продолжалось 12 и 13 июня и было очень тягостным, как рассказывает участник его Плейер. Дело в том, что в отрядах Головина и Лефорта было слишком мало конницы, всего 500 всадников, и «не было вовсе артиллерийских и обозных лошадей и поэтому люди, которые в течение плавания по Волге день и ночь гребли на судах, должны были на себе тащить тяжести: мортиры, бомбы и другие боевые снаряды»[3]. Берега Дона у Паншина войско достигло 14 июня во втором часу после полудня и стало лагерем на левом берегу; самый городок Паншин расположен на правом берегу Дона. В Паншине предстояла перегрузка артиллерии и запасов и пере-

---

[1] Арх. мин. ин. дел, Приказные дела 1695 г., № 111, л. 181—182.
[2] П. и Б., т. I, № 40.
[3] Донесение Плейера (*Устрялов*, История, т. II, приложение XVIII).

садка войск на приготовленные заранее суда, и потому армия должна была здесь остановиться. Здесь же был устроен обширный склад продовольствия для дальнейшего похода. Подрядчики, взявшие на себя поставку этого продовольствия, обязались здесь заготовить, между прочим, 22 500 ведер вина, 15 000 ведер сбитня, 45 000 ведер уксуса, 20 000 осетров соленых, 10 000 пудов ветчины, 2 000 пудов ветчинного сала, 2 500 пудов коровьего масла, 10 000 щук и судаков, 10 000 лещей, 120 000 штук всякой рыбы, 8 000 пудов соли. Подрядчики, среди которых были гости Владимир Воронин, Василий Горезин, Иван Ушаков и несколько посадских людей, к сроку припасов в условленном количестве не поставили, а соли не привезли совсем. Войску пришлось страдать от их неаккуратности. «Печаль нам слезная, — писал Петру по этому поводу Т. Н. Стрешнев, — из-за воров подрядчиков, что от непоставки их тебе, милостивому нашему, печаль, а ратным людем оскудение в пищи. Только может бог сделать, в том военном деле вас не задержать»[1]. Стоянка у Паншина и нагрузка судов продолжалась до 18 июня; в этот день двинулся со своим отрядом на судах по Дону Лефорт, а за ним 19-го последовало остальное войско[2]. «Mi (так!) Her Kenih, — писал Петр Ромодановскому из Паншина по обычаю в день отъезда 19 июня, — сего месяца в 14 день отец твой великий господин святейший кир Ианикита, архиепускуп Прешпурский и всея Яузы и всего Кокуя патриарх, такожде и холопи твои, генералы Автамон Михайловичь и Франц Яковлевичь, пришли в добром здоровии со всеми при них будущими и сего ж месяца 19 числа из Паншина пошли в путь свой в добром же здоровии». Но в письме к Кревету от того же числа после подтверждения приказа прислать поскорее инструменты, читаем: «А здесь, слава богу, все здорово. Вчерашнего дня (т. е. 18 июня) Лефорт, а севодне артиллерия и генерал (т. е. Головин) пошли в путь свой». Встреченные неудачи не лишали Петра все-таки веселого настроения, о котором свидетельствует первое из этих писем — к Ромодановскому — и в особенности подписи под ним: «Нижайшии услужники пресветлого вашего величества: Ивашка меншой Бутурлин, Яшка Брюс, Фетка Троекуров, *Петрушка Алексеевъ*, Ивашка Гумерт челом бьют»[3].

Караван, спускаясь по Дону, 19 июня проплыл казацкий городок Голубые, 20-го — Пять Изб, Верхний Чир и Нижний Чир, 21-го — Кобылкин, Есаулов и Зимовейки. Получив от встречных казаков известие о движении генерала Гордона, Петр 21 июня писал ему о выборе места для устройства пристани, удобной для высадки людей, а в особенности для выгрузки артиллерии: «Min Her General. Вчерашнего дня уведомеся (так!) мы о пере-

---

[1] *Устрялов*, История, т. II, приложение II, № 31.

[2] Походный журнал 1695 г., стр. 13—15.

[3] П. и Б., т. I, № 41, 42. В тот же день Петр писал еще Бутенанту фон Розенбушу, Г. И. Головкину, Л. К. Нарышкину, И. Т. Инехову и Т. Н. Стрешневу, но письма не дошли до нас.

праве вашей через Дон от казаков, из Черкаского на Голубые коньми, а з Голубых на Паншин водою едущих, где и, встретеся с нами, оное сказали. И того ради господин наш генерал приказал мне писать к вашей чесности, чтобы изволили, осмотря место, паче же пристань удобнейшую, где бы лутче и безопаснеи людем, паче же алтиллерии, которой о величестве сам ведаешъ, для которого дела удобно естъ, дабы оное описаф и с нарочетым человекам [в] встречу нам прислать дабы через письмо, такожде и через слова посланного удобнеи в том деле выразумеф, поступать могли. А мы идем Доном с великим поспешением днем и ночью. Piter. Июня в 21 день» [1]. Это письмо, как свидетельствует сделанная на нем надпись, было «отпущено с маеором Тимофеем Белевиным, проехав Верхней Курмаръяр». Городок Верхний Курман-Яр Петр проплыл 22 июня в девятом часу утра [2]. Во втором часу пополудни в тот же день караван миновал городок Нагай, а вечером — Нижний Курман-Яр. 23 июня прошли в виду Цымлы и других городков, 24-го проплыли мимо городков Михалева, Нижнего Михалева, Троилина Вала, Кагальника, Ведерников, Бабьего, Золотого и Кочетова. 25-го около полудня были у городка Раздор и в ночь на 26 июня, в пятом часу пополуночи, подошли к Черкасскому, где весь караван, собравшись, стал на якорь. «Город Черкаской, — как его описывает походный журнал, — стоит на берегу на правой стороне реки Дона, обрублен дубовым струбом и сделаны три раската и те стороны (огорожены) плетнем» [3].

Остановка у Черкасского продолжалась 26 и 27 и бóльшую часть дня 28 июня. В девятом часу пополудни 28 июня снялись с якорей и пошли в дальнейший путь в таком порядке: «Плыли наперед господин генерал Лефорт и за ним господа полковники его регимента, притом бомбардиры и некоторая легкая казна и аптека; потом господин генерал Автамон Михайлович и по нем регимента его несколько солдатских полков и стрелецких; по нем господин артиллерии генерал с тягостию превеликие казны» [4]. Наконец, 29 июня, в «день ангела» Петра, караван достиг места назначения — устья реки Койсуги, вошел в Койсугу и остановился у пристани, приготовленной Гордоном. «29 июня, — описывает этот день в своем дневнике Гордон, — я велел поспешить с подвозом снарядов и припасов. Затем послал к его величеству с просьбой о распоряжениях. В 8 часов утра пришло несколько легких судов; на одном из них находился князь Я. Ф. Долгорукий, который привез весть, что его величество будет вскоре, почему я велел приготовить обед и ожидал его величество, послав пригласить его моего зятя; он вернулся с ответом, что его величество будет.

---

[1] П. и Б., т. I, № 43.
[2] Письмо было получено Гордоном 25 июня.
[3] Походный журнал 1695 г., стр. 15—18.
[4] Там же, стр. 18—19.

Около 10 часов прибыл его величество и отправился в походную церковь, устроенную на берегу, чтобы присутствовать на богослужении, продолжавшемся два часа. Между тем я был в ожидании. Однако его величеству не угодно было притти к обеду, но он обещал притти к ужину, и, действительно, вечером он пришел с обоими генералами. При его прибытии я велел выстрелить из всех пушек и прежде всего из 12, которые стояли перед палатками, а затем по всему лагерю, начиная справа, с Бутырского полка. Наконец, стреляли из мушкетов в том же порядке. После того как его величество поужинал, был военный совет, и на нем решено было, что я с моими войсками на следующий день пойду дальше, что донской атаман пошлет отряд на разведку, что я осведомлю его величество об известиях, которые будут получены, и тогда двинусь»[1].

Это выступление Гордона 30 июня, однако, не состоялось и было отложено до следующего дня. Последим за дневником Гордона также и в описании происшествий 30 июня. «Утром, — пишет Гордон, — я ждал известий, которые должны мне были принести казаки. Они явились около 7 часов и рассказали, что они выслали один отряд, открывший неприятельские форпосты, и форпосты, после выстрелов в них, отступили. Я поехал затем к пристани (на Койсуге). Ожидая, пока его величество встанет, я слышал много строгих суждений о настоящем походе от умнейших голов. Как только его величество встал, я представил ожидаемый доклад и сказал, что теперь самое время выгружать суда, построить мост[2] и все переправить в укрепленный лагерь. Но его величество, исходя из того мнения, что здесь должна быть еще пристань, более близкая к укреплению, не склонен был спешить, хотя он, так как я убедил его пройти к укреплению и посмотреть местность, видел невозможность более близкого места разгрузки. Между тем мое выступление было отложено. За обедом был я у Лефорта в обществе его величества и других. Я пожелал узнать, на каком месте перед городом мне разбить лагерь. Перед нами был план или карта. Его величество приказал мне занять среднюю позицию с тем, чтобы расположить на правом фланге Автонома Михайловича Головина, а левый предоставить генералу Лефорту»[3].

Представим себе теперь, что̀ могло быть изображено на карте Азова, которую рассматривал 30 июня Петр со своими генералами.

XXII. НАЧАЛО ОСАДЫ АЗОВА. ВЗЯТИЕ КАЛАНЧЕЙ

Уклонившись в своем течении к востоку и подойдя близко к Волге, Дон затем делает поворот к западу и, идя в направлении с востока на запад, впадает в Азовское море, разветвляясь

[1] Gordons Tagebuch, II, 563.
[2] На Койсуге от берега до места стоянки судов.
[3] Gordons Tagebuch, II, 563—564.

при впадении на несколько рукавов и образуя при устьях низменные, покрытые тростником острова с многочисленными озерами. На левом берегу южного из этих рукавов, в 15 верстах от моря, расположен город Азов — некогда знаменитая греческая колония Танаис, затем генуэзская, с конца XV в. попавшая в руки к туркам и обращенная ими в крепость, которой они запирали выход в море донским казакам. Крепость была особенно усилена турками с тех пор, как в 1642 г. она была возвращена им казаками, взявшими было ее в 1637 г. и не поддержанными московским правительством. Работы над ее возобновлением и усилением производились много лет. Она представляла собой каменный четыреугольник с бастионами и с особым каменным замком внутри этого четыреугольника. Кроме каменной стены, Азов был обнесен еще земляным валом и рвом с палисадами (палисады — частокол, устраиваемый во рву). В полуверсте и в версте от этих укреплений Азов был опоясан еще двумя земляными валами, остатками линий обложения прежних осад. Выше Азова, верстах в трех от него, на обоих берегах Дона были построены две каменные башни — «каланчи», — вооруженные пушками. Будучи соединены протянутыми через русло реки тремя толстыми железными цепями, эти каланчи преграждали выход в море для плывущих по Дону сверху судов. На северном рукаве Дона, так называемом Мертвом Донце, устроен был еще каменный форт под названием Лютик. Форт Лютик представлял собой прямоугольник, обнесенный каменными стенами длиной 19 и 18 сажен с четырьмя восьмиугольными башнями, крытыми тесом, по углам, с воротами, двери которых были обиты железом. В середине этого четыреугольника была мечеть и несколько жилищ для коменданта и начальников. С трех сторон, за исключением стороны, примыкающей к реке Донцу, кроме каменных стен, был выведен еще земляной вал и неширокий ров, наполненный водой. Форт, как и каланчи, сообщает Гордон, был построен в 1663 г. ханом Махмет-Гиреем по приказанию султана Магомета IV, чтобы воспрепятствовать донским казакам спускаться по реке Донцу в Азовское море [1].

Таковы были крепостные сооружения, которые предстояло брать русским войскам. Отложенное выступление Гордона из его укрепленного лагеря, «городка», вблизи от пристани на Койсуге состоялось 1 июля. Он двинулся с донскими казаками и с присоединенными к его отряду еще тремя полками, которые должны были конвоировать обратно к пристани подводы и повозки, так как отряды Головина и Лефорта, стоявшие у пристани, лошадьми и повозками, как мы уже знаем, снабжены не были. Во время своего марша Гордон подвергся оживленной атаке со стороны турок и татар. Полковники его полков и состоявшие при нем дворяне при этой первой стычке с неприятелем упали духом и

[1] Описание Лютика см. в книге «Поход боярина и Большого полку воеводы А. С. Шеина к Азову, взятие сего и Лютика города. . . . Издал в свет В. Рубан», СПБ 1773, стр. 146—149, а также Gordons Tagebuch, III, 58.

General Gordan ... Arme

General Lafort ... Arme

Assoff

Revier Donn

169

Рис. 46. Азов в 1695 г.

Пояснительные надписи: внизу: «река Дон»; слева: «его царского величества или армия донских казаков»; слева вверху: «генерал Гордон со своею армиею»; ниже: «сады»; справа вверху: «генерал Лефорт со своею армиею»; справа ниже: «каменистая (?) и сухая местность»; крепость окаймлена земляным валом, а за ним — сухим рвом. — Подлинник находится в отделе карт и планов б. библиотеки Архива мин. ин. дел, хранящейся в ГАФКЭ в Москве.

советовали Гордону остановиться, окопаться и подождать остальные силы; однако старый генерал решил итти вперед, смело перешел два старых вала и занял назначенную ему позицию впереди этих валов всего в ста саженях от крепости, расположив донских казаков на своем правом фланге, дабы охранять местность, необходимую для снабжения его отряда водой. Тотчас же по прибытии он приступил к земляным работам над возведением шанцев. Это движение сам Петр так описывал в письме в Москву к Ромодановскому от 4 июля: «А о здешнем поведении возвещаю, что отец ваш, государев, святейший кир Ианикита, архиепископ Прешпурский и всея Яузы и всего Кокуя потриарх, также и холопи ваши, генерали Автамон Михайлович и Франц Яковлевичь, со всеми при них будущими пришли сего июня в 29 день на реку Койсу, от Азова [в] верстах семи мерных и пристали к брегу. А генерал Гордон, посоветоваф с ними, сего июля в 1 день пошел под Азов, придав ему полки Микиты Борисова, Головцына да Батурина. И на пути имел с татарами бой; аднакож, милостию божию, дошел в целости и два вала кругом пасаду взял и стал под городом менши 100 сажень»[1]. На следующий день, 2 июля, продолжая земляные осадные работы, Гордон подвергся новому нападению, которое, однако, он отбил. Отступая, турки оставили было на поле сражения две пушки, но русские не успели их подобрать, и они вновь были взяты неприятелем и увезены в город. 3 июля Гордон отправил присоединенные к нему полки с лошадьми и повозками обратно к пристани на Койсуге, к ожидавшим их там войскам Лефорта и Головина. Возвращение этого отряда, во время которого ему снова пришлось выдержать нападение, также описано Петром в только что упомянутом его письме от 4 июля. «И чрез день, — продолжает царь свой рассказ, — отпустил (Гордон) все придатошные полки [с] своими телегами к нам, потому что нам было, кроме тех телег, поднятца нечим. И как те полки пошли к нам, и их от самого Азова до нашего городка крепко провожали татары, которых было болши трех тысечь, и напуски были жестокие; однако, за милостию божью, отошли от неприятелей в целости в наши таборы, и урону никакого не было, а толко наших убито человек шесть, да несколько раненых; а неприятелей побито человек 60, а раненых ведать невозможно». Когда средства для транспорта, таким образом, прибыли, отряды Головина и Лефорта получили возможность покинуть лагерь на Койсуге и двинуться к Азову. 4 июля в шестом часу пополудни Головин и Лефорт выступили от пристани. «И сего июля в 4 день, — заключает Петр свое цитированное выше письмо к Ромодановскому, — генералы Автамон Михайлович и Франц Яковлевичь с пристани пошли в обоз и станут начевать, отошет версты с три; а утре, бог изволит, пойдем под самой Азов и будем промышлять, сколко господь бог помощи подаст». Дей-

[1] П. и Б., т. I, № 44.

ствительно, пройдя «городок, в котором стоял генерал Петр Иванович», т. е. прежний гордонов укрепленный лагерь близ пристани, Лефорт и Головин расположились ночевать в версте от этого городка[1]. Отпустив войска, Петр, как и раньше перед отправлением в дальнейший путь, написал с места стоянки у пристани письма московским друзьям: приведенное уже письмо к Ромодановскому, начинающееся пространными оправданиями от упреков Ромодановского в неаккуратности переписки и в замедлении ответами, а затем к Виниусу и Кревету с изложением тех же событий 29 июня — 3 июля, что и в письме к Ромодановскому, и недошедшие до нас письма к Стрешневу и Головкину[2].

5 июля войска Лефорта и Головина, а с ними и царь, пришли под Азов и расположились: Лефорт по левую, а Головин по правую руку Гордона[3]. Петр учредил свою главную квартиру при отряде Головина. «Около четырех часов пополудни, — описывает события этого дня Гордон, — пришли два другие корпуса, встретив на дороге только незначительное сопротивление неприятеля. Я поехал к ним навстречу и нашел их в версте от моего лагеря. Я советовался с его величеством о том, где ему иметь пребывание. Затем мы поехали дальше и осмотрели места, где должны были расположиться лагерем армии, а также, где можно бы легче всего и с наибольшей выгодой вывести траншеи и сделать батареи. Его величество решил стоять вне обоих валов с корпусом Автонома (Головина), чтобы быть в безопасности. Потом он мне поручил показать генералу Лефорту место его расположения. Проводив последнего на левый фланг, где он на эту ночь должен был стоять между старыми валами контр- и циркумваляционной линий, я вернулся и узнал, что его величество спрашивал меня. И он поехал со мной к моей палатке, оттуда к наиболее далеко вперед выдвинутым траншеям, которые были прикрыты валом. Это сооружение понравилось царю; он приказал доставить туда три мортиры и бросить в город три бомбы. О них говорили, что хорошо попали, хотя и недостаточно далеко отлетели, будучи все же пущены под углом в 45°... По заходе солнца пришли ко мне его величество и главные начальники корпуса Головина с инженерами. Мы выехали, чтобы осмотреть место, где должен был быть сооружен вал контрваляционной линии, относительно которого не было согласия между

---

[1] Gordons Tagebuch, II, 564—568; Походный журнал 1695 г., стр. 20—21.

[2] П. и Б., т. I, № 44, 45, 46 и стр. 518—519.

[3] Gordons Tagebuch, II, 569—570. *Ратч* в своей статье «Азовский поход 1695 г.» («Артиллерийский журнал», 1857 г., кн. V, стр. 39) говорит, что 5 июля, по прибытии отрядов Головина и Лефорта под Азов, «царь приказал Головину стать позади Лефорта, но потом, осмотрев местность, перевел на другой день правее города на восточную сторону от крепости», — но ничем не подтверждает этого известия. Между тем еще на военном совете 30 июня было решено расположить Головина правее Гордона. См. *Ласковский*, Материалы для истории инженерного искусства в России, II, стр. 39 и план осады в приложении к его труду.

инженерами. Даже после того, как его величество решил дело, главный инженер объявил, что он не возьмется начинать работу ночью из боязни, что ему не удастся вести линию прямо. Хотя я предложил свое содействие, однако это не помогло. Ночью я приказал только охранять уже готовые траншеи, так как я очень выдвинулся вперед и стоял бы без поддержки со всех сторон». Инженерами в первом Азовском походе были Франц Тиммерман, Адам Вейде и Яков Брюс. Из того, что во время движения по Волге Тиммерману был предоставлен особый струг, Устрялов не без основания догадывается, что именно Тиммерман был между ними главным [1].

Рис. 47. Я. В. Брюс
Гравюра.

В следующие дни осадные работы с русской стороны против Азова продолжались. Войска рыли апроши к крепости, причем Гордон вел свои апроши двумя змеевидными рукавами. Земляные сооружения трех лагерей связывались соединительными линиями, о чем особенно старался Гордон, хотя его старания и не всегда приводили к желанному успеху. Так, по свидетельству Плейера, 12 июля Гордон посылал к Лефорту напомнить, почему он считает необходимым, чтобы Лефорт ближе подвел свои траншеи к нему, чтобы тем легче один мог помогать другому при этих постоянных нападениях татарской конницы; однако, генерал Лефорт с этим не согласился. В ночь на 12 июля стрельцы Гордона на его левом фланге провели к генералу Лефорту ров на 20 сажен, а солдаты Головина на правом фланге сделали другой ров в 15 сажен и на конце его редут [2]. На земляных укреплениях осаждающих сооружались батареи. Уже 6 июля по свидетельству походного бомбардирского журнала, «генерал Ле-

---

[1] *Устрялов*, История, II, примечание 56.
[2] Плейер у *Устрялова*, История, II, приложение XVIII, стр. 572.

форт бил из пушек по городу». Около полудня того же числа Гордон начал стрелять из мортир, расположенных на батарее в его передних траншеях. Все следующие дни он очень был занят сооружением других батарей. В обстреле города с батарей Гордона принял большое участие и сам Петр, продолжавший с увлечением заниматься бомбардирским делом. В известиях Плейера читаем, что «большой бомбардир (ибо так царь желал называться и собственными руками начинял гранаты и бомбы) поставил на сооруженные генералом Гордоном батареи, потому что его собственные[1] не были еще готовы, 8 маленьких мортир и стрелял из них по большей части сам в течение двух недель». За 8 июля Гордон отмечает значительный успех артиллерийской стрельбы со своих батарей: мортиры работали очень успешно, так что город загорелся во многих местах. Еще больше были успехи 9 июля, когда готова была батарея в 16 пушек. Будучи приведена в действие, она заставила замолчать неприятельские пушки, а около 4 часов пополудни была снесена большая сторожевая неприятельская башня, причинявшая осаждающим значительный вред. За 10 и 12 июля число батарей Гордона увеличилось. Под 8 июля он в своем дневнике упоминает о начале действия трех пушек в лагере Головина, однако без заметного успеха[2].

Еще 6 июля осаждающими было замечено несколько турецких галер, числом около 20, подошедших к Азову с моря с подкреплениями и припасами; осаждающие были бессильны помешать доставке этих подкреплений в Азов. Усилившись еще подвезенными подкреплениями, неприятель стал тревожить осаждающих постоянными нападениями и вылазками. Так, 7 июля в 4 часа пополудни турки и татарская конница сделали сильную вылазку на лагерь Лефорта, ворвались в него и перебили немало людей. Лефорта во-время выручил Гордон, подошедший на помощь с 2 000 солдат и стрельцов. Увидя приближение помощи, неприятель отступил. «Бой продолжался долго, — писал об этом нападении Лефорт брату в Женеву. — Татары стремились взять мой лагерь силой. После двухчасового сражения они были принуждены к отступлению со значительными потерями. Я с своей стороны потерял храбрых офицеров. Мой лагерь был наполнен стрелами. Несколько сот солдат было частию убито, частию ранено»[3]. О помощи Гордона Лефорт в этом письме забывает упомянуть. В ночь на 10 июля повторилась попытка турок напасть на лагерь Лефорта. «Ночью, — пишет Плейер, — подкрались турки из города на несколько сажен к лагерю Лефорта, однако были замечены караулом генерала Гордона. Им навстречу быстро вышел в поле сам генерал Гордон со своим караулом и так как

---

[1] Т. е. в отряде Головина.
[2] Gordons Tagebuch, II, 570—573.
[3] *Posselt*, Lefort, II, 542.

после этого в обоих лагерях поднялась тревога, то турки повернули обратно»[1].

Базой, питавшей армию провиантом, снарядами и всем необходимым, продолжала служить пристань на реке Койсуге верстах в 10—15 от лагерей, где все запасы хранились на судах. Туда приходилось посылать за ними обозы, постоянно подвергавшиеся опасности неприятельского нападения. Учредить базу где-либо ближе к лагерям или подвозить припасы речным путем мешали две преграждавшие путь по Дону турецкие каланчи. Поэтому среди русских командиров стала обсуждаться мысль об устранении этого препятствия. 11 и 13 июля собирались военные советы по этому поводу и на последнем из них, происходившем у Гордона, надо полагать в присутствии Петра, было решено взять ближайшую каланчу в следующую же ночь. Казаки в количестве 200 вызвались охотниками на это предприятие, и им было обещано за это по 10 рублей человеку[2].

Перед рассветом 14 июля эти охотники, поддержанные отрядом солдат под командой полковника Александра Шарфа, подкрались к ближайшей каланче. У железных ворот каланчи казаки заложили петарду и взорвали ее. По рассказу Плейера, петардой были взорваны ворота. По рассказу Гордона, взрыв петарды не оказал никакого действия, и казаки, подрыв отверстие у одной из амбразур башни заступами, проникли в нее через это отверстие. Так или иначе, нападающие проникли в башню и напали на сидевший там гарнизон: четверо турок было убито, 14—15 взято в плен[3]. Некоторые, пишет Гордон, выбросились в реку и утонули. Захвачено было 15 пушек разной величины, несколько бочек пороху и снарядов и некоторое количество припасов. Тотчас же, как свидетельствует Плейер, несколько тяжелых пушек было поставлено на обведенный вокруг каланчи вал, и начался сильный обстрел другой каланчи, расположенной на противоположном берегу Дона. В этой бомбардировке принимал участие один из бомбардиров, Лука Хабаров[4]. Взятие первой каланчи вызвало в русском лагере большую радость. Был отслужен молебен, сопровождавшийся пушечным и ружейным залпом.

14 же июля перебежал к туркам некий голландский матрос Янсен, взятый на русскую службу в Архангельске, человек, как свидетельствует Плейер, бывший близким к царю. Осведомив-

---

[1] *Устрялов*, История, т. II, приложение XVIII, стр. 571—572.

[2] Gordons Tagebuch, II, 572—573; *Устрялов*, История, т. II, приложение XVIII, стр. 572.

[3] Это — цифры, приводимые Петром в его письмах от 17 июля к царю Ивану Алексеевичу (П. и Б., т. I, № 47) и к Кревету (там же, № 49). В них есть небольшое разноречие. В первом число убитых не приводится, пленных — 14 человек; во втором: убитых 4, пленных 15. Гордон показывает 15 пленных. Плейер — 3 убитых и 17 пленных.

[4] *Ратч*, Азовский поход 1695 г. («Артиллерийский журнал», 1857, V, стр. 41—42 с цитатами из «Кабинетных дел Петра», кн. 69); *Устрялов*, История, т. II, приложение XVIII, стр. 272.

шись через него о порядках в русских войсках, о том, что после полудня в русском лагере все ложатся отдыхать, турки 15 июля как раз в это время сделали вылазку на позиции Гордона, ворвались внезапно в его траншеи, перебили много спящих, захватили 16-пушечную батарею, большие пушки заклепали, а малые увезли в город. Гордону больших трудов стоило остановить паническое бегство, начавшееся на его позициях. Он исчисляет свои потери при этом в 300—400 рядовых и несколько офицеров. Были ранены трое бомбардиров, с которыми Петр был связан дружбой: князь Ф. И. Троекуров, Яким Воронин и Григорий Лукин. «Это несчастие, — заключает свой рассказ о событии Гордон, — научило нас быть осторожнее и с бо̀льшим прилежанием укреплять наши редуты и траншеи». Весь гнев Петра за это печальное происшествие обрушился, может быть, и не совсем справедливо, на стрельцов, к которым он не питал симпатий. «Его величество, — пишет Гордон под 16 июля, — сделал командирам и стрельцам выговор с угрозою за неисполнение долга при последней вылазке». Между тем бомбардировка второй каланчи продолжалась, и турки, не будучи в состоянии ее выдерживать, в ночь с 15 на 16 июля покинули каланчу, и этот успех должен был утешить Петра за только что испытанное несчастие. Взятие обеих каланчей открывало возможность приблизить к осаждающим войскам их базу и облегчить снабжение их запасами. И действительно, 17 июля суда, нагруженные амуницией, провиантом и припасами в количестве более 3 000, по исчислению Плейера, пришли от пристани с Койсуги и стали у каланчей поблизости от русских позиций. В этот день царь возил с собой Гордона показывать ему каланчи, причем Гордон воспользовался этим путешествием, чтобы похлопотать перед Петром лично об усыпальнице, которую он строил для себя в Москве и в сооружении которой он встречал какие-то препятствия. Царь обещал велеть написать об этом деле. В тот же день Петр известил письмами о радостном событии брата, царя Ивана Алексеевича, и московских друзей. «Нынешнего месяца июля 14 дня, — сообщал он брату, — явным приступом без всякие утраты воинства своего одну каланчу турецкую на реке Дону ко Азову взял; под другую же каланчу бысть пушечная стрельба и метание бомб, и от такового страха турецкие люди в ночи побежали, и тую каланчу в 16 день наше воинство заступило». Петр в дальнейших строках ясно оценивает всю выгоду этого успеха для снабжения войска: «И которое всему государству и христианству было задержание и от того великое людем разорение, ныне при помощи божией ворота по Дону отверсты и ход свободен. И которые были на пристани многие суды числом больше тысячи, кроме малых, которая пристань отстояла от Азова сухим путем верст с 15, с которой пристани непрестанно, как пушки с припасы, так и хлебные запасы возили с великим трудом не без страха и с провожатыми, те суды пришли рекою Доном и поставлены, как могли уместится, ниже и выше тех каланчей, о чем неприятель за тот

великой убыток сумнение и страх имеет». Далее Петр перечисляет захваченные трофеи: «А на тех двух каланчах взято: медяных великих и средних и менших 32 пушки, кроме всякого мелкого ружья, пороху же, ручных гранат, ядер и всяких припасов многое число, да три знамя, живых 14 человек, а побито и перетонуло многое число». В заключение письма царь изображает внешний вид и общее состояние Азова в тот момент, когда пишет: «Самый Азов в крепком облежании: раскаты и башни, где были пушки, и вся пушечная стрельба отнята и сбита; и в каменном городе, как от пушек разбито, так и от бомб все выжжено, и жильцов никого нет, и все вышли в вал, которой против наших обозов, но и тут они не без бедства; и шанцы подведены в самые ближние места, и чаять, что сего июля 18 или 19 дойдут до рвов; жены же и дети все живут на загородных дворах и на судах». С несколько иными подробностями царь уведомлял о тех же событиях Кревета[1]. Упомянув о подходе под Азов, о сооружении апрошей, о разрушительной стрельбе по городу и о вылазках турок на Лефорта и на Гордона, Петр продолжает: «Да сего ж месяца июля в 14 день каланчю, на сем берегу стоящую, по утру приступом взяли, на которой взято языков 15 человек, да четыре убито; а наших убито 2 человека да несколко раненых. И посылали на другую каланчу говорить, чтоб оне здались, но оне в том отказали; аднакоже во вчерашнею ночь оною покинули, и мню, что покинули ее того ради, что уже некоторая часть ее розбита была из наших пушек и бомбы бросаны; для которого взятия зело великая радость была здесь и, благодаря бога, стреляли во всех полках, и теперь зело свободный стал проезд со всякими живностми в обозы наши, и будары [с] запасами воинскими [и] съестными с реки Койсы суды пришли, которые преж сего в обоз зело провожены были с великою трудностью от татар сухим путем». Взятие каланчей открывало Петру радужные перспективы, и такое настроение слышится в заключительной фразе только что приведенного письма. «И, слава богу, — заканчивает его Петр, — по взятии оных (каланчей), яко врата к Озову щастия отворились»[2].

Вести об этом удачном для русских войск деле донеслись до Москвы 29 июля. «Июля в 29 день, в понедельник, за час до вечера, — записал живший тогда в Москве Желябужский, — пришла из донского похода почта из-под Азова: милостию божиею и их государским счастием под Азовом две каланчи взяли, сиречь башни; одну боем взяли с великим трудом, а другую без бою для того, что от страха и ужаса великого они побежали». Желябужский передает, далее, известия о доставшейся русским до-

---

[1] *Устрялов*, История, т. II, приложение XVIII, стр. 573; Gordons Tagebuch, II, 574—576; П. и Б., т. I, № 47. В тот же день, 17 июля, он писал еще Ромодановскому, Т. Н. Стрешневу и И. И. Бутурлину (П. и Б., т. I, № 48 и стр. 522—523). О тех же событиях Петр уведомлял патриарха письмом от 19 июля (П. и Б., т. I, № 50).

[2] П. и Б., т. I, № 49.

быче, но искажая цифры и преувеличивая сведения об успехах: «на обеих каланчах взяли 37 пушек, также и порох и ядра, да языков взяли на одной каланче 17 человек, а на другой 14, а тех, которые побежали, всех порубили, а иные все перетонули, а крепости азовские все разбили, также и стены проломали, и верхний бой у них отняли и почали вал валит». На другой день по получении этих известий, 30 июля, был выход царю Ивану Алексеевичу в собор, где патриархом отслужено было молебствие и на молебствии прочтено было сообщение о победе, также довольно спутанно переданное Желябужским [1]. О благодарственном молебствии писали Петру в своих ответных письмах царь Иван Алексеевич и патриарх Адриан от 31 июля [2].

XXIII. ПРОДОЛЖЕНИЕ ОСАДЫ. ПЕРЕПИСКА С МОСКОВСКИМИ ДРУЗЬЯМИ

Между тем операции под Азовом продолжались. 18 июля у Гордона состоялось заседание военного совета, на котором он внес три предложения: во-первых, довести до реки контрвалящионную линию, чтобы помешать неприятельской кавалерии свободно выезжать из города и въезжать в него; во-вторых, переправиться на ту сторону Дона с артиллерией, соорудить там форт и оттуда обстреливать Азов, который, будучи расположен на покатом к реке склоне, был очень доступен выстрелам с противоположного берега; с этого берега были ясно видны в нем, как свидетельствует Плейер, все улицы и ворота. Наконец, в-третьих, восстановить и укрепить каланчи для охраны стоявших возле них судов. Второй пункт был принят; остальные отложены до следующего заседания, что вызвало неудовольствие старого генерала. «Все шло так беспорядочно и медленно, — не без раздражения записывает он в своем дневнике, — что как будто было для нас не серьезно». Гордон верно отметил здесь черту, отличавшую все предприятие: оно было чем-то средним между настоящей войной и продолжением кожуховской игры. Укрепление каланчей, которое генерал считал необходимым, было отложено, стали только сооружать пловучий мост через Дон, перекидывая его с того острова, на котором находилась первая из каланчей. На следующий день, 19 июля, военный совет продолжался. Князю Я. Ф. Долгорукому велено было во главе отряда в 4 000 человек с тяжелыми пушками и мортирами переправиться через Дон и соорудить укрепление на противоположном берегу. В ночь на 20 июля Долгорукий удачно совершил эту переправу и занял указанное ему место; однако вследствие неудобной дороги не весь отряд его подошел с ним сразу; часть его людей отстала от него и стояла в поле, укрываясь за испанскими рогатками. 21 июля около 10 часов утра татарская

---

[1] *Желябужский,* Записки, изд. Сахаровым, стр. 24—25.
[2] П. и Б., т. I, стр. 519—520, 524—526.

конница стала переправляться на лодках и вплавь через Дон, чтобы напасть на князя Долгорукого, который не успел еще как следует укрепиться на том берегу. Заметив это намерение неприятеля, Гордон послал уведомить о происходящем других военачальников и пригласить их к совместному нападению на ту часть татарской конницы, которая не успела еще переправиться и стояла на берегу. Это нападение должно было, по его мнению, отвлечь татар от князя Долгорукого. Не найдя сочувствия у других генералов своему плану, он был вынужден обратиться к самому Петру. «В опасении, — пишет Гордон, — что неприятели могут напасть на наш отряд, который еще не совсем окопался (отряд князя Долгорукого), я поспешил к его величеству и представил ему дело. Он, соглашаясь со мной, поехал со мной к князю Б. А. Голицыну и после некоторых объяснений приказал выступить кавалерии с пехотой по 1000 человек от каждого корпуса». Взяв от каждого из своих полков по 100 человек при одной пушке с 10 испанскими рогатками, Гордон выступил из лагеря с развернутыми знаменами и остановился, ожидая кавалерию и пехоту из других корпусов. Но это ожидание было тщетно; Лефорт и Головин, не желая доставлять Гордону славу успеха, не прислали ни одного человека, и приказ царя на них нисколько не подействовал. Чтобы предпринять что-либо тем временем и скрыть от армии такой беспорядок и распри, Гордон приказал соорудить укрепление на внешнем углу большого вала для защиты лагеря, которое и было закончено на другой день. Все же цель, которую он имел в виду при этом движении, была достигнута. Татарские всадники, заметив его выступление и намерение на них на-

Рис. 48. Князь Я. Ф. Долгорукий

Гравюра со старинного портрета маслом, находящегося в настоящее время в Оружейной палате в Москве.

пасть, поспешили вернуться, не дожидаясь лодок, бросились в воду и переплыли реку обратно, держась за гривы лошадей. Отряд Долгорукого был, таким образом, избавлен от грозившей ему опасности. Через несколько дней, закончив земляное укрепление, поставив на нем пушки и мортиры и посадив гарнизон из 400 солдат и 200 казаков, полки Долгорукого вернулись к главному войску [1].

22 июля Петр дважды заходил в лагерь Гордона, 23-го был военный совет, на котором Гордону, как он пишет, с большим трудом удалось настоять на посылке отряда для того, чтобы затруднить сообщение неприятельской конницы с городом. Во все эти последние июльские дни не произошло на фронте ничего сколько-нибудь важного. Осаждающие продолжали рыть траншеи, и Петр извещал московских приятелей в письмах от 30 июля об успехах этих работ. «А о здешнем поведении изволишь ведать,— пишет он Ромодановскому,— что отец твой богомолец и холопи твои, государевы, генералы, со всеми при них будущими, дал бог, в добром здоровьи, и промыслами своими день о дни к неприятелю опрошами приближаютца, и уже генерала нашего редут в 20 саженях от города обретаетца». «А о здешнем известен буди,— пишет он в тот же день Кревету,— что, славо богу, уже менши тридцати сажан от города обретаемся и в надежде [на] милосердие божие о благом совершении не сумневаемся» [2]. Чтобы помешать этим работам, неприятель предпринимал вылазки [3]. Иногда перед русскими лагерями показывалась неприятельская кавалерия, не решаясь ничего предпринять [4]; иногда она делала набеги на луга, простиравшиеся по берегу Дона поблизости каланчей, чтобы похищать пасшихся там русских лошадей, причем происходили мелкие стычки [5]. 28 июля решено было предложить гарнизону сдаться. В 10 часов утра были посланы к Азову два казака с письмом от имени трех генералов с предложением сдаться на выгодных условиях. Подъехав к городу, казаки стали вызывать турок, размахивая шапками. На их знаки вышло двое турок, которые, взяв письмо, обещали перевести его и затем дать ответ, потребовав для этого трехчасовое перемирие, что и было дано. По истечении назначенного срока они вышли с ответом, что будут биться до последнего человека. Попытка склонить гарнизон к сдаче переговорами, таким образом, не удалась. Между тем в лагере осаждающих царило большое нетерпение кончить дело. «Все были в нетерпении,— записывает Гордон под 30 июля,—и сильно желали, чтобы этому делу был положен конец; многие только и говорили, что о штурме, хотя и не представляли себе, что́ для этого нужно. На этом настаивали и те, кото-

---

[1] Gordons Tagebuch, II, 577—580; *Устрялов,* История, т. II, приложение XVIII, стр. 574.

[2] П. и Б., т. I, № 51, 53. Тоже Виниусу, там же, № 52.

[3] 24, 26, 31 июля.

[4] 24 июля, 1 августа.

[5] 25 июля, 2 августа.

рые живейшим образом желали вернуться. Было поэтому решено вызвать охотников с тем, чтобы они сами выбрали себе офицеров, и выдать охотникам по 10 рублей человеку, а офицерам — особое вознаграждение. Когда солдаты, казаки и стрельцы были о том извещены, то очень охотно записалось 2 500 казаков, и они объявили, что, если будет позволено, то запишется еще более. Но солдаты и стрельцы шли менее охотно. Так как было велено записать от каждого корпуса по 1 500 человек, то это число скоро было заполнено». Гордон не ожидал от этого призыва охотников добрых результатов; его смущало, главным образом, то, что при позволении охотникам выбирать себе самим офицеров пострадает организация командования. Он жалуется, что делал о том представления неоднократно, — надо подразумевать, конечно, Петру, — но это не помогало. «Итак, — пишет он в заключение, — я должен был плыть по течению, не желая принимать на себя упреков в каждом замедлении и задержке. Я получил приказание приготовить штурмовые лестницы и мосты» [1].

Занятый с этого времени мыслью о предстоящем штурме, Петр находит, однако, возможность и время уделить внимание и другим делам. Не довольствуясь разговором своим с царем об усыпальнице в Москве, Гордон подал ему о том челобитную. Царь «подписал» ее, т. е. приказал сделать на ней обычную отметку об удовлетворении челобитчика, начинающуюся словами: «Государь пожаловал, велел. . .» и т. д., и Гордон подписанную челобитную посылает в Москву боярину Т. Н. Стрешневу. В письме от 30 июля к Ромодановскому царь пишет о жалобах датского резидента Бутенанта фон Розенбуша на разорение, причиненное ему возмущением крестьян Заонежского Кижского погоста, приписанных к пожалованным Розенбушу олонецким заводам. Петр предписывает Ромодановскому удовлетворить жалобщика: «По вся почты непрестанно камисар Андрей Бутман слезами пишет о своем розорении олонецком; о чем ноипокорственнее прошу ваше благоутробие, дабы во оном деле спроведливость ему на оных бунтовщиков немедленно учинено было, понежа уже едва не годишное время прошло во оной ево напасти, о чем, паки повтаряя, прошу». В тот же день он обращается к Виниусу по делу о присылке заказанной в Голландии галеры в Архангельск, о привозе ее в разобранном виде в Москву, просит, чтобы сопровождающего ее мастера из Архангельска обратно в Голландию не отсылать, а прислать его в Москву для сбора галеры, и подробно указывает, откуда взять деньги для расплаты с ним. «Min Her, — читаем мы в этом письме. — Писма ваши, июля 9 и 16 дня писанные, мне отданы, в каторых в первом, что галея прислана будет и чтоб тому, кому збирать ея, от Города воротитца. И тому как статца? потому что та галея надобеть на Москве, а не у Города, и привезут ея к Москве, кому збирать? А мастер тот для того и послан, чтоб ея собрать. И ты, как ни

[1] Gordons Tagebuch, II, 580—583.

есть, зделай, чтоб тот мастер с нею был к Москве; а как он её зберет, и в ту пору ему свободной отпуск будет, без задержания; а что деньги заплатить, вели, буде осталися, от покупки карабелной, а буде нет, ин вели заплатить Гартмону, а ему из Болшой Казны». Далее царь дает объяснение, почему задерживались письма из-под Азова, на что сетовал Винкус во втором из своих писем, и уведомляет о ходе азовских дел: «Как еще каланчи не были взяты, зело трудной проезд был на Койсу от татар, и толко в ту пору почты посылали, как обозы по запас ходили на Койсу; а ныне, получа свободной проезд, в том замедлений не будет. В том же писме пишешь о стуже московской. А здесь жары великие, только непрестанные ветры; и севодни день был пасмарен, и во всю ночь был дош. В деле нашем, слава богу, порядок идет доброй, и уже менши тридцати сажен от города обретаемся и, в надежде милосердия его, о благом совершении не сумневаемся»[1].

Виниус в своих письмах к Петру сообщает ему полученные в Москве известия о текущих событиях в Западной Европе, и его письма показывают нам круг осведомленности Петра об этих событиях. «По общим, государь, вестям почтовым, — читаем в письме Виниуса от 3 июля, — о полских нарядных войсках и походе их не слышит, а король их по июнь месяц был в Варшаве. А цесарские войска собирались под Будиным, ожидали саксонских и, с теми совокупясь, пойдут дале числом с 50 000 человек, ожидают на себя крепкое наступление турское. А французские, через реку Рену (Рейн) перешед, поборы на цесарские городки и места наложили, и с той страны цесарская противность им бессильна. На венетов великое же собрание турок на воде и суше; о сражениях их не слышим. Король Вилгельм с союзники пошел на француза с 130 000 человек, а француз обороняется с 90 000 за крепостьми, и мнят быти бою великому»[2].

Т. Н. Стрешнев писал царю из Москвы от 16 июля. В письме он высказывал свои чувства по поводу получения известий от Петра и хвалил его; «...и нам радость велия о начатом деле, которое богом управлено счастливо и твоею здраворазумною главою упровляется и которые в том военном деле помогают». Он уведомлял также царя о поимке в Москве подрядчиков, оказавшихся виновными в недоставке припасов для войска по условию и о посылке их к Азову[3]. «Min Her heilige Vader, — отвечает ему на это письмо Петр от 2 августа, протестуя против заключавшихся в нем похвал. — Письмо твое августа во 2 день мне отдано, в котором многое преимущество нам приписать изволили, которого никако в себе видеть можем; однакож, хотя и не суть сная в нас, обаче предаемся в рассуждение ваше архипастырское. Подрядчиков по письму ожидаем. А о здешнем поведении

---

[1] П. и Б., т. I, № 51, 52.
[2] Там же, стр. 514.
[3] Там же, стр. 518.

известен буди, что шанцами гораздо пришли близко рву, и от того неприятелям учинилась великая теснота. А что станет впредь делаться, и о том писать буду. Piter. Из обозу августа в 2 д.»[1].

XXIV. НЕУДАЧНЫЙ ШТУРМ АЗОВА 5 АВГУСТА 1695 г.

В заключительных словах письма к Стрешневу о «великой тесноте, учинившейся неприятелю» от успешного хода русских осадных работ под Азовом, слышна у Петра уверенность в близости счастливой развязки. Окончательное решение о штурме было принято на военном совете 2 августа, и днем штурма назначено ближайшее воскресенье 5 августа. «Был военный совет, — записывает в своем дневнике под 2 августа Гордон, — на котором присутствовал его величество и другие. С большим рвением настаивали на том, чтобы предпринять штурм в ближайшее воскресенье. Хотя я очень серьезно представлял, что прежде всего нужно подвести траншеи ближе к первому рву и надо вывести ров насколько возможно кругом города к городскому рву, чтобы он мог служить защитой и прикрытием для штурмующих, если бы они оказались побеждены; однако все это не имело перевеса. Был решен штурм, и отданы соответствующие приказания». Следующие два дня прошли в приготовлениях к штурму. 3 августа в лагере Гордона заготовлялись в большом количестве штурмовые лестницы и фашины. 4-го вызвавшиеся итти на приступ волонтеры упражнялись и им велено было ночью держаться наготове в шанцах. Гордон, не перестававший все-таки делать попытки отсрочить штурм, в присутствии Петра напутствовал своих солдат речью. «Его величество, — читаем в его дневнике, — пришел ночью ко мне. Я не мог добиться никакой отсрочки штурма, несмотря на старания, с которыми я излагал возможные причины его неудачи. Мы велели охотникам выступать с офицерами, которых они сами избрали. Я обращался с речью ко всем в совокупности и к каждому полку особо, чтобы они держались мужественно, что они обещали». Гордон считал штурм преждевременным и не верил в возможность его успеха; поэтому ему все окружающее казалось в мрачном свете. «Я заметил при этом многое, — продолжает он свой рассказ, — что́ мне не понравилось, как-то: чрезмерное число охотников должно было причинять беспорядок, недостаток офицеров и их неопытность, что́ могло вести к замешательству. Но они вследствие излишней уверенности или по глупости не хотели брать ни лестниц, ни мостов, ни других каких-либо приспособлений. И все-таки я прочел у многих на лицах, что они готовы раскаиваться в своем предприятии. Все это не обещало ничего доброго». Гордон делает последнюю попытку отговорить от штурма, но тщетно. «Я представлял

[1] П. и Б., т. I, № 55. Последние слова этого письма те же, что и в письме к Ромодановскому от того же дня (там же, № 54). В тот же день были написаны еще письма к Кревету, Виниусу и Бутурлину, до нас не дошедшие (там же, стр. 529).

об этом его величеству еще во время ночи, объявляя открыто, что неразумно предпринимать штурм против крепости, где осажденные решили ожесточенно до гибели драться, притом же, когда минами или пушками еще не сделано бреши, даже без лестниц, которых штурмующие не хотят захватывать, и при таком отдалении (апрошей) от рва, именно на 40 или на 50 сажен. Отправив всех к траншеям, я сам пошел туда, и затем вскоре туда пришел генерал Автоном Михайлович. Во втором часу ночи его величество прислал мне сказать, что придет в мою палатку, чтобы поговорить со мной. Когда он пришел с другими генералами, говорили только о штурмах и о взятии города, и я не мог ничему этому воспрепятствовать. Я сказал, как другие, хотя и далек был от того, чтобы обещать успех». Было решено, что тревога, пробитая поутру, будет сигналом к штурму [1].

Гордону принадлежит и единственное сколько-нибудь полное описание самого штурма 5 августа. «С рассветом, — читаем у него, — я послал приказание стрельцам занять траншеи и затем велел бить тревогу, что́ было знаком к нападению. Однако передовые не выказали никакого усердия и пропустили значительное время, пока мы их принудили к выступлению. И это происходило без особенного оживления. Между тем они шли вперед. Командуя бутырскими и тамбовскими солдатами на левом фланге, я приказал им беспрерывно стрелять против углового бастиона, и они держались с этой стороны очень хорошо. Но другие полки, которые должны были итти вправо поблизости Дона, более следовали за бутырцами и тамбовцами и, поворачивая влево, пришли в пространство между садами, где они сочли благоразумнее засесть, чем решительно броситься на вал. Бутырские и тамбовские солдаты, заставив неприятеля прекратить стрельбу с валов болверка, живо двинулись вперед и пошли на приступ болверка, влезая на вал даже без лестниц, что было довольно легко по уступам плетня. Но когда они достигли гребня, они встретили ожесточенное сопротивление, потому что турки сражались, как люди, полные отчаяния. Хотя наши напали на них храбро, однако не были в состоянии ворваться в болверк. Здесь был убит «бей», или начальник города. Между тем другие полки не пытались ни напасть на доставшиеся им места, ни помочь нападающим на болверк. Это очень ободрило турок, и они без всякого опасения стреляли по тем, которые теснились между садами и стояли неприкрытыми от огня с вала». Итак, отважно вели себя охотники бутырского и тамбовского полков, действовавшие против углового болверка, заставившие неприятеля замолчать и взобравшиеся на вал, хотя в конце концов им не удалось достигнуть намеченной цели: овладеть болверком. Охотники, составлявшие правую колонну, которая должна была подступить со стороны Головина и направить усилия против азовских укреплений, примыкавших к берегу Дона, действовали

[1] Gordons Tagebuch, II, 584.

вяло; вместо того чтобы держаться вблизи Дона, сбились влево и засели в пригородных садах, не решаясь двигаться дальше. Слабее всех, по рассказу Гордона, оказалась часть войск, которая должна была нападать на Азов со стороны расположения Лефорта. Эта часть почему-то медлила и выступила только тогда, когда войска Гордона начали уже отступление. «Левофланговые, — пишет Гордон, — не сделали ничего, даже самомалейшего, до тех пор, пока наши, будучи утомлены, начали отступать. Тогда они предприняли атаку, но не с лучшим успехом, чем другие». Гордон относился вообще пристрастно к Лефорту с того времени, как последний сделался таким близким любимцем Петра, и, может быть, в рассказе о поведении левофланговых краски сгущены слишком и не совсем справедливо. Сам Лефорт в письме к брату, написанном по окончании первого Азовского похода, иначе изображает дело. «Немногого недоставало, — пишет он, — чтобы город был взят, если бы только один генерал имел войска наготове во-время, когда следовало. Из 1 500 моих охотников 900 было убито или ранено. Они оставались на валах в течение двух часов после других, чтобы спасти три знамени, упавшие в турецкие рвы вместе с убитыми офицерами. Они предпочитали умереть, чем потерять свои знамена. Они вернули их. Если бы еще было 10 000 солдат, город был бы взят приступом. Но он никогда не сдался бы: турки упорны и не желают никакой пощады» [1].

Весь ход штурма 5 августа можно, следовательно, себе представлять в таком виде. Штурм велся вызвавшимися охотниками в числе 4 500 человек, подразделенных на три колонны по 1 500 человек каждая, которые выступали под командой трех генералов. Колонна Гордона, состоявшая из волонтеров Бутырского и Тамбовского полков, действовала соответственно общему расположению войск в центре, колонна Головина должна была напасть на азовские укрепления с правого фланга, вблизи берега Дона, колонна Лефорта — с левого фланга. В бою, как он разыгрался в действительности, первоначальные предположения нарушены были и относительно места и относительно времени. Солдаты Гордона штурмовали болверк, но не были поддержаны другими отрядами. Отряд Головина изменил направление, сдвинулся влево к центру, засел в садах, не атакуя укреплений и тем не отвлекая неприятеля от войск Гордона. Отряд Лефорта вступил в бой позже, чем следовало, когда атака Гордона кончилась неудачей. По плану было задумано нападение на Азов также и с четвертой стороны, с тыла, для чего донские казаки в числе 400 должны были спуститься по Дону на 20 лодках. Руководимые самим Петром, они успели это сделать во-время, но встретили ожесточенное сопротивление со стороны осажденных, были отбиты и принуждены были вновь сесть в лодки и вернуться по реке ни с чем.

Штурм кончился неудачей, но никто не решался дать приказ

[1] Gordons Tagebuch, II, 586—588; *Posselt*, Lefort, II, 246—247.

к отступлению без Петра, а Петр отлучился с того места, на котором он обещал находиться во время штурма, поехал руководить экспедицией казаков на лодках, и его нельзя было отыскать. «Уже штурмующих, — пишет Гордон, — не оставалось и третьей части, так как многие из здоровых уносили убитых и раненых... Мы долго ждали приказания царя, но не получили никакого. Поэтому я дал приказ к отступлению, твердо решившись лучше подвергнуться немилости, чем без нужды жертвовать еще людьми. Так это предприятие, — заключает Гордон свой рассказ о штурме, — несвоевременно и необдуманно начатое... имело очень неудачный исход. Из всех четырех полков было убито 1 500 солдат, не считая офицеров. Многие из них остались во рвах и у валов». Дальнейшие строки записи Гордона за этот несчастный день, 5 августа, показывают, в каком душевном состоянии находился Петр под влиянием испытанной неудачи. «Около 9 часов (утра?) прислал его величество за мной; вытребованы были к нему и другие генералы. Здесь видны были только гневные взгляды и печальные лица. Я просил устроить военный совет, чтобы посоветоваться о нашем положении. Поздно вечером был я опять у его величества. Ночью были унесены многие убитые».

Военный совет, на созыве которого настаивал Гордон, состоялся на другой день, 6 августа, после обеда у генерала Лефорта. На нем присутствовало, пишет Гордон, много лиц всякого ранга и состояния. Из слов Гордона о том, что «после долгого обсуждения все, хотя и неохотно, согласились со взглядом и решением его величества продолжать осаду, продвигать дальше траншеи и закладывать мины», видно, что Петр, сохранивший твердость духа при только что испытанной неудаче, стоял за продолжение осады, что окружавшие его лица предпочли бы отказаться от предприятия и бросить его, но были принуждены подчиниться твердой воле царя. Так впервые, кажется, обнаружилось свойство характера Петра не унывать и не падать духом при неудаче, а наоборот, настойчиво стремиться к достижению намеченной цели. Соответственно с этим решением продолжать осаду, продвигая вперед траншеи, мы в следующие дни встречаем в дневниках Гордона и Плейера ряд отметок об этих работах. 7 августа Гордон записывает: «Я отправился к месту действия и отдал приказание продолжать работу над траншеями». 8-го: «Я начал продвигаться с траншеями». 7-го и 8-го читаем у Плейера, что работа с большим усердием продолжалась. 8-го в лагере Гордона происходило погребение его соотечественника и одноверца Кармихаэля, совершенное католическими священниками. Петр не упустил случая присутствовать на этом богослужении, а затем с сопровождавшими его матросами зашел к Гордону и оставался у него довольно долго. В ночь на 9-е разыгралась сильная буря с моря, вода в реке высоко поднялась. 9-го ветром вверх по реке против течения принесло от города неприятельскую тридцативесельную галеру и с нею лодку меньших размеров. Между тем осадные работы продолжались. 9-го Гордон

продвинул траншеи до пункта, где он намеревался закладывать мину, соорудил два редута и велел перенести ближе мортиры; 10-го он продолжал траншеи и для прикрытия их устроил небольшие форты. 11-го начали закладывать мины на правом и левом флангах. 12-го Гордон начал работать над миной. Неприятель тревожил осаждающих нападениями, пуская конницу, завязывая мелкие стычки (8 августа), похищая лошадей (11 августа), а иногда предпринимая и серьезные вылазки. Так, 11 августа была сделана вылазка на Гордона, но тотчас же была отбита с большими потерями для неприятеля. Три часа спустя неприятель повторил нападение, на этот раз на генерала Лефорта, и эта вылазка причинила большой урон русским; турки побили много людей, захватили и унесли много оружия и шанцевого инструмента. Вылазка на Лефорта была повторена 14 августа. В стычках с неприятелем захватывались пленные, через которых осаждающие узнавали о положении и ходе дел в городе. Так, 12 августа казаки захватили двух турок, которые, будучи подвергнуты расспросу под пытками, показали, что во время штурма были убиты бей — правитель города, ага, командовавший янычарами, и около 200 человек рядовых (более 300, по Плейеру), что командование было предложено Кубек-мурзе, но он от него отказался; при начале осады в городе находилось, включая и вновь прибывших, 6 000 человек, из них почти третья часть потеряна убитыми, ранеными и больными, но припасов довольно и нет недостатка в снарядах. Пальба по осажденному городу, сократившаяся было 9 августа вследствие недостатка в фитилях, затем приняла обычные размеры и производила в городе беспрестанные пожары [1].

14 августа Петр написал ряд писем в Москву. В дошедших из них слышатся вновь бодрые ноты. Ромодановскому он после обычных шуток сообщает об успехе траншейных работ: «Min Her Kenich. Писма ваши государскии, июля 30 дня писанные, мне августа в 10 д. отданы, за которую вашу государскую милость многократно благодарствую и впредь такоже по верной своей службе служить обещаюся. А о здешнем поведении возвещаю, что великий господин святейший Ианикит, отец ваш государев и богомолец, такожде и холопи ваши генералы Автамон Михайловичь, Франц Яковлевичь, Петр Ивановичь со всеми при них будущими, дал бог, здоровы и *шанцами дни в четыре или в пять придут в ров*». Кревета он извещает о захвате приплывшей вверх по реке неприятельской галеры и интересуется, получены ли в Москве давно ожидаемые им инструменты: «А здесь, дал бог, все здоровы, и ныне назад тому дней с пять взяли наши турецкую полукаторжи, которая долиною ручных сажан з двадцат; а иных никаких вестей здесь нету. Преж сего писал ты о инструментах, а нынече уже в двух грамотках об них не пишешь;

---

[1] Gordons Tagebuch, II, 588—590; *Устрялов*, История, т. II, приложение XVIII, стр. 577; Походный журнал 1695 г., стр. 27.

присланы ли они к Москве или нет?»[1]. Возможно, что не дошедшее до нас письмо к Виниусу, отправленное в этот же день, было ответом на письмо последнего от 31 июля, в котором он представлял Петру как бы доклад о ходе европейских событий: «С почтою, государь, заморскою ныне мало вестей: о турках пишут, что султан под Белым градом сербским станет июля в 10 день и потому с цесарем делу, чаю, начнется августа с 1-х числ. О венетах подлинно не слышить. Король Вилгелм осадил город Намур зело крепкой; в нем с 12 000 французов сидят и, чаю, быть великому сражению»[2]. Известие об осаде Намюра, предпринятой английским королем, голландским штатгальтером Вильгельмом, к личности и деятельности которого Петр обнаруживал особую симпатию и интерес, могло, разумеется, подстрекать настойчивость царя и поддерживать его в намерении продолжать и довести до конца осаду Азова. Его юному самолюбию могло льстить, что он занят таким же делом, как и один из самых выдающихся людей того времени в Европе.

XXV. УКРЕПЛЕНИЕ КАЛАНЧЕЙ

15 августа Петр обедал у Лефорта, где находился также и Гордон. После обеда была вновь сделана попытка завязать с азовцами переговоры о сдаче. «Мы поехали по направлению к городу, — пишет Гордон, — и через казаков стали вызывать осажденных на переговоры. Но они и слышать о том не хотели и даже стреляли в казака, который пытался с ними заговорить». 16-го турки сделали ожесточенное нападение на траншеи Гордона, как на наиболее выдвинувшиеся к городу, но были отбиты. В этот день собрался у Лефорта военный совет. Гордон настаивал на необходимости укрепить каланчи, построить форт ближе к реке, а также внес предложение эвакуировать раненых и больных из-под Азова. Эти свои предложения, как он замечает, ему удалось провести только с большим трудом. До поздней ночи Петр оставался у Лефорта. На следующий день, 17 августа, вследствие принятого накануне решения укреплять каланчи, все три генерала отправились к каланчам. Петр, находившийся, повидимому, в это время на одной из стоявших у каланчей галер, угостил их обедом. «Пообедав на галере в обществе его величества, — записывает Гордон, — мы отправились туда (к каланчам), чтобы рассудить, как их укреплять. Увидав, что все к этому были очень равнодушны, я с живостью высказал несколько истин, которые были выслушаны без удовольствия, так же как и то, что я говорил о плохом соседстве при продвижении траншей и соединительных линий сравнительно с моими». Видимо, за укрепление каланчей стоял горячо только Гордон; остальные от-

[1] П. и Б., т. I, № 56, 57. В тот же день отправлены были письма к Л. К. Нарышкину, И. И. Бутурлину, Виниусу, И. Оловенникову, не дошедшие до нас (там же, стр. 532).

[2] Там же, стр. 526—527.

Рис. 49. Аллегорическая картинка на взятие Казы-Кермена, изображающая торжественный въезд Петра I в колеснице, запряженной парой львов; за ним скачет гетман Мазепа с булавой в руке, а позади него Б. П. Шереметев со свитой; фон картинки составляют три турецких крепости, расположенные одна за другой: Мубсрек-Кермен, Мултрит-Кермен и Казы-Кермен. — Гравюра из польской поздравительной брошюры, напечатанной во Львове по случаю побед Шереметева в 1695 г.

носились к его плану равнодушно. Это равнодушие его раздражало, и он излил свою досаду на то, что товарищи его с правого и левого флангов отстают от него, недружно ведя работу в траншеях. Жалобу на такое замедление флангов мы встречаем в его дневнике еще под 8 августа; теперь он воспользовался случаем высказать то, что давно уже накипело на душе. Мысль об укреплениях и о необходимости дружного ведения осадных работ всецело владеет им, и на другой день, 18 августа, он вновь едет к каланчам сделать настойчивые представления царю, чтобы траншеи со всех сторон продвигались вперед равномерно и чтобы каланчи были укреплены земляным валом. Петр согласился с Гордоном и приказал отрядить на работы по укреплению каланчей 600 человек, по 200 от каждого корпуса. Во время обеда у Гордона, на котором находились Лефорт «и другие господа», была произведена на его траншеи вылазка. Турки были отбиты с потерями, но убили находившихся в траншеях иноземцев — фейерверкера Доменико Росси и его товарища Джона Робертсона. В ночь на 19 августа пришли письма с Днепра от боярина Б. П. Шереметева и от малороссийского гетмана Мазепы с известием о взятии у турок нижнеднепровских крепостей. Две из них, Казы-Кермен и Таван, были взяты приступом, а две другие, Орслан и Шагин-Кермен, бежавшими турками брошены. Письмо от Шереметева было привезено в стан Петра стольником А. Ф. Воейковым, а от гетмана — полковником Иваном Скоропадским. 19 августа генералы и все полковники были созваны в царскую палатку для торжественного сообщения радостных писем, которые были прочитаны привезшими их лицами. «Затем стали мы пить, — пишет Гордон, — за здоровье его величества, а также боярина (Шереметева) и гетмана и, наконец, всех верных слуг в армии, причем при каждом тосте был даваем залп из крупных и мелких орудий во всех трех лагерях и в траншеях, что беспокоило турок». В этот же день хоронили убитых накануне иноземцев Доменико Росси и Джона Робертсона; Петр, по обыкновению, присутствовал на похоронах, затем зашел к Гордону, у которого оставался до полуночи, а от него отправился навестить умирающего полковника Козлова, получившего накануне тяжелую рану; 20-го он и умер. Смерть Росси и Робертсона произвела, видимо, сильное впечатление на Петра. Росси, по известию о нем Плейера, был родом итальянец, жил на острове Кандия, будучи взят в плен турками и привезен в Азов, пробыл в этой крепости 6 лет и служил помощником инженера, который поручал ему минное дело. Оттуда он каким-то образом перешел в Россию. Если этот рассказ Плейера верен, то Росси был для Петра особенно ценен не только как инженер, но и как инженер, хорошо знакомый с осаждаемым Азовом. Царь не мог оставить этого несчастного случая, не расследовав дела и не отыскав виновных в его гибели. Виновными оказались стрельцы. 21 августа перед вечером Петр пришел в лагерь Гордона и велел пытать стрельцов, которые во время нападения турок, когда

убиты были иностранцы, стояли в траншеях на карауле и бежали, покинув их. Потеря в составе инженеров была тем чувствительнее, что незадолго перед тем, 15 августа, был случайно убит неприятельским выстрелом инженер Иосиф Мурлот, только что прибывший из Швейцарии. Следствие над стрельцами продолжалось до 9 сентября, когда они приговорены были к смертной казни, но затем приговор был смягчен, и они, ради отбываемой ими службы, были подвергнуты наказанию кнутом [1].

22 августа царь занялся московской корреспонденцией, ответил на письма от 6 августа Ромодановскому и Виниусу, писал Т. Н. Стрешневу. Ромодановский уведомлял Петра о высылке жалованья Преображенскому и Семеновскому полкам на сентябрьскую треть 204 (1695) года и требовал вернуть денежные дачи убитых преображенцев и семеновцев. «Min Her Kenih, — отвечает ему Петр. — Писмо твое, государское, августа 6 дня писанное, в 18 день мне отдано, за которую вашу государскую милость многократно благодарствую. А что про жалованья салдацких полков изволил писать, и я об том генералу доносил и салдатам милость вашу государскую объявлял, которые благодарно милость вашу государскую ожидают. За сим желаем вам, государю, здравия и во государстве вашем щастливого пребывания. Piter» [2]. Письмо Виниуса от 6 августа не сохранилось; но из ответа Петра видно, что в нем, подобно будущим его письмам, содержалось сообщение о событиях в Западной Европе. «Min Her, — пишет ему Петр. — Писмо твое, августа 6 дня писанное, мне в 18 день отдано, в катором о заморских ведомостях и о вашем пребывании объявляешь, за которое уведомления благодарствую. А о здешнем возвещаю, что милостию божиею все в добром здоровьи и в Марсове ярме непрестанно труждаемся. Piter» [3]. Письмо к Т. Н. Стрешневу от 22 августа до нас не дошло, но по ответу на него Стрешнева можно заключить о его содержании. В нем Петр передавал Стрешневу просьбы генералов Головина «о людех и о делех его» и Лефорта — об уплате его долгов. «Господин первой бомбардир Петр Алексеевичь, мой милостивой, — пишет царю Стрешнев, — здравие твое божия десница сохранит. Писание твое, августа в 22 день писанное, мне сентября в 2 день отдано и за то благодарствую. О генерале Афтамоне Михайловиче, по писанию твоему, о людех и о делех ево того ж дни в приказы послано. В писме ж твоем написано о генерале Франце Яковлевиче: просит о заплачении долгов ево, о чем ко мне бутта писано; и ко мне писма не была от милости вашей, и заплаты долгов не было; а в писме ево, генералском, написано долгов 2 300 рублев, и бутта деньги велена от меня выдать, и о том писмо послано от отца нашего Никиты Моисеевича (Зотова); и мне писма нет. И о том прошу писма. А в Розряде

[1] Gordons Tagebuch, II, 590—593, 598; *Устрялов*, История, т. II, приложение XVIII, стр. 577.
[2] П. и Б., т. I, № 58 и стр. 534—536.
[3] Там же, № 59.

денег новозборных 12 500 р. налицо, да тех же новозборных денег, опричь вышеписанного числа, в росходе на починку ружья горелова с пятьсот рублев. За сем желаю вашей милости здравого душевне и телесне пребывать, и в делах ваших счастливо управитца и слышати о вашем здравии. Тишка смиренно челом бью. Сия писах образом от духовного чина и от мирского, которые чины аз имею о себе. С Москвы, сентября в 4 день»[1]. День 22 августа Петр закончил визитом к Гордону поздно вечером. Советы Гордона получили теперь исполнение. С 20 августа начались работы по укреплению каланчей, над чем стали работать 600 человек, по 200 от каждого корпуса. Гордон сам следил за ходом работы, посещая каланчи 23 и 24 августа, когда он даже приказал, не без согласия, конечно, Петра, удвоить число работающих, доведя его до 400 от каждого корпуса[2].

XXVI. НОВЫЕ ТРАНШЕЙНЫЕ РАБОТЫ

Между тем и осадные работы продолжались, и Петр принимал в них живое участие[3]. Приходилось испытывать постоянные помехи со стороны турок. 25 августа неприятель напал на мины, выведенные со стороны Лефорта, и повредил их; мины были восстановлены, но на следующий день турки вновь сделали на них нападение. Нет дня, чтобы Гордон не занес заметки о ходе траншейных работ. «Я продолжил, — читаем мы под 26 августа, — передовые траншеи и устроил редут». В этот же день начата была соединительная линия между траншеями Гордона и Головина. Работали над траншеями также и казаки, и почему-то Петр особенно интересовался их работами. Под 28 августа Гордон записывает, что у казаков был план продвигать их траншеи посредством машин и что царь сам приходил к нему по этому поводу и потребовал для этой цели три блинды с принадлежащими к ним мостами. 29 августа, в день именин царя Ивана Алексеевича, Петр принимал поздравления у себя, а затем опять пришел к Гордону и велел взять у него три моста, а также три повозки с прикрытием от камней и выстрелов. К 29 августа траншеи Гордона подошли так близко к неприятельскому рву, что его солдаты перебрасывались с неприятелем камнями. К 31 августа была закончена его соединительная линия с Головиным. 2 сентября его траншеи были доведены вплотную ко рву, но с заполнением рва, как он пишет, приходилось подождать до продвижения траншей со стороны других корпусов. «Его величество пришел ко мне, — читаем мы в его заметке за этот день, — и мы поехали посмотреть, где можно бы было вывести форты и траншеи к реке. Когда это было решено, я тотчас же вечером отправил два полка, так же, как и другие генералы, и ночью сде-

[1] Там же, стр. 537.
[2] Gordons Tagebuch, II, 593.
[3] Технические детали осадных работ см. у *Ласковского*, Материалы для истории инженерного искусства в России, II, § 6.

лал три редута с траншеями и брустверами против города и полей». 3 сентября Петр опять заходил к Гордону и выслушал его доклад о новых работах. 4-го Гордон обозревает новые змееобразные траншеи, проведенные войсками Головина, строит новый редут и форт в своих траншеях; под 5 сентября он записывает: «Мы все продвигались вперед и замыкали соединительные линии»; под 6-м: «с каждого полка было взято по 5 охотников, чтобы провести галереи из траншей в ров и через ров» [1]. Из писем Петра, отправленных 8 сентября, видно, как он занят осадными работами. Он не отвечает Ромодановскому сразу на три письма и в ответ на упреки в замедлении корреспонденции ссылается на недосуг для себя и для «знатных людей» вследствие занятий воинскими делами. «Min Her Keninh (так!), — пишет он в первом письме от 8 сентября к Ромодановскому. — Писма твои, государские, августа 13, 19, 27 дней писанные, мне отданы, ис каторых в последнем писать изволишь, что почты урочным дням не бывали; и тому учинилося препоною недосужство, потому что многие знатные (в) воинских трудах люди за оным писем своих писать не успели, также и отец ваш государев и богомолец (Зотов) бдел в непрестанных же трудех писменных, роспрашеванием многих языков и иными делами. А здесь, государь, милостию божию и вашими государскими молитвами и сщастием, все, дал бог, здорово; а что впредь станет делатца, писать буду. Piter». В Москве стали, повидимому, беспокоиться таким продолжительным отсутствием известий и подозревали, не случилось ли под Азовом каких-либо несчастий, которые скрываются. Петр счел нужным опровергнуть эти опасения и подозрения вторым, на этот раз собственноручным, письмом к Ромодановскому от того же 8 сентября. «Для бога не сумневайтеся о почьтахъ, — пишет царь, — что замешъковаются. Істинъно за недосошъствомъ, а не дъля того, храни боже! чтоб за кокою бедою. І сам можешъ рассудить, что естлибъ что учинилось, какъ бы то утаіть возможно? І сие выразумевъ, донеси кому пристойно». В следующих заключительных строках этого письма Петр делится с Ромодановским своим личным горем: «Кнезь Федора Ивановича, друга моево, не стала. Для бога не покинь отца». Князь Ф. И. Троекуров, раненый, как припомним, во время вылазки турок на позиции Гордона 15 июля, умер 7 сентября. Отец князя Федора боярин И. Б. Троекуров, пользовавшийся большим расположением Петра, занимал с 1689 г. место начальника Стрелецкого приказа. Много внимания и заботливости Петр выказал к старому князю по поводу постигшего его горя — смерти сына. В тот же день царь писал об этом печальном эпизоде князю Б. А. Голицыну. Письмо к Голицыну не сохранилось, но из ответа Голицына видно, что Петр поручал ему съездить к князю Ивану Борисовичу лично и осторожно сообщить ему печальную весть, подготовив к ней старика. В своем

[1] Gordons Tagebuch, II, 594—597.

ответе Голицын уведомляет Петра об исполнении данного ему деликатного поручения, живо рассказывая подробности: до приезда его в доме Троекуровых еще ничего не знали, но с приездом заподозрили недоброе и стали расспрашивать, особенно невестка, жена умершего. До поры он не сообщал, но затем «по многим словам», воспользовавшись отсутствием невестки, сказал отцу горькую весть. Сперва старый князь «изомлел» и обнаружил признаки отчаяния, но затем стали говорить о милостивом в беде его царском утешении, и старик несколько успокоился. Голицын обнадежил его и в дальнейшей милости государя, в том, что государь велит привезти в Москву тело сына. «Премилостивый мой государь, царь Петр Алексевичь, — пишет Голицын. — Здравие твое, моего государя, да будет хранимо богом. Писмо от милости твоей милостивое и посетителное о князь Иване Борисовиче принял и тем часом по твоему указу был. До приезду моего не ведали. Но реку: дух дышет, несть вещь; увидя приезд мой, зело ка[к]бы усумнились и шпрашивали; но, как мог, держах; паче жь бедная сво невеска. И как по многим словам без невески сказал, так скоро изомлел, что было некакое в жизни или лехко в уме отчаяние; но потом как можно скоро почели говорить о милостивом твоем в его беде утешение. Долго не верил, но коли увидел за такой прастырь (пластырь) душевной, кое мог благодарение воздать и говорит: слава богу; что любо, то взял; однакожь мой милостивый государь меня не забыл и был якобы человек. А как писмо пришло, что там похоронили, как спасса: славу богу. Но я всяко разговаривал, что будет пожалован и укажет государь тебе взять тело». Тело князя Ф. И. Троекурова было действительно отправлено в Москву, затем отвезено в Ярославль и погребено в ярославском Спасском монастыре в декабре 1695 г., причем на похороны выезжал из Москвы сам Петр [1].

Горе не заслоняло у Петра других забот и впечатлений, и в тот же день, 8 сентября, когда он писал Ромодановскому и Б. А. Голицыну о потере друга, он, отвечая на письмо Кревета, ведет речь о высылке ему инструментов. Еще в мае 1695 г. с пути к Азову он посылал Кревету образцы инструментов и требовал, чтобы изготовляемая для него готовальня была настолько легка, чтобы ее можно было носить на поясу и чтобы все «снасти были субтильны». Кревет писал царю, что его требование о легкости инструментов было встречено с недоверием: вряд ли царю придется носить инструменты, он будет возить их с собой в коляске. Петр, остря по этому поводу, описывает Кревету, в каких условиях ему приходится жить: не только что ездить в коляске нельзя, но и ходить по траншеям можно только с трудом и под угрозой выстрелов из осажденного города. «Письма твои августа 13 дня, другое о инструментах, третьея 27 дня писанные, мне отданы, в каторых, выразумев за уведомления всяких вестей,

[1] П. и Б., т. I, № 60, 61 и стр. 538—539.

благодарствую. В тех же письмах пишешь ты, что не поверели они, что мне носить, но в коляске возить; и то воистинну не ведоючи зделали, потому что они дорог наших не видали, по каторым мы ходим, в каторых не толко что в каляске, но и пеши нокланясь ходим, потому что подошли к гнезду блиско и шершние роздразнили, каторые за дасаду свою крепко кусаютца; аднако гнездо их по маленку сыплетцо. Piter»[1]. Виниус в своих письмах от 19 и 28 августа продолжал сообщать Петру о событиях в Западной Европе: венецианцы одержали победу над турками под Коринфом, причем турки потеряли 7 000 человек, а венецианцы 400; есть также известие, что они победили турок и на море, но это последнее известие нуждается еще в подтверждении. У цесарцев и у поляков столкновений с турками пока еще не было. Король английский осаждает Намюр: «под Намуром в великих трудех, толко та осада ево не толикие, рассуждают, славы, елико истери людей и к тому знатных принесет». Эта осада, наконец, привела к результату: Намюр сдался, однако союзники потеряли город Диксмюйдель, в котором французы взяли в плен больше 4 000 ратных людей: англичан, голландцев и датчан. «Min Her, — пишет ему Петр 8 сентября. — Писма твои, августа 13 дня и 27 (?) писанные, мне отданы и за ведомость вашего пребывания благодарствую. А здесь, дал бог, здорово; а что впредь станет делатца и о том писать буду. Piter»[2].

XXVII. ВЗРЫВЫ МИН. ПРИГОТОВЛЕНИЯ К НОВОМУ ШТУРМУ

Неприятельская кавалерия, стоявшая лагерем вне города и часто менявшая места своих стоянок, назойливо тревожила осаждающих своими набегами, обыкновенно, однако, не причинявшими больших уронов. Набеги эти вели по большей части к незначительным стычкам; цель их нередко заключалась в угоне казачьих лошадей, пасшихся на прибрежных лугах под каланчами[3]. Но 8 сентября такой набег принял характер кавалерийского столкновения гораздо бо́льших размеров. Татарам удалось завлечь казаков и причинить им большие потери. После обеда, рассказывает Гордон, выехали турки и татары к лугам у каланчей и, приблизившись, перестреливались с нашей кавалерией. Была послана тысяча казаков, чтобы помешать неприятелю предпринять что-либо против стоявших у каланчей судов. Гордон сам отправился туда с отрядом пехоты. Заметив, что казаки были по большей части пьяны, Гордон говорил им, чтобы они не отходили далеко от фортов. Но, отразив раз или два магометан, казаки неосторожно погнались за ними слишком далеко в поле.

---

[1] П. и Б., т. I, № 39, 62.

[2] Там же, № 63. Письма Виниуса сохранились от 19 и 28 августа. Вероятно, Петр ошибся в цифрах, проставив те же цифры, как и в письмах к Кревету (П. и Б., т. I, стр. 529—530, 533—534).

[3] Gordons Tagebuch, под 8, 9, 11, 12, 13, 21, 22, 23 сентября.

Татары намеренно отступили, но, когда заметили, что достаточно далеко заманили казаков, с невероятной быстротой обратились против них, причем многих убили, многих взяли в плен, остальных загнали в болото и расстреливали их там еще несколько времени. Было убито около 100 и около 30 взято в плен. Работы над траншеями в течение сентября усиленно продолжались. К 10 сентября траншеи Гордона были по большей части доведены уже до неприятельского рва. 11-го он ездил к Петру и докладывал ему об успехе этих работ, но в то же время принужден был пожаловаться на недостаток бомб и пушечных ядер при непрекращавшейся канонаде города. 12-го царь приходил к Гордону показать письмо, которое он намеревался вновь бросить в город с приглашением к осажденным сдаться. Письмо, замечает Гордон, составлено было вполне хорошо, но все же Гордон отнесся отрицательно к самой этой попытке, потому что считал ее ненужной и неприличной. К 13 сентября казаки продвинулись со своими апрошами к неприятельскому рву и стали его заполнять. Свои работы они вели под защитой блиндажей, выдвинутых вперед на колесах. В ночь на 13 сентября турки сделали против них вылазку и, бросая гранаты и всякие зажигательные снаряды, ручные бомбы и камни, прогнали казаков с их позиции, сожгли блиндажи и машины и стащили доски, которыми казаки прикрывали свои ложементы. Урон казаков был довольно значителен: они потеряли 20 человек убитыми, 50 ранеными и взятыми в плен. В этот день собирался военный совет, «на котором, — не без раздражения замечает Гордон, — по обыкновению ничего как следует не было решено». Письмо с приглашением осажденным сдаваться, которое приносил Гордону Петр, было 14 сентября брошено в город с трех разных сторон, с каждой стороны по шести экземпляров: по три на русском языке и по три на турецком. Каждый экземпляр был прикреплен к стреле и так пущен в город. Турки и на этот раз не обратили на предложение никакого внимания. Между тем осаждающие стали беспокоить неприятельские оборонительные сооружения взрывами мин. 14 сентября была взорвана мина, заложенная со стороны траншей Гордона; взрыв, однако, не был удачен и вместе с неприятельскими сооружениями повредил и часть галерей самого Гордона. Может быть, этот взрыв был предметом доклада Гордона Петру 15 сентября, о котором он пишет: «Я ездил к каланчам и говорил с его величеством о разных делах». 15 сентября вал, выведенный со стороны А. М. Головина, подошел на несколько сажен к городскому валу, и Головин также готов был засыпать неприятельский ров и проложить, таким образом, дорогу в город. С этой стороны под неприятельский вал также была подведена мина. 16 сентября Гордон был вызван к Петру. «Когда мы все собрались, — пишет Гордон в дневнике, — происходило совещание относительно взрыва мины (заложенной со стороны Головина). Я совершенно это отсоветовал, так как мы не везде еще были готовы с заполнением рва. Однако другие настаивали на том, чтобы зажечь

мину, и это по той единственной причине, что осажденные могли ее открыть, и тогда вся работа пропадет. Нисколько не помогло мое представление, что они потеряют не только труд и порох, но и, кроме того, людей, так как я сомневался, чтобы молодой минер сумел правильно измерить дистанцию или точно узнать, где и под каким местом он заложил камеру, хотя он все время с величайшей уверенностью утверждал, что камера находится под флангом бастиона и под частью куртины. После обеда его величество и генералы пришли в мою палатку. Несмотря на мой совет лучше вынуть порох из мины, чем терять порох и, кроме того, труд. . ., что мина постоянно может быть открыта (неприятелем), и тогда дело будет без пользы, было решено взрывать и, если удастся этим сделать в валу большую брешь, то чтобы близстоящие спешили к бреши и утвердились на валу, а другие корпуса в это время будут делать вид, что нападают. После этого мы разошлись к нашим постам, а его величество отправился к каланчам. Когда тремя пушечными выстрелами дан был сигнал находящимся в траншеях отступить, мина была зажжена, и от этого из отверстия галереи стал вырываться густой дым. Турки, увидев это, отступили с болверка и с вала. Но мина, которая недостаточно далеко была подведена под вал, даже едва доходила до рва, взлетела на воздух и бросила землю с досками, балками и камнями на наших же людей в траншеях, причем 30 человек было убито и более 100 ранено или контужено, в том числе два полковника и один подполковник. Это вызвало среди солдат большое смущение и неудовольствие против иностранцев. Его величество был очень огорчен, когда узнал о таком результате. Это был третий несчастливый понедельник во время осады!» — восклицает Гордон в заключение своего рассказа [1].

С 17 сентября, как передает Плейер, начали повсеместно заполнять неприятельский ров, подойдя к нему вплотную. В главной квартире Петра у каланчей стали говорить о новом штурме. Так как Гордон считал штурм еще преждевременным, то ездил в этот день к царю высказать свое мнение. «Я поехал к каланчам, — пишет он, — с намерением отсоветовать штурм. Я там обедал. Но так как я не нашел поддержки со стороны других генералов, то один я говорить свободно не отважился из боязни навлечь на себя гнев царя» [2]. Сам Петр, видимо, стоял за штурм. Время шло. Надвигалась осень с непогодой. Откладывать решительную попытку овладеть Азовом на более продолжительный срок могло казаться опасным. В случае неудачи, отступать поздней осенью по нескончаемым степям было затруднительно. Надо было принять одно из двух решений: или отходить теперь же, или попытаться овладеть Азовом. Петр был в оптимистическом настроении и был исполнен бодрых ожиданий. Такое настроение отражается в написанном им в этот день письме к Винииусу. Уве-

[1] Gordons Tagebuch, II, 597—603.

[2] *Устрялов*, История, т. II, приложение XVIII, стр. 579; Gordons Tagebuch, II, 603—604.

домив его о получении его письма с заморскими вестями, поблагодарив за них и выразив желание получать такие же известия и впредь («и впредь оного ж желаю»), царь продолжает: «А здесь, слава богу, все здорово, и в городе Марсовым плугом все испахано и насеено, и не токмо в городе, но и во рву. И ныне ожидаем доброго рождения, в чем, господи, помози нам, в славу имени своего святого. Piter» [1]. В тот же день Петр писал еще Т. Н. Стрешневу и князю Ф. Ю. Ромодановскому. Стрешневу — опять об уплате долгов Лефорта [2]. С Ромодановским продолжалась переписка о жалованье Преображенскому и Семеновскому полкам. Ромодановский, выслав жалованье полкам со стольником Новосильцевым, требовал прислать ему ведомость об убитых и умерших солдатах и настаивал на том, чтобы жалованье, им высланное, ни на что не расходовать. «Писма твои государские, — писал Петр, — первое через почту сентября 3 дня, другое [с] столником з Дементьем Новасильцевым писанные, мне отданы, ис каторых в другом написано, чтобы каторые салдаты Преображенского и Семеновского полков пре[д]ведением и волею божиею побиты и померли, и о тех бы денгах прислать ведомость. И тот я ваш государев указ генералу Автамону Михайловичу сказал, каторой покорственне приказал мне через писания вашему величеству донесть, что те денги бе[з] самые конешные нужды никуды в росход давать не будет, а о ведомости тех денег будет писать. Piter». Заметим, что Ромодановский этим уверением не удовольствовался и в следующем письме от 2 октября сурово приказывал денег, о которых идет речь, отнюдь ни по какой нужде не тратить: «И против того моего писма писал ты ко мне, господине, — читаем мы в этом его ответе Петру, — что ты о тех денгах генерала докладывал, и он де тебе сказал, что он тех салдацких остаточных денег, кроме самые великие нужды, держать не будет. И ему, господине, генералу, тех салдацких денег ни для самые нужды держать не доведетца, пото[му] что на всякие росходы и нужды денги ему, генералу, даны ис приказу Болшие Казны» [3].

XXVIII. ВТОРОЙ ШТУРМ АЗОВА 25 СЕНТЯБРЯ 1695 г.

Приготовлениям к решенному уже штурму мешала наступившая отчаянно дурная погода. В ночь на 18-е и днем 18-го шел такой сильный дождь и град, что все траншеи наполнились водой. В ночь на 19-е дождь продолжался. Это препятствие, однако, не уменьшало бодрости Петра. «Я поехал к каланчам, — записывает Гордон 19-го, — и обедал там у его величества, которого нашел более склонным к штурму». «Была дурная, неприветливая погода, — записывает он 20-го. — Я ездил в другой лагерь, чтобы посоветоваться о средствах, как сделать более исполнимым

[1] П. и Б., т. I, № 65.
[2] Это письмо не дошло до нас (П. и Б., т. I, стр. 542). Стрешнев отвечал на него, что велел заплатить половину долга.
[3] П. и Б., т. I, № 64 и стр. 540.

штурм. Когда прибыл его величество, я ему доложил, что две мины на моей линии готовы; я, однако, не осмелился говорить об отмене штурма. С генералом Автамоном и другими начальствующими я отправился в траншеи, где они видели затруднения, которые могли бы возникнуть при нападении». 21 сентября состоялся военный совет, было решено предпринять штурм во вторник, 24 сентября. После обеда царь в сопровождении Головина заходил к Гордону. На военном совете высказывалась мысль о нападении во время штурма на город с реки, подобно тому, как это было при первом штурме. 23 сентября была предпринята с этой целью разведка. Петр с генералами отправился на другую сторону Дона в лагерь князя Я. Ф. Долгорукого, откуда открывался вид на город. Высадку предполагалось произвести двумя полками, которые должны были подплыть к городу во время штурма. Гордон высказал царю возражения против этого плана. Он говорил, что отряд на лодках не может напасть на город одновременно с общим штурмом. Лодки до начала штурма должны стоять выше города, у моста, и затем спуститься, что потребует около часу времени, а, между тем, самый штурм может продолжаться никак не более часу, и, таким образом, в лучшем случае нападение с лодок будет не более, как запоздалая диверсия; между тем на эту диверсию отряжаются лучшие полки и при неудаче есть опасность потерять лучших людей, что и весьма вероятно, так как турки очень укрепили сторону города, примыкающую к реке, и, боясь казаков, держат там значительные силы. Наконец, в случае поражения обратная посадка в лодки встретит препятствия: лодки были сделаны с очень высокими бортами, в которых устроены были над отверстиями для весел еще отверстия — бойницы; влезать в лодки с такими высокими бортами с низкого берега будет затруднительно. «Несмотря на все мои доводы, — пишет Гордон в заключение, — в представлении других генералов потребность видеть город завоеванным взяла верх над всеми затруднениями, причем они не приводили достаточных оснований тому, что они говорили, и даже самое сомнение в победе или во взятии города было истолковано, как нежелание, чтобы он был взят. Итак, было решено отрядить два полка: один от меня, другой от генерала Головина». Штурм, однако, решено было отложить на день и предпринять его не во вторник, 24-го, как постановлено было ранее, а в среду, 25 сентября, в день «св. Сергия», который, вероятно, ввиду того, что Петр с войсками подошел к Азову 5 июля, также в день «св. Сергия», стал считаться покровителем края. Гордон предложил назначить общий пост накануне штурма, и это предложение было охотно принято [1].

Накануне штурма, 24 сентября, Гордон был с царем на батарее. Они слышали с левой стороны подземную работу турок, веду-

---

[1] Gordons Tagebuch, II, 605—608; *Устрялов*, История, т. II, приложение XVIII, стр. 579; Походный журнал 1695 г., стр. 32.

щих мину под русские сооружения; это заставило Гордона принять предупредительные меры и под турецкую мину заложить еще мину. В этот же день полковники тех полков, которые должны были нападать на город во время штурма с лодок, побывали на том берегу реки и произвели рекогносцировку. Найдя, что неприятель особенно сильно укрепил палисадами прибрежную сторону Азова и поставил там пушки, полковники убедились в невозможности сделать высадку. «Итак, из этого предприятия ничего не вышло», — не без удовольствия замечает Гордон по поводу неудачи этого плана [1].

Утро 25 сентября занято было последними приготовлениями к штурму. Было условлено, что к 2 часам после обеда все будет готово. Гордон должен был, получив извещение о том, что другие готовы, дать три выстрела из пушки, что будет сигналом к взрыву мин. За взрывом мин следовало начать общий штурм. «С утра еще, — пишет Гордон, — я велел развести огонь перед галереей или сапой, которая вела к минам, чтобы отвлечь этим внимание неприятелей и не дать им заметить, когда взорвется мина. Вскоре после обеда я приказал людям, назначенным итти на штурм, двинуться в апроши. Прибыв туда сам, я принял все необходимые меры и обратился к офицерам и солдатам с краткими словами увещания, чтобы они вели себя мужественно» [2].

«Около 3 часов я получил от остальных генералов известие, что они готовы. Затем я тремя пушечными выстрелами дал знак и велел зажечь фитили к минам. Это оказало бы большое действие, если бы со стороны осажденных не были заложены контрмины и если бы от куртины до хребта болверка не был вбит ряд сильных палисадов. Все-таки мины сделали брешь почти в 20 сажен, которая захватила весь бок, часть куртины и фас болверка». Взрыв мины и на этот раз не обошелся без значительного ущерба для своих. Часть взорванных палисадов, большое количество земли и камней полетели в наши же апроши и редуты. Около 100 солдат и несколько офицеров было ранено, задавлено и убито. «Происшедший от взрыва мины шум, — продолжает Гордон, — причинил туркам такой страх, что они все убежали с вала. Между тем солдаты и стрельцы бросились через заполненные нами рвы и взобрались на вал без лестниц, что сделано было без особого труда, так как вал порос травой и в некоторых

---

[1] Gordons Tagebuch, II, 608. Неизвестно, почему вопреки этому ясному показанию Гордона, подкрепленному также свидетельством Плейера, Устрялов считает возможным при описании штурма (II, 253) говорить, что Преображенский и Семеновский полки с тысячей донских казаков, предводимых П. М. Апраксиным, подступили к Азову *на судах*, овладели береговыми укреплениями и ворвались в город и т. д.... И затем: «потешные полки, во-время не подкрепленные, не могли удержаться в занятых ими местах внутри города, с трудом добрались *до судов* и отчалили». Ни один из наших источников: ни Гордон, ни Плейер, ни «Юрнал» — не говорят об экспедиции *на судах*. Преображенцы и семеновцы принимали участие в штурме и напали на Азов с прибрежной стороны, но подошли к нему сухим путем по берегу. См. *Ратч*, Азовский поход 1695 г. («Артиллерийский журнал», 1857 г., № V).

[2] Gordons Tagebuch, II, 609—610.

Рис. 50. План осады Азова в 1695 г.

Объяснение цифровых обозначений: «1. Лагерь, выбранный его царским величеством для своей квартиры; в нем стояла армия, находившаяся под командованием генерала А. М. Головина. 2. Лагерь генерала Гордона, расположенный в 500 саженях от города. 3. Господина генерала Лефорта лагерь. 4. Две каменные башни, находящиеся с внутренней стороны земляного вала. 5. Бастион с каменной облицовкой. 6. Мина с двумя камерами, одна из которых под бастионом, другая в куртине того же самого земляного бастиона. 7. Еще два земляных бастиона. 8. Лагерь, примыкающий к Дону и находящийся под командой князя Долгорукого. 9. Земляной бугор, насыпанный армией Головина; бугор сравнялся высотой с азовским валом и в конце концов достиг до него. 10. Три редута, отрезавшие сообщение (осажденных) с сушей и водой. 11. Лагерь казаков. 12. Редут при двух мостах, охраняющий путь к каланче. 13. Казачьи шанцы. 14. Большой мост через Дон. 15. Две завоеванные каланчи. 16. Донской город, или Лютик. 17. Два редута, препятствующие нападению татар; две зеленые линии означают два старых вала, которые султан насыпал перед взятием Азова, другие лежащие между ними линии означают сооруженные в этом году апроши, редуты и батареи». — Подлинник находится в отделе карт и планов б. библиотеки Архива мин. ин. дел, хранящейся в ГАФКЭ в Москве.

местах был очень отлогий; однако вследствие помехи от палисадов они не могли проникнуть в брешь на фланге. Но на куртину и на болверк они взошли и прочно засели в болверке, как это было предписано, не опасаясь ретраншемента, устроенного на гребне болверка. Это выполнили стрельцы, между тем как солдаты, в особенности Бутырского полка, обступили другой болверк и куртину. Войска генерала Лефорта также устремились вперед, но не в большом числе».

Турки, однако, собрав силы к месту нападения, оказали сильное сопротивление: сначала совершенно прогнали солдат с вала, а затем предприняли со своей стороны яростную атаку. Их было около 400 человек, и ими предводительствовало, сообщает Гордон, какое-то знатное лицо в красной одежде, которое их не только чрезвычайно воодушевляло, но и побуждало с саблею в руке к исполнению обязанности. Наши были в большом числе оттеснены в ров, и турки стреляли по ним из огнестрельного оружия и из луков, бросали ручные гранаты и копья. Заметив эту неудачу и после тщетной попытки побудить отступивших уговорами и угрозами вернуться к болверку, Гордон велел бить отбой, и войска отступили в траншеи. Все это дело продолжалось часа с полтора.

Между тем по приказанию Петра, наблюдавшего за ходом сражения с другого берега реки, Преображенский и Семеновский полки с тысячей казаков, которыми командовал П. М. Апраксин, продвинулись вправо к реке, овладели валом и под постоянным огнем продвинулись вперед между домами. Узнав об их успехе, Гордон, чтобы их поддержать, предпринял вторую атаку. Но люди шли в бой уже не с таким бодрым духом, как вначале, добрались до половины вала, но не могли удержаться на занятых было постах, когда турки причинили нам большие потери стрельбой у флангов, бросанием ручных гранат и камней, а также больших бомб, которые они, привязав на бечевки, бросали в наши войска. Сообразив, что дело ведет только к напрасным потерям, Гордон приказал вновь бить отбой. Едва только это было сделано, от царя пришло приказание еще раз возобновить атаку, так как преображенцы и семеновцы успешно действовали в нижнем городе и надо было их поддержать. Но и третье нападение оказалось так же безрезультатно, как и первые два, хотя люди достигли опять до половины вала. Не получив необходимой поддержки, потешные полки принуждены были отступить. Стало смеркаться, и штурм должен был прекратиться. Второй штурм кончился такой же неудачей, как и первый. Потери русских войск в этом деле неизвестны. Трофеи же были весьма незначительны. На другой день после штурма двое бутырских солдат принесли Гордону значок, или знамя, взятое ими у турок на среднем болверке; четыре стрельца принесли железную пушку старого образца, взятую ими на валу. За каждый из этих трофеев Гордон выдал принесшим по 5 рублей [1].

[1] Gordons Tagebuch, II, 610—613.

XXIX. ОТСТУПЛЕНИЕ ОТ АЗОВА

Ночь на 26 сентября прошла спокойно, так как обе стороны были одинаково утомлены. Однако турки стали уже заделывать пробитые в их укреплениях бреши. 26-го у Петра состоялся военный совет, на котором было решено выяснить вопрос, нельзя ли, если не удалось овладеть Азовом, по крайней мере, взять небольшое укрепление Лютик, расположенное на северном рукаве Дона — Мертвом Донце — и запиравшее сообщение по этому рукаву с морем. На рекогносцировку был послан инженер Руэль с отрядом казаков. Исполнив поручение, инженер вернулся на другой день, и Гордон поехал к царю к каланчам доложить о результатах рекогносцировки. Рекогносцировка выяснила, что скоро и без значительной потери людей Лютик взять невозможно, и этот план был оставлен. Так как ничего не оставалось делать дальше, кроме отступления, то на этом же совещании решено было снять осаду и отступать в ближайший вторник, 1 октября. Гордон настаивал на более раннем отступлении — в субботу, 28-го, или самое позднее в воскресенье, 29-го, доказывая, что промедление будет опасно. Действительно, погода, как показывают отметки в «Юрнале», с каждым днем ухудшалась. Лили частые дожди, наступали холода. Обратное движение войска с каждым днем затруднялось. Однако ввиду невозможности сделать все необходимые приготовления ранее, было окончательно решено снять осаду во вторник, 1-го. 28 сентября Петра постигло тяжелое горе. Утром этого дня умерли любимые им сотоварищи его юношеских игр — потешные Григорий Лукин и Яким Воронин от ран, полученных при последнем штурме. «Его величество, — пишет Гордон, передавая это известие, — был чрезвычайно печален, так как оба воспитывались вместе с ним. Его величество приходил ко мне и говорил, чтобы я был на похоронах». Сохранились два лаконических письма Петра, относящихся, по всей вероятности, к этому или к одному из следующих ближайших дней, с известием о смерти друзей — одно к князю Ф. Ю. Ромодановскому: «Еким Воронин и Григорей Лукин волею божиею умре. Пожалуй, не покинь Григорьева отца»; другое к Ф. М. Апраксину: «Екима Воронина и Григорья Лукина, пожалуй, поминай»[1]. О сильном чувстве говорит выразительная краткость этих писем. Заслуживает внимания также и проявленная в первом письме забота об отце одного из умерших — это та же черта в характере Петра, которую можно было наблюдать выше по отношению к князю И. Б. Троекурову, также отцу умершего друга — князя Федора Ивановича. Но предаваться горю всецело Петр не умел, и более сильная печаль по смерти матери не отрывала его от дел, которыми он был занят. В тот же день, 28 сентября, он уже находится на заседании военного совета, на котором принято было решение оставить под Азовом у каланчей в виде гарнизона 3 000

---

[1] П. и Б., т. I, № 66, 67.

человек, по 1 000 от каждого корпуса, под командой стольника. Каланчи с возведенными при них укреплениями получили название городка Новосергиевска, в честь «преподобного Сергия», покровителя приазовских мест. Плейер упоминает, что «каланчи были по русскому обычаю с большим торжеством окрещены»; вероятно, был отслужен молебен по случаю названия их новым именем [1].

В ночь на 28 сентября Гордон приказал увезти с своих батарей два самых тяжелых орудия. 29-го сняты были остальные тяжелые пушки и оставлены были на местах только полевые. «Генералы наши, — читаем в «Юрнале», — велели пушки вывозить из шанцев своих, отступать от города стали; также и в обозех стали выбираться на пристань». Продолжавшая ухудшаться погода мешала приготовлениям к отходу и заставляла менять планы. 30 сентября разразилась сильнейшая буря с моря; ветер гнал воду по реке кверху. Луга у каланчей, говорит Плейер, покрылись водой и обратились как бы в озеро, по которому можно было плавать на лодках. «Все в низменных местностях, — согласно с ним свидетельствует Гордон, — оказалось под водой... все повозки до осей были в воде, часть пороха подмокла, несколько людей утонуло». Река так разлилась, что Гордон изменил свое намерение переправиться и итти по правому берегу и решил итти по левой, так называемой Ногайской стороне, что подвергало его нападениям татарской конницы, которая вообще стала тревожить русские войска с тех пор, как в Азове стало известно об их отступлении. Вследствие оказавшихся препятствий отступление пришлось отложить еще на день, и оно началось только 2 октября. В этот день утром Гордон ездил к Петру к каланчам испросить разрешение на перемену маршрута. «Я ездил к его величеству, — записал он в дневнике, — который мне позволил итти по азовской стороне Дона. Когда я возвратился, я нашел татар в поле. Я послал против них 200 человек и 2 полевых пушки; это принудило их к отступлению. Затем я подвез обоз и приказал все приготовить к выступлению в ночь, хотя и принужден был осуществить отход на рассвете. Около полудня выступил из своего укрепления князь Я. Ф. Долгорукий, отослав пушки ночью. Азовские турки тотчас же переправились через реку и овладели всем, что нашли в форте (Долгорукого)». Гордон приказал в поле за своими позициями устроить четыреугольный «вагенбург» — место для стоянки, обнесенное испанскими рогатками. Под вечер он распорядился увезти последние пушки, убрать доски, которыми были прикрыты апроши, уничтожить все шанцевые корзины и сжечь всякого рода материал, которым могли бы воспользоваться азовцы. Около 8 часов вечера прошел мимо лагеря Гордона со своим корпусом Лефорт. В 11 часов ночи Гордон стал отходить с позиций в вагенбург, где и стоял

[1] Gordons Tagebuch, II, 613—614; Походный журнал 1695 г., 33; *Устрялов*, История, т. II, приложение XVIII, стр. 580.

до рассвета, опасаясь выступить раньше, чтобы в случае нужды подать помощь остановившемуся также в поле корпусу Головина, тем более, что татары становились все смелее и все более тревожили отступавших. 3 октября с рассветом Гордон двинулся в путь. Неприятель все время наседал на его арьергард, так что и ему пришлось принимать оборонительные меры во время марша и отгонять татар залпами. Татары нападали также на людей, отставших от двух других корпусов по дороге к каланчам, где эти корпуса были сосредоточены в ожидании посадки на суда, так как войска Головина и Лефорта должны были возвращаться до Черкасска водой. Охранявший дорогу к каланчам полк полковника Шварта, выдержав несколько атак татар, был, наконец разбит ими. Полковник с частью полка был взят в плен, около 30 чевек было убито, отнято несколько знамен. Эта неудача вызвала большое уныние в корпусах, стоявших внизу у реки, так что они поспешили к судам и стали садиться в них в беспорядке, выгружая из судов запасы на берег или просто выбрасывая их в реку. Дойдя до реки Скопинки, Гордон сделал привал и затем, пройдя еще 7 верст, расположился ночевать в поле. Провожавшая его татарская конница стала отставать и скрылась из виду. Пройдя весь день 4-го, Гордон утром 5 октября достиг Черкасска. Став лагерем против города, он переправился в город, чтобы посетить атамана и других лиц[1].

3 же октября двинулись на судах вверх по Дону корпуса Головина и Лефорта: «Пошел караван суденой рекою Доном от каланчей к Черкаскому», — как читаем в «Юрнале». 4-го караван продолжал путь с остановкой на ночь. 5-го к вечеру подошли к Черкасску и стали на якорь. «Вечером, — записывает Гордон, — прибыл его величество. При его прибытии мы его приветствовали залпами из крупных орудий». В этот же вечер из Черкасска Петр успел отправить два письма: к Ромодановскому и Кревету с выражениями благодарности за их письма и с уведомлением в обычных выражениях о добром здоровье «святейшего Ианникиты архиепископа Прешпурского и всея Яузы и всего Кокуя патриарха», господ генералов и всех при них состоящих[2].

Уже 5 октября Гордон стал хлопотать о переправе своего отряда с левого берега Дона, по которому он пришел, на правый, доставал необходимые для этого суда и отчасти уже начал переправу. 6-го переправа его корпуса была уже в полном ходу. Утром приехал к нему на левый берег Петр и рассказывал ему о происшедшем у каланчей после ухода Гордона из-под Азова, надо полагать, между прочим, и о нападении татар на полк Шварта и о захвате его в плен. Переправившись в Черкасск и осмотрев место, назначенное для лагерной стоянки его корпуса у города, Гордон вновь встретил Петра и все общество на обеде

---

[1] Gordons Tagebuch, II, 614—620; Походный журнал, стр. 34; *Устрялов*, История, т. II, приложение XVIII, стр. 580.

[2] Походный журнал, стр. 34; Gordons Tagebuch, II, 620; П. и Б., т. I, № 68, 69.

у донского атамана Фрола Миняева, «где, — как он заносит в дневник, — много говорили и немало пили». Собираясь в путь, Гордон позаботился о постройке в Черкасске амбаров для склада боевых припасов, которые должны были там храниться до будущего года, до продолжения Азовской кампании. 7 октября, убрав эти припасы в амбары, после обеда он отправился к Петру доложить о своем намерении выступить из Черкасска за недостатком фуража на следующий день. Петр дал согласие и позволил находившимся в корпусе Гордона тамбовским солдатам итти прямо в Тамбов. 8-го Гордон двинулся в путь, но шел первые дни крайне медленно [1].

Петр с полками Головина и Лефорта оставался в Черкасске до 12 октября. В каком бодром настроении он был в это время, несмотря на испытанные неудачи, показывает сохранившийся отрывок его письма, повидимому, к главе дипломатического ведомства боярину Л. К. Нарышкину от 8 октября из Черкасска. Он уже объят мыслью о походе будущего года и начинает приготовления к этому походу. Одной из причин неудачных действий под Азовом был недостаток в хороших инженерах, почему мины, неумело подведенные под турецкие укрепления, чуть ли не больше вредили своим, чем неприятелю. «Для бога к цесарю вели отписать, — пишет Петр в этом письме, — с прошением о инженерах и о иных мастерах, чтоб к весне хотя 6 человек, а хорошо б 10. И буде поопасутся отпуску, и ты вели в грамоте доложить, что по окончании того лета, в котором они призвани будут, не задержав, им будет свобода» [2]. 11 октября начались сборы корпусов Головина и Лефорта к походу, а 12-го, как читаем в «Юрнале», «пошли господа генералы в путь свой; и перед вечером перешли реку и отошли недалеко, в степи ночевали». С генералами отправился и Петр. 14 октября перед вечером перешли речку Аксай. Между тем Гордон, подвигаясь медленно, не намного опередил остальные корпуса. Узнав, что эти корпуса подошли к Аксаю, он приехал к Петру. Царь, замечает он, «был очень добр и сообщил, что на следующий день пойдет дальше и посетит меня». 15 октября полки Головина и Лефорта догнали войска Гордона, даже опередили их. «При проходе мимо, — пишет Гордон, — его величество с генералами и другими знатными особами пришел ко мне. Они пробыли у меня 2—3 часа и были хорошо угощены. Я говорил с его величеством о 2 000 рублях, которые взял к себе генерал Головин, хотя они принадлежали моему корпусу. Его величество возразил мне, что он об этом деле ничего не знал и что я вместо этих денег могу заплатить офицерам излишком денег, оставшимся от жалованья стрельцам. Равным образом я просил, чтобы четыре тамбовские полка были отпущены прямо в Тамбов. Это было разрешено». Эти четыре полка под командой

[1] Gordons Tagebuch, II, 620—621.

[2] П. и Б., т. I, стр. 543. Грамота по этому письму из Посольского приказа от имени царей к цесарю Леопольду с просьбой о присылке инженеров и подкопщиков датирована 27 октября. Пам. дипл. сношений, VII, 985 и сл.

гордонова сына Джемса были отпущены на другой день, 16 октября, причем Джемс Гордон был перед уходом принят Петром и прощался с ним [1].

От Черкасска войско держало направление на город Валуйки и должно было совершать поход при крайне тяжелых условиях. Приходилось двигаться по совершенно пустынной, безлюдной, в некоторых местах выжженной степи, притом в позднее осеннее время, при самой неблагоприятной погоде, под дождем и снегом или при дававших уже себя чувствовать морозах. На остановках и ночлегах в открытой степи нельзя было часто найти топлива, воды и травы для лошадей. Отметки о плохом состоянии погоды мы постоянно встречаем в «Юрнале» и в дневнике Гордона. 15 октября, читаем в «Юрнале», «шли путем; день был тихий, и в ночи был мороз; ночевали в степи». 16 октября утром туман,

Рис. 51. Русская артиллерия в походе

Рисунок из альбома Пальмквиста, 1674 г.

ночью мороз. «Была очень неприятная, холодная погода, — пишет Гордон. — Несколько дней меня мучила простуда. Когда я лег спать, я почувствовал себя совсем плохо. Всю ночь у меня был чрезвычайный жар, а под утро пот. Несмотря на то, я встал, потому что у меня никого не было, кому бы я мог поручить распоряжение обозом и маршем». 17 октября: «Рано пошли мы далее; но была очень дурная погода со снегом, градом и ветром прямо в лицо. Около 10 часов я почувствовал себя так нездоровым, что был более не в состоянии сидеть на лошади; я слез и лег в свою повозку. . . Мы прошли еще несколько верст и стали лагерем поздно вечером в открытом поле после того, как мы сделали 20 верст при дурной погоде, причем многие бедные солдаты смертельно страдали, так как за обедом и на ночлеге должны были обходиться без топлива и воды». 18 октября: «Был

[1] Походный журнал, стр. 35—36; Gordons Tagebuch, II, 626.

великий снег, — записано в «Юрнале», — и стояли на пути для той погоды часа с три и опять пошли в путь свой; и перед вечером перешли переправу и ночевали в степи. В ночи был небольшой дождик». От всех этих невзгод гибли люди и лошади. Плейер, задержанный в Черкасске на месяц вследствие простуды, возвращался в Москву тем же путем, которым прошла армия. Тяжелое зрелище представилось его взорам. «По дороге я видел, — пишет он в своем дневнике, — какие большие потери понесла армия во время своего марша, хотя и не будучи преследуема никаким неприятелем; нельзя было без слез видеть, как по всей степи на протяжении 800 верст лежали трупы людей и лошадей, наполовину объеденные волками» [1].

Петр не покидал войск во время этого трудного перехода через степи, деля невзгоды со всеми. Все три корпуса двигались вместе; Петр держался со своими любимыми полками, Преображенским и Семеновским [2], которые чувствовали себя бодрее других, шли впереди других и делали более значительные суточные марши, судя по нескольким известиям о них, какие сообщает Гордон [3]. Гордон неоднократно виделся с царем в пути. 20 октября Петр заходил к нему и закусывал у него. 21-го войско подошло к Северному Донцу; предстояло соорудить мосты для переправы, почему и пришлось сделать двухдневную остановку. Петр воспользовался этой остановкой, чтобы ответить Виниусу на его письма от 1 и 10 октября. В первом из этих писем Виниус, пожелав Петру «здравого удовольствия над Азовом во утеху всех православных христиан и счастливого возвращения», сообщал по обыкновению полученные с рижской почтой заморские вести: «что турок, видя немцев в большом собрании, не переправился к ним через реку Саву, а пошел через Дунай на Седмиградскую землю; немцы, то усмотря, пошли за ним, и можно между ними ожидать великого бою. О венетах и поляках не слыхать, чтоб учинили какой знатный промысел; Вильгельм, король английский, поход свой соверша, возвращается во своя страны». Это последнее известие совпадало с обстоятельствами, при которых его прочитывал Петр. «Min Her, — пишет он Виниусу. — Писма твои, октября 1 и 10 дня [4] писанные, мне в 14 и 19 день отданы, и, выразумев, благодарствую. Пожалуй,

---

[1] Походный журнал, стр. 36; Gordons Tagebuch, II, 626—627; *Устрялов*, История, т. II, приложение XVIII, стр. 582.

[2] *Плейер:* «Der Czar aber mit seinen wenigen übergebliebenen Volckern von seinen leibregimenter... über die grosse Crimische step... in drei wochen frist ankome» (*Устрялов*, История, II, приложение XVIII, стр. 581).

[3] Gordons Tagebuch, II, 629; «28 октября... Пройдя затем 20 верст при очень бурной погоде..., мы расположились лагерем у леса. В этот день погибло много людей. Два полка, Преображенский и Семеновский, промаршировали 5 верст дальше и переночевали по правую руку от дороги у леса, где была трава, но не было воды». 27 октября: «Сделав продолжительный марш, мы были принуждены при наступлении ночи расположиться на ночлег, причем соединились все три корпуса, за исключением Преображенского и Семеновского полков, которые прошли несколько верст дальше...»

[4] Это письмо не дошло до нас.

государем генералисимусам, князь Федору Юрьевичю ниской до лица земного раболепно достойный поклон отдай, а потом Тихону Никитичю (Стрешневу), Гавриле Івановичю (Головкину), Ермалаю Даниловичю (?), Елизарью Избранту, Івану Трифоновичю (Инехову) поклон отдай и скажи оным, что писма их до меня по двум почтам дошли; а особых писем, всякому особь, за скоростию и недосужством путным написать не мог. Пожалуй, а катаржных мастерах не забудь. Piter». Последняя фраза этого письма, приписанная Петром собственноручно, показывает, что он занят мыслью о постройке каторг, т. е. галер — гребных судов, для будущей Азовской кампании. Он просит Виниуса позаботиться о мастерах для постройки этих галер [1].

Весь день 22 октября ушел на приготовления к переправе и на самую переправу через Северный Донец. Погода улучшилась, наступили солнечные (красные) дни и тихие ночи. 23-го переправа закончилась, войска двинулись в дальнейший путь. Во время переправы Гордон был у Петра «и имел с ним, — как он записывает в дневнике, — продолжительный разговор о различных предметах». Стали встречаться населенные места. 24-го прошли мимо небольшого, оставшегося влево, городка Колударева, куда Гордон отослал несколько больных. 25-го миновали такой же городок Митякин. С 26-го опять начался снег и морозы, и в этот день, записал Гордон, погибло много людей. Ночь с 27 на 28-е отмечена им, как особенно дурная: «Мы провели дурную ночь; не было ни травы, ни воды, вокруг нас все было выжжено. Не нашел я также и сухого дерева, так что бедные солдаты страдали, также и лошади». 28-го достигли реки Айдара, притока Донца. 29-го, переправившись с ее левого берега на правый, продолжали путь. Сюда, к этой переправе, высланы были 700 повозок со съестными припасами для войск. Переправившиеся раньше получили больше подошедших позже. «Его величество, — пишет Гордон, — велел распределить (эти повозки) между Преображенским и Семеновским полками; часть получил двор и некоторые другие; я ничего не получил». Счастливцы, которым достались припасы, открыли торговлю ими и продавали их пришедшим позже и не получившим. Может быть, эта неудача заставила Гордона на следующий день, 30 октября, выступить очень рано, еще до рассвета, и двигаться параллельно с Преображенским и Семеновским полками. Шли сначала 5 верст по лесистым местам, а затем 10 верст вдоль речки Белой, у которой и сделали обеденный привал. Царь пришел обедать к Гордону. Была холодная погода, падал одновременно дождь и снег. При дальнейшем марше войска страдали от дувшего прямо в лицо ветра. 31 октября ударил сильный мороз. Наконец, 1 ноября войска подошли к городу Валуйкам, расположенному на правом берегу реки Валуя, притока Оскола. Это была в XVII в. наиболее выдвинутая «за черту» в южные степи крепость, предназначенная оберегать гра-

[1] П. и Б., т. I, № 70 и стр. 542.

ницу Московского государства от набегов крымцев и ногайцев. «Мы достигли, — пишет Гордон, — города Валуйки и перешли через реку того же имени, которая течет у посада. Услыхав, что его величество находится у воеводы, я поехал туда же и там обедал. Незадолго до вечера пришли полки и мои повозки»[1].

Достигнуты были жилые места. Отсюда начинался непрерывный ряд городов, и дальнейший путь мог считаться не представляющим никаких затруднений. Петр считал себя поэтому вправе расстаться с войском, с которым он в течение 20 дней делил трудности степного перехода, и в ночь на 2 ноября уехал вперед, отправившись на тульские оружейные заводы.

Пробыв в Валуйках три дня, сделав необходимые распоряжения и приказав полкам итти каким найдут удобнее путем и собраться в Молоди под Москвой к 19-му или самое позднее к 21 ноября, 4 ноября уехал из армии и Гордон. Вероятно, то же сделали и другие генералы. Движением войска по населенным областям могли распоряжаться второстепенные командиры. Гордон направился к северу, держась реки Оскола, на Новый и Старый Осколы, затем на Ливны, где переставил свои повозки на сани, далее на Новосиль и Тулу, куда прибыл 13 ноября. Надо полагать, что тем же путем ехал из Валуек в Тулу и Петр. 15 ноября Гордон явился уже на железные заводы. «Я выехал очень рано, — читаем в дневнике, — и до рассвета достиг железных заводов. Я остановился там в доме и отдыхал, пока рассвело. Потом поехал я ко двору, где я был очень милостиво приветствован его величеством, всеми вельможами и также Львом Кирилловичем, хозяином этих заводов. После обеда я поехал с его величеством на заводы, где я выковал широкую полосу». Работая сам над железом, Петр, видимо, приглашал к такой же работе и приближенных. Гордон, вероятно, куя полосу, доставил этим немалое удовольствие царю. 16 ноября Гордон отмечает приезд на заводы «многих знатных, частию из Москвы, частию из похода». 17 ноября, пишет он далее, «было царственное угощение. Вечером в обществе его величества я был у Тихона Никитича Стрешнева, где были очень удовольствованы». Дальнейший путь Гордон совершал, следуя за царем. 18-го после обеда он выехал с железных заводов и вечером приехал в Серпухов. 19-го прибыли в Молоди, здесь с Петром обедали у Соковнина и двинулись дальше в Дубровицы, вотчину князя Б. А. Голицына, где ужинали и ночевали. 20-го после завтрака двинулись дальше и прибыли в Коломенское, где, вероятно, на Петра пахнуло воспоминаниями детства. Сюда к Гордону из Москвы приехал его сын Теодор; Гордон представил его царю, который принял его очень милостиво. День 21-го проведен был в Коломенском в ожидании полков, которые подходили очень медленно. Наконец, 22 ноября состоялось торжественное вступление армии в Москву. Вступление это описывает Желябужский. «Ноября в

[1] Gordons Tagebuch, II, 628—631.

22 день, в пятницу, государь царь и великий князь Петр Алексевич всея великие и малые и белые России самодержец изволил из Коломенского идти к Москве с ратными людьми и шел по каменному большому мосту и пришел на дворец (в Кремль) с полками. Перво пришел генерал Петр Иванович Гордон. А за ним государь и весь его царский сингклит. А перед сингклитом вели турченина (пленного) руки назад; у руке по цепи большой; вели два человека. А за ним шли все полки стрелецкие. И пришед, стали строем на дворце. А государь изволил идти в свои царские чертоги, а за ним пошли все генералы и все начальные люди. И всех начальных людей государь[1] пожаловал к руке и службу их милостиво похвалил. А объявлял их, начальных людей, боярин князь Петр Иванович Прозоровский, что генералы Петр Иванович Гордон, да Автамон Михайлович Головин, да Франц Яковлевич Лефорт под Азов ходили и оный с людьми и с пушками взяли (?) и со всяким мелким ружьем». После этой церемонии Петр тотчас же проследовал с полками в Преображенское. «И того же часа, — заключает Желябужский свой рассказ, — государь изволил идти со всеми ратными людьми в Преображенское строем»[2].

Церемонией в Кремле первый Азовский поход был официально закончен. В родные, хотя и немилые, кремлевские хоромы и в любимое Преображенское Петр возвращался уже не тем юношей, каким из них отправлялся в конце апреля. Он нес с собой обильный запас новых и сильных впечатлений, значительный, приобретенный за семимесячную кампанию опыт. Он много видел и многому мог научиться, он близко столкнулся с разнообразными явлениями настоящей, уже не игрушечной, кожуховской войны; ему пришлось живо испытать тревоги и опасности боевой жизни, грозившие от настоящего неприятеля; он должен был решать крупные, задаваемые войной, задачи. Вся Азовская кампания, им же самим подготовленная, прошла при его непосредственном и живом участии. Передвижение больших, по тому времени, конечно, отрядов войска на отдаленный театр военных действий со всеми военными грузами по рекам Москве, Оке и Волге, осложняемое пересадками и перегрузками, поход через степь в летний зной от Царицына к Паншину, новое речное движение по Дону, встреча лицом к лицу с сильным противником, вид неприятельской крепости с ее валами и бастионами, бомбардировка, привлекавшая особое внимание Петра, как страстного бомбардира, решение важной стратегической задачи успешной атакой каланчей, в которой он сам принимал активное участие и которую считал началом своей действительной службы; осадные работы, рытье траншей и апрошей, где, по его выражению, надо было ходить всегда наклонясь, взрывы мин, неприятельские внезапные вы-

---

[1] Вероятно царь Иван Алексеевич, судя по тому, что объявляет генералов его боярин князь П. И. Прозоровский.

[2] Gordons Tagebuch, II, 632—636; *Желябужский*, Записки, изд. Сахаровым, стр. 27.

лазки, беспрестанные вопросы и заботы о продовольствии войска и его снабжении военными припасами, два неудачных штурма, большие потери в войске, гибель близких людей, наконец, тягостное обратное движение через степь поздней осенью при свирепствующих холодах — вот явления, дававшие работу мысли Петра за семь месяцев, вот предметы, на которые устремлено было его внимание, вот впечатления, которые будут надолго, быть может, на всю жизнь воскресать, как воспоминания. Цель, ради которой поход предпринимался, не была достигнута — Азов не был взят. Но неудача нисколько не поколебала Петра. Наоборот, она даже как будто усилила его энергию и увеличила силу его стремления к намеченной цели. Отступление войск от Азова было предпринято с неизменной мыслью вернуться к нему весной. Приготовления к кампании следующего года начались еще под Азовом: укреплены были каланчи, и в них оставлен гарнизон, в Черкасске складываются запасы для будущего похода, с дороги летит письмо о привлечении галерных мастеров. Эти приготовления со все возрастающей энергией продолжаются по возвращении в Москву.

XXX. ПРИГОТОВЛЕНИЯ КО ВТОРОМУ АЗОВСКОМУ ПОХОДУ

Уже по мере хода военных действий под Азовом для Петра, несомненно, становились все более ясными причины их неуспеха. Они получили, надо полагать, вполне ясное признание на том военном совете — «консилии генералов», — который имел место «по возвращении от невзятия Азова», как писал Петр Апраксину. Эти причины были: во-первых, недостаток знающих, искусных инженеров для руководства осадными работами и в частности минеров для устройства мин. Результаты минных работ в первом походе были по большей части неудачны: мины едва ли не столько же вредили своим, сколько неприятелю. Второй причиной можно было считать отсутствие русского флота, который мог бы прекратить подвоз к Азову провианта, снарядов и подкреплений с моря. Наконец, третью причину можно было видеть в отсутствии единства командования войсками осаждающих. Войска эти были разделены на три корпуса под начальством равноправных генералов, которые не всегда бывали между собой согласны и нередко не хотели поддерживать один другого. Сам Петр на себя высшего командования не брал; он держался в стороне, был простым бомбардиром, хотя все же в конце концов последним решающим моментом была его воля. В этих трех направлениях одновременно с обычными мерами по сбору войска и происходит подготовительная работа к новому походу в конце 1695 и в первые месяцы 1696 г. Заботы о выписке инженеров из-за границы возложены были на дипломатическое ведомство. Началась ускоренным энергичным темпом постройка флота в Преображенском и в Воронеже. Состоялось назначение общего главнокомандую-

щего для будущего похода. Посмотрим, как шли все эти приготовления, приводя с особенной подробностью имеющиеся в нашем распоряжении немногие и отрывочные сведения о деятельности самого Петра.

25 ноября Гордон, отдыхавший в слободе после более чем полугодового отсутствия из дому, был приглашен Петром к обеду, но явиться к царю не мог вследствие болезни, продолжавшейся несколько дней. 27-го был объявлен указ о предстоящем походе и о сборах к нему чинам московского дворянства. Очевидец-современник, сам принадлежавший к составу московского дворянства, Желябужский живо рассказывает об этом объявлении в своих записках. «Ноября в 27 день в среду, в Знаменьев день, слушали мы в Чудове монастыре обедню, и того часу пришел разрядной сын боярской и пошел по церкви кричать, чтоб все шли стольники и всяких чинов люди в верх к сказке. Из Чудова все пошли в верх и с верху сшел на Постельное крыльцо дьяк Артемий Возницын, а за ним подьячий Михайло Гуляев и почал честь: «Стольники, стряпчие, дворяне московские и жильцы! Великие государи, цари... указали вам всем быть на своей, великих государей, службе... и вы б запасы готовили и лошадей кормили. А где кому у кого в полку быть у бояр и у воевод, и ваши имена будут чтены в скорых числах на Постельном же крыльце». После того тот же дьяк вышел и сказывал: «Царицыны стольники! Великие государи указали вам сказать, чтоб вы ехали в Преображенское все и явились декабря в 1 день» [1].

Утром 29 ноября Петр посетил Гордона, глядел, как его сын Теодор размахивал знаменем и упражнялся с ружьем к великому удовольствию царя [2]. Одним из главных предметов бесед Петра с его генералами в это время, конечно, должны были быть приготовления к новому походу. Среди этих забот царя особенно занимала мысль о постройке флота. Флот должен был состоять, главным образом, из судов двух главных видов: из морских судов — галер, вооруженных артиллерией для действия на море против турецкого флота и для блокады Азова с моря, и из речных стругов — для перевозки войска Доном к Азову, подобно тому, как это было в первый поход. Постройку галерного флота решено было начать в Преображенском. Вероятно, галера, заказанная для Петра в Голландии через амстердамского бургомистра Витзена, о которой царь переписывался с Виниусом в июле [3], должна была послужить образцом для постройки русских галер. Галера эта была прислана в Архангельск летом 1695 г. на одном из голландских кораблей в сопровождении особого «нарочного человека». Доставлена была также сделанная Витзеном роспись разных принадлежностей к ней, из которой видно, что при галере были присланы: все снасти, 2 мачты и 2 райны, бочка с железными принадлежностями, 2 паруса и шатер парус-

[1] Gordons Tagebuch, II, 637; *Желябужский,* Записки, стр. 27—28.
[2] Там же, 637.
[3] См. выше, стр. 241.

ный (тент?), разные ящики с деревянной резьбой, которой галера была украшена по бортам [1], фонарь, флаги, компас, якорь, 3 мортиры, 11 бомб и пр. Из Архангельска галера отправлена была в Москву в разобранном виде, и, как припомним, в упомянутой переписке с Виниусом Петр настаивал, чтобы присланный с нею голландец был удержан и послан также в Москву для сборки галеры. Надо полагать, что именно эта галера перевозилась в Москву среди тех «водяных заморских судов», о перевозке которых шла речь в царской грамоте на Вологду, полученной там 15 ноября 1695 г. Грамота предписывала сделать на Вологде для перевозки этих судов 20 дровней и затем везти суда на дровнях, отпустить с ними для наблюдения подьячего доброго из приказной избы, сопровождающим суда иноземцам Яну Питерсену с товарищами выдать на корм деньги, взяв необходимые на постройку саней, на наем 100 ямских подвод и выдачу корма иноземцам средства у вологодских таможенных и кабацких голов. Подьячему приказывалось суда везти с великим бережением, над ямщиками надсматривать накрепко, чтоб тех судов не переломали и иных частей из них не растеряли, а довезли б до Москвы в целости [2]. Еще с пути от Азова в письме к Виниусу Петр наказывал ему позаботиться о каторжных, т. е. галерных, мастерах [3]. 30 ноября он пишет в Архангельск к Ф. М. Апраксину о присылке находящихся там корабельных плотников, которые в Архангельске зиму будут жить без дела, а в Москве могут поработать с большой пользой и к началу навигации будут отпущены обратно в Архангельск. «Min Herr Gubernor Archangel. По возвращении от невзятия Азова, — иронизирует Петр в этом письме, — с консилии господ генералов указано мне к будущей войне делать галеи, для чего удобно, мню, быть шхип-тимерманом всем от вас сюды, понеже они сие зимнее время туне будут препровождать, а здесь могут тем временем великую пользу к войне учинить; а корм и за труды заплата будет довольная и ко времени отшествия кораблей возвращены будут без задержания; и тем их обнадежь и подводы дай и на дорогу корм» [4]. Распоряжения о присылке корабельных плотников посылались и в другие места. Из Воронежа были вытребованы находившиеся там 24 человека вологжан, бывших в первом походе под Азовом и собиравшихся зимовать в Воронеже; вызваны были плотники из Нижнего. Одновременно с приказом о высылке из Воронежа плотников велено было доставить оттуда же три двоеручные большие пилы корабельного дела [5].

Заботы о делах не мешали Петру отдаваться иногда веселью. 3 декабря был большой обед у Лефорта. «В прошлый вторник, — писал об этом празднестве сам хозяин своим родственникам за

[1] Модель этой галеры сохранилась, см. рис. 52.
[2] *Елагин*, История русского флота, приложение I, № 1—3.
[3] См. выше стр. 268.
[4] П. и Б., т. I, № 71.
[5] *Елагин*, История русского флота, приложение I, № 5, 6.

границу, — его царское величество Петр Алексеевич оказал мне честь обедать у меня со всеми знатными господами. При этом усиленно стреляли пушки и играла музыка всех родов. После ужина много танцовали» [1]. 7 декабря Гордон ездил куда-то с Петром и на пути разговаривал с ним, как он записывает в дневнике, о разных предметах. 9 декабря вечером царь посетил патриарха Адриана: «изволил быть и сидеть со святейшим патриархом в Столовой (патриаршей) палате с начала 5 часа ночи до 8-го часа». Когда царь встал и прощался с патриархом, тот благословил его образом Владимирской божией матери [2]. Очень возможно, что в связи с разговорами с Гордоном 7 декабря стоит в дневнике его заметка под 13 числом о том, что он писал к воеводам в Новгород и Псков, передавая царский приказ выслать в Москву прибывших в эти города офицеров, инженеров и фейерверкеров. 14-го после обеда Петр зашел за Гордоном и повел его к Лефорту, который был тогда нездоров. Туда же собрались генерал А. М. Головин и другие. Происходил совет о выборе генералиссимуса и адмирала. Выбор был, рассказывает Гордон, преднамечен заранее, и было решено назначить генералиссимусом боярина князя М. А. Черкасского, а если бы болезнь — он был в то время болен — помешала ему принять такое назначение, то боярина А. С. Шеина [3].

Из этих двух лиц князь Михаил Алегукович, или Михаил Алегук-Мурзин, Черкасский был старше, потому, вероятно, его имя и было поставлено в первую очередь. Шеин родился в 1662 г., а князь Черкасский был в 1665 г. уже пожалован в стольники. Но оба они сделали почти совершенно одинаковую придворную, административную и военную карьеру. Оба начинали службу при дворе стольниками и ближними людьми, исполняя обязанности, которые вообще входили в круг обязанностей ближних стольников. Князь М. А. Черкасский осенью 1667 г. встречал у дверей Грановитой палаты польских послов, приезжавших для ратификации Андрусовского договора, при представлении их царю, за торжественными обедами во дворце «наряжал про государя вина», дежурил с другими стольниками в Архангельском соборе у гроба царевича Симеона Алексеевича в 1669 г., участвовал в числе поезжан в свадебном поезде царя Алексея в 1671 г. С 1674 по 1676 г. в том же чине стольника был на воеводстве в Великом Новгороде, куда, кажется, ехал не с большой охотой. По крайней мере пришлось посылать к нему на двор из приказа Новгородской четверти старого подьячего торопить его с отъез-

---

[1] *Posselt*, Lefort, II, 255—256.

[2] *Забелин*, История города Москвы, изд. 2-е, стр. 549. Забелин ошибочно относит это известие ко времени сборов царя в первый Азовский поход: «Собираясь в Азовский поход, он изволил быть и сидеть...» и т. д. Если этот визит и имел связь со сборами в Азовский поход, то только в том смысле, что тогда происходили вообще приготовления ко второму походу. Может быть, Петр счел нужным испросить благословение патриарха на эти приготовления и вообще побеседовать с ним об азовском предприятии.

[3] Gordons Tagebuch, II, 638—639.

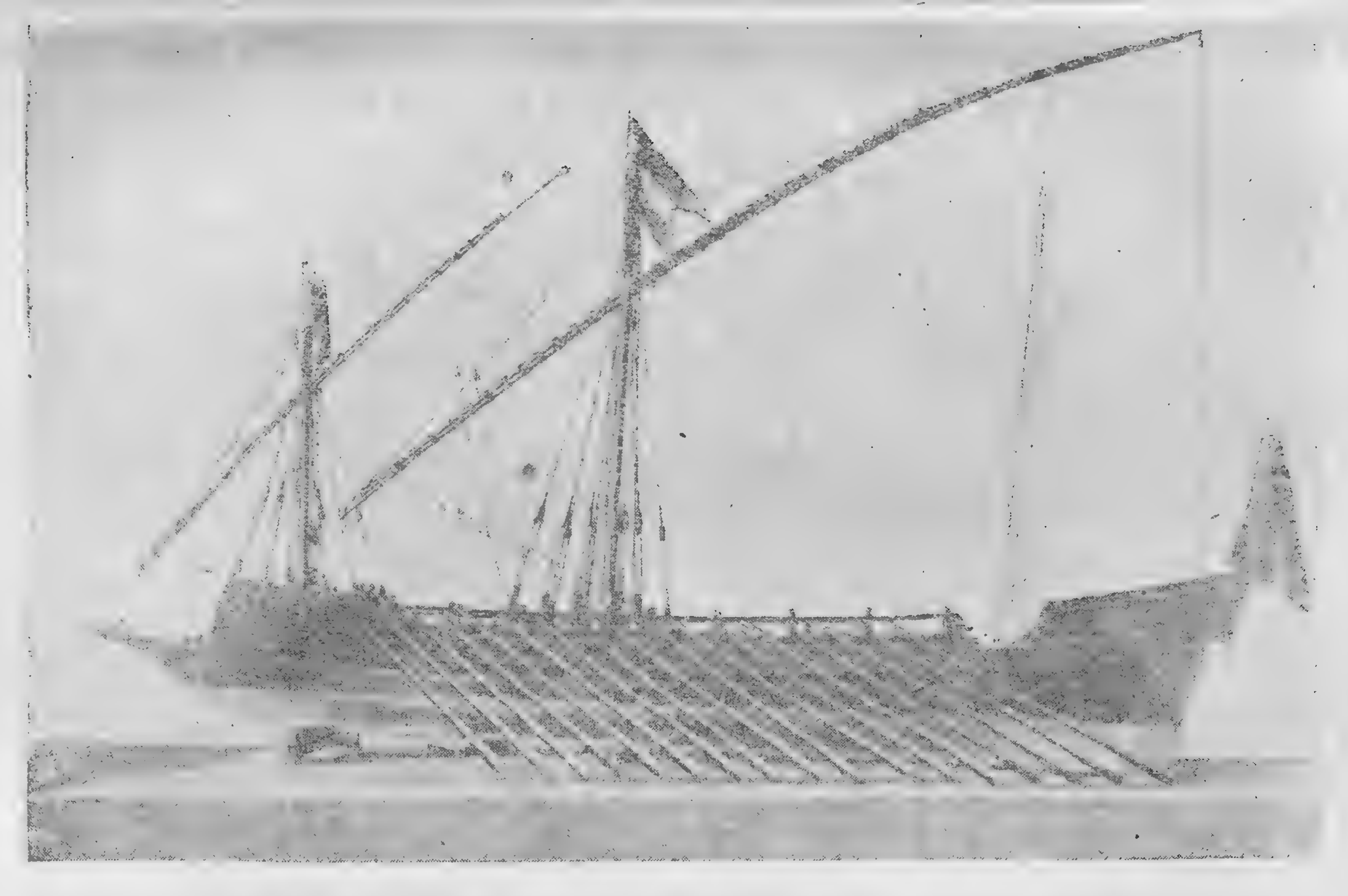

Рис. 52. Модель галеры, сделанной по заказу Петра в Голландии в 1695 г. (находится в Гааге). Рисунок взят из книги Елагина «История русского флота».

дом, причем он опоздал в Новгород к сроку своего назначения. В конце 70-х годов он в чине боярина получил поручение военного характера: был назначен воеводой большого полка, командиром московских войск, отправленных в 1679 г. в Киев. Что делал на Украине корпус, предводительствуемый Черкасским, видно из той речи, которая была произнесена дьяком Разрядного приказа Василием Семеновым на приеме воевод у государя 30 сентября 1679 г. по возвращении войск с Украины. «А великому государю их, бояр и воевод, объявлял розрядной думной дьяк Василий Семенов, а речь говорил такову: По твоему, великого государя царя и великого князя Федора Алексеевича. . ., указу Большого полку боярин и воевода князь Михайло Алегукович Черкасской с товарищи в прошлом 187 (1678—79) году посланы были на вашу, великого государя, службу в Малороссийские городы; идучи на тое вашу, великого государя, службу полков своих с вашими государевыми ратными людьми в указных местех собралися вскоре и в Малороссийские городы и к Киеву шли с поспешеньем. А пришед к Киеву, городовых и около Киева и Печерского монастыря всяких крепостей и рвов осматривали сами, и крепости довелись починить и вновь сделать; и то дело, росписав на себя и на ратных людей, учинили крепости многи, как вашим государевым ратным людем, будучим в Киеве, в приход неприятельских людей быть бесстрашно и надежно; да по их же, бояр и воевод, рассмотрению под Киевом на реке на Днепре для переправы ратным людем сделан мост на стругах и по тому мосту ратным людем под Киевом через Днепр переправа была скорая и безопасная; да они ж, боярин и воевода с товарищи своими, будучи в походах в Малороссийских городех и у Киева, про всякие неприятельские замыслы проведывали со всяким тщанием, и что у них каких было о том ведомостей, и о том о всем писали они, боярин и воеводы, к вам, великому государю; а сами они, боярин и воевода, на отпор к неприятельскому приходу были во всякой готовности». Царь Федор, выслушав это перечисление заслуг князя М. А. Черкасского с товарищами, пожаловал их к руке, спрашивал их о здоровье и за службы удостоил их своим милостивым словом [1]. Итак, отряд князя Черкасского, своевременно собравшись, пришел в Киев, исправил киевские укрепления и принял меры к обороне города, навел мост через Днепр, проведывал про неприятелей и о вестях исправно доносил в Москву. В этом и заключались все заслуги Черкасского, как командира. В сражениях он не участвовал и пороховым дымом окурен не был. В 1681 г. он посылался на воеводство в Казань, а затем с 1683 г. он живет в Москве, и мы его постоянно видим на первом месте в той свите придворных чинов, которая сопровождает Петра в его беспрестанных загородных походах. Видно, что

[1] Дворцовые разряды, III, 676, 678, 852, 858, 863, 874, 1144, 1162, 1163; IV, 116—118, 214, 227, 235 и др.

князь Михаил Алегукович пользуется расположением Петра. В молодости близкий к царю придворный, затем воевода-администратор в двух крупных областных центрах, наконец, воевода-полководец, но совсем не боевой генерал, — в таких чертах рисуется служебный путь князя М. А. Черкасского.

В том же роде и карьера А. С. Шеина, правнука знаменитого смоленского воеводы, казненного при царе Михаиле. Мы также в 1671 г. видим его на свадьбе царя Алексея в числе «ближних людей» в свадебном поезде, а во время венчания он держит царскую «шапку двоеморховую бархатную». В первой половине 1670-х годов на торжественных обедах во дворце он особенно часто «вина наряжает про государя», а раз государю «пить наливает»; во время загородных выездов царя Алексея с семьей он едет за каретой царевичей, сопровождает Алексея Михайловича на охоту, посылается им из похода к царице «со здоровьем», т. е. с известием и вопросом о здоровье, при торжественных выходах поддерживает государя под правую руку, при выезде в санях стоит по правую руку на оглобле царских саней, во время шествия на осляти несет царский жезл, в день иконы Смоленской божией матери — в храмовой праздник в Новодевичьем монастыре — 28 июля 1675 г. ему дается поручение ехать в монастырь, кормить игуменью с сестрами. Шеин, видимо, обладал хорошим состоянием. При встрече персидских послов в 1675 г. он выезжал, как и другие ближние люди, со своим «двором», и его «двор» выделялся блеском и многолюдством среди дворов таких же стольников: перед ним вели трех лошадей, а за ним ехали 25 человек его холопей с ружьями. У всех других ближних людей свита была меньше. При царе Федоре в 1680—1682 гг. он назначался воеводой в Тобольск [1]. При коронации царей Ивана и Петра он в чине боярина нес царскую шапку [2]. Осенью 1682 г., когда правительница и государи удалились из столицы в Троицкий монастырь и когда к монастырю стали собираться дворянские полки, ему поручено было командовать отрядом, состоявшим из коломенцев, рязанцев, тулян и каширцев, причем этот отряд должен был стать в Коломне. Следующие (1683—1685) годы он провел воеводой в Курске. Затем начинается его боевая служба в первом и во втором Крымских походах. В обоих этих походах он командует армией, состоящей из полков Новгородского разряда [3]. По возвращении из второго Крымского похода он представлялся 20 июля Петру

---

[1] *Барсуков*, Списки городовых воевод; А. И., V, № 51, 59, 60.

[2] Д. А. И., X, 38, 40.

[3] Дворцовые разряды, II, 874, 877, 885, 891, 893, 902, 952, 965, 970; Дополнения к Дворцовым разрядам, 459, 467, 468, 479; III, 978, 999, 1042, 1049, 1071, 1075, 1135, 1138, 1158, 1168, 1192, 1563; А. Э., IV, № 292; Дворцовые разряды, IV, 430, 460, 466. Ср. там же, 435, 446, где он показан 5 мая и 9 июня в числе бояр, сопровождавших царя Ивана Алексеевича в Новодевичий монастырь и в Измайлово. Но это, вероятно, ошибка в разрядных росписях, в которые имя его за эти дни включалось по привычке.

в Коломенском вместе с князем В. В. Голицыным. Во время столкновения Софьи с братом в августе 1689 г. мы видим его в Москве и 29 августа он упомянут в числе бояр, сопровождавших царевну в ее неудавшейся поездке к Троице для примирения с Петром. Но затем он на стороне Петра, ездит с ним в Преображенское в октябре и в Саввин монастырь в ноябре 1689 г., а в следующем (1690) году участвует в плавании на судах в Коломенское. В 1694 г. ему поручалось кормить патриарха и властей, служивших заупокойную литургию и панихиду в девятый день по царице Наталье Кирилловне [1].

Из приведенных данных видно, что и боярин Алексей Семенович Шеин не был знаменит ратными подвигами. Что отсутствие единства в командовании вредило успехам русских войск в первую Азовскую кампанию, что для новой войны необходим был единый главнокомандующий, это было Петром хорошо осознано. Но почему же при мысли о таком главнокомандующем он остановился на таких двух не блиставших боевым опытом лицах? Почему не выдвинул на это место кого-либо из людей, выдающихся военными заслугами, кого-либо, например, из участников первого Азовского похода? Можно думать, что генералиссимус во втором походе нужен был Петру только как подставная, но почетная фигура, через которую действовать он рассчитывал сам. Открыто взять себе первую роль, выступить на первый план, принять на себя главное командование войсками он не решался, хотя фактически был душой всего предприятия и его неутомимой движущей и направляющей силой. Но он, видимо, желал режиссировать ходом всей пьесы, сам выступая на вторых ролях. Он и впоследствии всегда был именно лишь душой всякого предприятия, никогда не становясь его видимым главой. Взяв на себя всю суть дела, он нуждался в подставном лице, на которое будут возложены все внешнее представительство, все внешние формы. Сам он непосредственно, может быть, стеснялся диктовать свою волю таким лицам, как А. М. Головин или Гордон, его учитель в военном деле, и предпочитал делать это устами сановитого боярина Черкасского или Шеина, которые во втором Азовском походе предназначались быть тем же, чем в кожуховском походе был Ромодановский, только без оттенка того шутовства, какое постоянно просвечивает в игре Петра с последним в генералиссимусы и кесари.

В тот же день, 14 декабря, надо полагать, было сделано и другое назначение: адмиралом будущего флота был назначен Лефорт. Гордон умалчивает о таком повышении своего родственника и соперника, так что приурочивать возведение Лефорта в это звание именно к 14 декабря можно только с вероятностью. В письме за границу, в Амстердам, относящемся к январю 1696 г., Лефорт говорит о себе уже как об адмирале [2]. Почему на него

[1] Дворцовые разряды, IV, 478, 491, 502, 506, 554, 863.
[2] *Posselt*, Lefort, II, 318.

именно, на швейцарца, уроженца самой сухопутной страны во всей Европе, пришелся выбор царя в данном случае? Очевидно, не какие-либо познания Лефорта в морском деле и не способности его к мореплаванию или кораблестроению оказали влияние на решение царя, а только дружба и симпатии к нему и преданность, которой тот платил за эту дружбу. Разумеется, адмиральское звание для Лефорта было только почетным, украшающим титулом. Действительное направление всего дела сооружения флота Петр оставлял за собой.

15 декабря Петр обедал у именитого человека Г. Д. Строганова; на этом обеде видел царя Гордон. К этому же дню Гордон относит указ о сборе людей в Воронеже и в близлежащих местах для постройки стругов и о заготовлении в Воронеже большого количества съестных припасов. Для решения этой задачи, для постройки многочисленного транспортного флота на Дону, были пущены в ход те же средства, к каким приходилось прибегать и для первого Азовского похода, какими пользовались и гораздо ранее, в течение всего XVII в., для сношений с донскими казаками, для перевозки туда хлеба и тех предметов, которые входили в состав посылаемого время от времени донскому войску царского жалованья. Указ, упоминаемый Гордоном, есть, очевидно, тот указ, который был записан в Разряде 23 декабря и которым предписывалось в течение зимы 1695/96 г. к вешней полой воде изготовить 1 300 стругов, 30 морских лодок и 100 плотов. Эта работа должна была производиться в тех же городах Белгородского разряда, в которых она была сосредоточена и в прошлом году: в Воронеже, Козлове, Добром и Сокольском, расположенных по реке Воронежу, откуда струги спускались в Дон. Для исполнения этого дела предписано было командировать четырех стольников, также заведывавших постройкой стругов в прошлом году, а именно: в Воронеж стольника Г. Титова, в Козлов К. Кафтырева, в Добрый С. Огибалова и в Сокольский К. Титова. Плотников, кузнецов и других работников велено было для постройки собрать с городов Белгородского полка с подводами, с плотничьими и кузнечными инструментами и с съестными припасами [1].

В ночь на 18 декабря царь выехал в Ярославль на погребение тела князя Ф. И. Троекурова, умершего, как мы видели выше, от ран под Азовом. Из этой поездки он вернулся 22 декабря. 24 декабря отправился из Москвы посланником к цесарю дьяк К. Н. Нефимонов. Посольство имело целью подтверждение союза московского двора с цесарским; дьяк должен был постараться облечь эти союзные отношения в форму письменного договора. Но главным поручением, данным ему, было похлопотать о присылке цесарем в Московское государство «инженеров и подкопщиков добрых и искусных десяти человек, которые бы имели

---

[1] Gordons Tagebuch, II, 639; *Елагин*, История русского флота, приложение I, № 7, лит. а.

в своей инженерской науке, в деле воинском, доброе и свидетельствованное искусство». В наказе Нефимонову говорилось, что если десяти человек таких инженеров у цесаря не нашлось бы, то постараться найти человек шесть-семь и выслать их «к Москве зимним временем, не испоздав» [1].

XXXI. ПОСТРОЙКА ГАЛЕР. ЭКИПАЖ. ФОРМИРОВАНИЕ ПЕХОТНЫХ ВОЙСК

В январе и феврале 1696 г. Петр был всецело занят приготовлением к новому походу, и подготовительные работы, движимые его энергией, шли полным ходом. Эти работы заключались в постройке военного галерного флота в Преображенском, в формировании необходимого для этого флота экипажа, в организации сухопутной армии и в постройке в Воронеже транспортного стругового флота для перевозки этой армии. Взглянем на все эти работы.

Постройка галер в Преображенском началась, вероятно, с доставкой туда из Архангельска голландской галеры, которая должна была служить образцом для преображенских галер. 3 января она была уже на месте, на лесопильной мельнице в Преображенском, куда в этот день ездил ее осматривать Гордон. В начале же января приехали и выписанные из Воронежа корабельные плотники [2] в числе 24 человек. Сам Петр на святках 1695/96 г. после поездки в Ярославль страдал болезнью ноги и потому, должно быть, не мог принять участия 6 января в торжественном выходе на Иордань, который справлялся обычным порядком в присутствии одного только царя Ивана Алексеевича. Однако болезнь, мешая Петру выходить из дому и работать над постройкой кораблей лично с топором в руке, не препятствовала ему руководить общим ходом предприятия, давать ему направление и темп; не будучи в состоянии содействовать предприятию своей рукой, он энергично двигал его своей волей.

Вероятно, одновременно или почти одновременно с тем, как застучали топоры и заработали пилы над постройкой галер в Преображенском, начата была формировка экипажа для них. Помощниками главе флота адмиралу Ф. Я. Лефорту были назначены: в качестве вице-адмирала состоявший на русской службе венецианец полковник Лима, а «шаут-бейнахтом» (как тогда по-голландски назывались контр-адмиралы) француз полковник Балтазар де Лозьер (Balthasar de l'Osiere), приехавший в Московское государство в 1687/88 г. из Персии, служивший затем в Белгородском и Курском полках, участник первого Азовского похода, во время которого он состоял полковником в выборном полку Лефорта. И тот и другой, и вице-адмирал и шаут-бейнахт, были люди так же мало знакомые с морем, как и сам адмирал. Состояв-

---

[1] Gordons Tagebuch, II, 642; Пам. дипл. сношений, VII, 1013, 1018—1019.

[2] Gordons Tagebuch, III, 3; *Елагин*, История русского флота, приложение I, № 5. 5 января эти плотники были в Туле, задержанные отсутствием подвод.

ший под их начальством экипаж, или «морской караван», был набран в значительной части из контингента на все способных Преображенского и Семеновского полков, из старых и «новоприборных» солдат этих полков, и заключал в себе более 4 000 нижних чинов [1]. Караван подразделялся на 28 рот, с капитаном и поручиком во главе каждой. Кроме этих 28 рот, состоит особый отряд при адмирале. При нем имеется также штаб из подполковника, 3 майоров и 12 обер-офицеров. Из рот первое и второе место занимают роты вице-адмирала и шаут-бейнахта. Четвертое место занимает рота, во главе которой значится «капитан Петр Алексеев» — государь. При нем находится поручик Альбрехт Пиль, «кумадир»(?) И. А. Головин, урядник Михаил Волков. Здесь же видим трех бомбардиров, близких к Петру, занимающих теперь морские должности: боцман Гаврило Меншиков, констапель Гаврило Кобылин, подконстапель Иван Вернер, должность провиантмейстера занята сержантом Преображенского полка Моисеем Бужениновым. В роте Петра Алексеева упомянуты еще 27 матросов, 1 юнг-каютт, а всего урядников (унтер-офицеров) и рядовых солдат в ней считалось 172 человека. На офицерских местах морского каравана встречаются лица, значившиеся в списках Преображенского полка в 1695 г. [2].

9 января 1696 г. боярин А. С. Шеин получил официальное назначение главнокомандующим сухопутными силами, которые должны были итти под Азов. В этот день издан был указ, которым великие государи указали ему с товарищами «быть на своей, великих государей, службе для промыслу над турским городом Азовом» [3], и дальнейшие меры по сформированию сухопутной армии идут уже под его ближайшим руководством. В устройстве армии Шеина еще немало древнерусских черт; это еще в значительной мере войско Московского государства. Войско это носит название «Большого полка». Сам верховный воевода носит титул «ближнего боярина и наместника псковского». Его окружает многочисленный штаб, к составу которого принадлежат: «у большого полкового знамени воевода» стольник князь П. Г. Львов, «генерал-профос», или судия, князь М. Н. Львов, трое «посыльных воевод» — адъютантов, «у ертоула воевода», а также «у большого наряда и зелейной и свинцовой казны и у всяких полковых припасов воевода» — начальник артиллерии. При главной же квартире состоит значительный контингент московского дворянства, составляющего свиту главнокомандующего и занимающего различные специальные должности, исполняемые в наши дни офицерами генерального штаба. Это были 174 «завоеводчика», 108 есаулов, 8 обозных, 5 дозорщиков, 6 сторожеставцев и 8 заим-

[1] По ведомости, приведенной в «Походе боярина А. С. Шеина», изданном Рубаном (стр. 67 и сл.), — 4 157 человек. По ведомости, напечатанной у *Елагина*, История русского флота (Материалы, I, стр. 49) — 4 225 человек.

[2] «Поход боярина Шеина», изд. Рубаном, стр. 67 и сл.; ср. *Устрялов*, История, II, приложение XVII, № 4.

[3] Дворцовые разряды, IV, 916.

щиков (квартирмистры?). Все эти должности заняты служилыми людьми московского чина: стольниками, стряпчими, дворянами московскими и жильцами.

18 января к боярину Шеину из разных приказов была отпущена «святыня», которая должна была находиться в Большом полку: полковое знамя с изображением лика Христа, принадлежавшее еще царю Ивану Васильевичу Грозному, бравшееся им в Казанский поход. Знамя описывается так: «Камка луданская червчатая, вшит образ Спасов Еммануил, бахрома золото пряденое, древко тощое, яблоко болшое резное, древко и яблоко позолочено сплошь, крест серебреной позолочен, вток, пряжка и запряжник и наконешник серебреной; на знамя чюшка алого аглинского сукна»[1]. Далее отпущены были: «Чудотворный нерукотворенный спасителев образ; святый животворящий крест господень, в нем же власы его спасителевы, которого святого и животворящего креста силой благочестивый царь Константин победил нечестивого Максентия». В Большой полк отпущена была также походная церковь со всякой церковной утварью и при ней штат священнослужителей: два священника да дьякон. Для перевозки «святыни» дана была карета с лошадьми[2]. Для самого главнокомандующего устроен был шатер, при котором состояло шесть человек барашей и четверо сторожей. Канцелярия главной квартиры сосредоточивалась в так называемом Разрядном шатре. Для руководства письменными делами в Разрядный шатер были назначены три дьяка: из Разряда Иван Уланов, из Стрелецкого приказа Михаил Щербаков и из Пушкарского приказа Иван Алексеев. Из Разряда же была отпущена и обстановка для этого шатра: «На стол сукна червчатого доброго 3 аршина, бумаги доброй 10, средней 20 стоп, 8 стульев кожаных немецких, 4 тюфяка, в том числе 3 кожаных, 1 суконной, 2 чернилицы оловянные столовые, двои счота, двои ножницы, два клея, 6 песошниц, 2 кераксы, 4 шандала медных, вески болшие, вески малые, 2 фунта, 25 шандалов деревянных, 6 щипцы, свеч восковых полпуда, свеч салных маканых 5 пудов, мелких 5 000, чернил росхожих 6 ведр, добрых полведра, 7 коробей на полковые дела, к ним 7 замков». Для перевозки Разрядного шатра в походе дано было: «6 телег с палубы и с колесы, колеса со втулки, и оси с поддоски железными, да к ним 6 замков немецких, 4 хомута с пряжками, 17 ценовок, 40 рогож простых, 30 веревок, чем обвязывать телеги, 3 короба с рогожи и с веревки, в чем положить салные свечи, фонарь болшой»[3]. Из Посольского приказа прикомандированы были к главной квартире переводчик и толмачи разных языков. При этой же квартире отпущена аптека под управлением думного дворянина И. Е. Власова, а при ней из Аптекарского приказа отпущены: один «дохтур» один «штинха-

[1] В настоящее время это знамя хранится в Оружейной палате: см. рисунки к описи Оружейной палаты.

[2] Дворцовые разряды, IV, 959.

[3] Там же, 917—919.

тер», лекарей[1] 17 человек, 2 костоправа и, кроме того, при аптеке 1 сторож и 6 человек барашей[2].

Вооруженные силы Большого полка были составлены следующим образом. Прежде всего в нем значится отряд дворянской конницы из служилых людей московского чина, распределенных по нескольким ротам, в том числе 13 рот стольников 5 рот стряпчих, 4 роты дворян московских и 5 рот жильцов. В каждой роте офицерскими чинами были ротмистр, поручик и хорунжий. По ротам расписаны были московские чины сверх тех, которые, как мы видели выше, были назначены состоять при главной квартире. Всего в ротах этих чинов насчитывалось около 4 000 человек. Но двумя этими категориями — состоявшими при главной квартире и расписанными по ротам — еще не исчерпывался весь контингент служилых людей московского чина. Значительная их часть, около 400, находилась еще в армии Б. П. Шереметева[3]. Этот конный отряд московских чинов, расписанных по ротам, состоял в непосредственном распоряжении самого главнокомандующего. Остальную и главную массу Большого полка составляла солдатская и стрелецкая пехота. Вся эта масса делилась на четыре «полка» под начальством генералов: Ф. Я. Лефорта, который, будучи назначен адмиралом, продолжал оставаться в то же время и сухопутным генералом, П. И. Гордона, А. М. Головина и К. А. Ригемана. Каждый из этих «полков» был сложной боевой единицей, по-нашему дивизией или корпусом, состоявшим из нескольких полков. Так, полк Лефорта состоял из трех полков и заключал в себе 94 человека начальных людей, 400 офицеров и 4 000 солдат[4].

П. И. Гордон деятельно занимался формированием своего корпуса, и в течение января по делам корпуса он виделся и совещался, как это явствует из отметок в его дневнике, с главнокомандующим А. С. Шеиным, с начальником Разряда Т. Н. Стрешневым и с начальником Стрелецкого приказа князем И. Б. Троекуровым. В результате состав гордонова корпуса определился в следующем виде. В него вошли: девять солдатских полков: а) Бутырский, б) четыре тамбовских полка, расположенных в Тамбове, в) два полка низовых и г) два полка рязанских и семь стрелецких полков полковников Конищева, Колзакова, Черного, Елчанинова, Кривцова, Протопопова, М. Ф. Сухарева. В девяти солдатских и семи стрелецких полках у П. И. Гордона было 369 начальных людей (офицеров), 9 060 солдат и 4 688 стрельцов, а всего 14 117 человек. Корпус А. М. Головина составился, как и в прошлом году, из двух потешных полков, Преображенского и Семеновского, девяти солдатских и шести стрелецких полков полковников Озерова, Чубарова, Воронцова, М. Ф. Сухарева, Христофора фон Гундертмарка и Батурина. В одиннадцати солдатских и шести стре-

[1] В Дворцовом разряде IV, 918 ошибочно напечатано «слесарей».
[2] Дворцовые разряды, IV, 917—919, 959.
[3] Там же, 938, 940, 957.
[4] «Поход боярина Шеина», изд. Рубаном, стр. 1—58.

лецких полках у Головина было более 300 начальных людей, более 8 520 солдат и 4 909 стрельцов, а всего более 14 000 человек [1]. Корпус К. А. Ригемана состоял из семи солдатских полков, действовавших в прошлом (1695) году в составе Белгородского полка в армии Б. П. Шереметева. В них считалось начальных людей 178, а солдат 10 299, всего, таким образом, 10 477 человек. Всего в отряде дворянской конницы, в 30 солдатских и 13 стрелецких полках состояло более 46 000 человек [2]. Части войск, которые должны были войти в состав Большого полка боярина А. С. Шеина, были расположены в разных местах. Часть находилась в столице, например, потешные и выборные солдатские полки; городовые солдатские полки находились по уездам, например, тамбовские оставлены были в Тамбове, полки корпуса Ригемана стояли в пределах Белгородского разряда. Перед походом их надо было собрать. Сборными пунктами были назначены города Валуйки и Тамбов. На Валуйках к 1 февраля назначено было стать полкам корпуса Ригемана, а к 20 марта — московскому дворянству, некоторым солдатским и шести стрелецким полкам из корпусов Гордона и Головина. В Тамбове предписано было собраться корпусу Лефорта, тамбовским и рязанским полкам Гордона. Из Тамбова эти части должны были двигаться в Черкасск сухим путем, каким в 1695 г. шел Гордон [3]. К Большому полку Шеина должны были затем присоединиться: шесть полков украинского казацкого войска численностью до 15 000 человек, донское казацкое войско — 5 000 человек, калмыцкая конница до 3 000 человек, низовые конные стрельцы, царицынские, саратовские, самарские, красноярские и яицкие казаки (в количестве 500 человек). Всего действовать под Азовом предназначалась сила, простиравшаяся до 70 000 человек. Особая армия под начальством боярина Б. П. Шереметева, как и в прошлом году, должна была действовать вместе с остальными украинскими казацкими полками гетмана Мазепы в области нижнего Днепра и оборонять Украину. В состав армии Шереметева вошли служилые люди московского чина более 400 человек, городовые дворяне и дети боярские разных городов более

---

[1] Gordons Tagebuch, III, 4—6. О численности корпуса Головина можно судить только приблизительно. Рубан в «Походе боярина А. С. Шеина» приводит следующие точные цифры: начальных людей 309, солдат 8 520, стрельцов 4 909, а всего 13 738. Но он в своем перечне пропустил Семеновский полк.

[2] Если считать верными цифры, приведенные Рубаном, в Большом полку состояло:

Московского чина	3 816 человек
Начальных людей	948 (по моему счету 941)
Солдат	31 874
Стрельцов	9 597
	46 235 человек

[3] «Поход боярина А. С. Шеина», изд. Рубаном, стр. 56—60; Дворцовые разряды, IV, 946.

6 000 человек, полки Белгородского и Новгородского разрядов, а также смоленская шляхта. Это войско еще в большей степени было старомосковским, чем Большой полк Шеина [1].

XXXII. ПЕТР В ВОРОНЕЖЕ. ПОСТРОЙКА СТРУГОВ

Среди этих распоряжений и приготовлений Петр вынужден был по болезни оставаться дома в течение всего января. Гордон несколько раз в дневнике за этот месяц отмечает, что был у царя, и ни разу не упоминает, чтобы встретил царя где-нибудь вне дома, а это, несомненно, имело бы место, если бы Петр вообще выходил. Так, Гордон пишет под 7 января, что он «отправился к его величеству и говорил с ним о различных предметах». 12 января: «После обеда был у его величества». 15-го: «Был целый день дома, ожидая известия от А. С. Шеина, чтобы с ним вместе ехать к его величеству». 17-го и 20-го был в Преображенском без упоминания, что виделся с царем. 25-го: «Был в городе сначала у А. С. Шеина, затем у его величества». Характер этих отметок Гордона: «разговаривал о различных предметах», «собирался к государю с главнокомандующим А. С. Шеиным», «виделся сначала с Шеиным, а затем с царем» — показывает, что болезнь, удерживая Петра в комнатах, не мешала ему быть в курсе всего дела, живо интересоваться его ходом, издавать или санкционировать разного рода касавшиеся будущей войны распоряжения. С его, разумеется, утверждения, а, по всей вероятности, по его инициативе, был объявлен 13 января оригинальный указ, коснувшийся крепостного права, открывавший своеобразный выход крепостным людям на свободу, — это указ, которым предоставлялось дворовым людям, холопам, записываться на военную службу в Азовский поход и, таким образом, освобождаться от крепостной зависимости. «И генваря в 13 день, — пишет современник Желябужский, — на Болоте (в Замоскворечье) кликали клич, чтоб всяких чинов люди шли в Преображенское и записывались и шли б служить под Азов. И после той кличи из всех боярских дворов и из всяких чинов холопи боярские все взволновались и из дворов ходили в Преображенское и записывались в разные чины, в солдаты и в стрельцы» [2]. Указ взволновал рвавшихся на свободу холопей; не менее встревожил он их господ, а также дал много дела и военным властям, как это можно наблюдать по дневнику Гордона: 23 января «Отправился на Бутырки, где обучал вновь записанных солдат, которые бежали от своих господ, так как им была обещана свобода»; 5 февраля: «Множество дворян беспокоили меня целый день по поводу их дворовых, взятых в солдаты»; 7 февраля: «Вновь записавшиеся солдаты были отведены в церковь, чтобы там присягнуть»; 12 февраля: «Я велел вновь записавшимся солдатам выплатить по рублю человеку» [3].

[1] *Желябужский*, Записки, изд. Сахаровым, стр. 28.
[2] Там же.
[3] Gordons Tagebuch, III, 4—8.

Впервые в самом конце января Петр покинул дворец по печальному поводу. 29 января внезапно скончался царь Иван Алексеевич. Царь Иван Алексеевич с детства, как и все мужское потомство царя Алексея Михайловича, кроме Петра, не отличался хорошим здоровьем, страдал цынгой, но все же в январе 1696 г. ничто, казалось, не предвещало такой скорой развязки. 24 января он присутствовал на панихиде по царице Наталье Кирилловне в Вознесенском монастыре. 26 января, в день тезоименитства царевны Марии Алексеевны, он слушал литургию в дворцовой церкви Иоанна Предтечи, а после литургии «жаловал в Передней царевичев, и бояр, и окольничих, и думных, и ближних людей кубками фряжских питей, а стольников, и судей из приказов, и полковников стрелецких, и дьяков, и гостей водкою», а 29-го утром его уже не стало.

Погребение его состоялось на другой день, 30 января, и совершено было по обычному церемониалу. На выносе Петр шел за гробом в «печальном платье», при совершении надгробного пения «сотворил с братом своим государевым прощение... и по погребении тела его государева» с вдовой умершего, царицею Прасковьей Федоровной, «из церкви архангела Михаила изволили иттить в свои государские хоромы» [1]. С сошедшим в могилу царем Иваном Алексеевичем отходил в прошлое дворцовый кремлевский уклад царской жизни, замирала, по крайней мере в царских палатах, московская старина.

31 января Гордон виделся с Петром в Преображенском и разговаривал «о различных предметах». 1 февраля Петр был вечером на ужине у генерал-майора К. А. Ригемана. 9 февраля он присутствовал на празднике, данном Лефортом. 15-го ужинал у Избрандта. Под 17 февраля читаем в дневнике Гордона: «Его величество обещал в следующую среду обедать у меня». 18 февраля был опять праздник у Лефорта, во время которого, как сообщает Гордон, прошел маршем «морской регимент», т. е. морской экипаж, сформированный для галерного флота. 19 февраля, в среду, царь сдержал обещание и обедал у Гордона с многочисленной компанией. «Они оставались долго, — замечает хозяин, — и были хорошо угощены». На следующий день Гордон встретил царя на пиру у Л. К. Нарышкина по случаю его именин. 23 февраля Петр уехал из Москвы в Воронеж, где уже полным ходом шло строение стругового флота и где должна была заканчиваться постройка галерного. В Воронеж он прибыл 29 февраля [2]. С пути или, может быть, тотчас по прибытии в Воронеж Петр писал в Москву боярину А. С. Шеину, сообщая ему между прочим о виденном состоянии дорог. Это, вероятно, и есть то полученное в Москве 4 марта письмо от государя с известием о приезде его в Воронеж, о котором упоминает в своем дневнике Гордон [3].

---

[1] Дворцовые разряды, IV, 919—925.

[2] *Елагин*, История русского флота, приложение I, стр. 57, примечание: «А на Воронеж изволил он, великий государь, притти февраля в 29 числе».

[3] Gordons Tagebuch, III, 6—11.

Рис. 53. Царь Иван Алексеевич

Гравюра Штенглина, 1742 г., с современного оригинала маслом.

«Государь мой милостивой, — отвечал Шеин, — многолетно здравствуй! За присланное от милости твоей писма и о ведомостях пути и рек, приняв, благодарственно челом бью. И зело сокрушаюся, чтоб, не упустя зимнего времени, поспешить на указное место. Доношу милости твоей: толко задержание мое — пехотные полки; отправя с Москвы последние марта 6-го числа, с поспешением буду ускорять до Воронежа, оставя все. А ваша милость в деле своем управляй, как господь вразумит, и Титову

прикажи, чтоб все готово было. Во сем предаюся милости тво[е]й. Алешка Шеин стократне челом бью» [1].

В Воронеже Петр поселился в занятом для него домике, помещавшемся на берегу реки Воронежа у самой пристани и принадлежавшем подьячему приказной избы Маторину. Владение Маторина так описывается в современном документе: «А в том дворе... две горницы на омшениках, у передней (горницы) сени, крыльцо, и из тех сеней позади около тех горниц в комнату и на другое крыльцо сени ж проходные. Да на том же дворе погреб с напогребицею и над ним сушила бревенчатые, у ворот изба караульная; в одной горнице в комнате прежняя ж печь обращатая (изращатая), белые образцы». Приготовления к приезду государя заключались, во-первых, в том, что стены обеих горниц были обиты полотном и выкрашены, «вновь в тех в обеих горницах подбито полотном и вылевкашено левкасом»; во-вторых, в некоторых новых пристройках, именно в устройстве мыльни и поварни: «да вновь же построена мыльня из нового сруба с двумя окошки красными с окончины стеклянными, с печью обращатою зеленою, белая с трубою; против ее сени забраны досками, в косяке из сеней к одной стороне перила с болясы точеными, а от прежних хором из сеней к новым сеням учинены двери; да вновь же построена поварня» [2].

Глазам Петра должна была представиться картина оживленнейшей деятельности. В Воронеже он нашел несколько тысяч собранных для討 стругового дела работных людей, которые готовили и возили необходимый для судов лесной материал, тесали бревна, пилили доски, варили смолу, сколачивали, конопатили и смолили струги, работали в кузницах, выделывая железные инструменты и судовые снасти, заготовляли брусья и доски для предстоящего сбора галер. Взглянем ближе на организацию воронежского стругового строения в 1696 г., в основу которой был положен план судостроения предыдущего года, в свою очередь повторявший в расширенном, разумеется, виде судостроение, как оно практиковалось на реке Воронеже в течение всего XVII в. Мы видели уже, что в четырех расположенных по этой реке городах: Козлове, Добром, Сокольске и Воронеже, надлежало построить к весне 1696 г. к вешней первой полой воде 1 300 стругов добрых и пространных, мерою таких же, как и в прошлом году; сверх того 30 морских липовых однодеревных лодок, мерою в длину 7—7½ сажен и 100 бревенчатых соснового леса плотов. Постройка всего этого количества транспортных судов была распределена между четырьмя верфями следующим образом: на Воронеж пришлось 250 стругов, 30 морских лодок и 100 плотов, на Козлов, Добрый и Сокольск — по 350 стругов на каждый. Постройка судов возложена была как повинность на некоторые классы насе-

---

[1] П. и Б., т. I, стр. 547.

[2] *Елагин*, История русского флота, приложение I, № 8. Для занятия этого двора приехал в Воронеж 25 февраля из Москвы Преображенского полка шхип-тимерман Лукьян Верещагин.

ления той области, где находились эти четыре верфи, — Белгородского разряда и двух ближайших областей: на украинные и рязанские города, причем в этих областях призывались к исполнению повинности не одни и те же общественные классы. В 49 городах Белгородского разряда повинность падала: а) на посадских людей, б) на служилых людей городовой (гарнизонной) службы; служилые люди полковой службы — дети боярские — оставались от нее свободны. Из городов украинных и рязанских призывались только служилые люди городовой службы: стрельцы, казаки, пушкари и люди пушкарского чина. Белгородский разряд должен был выставить посадских и служилых людей 22 220 человек; украинные и рязанские города — 5 608 человек служилых людей. Всего, таким образом, требовалось к судостроению 27 828 человек, причем каждый призываемый должен был принести с собой также некоторое количество необходимых материалов — лубья и пеньки, а именно по 2 луба и по 10 гривенок (фунтов) пеньки. Такое число людей потребовано было к судостроению по первоначальному указу в конце декабря 1695 г. Но затем в конце января 1696 г. (31 января) вышел новый указ, сокращавший это число.

Весь этот контингент судостроителей был разверстан между четырьмя верфями, причем на каждую верфь были расписаны города, которые и должны были доставить на нее людей. Так, для воронежской верфи 961 человека должен был доставить город Воронеж, а сверх того на эту же верфь поступали работники еще из 16 городов, именно: из Белгорода, Курска, Коротояка, Урыва, Острогожска, Костенска, Ольшанска, Полатова, Валуйки, Нижегольска, Болхова, Карпова, Алешни, Суджи, Верхососенска, Усерда. Всего из этих 17 городов на воронежской верфи должны были собраться, по первоначальному указу, 7 006 человек, по вторичному, уменьшавшему требования, — 6 420. Работникам назначено было жалованье — кормовые деньги по 2 деньги в день человеку. Но такое жалованье не было нисколько привлекательным и нисколько не уменьшало тяжести и не скрашивало мрачных сторон повинности, и потому отнюдь не следует думать, чтобы все это число призванных на воронежскую верфь людей — на нее действительно и явилось. Значительная доля оказалась в нетчиках и беглецах. Двум городам, Воронежу и Курску, число работников было еще убавлено, потому что они поставили вместо работных людей готовые струги, — воронежцы шесть стругов, а курчане — одиннадцать, причем каждый готовый струг зачитывался за 10 человек. При всех этих сокращениях числа работных людей на воронежской верфи к вешней воде было сделано 259 стругов, на девять больше, чем было на нее назначено, а с поставленными воронежцами и курчанами 17 стругами число их доходило до 276. Было изготовлено также 60 морских лодок, вдвое больше положенного числа, и 100 плотов, как и было назначено. Струги делались мерою в длину 14—18 сажен, поперек $1^3/_4$—3 саж. Из 259 стругов 15 стругов было сделано «с чердаками» — каю-

тами, пять — с «светлицами и мыльнями» и семь — с ледниками для хранения съестных припасов.

Так же под руководством стольника Селиверста Огибалова происходила работа и на верфи в Добром. Эта верфь должна была изготовить 350 стругов. Поставка работных людей для нее была возложена на 12 городов, именно: Добрый, Данков, Ефремов, Елец, Талецк, Старый Оскол, Новый Оскол, Мценск, Чернь, Новосиль, Чернавск, Ряжск с селом Поплевиным. По первоначальному указу с этих городов приходилось 6 293 человека; впоследствии освобождены были вовсе от поставки работных людей Ряжск и село Поплевино, а с других городов число работников было убавлено, так что всего должно было явиться на верфь 4 743 человека. Из этого числа не явилось, оказалось «в нетчиках», 1 244 человека (26%), а из явившихся многие бежали в разные моменты работы: «от струговые поделки и от смоленого варенья, и с уголья, и идучи от Доброго к Воронежу, оставя струги, и с Воронежа у отдачи стругов». Таких беглецов насчитано было 1 878 человек (41%). Несмотря, однако, на такой недобор и убыль в людях, в Добром было к весне изготовлено стругов также больше положенного числа — 360 «крепких и твердых и перед стругами прошлого года в длину и в ширину пространнее», как говорил в своем отчете стольник Селиверст Огибалов. В течение апреля, с 9-го по 24-е, эти струги тремя партиями были спущены к городу Воронежу. В качестве кормчих и гребцов на них было посажено 1 669 человек из тех же самых работных людей, которые были заняты их постройкой. Кроме постройки и снаряжения стругов, работные люди должны были заготовить еще разные лесные материалы: бревна, доски, дубовые и сосновые брусья, косяки и другие припасы для галер, для ремонта стругов, для настилки в струги под пушечный наряд и пр.

В Сокольском под наблюдением стольника Кузьмы Титова положено было изготовить 350 стругов со столькими же лодками, кроме того, значительное количество судового лесного материала: 2 885 драниц, 60 брусов по 8 сажен, 612 брусков по $2^1/_2$ сажени, 1 814 досок по $1^1/_2$ сажени на крышку к чердачным стругам, 335 досок трехсаженных толстых; далее — целый ряд потребных для судов снастей, запасов и инструментов: бечев воровинных, причалок воровинных или лычных, кольев дубовых, к чему струги причаливать, на струг по 20 весел, по 2 шеста, по 2 весла правильных (кормовых), по 2 лопаты, 168 пудов пеньки, 500 пудов смолы черной, 375 четвертей березового угля, 310 буравов больших, 108 малых, 980 гвоздей кровельных, 140 оковов на шесты, 16 прутов железа, 20 долот. Людей ко всей этой работе должны были поставить 16 городов, именно: Сокольский, Лебедянь, Белоколодск, Усмань, Демшинск, Землянск, Короча, Яблонов, Харьков, Змиев, Салтов, Золоча, Чугуев, Валуйка, Ливны, Обоянь в числе 6 346 человек. Прибыв в Сокольский к 8 января, стольник Кузьма Титов написал воеводам этих городов о высылке работных людей, но воеводы к сроку людей не выслали, прислали их

после срока спустя многие числа. Из собранных людей были также беглецы и с пристаней, и с дороги, с реки Воронежа при отправке стругов города Воронежа. Но и в Сокольском также было сделано более положенного: вместо 350 стругов — 430 [1].

Обширная кораблестроительная работа, посреди которой Петр очутился тотчас же по приезде в Воронеж, захватила его внимание. Он сам непосредственно принял в ней участие в качестве рядового мастера, несмотря на продолжавшуюся еще болезнь ноги, от которой, впрочем, стал чувствовать облегчение. Петра, как показывает его переписка, довольно обильная за это время, занимают вопросы, связанные с судостроением. Он писал в марте Стрешневу, Лефорту, Виниусу, Розенбушу, Л. К. Нарышкину, Ромодановскому, Кревету. Везде речь о постройке судов, о заготовке корабельных материалов, о корабельных мастерах. «Писал ко мне Григорий Титов, — читаем в письме к Петру Т. Н. Стрешнева от 2 марта из Москвы, — дела, которые на Воронеже к походу готовят, идут к совершению, только на весла ясеневых бревен не сыщут, и такие бревна на тульских засеках готовы, только подвод нет, и мы подводы пошлем с Москвы» [2]. «Min Her heilige Vader, — отвечает ему Петр от 6 марта. — Письмо твое, от 2 дни писанное, мне в 5 день отдано, в котором пишешь, что бревен ясеневых здесь нет, а есть в засеке, и подводы по них послать ли? И ты изволь подводы послать, не мешкав; а те бревна зело нужны; да и кривули, которые там осталися, тож вели немедленно прислать. За сим желаем вашей святыне всякого блага. А мы по приказу божию к прадеду нашему Адаму в поте лица своего едим хлеб свой. Piter». В этих последних словах письма можно видеть указание на личный физический труд Петра в кораблестроении. Стрешнев, получив это письмо, успокаивает Петра относительно заботящих его бревен и кривулей: «Ваша милость пребываят по приказанию божию к прадеду нашему Адаму в поте лица своего кушаяте хлеб свой; и то ведаем, что празден николи, а всегда трудолюбно быть имеешь, и то не для себя, а для всех православных християн и нас грешных должна благодарить бога. С Тулы бревна на весла и кривули велена весть на Воронеж, не мешкав, и подводы посланы с Москвы. Тишка челом бью» [3]. В тот же день, 6 марта, или около того времени, Петр писал из Воронежа и ближайшему своему другу адмиралу Лефорту. Письмо это не сохранилось, но из ответа Лефорта видно, что Петр в нем говорил о том, что он осмотрел и выбрал в Воронеже место для сбора галер, интересовался отпуском галер из Москвы, осведомлялся о голландском инженере Мейере, которого он ждал в Воронеж для постройки судов. Лефорт отве-

---

[1] *Елагин*, История русского флота, приложение I, стр. 5—32. Здесь под № 7 *в* и *г* отчеты стольников С. Огибалова и Г. Титова; *Устрялов*, История, т. II, примечание 63. О постройке стругов в Козлове документов пока не напечатано.

[2] *Елагин*, История русского флота, приложение I, № 11.

[3] П. и Б., т. II, № 72 и стр. 548.

чал двумя письмами от 10 марта. Одно коротенькое собственноручное, написанное по-русски, но латинскими буквами: «Господин капитан. Писал твоя милость с князь Никитою Ивановичем Репниным. Слава богу, что ты здоровой пришел в Воронеж город. Дай бог тебе здоровья на многи лета и совершить, что мы почитаем. Я рад был отсюда скоро ехать. Бог знает, как на дороге рана моя будет. И здесь наидурно жить: везде пусто и кручины многи. Пожалуй, пиши мне про свое здоровье и коли твоя каторга готова будет? Наша компания приказали твоей милости великий поклон написать. Я есмь твой слуга навсегда. Лефорт генерал и адмирал». Другое письмо, не собственноручное, делового содержания касалось больше предметов, о которых сообщал или спрашивал Петр. «Mein Herr Capitain. Писание твое до меня дошло. Благодарствую господу богу, что слышу о твоем здоровие и что ты изволил место осмотреть, где галеи збирать, и на нас поволил дворы занять, и за то плати твоей милости бог и дай боже, чтоб нам начетое дело по желанию исполнить. А галеи с Москвы до твоего писма все пошли. Про Меэра изволил ты писать, что он не бывал, и я непрестанно к нему посылал, чтоб он с Москвы ехал. И на Франц Тимермана в том он был сердит, что он ево с Москвы понуждал; отнимался тем, сказывал, что у него платья не готово. А на пилавой (пиловальной) мелнице работают денно и ночно и доски готовят и пришлем к вашей милости». Далее Лефорт сообщает царю о своей болезни, задерживающей его в Москве, просит царя прислать какого-то красного пластыря дефензина, но затем опять переходит к воронежским делам, просит отписать, сколько пришло из Москвы галер, вскрылась ли вода — «. . .нынешной путь ни санми, ни телегою», уведомляет о приезде в Москву 11 человек лекарей и о высылке их в Воронеж и пересылает к царю письма от голландских корабельных мастеров Ягана Флама, Класа и Ягана Янсона, которые уже приехали в Ригу. Письмо заканчивается известием в характере Лефорта: «Хотел я к милости твоей послать самово доброва мошкотеленвейн; пожалуй потерпи: сам привезу к милости твоей» [1].

Кроме постройки стругов, корабельная работа в Воронеже, которая особенно интересовала Петра и которой он сам был занят, состояла, во-первых, в постройке двух галеасов, во-вторых, в сборке построенных в Преображенском галер. Галеасы, или «корабли», как их также называли, это гребные суда вроде галер, но бо̀льших размеров. Материалы для них были заготовлены в Воронеже и для их-то постройки и ожидался голландец Мейер, который, однако, прибыл в Воронеж только в апреле [2]. Галеры, как видно из только что приведенного письма Лефорта, были высланы из Преображенского в самом начале марта, еще до получения Лефортом письма Петра. Они отправлялись каждая в сопро-

[1] П. и Б., т. I, стр. 548—550.
[2] Там же, № 84.

вождении своего капитана и составлявшей ее экипаж роты морского каравана. Подробности этой оригинальной перевозки 27 судов (23 галер и 4 брандеров) на санях неизвестны; надо полагать, что дело было не из простых, так как перевозке могла препятствовать весенняя распутица, на которую и указывает Лефорт, говоря, что «нынешной путь ни санми, ни телегою». К 15 марта часть галер достигла уже места назначения; но не все они еще привезены были к этому времени в Воронеж, и на это жаловался Петр в письме к Лефорту от 15 марта. И это письмо Петра до нас не дошло, так что о содержании его мы заключаем по ответу на него Лефорта. «Изволил, милость твоя, писать, — отвечает Лефорт, — что капитаны не бывали с каторгами: с Москвы они все поехали, расве дорогою где остались и покинули каторги. Поволишь приказать шаут-бенахту Балтазару Емельяновичу (де Лозьеру), чтоб он тех капитанов спросил: где они отстались и для чего каторги покинули? Достойны они, чтоб их и наказать за то, что они покидают то, что им приказано; и изволишь ему сказать, чтоб он имена их у себя записал; приеду я, знаю, какое им наказание учинить». Но что часть капитанов прибыла уже в Воронеж со своими галерами, видно из дальнейших слов в конце того же письма Лефорта: «Изволишь от меня поклонитца всем капитаном, которые каторги свои делают и готовят; а с теми, которые не бывали с каторгами, я с ними справлюсь».

Кроме вопроса о доставке галер из Преображенского в Воронеж, это письмо Лефорта (от 21 марта) полно и других предметов, которые интересовали тогда Петра и которых он, очевидно, касался в своем письме. Лефорт сообщает, что он отпустил из Москвы мастеров Класа и Яна Янсона, дав им провожатых стрельцов и для русского языка, т. е. в качестве переводчика, своего человека; Франц Тиммерман выезжает в Воронеж в ближайший вторник; из Архангельска приехало в Москву 38 человек сар (матросов), присланных Ф. М. Апраксиным с государева корабля и с иностранных кораблей, нанявшихся на русскую службу охотой, — все ребята добрые, будут немедленно высланы в Воронеж; лекаря туда же поехали; досок много уже послано, веревки готовые есть, но новые делать трудно ввиду сильных морозов.

Петр в своем письме сообщал Лефорту на его вопрос, что река уже вскрылась и вода велика, что в Воронеже были сильные дожди и громы. Лефорт в ответ пишет: «А здесь, на Москве, грому не бывало, реки было прошли, да учинились такие жестокие морозы, что Москва-река стала и через ездят; ветры великие и по се время еще здесь». В Москве и в Немецкой слободе все тихо, никакого воровства нет. «Сего числа (21 марта) князь Борис Алексеевич (Голицын) у меня будет кушать и про ваше здоровье станем пить». Сам Лефорт все еще болеет; благодарит за присланный царем пластырь; на следующей неделе обещает выехать: «день, место другой, приму лекарство и не буду мешкать, каков не будет путь, жить дале не стану; лекарства вся-

кова круг себя поставлю, что и морозы меня не проймут, также и лекарев со мною будет». Письмо не обошлось без обычного: «чаю я, что у вашей милости пива доброва нет на Воронеже; я к милости твоей привезу с собою и мушкателенвейн и пива доброва» [1].

В письме от 15 марта к Бутенанту фон Розенбушу Петр писал об ожидаемых из Дании офицере и плотнике. Бутенант в ответе обещает по приезде объявить их Т. Н. Стрешневу, но думает, что приедут они только в мае. От того же числа сохранилось письмо к Виниусу. Смысл его без предыдущего, не дошедшего до нас письма Виниуса, неясен: «Min Heer. Писмо ваше, марта 10 дня писанное, мне в 15 день отдано, в катором пишешь о полских лживых в Кролевец вестех, что они уже с начала бытья своего торгуют тем, за что и Украину свою потеряли. Аднакожь, как ни есть, сию ложь изводить надобеть. А что писмо послали не мешкав и то зделано добре. Piter». Но из ответа Виниуса на это письмо (от 23 марта) можно догадываться, что речь шла о высылке инженеров и бомбардиров от курфюрста Бранденбургского. «Из Кролевца, государь, ныне ведомость, что курфистр Бранденбурской послал 2 человек инжениеров да 4 человека бамбардиров, и чаять, в Смоленску станут в апреле месяце; а что, государь, об них писано, и о том перевод при сем послан». Виниус спрашивает далее, какое им выдать жалованье, и уведомляет о прибытии Яна Флама, Класа и 31 матроса и об отъезде их на следующий день в Воронеж. В письме Виниуса упоминается также о посылке Петру «переводов» о заморских вестях [2].

16 марта Петр писал к Т. Н. Стрешневу о назначении в Каланчи, т. е. в Новосергиевск, где находились полковники с оставленными там на зиму полками, особого воеводы и к Л. К. Нарышкину. Оба письма до нас не дошли. В ответах (оба ответа от 23 марта) Стрешнев уведомляет об исполнении воли царя: он отписал к Шеину, чтобы тот назначил воеводу в Каланчи. При этом сообщал, что генералу Ригеману велено итти немедленно с Валуйки в Сергиевск и что туда же двинулись полки из Тамбова. Нарышкин просил распоряжения, какое жалованье выдавать инженерам, которые приедут от цесаря и от бранденбургского курфюрста [3].

Приведенная переписка Петра с его московскими друзьями и исполнителями его планов за первую половину марта ясно вскрывает нам, чем занят царь в Воронеже весной 1696 г., что привлекает его внимание, какие интересы его заботят. Он всецело поглощен постройкой судов, над которой трудится непосредственно сам «в поте лица», и предстоящим походом. В том же роде и дальнейшая его переписка за это время.

---

[1] П. и Б., т. I, стр. 552—553.
[2] Там же, № 73 и стр. 550.
[3] Там же, стр. 554.

XXXIII. ПЕРЕПИСКА ИЗ ВОРОНЕЖА С ДРУЗЬЯМИ, МАРТ—АПРЕЛЬ 1696 г.

Между тем срок сбора войск по назначенным местам приближался, и из Москвы начинается движение полков и военачальников на юг. 8 марта отправился из Москвы в Воронеж Гордон отдельно от своих полков. Гордон держал путь к Воронежу через Каширу, Венев, Епифань, Лебедянь и, употребив на путешествие две недели, 23 марта прибыл к месту назначения. Из его полков Бутырский и стрелецкий Кривцова пришли в Воронеж 29-го [1]. 10 марта выступил из Москвы лефортов полк [2]. Когда отправился А. М. Головин, остается неизвестным [3]. 15 марта двинулся в путь сам «воевода Большого полку» — главнокомандующий А. С. Шеин, направившийся тою же почти дорогой, что и Гордон [4]; во время путешествия он заезжал в свои вотчины в Коломенском уезде, село Преображенское и село Горы, простояв в последнем два дня. Позже всех покинул Москву Лефорт, задержанный болезнью, о которой он сообщал Петру в письмах. Он отправился в путь только 31 марта, извещая Петра о своем выезде следующим письмом от 30 марта: «Мой господин капитан! Желаю тебе от господа бога доброе здоровье; а про меня, мой милостивой, изволишь ведать, и я еще в скорби своей жив, а против 31 числа марта в путь свой поеду, хотя с великою трудностию. В болезни моей доктора, как могли, свое добро чинили: однакож не могли ту рану растравить, попрежнему мала и материя худо идет, а вкруг ее твердо, что камень, чаю себе дорогою, что мне от скорби своей способнее будет, и чаю инова провалу. А Яган Флам со мною едет; а Франц Тимерман гораздо труден был, а ныне с ним лучше, хотел ко мне сего дня быть. А я совсем сего числа обоз свой отпущу, а я сам поеду в Добровицу (имение князя Б. А. Голицына под Москвой, через которое лежал путь). Архангельские сары поедут завтра. 300 слишком татар посылает Емельян Украинцов на сих днях на Воронеж. На пиловой мельнице плотину под исподом прорвало, работать невозможно. Всей кумпании нашей от меня поклонись. Дай боже, чтоб мне быть у вашей милости. Ей-ей скучное здешнее житье. Onse companie lassen den her Capitain grussen» [5].

Приехав в Воронеж 23 марта в 10 часов утра и заняв квартиру, Гордон отправился к царю, которого застал за работой над галерами. В тот же день он получил приглашение обедать к Ф. Ф. Плещееву, где был и государь [6]. 23 марта прибыл в Воронеж также Н. М. Зотов. Об их приезде Петр сам оповестил своих

[1] Gordons Tagebuch, III, 11—18.

[2] П. и Б., т. I, стр. 549: «А полк мой пошол сего 10 числа; замедлились тем, что деньги не приняли», — писал Лефорт Петру от 10 марта.

[3] Начальные люди его полка поехали около 31 марта (Ромодановский — царю. П. и Б., т. I, стр. 555).

[4] «Поход боярина А. С. Шеина», изд. Рубаном, стр. 61 и сл.

[5] *Елагин*, История русского флота, приложение I, № 23.

[6] Gordons Tagebuch, III, 14—15.

корреспондентов в письмах от этого числа, продолжая сообщать известия о ходе корабельных дел: «Min Her Koninh, — пишет царь Ромодановскому. — Письмо ваше государское, марта 18 дня писанное, мне в 22 день отдано, за которую вашу государскую милость многократно челом бью. А о здешнем возвещаю, что галеры и иные суда по указу вашему строятся; да нынче же зачали делать на прошлых неделях два галиаса. Да сегодня отец ваш государев, святейший Ианикит, сюды приехал, также и генерал Гордон. А что впредь станет делаться, писать буду. Piter». «Здесь, слава богу, все здорово, — читаем в письме к Т. Н. Стрешневу, — и суды делаются без мешкоты: только после великого дождя был великий мороз так крепкий, что вновь реки стали, за которым морозом дней с пять не работали: а ныне три дни, как тепло стало. Сего ж дня великий господин святейший Иоаникит патриарх сюда приехал, такожде и генерал Гордон. Piter. P. S. Нога моя зажила совсем». В письме от того же числа к Кревету речь идет о нужных для Петра новых инструментах, о присылке досок в палец толщиной и печатного станка на место испорченного. «Говорил ты мне на Москве, что хотел писать (за границу) про новые инструменты и, естли не писал, не пиши: а я обрасцы готовлю и опись на них, и пришлю з будущею почтою. Доски по се поры суды не бывали по палцу толщиною, о которых я и на Москве говорил, зело нужны: а на каторги (доски) болше посылать не для чево, потому что, чаю, и здешними проймемся, да и адмиралитейц (А. П. Протасьев) мне о том писал же, что естли не нуж[н]а, чтоб больши не посылать. А вышеписанные доски пришли не мешкав, да тисок, чем печатоют; а тот, которой я взял, испортился. Piter». Письмо заканчивается собственноручной припиской: «Слава богу отъ ножьной болезни свободился». В тот же день Петр еще написал недошедшие до нас письма к Л. К. Нарышкину и Бутенанту фон Розенбушу. Из ответов их видно, что он среди других дел также сообщал им о своем выздоровлении от мучившей его болезни ноги[1]. Оба поздравляют его с выздоровлением.

На следующий день по приезде Гордона, 24 марта, Петр водил его осматривать галеры[2]. 25 марта, в праздник благовещения, государь слушал литургию в Благовещенской соборной церкви; служил Митрофан, епископ Воронежский, пели на правом клиросе прибывшие из Москвы государевы певчие в количестве 13 человек, а на левом — архиерейские. В этот день был обед у епископа, «и было утешение велие», как записал неизвестный автор, составивший описание путешествия певчих дьяков из Москвы под Азов в 1696 г[3]., по всей видимости, один из этих дьяков.

---

[1] П. и Б., т. I, № 74, 75, 76 и стр. 556—557.

[2] Gordons Tagebuch, III, 15.

[3] «Тетрадь записная, как пошли певчие дьяки под Азов, а сколько были на Воронеже и в иных местех, все писано ниже сего» (Воронежские акты, собр. и изд. Н. Второвым и К. Александровым-Дольник, кн. I, Воронеж 1851 г., стр. 44). Что автор этого описания принадлежал к числу певчих дьяков видно

28 марта, в субботу на пятой неделе поста, по записи тех же дьяков, акафист и литургию Петр слушал в Успенском монастыре на посаде. 29 марта пришли письма от Ромодановского и Виниуса от 23 марта, и Петр тотчас же на них отвечал: «Min Her Koninih. Писмо ваше государское, марта 23 дня писанное, мне в 29 день отдано, в катором изволите гнев свой объевлять, бутто я, холоп ваш, к вам, государю, не пишу. И я, государь, уже другое писмо ныне пишу: разве прежнее писмо как истерялось. А здесь, государь, милостию божиею и вашим государским щастием, все строица к морскому каравану с поспешением: а что впредь станет делатца, писать буду. Холоп ваш Kaptein Piter». Виниуса царь на его запрос о жáлованье приезжим из-за границы инженерам и бомбардирам уведомлял, что дал о том распоряжение Л. К. Нарышкину, и прибавил заметку о погоде в Воронеже: «Здесь после онотдашнего великого морозу паки великое водополье стало». В тот же день Петр писал Кревету, что выслал ему образцы инструментов, о которых говорилось в прошлом письме, и вновь напоминал о присылке тонких досок, которые все еще не приходили: «Min Her Kreft. Послал я к вам обрасцы инструментам, также и опись и обрасцовой цыркел, которые, приняв, изволте отписать за моря против того. Тонкие доски еще сюды не бывали, а здесь зело нужны, надобеть. Piter» [1]. От того же числа было письмо Т. Н. Стрешневу, не сохранившееся. Из ответа Стрешнева узнаем, что в нем Петр выражал неудовольствие, что высланные из Москвы на Дон в Каланчи «дворовые люди пивовары» опоздали приездом. Стрешнев выражает сожаление, что пивовары причинили царю печаль; посланы они были не поздно, еще 21 января, приговаривал (нанимал) их басманник Андрей Тимофеев, который пиво варит на царский двор, и сказал, что они люди добрые. Он, Стрешнев, узнав об их промедлении, послал к ним нарочного и грозил им смертною казнью. Оказалось, что они были задержаны в Тамбове. К этим сообщениям Стрешнев, быть может, также отвечая на запрос Петра, прибавлял еще известие, что в Москве изготовлено и выслано сухарей на 4 000 человек на 4 месяца: на день по 2 сухаря больших и по 4 малых [2].

31 марта приехал в Воронеж главнокомандующий боярин А. С. Шеин «во втором часу ночи» [3]. Рано утром 1 апреля Гордон выехал было ему навстречу, но узнал, что он уже ночью прибыл в свою квартиру. «Я поехал туда, — пишет Гордон, — засвидетельствовать ему свое почтение и говорил с ним о раз-

---

из того, что он ведет рассказ от имени дьяков: «пели мы», «обедали мы», и т. д. Ср. *Елагин*, История русского флота, Приложения, I, стр. 48: «204 г. апреля в 22 д. великий государь указал дать своего в. г. жалованья священнику ключарю Василию, что с Москвы от Михаила архангела, да дьякону Петру, что в верху у Петра и Павла, да 13 человеком в. г. певчим дьякам, Степану Беляеву с товарищи, вина по ведру человеку, итого 15 ведер».

[1] П. и Б., т. I, № 77, 78, 79.

[2] *Там же*, стр. 558—559.

[3] «Поход боярина А. С. Шеина», изд. Рубаном, стр. 65.

личных предметах». 2 апреля состоялось в Воронеже торжество: были спущены со стапеля три галеры. Первая из них, царская, на которой сам Петр состоял капитаном, наименована была «*Принципиум*» («Начало»); две другие получили названия «Св. *Марк*» и «*св. Матфей*» [1].

В самых же первых числах апреля, 2-го или 3-го, судя по тому, что они были получены в Москве 7-го и 8-го, были Петром отправлены письма Ромодановскому, Нарышкину и князю Б. А. Голицыну, не дошедние до нас. В письме к Ромодановскому говорилось о высылке на Воронеж какого-то дворового человека, принадлежавшего В. Ф. Нарышкину. «А что ты, господине, — отвечает Ромодановский, — писал ко мне в своем писме, чтоб прислать на Воронеж человека Василья Федоровича Нарышкина, Игнашку Трыкина, и я ево, взяв з двора, и послал на ямских подводах; а с ним послал осталных дву человека салдат Преображенского полку, которым быть на море (т. е. вошедших в состав рот морского экипажа), второйнадесять роты Гришка Пушкарев, пятойнадесять роты Якушка Богатырев». Далее в своем ответе Ромодановский коснулся распоряжения Петра выдавать пенсию сыну умершего в первом Азовском походе бомбардира Якима Воронина в размере оклада его отца и просил подтвердить это распоряжение. «Да сказывал мне Иван Инехов (генеральный писарь Преображенского полка), бутто ты приказал Якимову сыну Воронина оклад отца ево полной денежной и хлебной давать, и ты о том, как неволиш, пожалуй, ко мне отпиши». В заключение Ромодановский в шутливой форме выражает печаль и неудовольствие, что Петр и святейший Ианикита взяли у него в Воронеж умевшего его забавлять друга, князя Ю. Ф. Шаховского. «Извесно тебе, господине, буди, велми ты меня опечалил, последнего друга моего от меня взял, благочестивого князя, благородного корени, благоверные кости князь Юрья Федоровича Шаховского; а у нас было в печалех наших толко было и забавы. Немилость ко мне святейшего Ианикиты патриарха чаю, что он поволил ево к себе взяти для своего правилного исправления. Пожалуй, господине, буди к нему милостив, чтоб ему от кого какой обиды не было. У вас было таких людей и слишком взято, и нам было бес таких людей быть не возможно ж. Уж то так будь, а том воля ваша».

В письме Петра к Л. К. Нарышкину речь идет о переписке с украинским гетманом. Нарышкин уведомляет царя о том, что выслал ведомость из письма гетмана «к святейшему», т. е. к думному дьяку Н. М. Зотову, состоявшему при Петре во главе походной канцелярии в Воронеже, с тем, чтобы он доложил государю, занятому такими трудами, все дело, которого касались эти пространные письма, «выбором», т. е. в кратком извлечении — экстракте. Наконец, в ответе князя Б. А. Голицына на письмо Петра есть намек на слова Петра о каких-то чудесах, которых не

[1] Gordons Tagebuch, III, 20.

было. «Мой государь премилостивый, герь каптейн. Писмо твое, моего государя, принел. А что изволил писать в писме, что чюд бутто никаких не было, а то не чюдо, што явилось в писме мнением от великого грома, якобы и земли трестись?!» Далее Голицын сообщает Петру известия, касавшиеся своего ведомства — области, управлявшейся приказом Казанского дворца: Аюка-хан (калмыцкий) кочует близ Саратова возле Волги, а в степь не пошел за великими снегами; на Саратове стали торговать; с Терка пишут о приеме черкасского мурзы — принимать ли его? не будет ли от него какого страху Гребенским казакам? Голицын просит распоряжений по этим делам государя. Подпись «Liutenant Borisco» свидетельствует о стремлении угодить вкусам государя[1].

4 апреля виделся с Петром Гордон, перед тем переговоривший с А. С. Шеиным. Полки продолжали собираться. Воронеж становился все многолюднее, и в этот день пришел туда принадлежавший к составу гордонова корпуса стрелецкий полк Михаила Протопопова. 5 апреля, в вербное воскресенье, государь, как сообщает нам «Тетрадь певчих дьяков», слушал литургию, а накануне всенощную в Успенском монастыре на посаде, обедал у Строганова. Всю наступившую затем страстную неделю Петр ходил к службам в тот же Успенский монастырь. 6 апреля Гордон утром был по делам у боярина Шеина, а затем сопровождал Петра в его поездке на другой берег реки. Из отметки Гордона о том, что он в тот же день был у генерала А. М. Головина, видно, что этот генерал находился уже к тому времени в Воронеже. С 7 апреля началась продолжавшаяся четыре дня буря. «В ночь на 7-е,—пишет Гордон,—началась сильнейшая буря. На рассвете стал падать чрезвычайно сильный снег. По этой причине я целый день пробыл дома и нельзя было ничего предпринять с галерами». О буре и холоде сообщает и Петр в письме от 7 апреля к Винниусу: «А здесь, слава богу, все здорово; только сегодня по утру ост-винт великую стужу, снег и бурю принес». Однако из записки Петра к Т. Н. Стрешневу, помеченной «7-го числа с пристани Воронежской, союерша и спустя на воду галеру», видно, что и 7 апреля, несмотря на бурю, была все-таки спущена галера. В тот же день Петр писал к Ромодановскому, сообщая о приезде в Воронеж Шеина и А. М. Головина, «со всеми при них будущими», к Кревету с распоряжением: по делу о починке сломавшейся пиловальной мельницы в Преображенском, которой заведовал Кревет, и к Т. Н. Стрешневу[2]. 8 апреля, пишет Гордон, «продолжалась буря со снегом и холодом целый день. В 3 часа после обеда ко мне пришел его величество и оставался до полуночи. Он мне возвратил мой инструмент, который будет употребляться при метании бомб, и получил обратно свои ящики».

[1] П. и Б., т. I, стр. 559—561.

[2] Там же, № 80, 81, 82 и стр. 562. От того же дня были письма к Бутенанту фон Розенбушу и к Г. И. Головкину, не дошедшие до нас (там же, стр. 562—563).

«9 апреля, — читаем в его же дневнике, — продолжалась сильнейшая буря с морозом... Я получил приказ принять 47 стругов с принадлежащими к ним лодками и 1 ертоульный струг (передовой, авангардный). 10-го ночью и утром было ветрено и холодно. Выпало масса снегу. После обеда буря несколько ослабела, и стало теплее. Его величество прислал мне два циркуля и транспортир с двумя другими маленькими инструментами». 12 апреля Петр слушал заутреню в соборной воронежской церкви. Заутреня сопровождалась небывалым, вероятно, в Воронеже эффектом: как только крестный ход вошел в церковь и стали петь ирмос «Воскресения день», — раздалась великая пушечная пальба, продолжавшаяся «мног час» [1]. За литургией Петр был в Успенском монастыре и затем в течение всей недели ходил к обедням в этот монастырь. В течение этой недели, как свидетельствует та же «Тетрадь певчих дьяков», производился усиленный спуск галер: «Спущали многие каторги или фуркаты» [2]. 13-го Гордон был у Петра и у бояр, очевидно, с поздравлениями. 14-го царь с компанией обедал у П. М. Апраксина [3]. 15-го он обратился с пасхальным поздравлением к московским друзьям, избрав почему-то Виниуса посредником для передачи этого привета. «Min Her, — писал ему царь в этот день. — Писмо твое, апреля 8 дня писанное, мне в 13 день отдано, которое выразумев, благодарствую за оное. Посем: государем генералисимусам князь Федору Юрьевичю, Ивану Ивановичю (Бутурлину), потом: Льву Кириловичю, Тихону Никитичю, князь Борису Алексеевичю, Гаврилу Ивановичю (Головкину), Ивану Трифоновичю (Инехову), Андрею Крефту, которым, государем (Ромодановскому и Бутурлину)—яко государское, господам—яко господское, да исправитца поклонения. И поздравляем в нынешний день светло Христово триумфа над Люцыпером и детми его. При сем желаем от вас, тамо пребывающих, прошения к богу, да яко отец наш господь бог днесь победи отца их мохметанского диявола, да сподобит и нас над детми его победители быти. Посем прошу оных господ, да не прогневаютца, что на всякое писмо соотве[т]ствования нет, катороя не для лени, но великих ради недосужств и празника. З будущею же почтою отповеть и против сих писем будет. Piter». На это приветствие кн. Б. А. Голицын отозвался шутливым посланием, начинающимся голландско-латинской фразой с весьма неблагополучной грамматикой, с благодарностью, но и с выговором за то, что Петр не писал лично ему, а передал поклон через третье лицо: «Min Her Capitaneus Capitanus, ut salutes ex annos multos. Бью челом много за милость твою, что соизволил приветить милостию каританскою (так!). Но впредь пиши и сам, не ленись:.. ты чаеш, что толко дела, что у тебя, а у нас бутто и нет. Ты забавляеесся в деле, а я в питье: то все одно дело... Liutenant Бориска. Odmiral zdrawstwui». Благодарил и Виниус в

[1] «Тетрадь певчих дьяков», стр. 45.
[2] Там же.
[3] Gordons Tagebuch, III, 20—21.

ответном письме от 20 апреля. «Allergenaedigsten grooten Heer. Ваша, великого государя, ко мне, холопу вашему, милостивая грамота с Воронежа, апреля в 15 день, здесь в 20 день достигла, юже, облобызав, радостно приял есмь, и воздав господу богу благодарное о вашем государском здравии поклонение за толикую милость вам, великому государю, яко убогий и последнейший ваш государев холоп, челом бью и в том повеленное исправил». Виниус воспользовался случаем сообщить Петру последние заморские вести, держа Петра, таким образом, в курсе западных событий: турки собираются пойти на цесаря в числе 120 или даже 150 тысяч: у цесаря против них изготовлено 80 тысяч доброго войска. Союзники: англичане и голландцы, с великим свирепством готовятся на француза: надежда на мир вследствие открывшегося заговора якобитов[1] против короля Вильгельма совершенно угасла. Виниус извещал далее государя об отъезде посланных курфюрстом бранденбургским 2 инженеров и 4 бомбардиров 1 апреля из Кролевца на Вильну: их надо ждать 20 или 25 числа в Смоленске, если не будет им задержки в Литве. Письмо заканчивалось, однако, печальной вестью о захвате французами государева корабля «Святой Павел», шедшего из Архангельска под голландским флагом. Иди он под русским, нейтральным, флагом, французы, конфисковав только голландские товары, которые он вез, самого бы корабля не захватили. «Господин бурмистр Витцен писал, что ваш, великого государя, карабль Святого Павла взяли французы под галанскими знамены. . . и по их уставам никако де не отдадут: а естьли б был под вашими, государевы, знамены, товары галанские выбрав, ево б освободили»[2].

XXXIV. ДВИЖЕНИЕ ВОЙСК И ФЛОТА ОТ ВОРОНЕЖА К АЗОВУ, АПРЕЛЬ — МАЙ 1696 г.

Выехав из Москвы в Воронеж 31 марта, Лефорт провел в путешествии всю первую половину апреля. 12-го он писал Петру из Ельца, поздравляя его с «светлым праздником» и сообщая о тягости путешествия при его болезни: в особенности ему было тяжко на перегоне между Тулой и Ельцом. «Мой господин капитан, здравствуй, сего светлого христова воскресенья в добром здоровьи дождавшися. А про меня, милость твоя, поволишь ведать, благодарю бога, доехал до Ельца сего апреля 12 числа с великою трудностию. С Москвы до Тулы не была мне такая трудная дорога, что с Тулы до Ельца, самая худая и беспокойная, ни в санях, ни в коляске, не дала мне лечь, все сидючи ехал и то с кочки на кочку. Здесь, на Ельце, приму лекарство, вельми у меня спину ломит и великую муку себе имею от великого сиденья». В пути

[1] Это — заговор Бервика, Барклея, Чарнока, Фенвика и др., раскрытый в феврале 1696 г. См. *Маколей*, Полн. собр. соч., т. XII, гл. I. Заговорщики хотели напасть на короля, когда он в карете выезжал из Кенсингтонского дворца в Ричмонд-парк на охоту.

[2] П. и Б., т. I, № 83 и стр. 564—565.

не обошлось без приключений. Передрались направлявшиеся в Воронеж приехавшие из-за границы лекари, трое из которых сопровождали Лефорта. «Известно тебе, что на Ефремове новоприезжие лекари, которые три человека со мною едут, а достальные 9 человек особо, сошлися вместе, стали пить, всякой стал свое вино хвалить; после того учинился у них спор о лекарствах и дошло у них до шпаг, и три человека из них ранены, однакож не тяжелые раны». В Ельце Лефорт настиг сар, корабельных рабочих из Архангельска, ехавших на Воронеж. И у них не все было благополучно. У них было столкновение с местными казаками. «Здесь, на Ельце, наехал я сар, и из них два человека пробиты головы; казаки, сказывали они, здешние били их». Утром 13-го Лефорт намеревался выехать в дальнейший путь. «Я по утру отсель поеду, сколько могу, ей, поспешаём» [1]. 16-го, в четверг на пасхе, он приехал в Воронеж. 17-го по этому случаю было устроено торжество: были спущены в воду адмиральская галера, та самая, которая прислана была из Голландии, назначенная для Лефорта, а также другие галеры. 19-го Лефорт давал пир. На этом пиру, говорит Гордон в дневнике, «с большою торжественностью пили за здоровье узурпатора Великобритании (короля Вильгельма III)». Гордон, как верный якобит, отказывался принимать в этом участие и выпил вместо того за благополучие короля Иакова [2]. Чтобы объяснить этот торжественный тост, надо припомнить, что незадолго перед тем в Воронеже должно было быть получено известие о неудачном заговоре якобитов против Вильгельма III, к которому Петр испытывал большие симпатии и который был в его глазах героем, достойным подражания. Известие о заговоре было, между прочим, сообщено Петру в двух письмах из Москвы от Бутенанта фон Розенбуша, также иногда передававшего царю заграничные новости: первое из писем помечено 25 марта, второе 31 марта; но оба были отправлены вместе 31 марта и могли быть прочтены Петром в Воронеже числа 6 апреля. Фон Розенбуш пишет на типичном для обрусевшего немца неправильном русском языке. «В последно куранте, — читаем мы в первом из писем, — и в грамотке из-за моря пишет, что на Korol Wilhelmus великой измена розорвал: старой Korol Jacobus послал свою bastart Soon Graf van Berwijk incognito на Engelant и приговорил изменики, чтоб Korol Wilhelmus убить на потехи, как он за зайце тешет, а он, Jacobus, хотел в той время пристать с многими караблами и войске Schotlant, толко господь бог того дело не допустил, но из тех люде, которои наняли Korol Wilhelmus убить, пришол один человек и дело объявил. А король для ведомост послал свою карету завешено и люди от свою Lijfwacht (т. е. Leibwacht) на лошаде, толко он сам в карете не был: а как карет пришол до месте, так воров и и[з]меники 30 человек слишком из маленко лесу выскачили и пали (т. е. напали) на карете и по ней стреляли и россекли. А как они королу не нашли, они

[1] *Елагин*, История русского флота, приложение I, № 26.
[2] Gordons Tagebuch, III, 22.

руки спустили, а Lyfwacht на них ступили и схватили 14 человек и за досталне погонили, в том число которои поименно есть ины великородны люди. Таков страстно есть Аглинской король быть (т. е. таково страшно быть английским королем), что я луче оставаю быть ваше милости рабской и покорнейше слуга Андрюшке Бутенант фон Розенбуш. На Москве 204 года марта 25 день». Во втором письме Розенбуш сообщал, что в Англии арестуют лиц, прикосновенных к заговору, и уже более 60 человек из них посадили в тюрьмы. «Из Аглинское земли пишеть, что беспрестанно изменики поимает, а болши 60 человек уж в турми посадили, в том числе многие великиродные люди. Езувити и Доминикани во Франция гораздо крушин есть (т. е. кручинятся), что их воровской вымысл над королу Wilhelmus не удалося»[1]. Это известие о заговоре против Вильгельма III могло произвести на Петра сильное впечатление, и вероятно, и послужило поводомом к торжественному тосту за его здоровье на пиру у Лефорта 19 апреля. Заметим теперь же, что, может быть, еще под этим впечатлением Петру в начале следующего (1697) года придется иметь дело с заговором против него самого, составленным Соковниным с товарищами.

20 апреля Гордон взошел на борт своего струга. Под полки его корпуса, находившиеся с ним в Воронеже: Бутырский и стрелецкие Черного, Кривцова, Протопопова и Михаила Сухарева, в общем для 3 474 человек, он требовал себе 132 струга, но получил на 9 стругов меньше этого числа. В тот же день, 20 апреля, изготовился к отплытию и главнокомандующий боярин А. С. Шеин, «пришел, — как гласит описание его похода, — к Воронежской пристани к берегу на будары (струги) и устроясь со всем к плавному ходу по воинской обыкности в назначенной военной путь»[2]. 21-го боярин задал по случаю посадки на суда пир, очевидно, на своем струге[3]. 22-го Гордон получил приказ о выступлении и был с прощальными визитами у главнокомандующего и у государя, и на следующий день, 23-го, он после обеда пустился в плавание по Дону с Бутырским и двумя стрелецкими полками Михаила Кривцова и Михаила Сухарева[4]. 25-го отплыл А. М. Головин с солдатами Преображенского и Семеновского полков и с тремя стрелецкими полками Чубарова, Воронцова и Гундерт-Марка[5]. 26 апреля, в воскресенье «мироносицкой недели», Петр был у обедни в Успенском монастыре; в этот день был спущен на воду первый

---

[1] П. и Б., т. I, стр. 551, 557. Дальше в этом письме помещено известие о морских силах союзников, осаждающих французский флот, и о неизбежности морского сражения. «Admiral Russel и Admiral Allemonde лежат околе Dunkerken и Kalais; у них вместе есть 62 воинске карабли, над меншим по 50 kanon и на болшие блиско 100 kanonen. Сверх того у них многи Branders. И обсадили они Фрянсуишки воински карабле, карабли, котором нелзя миновать бою дать».

[2] «Поход боярина и Большого полку воеводы А. С. Шеина», стр. 66.

[3] Gordons Tagebuch, III, 23.

[4] *Желябужский*, Записки, изд. Сахаровым, стр. 29.

[5] Там же.

из строившихся в Воронеже галеасов, 36-пушечный корабль «Апостол Петр», командиром которого был назначен голландский инженер Мейер. Другой, также 36-пушечный, галеас «Апостол Павел» замедлился постройкой [1]. Вероятно, после этого торжества двинулся в путь вниз по Воронежу главнокомандующий А. С. Шеин. Сам он поместился на струге «чердачном дощатом косящетом с тремя чердаки (каютами) и с чуланы», украшенном точеными балясами; на людей его, поварню и запасы дано было 9 стругов [2]. С ним плыл его штаб, но «полков с ним никаких не было» [3]. 30-го апреля Шеин подошел к Дивногорскому монастырю, расположенному на Дону ниже города Коротояка, и здесь соединился с дожидавшимся его А. М. Головиным. Отсюда они продолжали путь вместе, оставив два стрелецких полка для конвоирования на 78 стругах хлебных запасов из Коротояка. 27 апреля, на другой день после отплытия боярина из Воронежа, отправились в путь на особом струге священники и «певчие дьяки», описавшие свое путешествие, певшие у боярина на струге во время плавания вечерни и утрени. 28 апреля отплыл к Азову только что спущенный галеас «Апостол Петр», не законченный отделкой [4]. Он достраивался уже под Азовом и был готов только после его сдачи.

Вероятно, к этим только что описанным дням, в конце апреля, относится не имеющее даты письмо Петра в Архангельск к Ф. М. Апраксину. Начало его, не имея перед собой утраченных писем Апраксина, на которые оно служило ответом, понять довольно трудно. «Min Her Gubernor Archangel, — пишет Петр. — Благодарствую на писаниях, еже по возвращении нашем с службы принял от вас, против которых еще едино сие точию ответствованное, а не против всякого. О чем рассудити прошу, что ни коей ради иной вины, точию самых ради бедоносных случаев и непрестанных сует, о чем единому началу всех вестно». Неясно, что́ разумеет здесь Петр под службой, о которой говорит. Службой он называл первый Азовский поход: «С Москвы на службу под-Азов. . . пойдем» и т. д., как он писал к тому же Апраксину весной предыдущего, 1695, года [5]. Может быть, под «возвращением со службы» и надо подразумевать возвращение из первого Азовского похода, когда Петром были получены какие-то неизвестные нам «писания» Апраксина, на которые он не сразу собрался отвечать. Но, может быть, под возвращением со службы разумеется возвращение домой после работы над постройкой судов. Не менее

---

[1] «Тетрадь певчих дьяков»: «а галиас спустили на воду апреля в 26 день в неделю жен мироносиц. Апреля в 26 день пели обедню в Успенском монастыре и в то время указал нам государь ехать с боярином Алексеем Семеновичем Шеиным напредь. И боярин с Воронежа тогож числа пошел, а мы пошли апреля в 27-й день по утру» (стр. 45—46); *Елагин,* История русского флота, стр. 31, 33, 37.

[2] *Елагин,* История русского флота, приложение I, стр. 27.

[3] *Желябужский,* Записки, изд. Сахаровым, стр. 29.

[4] П. и Б., т. I, № 85, от 2 мая: «да галеас три дня, как пошол».

[5] Там же, № 36.

трудно далее догадаться, в чем Петр оправдывается перед Апраксиным, объясняя происшедшее не виною, а бедоносными случаями и непрестанными суетами. Как будто, речь идет здесь о неудаче первого похода. На такое толкование могут наводить следующие слова письма, где говорится о претерпении наказания от бога, относящегося к людям, как к сынам своим, и о новом восприятии оружия против врагов «св. креста». «Обаче, аще и несносно, но воспоминая святого Павла, глаголюща: аще наказания терпите, якоже сыновом обретается вам бог, того ради, воздав хвалу творцу всех, паки против неприятелей креста святого оружие свое восприяли, в чем всемогущий господь бог помози нам». Вторая половина письма содержит известия о положении дел в Воронеже в конце апреля: «господин Мейер прошлой недели сюда приехал и явился зело разумными словами и обещал зделать галеасы, в чем дай бог, чтоб по словам его исправилось. Каторги, моя и прочих, иные уже в отделке, и на сих днях отпускать станут (т. е. отправлять к Азову), а на той недели и мы поедем»[1]. В заключение Петр дает Апраксину несколько распоряжений: прислать из Архангельска бывшее раньше на царском корабле «Святое пророчество», которым командовал Флам, мелкое оружие и находившуюся на этом корабле постель Петра, а также выслать несколько человек сар (корабельных матросов), которых обещали дать Лефорту с торговых кораблей. «К потребе же сих благоволи прислать мелкое ружье все, которое было на корабле Фламове, такожде и постелю. И еще адмиралу нашему обещали торговые дать с караблей несколько сар, о чем, как они отпишут, благоволи немедленно прислать. За сим пожелаем вам от господа бога всякого блага. Kapitein Piter»[2].

С началом мая вслед за ушедшим неоконченным галеасом стали двигаться и главные силы военного флота, который кроме двух галеасов состоял из 27 судов (23 галер и 4 брандеров). Ротам морского каравана, составлявшим экипаж галер, выдавался провиант на предстоящее плавание[3]. Солдатам морского экипажа полагалось на день человеку по две чарки вина, по чарке сбитню, по чарке уксусу, в мясные дни по полфунта ветчины, в постные дни соответствующее количество рыбы осетрины, затем еще выдавалась мука, крупа, сухари и соль. Галерный флот отправлялся из Воронежа отдельными отрядами или эскадрами в течение мая через недельные промежутки. Первая эскадра из восьми галер под начальством самого Петра вышла 3 мая, вторая, из семи галер, под командой вице-адмирала Лимы — 10 мая, третья, также из семи галер, под начальством капитана одной из рот морского каравана князя И. Ю. Трубецкого — 17 мая, и, наконец, 24 мая вышел последний отряд из одной галеры и четырех брандеров под командой шаут-бейнахта де Лозьера[4].

---

[1] Петр выехал из Воронежа 3 мая.
[2] П. и Б., т. I, № 84.
[3] *Елагин*, История русского флота, стр. 31; приложение I, № 30.
[4] Там же, приложение I, стр. 57—58, примечание.

XXXV. ВЫСТУПЛЕНИЕ ПЕТРА ИЗ ВОРОНЕЖА К АЗОВУ 3 МАЯ 1696 г.

2 мая, собираясь к отъезду, Петр отвечал Ромодановскому на три полученных от него письма от 8, 15 и 22 апреля, даты которых показывают, что князь-кесарь писал Петру еженедельно. Ромодановский обращался к царю с мелочами. В первом из писем он напоминает Петру, что еще в бытность его на тульских железных заводах Л. К. Нарышкина осенью 1695 г. на возвратном пути из-под Азова, он, Ромодановский, просил Петра подарить ему какого-то «турченина цирульника», вероятно из пленных, и Петр пообещал, а, между тем, Т. Н. Стрешнев отдал этого турка боярину А. С. Шеину. Когда он, Ромодановский, послал за турком на двор к Шеину, то его со двора боярина не отдали; а затем князь узнал, что будто бы Петр писал Стрешневу об отдаче турка А. С. Шеину. «Будет за какой гнев твой на меня, — сетует Ромодановский в заключение письма, — и в том буди воля твоя; а будет безвинно, и о том мне зело прискорбно. Пожалуй, ко мне о том отпиши, за что я в сем деле оскорблен». Во втором письме он извещает Петра о поимке шайки разбойников; их будут пытать в Преображенском и их показания с пытки он пришлет к царю. Наконец, в третьем письме князь упрекает Петра в том, что в поздравительном своем письме по случаю праздника пасхи от 15 апреля Петр передавал поклоны ему, Ромодановскому, и И. И. Бутурлину не прямо, а через третьих лиц[1] и притом в письме, в котором передаются поклоны и другим разным лицам самого низкого чина, например Кревету и Инехову. «А на том, господине, не челом бьем, что в том же писме с нашими лицы написаны, которым было непристойно с нашими лицы вобще писать, нисских самых чинов: Андрей Крефт, Иван Инехов, и за то мы тебя, господине, не похваляем. А как, господине, с Воронежа пойдете, и о том ко мне ведомо учини». Выражая в письмах неудовольствие, ворчливый князь-кесарь старается, однако, сделать Петру приятное подписями. Первое письмо он подписывает с большими ошибками на немецком языке: «Hat geschriben mit sein eigen Hant Knes Fedor Romodanoffski», а последние два русскими словами, но все же по крайней мере латинскими буквами: «Prepisal Knes Fedor Romadanoffski, svoheiu rukoiu» и «Pripisali Knes Fedor Romodanoffski».

«Min Her Kenih, — отвечает Петр 2 мая. — Писма твои, государские, первое апреля 8, другое 15, третье 22 дня писанные, мне отданы, в каторых в первом изволишь писать, что для чего турченина не отдали. И то вина не моя, для того: где мне всех их имена упомнить? А дело это Тихона Никитича: естли он ведал, для чего он тебе о том не возвестил? А мне он пишет, что от тебя про то не слыхал. — В последнем писме изволишь писать

[1] Через И. А. Гавренева, которому, очевидно, было послано такое же письмо от 15 апреля, как и Виниусу от того же числа (П. и Б., т. I, № 83 и стр. 565).

про вину мою, что я ва[ши] государские лица вместе написал с и[ными], и в том прошу прощения, пото[му] что карабелщики, наша братья, в чинах не искусны. — А о здешнем возвещаю, что завтрешнего дня пойдет рано с Воронежа господин адмирал, да с ним 8 галей; да галиас три дни, как пошол; воевода и генералы уже неделя и болши, как пошли. Piter» [1].

Из приведенного письма видно, что Петр собирался плыть вместе с Лефортом и что их отъезд был назначен на 3 мая. Довольно странно поэтому в письме от 3 мая к Кревету читать, что он намеревается выехать «завтра». «Min Her, — пишет он Кревету, причем, конечно, прежде всего речь идет об инструментах. — Писма твои, первое апреля 17 и 22 дня писанные, мне дошли, из каторых в одном пишешь, что бутто я о цыркелях деревянных писал да о кумпасе. И я писал деревянные зделать линейки, а не цыркели, для того, чтоб бумаги не марали; а кумпас против того, что нынече в ящике прислан. — Имя нашей галере Принципиюм. О здешнем: господа воевода и генералы уже болши недели пошли в путь свой, а мы з господином адмиралом пойдем завтре в восми галерах, а достольные за нами тоже поспешать будут. Piter. С Воронежа, мая 3 дня». Противоречие этого письма можно, кажется, объяснить так, что оно писалось 2 мая, как и письмо Ромодановскому, но было подписано 3 мая, когда была проставлена на нем и дата. Что Петр выехал из Воронежа действительно 3 мая, видно из одной официального характера заметки, сохранившейся среди дел о воронежском струговом строении в архиве Разрядного приказа. В ней читаем: «Мая в 3 числе великий государь царь и великий князь Петр Алексеевич всея великие и малые и белые России самодержец изволил итти с Воронежа большого морского всего флота на уготованной первой каторге с воинскими пехотными людьми». Царя сопровождали: «комисарий-генерал» Ф. А. Головин, кравчий К. А. Нарышкин, стольник комнатный И. А. Головин «и иные того ж морского флота начальные люди» [2]. Впрочем, дату отъезда 3 мая подтверждает и ряд писем, написанных Петром друзьям по обычаю в день отправления в путь в Москву: Л. К. Нарышкину, Г. И. Головкину, Виниусу и в догонку плывущему по Дону А. С. Шеину. Из них дошло до нас только письмо к Виниусу, об остальных мы узнаем из сохранившихся ответов. «Min Her, — пишет Виниусу царь. — Сего дня с осмью галерами в путь свой пошли, где я от господина адмирала учинен есмь камандором», — т. е. командующим этой эскадрой из 8 галер. Список остающихся пока в Воронеже галер Петр послал при письме к Головкину. Виниус может с ним познакомиться у него. «А какие еще осталися и для чего, и об том писал я Гаврилу Ивановичю; изволь там уведомитца». Заключительные строки этого письма содержат намек на какое-то поручение, о котором пишет с тою же почтой к Виниусу комиссар-генерал Ф. А. Головин, и без письма Голо-

[1] П. и Б., т. I, № 85 и стр. 566—568.
[2] *Елагин*, История русского флота, приложение I, стр. 57—58.

вина непонятны. «От Федора Алексеевича писмо чрез сию почту естли до тебя дойдет, изволь послать за моря и в ыные места. Можешь догадатца, какое оно и для чего; о сем и на Москве мы говаривали. Piter. С Воронежа, маия 3 дня»[1]. В ответах корреспонденты выражают Петру благодарность за известие и удивление его трудам. «А что мой асударь, — пишет Л. К. Нарышкин, — изволил писать маия в 3 день, в путь свой пошли, и мы, воздав хвалу господу богу, за каторые труды твои может бог воздать вся благая и намерение твое исправить». Головкин присланный к нему список галер показывал обоим генералиссимусам и другим лицам, кому следовало: «На милости твоей на писании благодарно челом бью, которое писано маия 3 числа при вашем отъезде с Воронежа. А что в том писме изволил ты писать ко мне о галерах и изволил прислать особое писмо, сколко их и какие им имена, и каковы мерою, и что на них людей и пушек, и по тому писму государем генералисимусом известно и господам, кому надлежало ведать, ведомо. А что ты изволил ко мне упомянуть в том же писании о своем недосуге, и то мы ведаем, в каком ты труде был в деле своем и какими скорыми временами такое великое дело окончилось». Дивился быстроте постройки флота также и князь Б. А. Голицын, которому Головкиным был показан список судов: «О росписи же, — пишет он Петру, — ей-ей радуясь и плача возблагодарил, что так малимы часи бог через труды твои исправил. Дай боже за тое, как сие суды, так и все совершать». А. С. Шеина письмо Петра настигло на Дону 7 мая; в этот день он плыл мимо расположенных по Дону казацких городков Мигулина, Тишанки, Решетова и Вешки[2]. «Премилостивый мой государь каптейн, — писал он в ответ Петру. — За посетителное твое милостивое ко мне писание и о походе с Воронежа приях, благодарственно до лица земного челом бью, и радуюся, что поход обмиралской (так!) поспешает за нами. Известно милости твоей предлагаю о себе: непрестанно денно и ночно не медленно в пути спешу; проплыл Донецкой и иные многие казацкие городки; маия по 7 число жив есмь. Генерал Гордон от Хоперскова устья, управлясь, в путь свой сего месяца 3 дня пошел на-спех»[3]. Виниус к выражению благодарности и к уведомлению, что поручение, переданное через Ф. А. Головина, исполнено, прибавлял обзор заграничных известий: турки делают большие приготовления против цесарской, венгерской и седмиградской земель, а также и на венетов. Есть известие, что намерены послать подкрепления и под Азов. Английский король Вильгельм вскоре из своей земли будет к своим войскам в Нидерланды на француза, который собрал против союзников значительные силы; о заключении мира между ними не слышно[4].

---

[1] П. и Б., т. I, № 86.
[2] «Поход боярина А. С. Шеина», изд. Рубаном, стр. 80.
[3] П. и Б., т. I, стр. 569—571.
[4] Там же, стр. 568—569.

XXXVI. ПЛАВАНИЕ ПО ДОНУ. БОЙ С ТУРЕЦКИМ ФЛОТОМ

Со дня выступления Петра из Воронежа, с 3 мая, начинаются вновь записи «Юрнала», прекратившиеся с конца октября 1695 г. По «Юрналу» можно точно следить за путешествием Петра по Воронежу и Дону. День 3 мая описывается в «Юрнале» так: «От города Воронежа с 8-ю галерами пошли в путь свой при доброй погоде; плыли парусом и греблей. Перед вечером прошли село Шилово, стоит на нагорной стороне. В ночи, часу в 3-м, для погоды стали на якоре и стояли всю ночь; а в ночи был ветр велик». Петр собирался отплыть из Воронежа вместе с адмиралом; но Лефорт, все время недомогавший, отправился из Воронежа только на следующий день после отъезда Петра, 4 мая, и притом не на галере, а на струге, который был для него специально построен, «сделан по наказу со светлицею и с мыльнею брусяными и печьми с ценинною зеленою и с окончины стеклянными и с сеньми дощатыми косящатыми». С ним двинулся и его полк — «начальные люди и солдаты», так что Лефорт во время этого путешествия исполнял обязанности только генерала, командовавшего сухопутными войсками, а не адмирала[1]. 4 мая утром эскадра Петра вошла из Воронежа в Дон. После полудня подошли к городу Костенску. Город, по замечанию «Юрнала», стоит в лощине, деревянный, от реки с полверсты; на берегу пустая башня. Стояли у берега на якоре с час, затем тронулись в путь и миновали Борщев монастырь. Ночью пришли в город Урыв. 5 мая утром подошли к городу Коротояку и стали на якорь. Все эти города — Костенск, Урыв и Коротояк, — равно как и все селения и монастыри по среднему Дону, расположены на правой стороне; левая сторона, открытая татарским нападениям, оставалась тогда пустынной. Коротояк, как описывает его «Юрнал», город деревянный, на нем 12 башен, стоит на горе, на правой стороне. Здесь для второго Азовского похода устроен был провиантский склад; здесь, по свидетельству Гордона, проплывавшего мимо Коротояка 27 апреля, заготовлено было 94 000 тонн сухарей, муки и крупы. В девятом часу дня, по нашему счету в первом пополудни, эскадра снялась с якоря, миновала устье реки Тихой Сосны, впадающей в Дон справа, затем прошла в виду Дивногорского монастыря. Дивногорский монастырь, как описывает его Гордон, посетивший его при своем проходе мимо него 27 апреля, стоит на берегу внизу реки; обнесен рвом и деревянной стеной и снабжен несколькими железными пушками и мушкетами для защиты от татар. В нем находились настоятель и 40 человек монахов. «Дивногорский монастырь, — записал в своей «Тетради» один из государевых певчих, плывших вместе с боярином Шеиным, — зело прекрасен, стоит на берегу Дона реки с правой

---

[1] *Елагин*, История русского флота, приложение I, стр. 58: «мая в 4 числе генерал адмирал Франц Яковлевич Лефорт с начальными людьми и с солдаты; мая в 5 числе думный дьяк Н. М. Зотов, а с ним Посольского приказа дьяк И. Волков и переводчик и подьячие и толмачи»; стр. 28.

стороны меж гор, а в нем две церкви деревянные, третья в горе каменная, тут же и великие пещеры; архимандрит Амвросий да сорок братий». Братия принимала Гордона очень любезно. Архимандрит повел его на небольшой холм прямо над монастырем в церковь, высеченную в скале из белого камня или из мела. Выше этой скалы находились развалины древнего монастыря, по преданию построенного греческим императором Андроником. «После краткого молебна в этой церкви, — пишет Гордон, — мы пошли обратно, но по приглашению настоятеля зашли к нему в келью, где были угощены пивом. Я дал ему дукат за его труд и затем вернулся на суда. Церковь, устроенная в скале, и меловые горы, которые издали кажутся как бы статуями, представляют очень интересное зрелище». Боярин Шеин подошел к монастырю 30 апреля в ночь, стал на якоре и 1 мая слушал в монастыре литургию, причем на правом клиросе пели сопровождавшие его государевы певчие, а на левом — иноки[1]. Петр, повидимому, не останавливался у Дивногорского монастыря. По крайней мере «Юрнал» остановки здесь не отмечает. Вечером проплыли мимо следующего маленького Шатрицкого монастыря, в котором тогда находилось всего 4 человека братии. Этими монастырями кончалось населенное Придонье. Река Тихая Сосна была тогда границей населенных мест Московского государства. 6 и 7 мая плыли уже мимо совершенно пустынных берегов, миновали устья притоков Дона речек Колыбелки, Марака, Метюка, Осереда (6 мая), Калитвы, Мамона, Толычевой, Богучара (7 мая). «Юрнал» упоминает только устья этих рек, за отсутствием каких-либо поселков по берегам Дона. 8 мая эскадра вступила в населенную область донского казачества; начали встречаться казацкие городки. В этот день прошли город Донецкий при впадении реки Донца с монастырем того же имени, Писковацкой и Мигулин. Во время плавания Петр занимался составлением «Указа по галерам» — краткого регламента для галерного флота. В этом указе устанавливались сигналы, подаваемые командиром эскадры пушечными выстрелами и барабанным боем, днем — разных цветов флагами, а ночью — фонарями. Были определены сигналы для бросания и поднятия якоря, для сбора капитанов на адмиральскую галеру во время хода эскадры или во время стоянки, для нападения галер на неприятеля и для прекращения боя, при получении кем-либо из капитанов каких-либо вестей, при каком-либо приключившемся с галерою несчастии, для построения галер в порядок по их списку. Указ предписывает капитанам галер не покидать друг друга, грозя в противном случае смертной казнью: «под великим запрещением должны друг друга не оставить. . . а естли в бою кто товарища своего покинет — такого наказать смертью». Петр сравнивает дружные действия отдельных судов с прочностью связи между досками в одном корабле. Ко-

---

[1] Gordons Tagebuch, III, 25; «Тетрадь записная, как пошли певчие дьяки», стр. 46—47.

рабль, доски которого плотно слажены, может объехать всю вселенную и не бояться никакого шторма, в противном же случае не проплывет и 100 сажен: «понеже пока в корабли или в ыном судне доски плотна стоят межь собя, тогда всю вселенную могут объехать и никакого сторма не боятца; а когда оные же межь собя разлучатся, тогда ниже ста сажан преплыти могут». Указ дошел до нас в двух редакциях; вторая с значительными дополнениями против первой, — это показывает, что на составление этого текста Петр положил немало труда, обдумывал и исправлял его. Обе редакции датированы 8 мая «на галере «Принцыпиум». Припомним, что это был уже не первый опыт, что подобной же работой по установлению морских сигналов Петр занимался также во время плавания по Северной Двине и по Белому морю в 1694 г.[1].

9 мая эскадра миновала казацкие городки Решетов, Вешки, Хопер при впадении в Дон реки Хопра, Медведицкий монастырь и городок Медведицу. 10-го были пройдены городки Клецкой, Перекопский, Кременной, недавно перед тем погоревший Ново-Григорьевский, затем перед вечером Старый Григорьевский и ночью Сиротин, Иловля и Качалин. 11-го утром подошли к Паншину, где некоторое время стояли на якоре. Отсюда начинался путь, знакомый по плаванию прошлого года. В этот день прошли еще городки Голубые и Пять Изб. 12 мая на заре прошли городок Верхний Чир, а затем Нижний Чир. Верстах в шести ниже этого последнего эскадра Петра догнала и обогнала струговую флотилию Шеина. «И того ж числа (12 мая), — читаем в описании похода боярина А. С. Шеина, — в первом часу дня, прошед другой Чир верст с 6, морского каравана генерал-комисар Федор Алексеевич Головин в морских судах с ратными людьми, видясь Большого полку с боярином и воеводою Алексеем Семеновичем, пошел наперед». Может быть, при визите Головина присутствовал и Петр. В «Тетради певчих дьяков» этот эпизод описывается так: «Маия в 12 день по утру ниже Нижнего Чира достигли на фуркатах капитаны с ротами в 8 фуркатах»[2]. В полдень галеры прошли городок Есаулов, к вечеру Зимовейку, ночью — Курман-Яр. 13-го были пройдены Нагавкин, Терновый, Цымла, Кумшак, Романовский, Каргалас и Камышенск. Ночью стояли на якоре из-за великой погоды. Перед светом пошли в путь свой парусом.

14-го плыли по самой населенной местности Донской области, миновали 12 городков; Быстрец, Верхний Михалев, Нижний Михалев, Троилин, Кагальник, Ведерники, Бабий, Золотой, Кочетов, Семикорокор, Роздор, Мелехов. Эти городки лежат уже поблизости к Черкасску[3].

---

[1] Походный журнал 1696 г., стр. 1—3; Gordons Tagebuch, III, 23—24; П. и Б., т. I, № 88, 89.

[2] «Поход боярина А. С. Шеина», изд. Рубаном, стр. 82; «Тетрадь певчих дьяков», стр. 49.

[3] Походный журнал, стр. 3—7,

Между тем в тот же день, 14 мая, утром подходил к Черкасску Гордон. Он остановил свою флотилию в версте выше Черкасска у правого берега. Здесь он встретился с генерал-майором Ригеманом, который переправлял свои полки через Дон. Ригеман сделал визит Гордону. День Гордон употребил на осмотр, постановку на лафеты и погрузку артиллерии, оставленной в Черкасске в прошлом году. 15 мая Петр, пройдя последние городки перед Черкасском — Берсегенев, Багай и Маныч, после полудня [1] подошел к Черкасску с отрядом из четырех галер; остальные четыре несколько поотстали. Прибытие было ознаменовано пушечной и ружейной пальбой с галер и из города. «В 4 часа пополудни, — пишет Гордон, — прибыл его величество с 4 галерами и бросил якорь у города. Я следовал за ним в своей лодке, мог взойти на его галеру только после того, как был брошен якорь; я был очень дружественно принят и угощен» [2]. Путь, который Гордон, выехав из Воронежа 23 апреля, сделал ровно в три недели, Петр прошел в 13 дней.

Дни 16 и 17 мая Петр провел в Черкасске. 17 мая в 10 часов вечера к Гордону, продолжавшему стоять с своей флотилией несколько выше Черкасска, был прислан от царя денщик Александр Кикин с приказом на следующий день рано утром явиться к нему и как можно скорее быть готовым к отплытию в Новосергиевск. Рано утром 18 мая Гордон был уже у Петра. Царь вызвал его, чтобы сообщить известия, полученные через казаков, именно, что на взморье при устьях Дона стоят два турецких корабля, выгружающих припасы. Было решено, что царь с эскадрой галер и с отрядом в 100 казаков сделает попытку напасть на корабли и захватить их, а Гордон, чтобы оказать поддержку этому предприятию, спустится со своими полками до того пункта, где от главного русла Дона отделяется идущий вправо рукав — река Каланча. В 7 часов утра в тот же день Гордон, исполняя это приказание, двинулся из Черкасска в плавание вниз по реке. В девятом часу утра подняла якори и ушла из Черкасска и царская эскадра, состоявшая теперь с присоединением одной захваченной в прошлом году турецкой галеры из девяти галер. В полдень эта эскадра на пути нагнала уже флотилию Гордона. Петр взошел на струг к Гордону и говорил с ним о дорогах, по которым корпуса армии должны были итти к Азову, и о позициях, которые им предстояло там занять во время осады. После этой беседы царь отправился в дальнейший путь, опередив Гордона, и в десятом часу вечера подошел к Новосергиевску, к каланчам. Гордон, расставшись с Петром, приставал в 3 часа дня к берегу и поднимался на холм, откуда виден был Азов с окрестностями; в десятом часу вечера он проходил еще мимо устья Мертвого Донца и прибыл к каланчам 19 мая в 5 часов утра. Он был встречен пушечной и ружейной пальбой с каланчей и располо-

[1] По «Юрналу» — во втором часу пополудни, по дневнику Гордона — в 4 часа.
[2] Походный журнал, стр. 7—8; Gordons Tagebuch, III, 31.

На подлиннике сделаны пояснения на голландском языке, записанные Вильде со слов Петра:

«1. Этот рисунок сделан в моем доме и в моем присутствии царем Петром Алексеевичем для того, чтобы показать мне, как он, командуя сам флотом, напал на турецкий флот, разбил его и как Азов принужден был сдаться. 2. Царский лагерь. 3. Укрепления, захваченные царем в предшествующем году и усиленные им. 4. Мели, не дававшие возможности проходить кораблям. Царь приказал для облегчения посадки, чтобы экипаж с грузом спустился в воду, благодаря чему проход сделался возможным. 5. На острове, покрытом лесом, царь поместил 40 пушек для того, чтобы разгромить турецкий флот, который и был благодаря этому целиком уничтожен. 6. Царский флот. 7. Турецкий флот, прикрывающий Азов. 8. Меотиспалюс (Азовское море). 9. Река Танаис (Дон). 10. Азов». — Чертеж взят из приложения к книге Устрялова «История царствования Петра Великого».

Рис. 54. План гирл реки Дона, нарисованный Петром I и находящийся в тетради, принадлежавшей голландскому купцу Вильде, в музее редкостей которого в Амстердаме был Петр в 1697 г.

жился несколько ниже их, заняв небольшой сооруженный в прошлом году форт и приказав его расширить устройством новых укреплений. Сделав эти распоряжения и оставив в форте достаточный караул, Гордон, возвращаясь к каланчам, встретил царя на реке. «Я поехал с ним, — рассказывает он далее, — к форту и затем к моей лодке, где было совещание с боярином Ф. А. Головиным и с донским атаманом о плане его величества напасть на два стоящих ниже Азова на рейде корабля». Принято было то решение, которое у Петра созрело еще накануне: он с галерами и донской атаман с казаками нападут на корабли, а Гордон, двигаясь из занятого им форта с полками, отвлечет внимание турок и воспрепятствует им подать помощь кораблям, угрожая туркам с тыла. Согласно решению совета, вечером 19 мая «в отдачу часов денных» (около 8 часов вечера) пустились в путь донские казаки на 40 лодках, человек по 20 в каждой, а за ними Петр с девятью своими галерами, посадив на них один из взятых из гордонова отряда пехотных полков. В одиннадцатом часу вечера галеры вступили в Кутюрьму — один из рукавов Дона, отделяющийся вправо от реки Каланчи, а за два часа до света, (т. е. часа в два ночи) 20 мая бросили якорь в рукаве Малая Кутюрьма «для осмотрения мелей». Здесь эскадра простояла до полудня 20 мая, когда вдруг пустилась в обратный путь вверх по Кутюрьме и по Каланче; около 3 часов дня поднялась до Каланчинской стрелки — пункта, где от Дона отделяется рукав Каланча, под вечер прошла в виду занятого Гордоном форта и рано утром 21 мая бросила якорь опять у Новосергиевска. В 10 часов утра Петр приехал к Гордону и объяснил ему свое, немало, вероятно, удивившее генерала возвращение. Оказалось, что на взморье стояло не два турецких корабля, а, как рассказывал Петр Гордону, 20 галер и кораблей, а также большое число легких судов. При таких обстоятельствах царь счел безрассудным предпринимать нападение и дал приказ галерам плыть обратно. По свидетельству Гордона, он был очень огорчен этой неудачей и мрачен [1].

Однако оказалось, что царь горевал напрасно. В 3 часа пополудни он вновь приехал к Гордону, на этот раз с приятными вестями. 20 мая вечером казаки, оставшиеся по уходе галерной эскадры в устьях Дона под предводительством атамана Флора Миняева, смело напали в своих лодках на турецкий флот, и, как сообщал Петр Гордону, из 18 турецких галер и 24 легких судов — 24 судна были сожжены, 6 укрылись в Азове, остальные ушли в море. Казаки взяли большую добычу. Позже были приведены в известность более точные размеры турецких потерь. Об этих потерях писал сам Петр через несколько дней — 31 мая — московским друзьям — Ромодановскому, Виниусу и др. Турецкий флот состоял не из 20 или 18, как ему казалось с первого взгляда, а из 13 кораблей. Количество мелких судов было указано правиль-

[1] Gordons Tagebuch, III, 31—34; Походный журнал, стр. 8—10.

но — 24, в том числе 13 тумбасов, в которые выгружали припасы с кораблей, и 11 ушколов, предназначенных для конвоирования тумбасов. Из 13 кораблей погибли 2: один был сожжен казаками, другой потопили сами турки. Из тумбасов казаки 9 сожгли и 1 захватили. Остальные 11 уцелевших кораблей поспешили скрыться в море. Захваченная казаками добыча состояла из 300 большого калибра бомб, пудов по пяти, 500 копий, 5 000 гранат, 86 бочек пороху. Взято было большое количество всяких припасов: муки, пшена, сухарей, рису, уксусу, бек-месу (сиропа виноградного), оливкового масла и особенно много сукна. Было взято 27 человек турок в плен [1]; пленники рассказывали, что на кораблях прибыло в Азов подкрепление в числе 800 человек. По случаю победы была пушечная пальба с галер и с каланчей [2].

Петр, разумеется, не утерпел, чтобы не посетить место удачного происшествия. В тот же день, 21 мая, в 5 часов вечера он отправился туда на лодках, приказав и Гордону с полками выйти к устьям реки. 22 мая Гордон, проплыв всю ночь, на рассвете достиг устья Каланчи, где нашел государя среди казаков, которые заняты были дележом добычи, причем атаман подарил Гордону турецкий ковер. Царь оставался с казаками до полудня, а затем вернулся в Новосергиевск, велев Гордону стоять в устьях реки до дальнейших распоряжений [3].

Дни 23—25 мая Петр провел в Новосергиевске, ожидая прибытия главнокомандующего и адмирала и в приготовлениях галер к выходу в море. Боярина А. С. Шеина и плывущего с ним А. М. Головина мы покинули с того момента, когда 12 мая ниже городка Нижнего Чира их обогнал Петр. Главнокомандующий доплыл до Черкасска 19 мая. Ему была здесь устроена торжественная встреча. За две версты выше города выезжал его встречать наказный атаман Илья Зернщиков со знатными донскими казаками. Действительный атаман был уже тогда, как мы знаем, с Петром в устьях Дона. По прибытии Шеина в Черкасск ему представился еще находившийся там со своими полками генерал-майор Ригеман. Шеин приказал белгородским полкам Ригемана и рязанским полкам Головина, «устроясь обозом, воинским ополчением итти под Азов сухим путем со всяким бережением, а пришед к Азову, стать обозом в тех же местах, где стояли в прошлом, 203-м, году московских войск ратные люди, и над Азовом промысл чинить, сколько милосердный бог помощи подаст, смотря по тамошнему делу» [4]. Шеин пробыл в Черкасске пять дней. 22 мая он получил в письме от Ф. А. Головина известие о по-

---

[1] Gordons Tagebuch, III, 34; П. и Б., т. I, № 90, 91, 92. Некоторое противоречие в письмах к Ромодановскому (№ 90), с одной стороны, и к Виниусу и Кревету (№ 91, 92) — с другой, разобрано и верно объяснено *Устряловым* (т. II, примечание 66, стр. 384—388). Письмо к Ромодановскому официального характера, писано не самим Петром; выражения его, очевидно, имеют общий характер.

[2] Походный журнал, стр. 10.

[3] Gordons Tagebuch, III, 34—35; Походный журнал, стр. 10.

[4] «Поход боярина А. С. Шеина», изд. Рубаном, стр. 83—85.

беде, одержанной над турецким флотом казаками. На другой день, 23 мая, в черкасской соборной церкви было по этому случаю молебствие, а затем пушечная и ружейная пальба. В тот же день, 23 мая, в Черкасск прибыл Лефорт. Генерал Ригеман двинулся с белгородскими полками сухим путем к Азову. За ним пошли рязанские полки Головина, а также донские казаки и калмыки под начальством атамана Лукьяна Савинова. 24 мая под вечер главнокомандующий вместе с Лефортом и А. М. Головиным отплыли из Черкасска. Отъезжая, Шеин ответил на полученное им от Петра письмо, извещая царя о своем отъезде с адмиралом из Черкасска: «Я пошел от Черкаского в надлежащей путь сего жь числа и обмирал (так!) морского каравана с нами; а казаки, переправя Дон, путь свой восприяли к Озову сего ж числа. Слуга вашей милости Алешка Шеин. Маия 24 день»[1]. В Новосергиевск Шеин, Лефорт и А. М. Головин прибыли 26 мая при обычной уже в этих случаях пушечной и ружейной пальбе. Воевода приказал войскам «с пушками и со всякими воинскими полковыми припасами с водяных судов сходить на берег реки Дону на сухой путь, на азовскую сторону и к походу под Азов со всем строиться и готовиться без всякого мотчания неотложно». Вместе с тем он распорядился о наводке мостов: «от Каланчей и от Сергиева города через луг по топким и грязным местам и чрез речку Ерик сделать для переправы на азовскую сторону мосты из готового лесу, которой с Воронежа для всякого воинского промыслу и к полковому делу приплавлен в плотах и на бударах»[2]. Встретив Шеина и адмирала, Петр с своей галерной эскадрой[3] предпринял второе плавание к устьям Дона. Эскадра снялась с якоря в десятом часу утра и к ночи достигла устья Кутюрьмы, где простояла ночь. На следующий день, 27 мая, рано утром она двинулась дальше и вышла в море. День был, как отмечено в «Юрнале», тихий, но к ночи поднялась непогода. 28-го ветер с моря еще усилился. «После обеда, — записал в тот день Гордон, продолжавший стоять с лодками у устьев реки, — подул столь сильный ветер с моря и так поднял воду, что мы были принуждены снять наши палатки и возвратиться на лодки. При постоянно повышающейся воде вечером лодки сильным ветром гнало на берег, так что мы эту ночь провели в большой опасности». Однако галерная эскадра хорошо справилась с непогодой и не потерпела никакого урона.

---

[1] П. и Б., т. I, стр. 572.

[2] «Поход боярина А. С. Шеина», изд. Рубаном, стр. 87—88.

[3] *Устрялов* (т. II, стр. 276) почему-то пишет, что Лефорт плыл по Дону с эскадрой из 13 галер, и, таким образом, флот, вышедший 26 мая из Новосергиевска к морю, состоял из 22 галер (9 галер Петра + 13 Лефорта). Лефорт, как мы знаем, плыл (см. стр. 309) без галер, на струге. Перечень галер сделан самим же Устряловым (т. II, стр. 269—270), при указании сроков отправления из Воронежа. Весь воронежский флот состоял из 2 галеасов, 23 галер и 4 брандеров. Восемь галер отправились с Петром 3 мая, семь — с вице-адмиралом Лимой 10 мая, семь — с князем И. Ю. Трубецким 17 мая, одна галера и четыре брандера — с шаут-бейнахтом 24 мая.

Дни 27—29 мая Петр провел на море. 30-го он отправился в Новосергиевск, по случаю ли наступавшего 31 мая троицына дня, как говорит Гордон, или потому, что именно в этот день, 30 мая, прибывала в Новосергиевск вторая эскадра из семи галер под начальством вице-адмирала Лимы. Уезжая, он опять обещал Гордону побывать у него [1].

Простояв троицын день у каланчей, эскадра вице-адмирала Лимы 1 июня в третьем часу пополудни двинулась вниз и вышла в устье реки, а 2-го, вступив в открытое море, подошла к первой эскадре и стала на якорях неподалеку от нее [2]. Всего теперь в море при устьях Дона стояло 16 галер. Неизвестно, когда пришла к морю третья эскадра, вышедшая из Воронежа 17 мая под командой князя Трубецкого. Четвертая и последняя эскадра шаут-бейнахта де Лозьера, отправившаяся из Воронежа 24 мая, была у каланчей 12 июня. Судя по тому, что Лима и де Лозьер были в пути от Воронежа до Новосергиевска каждый около трех недель, надо полагать, что приблизительно столько же времени должна была потратить на такой же переезд и эскадра князя Трубецкого и что, следовательно, она должна была быть у каланчей 6—8 июня. 11 июня русский военный флот на море у донских устьев состоял уже, как видно из писем Петра от этого дня, из 22 галер [3]. Значение этого выхода русского военного флота в море заключалось в том, что Азов оказывался отрезанным от моря и подвоз к нему подкреплений и припасов становился невозможен и, таким образом, устранялась причина, помешавшая взятию крепости в прошлом году. Итак, победа казаков над турецким флотом вечером 20 мая открыла русской эскадре свободный выход в море, а появление русского флота в море отрезало от морского сообщения Азов. И действительно, когда несколько позже подошел было к Азову турецкий флот, везший подкрепления и припасы, он не смог уже доставить их в осажденный город, а вступить в бой с русскими военными судами не решился. Чтобы еще надежнее пресечь азовцам всякую возможность сообщаться с морем, Гордону было приказано соорудить при самом устье реки форт, который должен был запереть проход к городу лодкам с неприятельских судов. Гордон ждал подробных указаний от царя или от главнокомандующего относительно сооружения этого форта; не дождавшись, однако, таких указаний и не желая терять времени, он 2 июня сам выбрал место для постройки и энергично принялся за работу. В этот день вернулся из Новосергиевска царь [4], вероятно, при-

[1] Походный журнал, стр. 11—12; Gordons Tagebuch, III, 35—36.

[2] Походный журнал, стр. 13.

[3] П. и Б., т. I, № 93, 94, 95. «А наш караван на устье Дону в 22 галеях обретаетца и шоуитбейнахта з досталными галерами ожидаем вскоре».

[4] Gordons Tagebuch, III, 36—37. Письма Петра (П. и Б., т. I, № 90, 91) от 31 мая помечены «с моря», но из указаний Гордона мы узнаем, что 31 мая, в троицын день, Петр был в Новосергиевске. Письма, написанные с галер, носят помету: «с галеры Принцыпиум», например, П. и Б., т. I, № 93, 94, 95, 96 и др.

плывший с эскадрой Лимы. «После полудня, — пишет Гордон, его величество прибыл к галерам, которые стояли в море перед устьем реки. Он пришел ко мне, осмотрел форт, сооружение которого уже достаточно подвинулось, и казался очень доволен его планом. Он обещал притти ко мне в лагерь на следующий день». Вечером 2 июня представлялся Петру прибывший в этот день под Азов с тремя тамбовскими солдатскими полками сын генерала Гордона полковник Яков Гордон, побывавший перед этим представлением у отца. 3 июня Петр, исполняя данное Гордону обещание, пришел к нему после обеда, провел у него время от 2 до 3 часов пополудни, вновь осматривал форт, постройка которого его, видимо, живо интересовала, и затем вернулся к галерам. Против этого гордонова форта на другой стороне судоходного рукава реки выстроен был там же, в устьях реки, и другой форт, и рукав, по которому могли производиться сношения Азова с турецким флотом, был, таким образом, окончательно заперт [1].

XXXVII. ВТОРАЯ ОСАДА АЗОВА

Тем временем принимались также меры к обложению Азова и с суши. Первыми подступили под Азов 28 мая солдатские полки Белгородского разряда под командой генерал-майора Ригемана и пришедший с ними вместе из Черкасска отряд донских казаков под начальством походного атамана Лукьяна Савинова. Едва только они стали устраиваться лагерем, как на них из Азова была сделана вылазка, тотчас, впрочем, удачно отбитая казаками. 2 июня стали под Азовом три тамбовских полка, приведенные молодым Гордоном. 4 июня и старый Гордон получил приказ от устья реки, где он занят был сооружением форта, итти к городу. «Ко мне пришел его величество, — читаем мы в его дневнике за этот день, — и сказал мне, чтобы я шел в лагерь, оставив два стрелецких полка в форте. Вскоре после полудня я отплыл с Бутырским полком и вечером достиг лагеря... куда потом прибыл и его величество. Было обсуждение, как расположиться перед городом и как его осаждать» [2].

На следующий день Гордон выезжал с боярином Шеиным осматривать место устройства контр- и циркумвалационной линий. 6 июня под Азовом расположился подошедший накануне из Валуек корпус московского дворянства под предводительством стольника и воеводы князя П. Г. Львова. 7 июня перенес к городу свою квартиру сам главнокомандующий боярин А. С. Шеин. «Июня 7-го в день недельный (в воскресенье), — читаем мы в описании его

---

[1] Gordons Tagebuch, III, 37. *Posselt*, Lefort, II, 336. Письмо Лефорта в Москву от 20 июня: «Я нахожусь с его величеством на реке. Флот состоит из 29 галер (28 галер + 1 галеас). Пришла помощь (азовскому гарнизону). Она находится в 3 лье от Азова на море в виду наших кораблей; но пройти в город невозможно, так как его величество при устье реки велел соорудить два форта».

[2] Gordons Tagebuch, III, 37.

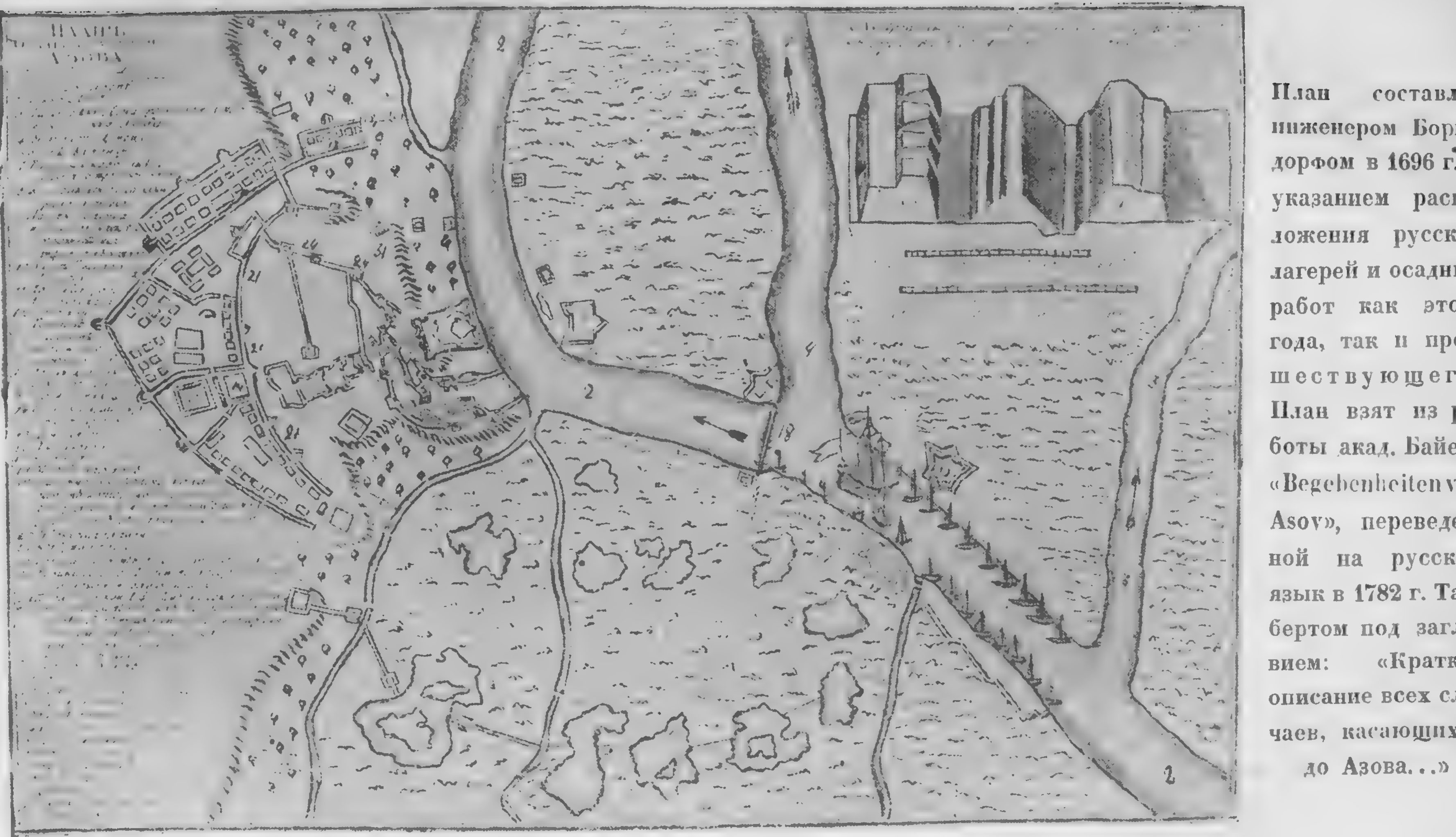

Рис. 55. *План второй осады Азова*

План составлен инженером Боргсдорфом в 1696 г., с указанием расположения русских лагерей и осадных работ как этого года, так и предшествующего. План взят из работы акад. Байера «Begebenheiten von Asov», переведенной на русский язык в 1782 г. Таубертом под заглавием: «Краткое описание всех случаев, касающихся до Азова...»

похода, — большого полку боярин и воевода Алексей Семенович, устроясь под Азовом обозом, воинским ополчением, в окопах от Сергиева города от каланчей со всеми воинскими припасы пришел в обоз (лагерь) большого полку своего». Общее расположение войск, осаждавших Азов с суши в 1696 г., получило такой вид: крайний левый фланг, примыкая к низинам берега Дона ниже Азова, заняли донские казаки Лукьяна Савинова; правее, рядом с ними, стали солдатские полки Ригемана; далее расположилась главная квартира Шеина и здесь же, вероятно, корпус московских чинов; еще далее вправо занял место со своим корпусом Головин и, наконец, на крайнем правом фланге, примыкая к берегу реки Скопинки, расположился Гордон. Сооруженный в прошлом году форт князя Я. Ф. Долгорукого на противоположной стороне Дона против Азова был занят и возобновлен четырьмя солдатскими полками под командой полковника Левистона (14—16 июня). Гораздо позже других частей войск (18 июня) пришли к Азову пять украинских полков: гадяцкий, лубенский, прилуцкий и два охотных — конный и пеший, под общей командой наказного гетмана черниговского полковника Якова Лизогуба. Украинские казаки заняли место позади расположения Ригемана. Последний отряд из участвовавших во второй осаде Азова — яицкие и саратовские казаки в числе 500 человек — явился гораздо позже — 30 июня. Он оказался очень полезным в действиях против неприятельской конницы — «много нашим ратным людем помоги подали» [1].

8 июня в главной квартире по случаю начала осады было отслужено молебствие. Началось устройство апрошей к Азову, причем для этой цели приспособлялись старые, прошлогодние, траншеи.

«Вечером, — записывает Гордон под 9 июня, — мы все отправились к старым траншеям и улучшали их». Работы над траншеями велись в этом году гораздо более энергично и с бо́льшим успехом, чем в прошлом; по крайней мере они в гораздо большей мере удовлетворяли Гордона, который неоднократно в дневнике отмечает свое удовольствие по поводу их успешного хода [2]. Между траншеями проводились соединительные линии; сооружались редуты и батареи, на которых устанавливались пушки. Исполнялся, таким образом, приказ главнокомандующего, который «велел генералам Петру Ивановичу Гордону, Автоному Михайловичу Головину, генералу-майору Карлусу Ригимону полков их с ратными людьми чинить над турским городом Азовом ко взятию того Азова всякой промысл днем и ночью, и для того промыслу к Азову вести шанцы и в шанцах делать роскаты, а на раскатах ставить большие пушки: галанки и мозжеры (мортиры) и полковые пищали» [3].

Между тем лагерь осаждающих стала тревожить, как и в про-

---

[1] «Поход боярина А. С. Шеина», изд. Рубаном, стр. 90—91; Древняя Российская Вивлиофика, XVI, 269 (Сказание об осаде Азова).

[2] См., например, записи 10—15 июня.

[3] «Поход боярина А. С. Шеина», изд. Рубаном, стр. 91.

шлом году, татарская конница, расположившаяся вне города за речкою Кагальником, впадающею в Азовское море южнее Азова. Первый налет этой конницы под предводительством Нурадина-султана произошел 10 июня; он получил должный отпор от русской конницы, причем едва не был взят в плен сам Нурадин, вырученный только своим дядькой, уступившим ему лошадь [1]. Дело это описано самим Петром, находившимся 10 июня в лагере, в тождественных письмах к Ромодановскому, Кревету и Виниусу от 11 июня. «А о здешнем возвещаю, — пишет Петр, — что, слава богу, все идет добрым порятком, и обозом (лагерем) город обняв кругом и после в шанцы в одну ночь вступили так блиско, что из мелкого ружья стрелятца стали; а за рекою (т. е. в форте князя Я. Ф. Долгорукого) еще нет. Черкасы (украинские казаки) пришли в Черкаской и ждем их вскоре. Вчерашнего дня Народын-салтан с тысячею татарами по утру ударил на обоз наш, где наша конница такой ему отпор дали, что принужден был бегством спасение себе приобресть и до Коголника гнан со всеми татарами, и конечно был бы взят, толко дятко его, пересадя на свою лошадь, упустил; а сам, против гонителей ево став и бився, в руки нашим за спасение ево отдался, того для, дабы тем временем, как он бился и как ево брали, он ушел; однако от Дигилея калмыченина помянутой Народын меж крылец ранен. На котором бою несколко их убито да 4 взято, а наших — 8 ранено». В числе этих 8 раненых было 6 стольников: Ильин, Сазонов, Сухотин, Кафтырев, князь Ф. Львов, Давыдов и один стряпчий — Данилов. Очевидно, что сражаться с татарской конницей выходил отряд московского дворянства [2].

Может быть, это поражение заставило неприятельскую конницу на некоторое время приостановить свои налеты и дало возможность осаждающим спокойно и успешно продолжать начатые сооружения. Об успехе этих работ к 13 июня свидетельствует чье-то письмо из-под Азова от этого числа, помещенное Желябужским в его записках: «И по сие число (13 июня), — пишет в этом письме неизвестный автор, — кругом Азова, что от каланчей от Дона с горы и по другую сторону к Дону, шанцами дошли. А фуркаты (вероятно, галеры Трубецкого) и достальный третий караван (шаут-бейнахта де Лозьера) пришел и стоит у каланчей, и чаем, что на взморье пойдут (де Лозьер) тотчас для того, что вода прибылая с моря есть. А за Доном в городке, что в прошлом году сидел князь Яков Федорович Долгорукий, войска нашего нет [3] для того, что через Дон моста еще не сделано. И в тот городок присылают из Азова на ночь, сказывают, что будто человек по сту.

---

[1] Gordons Tagebuch, III, 38.

[2] П. и Б., т. I, № 93, 94, 95. В тот же день были написаны не дошедшие до нас письма к Л. К. Нарышкину, Г. И. Головкину, как видно из их ответов (там же, стр. 576—577); «Поход боярина А. С. Шеина», стр. 91—93. Вести о той же победе были сообщены Петром также в не дошедших до нас письмах от 13 июня к Виниусу и Т. Н. Стрешневу (П. и Б., т. VI, стр. 577—579).

[3] Войско заняло этот форт, как мы знаем, 14—16 июня.

А мост через Дон делают на стругах, а ширина поперег моста 4 сажени трехаршинных»[1]. Но, несколько оправившись от полученного удара, татарская конница с 17 июня[2] возобновила нападения, и с той поры до самой сдачи Азова редкий день проходил без того, чтобы она не показывалась на равнине между речкой Кагальником и русским лагерем, где и разыгрывались обыкновенно стычки ее с дворянской конницей, казаками, а иногда и с выходившей ей навстречу пехотой.

Пленные, захваченные 10 июня в первом сражении с татарской конницей, показали, что в Азове ожидается турецкий флот из 50 судов, везущий подкрепление под командой паши. Сообщая известия об этих показаниях в Москву в упомянутых выше письмах от 11 июня, Петр выражал уверенность, что прибытие этого флота не грозит опасностью: в море стоит уже русский флот из 22 галер, вскоре ожидается шаут-бейнахт с остальными военными судами. На устьях Дона построены два форта, один из которых сооружен Гордоном и которые запирают доступ с моря к городу по донским рукавам: «Взятые языки сказывают, что помочи себе болши тысечи еще не чают; а морем сказывают, бутто будет паша с 50-ю судами; толко то они слышали, а сами не видали. А наш караван на устье Дону в 22 галеях обретаетца и шоуитбейнахта з досталными галерами ожидаем вскоре; а на устье Дону учинили 2 крепости и к приходу оного паши есмы при помощи безопасны»[3]. Вести, доставленные пленными, оказались не без основания. Действительно, 14 июня из русского лагеря было замечено приближение флота. «Утром, — рассказывает Гордон, — я был в траншеях и сделал все необходимые распоряжения. Затем мы заметили несколько турецких галер, которые шли к рейду и вскоре в достаточном отдалении бросили якорь. Мы поехали на холм на реке Кагальник, чтобы рассмотреть их лучше, и увидели 16 больших кораблей и значительное число меньших, которое мы точнее определить не могли. Этот флот был приведен турначи-пашой[4] и имел на борту 4 000 человек пехоты, которые должны были быть переправлены в город. Мы решили послать четыре пехотных полка в виде гарнизона в форт на той стороне Дона. Команда над этим отрядом была поручена полковнику Левистону. Было, далее, решено, что мы, если турки станут высаживать свой резерв, выступим и пойдем против них с 10 000 пехоты и со всей нашей конницей». Петр, находившийся в лагере, узнав о появлении флота, с большой поспешностью, как свидетельствует тот же Гордон, отправился к галерам и вечером приказал им вплыть в устье реки[5]. Турецкий флот оказался, однако, не так силен, как возвещали пленные. О его составе, когда он точнее выяснился, Петр сообщал несколько позже в письмах к московским друзьям: «Сего

---

[1] *Желябужский*, Записки, изд. Сахаровым, стр. 31—32.
[2] Походный журнал, стр. 15.
[3] П. и Б., т. I, № 93, 94, 95.
[4] Турначи-паша — младший начальник янычаров.
[5] Gordons Tagebuch, III, 40—41.

месяца 14 дня прислан к Азову на помочь анатолский турночи-баша с флотом, в котором обретаются 3 каторги, 6 кораблей, 14 фуркатов да несколько мелких судов, который намерен был в Азов пройтить; но, увидя нас, холопей ваших, принужден намерение свое отставить; и стоит вышепомянутый баша в виду от нашего каравана и смотрит, что над городом делается. Народын просил у него людей на берег, чтобы ему пропустить в Азов людей сухим путем; но он ему отказал, отговариваяся, что если де мне убавить людей, то де московский караван, пришед, караван мой разорит, и в ту пору что мне делать? ты не поможешь. С вышеписанным башею языки взятые (пленные) сказывают не равно: иные 4 000, а иные больше и меньше» [1]. 28 июня турначи-паша попытался высадить десант на берег, направив войско к берегу в 24 лодках. Но стоило только галерам поднять якори, как этому предприятию положен был конец, и турецкий флот должен был отступить [2]. Последнюю попытку проложить себе путь к Азову турецкий флот сделал 13 июля, когда «во 2-м часу дня, — как пишет Гордон, — была сильная стрельба с неприятельского флота». Но эта попытка окончилась полной неудачей, и пришлось предоставить Азов собственной участи. Таким образом, присутствие русских военных судов в море совершенно парализовало действия турецкого флота [3].

К 16 июня осадные работы значительно подвинулись вперед [4]. Азов был окончательно обложен с суши и с моря. Были готовы батареи и можно было начать бомбардировку города. Однако предварительно в этот день после полудня осажденным было предложено сдаться. Был сделан знак белым флагом и к городу послан парламентер с письмом на русском и турецком языках. Азовцы, однако, на предложение ответили выстрелами по флагу и по парламентеру. Тогда началась канонада: стали палить из пушек и бросать бомбы из мортир. При начале бомбардировки присутствовал, разумеется, и бывший в прошлом году «бомбардиром» Петр. «Его величество присутствовал, — сообщает нам Гордон, — и вечером отправился к своим галерам». 17 июня бомбардировка продолжалась, причиняя большое разрушение городу [5]. «Ратные люди, — читаем в описании похода боярина Шеина, — подошли шанцами близь азовских городовых стен и роскаты поделали и пушки и мозжеры на роскатах поставили и город Азов со всех сторон осадили накрепко, въезду в него и выезду из него нет. А ниже Азова на Дону реке, где неприятельские морские суда к Азову приходили, сделаны вновь два земляные городы, а третий против Азова за Доном прежний; укреплены и одержаны

---

[1] П. и Б., т. I, № 96, 97, 98. Тождественные письма к Ромодановскому, Кревету и Виниусу от 23 июня с галеры «Принципиум».

[2] Там же, № 100.

[3] Gordons Tagebuch, III, 52.

[4] Подробности см. у *Ласковского*, Материалы для истории инженерного искусства в России, II, § 8.

[5] Gordons Tagebuch, III, 41—42.

те все города людьми и пушками многими. Также море и устьи донские все заперты московскими морскими судами, а на них многочисленными людьми и пушками ж и неприятельские водяной и сухой путь отняты. И за божиею помощию учал промысл чиниться немедленной из шанец генеральских полков, также войска донского козаков и из городка, что за рекою Доном, со всех роскатов в город Азов из больших ломовых пушек стрельба и из мозжеров метание бомб день и ночь непрестанное и из пушек у азовцев по земляному валу роскаты их разбили и пушечную стрельбу у них отбили» [1], — т. е. заставили их пушки замолчать. 22 июня войско, солдаты нижних чинов, как говорит Гордон, обратилось к командирам с просьбой прибегнуть к тому же средству осады, которое также по желанию войска было пущено в ход в прошлом году, а именно: начать насыпать вокруг города высокий вал и этот вал подводить — «валом валить» — к неприятельскому рву и, таким образом, заровнять ров. Эта просьба была уважена, и с вечера 23 июня началось насыпание такого вала [2]: «Июня с 23 числа в ночи, — говорит описание похода, — к городу Азову для промыслу ко взятию того Азова и засыпания рва, который около того всего города, и для крепкого приступа и охранения в том приступе. . . учали от шанцев валить вал земляной» [3]. 23 июня отправлялась из-под Азова почта, и Петр с галеры «Принципиум» отправил в этот день ряд писем в Москву: к Ромодановскому, Кревету, Винниусу, А. К. Нарышкину и Г. И. Головкину [4]. Поместив в этих письмах почти дословно тождественное описание турецкого флота турначи-паши, Петр в каждом из них говорил еще о разных предметах, касавшихся каждого из корреспондентов в отдельности, и в этом обнаруживал одну из своих отличительных способностей: при усиленном напряжении внимания к одному главному делу, каким в рассматриваемом случае была осада Азова, помнить с большою точностью и заботиться о разных мелочах. Так, письмо к Ромодановскому он начинает выражением опасения, что Ромодановский гневается на него, доказательство чего видно в том, что вот уже две почты нет от него писем с известием о «его государском здоровье»; Кревета Петр уведомляет, что получил высланные ему песочные часы, причем те, которые посланы были через Валуйку, оказались испорченными, вероятно, от скорости езды; впредь посылать «кумпасы и иные часы» через Воронеж водой с нарочным человеком, чтобы бережнее довез; Винниусу пишет о получении его письма от 2 июня с заморскими вестями и с известием о холодной и дождливой погоде в Москве и с своей стороны сообщает, что под Азовом стоят «великие жары», но что, однако, «слава богу, лишних болезней нет». В собственноручной приписке к этому письму царь

---

[1] «Поход боярина А. С. Шеина», изд. Рубаном, стр. 94—95.
[2] Gordons Tagebuch, III, 44—45.
[3] «Поход боярина А. С. Шеина», изд. Рубаном, стр. 97.
[4] Последние два письма не дошли до нас; мы знаем об их содержании только по ответам.

дает Виниусу приказание: «Анд[р]ею Крефъту вели дать 2 пары сабалей да 36 хвастоф». Л. К. Нарышкину он предписывал о посылке грамот к курфюрсту Бранденбургскому, к венецианскому дожу и к Речи Посполитой, а в письме к Г. И. Головкину заказывал себе какой-то «полметовый» кафтан и штаны [1].

Следующий день, 24 июня, ознаменовался для осаждающих неудачей в обычном ежедневном столкновении с татарской конницей. Наша конница поддалась на неприятельскую хитрость. Татары, выехав и завязав стычку, сделали вид, что обратились в бегство. Дворянская конница бросилась их преследовать в беспорядке, врассыпную, не соблюдая строя, «по прадедовским обычьем, не приняв себе оборонителя воинского строю», как укоризненно заметил, говоря об этом деле, Петр [2], и слишком увлеклась. Татары вдруг с страшным криком обернулись, опять напали на наших всадников и в свою очередь обратили их в беспорядочное бегство. При этом замешательстве было убито 9, ранено 21 и взято в плен 8 дворян московского чина, т. е. стольников, стряпчих, дворян московских и жильцов [3]. 25 июня прибыли в лагерь присланные курфюрстом бранденбургским инженеры Розен и Гольцман и «огнестрельные мастера» — минеры Шустер, Кобер, Гак и Кизеветтер. Вероятно, по поводу их прибытия Петр в этот день побывал в лагере и траншеях. «Его величество, — записывает Гордон, — был в лагере и в траншеях, откуда он опять отправился к флоту». Эти личные посещения Петром угрожаемых обстрелом неприятеля траншей вызывали у близких Петра опасение за его жизнь. Сестра Петра царевна Наталья Алексеевна обратилась к нему с письмом, чтобы он берегся и не подходил близко к ядрам и пулям. На это не дошедшее до нас письмо Петр во второй половине июня отвечал шутливым посланием: «Сестрица, здравствуй! А я, слава богу, здоров. По письму твоему я к ядрам и пулькам близко не хожу, а они ко мне ходят. Прикажи им, чтоб не ходили; однако, хотя и ходят, только по ся поры вежливо. Турки на помочь пришли, да к нам не йдут; а чаю, что жедают нас к себе. Piter» [4]. 26—28 июня по распоряжению Гордона строился форт по дороге к Лютику с целью помешать лютикскому гарнизону делать вылазки; этот форт состоял из редута по 14 сажен с каждой стороны. Вечером 28 июня, накануне дня своего ангела, Петр вновь явился в лагерь и присутствовал на вечернем богослужении, 29 июня был у обедни, а затем принимал от всех поздравления. «Позже он поехал, — пишет Гордон, — с генералиссимусом и всеми знатнейшими лицами (кроме нас, генералов) к галеасу, где было пиршество, за которым при пушечных салютах славно пили». В ночь на Петров день до русского лагеря добрался пленный, выбежавший из Азова. Он показывал, что среди азовского гарнизона разделение: одна половина стоит

[1] П. и Б., т. I, № 96, 97, 98 и стр. 581—582.
[2] Там же, № 101.
[3] «Поход боярина А. С. Шеина», изд. Рубаном, стр. 99—104.
[4] П. и Б., т. I, № 99.

за сдачу города, другая против; в городе недостаток припасов и в особенности военных запасов, много раненых и больных, большие потери убитыми. «Все это побудило генералиссимуса, — пишет Гордон, — послать парламентера с обещанием хороших условий и с объявлением, что его величество принимает такую меру ради своих именин». Эти хорошие условия заключались в предложении сдать добровольно город с тем, что гарнизону и жителям будет предоставлено в таком случае право свободного выхода из Азова с имуществом. «Мы, христиане, — говорилось в письме на турецком языке, привязанном к пущенной в город стреле, — крови вашей не желаем. Город Азов нам сдайте с ружьем и со всеми припасы без крови, а вам всем и с пожитками даем свободу, куды похочете. . . А естьли о каких делах похочете с нами пересылаться, и вы пересылайтесь и договаривайтеся безопасно, а нашему слову перемены не будет». Это обещание выпустить азовцев на свободу и было впоследствии сдержано при капитуляции Азова. Однако на этот раз, 29 июня, турки ответили только выстрелами [1].

1 июля вечером Петр прибыл в лагерь навестить Гордона, который заболел накануне и весь день 1 июля оставался в постели. Болезнь оказалась непродолжительной: на следующий день генерал был уже на ногах и принимал участие в осадных работах, двигавшихся успешно. Вал, который стали насыпать по просьбе нижних чинов, сравнялся уже высотой с турецким валом, даже превосходил его, так что можно было с него стрелять по турецким сооружениям сверху вниз. Подготовлялись также мины под неприятельские укрепления [2]. «А о здешнем возвещаю, — писал Петр от 3 июля Ромодановскому, — что вал валят блиско и 3 мина зачали. Приезжие брандебурцы с нашими непрестанно труждаютца в брасании бомбов. Цесарцы еще не бывали. Татары мало не по вся дни с нашими бьютца; толко, слава богу, кроме одного бою, где прогнавшись наши, по прадедовским обычьем, не приняв себе оборонителя воинского строю, несколько потеряли, но, когда справились, паки их прогнали, всегда прогнаны от наших бывают. Турночи-баша еще стоит на море, и канун Петрова дни был от них подъезд в 24-х судах, и как блиско подъехали, и наши якори вынимать стали, чтоб на них ударить, и они, то видя, тотчас, парусы подняв, побежали. Iv dahelcix Knech Piter Kamondor. З галеры Принцыпиум, июля 3 дня» [3]. 4 июля царь прибыл с галеры в лагерь и ночевал там [4], может быть, чтобы побывать за богослужением по случаю праздника «Сергия», патрона Азовского края. Этот день, 5 июля, омрачился несчастием с од-

---

[1] «Поход боярина А. С. Шеина», изд. Рубаном, стр. 107; Gordons Tagebuch, III, 46—48.

[2] Gordons Tagebuch, III, 48—49, 51.

[3] П. и Б., т. I, № 100. Тождественные письма к Кревету и Виниусу № 101, 102, а также не дошедшие до нас к Т. Н. Стрешневу, Л. К. Нарышкину, Г. И. Головкину, Бутенанту фон Розенбушу (там же, стр. 584—586).

[4] Gordons Tagebuch, III, 50.

ним из наиболее выдающихся офицеров русской армии, полковником Левистоном. Левистон с середины июня занимал очень важный стратегический пункт — форт князя Я. Ф. Долгорукого на противоположной стороне реки. Утром 5 июля Гордон послал другого полковника, Юнгера, сменить Левистона, и последний приехал после полудня в лагерь. Вечером, пойдя в траншеи, он неосторожно выглянул через вал и был ранен мушкетным ядром, которое расшибло ему нижнюю челюсть и оторвало часть языка. Через девять дней он скончался. Тело его было отвезено в Черкасск и похоронено там при православной церкви [1].

XXXVIII. СДАЧА АЗОВА

9 июля приехали в Новосергиевск давно ожидаемые «цесарцы» — высланные цесарем специалисты артиллерийского и инженерного дела: артиллерийский полковник Граге, инженеры де Лаваль и барон Боргсдорф, минеры: Генрих Лоренц, Иоганн Гоф, Антоний Кох, Франциск Калзон, Томас Бегант, Николай Териер, Иосиф Слирер; канонеры: Лаврентий Шмит, Лаврентий Урбан, Иосиф Очтоия [2]. 11-го они прибыли в лагерь и обедали у главнокомандующего, а затем их повели осматривать траншеи и мины, причем они удивлялись величине сделанных русскими сооружений и труду, который был на них затрачен. На следующий день их пригласил к себе обедать Гордон и после обеда показывал им свои траншеи. Ознакомившись со сделанными сооружениями, они дали Гордону указания, помогшие ему справиться с задачей, для решения которой собственных познаний старого генерала было недостаточно. Его артиллерии со сделанных им батарей никак не удавалось разбить угловой бастион азовских укреплений. Австрийцы указали, как для этой цели надо расположить новые батареи. С согласия Петра и главнокомандующего их советы были приняты и оказались очень полезными. «Утром я был в траншеях, — записывает Гордон под 15 июля, — и велел палить с новых батарей. Это произвело чрезвычайно хорошее действие, так как палисады при угловом бастионе были разрушены». «Пушки моей батареи, — пишет он 16 июля, — разрушили бо́льшую часть палисадов углового болверка» [3]. Стало ясно, что осада пошла бы успешнее, если бы русским войскам с самого ее начала пришлось вести ее под умелым руководством столь сведущих лиц, и Петр жалел об их слишком позднем приезде: они выехали в Россию только весной, 15 мая были в Смоленске, 30 мая в Москве. В объяснение своего позднего прибытия они заявили Петру, что в Вене совсем не знали, что русские возобновят кампанию так рано, что вообще русский посланник в Вене Кузьма Нефимонов совсем не был осведомлен о военных действиях под Азовом. Это оказалось верным. Думный дьяк Емельян Украинцев, заправлявший

[1] Ibid., 50, 53.
[2] Ibid., 51; «Поход боярина А. С. Шеина», изд. Рубаном, стр. 115—120.
[3] Gordons Tagebuch, III, 52—54.

всеми делами Посольского приказа, не только не считал нужным, но даже находил опасным осведомлять посланника, аккредитованного, хотя бы и при союзном дворе, о военных планах и операциях. Петр дал волю своему гневу против Украинцева за эту оплошность в собственноручном письме от 15 июля к Виниусу, доводившемуся Украинцеву свояком. Царь раздосадован тем, что Украинцев держит посланника без всяких вестей о нашей войне, о чем его в Вене ни спросят, ничего не знает, а послан по такому важному делу. Сам Украинцев пишет в лагерь к Н. М. Зотову письма с советами, как нам поступать в польских делах, которые до нас не касаются, а Австрию, надежду союза, совсем забыл. Свое отношение к посланнику Украинцев объясняет так: не сообщает ему о военных делах, чтобы тот лишнего чего не разгласил. В здравом ли он уме? Посланнику доверены государственные тайны, а то, что всем известно, от него скрывается! «Зело дасодилъ мнѣ, — пишет Петр, — своякъ твой, что Кузму держитъ безъ вѣдомости о войнѣ нашей; і не стытъ ли: объ чемъ ни спросятъ его, ничево не знаетъ, а с такимъ великимъ дѣламъ посланъ! Въ цыдулъкахъ Миките Моісеевичю о полскихъ дѣлехъ пишет, которыя не нужъны, что надабетъ дѣлать, а цесарскую сторону, гдѣ надежда союза, позабылъ. А пишетъ так: для того о войскахъ не даемъ вѣдать, чтобъ Кузма лишьнево не рассѣял. Расъсудилъ! Есть ли санс его въ здоровъе? О государственномъ повѣрено, а что всѣ вѣдоютъ, закърыто! Толка скажи ему, что чево онъ не допишетъ на бумаге, то я допишу ему на спине. Piter. З галеры Принцыпиум, июля 15 дня». Виниус исполнил данное ему поручение, и, можно себе представить, как должна была подействовать на Украинцева перспектива, намеченная в последних строках гневного царского письма. «А свояку своему ваше государево слово сказал, — отвечает Виниус, — он бедной трепещет, говорит: что без указу де я к Кузме сверх ево наказу ни о чем писать не смел. Не вниди, государь милостивый, в суд с рабом твоим» [1].

15 июля, кроме приведенного гневного письма к Виниусу, был отправлен Петром целый ряд писем: Ромодановскому, Стрешневу, Кревету, Л. К. Нарышкину и князю Б. А. Голицыну. Петр говорил в них в самом спокойном тоне о разных текущих сюжетах.

В письме к Ромодановскому, уведомлявшему царя о праздновании дня его ангела, 29 июня, в Преображенском, причем после литургии палили из пушек и мелкого ружья, солдат в строю было 300 человек, начальные люди приглашены были к столу на Генеральном дворе, а сержантов и солдат велено было поить и кормить довольно, выражается благодарность: «Что в день святых апостол Петра и Павла изволил стрелять из пушек и из ружья, также пожаловал начальных людей и солдат, за которую вашу государскую неоплатную милость многократно благодарствую». Ему же дается приказ решить какое-то дело между

[1] П. и Б., т. I, № 108 и стр. 591.

Кондратьем Нарышкиным и Хилковым. Т. Н. Стрешневу, спрашивавшему, в каких казацких городках заготовить для обратного путешествия государя пиво, Петр отвечает: «И пива вели изготовить от Паншина до Черкаского, местах в двух или в трех. А от Паншина, чаю, поедем сухим путем, о чем впредь писать буду» [1].

Вероятно, с тою же почтой или, во всяком случае, около того времени Петр писал к учителю царевича Алексея Никифору Вяземскому, интересуясь все же сыном; жену он уже совершенно тогда игнорирует. Об этом не дошедшем до нас письме мы узнаем из ответа Вяземского, крайне реторического и витиеватого с выражением многопокорной рабской благодарности за то, что он, Никишко Вяземской, «ничто сый» или «некто званием от последних», удостоился такой царской милости — письма, которое «от монаршеского величества прислася». Деловая же суть этого ответа заключалась в двух довольно нескладных строках о том, что царевич «в немногое же времяни совершенное литер и слогов по обычаю азъбуки, учит часослов» [2].

Московских друзей Петр извещал также в упомянутых письмах от 15 июля о положении осадных работ под Азовом: сооружаемым с русской стороны валом уже во многих местах засыпан неприятельский ров. «Великороссийские и малороссийские войска, — читаем мы в описании похода боярина Шеина, — во облежании бывшие около города Азова, земляной вал к неприятельскому рву отвсюду равномерно привалили и, из-за того валу ров заметав и заровняв, тем же валом чрез тот ров до неприятельского азовского валу дошли и валы сообщили толь близко, еже возможно было с неприятели, кроме оружия, едиными руками терзаться; уж и земля на их вал метанием в город сыпалась» [3]. Разрушение палисадов углового болверка артиллерией, руководимой указаниями присланных австрийских офицеров, облегчило захват этого болверка. Этот захват был сделан украинскими казаками 17 июля по собственной их инициативе. «В тот день взяли турецкие болварки и был бой», — отмечено за это число в бомбардирском «Юрнале». «Июля ж в 17 день в пяток, — передано то же событие в описании похода Шеина, — великороссийские и малороссийские войска, в тех трудах прибывающие, пришед тем валом к азовскому валу, неприятельской роскат подкопали и на тот роскат взошли и с неприятели с азовскими жители и осадными сидельцы был бой большой и на том бою многих неприятельских людей побили и тот роскат и на том роскате четыре пушки взяли» [4]. Находившийся под Азовом переводчик Вульф в письме в Москву от 20 июля так описывает этот эпизод:

---

[1] Там же, № 106, 107, 109. Вероятно, к тому же числу относятся письма к Л. К. Нарышкину и Б. А. Голицыну (там же, стр. 593, 594).

[2] Там же, стр. 592—593.

[3] «Поход боярина А. С. Шеина», изд. Рубаном, стр. 121—122.

[4] Походный журнал, стр. 20; «Поход боярина А. С. Шеина», изд. Рубаном, стр. 122.

«В 17 числе июля, как черкасские казаки земляным своим валом к одной турской башноке (т. е. башне) подошли, и тогда они толь жестоко на нее нападение учинили и несмотря на то, хотя турки их больше шести часов непрестанною стрельбою и каменным метанием отбить хотели и трудились, однако ж крепко и неподвижно остоялись; последующие же ночи еще мужественнейше того 4 пушки у турок с башни они сволокли. Против того ж наши московские ратные люди вал свой над неприятели выше неприятельского валу подняли и градную их оборону землею заваливать начали, а неприятели им, кроме каменного метания каменьями, никакого вреда приключить не могли» [1]. Казаки взяли болверк по собственному почину, потому что увидали, что им можно овладеть без всякого приказа свыше. Нападения на город в этот день не предполагалось и оно еще подготовлено не было. Однако главнокомандующий счел нужным поддержать казаков по крайней мере демонстрацией общего штурма. «Черкасы завладели частью углового бастиона, — пишет Гордон. — После полудня они попытались выволочь три небольших пушки, которые они привязали веревками; при этом возникла шумная стычка между ними и турками, так что мы принуждены были, чтобы воспрепятствовать туркам обрушиться на них со всею силою, сделать вид, как будто мы хотим предпринять штурм или общую вылазку... Ночью мы отрядили гренадеров поддержать черкас. Они вывезли три маленькие пушки из бастиона; лафеты их были сожжены турками. В то же время донские казаки увезли другую небольшую пушку с другой стороны вала» [2].

Итак, смелым движением казаков были захвачены важные позиции в составе неприятельских укреплений. Потеря их в связи

---

[1] *Устрялов*, История, т. II, приложение XIII, стр. 493—494.

[2] Gordons Tagebuch, III, 54—55. В одном сказании о взятии Азова (Др. Росс. Вивлиофика, XVI, 271) помещено письмо неизвестного из русского лагеря, передающее, повидимому, разговоры о деле 17 июля, которые велись среди осаждающих. В этом письме говорится, что казаки предприняли захват болверка без приказа от главного командования, наскучив дожидаться приступа и побуждаемые недостатком продовольствия: «а черкасы с себя пеню (вину), что пошли на вал своевольно, без указу, не согласясь с московскими войски, сваливают: не могли де мы дождаться от шатра (т. е. из шатра главнокомандующего) указу, когда нам итти к приступу, а гуляем де слишком две недели даром, и многие де из них гладом тают, истинно де многие милостыни просили, для того, не дождався указу, и пошли на приступ собою». Самое дело в письме представляется так, что казаки, сбив турок с их валовой стены, устремились было в самый город: «отбив вал, подались было за ними и в город шествовать», но, видя, что ниоткуда помощи им нет, что прочие войска их «выдали одних», подались назад. Ни в «Юрнале», ни в «Походе боярина А. С. Шеина», изд. Рубаном, ни у Гордона, ни в письме Вульфа нет этой подробности о входе казаков в город. Версия письма в «Сказании» явно основана на ходившей по лагерю молве и не лишена некоторых прямо невероятных сообщений, например, что турки за неимением свинца стреляли из пушек ефимками и золотыми, а из ружей — разрезанными ефимками, причем эти известия подкрепляются словами: «и о всем том известно, истинная быль». Ввиду ненадежного характера этого источника мы не следуем примеру Устрялова (т. III, стр. 288) и не снабжаем рассказ о взятии углового болверка сомнительными подробностями.

Рис. 56. *Взятие Азова в 1696 г.*

Гравюра Шхонебека 1699 г. На первом плане изображена конная группа участников взятия Азова: посередине с саблей в руке — Петр, перед ним стоит, указывая на план Азова, который держит стоящий на коленях человек, Тиммерман. Направо от Петра — А. С. Шеин. За Петром (справа налево): П. А. Толстой, М. Б. Шереметев, Лефорт (спиной к зрителям), А. М. Головин, Ф. А. Головин, Гордон младший (в шляпе с бо́льшими полями) и П. Гордон (в профиль). За этой группой видна река Дон, разделяющаяся на несколько рукавов. На ней русский флот. За рекой видна одна из каланчей. Далее крепость Азов, а на противоположном берегу — лагери полков: Шеина, Гордона, Ригемана, Лефорта, казаков, черкас, калмыков, апроши 1695 и 1696 гг.

с ощущавшимся в Азове недостатком свинца для пуль и побудила, вероятно, азовцев быстро капитулировать. Утром 18 июля в русской главной квартире было принято решение произвести во вторник, 22 июля, общий штурм крепости ввиду успешного хода осадных работ. Незадолго до полудня показалась в полях из-за Кагальника очень многочисленная неприятельская конница, чтобы произвести свое обычное нападение на русский лагерь. Произошла стычка с казаками, дворянской конницей и пехотой. Перевес, по свидетельству Гордона, остался за неприятелем. Как вдруг в полдень турки из Азова стали, махая шапками и преклоняя знамена, делать знаки, что желают вступить в переговоры о сдаче города, и прислали парламентером знатного турка Мустафу с письмом. Ссылаясь на обещание Шеина от 29 июня, турки предлагали сдать город с условием, чтобы им была предоставлена свобода выйти с женами, детьми и имуществом, какое можно было захватить, и просили, в случае принятия этого условия, повозок или лодок, чтобы отвезти их за реку Кагальник в лагерь, где стояла их конница. Шеин остался верен своему обещанию, согласился выпустить гарнизон с легким оружием и жителей, но предъявил одно непременное требование: выдать «немчина Якушку», т. е. голландца Якова Янсена, бывшего на русской службе в прошлом походе, перебежавшего тогда к туркам и давшего им существенные указания на положение дел в русском лагере. Его считали виновником неудач прошлого года. Турки некоторое время отказывались принять это условие, так как перебежчик уже «обусурманился», перешел в магометанскую веру и записан был в янычары; но, наконец, уступили и выдали Якушку. Турки обязались также вернуть всех пленных и укрывавшихся в Азове «охреян», раскольников, за исключением тех, которые приняли мусульманство. В этих переговорах прошел день 18 июля [1].

19 июля в 5 часов утра начался выход турок из города к лодкам, подведенным к берегу ниже города. Сдавшиеся проходили между двумя шеренгами восьми русских выстроенных полков; шли в беспорядке, как кто успел. Некоторые, сообщает Гордон, сели в суда в самом городе, чего не имели права делать; «но мы, — прибавляет он, — рады были их выпустить и на мелкие нарушения смотрели сквозь пальцы» [2]. Едва только турки стали покидать город, как в нем показались уже украинские казаки, начавшие грабеж. Заметив это и увидев, что грабежу нельзя воспрепятствовать, Гордон отрядил караул из 100 солдат для охраны турецкого бея и других начальников с 16 знаменами и приказал

[1] Gordons Tagebuch, III, 55—56.

[2] Там же, 56; П. и Б., т. I, № 111. Письмо к патриарху с описанием событий 17—19 июля: на восемнадцати бударах. В письме Вульфа (*Устрялов*, т. II, стр. 494) говорится о 3 000 турках, отвезенных на 30 стругах. «Сказание» (Др. Росс. Вивлиофика, XVI, 275) говорит также о 3 000 человек, но на 24 бударах. В реляции из-под Азова, очевидно из канцелярии Зотова, в Посольский приказ — 3 000 человек слишком на 25 бударах (*Желябужский*. Записки, изд. Сахаровым, стр. 39).

проводить их к боярину Шеину, который был на коне вблизи от лодок. Передав знамена с преклонением их под ноги боярского коня [1], турецкие офицеры сели в лодки и поплыли вниз по реке. «Наши галеры, — пишет далее Гордон, — были выстроены в порядке на якорях, и лодки были пропущены мимо них по узкому проходу при залпах из крупного и мелкого оружия. В этом было несколько тщеславия для нас и слишком много чести для тех». Лодки довезли турок до реки Кагальника, где встретила их конница. На следующий день они переправились на стоявший под Азовом флот турначи-паши, который и отошел с ними в пределы Турции. Часть конницы, стоявшей за рекой Кагальником, разбежалась. Десять полков получили приказ занять город. «Когда мы вступили во владение городом, — пишет Гордон, — солдаты были заняты тем, что отыскивали и отрывали предметы, спрятанные турками; они нашли значительное количество посуды и одежды, однако все незначительной цены». Позже изменник Якушка показал, что значительный клад в деньгах и платье скрыт в своде, или в пещере, под землею. Были посланы люди его откопать. Пещера была найдена, но в ней ничего не оказалось [2].

Город представлял картину полного разрушения. «Я отправился, — заканчивает свой рассказ Гордон, — посмотреть христианскую церковь и две мечети, которые оказались разрушенными бомбами. Вообще весь город представлял груду мусора. Целыми не осталось в нем ни одного дома, ни одной хижины. Турки помещались в хижинах или пещерах, которые находились под валом или около него». «Впрочем же, — пишет упомянутый выше переводчик Вульф, — сей город — ныне пустое место, и так бомбами разорили, что такий зрак имеет, будто за несколько сот лет запустошен есть. В разных местех нашел яз в нем изрядную пшеницу, сухари, хорошую муку, паюсную икру и соленую рыбу. Итако у них в запасе скудости не было; но в свинце у них больше всего недостаток был [3]. На верху, между земляного валу и каменной стены, нашел я изрядный, камением выкладенный, студеный кладезь с преизрядною водою».

20 июля в понедельник было торжественное празднование счастливого события. «Мы были на радостном пиру у генералиссимуса, где не щадили ни напитков, ни пороху», — записал в этот день Гордон. «Галеры наши уставлены строем под город Азов, — читаем в письме переводчика Вульфа, — и учинена с них купно с войсками, также и в обозе, во всех шанцах и кре-

[1] *Желябужский*, Записки. изд. Сахаровым, стр. 38; Письмо из канцелярии Зотова в Посольский приказ.

[2] Gordons Tagebuch, III, 56—57, 63.

[3] Там же, 57; *Устрялов*, История, т. II, приложение XIII, стр. 495. Ср. письмо в Посольский приказ (*Желябужский*, Записки, изд. Сахаровым, стр. 38): «А в Азове городе белом каменном принято 92 пушки, 4 пушки мозжерных огнестрельных и всякого оружия много; пороху много в трех погребах; олова множество, свинцу малое число; хлебных запасов: муки и пшеницы премножество; рыбы вялой, икры паюсной много ж; мяса копченого и иных снастей много».

постях, на стругах везде трижды заздравная радостная стрельба. Немчин переметчик Якушко седит в одной каланче, в железах скован» [1]. В Москву полетели краткие радостные письма. «Min Her Koninh, — пишет Петр Ромодановскому. — Извесно вам, государю, буди, что благословил господь бог оружия ваша государское, понеже вчерашнего дня молитвою и счастием вашим, государским, азовцы, видя конечную тесноту, здались; а каким поведением и что чево взято, буду писать в будущей почте. Изменника Якушку отдали жива, Piter. З галеры Принцыпиум, июля 20 дня». «Min Her heilige Vader, — пишет он Стрешневу. — Ныне со святым Павлом радуйтеся всегда о господе, и паки реку: радуйтеся! Ныне же радость наша исполнися, понеже господь бог дзалетние труды и крови наши милостию своею наградил: вчерашнего дни азовцы, видя конечную свою беду, здалися, и изменника Якушку отдали жива в руки наши. А каким поведением и что чего взято, буду писать в будущей почте» [2]. Постоянное упоминание в этих кратких известиях о выдаче изменника Якушки производит впечатление, что эта выдача произвела не меньшую радость, чем сдача самого Азова: столь велика была злоба на него за прошлогодние неудачи. В тот же день было отправлено официальное письмо к патриарху с описанием событий с 17 по 20 июля. Боярин Шеин, писавший официальные отписки о ходе военных действий на имя великого государя в Разрядный приказ, сообщил туда же о победе, а из дипломатической канцелярии Н. М. Зотова донесение было послано в Посольский приказ [3].

Вести эти были получены в Москве 31 июля. В доме Л. К. Нарышкина письмо Петра застало в сборе большое общество, в том числе и Виниуса, как сообщал царю последний в своем ответе. Виниус сам отнес грамоту, адресованную к патриарху: «и той, — по его словам, — приняв и облобызав... прослезился и абие повеле в болшой колокол благовестить». В Успенском соборе патриархом со властьми было отслужено молебствие. С амвона были прочитаны полученные известия о победе. «А во время того молебного пения в соборной церкви были бояре и околничие, и думные, и московских чинов, и приказные, и земские, и всяких чинов люди множество. Да во время ж и до совершения того пения на Ивановской колоколне был звон во вся колокола». Выйдя на Красное крыльцо, начальник Стрелецкого приказа сказал выстроенным перед крыльцом стрелецким полкам, что государь службу их милостиво похвалил и жалует их, а также жен тех стрельцов, которые находятся под Азовом, погребом, т. е. угощением водкой [4].

---

[1] Gordons Tagebuch, III, 57; *Устрялов*, История, т. II, приложение XIII, стр. 495.

[2] П. и Б., т. I, № 112, 113. Тождественное с последним письмо к Виниусу (там же, № 114). Не дошли до нас письма от того же дня к князю Б. А. Голицыну, Л. К. Нарышкину, Г. И. Головкину (там же, стр. 599—601).

[3] *Желябужский*, Записки, изд. Сахаровым, стр. 35—37, 37—39.

[4] П. и Б., т. I, стр. 598; Дворцовые разряды, IV, 966—967; ср. *Желябужский*, Записки, изд. Сахаровым, стр. 37.

В ответах московские корреспонденты поздравляли государя в радостных и приподнятых выражениях. Князь Ромодановский «похвалял» адмирала, генералов, начальных людей, и в том числе «каптейна», и превозносил Петра «верою ко богу яко (апостола) Петра, мудростию яко Соломона, силою яко Самсона, славою яко Давида». Виниус сочинил целый акафист: «Радуйся, о непобедимый наш великий царю, превосшел еси Александра древнего... Радуйся великий наш монарх, иже никакими трудами непреборим был еси... Радуйся, праведний наш великий воине» и т. д. Но сквозь эту довольно нескладную, не отделанную школой реторику можно заметить, что в ответах друзья сумели понять и хорошо оценить действительную заслугу Петра в азовском деле: сознание необходимости флота для успеха осады и необыкновенную энергию, настойчивость и быстроту, с которыми этот флот, решивший участь Азова, был создан. «Вси признавают, — пишет Виниус, — яко ваш, великого государя, точию был промысл и одержанием с моря помощи город приклонился к ногам вашим». Ту же мысль высказывали Л. К. Нарышкин, говоря, что сооружение морского каравана трудами самого Петра ускорено, и Г. И. Головкин в словах: «И особной твой труд о строении галер на Москве, и в трудном пути, и на Воронеже, и поспешение Доном на море кто может достойно прославить?» и т. д. Ромодановский отметил проницательность Петра. То, что другим дается долговременным занятием многими науками, то Петр постигает сразу. «Что лутчее в людех чрез многие науки изобретается и чрез продолжные дни снискателства их, то в тебе, господине, чрез малое искание или токмо чрез видение все то является». Этими неуклюжими словами Ромодановский в сущности обозначал то качество, которое мы теперь обозначаем словом «гениальность». Порадовал Петра своим ответом Виниус, извещавший, что он о взятии Азова отписал за границу и между прочим к амстердамскому бургомистру Витзену с тем, чтобы тот довел об этом событии до сведения английского короля Вильгельма [1].

21 июля празднество по случаю победы повторилось. На этот раз пир был у адмирала. Радостное настроение увеличивалось в этот день еще сдачею форта Лютика, падение которого было естественным следствием падения Азова. Еще накануне вечером донские казаки подошли к форту на лодках, сообщили гарнизону о капитуляции Азова и побуждали его сдаться. Гарнизон отказывался верить, но согласился, взяв заложников от казаков, послать уполномоченного для проверки известия. Казаки провели уполномоченного в город, и, убедившись в истине сообщенного, гарнизон 21 июля сдался на таких же условиях, как и азовцы. Ему был разрешен свободный выход, но без оружия. Гарнизон состоял из 115 человек. 22 июля, пишет Гордон, «гарнизон Лютика прошел мимо нашего лагеря и получил 20 лошадей, чтобы

---

[1] П. и Б., т. I, стр. 596—601.

увезти свои багажи и запасы, так как ему было позволено взять с собою бóльшую часть имущества. Мы довели его до реки Кагальника и затем предоставили итти, куда он желает»[1].

XXXIX. РАБОТЫ ПО ВОССТАНОВЛЕНИЮ И УКРЕПЛЕНИЮ АЗОВА

Радостно справляя взятие города, Петр, однако, не терял времени и уже 20 июля, т. е. на другой день сдачи, приказал приступить к работам, во-первых, по уборке осадных сооружений, во-вторых, по перестройке и укреплению Азова. Стали засыпать и сравнивать с землей траншеи и снимать батареи. Инженерам велено было осмотреть город и составить план будущих укреплений. Генерал-профос князь М. Н. Львов получил приказание произвести опись города и захваченного в нем имущества. В этой описи[2] с подробными указаниями перечислены пушки, которых оказалось разных видов, целых и разбитых, 96. Описание Лютика производил посыльный воевода стольник И. Е. Бахметев. В Лютике насчитана была 31 пушка. Взятое в Азове разного рода имущество: мелкое оружие, военные припасы и т. п., было подарено донским казакам.

К 23 июля инженеры представили порученный им план будущих азовских укреплений. План был одобрен; но так как осуществление его требовало много времени, то решено было пока ограничиться восстановлением старого земляного вала и вообще исправить только причиненные русской артиллерией повреждения, «починить худые и разбитые места»[3]. Работы по восстановлению укреплений начались 25 июля и были распределены между отдельными корпусами армии. Они задержали Петра и значительную часть войска под Азовом до середины августа, хотя уже с конца июля началось постепенное выступление оттуда, открытое Лефортом, уехавшим 24 или 25 июля водой. Его провожали «командер» (Петр) и «капитаны» морского каравана[4]. Адмирал приехал к Азову позже всех и уехал оттуда первым, оставив свои полки и флот, оказавшись, по всей вероятности, совершенно бесполезным для того дела, над которым он был поставлен. С дороги из Паншина он писал Петру о своем путешествии, о погоде, о том, что его перестали кусать комары, и о разных пустяках: «Вчера мы пришли в здешний город Паншин, на дороге 2 недели были, из Черкаска ветер противный беспрестанно и дожди великие ден 8; сегодня, бог изволит, дале поеду: комары перестали кусать, и если изволишь сюда быть, не за-

---

[1] Gordons Tagebuch, III, 58—59.

[2] «Поход боярина А. С. Шеина», изд. Рубаном, стр. 131—146.

[3] Там же, стр. 150.

[4] Гордон, всегда очень точный в датах, относит его отъезд к 24 июля (Gordons Tagebuch, III, 59); в «Юрнале» оно отмечено 25-го: «В тот день адмирал Франц Яковлевич пошел от Азова в путь свой, вверх рекою Доном, парусом, и провожали его командер и капитаны» (стр. 21).

будьте добрых проводников с собою брать: воды не велики и ночи темны, и если судно мое не тяжело было, можно в 10 ден сюда поспеть и отсюда до Коротояка и то меньше; вода не быстра до Коротояка. Дай бог твоей милости здоровья, да на Москве быть скоро; радость велика будет, а я без тебя не стану веселиться. Я на дороге дни три болен был, и теперь, слава богу, гораздо лучше; я думаю, что рана моя скоро хочет себя запирать. Иван Еремеевичь покидал пить по-старому. Пожалуй, от меня поклонись святейшему патриарху, Кириллу Алексеевичу, да и всей нашей компании. Верный твой слуга до смерти моей [1].

Между тем, пока с большой энергией, ускоренным темпом и не без успеха, как можно судить по отметкам Гордона, шли работы над укреплением Азова, Петр предпринял плавание по Азовскому морю с целью отыскать место для гавани, где мог бы стоять военный флот, так как выход из Азова в море рукавами Дона вследствие мелей представлял большие неудобства и оказывался возможным только при противном ветре, гнавшем воду с моря в донское устье и подымавшем ее уровень. «26 июля около полудня, — пишет Гордон, — его величество пригласил генералиссимуса, меня и других ехать водою и изыскать место, где можно было бы устроить город и гавань при Таганроге на Крымской стороне. Я отправился на галеры. Мы спустились по реке на веслах и, выйдя из устья, стояли всю ночь на якорях с большими неудобствами. В пять часов утра 27-го якоря были подняты, однако, мы из-за низкой воды не могли итти вперед; поэтому мы оставили галеры [2] и поплыли в лодках к упомянутому Таганрогу, куда мы прибыли около 4 час. пополудни. Это — высокий скалистый мыс. Осмотрев положение этого места и сообразив его размеры для гавани, мы отправились дальше к другому, расположенному ниже мысу в расстоянии одной или двух английских миль. Эта местность более низменна, почва ее глинистая... Приняв во внимание положение и выгоды обоих мест, большинство было того мнения, что первое место более удобно. Там высокий скалистый берег, море глубоко, есть просторное место для гавани и, кроме того, там есть небольшой родник с здоровой водой. Все это говорило за Таганрог. Вечером мы вернулись опять к Таганрогу и стояли на якоре всю ночь, терпя большие неудобства. Ночь была холодная. Узкая скамья служила постелью; чувствовался недостаток в пище и питье». Мыс Таганрог и был избран для устройства будущей гавани. Весь день 28 июля ушел на возвращение в устья Дона. Азова достигли только 29-го в 7 часов утра [3].

30 июля снялся с своих мест и выступил из лагеря Преобра-

---

[1] *Елагин*, История русского флота, приложение I, № 48.

[2] Кроме одной, взятой в прошлом году у турок и, должно быть, менее глубоко сидевшей в воде. «Юрнал»: «в тот день пошла одна галера наша турецкая на море к Таганрогу и при ней несколько шлюп и лодок, а на тех судах командеры и капитаны с солдатами, и ночевали у Таганрога» (стр. 22).

[3] Gordons Tagebuch, III, 60—61.

женский полк, собираясь возвращаться водой. Он ушел 2 августа. 31 июля двинулись от Азова украинские казаки, щедро вознагражденные за службу. Государь пожаловал им 15 000 рублей и подарил 6 полевых пушек; наказному гетману Лизогубу дано было 40 соболей, 30 золотых, 3 косяка материи лаудану. Полковники получили по 15 золотых и по два косяка лаудану [1].

В этот день в лагере получено было известие о приходе к Черкасску запоздавших союзников — кочевых калмыков, присланных Аюкою-ханом, хитрым их властителем, намеренно выжидавшим время. Они появились затем и в лагере, пригнав на продажу множество лошадей, которых и распродали. Этим и кончилось все их участие в Азовской кампании. Им от имени государя было предложено отправиться к реке Кубани и прогнать тамошних жителей с их мест; однако они предпочли вернуться домой, не исполнив этого предложения.

1 августа работы над укреплениями были утром прерваны по случаю крестного хода на воду, причем водоосвящение сопровождалось пальбой из пушек в городе, в лагере и на судах. После полудня работы опять возобновились. 2 августа Гордон дал приказ своим полкам продолжать работу беспрерывно день и ночь, установив три смены. Одновременно с починкой укреплений шли такие же работы по устройству самого города: сносились развалины разрушенных зданий, убирался мусор, строились разные помещения; две полуразрушенные турецкие мечети перестраивались в христианские храмы. Восстановлялась небольшая, существовавшая при турках, православная церковь Иоанна Предтечи [2]. 5 августа Петр отправил последние письма из-под Азова с галеры «Принципиум». «Min Her, — писал он Виниусу, — писма твои июля 9 и 20 дней писанные, мне отданы, за которое уведомления благодарствую». (В этих письмах Виниус, по обыкновению, осведомлял Петра о ходе военных действий у турок с австрийцами и венецианцами, «о французских поведениях» с королем Вильгельмом, о слухах относительно предстоящих выборов на польский престол и т. п. [3].) «А о здешнем известен, ваша милость, будь, — продолжает Петр, — что по взятии Азова лютинцы здались в 3-й день. В Азове и в Лютике пушак взято болших и малых и баштыкин 132, 1 076 пищалей и стволов целых и ломаных, 1 пансырь да 57 бахтерцов, 64 сабли целых да 16 ломаных, пороху пуд с 1 000 или болши, также и иных всяких припасов немало взято. Господа инженеры Леваль и Брюкель непрестанно труждаютца в строении города, того для и войск отпуск еще удержен. А черкасы июля в 30 день пошли в домы свои, также и донские пошли многие. А генералной (общий) подъем будет после взятия богородицына («успения богородицы»). Почты отсель

---

[1] *Устрялов*, История, т. II, стр. 296 со ссылкою на рукопись Академии наук в лист, № 75: «Авизы из-под Азова». Украинцы ушли только 7 августа; Gordons Tagebuch, III, 61.

[2] Gordons Tagebuch, III, 61—62.

[3] П. и Б., т. I, стр. 580—581, 587—588.

болши этой не будет для того, что, слава богу, все зделано и писать не о чем: а последнею почту отпустят в тот день, как отступят. Piter»[1].

Несмотря на большой праздник Преображения, 6 августа, работы в тот день не прерывались. Петр с генералами обедал в этот день у главнокомандующего. 8 августа состоялось торжественное освящение одной из церквей, переделанных из мечетей во имя «Похвалы богородицы». «Турецкая мечеть была готова, — описывает это событие Гордон, — и доведена до крыши. Она была с большою торжественностью освящена, и в ней было совершено первое христианское богослужение, во время которого троекратно палили большие орудия вокруг города, с галер и галеасов, а также в лагере. Я отправился туда, чтобы принести поздравление его величеству, когда он шел от богослужения. . . Был пир у Семена Ивановича Языкова», — заведывавшего продовольственной частью.

Между тем лагерь продолжал пустеть и делались приготовления к общему отходу войск. 5 августа ушел водой полк Лефорта. 8-го был отправлен последний транспорт больных и раненых[2]. 9 августа подведены были к городу на зимнюю стоянку галеры и галеас. 11-го их рассмастили, такелаж и орудия перенесли в особые построенные для этого сараи. Расснастив суда, морской экипаж с галер с вице-адмиралом и шаут-бейнахтом 12 августа отплыл из Азова Доном «в шлюпках и лодках парусами»[3]. 13 августа совершено было освящение второй православной церкви в Азове, ремонтированной прежней церкви во имя Иоанна Предтечи. В этот день, наконец, были окончены работы по укреплению Азова, и, вероятно, по этому поводу Гордон был для доклада у царя, находившегося на галеасе. Окончив работы, в которых он принимал такое большое участие и об ускорении которых так старался, старый генерал 14 августа стал собираться в обратный путь, велел отвезти повозки с поклажей Бутырского и стрелецких полков к каланчам и там переправить их через Дон — всего для шести полков 1 249 повозок. В этот же день он отпустил домой водой два своих казанских солдатских полка. 15-го, пообедав у Шеина, уехал из Азова в Черкасск Петр «на барке», как говорит Гордон, т. е. на струге, а может быть, и просто в лодке. На следующий день, 16 августа, вероятно, он уже находился в Черкасске. 16-го выступили с полками из-под Азова главнокомандующий Шеин и Гордон. Последний отправился по правому берегу Дона, перейдя его у каланчей;

---

[1] Там же, № 117. Тождественное к Кревету — № 118. Число пушек, показанное в письмах Петра, больше числа, приводимого в описях князя Львова и Бахметева, на 5. Устрялов (II, 291, примечание 57) высказывает основательную догадку, что лишние пять пушек найдены после первого исчисления.

[2] Gordons Tagebuch, III, 62—63.

[3] Ibid.; Походный журнал, стр. 25. В составе этого экипажа находился, очевидно, и прежний бомбардир — составитель «Юрнала». В дальнейших отметках «Юрнала» описывается путешествие морского каравана уже без Петра, остававшегося еще в Азове.

Шеин двигался по левому. В Азове на зиму были оставлены части войск от каждого из четырех осаждавших его «полков» или корпусов: Лефорта, Гордона, Головина и Ригемана, солдаты под начальством полковников Бюста, И. В. фон Делдина, Крейча, В. В. фон Делдина, Трейдена и Мевса — в числе, считая с офицерами, 5 597 человек и стрельцы под начальством полковников Колзакова, Черного, Чубарова, Гундерт-Марка — в числе, считая с их начальными людьми, 2 709 человек — всего тех и других 8 306 человек. Была организована администрация города. Воеводой над Азовом был назначен стольник князь П. Г. Львов; в товарищи ему дан был его сын князь Иван; при них дьяки — Василий Русинов и Иван Сумороцкий [1].

XL. ВОЗВРАЩЕНИЕ ПЕТРА И ВОЙСК ИЗ-ПОД АЗОВА

17 августа Гордон подошел к Черкасску и остановился лагерем в 10 верстах от него. Он сообщает дошедшее до него известие, что в этот день были посланы приказы к боярину Б. П. Шереметеву распустить по домам стоящую под его начальством в области нижнего Днепра армию и к гетману Мазепе — явиться на свидание с царем к городку Рыбное (теперь Острогожск). 18 августа на рассвете к Черкасску подошел по левой стороне Дона боярин Шеин. В этот день царю давал обед донской атаман Фрол Миняев. После обеда был сожжен фейерверк, продолжавшийся до полуночи. 19-го Шеин переправил пришедшие с ним полки на правый берег, а 20-го сначала Гордон, а за ним Шеин двинулись правым берегом через степь, держа путь на Валуйки [2].

Петр оставался в Черкасске до 21 августа. Отсюда 20 августа он обратился к Виниусу с письмом, в котором выражал пожелание, чтобы возвращающимся в Москву военачальникам за понесенные ими двухлетние, увенчавшиеся успехом труды была оказана торжественная встреча с устройством триумфальной арки, для которой Петр, не удерживаясь от подробностей дела, предуказывает и место: у моста через Москву-реку (Каменного). Царь оговаривается, что пишет об этом не для поучения, только ввиду новости дела, только потому, что такая форма встречи — устройство триумфальных ворот — в Москве необыкновенна, никогда не бывала. «Min Her Vinius, — пишет царь. — Писма по двум почтам к нам вдрук пришли, ис каторых про первую чаели, что пропала. Генералисимус наш 16-го дня отступил ис транжамента (лагеря) и пришел в Черкаской в 17 день, а сего дни пошел в путь свой, а мы завтра, бог изволит, отсель поедем же. Еще о некотором деле предлагаю. Понеже писано есть: дастоин есть делатель мзды своея, того для мню, яко удобно к восприятию господина генералисима и протчих господ, чрез два времени в толиках потах трудившихся, триумфалными портами почтити; месту же мню к сему

---

[1] Gordons Tagebuch, III, 64; «Поход боярина А. С. Шеина» изд. Рубаном, стр. 161—168.

[2] Gordons Tagebuch, III, 65—66.

удобнее на месту, чрез Москву реку устроенном, или где лутче. Сие же пишу не яко уча, но яко помня вашей милости о сем никали там бываемым. По сих же государем моим — яко государское, господам — яко господское, знаемым — яко дружеское отдати прошу поклонение. Piter»[1]. Мысль о триумфальном вступлении войск в Москву захватывает внимание Петра; он все больше входит в подробности и вслед за приведенным письмом собственноручно пишет тому же Виниусу распоряжение об отдаче думному дьяку Автоному Иванову каких-то 2 000 шляп для обшивки, об изготовлении к стрельбе при встрече пушек и о постановке каких-то малых пушечек у триумфальных ворот: «Ізволь 2 000 шляпъ для опшивъки отдать Авътамону Іванову; такъ же ізволь ізготовить к [с]трельбѣ всѣ пушки з даволнымъ порохомъ і приставить доброва человѣка, кой бы тово дни самъ к намъ выѣхалъ і просился о стрелбѣ; также ізволь нѣсколко малыхъ пушечекъ дать къ воротомъ Мусину і в протчемъ ізволь вспомогать, что надобно будет к онымъ воротамъ. Piter»[2]. 21 августа Петр выехал из Черкасска сухим путем. В ночь с 22 на 23 августа у истоков речки Керчика, впадающей в Дон близ городка Берсеневa, его видел генералиссимус А. С. Шеин, рассказывавший об этой встрече Гордону поутру 23 августа. «Получив известие о приближении генералиссимуса, — пишет под этим числом Гордон, — я выехал к нему навстречу и сопровождал его. Он рассказал мне, что его величество последней ночью достиг истоков реки Керчика и в это утро отправился далее в Рыбное». Генералиссимус сообщил также Гордону известие о действиях запорожских казаков, которым, повидимому, поделился с ним царь[3]. Армия Шереметева летом 1696 г. держалась пассивно и не предпринимала ничего против неприятеля. Но запорожские казаки, собравшись в числе 1 500 под начальством кошевого атамана, в начале июля пустились в лодках в Черное море, проплыли незаметно мимо Очакова и стали грабить встречавшиеся турецкие торговые суда. Вдруг показались три турецких галеры. В завязавшейся битве кошевой был ранен. Казаки принуждены были обратиться в бегство, а турки в течение двух дней преследовали их, успев при этом дать знать очаковскому паше, чтобы преградили казакам дорогу в устье Днепра. Видя, что отступление отрезано, казаки решили высадиться на берег, сжечь или разбить лодки и итти домой сухим путем, а пушки и другую добычу, которую взять с собой было неудобно, оставить под прикрытием особого отряда. Стеречь добычу на острове, где ее выгрузили казаки, было оставлено 300 человек во главе с атаманом Чалым. Перебежчик, скрывшийся из казацкого отряда, взятый в прошлом году в плен и принявший христианство турок, сообщил в Очаков об отряде Чалого. Турки отправили на поиски пехоту, но пехота

---

[1] П. и Б., т. I, стр. 122.
[2] Там же, № 123.
[3] Gordons Tagebuch, III, 69.

заблудилась и не нашла места, где засел Чалый, так как остров был обширен и покрыт болотами и кустарником. Чувствуя недостаток в припасах, отряд Чалого, сев в лодки, переправился в Крым, разграбил и сжег там несколько деревень, и таким образом обеспечив себя припасами, намеревался возвратиться в Сечь сухим путем, но был окружен турецкой пехотой и конницей и, потеряв 50 человек, принужден был сдаться и отведен был в плен в Очаков [1].

После встречи с Шеиным у верховьев реки Керчика в период времени с 23 августа по 11 сентября Петр за недостатком прямых, непосредственных свидетельств о нем и за отсутствием его собственных писем как бы скрывается с наших глаз. На этот период приходится свидание его с явившимся в Рыбное гетманом Мазепой, который поднес государю в подарок драгоценную, оправленную в золото саблю и щит на золотой, украшенной алмазами, яхонтами и рубинами цепи, а сам был награжден собольим мехом, бархатом, атласом, объярью золотной и т. п. Можно думать, что при свидании гетман докладывал царю подробности об описанных выше действиях запорожцев летом 1696 г. Но когда именно состоялось это свидание, было ли оно в самом Рыбном (Острогожске) или где-либо около него, когда и каким путем Петр прибыл в Рыбное, куда он держал путь оттуда, заехал ли он опять в Воронеж, нам пока неизвестно [2]. Возвращением в Москву он не спешил, потому что Виниус предупреждал его, что триумфальные ворота в том виде, как они в Москве были проектированы, вышиной в 5, а шириною в 6—7 сажен, «по признаванию мастеров Ивана Салтанова с товарищи», ранее 18 сентября готовы быть не могут [3]. От 8 сентября Петр писал к Бутенанту фон Розенбушу, о чем узнаем только из ответа последнего. Откуда было это письмо, остается неизвестным. В своем ответе Розенбуш сообщал Петру последние заграничные новости: об уступке королю Вильгельму города Намюра, о бомбардировке союзными адмиралами французских портов и т. п. [4]. 11 сентября Петр находился на одном из тульских железных заводов — Ведменском, — куда к нему приехал на обратном пути Гордон. 30 августа Гордон и Шеин, двигаясь по степи, подошли к Валуйкам. Здесь главнокомандующий приказал собрать войска к своему разрядному шатру, объявил им милостивое царское слово за службу и служилых людей московского чина распустил по домам. Из Валуек Шеин отправился к Москве через Курск, Одоев и Крапивну, а Гордон — через Новый и Старый Оскол, Новосиль и Тулу. «11 сентября, — читаем в его дневнике, — в 10 часов

---

[1] Об этом отчаянно смелом набеге Чалого на Крым рассказывал Гордону в Москве боярин Б. П. Шереметев 15 октября 1696 г. (Gordons Tagebuch, III, 76—78); *Елагин*, История русского флота, приложение IX, № 9.

[2] Устрялов, (т. II, стр. 297) говорит о проезде Петра из Черкасска через Воронеж; но на чем это основывает, неизвестно.

[3] П. и Б., т. I, стр. 603. Ответ Виниуса на письмо Петра из Черкасска.

[4] Там же, стр. 604.

утра я приехал на железные заводы в 50[1] верстах от Тулы, где я нашел его величество и множество дворян». Припомним, что и в прошлом (1695) году, также возвращаясь из-под Азова в Москву, Петр заезжал на некоторое время поработать на Тульских заводах. Повторение, в котором нельзя не видеть свойственного его характеру консерватизма, склонности к соблюдению усвоенных привычек. По дороге к заводам или с заводов Петр писал к Лефорту, передавая известие о прибытии поручиков морского каравана в Воронеж и, в свою очередь, прося сообщить известия о вице-адмирале и шаут-бейнахте, а также об отправленном в Москву изменнике Якушке. Об этом письме узнаем из ответа Лефорта, написанного латинскими буквами на ломаном русском языке, выдающем произношение и русскую речь писавшего: «Mein Herr Commandant, — пишет Лефорт из слободы, — Саводня по утру достал твои писма; слава бог, что ты здоровой. Дай бог нам вести добры слушать от твоей милости и скоро до Москвы быть. Ты изволил писать, что порутчики пришли у Воронеж город; пора их сбирать, да поближе Москва ступать. Изволишь мне писать: есть ли вести о вице-адмирале и о шаут-бейнахте и о великой измене Якушки; надобет его побрегить (поберечь), докамест время его будет. Вчерашний день я писал письма и с капитаном князем Никитою Ивановичем Репниным до милости твоей. Компания наша рад были и все на заводе быть и хотели приготовиться, а как я видал, что Ефимовна... и Анна Ивановна не сама здорова, я велел остаться и твою милость дожидать, а если изволишь, что (б) они были на заводе, я скоро отпущу, хоть слезы многи будет. Прости, надежа мой, поклонись от меня, пожалуйста, наши приятели. А я примаю безпрестань медикамент: бог знает, надолго эта будет. Слава бог, есть лучше. Дай бог, мне твоя милость здоровай видать: еще мне лучше будет. Твой покорнейший слуга Лефорт генер. адм.»[2]. Впервые в этом письме Лефорта упоминается о принадлежащей к «компании» Анне Ивановне Монс, которая не могла приехать по болезни на заводы. С Анной Ивановной Петр и познакомился в доме Лефорта, где, по выражению Куракина, «амур первый начал быть», а Лефорт был «конфидентом интриг амурных». 14 сентября на завод приехал повидать отца сын Гордона Теодор. 16-го он представлялся царю, причем говорил ему торжественную приветственную речь с поздравлением по случаю победы и с пожеланием счастливого возвращения. 17 сентября с Ведменского завода Петр уехал на Протвинский на реке Протве, а Гордон направился в Серпухов и оттуда в имение князя Б. А. Голицына — Дубровицы. На Протвинском заводе царь работал неделю. По всей вероятности, с заводов была отправлена Виниусу собственноручная записка о высылке туда одного из членов всепьянейшего собора «архирея Палестинского» во всем уборе навстречу к при-

---

[1] Так в примечании к этой странице. В тексте 40, — вероятно, опечатка. Gordons Tagebuch, III, 73.

[2] П. и Б., т. I, стр. 605—606. Письмо Лефорта от 17 сентября 1696 г.

бывшему на заводы святейшему патриарху Иоаниките — Н. М. Зотову: «Тихану Микитичю скажи, чтоб архиерея Полестинского прислали на въстречю къ съветейшему на заводы со въсем убором». Кто был этот архиерей Палестинский — неизвестно [1]. 26 сентября Петр приехал в Дубровицы. Встретив здесь Гордона, он приказал ему итти с его полком в село Коломенское, в окрестностях которого полки и должны были дожидаться торжественного входа. 27 сентября Гордон стал лагерем с Бутырским полком у деревни Новинок, расположив остальные полки в деревнях Кожухово и Ногатино. 28 сентября Петр сам прибыл в Коломенское. Между тем приготовления в Москве были уже закончены. Ворота были сооружены; дело было за войсками, которые еще не все собрались. Не прибыл еще Преображенский полк. «28 прибыл в Коломенское его величество, — пишет Гордон. — При моем свидании с ним было решено, что наш вход состоится в среду. Поэтому Преображенскому полку были посланы приказы спешить и день и ночь». 29-го в Коломенское прибыл генералиссимус А. С. Шеин и совещался с царем о входе. Наконец, 30 сентября состоялось это торжественное вступление в Москву [2].

XLI. ТРИУМФАЛЬНЫЙ ВХОД В МОСКВУ

Триумфальные ворота были сооружены у Каменного моста, при въезде на мост из Замоскворечья. Это сооружение представляло, действительно, небывалую новость для русских людей. В нем находило выражение неведомое до тех пор на Руси, придававшей всем своим торжествам так или иначе непременно церковный характер, классическое искусство, черпавшее свои сюжеты из мифологии, из античной литературы и истории. Архитектура классического стиля с колоннами и фронтонами, статуи и другие скульптурные украшения, аллегорические изображения, надписи, высокопарные вирши и оды — все эти элементы искусства, которые будут служить для украшения официально-парадных сторон русской жизни в течение всего XVIII в., впервые нашли себе широкое применение при устройстве триумфальных «порт» 1696 г. Свод и фронтон ворот поддерживались двумя громадными статуями: с одной стороны, правой при входе из Замоскворечья, статуя Геркулеса или, описывая словами современника, «человек резной, у него в правой руке палица, в левой руке ветвь зеленая, над ним написано: «*Геркулесовою крепостью*». На пьедестале у ног Геркулеса изображены были невольники: азовский паша в чалме и два скованных нагих турка; над пашою надпись: «*Ах! Азов мы потеряли и тем бедство себе достали*»! По другую сторону — статуя Марса: «человек резной в воинском платье, в правой руке меч, в левой щит, надпись: «*Марсовою храбростью*». На пьедестале у ног Марса невольники: татарский

---

[1] П. и Б., т. I, № 124.
[2] Gordons Tagebuch, III, 73—74.

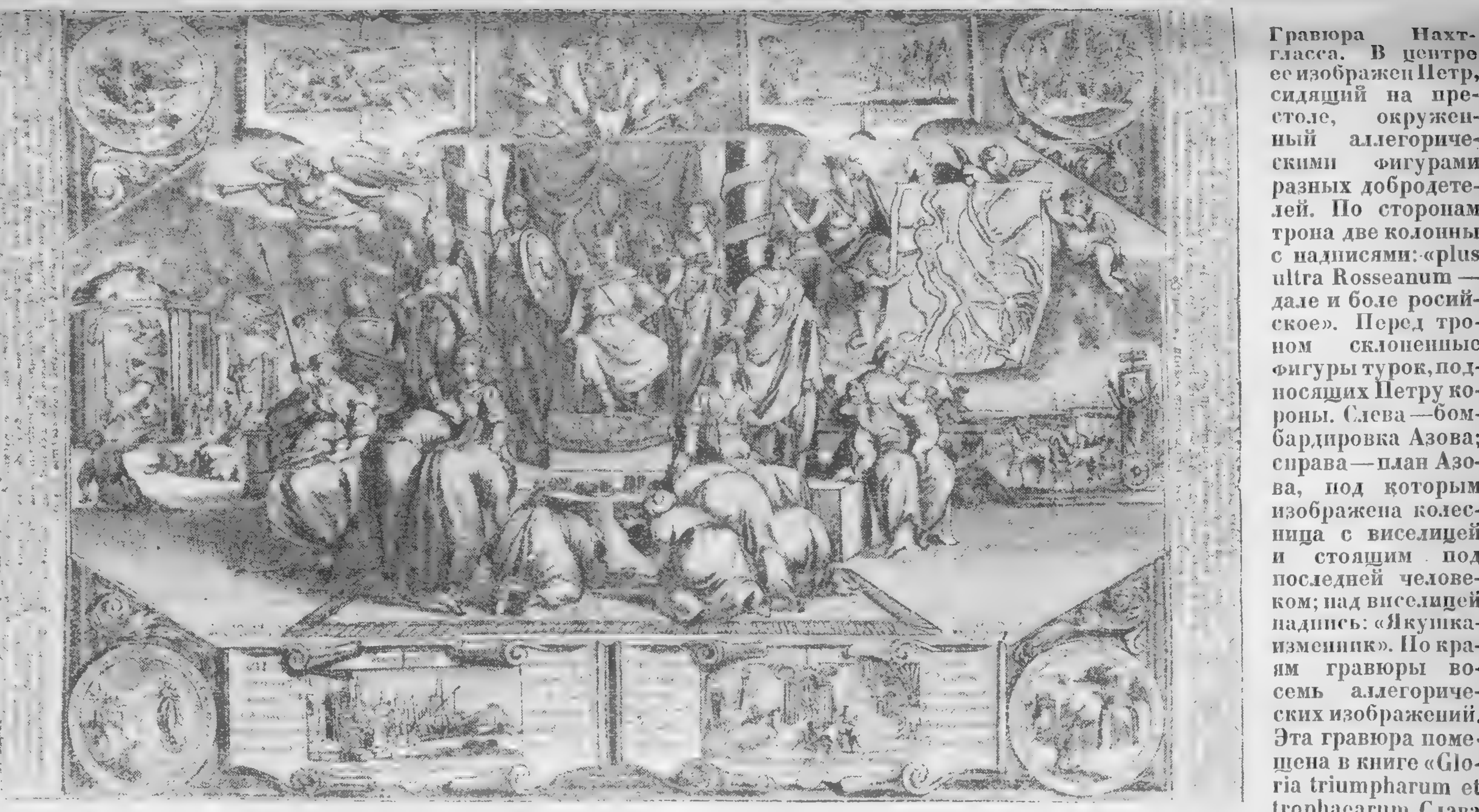

Рис. 57. Триумфальная картинка на взятие Азова

Гравюра Нахтгласса. В центре ее изображен Петр, сидящий на престоле, окруженный аллегорическими фигурами разных добродетелей. По сторонам трона две колонны с надписями: «plus ultra Rosseanum — дале и боле росийское». Перед троном склоненные фигуры турок, подносящих Петру короны. Слева — бомбардировка Азова; справа — план Азова, под которым изображена колесница с виселицей и стоящим под последней человеком; над виселицей надпись: «Якушка-изменник». По краям гравюры восемь аллегорических изображений. Эта гравюра помещена в книге «Gloria triumpharum et trophaearum. Слава торжеств и знамен побед пресветлейшего великого государя царя и великого князя Петра Алексеевича... вкратце списана стихами поетицкими. Писа Elias Копиевский духовного чину реформатские веры в Амстердаме лета от р. х. 1700 месяца октоврия 12 день».

мурза, позади него лук с колчаном, два скованных нагих татарина; надпись: «*Прежде на степях мы ратовáлись, ныне же от Москвы бегством едва спасались*». Опирающийся на эти статуи фронтон украшен был симметрично расположенной арматурой: мечами, протазанами, копьями, знаменами. Над этими украшениями возвышался двуглавый орел, увенчанный тремя коронами, с державой и скипетром в лапах. Под ним на фронтоне нарисованы были пушки, ядра и галеры, плывущие по Дону к Азову. По своду арки в трех местах надпись: «*Приидох, Видех, Победих*». На фронтоне надпись: «*Бог с нами, никто же на ны, никогда же бываемое*». С фронтона слетала крылатая слава — «написан человек с крылами, у него в правой руке венец лавровый, в левой руке ветвь зеленая. Под ним подписано: «*Достоин делатель мзды своея*» (слова, взятые из письма Петра к Виниусу). В самых воротах висел зеленый венок, от которого спускались в обе стороны тканые золотом шпалеры: на одной надпись: «*Возврат с победы царя Константина*», на другой: «*Победа царя Константина над нечестивым царем Максентием римским*». Перед каждой из поддерживавших фронтон статуй поставлено было по пирамиде, перевитой зелеными ветвями. На пирамиде перед статуей Геркулеса надпись: «*В похвалу прехрабрых воев морских*», на пирамиде перед статуей Марса: «*В похвалу прехрабрых воев полевых*». По сторонам ворот к мосту протянуты были картины на полотне. На одной от статуи Геркулеса написан был приступ к Азову и бой морской с галер; надпись: «*На море турки поражены оставя Москве добычу, корабли их сожжены*». В море изображен был Нептун: «человек, словущий бог морской, коего называют Нептуном, на звере морском, походит на китовраса, в руках острога да весло, а от него подпись: «*Се и аз поздравляю взятием Азова и вам покоряюсь*». На краю картины изображена была воткнутая на кол голова в чалме, под нею подпись: «*Глава азовского паши*». В сторону от Марса картина изображала: «*Воинских людей бой с татары и приступ к Азову*»; надпись: «*Москва агарян побеждает, на многие версты прехрабро прогоняет*». На краю картины также голова на коле с подписью: «*Голова Дулак-мурзы*». Перила моста были убраны персидскими коврами. Основная идея ворот — прославление «воев морских» и «воев полевых»; к этому прославлению и привлечены были мифологические боги. Классический стиль ворот нарушался, впрочем, не особенно, вероятно, изящными изображениями турок и татар и воткнутых на колья голов в чалмах, но к немалому, надо полагать, удовольствию зрителей.

Войска, собравшись на лугах под Симоновым монастырем, двинулись оттуда в 9 часов утра через Серпуховские ворота. Процессия растянулась на многие версты и была великолепна и, вероятно, интересна для стекшейся смотреть ее толпы. Шествие открывал отряд конюшенного чина: 9 всадников, за ними вели «лошадь простую с седлом смирным, на седле палаш». Затем опять 9 всадников и за ними конюший с пищалью. В карете о 6 вороных лошадях ехал Н. М. Зотов, державший в одной руке

саблю, в другой щит, подаренные Мазепой, сопровождаемый бывшими в походе дьяками и певчими. За каретой Зотова вели шесть нарядных оседланных лошадей. Следовали в карете генерал-комиссар Ф. А. Головин и кравчий К. А. Нарышкин, за ними везли две пустых коляски. Далее вели «конюшню» адмирала — 14 нарядно оседланных лошадей, за лошадьми две его пустых коляски, запряженные каждая шестью лошадьми, затем украшенные золотом сани о шести темносерых «изрядно уряженных» лошадях, в которых сидел адмирал Лефорт, окруженный пешим конвоем копейщиков. Лефорт, все еще страдавший от незаживше раны, ехал в таком необычном экипаже, чтобы не испытывать толчков в колесном экипаже. В санях же он ехал в августе месяце в Москву из-под Азова. За адмиралом шел морской караван и перед ним «Большой Капитан» — Петр — в черном немецком платье с белым пером на шляпе и с протазаном в руках. Идя пешком за санями Лефорта, Петр совершил весь путь через Москву от Симонова монастыря до Преображенского. За морским караваном шли вице-адмирал и шаут-бейнахт. Перед триумфальными воротами Лефорт вышел из саней и в ворота прошел пешком. При его входе в ворота стоявший на них Виниус приветствовал его стихами, прославлявшими подвиги «морских воев» и мужество и труды «командора» — Петра, произнося стихи в трубу (рупор).

Генерал, адмирал! морских всех сил глава,
Пришел, зрел, победил прегордого врага,
Мужеством командора турок вскоре поражен,
Премногих же оружий и запасов си лишен,
Сражением жестоким бусурманы побеждены,
Корысти их отбиты, корабли запаленны.
Оставшие ж ся в бегство ужасно устремиша
Страх велий в Азове и всюду расшириша,
По сих их сила многа на море паки прииде,
Но в помощь град Азов от сих никто же вниде,
Сие бо возбранила морских ти воев сила
Их к здаче град Азов всю выю наклонила,
И тем бо взятием весело поздравляем,
Труды же командора триумфом прославляем.

Приветствие сопровождалось пушечным салютом, произведенным по данному знаку из «большого наряда» — крупной артиллерии, расположенной на Бархатном дворе. Адмирал сел в сани, и процессия двинулась дальше. К воротам приближалась вторая ее часть — «Большой полк» генералиссимуса Шеина. В предшествии литаврщиков и трубачей несли значок боярина Шеина; ехали 30 всадников в панцырях, за ними пустая карета о 6 лошадях и при ней двое карлов, затем конюший и 8 нарядных оседланных лошадей, хор музыкантов: зурны, набаты, накры, две роты трубачей, государево знамя с изображением «нерукотворенного Спаса», конвоируемое солдатами с копьями, у знамени верхом стольник и воевода князь Б. С. Львов, за знаменем карета о 6 лошадях, в ней два священника и два дьякона в облачениях везли образ «Спаса» да «животворящий крест». За каретой

с образом ехал верхом «Большого полку ближний боярин и воевода», около него шесть человек с палашами, за ним его свита: завоеводчики, дьяки, бывшие в его полку, и его слуги. Когда воевода приблизился к воротам, Виниус таким же порядком сказал ему в трубу приветствие.

О Великий Воевода! Тя мы восхваляем,
Преславные твои дела повсюду расширяем.
Радуйся, Полководче! Агарян победивый,
Полки татар и турок прехрабро прогонивый,
Где ныне гордость их, яже в высость восходила,
Во все три части мира пространно расширила.
Преполная луна у них се ныне ущербляет,
Взятием бо Азова весьма ся умаляет:
Желаем же прилежно, как ныне побеждал,
И в будущее б лета Измаил упадал:
Преславное же воинство победы одержали,
С такими ж радостями в свояси возвращали,
Прехвальные те дела прияли достоинства,
И двалетные труды всего преславна воинства:
Сими враты победны повсюду расширяем
И подвиги прехрабры триумфом прославляем.

Приветствие сопровождалось такой же пальбой из пушек, как и приветствие адмиралу. За Шеиным и свитой двигался начальник артиллерии стольник Иван Никифоров Вельяминов-Зернов, далее солдаты с карабинами волокли по земле 16 турецких взятых в Азове знамен, а за знаменами вели связанного платками по рукам пленного татарина Аталыка. За пустой коляской и шестью оседланными лошадьми ехал генерал А. М. Головин с своими завоеводчиками; за ними Преображенский полк, вооруженный копьями и мушкетами. За Преображенским полком везли в телеге на четырех лошадях изменника Якушку. На телеге сделан был тесовый помост, на нем виселица и две плахи, а в плахи «воткнуто по обе стороны два топора, два ножа повешены, два хомута, десять плетей, двое клещей, два ремня. А Якушка в турецком платье, голова в чалме обвита по-турецки, руки и около поясницы окован цепями, на шее петля», на груди доска с надписью: «*Злодей*»; на перекладине виселицы надпись: «*Переменою четырех вер богу и изменою возбуждает ненависть турок, христианам злодей*». Над головой висело изображение полумесяца и звезды с надписью: «*Ущерб луны*». У плах на помосте стояли два заплечных мастера из Стрелецкого приказа. Везли Якушку мимо триумфальных ворот «для того, — как замечает современное описание процессии, — что он за многое свое воровство и измену в триумфальные ворота везть недостоин». Этот номер процессии рассчитан был на грубые чувства толпы, и вообще в столь бережном провозе Якушки на громадное расстояние от Азова до Москвы, о чем вели речь царь с адмиралом, как и в этом включении изменника в процессию, видно жестокое удовольствие от предвкушения его мук и казни, свидетельствующее о грубых нравах организаторов процессии. За телегой

Рис. 58. Календарный лист 1696 г.

Одно из изображений этого листа (в нижнем ряду второе слева направо) посвящено взятию Азова русскими войсками, из чего видно, что в Западной Европе придавали этому событию большое значение. На гравюре изображено триумфальное шествие Петра в колеснице, запряженной четырьмя конями; за ним везут на подвижной виселице матроса Я. Янсена, а впереди ведут турецких пленников.

изменника шел Семеновский полк во главе с полковником Чамберсом; далее цесарские и бранденбургские инженеры, Франц Тиммерман с корабельными мастерами и плотниками, стрелецкие полки корпуса Головина полковников Озерова, Воронцова, Мартемьяна Сухарева, Бутурлина. Последнее отделение процессии составляли полки корпуса Гордона. Впереди, предшествуемый своей конюшней, шел пешком сам генерал, при нем несли его значок, затем шли солдаты «в турецком белом платье, головы повиты платками турецкими», за генералом его Бутырский полк, затем стрелецкие полки: Стремянной Конищева, Елчанинова, Кривцова, Протопопова и Михаила Сухарева. По сторонам улиц, где двигалась процессия, были выстроены стрельцы, которые отдавали честь высшим военным чинам, производя стрельбу из ружей. «Шествие, — говорит Лефорт в своем письме за границу с описанием процессии, — продолжалось с утра до вечера, и никогда Москва не видала такой великолепной церемонии» [1]. От триумфальных ворот процессия направлялась через мост, вступала в Белый город через Всесвятские, а в Кремль через Троицкие (Предтеченские) ворота. Из Кремля полки распускались по домам. Вечер Петр провел у Лефорта вместе с офицерами морского каравана [2]. Большие торжества были отложены ввиду болезни Лефорта. День закончился некоторым столкновением между царем и главнокомандующим. Главнокомандующий забрал к себе в дом пленного татарина Аталыка и отобранные у турок знамена. Вечером, рассказывает Гордон, царь прислал за знаменами, требуя их к себе. Шеин отказался их выдать. Царь присылал второй раз, но также безрезультатно, и только на третий раз, получив строгое внушение, Шеин согласился их выдать [3].

XLII. МЫСЛЬ О ЗАГРАНИЧНОМ ПУТЕШЕСТВИИ

В предыдущем, 1695, году после неудачной попытки овладеть Азовом или, как сам Петр выразился, «от невзятия Азова», он возвращался в Москву с отчетливым сознанием причин неудачи и с планами действий для ближайшего будущего, с решением обзавестись флотом, без которого нельзя было взять Азова, с решением, которое с необычайной энергией и было приведено в исполнение зимой 1695/96 г. Точно так же и в 1696 г., на этот раз после счастливого взятия Азова, Петр возвращался в Москву с новыми планами, которые затем стали с той же энергией исполняться. Две идеи его теперь захватили: постройка большого военного флота для Азовского моря и поездка за границу. Подготовка к осуществлению этих идей становится главным предметом его деятельности в последние три месяца 1696 г.

---

[1] *Posselt*, Lefort, II, 352—353.

[2] Ibid., II, 355.

[3] Описание ворот и процессии см. «Поход боярина А. С. Шеина»; *Желябужский*, Записки, стр. 43—44; Gordons Tagebuch, III, 74.

Что мысль о большом флоте созрела уже под Азовом, на это указывает предпринятое в последних числах июля плавание к Таганрогу для выбора гавани, удобной для будущего флота. Со своей стороны решение завести большой флот влекло за собой ряд последствий. Для постройки надо было вновь выписывать из-за границы знающих мастеров и плотников; свои этого дела не знали, своих мастеров не было. Приходилось обращаться с просьбами в чужие государства. Как раз в грамоте от 11 июля 1696 г. к венецианскому дожу московское правительство, извещая его о ходе военных действий под Азовом, просило дожа прислать в Москву «тринадцать человек добрых судовых мастеров, которые б умели делать и строить всякие морские воинские суды», обещая этим мастерам милостивое жалованье, государское призрение и свободный отпуск в случае их желания воротиться во-свояси [1]. Не всегда эти просьбы исполнялись: выписка иностранцев сопряжена была с затруднениями и промедлениями. Являлась поэтому мысль не только прибегать в кораблестроении к выписке иноземцев в Россию, а послать своих русских людей за границу для приобретения тех знаний, которые приносились иноземцами, в страны, славившиеся своими флотами: в Венецию, Голландию. Для большого флота потребуются также сведущие морские офицеры; импровизированные моряки 1696 г. из преображенцев и семеновцев, из которых был набран экипаж для галерного флота, едва ли всегда стояли на высоте выпавшей на их долю новой задачи. За границей можно было пройти специальную морскую подготовку. Но Петр сам был страстный моряк и кораблестроитель. В последнем Азовском походе он был капитаном, командовавшим галерой, и командиром, командовавшим отрядом галер, и, вероятно, на опыте убедился в недостатке своих сведений для этих обязанностей и чувствовал потребность поучиться морскому делу. Но если он при виде других людей, работающих над постройкой корабля, не мог оставаться спокойным и рука его инстинктивно хваталась за топор, то мог ли он оставаться равнодушным, когда другие, его сверстники, поедут учиться навигации и кораблестроительному искусству и, возвратясь, будут знать и уметь в страстно любимых им делах более, чем он? Мог ли он, такой старательный и прилежный работник, такой охочий к ученью, оставаться позади других в этом соревновании? И вот явилась мысль самому ехать в чужие страны учиться морскому делу. Так по крайней мере объясняет нам зарождение мысли о заграничной поездке сам Петр в составленном под его редакцией и при его непосредственном авторском участии много лет спустя предисловии к Морскому регламенту, и это объяснение дышит искренностью и правдой. «Всю мысль свою, — писал в нем Петр, — уклонил для строения флота, и когда за обиды татарские учинилась осада Азова и потом оный счастливо взят, тогда по неизменному своему желанию не стер-

[1] П. и Б., т. I, № 104.

пел долго думать о том: скоро к делу принялся. Усмотрено место, к корабельному строению угодное на реке Воронеже, под городом того же имени, призваны из Англии и Голландии искусные мастера и в 1696 началось новое в России дело: строение великим иждивением кораблей, галер и прочих судов. И дабы то вечно утвердилось в России, умыслил искусство дела того ввесть в народ свой и того ради многое число людей благородных послал в Голландию и иные государства учиться архитектуры и управления корабельного. И аки бы устыдился монарх остаться от подданных своих в оном искусстве и сам восприял марш в Голландию, и в Амстердаме на Остиндской верфи, вдав себя с прочими волонтерами своими в научение корабельной архитектуры, в краткое время в оном совершился, что подобало доброму плотнику знать, и своими трудами и мастерством новый корабль построил и на воду спустил»[1].

Были, может быть, и другие мотивы поездки, присоединившиеся к этому основному и главному, открытому нам самим Петром. Петра с юности стала манить Немецкая слобода. Этот маленький западноевропейский мирок с возрастом все более будил в нем интерес к большому западноевропейскому миру, которого слобода была только слабым и бледным отражением. Рассказы друзей-иностранцев подогревали этот интерес. В годы азовских войн Петр, несомненно, следил уже за событиями в Западной Европе. Еще не вполне войдя в курс внутренних государственных дел, он знакомится уже с этими событиями по докладам Посольского приказа, по осведомляющим его письмам друзей — Виниуса и Розенбуша, по разговорам с иноземцами, получавшими известия о ходе дела в Европе и не порывавшими связей со своими странами. У Петра были там свои симпатии и антипатии, свои герои, как Вильгельм английский, свои враги, как Людовик XIV и французы. Великая война коалиции, в которую входили Англия, Голландия и Империя против Людовика XIV, особенно привлекала его внимание. Она, надо сказать, острее задевала Россию и больнее давала себя чувствовать материальным интересам русского государства, чем это может показаться с первого взгляда, и затрагивала Россию именно с той стороны, которая была наиболее близка и понятна Петру и которая должна была производить на него сильное впечатление. Война вредила архангельской морской торговле: летом 1696 г. вследствие каперских действий французского флота в Архангельск не пришло ни одного голландского корабля[2]. Может быть, в Петре говорило желание взглянуть самому на этот мир, о котором он так много слышал и которым так интересовался. Но все эти возможные мотивы были не более, как дополнительными звуками главного — стремления учиться кораблестроению.

Выдвигались препятствия. Путешествие царя за границу, кроме

---

[1] *Устрялов*, История, т. II, приложение I, стр. 400.
[2] *Posselt*, Lefort, II, 364—365.

походов в завоеванные у неприятелей земли во время войны, что имело место при царе Алексее, было делом в русском государстве небывалым. Ехать государю в качестве простого плотника — дело и ни в одном государстве небывалое! Но воля Петра не знает никаких препятствий; это — бурный весенний поток, ломающий и сносящий всякую преграду. Притом немало было уже сделано дел для русского государя необычных: надеть немецкий кафтан и парик, ездить в Немецкую слободу, дружить там с иноземцами, самому работать топором над постройкой кораблей, плавать по Белому и Азовскому морям, служить бомбардиром и капитаном, издеваться над церковной иерархией в веселой компании. Заграничная поездка была не первым странным, поражающим умы современников поступком молодого царя; она должна была рассматриваться наряду с другими его странными делами; разумеется, она могла удивлять их больше, произвести более сильное впечатление, вызвать более резкое осуждение. Но Петр решительно не хотел знать этих впечатлений и осуждений и считаться с ними; они для него не существовали. Раз захотелось ехать, поездка тем самым была решена, что бы ни говорили и как бы ни изумлялись вокруг. Оставалось только найти ту или другую форму для такого путешествия, но это уже деталь, вопрос второстепенный и несущественный. Форма, вероятно, не без содействия Лефорта, была найдена в виде торжественного посольства к европейским державам. Момент для такого посольства был подходящим. Со взятием Азова война с турками вступала в острый фазис; чувствовалась необходимость подтвердить прежний союз против турок и, может быть, усилить его присоединением новых держав. Что мысль о торжественном посольстве созрела также под Азовом, это вполне доказано Поссельтом по письмам Лефорта. Уже 25 сентября, в то время как Петр на пути к Москве из Азова работал на тульских оружейных заводах, Лефорт, не видавшийся с царем со времени разлуки под Азовом, пишет из Москвы своей матери в Женеву о предположенной заграничной поездке, когда он надеется повидать мать. К поездке в Голландию Лефорт возвращается и в следующем письме к брату от 9 октября. Он поедет в высоком чине, предоставляющем ему возможность раздавать при своей особе места другим, его будут сопровождать русские знатные люди. «Не знаю, с каким титулом он поедет, — сообщает туда же в Женеву его племянник Петр Лефорт, — с ним поедут некоторые князья этой страны... Я надеюсь, что он даст мне какую-нибудь должность» [1]. Лефорт намечался уже, как глава великого посольства.

Итак, в Москву в триумфальном входе 30 сентября 1696 г. Петр вступил, неся две идеи: о постройке флота для Азовского моря и о заграничном путешествии. В Москве он занялся разработкой этих планов.

---

[1] *Posselt*, Lefort, II, 368—369.

XLIII. ВОПРОСЫ О ЗАСЕЛЕНИИ АЗОВА И О ПОСТРОЙКЕ ФЛОТА

Внешние обстоятельства его жизни за последние месяцы этого года освещаются источниками очень тускло. Он жил в Преображенском. 1 октября, на другой же день по возвращении из Азовского похода, Петр был у патриарха Адриана, который, как можно думать, сочувствовал походу против «врагов креста христова» и интересовался им и которого Петр держал в курсе дела через письма. Возможно, что целью посещения патриарха было желание лично сообщить ему о славном окончании кампании; возможно также, что Петр желал испросить патриаршего благословения на намеченные планы. Документы сохранили нам некоторые подробности этого визита. Перед государем приходил к патриарху боярин А. С. Шеин, также по случаю возвращения в Москву из похода: «как он приехал в Москву с службы из Азова, по взятии города Азова». Патриарх принял его в своей Крестовой палате и после беседы благословил его образом Спасителя. Вслед за ним к вечеру «великий государь Пётр Алексеевич изволил быть у патриарха и сидеть в Столовой палате с последнего часа дневных часов до другого часа ночи до последней четверти». Прощаясь с государем, патриарх также благословил его иконою Спасителя. «Святейший» угощал государя яблоками, для чего в тот день были куплены в Яблочном ряду у торговца Ивана Васильева 50 яблок «самых добрых больших наливу за 4 рубля»[1]. 7 октября был казнен в Преображенском с такой бесчеловечной жестокостью привезенный для этого из Азова изменник Якушка. «И вор изменник Якушка, — записывает Желябужский, — за свое воровство в Преображенском пытан и казнен октября в 7 день. А у казни были князь Андрей Черкасский, Федор Плещеев: руки и ноги ломали колесом и голову на кол воткнули»[2]. Кровавое зрелище, конечно, собрало большую толпу зрителей и можно предполагать с достоверностью, что в числе зрителей был и Петр. Вечером того же дня, или, может быть, в ночь на 8-е царь отправился к Троице, куда прибыл утром 8 октября уже после обедни, к молебну. Об этой поездке к Троице также говорит в своих записках Желябужский: «И после того (т. е. казни Якушки) великий государь... изволил итти в поход к Троице в Сергиев монастырь; а изволил притти в монастырь октября в 8 день после обедни, к молебну». Эта троицкая поездка Петра 8 октября должна была быть памятна Желябужскому, потому что именно в эту поездку царя родичи составителя «Записок», стольники Василий Тимофеев и сын его Семен Васильев Желябужские, в тот момент, когда Петр входил в «святые» ворота монастыря, подали ему челобитную с жалобой на А. М. Апраксина в том, что он, Андрей, избил их, Желябужских, 18 прошлого августа

---

[1] *Забелин*, История города Москвы, изд. 2-е, стр. 549.
[2] *Желябужский*, Записки, изд. Сахаровым, стр. 44.

под деревней Филями в том конском табуне, который пригнали на продажу к Москве калмыки. Петр, приняв челобитную, велел расследовать дело, «розыскать» князю Ф. Ю. Ромодановскому в Преображенском приказе. Этот эпизод, разумеется, живо обсуждался в семье Желябужских и должен был запомниться автору записок. Дело было впоследствии Желябужскими выиграно. По докладу Ромодановского, Петр велел решить его крестоцелованием, но Апраксин к кресту не явился и, кроме того, Желябужским удалось доказать, что сказка, поданная Апраксиным по делу, т. е. представленное им объяснение, было ложно. По новому докладу Ромодановского в Преображенском, Петр, выступавший в этом случае в качестве судьи, приговорил Апраксина за нанесенные Желябужским побои к уплате им двойного оклада их жалованья, а за подачу ложной сказки к битью кнутом нещадно. По ходатайству сестры обвиняемого, царицы Марфы Матвеевны Апраксиной, и также Лефорта от последнего наказания Андрей Апраксин был избавлен, бить кнутом велено было только участвовавших с ним в нападении на Желябужских его людей, а Желябужским должен был заплатить 737 рублей с полтиной, да Лефорту «за его заступление», не без злорадства, хотя, может быть, и не совсем достоверно, прибавляет автор записок, дал 3 000 рублей. Дело это, по словам Желябужского, замечательно еще тем, что послужило поводом для Петра издать 21 февраля 1697 г. указ об отмене состязательного процесса и о ведении всех дел следственным процессом [1].

14 октября Петр заходил вечером к Гордону, попал к нему как раз в тот день, когда Гордон, собрав несколько соотечественников, остававшихся верными королю Иакову, праздновал с ними день рождения «королевского регента», причем пили за здоровье короля Иакова. Петр пришел в 5 часов вечера, вероятно, уже после этих тостов, едва ли ему, стороннику короля Вильгельма, приятных. 19 октября вечером он посетил вдову генерал-майора Менезиуса [2]. 20 октября состоялось важное заседание Боярской думы по вопросам, которые тогда всего более занимали Петра: о заселении Азова и, главное, о постройке большого флота для Азовского моря, о судостроительной программе, как бы мы теперь сказали. Так как это последнее дело должно было потребовать громадных средств от народа и сопряжено было со введением новых повинностей, то Петр счел необходимым заручиться боярским советом и установление повинностей, всегда неприятное для плательщиков, облечь в форму не единоличного царского указа, а боярского приговора. О месте заседания, как и о составе его, нет известий. К заседанию царь приготовил особую записку с изложением вопросов, подлежащих рассмотрению и решению

---

[1] *Желябужский*, Записки, изд. Сахаровым, стр. 44—46; см. П. С. З. № 1572. Ср. *Кавелин*, Основные начала русского судоустройства и гражданского судопроизводства, собр. соч., т. IV, стр. 402; *Дмитриев*, История судебных инстанций, 541.

[2] Gordons Tagebuch, III, 76, 78.

собрания. Записка касается двух основных пунктов: заселения Азова и постройки флота. Оба пункта развиты и мотивированы, и эта работа исполнена самим Петром, говорящим в ней от себя в первом лице; слог и приемы рассуждений и доказательств те самые, которые впоследствии будут применяться в многочисленных его собственноручных или им непосредственно диктуемых указах. Записка сохранилась в копии, носит заглавие «Статьи удобные, которые принадлежат к взятой крепости или фартецыи от турок Азова» 1696 года октября 20, и состоит из двух статей. В первой читаем: «Понеже оная (т. е. крепость) розорена внутри и выжена до основания, также и жителей фундоментальных нет, без чего содержатися не может, и того для требует (т. е. крепость) указу, кого населить, и много ли числом, и жалованья всякая откуды» [взять?]. Вторая статья развита подробнее и представляет рассуждение о необходимости не ограничиваться только отстройкой и заселением Азова, но и построить флот. Если ограничиться только восстановлением Азова, то это не будет еще угрозой ни для турок, ни для татар: пехота не будет в силах, выходя из Азова, перенимать набеги татар или «делать поиски» в Крым, а конницы в таком большом числе, чтобы она могла пресекать эти татарские набеги, содержать в Азове нельзя. Неприятель же, видя, что мы не можем удерживать его ни пехотою, ни конницей, возгордится попрежнему и будет нападать еще сильнее: «паки прежнею гордостию взнявся, паче прежнего воевати будет». И наши двухлетние труды, кровь и убытки пропадут даром, окажутся всуе положенными. При таких обстоятельствах не только нельзя помышлять о погибели неприятелей, но даже и получить от них желаемого мира. Но если только есть желание от всего сердца порадеть о защите единоверных и приобрести себе бессмертную память одним — напряженной работой по изготовлению всего необходимого для войны, другим — непосредственным участием в войне, проливая кровь и побеждая неприятелей («овым непрестанным трудом в приготовлении потребных вещей, иным же пролитием крови и победой над неприятелем»), — то момент теперь для этого самый удобный, фортуна нам благоприятствует на юге, как никогда; счастлив, кто за нее ухватится («понеже время есть и фортуна сквозь нас бежит, которая никогда так к нам блиско на юг не бывала: блажен, иже иметца за власы ее»). И если это так, то лучше всего воевать морем и близко к татарским владениям и во много раз удобнее, чем сухим путем, о чем писать пространно не стоит, потому что многие знающие люди сами могут засвидетельствовать справедливость этих соображений. Но для этой цели нужен флот силою в 40 и более судов, и надо решить немедленно, где, сколько и каких судов строить и как разложить эту повинность по крестьянским дворам и купеческим торгам. («И аще потребно есть сия, то ничто же лутче мню быть, еже воевать морем, понеже зело блиско есть и удобно многократ паче, нежели сухим путем, о чем пространно писати оставляю многих ради чесных искуснейших лиц,

иже сами свидетели есть оному. К сему же потребен есть флот или караван морской, в 40 или выше судов состоящей, о чем надобно положить, не испустя времени, сколко каких судов и со много ли дворов и торгов, и где делать?»).

Против текста статей записки помещен и приговор по ним Боярской думы. Приговорено было по первой статье для заселения Азова перевести туда 3 000 пехотинцев с семьями из низовых городов ведомства приказа Казанского дворца и положить 3 000 пехотинцам денежного жалованья из приказа Большой казны по 5 рублей человеку в год, хлебного жалованья по 6 четвертей муки ржаной, по 2 четверти овса на семью в год. Кроме пехоты, быть в Азове коннице из калмыков в числе 400 человек, положив им также по 5 руб. человеку в год; хлебного жалованья им не обещать, но если будут о нем просить, то снестись предварительно с азовским воеводой. На вторую статью пока только ограничились принципиальным решением общего вопроса о постройке флота: «морским судам быть». Но без справки о числе крестьянских дворов за землевладельцами и о деньгах купечества, по которым должна была быть разверстана корабельная повинность, нельзя было решать вопроса о числе кораблей, и поэтому было постановлено затребовать незамедлительно, «не замотчав», справок о числе крестьянских дворов, что за духовными и за всяких чинов людьми, а также представить сведения из таможенных книг о торговых людях, сколько и с каких промыслов взято с них за последние три года: в 202 (1693/94), в 203 (1694/95) и в 204 (1695/96) годах пятой и десятой деньги. Окончательное решение вопроса о судостроении было отложено до следующего заседания.

За двухнедельный промежуток времени между двумя заседаниями думы, пока соответствующие приказы заняты были изготовлением требуемых справок, у нас есть несколько кратких заметок о Петре в дневнике Гордона. 22 октября Гордон виделся с царем в Преображенском и разговаривал с ним. 25-го царь был у Л. К. Нарышкина на Филях. 29-го он в компании обедал в Преображенском у думного дьяка Автонома Иванова. Под 30 октября Гордон заметил, что привезены были в слободу пушки, чтобы палить из них на празднестве, назначенном у Лефорта. Этим пиром в доме Лефорта 1 ноября начался ряд празднеств по случаю возвращения из-под Азова, отложенных за болезнью адмирала. За обедом у Лефорта, как он сообщал об этом родным за границу, было 200 человек, после обеда были танцы и фейерверк; все это сопровождалось, конечно, неизбежною пушечной пальбой. Гордон вернулся с этого праздника в 3 часа ночи и, по обыкновению, весь следующий день был болен [1].

4 ноября происходило второе упомянутое заседание думы по предложенным Петром вопросам о восстановлении Азова и о судостроении. Заседание происходило в Преображенском. Гордон

[1] Gordons Tagebuch, III, 78—79; *Posselt*, Lefort, II, 356.

называет его the Cabinet Counsell — совет кабинета, и это дает основание предполагать, что в нем принимали участие члены думы, стоявшие во главе приказов. Такой характер собрания членов правительства дума и вообще имела во второй половине XVII в. Но неслыханной ранее новостью было участие в этом заседании иностранца Гордона, приглашенного в качестве военного специалиста. На этот раз доложена была справка о количестве крестьянских дворов за духовными и светскими землевладельцами и расчет, на сколько дворов следовало возложить постройку одного корабля. Совет решил назначить срок для постройки кораблей двухлетний — к апрелю 1698 г. За этот период времени духовные землевладельцы — патриарх, архиереи и монастыри — должны были выстроить с каждых 8 000 состоявших за ними крестьянских дворов по кораблю с полным снаряжением и вооружением: «со всею готовостию, и с пушками, и с мелким ружьем». Землевладельцы служилого чина должны были выстроить к тому же сроку по кораблю с каждых 10 000 дворов. Таким образом, на общество налагалась новая натуральная повинность постройки и содержания построенных военных кораблей. Повинность именно состояла не в том только, чтобы строить, но и в том, чтобы содержать построенные корабли. Если бы какому-либо из выстроенных кораблей учинилась от каких-либо причин гибель, то строивший его землевладелец или группа землевладельцев обязаны были изготовить на его место другой, такой же. Конец приговора думы оборван, и нельзя видеть, о каких подробностях шла речь далее; но, судя по записи о заседании в дневнике Гордона, можно заключить, что далее говорилось о привлечении непосредственно к постройке кораблей только крупных землевладельцев, за которыми за каждым было не менее 100 дворов. Землевладельцы, владевшие каждый менее, чем 100 дворами, от непосредственного участия в постройке флота освобождались, и для них натуральная повинность заменялась денежным взносом по полтине со двора [1].

[1] Эти землевладельцы могли иметь 100 дворов в разных уездах; принималась во внимание общая сумма. Исключение составляли низовые уезды, а также уезды: Арзамасский, Нижегородский, Шацкий, Мещовский и Касимовский. Землевладельцы, которые владели в этих уездах менее, чем 100 дворами, но у которых были имения еще в «верховых городах», так что общая сумма дворов у них могла быть и больше 100, в разряд крупных, однако, не вносились, а с их арзамасских, нижегородских, шацких, мещовских и касимовских имений велено было брать работников — «деловцов» — для постройки юго-восточных укрепленных линий — «черт»: Саранской, Симбирской, Пензенской, Инсарской, Ломовской (*Устрялов*, История, т. II, стр. 500, указы от 9 и 11 декабря). У кого из землевладельцев число дворов после зачисления их в разряд крупных вследствие разных сделок с имениями окажется менее 100, тех из разряда крупных не исключать (указ 14 января 1697 г.; *Елагин*, История русского флота, приложение III, № 14). Позже, указом 1 марта 1697 г., данным почти накануне отъезда Петра за границу, велено было зачислить в кумпанства духовных и светских землевладельцев, за которыми «*по девяносту дворов и больше*», т. е. у которых очень немного нехватало до 100 дворов, «а полтинных денег и хлебных припасов с них не имать и у стругового дела не быть» (Арх. мин. юст., Приказные дела, кн. № 5088/58, л. 21 об.).

Было решено, далее, послать весной 20 000 человек служилых людей из украинных городов строить в Таганроге город и гавань. Сроками сбора им назначено 1 марта в Валуйке и 1 мая в самом Таганроге. Повидимому, вопрос о постройке кораблей купечеством в этом заседании не решался. Гордон по крайней мере молчит об этом пункте, и указ, определяющий участие купечества в постройке, появился уже позже, в декабре 1696 г. По всей вероятности, не были еще готовы необходимые справки — выписки из таможенных книг — работа более сложная, чем выписки о дворах из переписных книг 1678 г. В этом же заседании дума вернулась к своему приговору 20 октября о заселении Азова и несколько изменила и дополнила его, прибавив к 3 000 семьям переселенцев из низовых городов еще 3 000 московских стрельцов и солдат, установив жалованье стрельцам такое же, какое они получают в Москве, а солдатам по полуосмине (1/4 четверти) муки на человека, круп и толокна по четверику (1/8 четверти) на 10 человек в месяц с тем, чтобы собирать хлебные запасы для стрельцов с городов, близких к Воронежу, а для солдат — с городов Белгородского разряда. Пока же совершится заселение Азова, «покамест город Азов не нажилен будет переводными семьями», держать там стрельцов и солдат 6 000 человек [1].

Приговорами думы 20 октября и 4 ноября предпринималась необычайно важная и смелая реформа, и Петр, едва ли даже сознавая весь объем производимой этим решением реформы, становился крупным преобразователем. Его занимала, разумеется, тянувшаяся война с турками и татарами, которую он желал вести решительнее и для которой наиболее подходящим оружием он считал флот. Но, заводя значительный флот на завоеванном море, Россия из сухопутной державы превращалась в морскую. Идея флота была не нова: попытки в этом направлении делались и раньше, при царе Алексее, и Петр впоследствии вспоминал о них в предисловии к Морскому регламенту; но тогда это были только неудачные попытки. Теперь дело становилось на широкую ногу, получало крупный размах. Воронежский галерный флот из 2 галеасов и 27 галер, выстроенный в зиму 1695/96 г., был только вспомогательным средством для осады Азова; ему ставилась узкая, определенная задача: загородить Азов с моря. Теперь шла речь о военном флоте, грозящем Крыму и Турции, о флоте постоянном, «не на один год, а по вся до времени своего», как выразился Петр в одном из дальнейших указов. В эту реформу, прикрывая свою волю внешним видом боярского приговора, Петр внес много личной инициативы. В его предложениях, «статьях», уже намечены ее главные основания: самый принцип

---

[1] «Статьи удобные» и приговоры по ним см. П. и Б., т. I, № 125. Менее исправно напечатаны у *Елагина*, История русского флота, приложение III, № 1. Слова «стрельцов и солдат по 6 000 человек» я понимаю по 6 000 *в год*, а не в смысле по 6 000 тех и других, т. е. 12 000, так как вообще 4 ноября решено было держать в Азове 6 000 пехотинцев: 3 000 переведенных и 3 000 стрельцов и солдат.

обзаведения флотом и способ постройки флота путем повинности, возлагаемой на дворы и торги, т. е. на землевладельческий и торговый капиталы. В думе вопрос получил дальнейшую обработку в виде натуральной повинности, разверстываемой между крупными духовными и светскими землевладельцами по дворам.

XLIV. КУМПАНСТВА. КАЗЕННАЯ ПОСТРОЙКА СУДОВ. «АДМИРАЛТЕЕЦ»

Итак, судостроение было принято, и с того же 4 ноября заработала приказная машина, развивая подробности решения и осуществляя его. В Поместном приказе продолжалась детальная статистическая работа по выяснению состава землевладельцев и количества дворов за каждым. В приговорах думы упоминались только крестьянские дворы; в дальнейших распоряжениях этот термин раскрыт распространительно: крестьянские, бобыльские и дворы задворных людей. Крупным землевладельцам, т. е. владельцам 100 дворов и более, предписывалось подавать в Поместный приказ в качестве статистического материала сказки о состоящих за ними дворах и затем «складываться в корабль в 10 000 дворов самим, а как и кто с кем сложится, о том подать в приказ складные росписи» [1]. Таким образом, при отбывании обязательной повинности допускалось добровольное или, как тогда говорили, «полюбовное» составление «складок», т. е. таких групп, которыми духовные и светские землевладельцы должны были отбывать повинность. Эти полюбовно составлявшиеся «складки» в дальнейшем стали называться компаниями и, наконец, «кумпанствами», причем кумпанствами стали называться также и самые эти комплексы из 8 000 или 10 000 дворов, хотя бы весь такой комплекс принадлежал одному землевладельцу, например, патриарху, Троицкому монастырю, именитому человеку Строганову. Сказки и складные росписи подавались от духовных землевладельцев архиерейскими и монастырскими стряпчими, а от светских их приказными «людьми» с конца ноября, и эта подача впоследствии была продолжена до 1 марта 1697 г. [2]. Указом 4 декабря велено было, независимо от этой подачи сказок и росписей, крупным помещикам и вотчинникам для корабельной складки явиться в Поместный приказ самим к 25 декабря под угрозой конфискации поместий и вотчин за неявку; но на следующий день, 5 декабря, царь смягчил несколько это повеление и, кроме 25 декабря, дал еще другой срок — 1 января 1697 г. [3]. По свидетельству Желябужского, московское дворянство во второй половине декабря действительно съезжалось в Москву [4]. Складки,

---

[1] Указы 8 и 21 ноября; *Елагин*, История русского флота, приложение III, № 5, 6.

[2] *Елагин*, История русского флота, приложение III, № 10, 11 и стр. 179, примечание.

[3] Там же, № 9а и 9б.

[4] *Желябужский*, Записки, изд. Сахаровым, стр. 47.

или кумпанства, составлялись таким образом: за «святейшим патриархом» в его владениях считалось 8 761 двор. Поэтому он обязан был один корабль с 8 000 дворов построить единолично, а затем с 761 лишним двором вошел в складку с митрополитом Авраамием рязанским и муромским (1 636 дворов), митрополитом Авраамием белгородским (166 дворов), епископом Митрофанием воронежским (196 дворов) и с 12 монастырями разных епархий, в числе которых были: Богоявленский монастырь в Москве, Спасов и Солотчинский в Рязани, Спасов в Муроме, Знаменский в Курске, Печерский в Нижнем Новгороде, Данилов и Никитский в Переяславле Залесском. Эта компания, владевшая 8 038 дворами, должна была выстроить второй корабль. Митрополит Евфимий новгородский и великолуцкий (2 014 дворов) полюбовно сложился в компанию с 11 монастырями, Новгородскими: Юрьевым (681 двор), Хутынским (1 421 двор), Антониевым Римлянина, Никольским Вяжецким, Духовым, Тихвинским большим и др. За компанией оказалось 8 008 дворов. За Троицким Сергиевым монастырем считалось по переписным книгам 20 131 двор. Таким образом, 2 корабля Троицкий монастырь должен был выстроить единолично, а лишними 4 131 двором он вошел в компанию с Троицким Ипатьевским монастырем (3 684 двора) да с Алексеевским девичьим монастырем в Москве (194 двора), и составилось 8 009 дворов. Лишние сверх 8 000 дворы назывались «перехожими», и кумпанства просили принять за них денежные взносы; но «перехожие» дворы, если они оказывались в большом количестве у одного кумпанства, отписывались к другому кумпанству на пополнение недостатка, так что один и тот же землевладелец мог участвовать в нескольких кумпанствах. Вообще в первоначальной росписи кумпанств впоследствии могли быть сделаны изменения. Так, например, первоначально митрополит Авраамий белгородский с своими 166 дворами записан был во второе кумпанство «святейшего патриарха», — кумпанства стали называться по имени первого или одного из первых по списку членов, составлявших кумпанство, — но затем он вошел в другое кумпанство с смоленским митрополитом, с смоленскими и другими монастырями, и это последнее кумпанство стало носить его имя. Таким образом, в 1697 г. составилось всего 17 духовных кумпанств: святейшего патриарха — 2, митрополитов: Евфимия новгородского, Маркела казанского, Иосифа ростовского, Илариона псковского, Тихона сарского и подонского (крутицкого), Илариона суздальского, Авраамия белгородского; архиепископов: Сергия тверского, Гавриила вологодского, епископа Питирима тамбовского, Троицкого монастыря 3 кумпанства, московского Новодевичьего монастыря, Саввина Сторожевского монастыря.

Таким же порядком составлялись и кумпанства светских землевладельцев. Так, например, кумпанство Т. Н. Стрешнева составилось из бояр: отца его Н. К. Стрешнева (158 дворов), самого Т. Н. Стрешнева (667 дворов), боярыни Н. И. Стрешневой (299 дворов), П. В. Шереметева (883 двора), генералиссимуса А. С. Ше-

ина (1 584 двора), князя В. Д. Долгорукого (564 двора), Ф. А. Головина (473 двора); из окольничих: Александра Петровича Протасьева и В. Ф. Стрешнева. В это же кумпанство вошли: думный дьяк Н. М. Зотов (418 дворов) и десять стольников, из коих два Стрешневых, трое Головиных, в том числе и генерал Автоном Михайлович, двое князей Ромодановских — князь-кесарь Федор Юрьевич с сыном Иваном — и трое Долгоруких — дети князя Владимира Дмитриевича князья Юрий, Василий и Михаил Владимировичи, будущие полководцы. Всего составилось 18 светских кумпанств, именно: Т. Н. Стрешнева, Б. П. Шереметева, Л. К. Нарышкина, князя М. Я. Черкасского, кравчего В. Ф. Салтыкова, князя И. В. Троекурова, князя М. А. Черкасского, князя Я. Н. Одоевского (или Змеева), князя П. И. Прозоровского, боярина князя Я. Ф. Долгорукого, окольничего С. Ф. Толочанова, боярина князя П. И. Хованского, боярина князя В. А. Голицына, боярина князя М. Ю. Ромодановского, стольника И. А. Дашкова, стольника князя В. Ф. Долгорукого, окольничего князя П. Г. Львова, думного дьяка Ф. А. Зыкова.

К постройке кораблей привлекались, как мы знаем, не только крупные землевладельцы, духовные и светские, но и владельцы торгового капитала — торговые посадские люди. Указ о них состоялся 11 декабря 1696 г.[1]. На все посадское общество, столичное и провинциальное (причем к посадскому обществу, как это обыкновенно делалось и прежде, отнесены были также черносошные крестьяне севера), вместо платимого посадскими людьми налога «десятой деньги» была возложена постройка 12 кораблей, а затем, сверх того, на одних гостей было возложено еще 2 корабля. Эта надбавка была сделана в виде наказания для корпорации гостей за челобитье, в котором они просили об освобождении их от постройки[2]. Необходимые на постройку 12 кораблей суммы предписывалось собрать с посадских людей и с черных крестьян, разверстывая их пропорционально платимому каждым торговым человеком окладу десятой деньги. Во главе всего этого дела постройки посадскими людьми 14 кораблей ставилась корпорация гостей. Гости должны были расписать все посадское и черносошное общество на 14 кораблей — организовать особого рода кумпанства и выбрать из своей среды две комиссии: одну для сбора денег, другую для самого строения кораблей в Воронеже. В конце декабря гости доносили, что они эти две комиссии из своей среды избрали: первую для сбора денег из пяти гостей: Ивана Юрьева, Ивана Панкратьева, Ивана Сверчкова, Алексея Филатьева, Игнатия Могутова, вторую для наблюдения за постройкой кораблей в Воронеже из 18 гостей, с подразделением этой последней комиссии на пять перемен, или очередей, с тем, чтобы каждая очередь находилась в Воронеже в течение 2 месяцев. В первую перемену вошло шесть гостей: Гаврило Чирьев, Василий

---

[1] *Устрялов*, История, т. II, приложение XV, стр. 507.
[2] *Елагин*, История русского флота, приложение III, № 17.

Шапошников, Никифор Сырейщиков, Савин Боков, Савва Малыгин, Григорий Чирьев, в остальные по три гостя в каждую; во вторую — Михаил Шорин, Василий Грудцын, Илья Нестеров; в третью — Григорий Шустов, Логин Добрынин, Кирилл Лабазный; в четвертую — Иван Климшин, Сергей Лабазный, Максим Чирьев; в пятую — Иван Антонов, Иван Семенников, Иван Исаев. Каждой из этих комиссий предоставлено было право привлекать к себе на помощь для посылки по городам для сбора денег, для приема, счета и расходований собранных сумм, а также для наблюдения за постройкой кораблей на Воронеже надежных («добрых») людей из других столичных посадских корпораций — из гостиной сотни, из четырех сотен и слобод. За всем посадским обществом считалось, таким образом, 14 кумпанств, «гостиных», как они стали называться, по которым указ 12 декабря и предлагал расписать всех посадских. Но фактически такого распределения посадских на кумпанства произведено не было, и все посадское общество в целом собирало небходимую сумму, строило 14 кораблей, сообща через комиссию гостей, не разделяясь на особые группы по кораблям. Сверх 35 кораблей, возложенных на духовных и светских землевладельцев и 14 на посадских людей, 3 корабля должен был выстроить именитый человек Г. Д. Строганов, составивший, таким образом, один три кумпанства[1]. Всего, таким образом, кумпанская постройка должна была дать 52 корабля.

Параллельно с указами о кумпанствах крупных землевладельцев шла разработка норм о платеже в казну полтинных денег мелкими помещиками, владельцами менее 100 дворов, освобожденными от участия в кумпанском кораблестроении; первоначально говорилось о платеже этих денег в Воронеже, «кому у того денежного сбору будет приказано»; 8 ноября велено было полтинные деньги платить на Москве, «а в котором приказе, о том его, великого государя, указ будет впредь». Наконец, по указу 21 ноября сбор полтинных денег был поручен Владимирскому Судному приказу, которым управлял окольничий А. П. Протасьев, причем устанавливались два срока платежа: первая половина денег должна была быть внесена на «сырной неделе», а остальные на «святой» 1697 г. Эти, шедшие в казну, полтинные деньги предназначались на постройку судов средствами самой казны, казенную, производившуюся помимо и параллельно постройке общественной, кумпанской, или как ее стали называть, «партикулярной». Но полтинные деньги обращались и на другие надобности, и поэтому государство могло заменять их другими повинностями. Так, указом 24 ноября 1696 г. на мелких помещиков и вотчинников городов рязанских, заоцких и Севского разряда вместо взноса полтинных денег наложена была постройка 100

[1] Документы о составлении кумпанств см. *Устрялов*, История, т. II, приложение XV и *Елагин*. История русского флота, приложение III. Указы о постройке кораблей посадскими: *Устрялов*, История, т. II, стр. 507; *Елагин*, указ. соч., III, № 15, 16.

стругов в городе Брянске. С мелких землевладельцев некоторых украинных уездов: тульского, алексинского, оболенского, каширского и серпуховского, велено было вместо полтинных денег собрать хлебные запасы на жалованье ратным людям, которые назначены будут на постройку города Таганрога [1].

17 декабря 1696 г. все дело «партикулярного» строения судов сосредоточивалось в том же Владимирском Судном приказе, куда уже был передан с 21 ноября сбор полтинных денег. Поместный приказ должен был переслать туда перечневые списки дворов, сказки, поданные землевладельцами, складные росписи и вообще все касавшееся кумпанств делопроизводство. Старинное судебное учреждение по дворянским тяжбам привлекалось, таким образом, к совершенно новому для него делу, вероятно, потому, что к этому новому делу казался подходящим и способным управляющий приказом окольничий Протасьев. Давалось поручение ему лично, а управляемый им Владимирский приказ в качестве готовой и устроенной канцелярии мог служить и для новых целей. Становясь во главе партикулярного судостроения, окольничий Протасьев получал название «партикулярного (партикилирного) адмиралтейца». 28 декабря ему были вручены две инструкции. Первая — «Статьи, принадлежащие строению партикулярных кораблей и протчих судов» — содержит некоторые общие правила для руководства судостроительным «компаниям». Ею предписывается взять от всех компаний роспись их состава и предложить каждой избрать из своей среды по одному или по два начальника для распоряжения делом, распределить и отвести компаниям для снабжения их лесным материалом участки леса под Воронежем, а также отвести им в Воронеже места для корабельных верфей. Так как не все компании захотят строить корабли в Воронеже, то отводить леса и землю под верфи и в иных местах; раздавая компаниям росписи отведенных им лесов, предупреждать их, чтобы бережливо относились к лесу, «зело лесов берегли», годных в дело лесных материалов не бросали и не жгли, потому что, если сведут совсем лесные участки, то других получить будет негде, а кораблестроение вводится не на один год, *а на все времена;* лес ради той же экономии не тесать, а резать пилами, для заготовки которых в достаточном количестве будут приняты меры; тесаные суда приниматься от компаний не будут; на первый раз для новости дела компании снабжены будут иноземными плотниками от казны, но затем они уже сами должны заботиться о приискании таких плотников. Когда даны будут образцы судов с указанием числа пушек, парусов и всяких припасов на каждое судно, тогда компаниям «оные суды строить с прилежанием и поспеть к указанному сроку».

Вторая инструкция — «Статьи, принадлежащие адмиралтейцу партикилирному», — говорит об обязанностях самого адмирал-

---

[1] Указы о сборе полтинных денег: *Елагин,* История русского флота, приложение III, № 3, 5, 6, 7, 8.

тейца Протасьева и возлагает на него некоторые поручения. Ему предписывается старательно относиться к своему делу и тщательно наблюдать за компаниями: «непрестанно о своем деле радеть, также и над кумпаниями смотреть и понуждать, спрашивать временем же и досматривать, чтоб какой лености не было и в начатом деле препятия от того дела не учинилось». На Воронеже он должен выстроить «адмиралтейский двор» для склада всяких припасов и «для приезду». Партикулярный адмиралтеец получал также поручение на поступающие к нему полтинные деньги заготовить на адмиралтейском дворе лесные материалы, снасти и прочие припасы для постройки шести больших и двадцати или больше мелких казенных судов [1].

XLV. НАЗНАЧЕНИЕ СТОЛЬНИКОВ ЗА ГРАНИЦУ. ПРИГОТОВЛЕНИЯ К ВЕЛИКОМУ ПОСОЛЬСТВУ. НАГРАДЫ ЗА АЗОВСКИЙ ПОХОД

Во всей этой вызванной мыслью о постройке флота законодательной и распорядительной деятельности Петр принимал живейшее участие, отдавая повеления и разрешая разные, возникавшие по мере хода дела вопросы, представляемые ему в докладах. Эта часть государственной машины, начавшая работу над захватившим его сооружением флота, двинута была его инициативой и направлялась им самим. Но работа этой части машины должна была неизбежно вводить Петра и в деятельность других частей государственного механизма, с которыми эта часть близко соприкасалась. Создавая кумпанства, ему пришлось так или иначе коснуться вопросов о крупном и мелком, духовном и светском землевладении, о посадских людях и платимых ими налогах и т. п. Конечно, порывистая натура самого Петра сказалась в тех толчках, с которыми шли распоряжения о составлении кумпанств: представить письменные росписи (21 ноября), явиться самим землевладельцам к 25 декабря (указ 4 декабря), явиться к 1 января (указ 5 декабря).

Кипучая деятельность по организации будущего кораблестроения не мешала, однако, увеселениям, и ряд их, начатый балом у Лефорта 1 ноября, в течение ноября и декабря продолжался. 5 ноября был обед у намеченного в партикулярные армиралтейцы окольничего А. П. Протасьева. 8 ноября давал большой праздник все еще по поводу возвращения в Москву из Азовското похода генералиссимус А. С. Шеин; во время пира палили из 36 пушек. На другой день после пира, 9 ноября, в 6 часов утра Гордон, вернувшийся от Шеина в полночь, поспешил на пожар, вспыхнувший за Калужскими воротами: там он уже нашел Петра. 11 ноября вечером царь пришел к Гордону и пробыл у него около двух часов. 12 ноября было празднество у генерала фон Менгдена. 13-го случился пожар в доме Лефорта; надо думать,

[1] П. и Б., т. I, № 127, 128.

что тушение его едва ли обошлось без Петра, хотя Гордон и не упоминает о его присутствии. 14 ноября Петр с компанией проводил у Лефорта вечер; то же было и 20 ноября, накануне «двунадесятого праздника введения богородицы». 21 ноября праздновалась свадьба в доме князя Б. А. Голицына. Петр был на свадьбе, приехав туда несколько позже других гостей. 29 ноября царь присутствовал на свадьбе иноземца майора Евстафия Болемана с дочерью полковника Христофора Ригемана, крестницей Гордона. 3 декабря вечером Гордон был у царя в Преображенском [1].

Между тем одновременно с подготовкой дела кораблестроения подготовлялось исполнение и других пунктов намеченного под Азовом плана: посылка русских людей за границу для обучения морскому делу и отправление к европейским дворам посольства, в составе которого намеревался путешествовать сам царь. 12, 19 и 22 ноября с Постельного крыльца служилым людям объявлялись разные служебные назначения на текущий 205 год. Стольник князь Я. Ф. Долгорукий был назначен командовать Белгородским разрядом вместо боярина В. П. Шереметева, «походные стольники», т. е. стольники, сопровождавшие государя в его походах, были командированы по городам «выбирать недорослей» (т. е. переписать всех служилых недорослей), и среди этих, все же не выходящих из ряда обычных назначений вдруг 22 ноября «стольникам [2] обеих комнат», т. е. комнатным стольникам обоих государей, Петра и покойного Ивана Алексеевича, «сказано в разные государства учиться всяким наукам» — назначение совсем необычайное, новое, немало поразившее многие дворянские семьи. Сохранился относящийся как раз к этому времени список стольников, назначенных за границу «для научения морского дела»; 39 человек отправлялось в Италию и 22 в Голландию и Англию. Все они, за исключением отнесенного в списке также к стольникам бомбардира Ивана Гумра (Гумерта?), были члены виднейших русских фамилий. Из 61 стольника 23 носили княжеские титулы — Борис Куракин, трое Голицыных, между ними князь Дмитрий Михайлович, князья Григорий и Владимир Долгорукие, трое князей Хилковых, князья: Иван Гагин, Даниил Черкасский, Иван и Федор Урусовы, князь Андрей Репнин, Юрий Трубецкой, Яков Лобанов, Степан Козловский, Александр Прозоровский, Иван и Тимофей Шаховские, Михаил Оболенский, Федор Волконский, князь Лев Шейдяков, далее — Шереметевы, Бутурлины, Ржевские, Измайловы, Петр Толстой, Салтыковы и др. Вслед за указом об отправлении за границу для навигацкой

---

[1] Все эти известия у Гордона (Tagebuch, III, 80—82).

[2] Так, кажется, следует читать вместо напечатанного в «Записках» Желябужского «спальникам». Спальниками были малолетние дети. За границу в действительности были отправлены стольники, список которых напечатан у *Устрялова*, История, т. II, приложение XVII, стр. 7; *Желябужский*, изд. Сахаровым, стр. 47; ср. Дворцовые разряды, IV, 996, 1006—1020; *Матвеев, А. А.*, Записки, изд. Сахаровым, 60: «все комнатные стольники».

науки стольников состоялся 6 декабря царский указ о снаряжении великого посольства к европейским дворам. В этот день в Посольском приказе думный дьяк Емельян Украинцев объявил, что «государь указал, для своих великих государственных дел, послать в окрестные государства, к цесарю, к королям Английскому и Датскому, к папе Римскому, к Голландским штатам, к курфюрсту Бранденбургскому и в Венецию в великих и полномочных послах: генерала и адмирала Франца Яковлевича Лефорта, генерала и комиссара Федора Алексеевича Головина, думного дьяка Прокофья Возницына и послать с ними к тем окрестным государем свои, великого государя, верющие и полномочные грамоты. А по чему им, в тех государствах будучи, его, великого государя, дела делать, и о том дать им из Посольского приказу наказ»[1]. Таким образом, мысль о посольстве получила определенную, официальную форму; делу дан был ход. Теперь пришла очередь Посольскому приказу начать усиленную работу, подготовляя посольство. Думный дьяк Емельян Украинцев в течение этой работы неоднократно представляет на разрешение Петру доклады с разными касающимися посольства вопросами и, таким образом, Петр, которому и ранее докладывались бумаги Посольского приказа, осведомлявшие его о внешних сношениях России, теперь имел случай особенно близко соприкоснуться со всеми подробностями работы дипломатического ведомства. Петр и сам проявляет в деле о посольстве много инициативы, постоянно требует из Посольского приказа разные справки и шлет туда повеления. Увидев в тот же день, 6 декабря, второго посла, боярина Ф. А. Головина, бывшего во втором Азовском походе генерал-комиссаром, а ранее известного дипломатической службой — он заключал в 1689 г. Нерчинский договор с Китаем, — Петр говорил с ним о посольстве и дал ему несколько приказаний, о которых Головин сообщал на другой день, 7 декабря, в следующем письме с характерными выражениями о Петре: «Емельян Игнатьевич! О которых выписках я милости твоей сам говорил, что к нынешнему посольскому делу надлежат, прикажи немедленно учинить ради того, что вчерашнего дня *изволил меня сам* (т. е. Петр) *спрашивать*, что я о том Льву Кирилловичу (Нарышкину, главному начальнику Посольского приказа) доносил ли и тебе о том сказывал ли. И я о том возвестил, что я Льва Кирилловича видел и доносил и тебе о том говорил, и приказал (государь) послать нарочно, чтоб то скоряя учинено было и присланы б были в поход» (т. е. в Преображенское). Головин передает также Украинцеву повеление государя сообщить — «сказать» Возницыну о назначении в посольство. В письме от 9 декабря Головин, через которого Петр сообщал свои распоряжения Посольскому приказу, требует от Украинцева для государя выписки о подарках, отправлявшихся прежде с посланниками к папе,

[1] Пам. дипл. сношений, т. VIII, стр. 505—506. Дата 6 декабря приводится Устряловым по другой редакции того же указа. *Устрялов*, История, т. III, стр. 6.

в Венецию, к королям аглийскому и датскому, к курфюрсту бранденбургскому и к Голландским штатам. На этом письме Головина Украинцев положил помету, свидетельствующую об исполнении переданных приказаний и о дальнейшей ускоренной подготовительной работе Посольского приказа: «Выписать тот час, по чему давано жалованья великим послом для цесарской посылки, и аглинской, и голанской, а посланником для римской, и виницийской, и дацкой, и фларенской, и какие дела с теми государствы были и чем до сего времени урвались (т. е. на чем остановились). И статейные списки тех посольств списывать велеть тотчас: папина, цесарская, венецкая, флоренская, галанская, дацкая, аглинская, бранденбурская. Думному дьяку Прокофью Возницыну сказано в верху на посольство декабря в 9 день. Сказал ему о том государев указ в верху думной же дьяк Емельян Игнатьевич Украинцев». Далее помещен целый список бумаг и вещей, которые надо было приготовить для посольства [1].

Первый посол, Лефорт, поспешил о своем новом назначении и о составе посольства сообщить за границу брату в хвастливом письме от 11 декабря, в котором он также указывал и предполагаемый срок отправления посольства в путь — около 15 марта. «Здесь новость, — пишет Лефорт, — которая вас поразит. Около 15 марта едет отсюда большое посольство в Швецию, Данию, Бранденбург, Англию, Голландию и даже к папе. Никогда еще такого посольства отсюда не отправляли. Его величеству было угодно назначить меня первым послом. Вторым послом назначен храбрый генерал, который был посланником в Китае; он состоял генерал-комиссаром моего флота под Азовом. Третий — канцлер (дьяк) и думный (член Боярской думы), который раз 20 посылался уже в разные страны. Его имя Прокофий Богданович Возницын, а второго — Федор Алексеевич Головин. Все наши приказания отданы. Моя свита будет состоять приблизительно из 200 человек, и я позабочусь о том, чтобы на нас не жаловались, как жаловались на предыдущих послов. Я запретил под угрозой большого штрафа кому-либо брать с собой товары для продажи. Что до чрезвычайных подарков, то у меня их уже много, и я ожидаю еще других. Со мной поедут: дюжина избранных придворных кавалеров — немецких или иностранных офицеров: г. подполковник Дуарсий и г. Кулом, также подполковник; кроме того, у меня 6 пажей, 4 маленьких карла и 20 ливрейных служителей, которые будут блестящим образом одеты, 5 трубачей, музыканты, проповедник, врачи, хирурги и отряд хорошо экипированных солдат. Ваш сын, мой племянник (Петр Лефорт), едет со мной. Так как я должен проехать недалеко от Женевы, то, может статься, что я буду иметь счастие увидеть вас и всех милых родственников» [2].

Несколько известий о времяпрепровождении Петра за декабрь 1697 г. среди забот о кораблестроении, об отправке молодых лю-

[1] Пам. дипл. сношений, т. VIII, стр. 507—512.
[2] *Posselt*, Lefort, II, 372—373.

дей за границу для навигацкой науки и о посольстве находим, по обыкновению, в дневнике Гордона. 9 декабря царь был на пиру, данном сыном Гордона, полковником Яковом Петровичем, причем присланный из Австрии артиллерийский полковник Граге производил какие-то опыты со стрельбой, которая удалась и царю очень понравилась. 13 декабря было особенно веселое и разгульное празднество у Лефорта, на котором, как говорит Гордон, «все или бо́льшая часть присутствовавших напились пьяны». 15 декабря Петру был представлен доклад Посольского приказа о «порозжих наместничествах» — о свободных наместнических титулах, которыми именовались, по обыкновению, послы и которыми можно было бы именовать отправляемых послов. Петр указал первому послу, генералу и адмиралу Лефорту, именоваться наместником новгородским, генералу-комиссару Головину — наместником сибирским[1]. 16 декабря происходили похороны корабельного плотника иноземца Никласа; Петр, разумеется, присутствовал на них и после похорон пригласил бывшего также там Гордона к себе в Преображенское обедать, и Гордон пробыл у царя до позднего вечера. «18 декабря, — читаем в его дневнике, — в 2 часа ночи загорелся дом князя Андрея Петровича Прозоровского. Мы все были там». Под этим «мы все» можно подразумевать обычно окружавшую Петра компанию и заключать и об его присутствии[2]. 19 декабря Петр слушал доклад Посольского приказа о жалованье чинам великого посольства, установил его размеры: Лефорту 3 920 рублей, Головину 3 000 рублей, Возницыну 1 650 рублей, а также утвердил роспись съестных припасов для отпуска послам натурой: количество осетровых прутов, белужьих теш и спин, белых рыбиц, лососей, число ведер меду вишневого, малинового, обарного, боярского, выдаваемого каждому по чину[3].

В указе о наместнических титулах для членов великого посольства заметно сочетание старинных русских форм с нововведениями Петра. Новые явления пока еще облекались в старые формы. В самом деле, «наместник новгородский» — титул, ведущий свое происхождение с XV в., и этим наместником новгородским оказывается «генерал», «адмирал», иноземец Франц Яковлевич Лефорт. Титул «наместника сибирского» соединяется с носимым Ф. А. Головиным званием «генерала-комиссария». Но Петра начинали уже тяготить некоторые старинные, тяжелые формы. В переписке с членами окружавшей его компании отменены были официальные царские титулы, и друзья пишут, обращаясь к нему, как к частному человеку: «милостивый мой государь» (Головкин) или называя его по-русски, по-латыни и по-голландски по новым его чинам: «бомбардир», «капитан», «мой асударь капитейн» (Л. К. Нарышкин), «господин капитейн» (Ромодановский), «Min Her Capitaneus Capiten» (князь Б. А. Голицын). Самый высокий титул употреблял Винbackус, называя Петра «Allergenaedigste grooten

[1] Пам. дипл. сношений, VIII, 513—515.
[2] Gordons Tagebuch, III, 82—83.
[3] Пам. дипл. сношений, VIII, 519—525.

Heer» — всемилостивейший великий господин. Петр сердился за официальное обращение. Сохранилось письмо к Ф. М. Апраксину, помеченное 11 декабря без года, приурочиваемое к 1696 г.; в нем Петр делает Апраксину выговор за то, что тот, будучи одним из членов «компании», называет его в письме со всеми официальными титулами. «Федор Матвеевичь, — пишет ему царь. — За письмо твое благодарствую, однако ж зело сумнимся ради двух вещей: 1) что не ко мне писал, 2) что с зелными чинами, чего не люблю; а тебе можно знать (для того, что ты нашей компании), как писать. А про нас похочешь ведать, дал бог, живы; а письмо отдал семье твоей сам. По сем здравствуй. Piter» [1]. Не любя «зельных чинов» в переписке с друзьями, Петр наложил руку и на старинные, излишне пышные и торжественные формы и в дипломатической переписке с иностранными государями, потому еще в особенности ему неприятные, что в них не было никакого смысла. Формы дипломатических сношений бросились в глаза во время приготовлений к великому посольству. Так можно объяснить происхождение оригинального указа «о богословиях», изданного 22 декабря 1696 г. Издавна, со времен так много размышлявшего о происхождении царской власти царя Ивана Грозного, вошли в употребление помещавшиеся в царском полном титуле перед именем государя напыщенные реторические формулы, выражавшие божественное происхождение царской власти и носившие название «богословия». Эти формулы, заключавшие в себе определение свойств божества, потому и называвшиеся «богословиями», различались смотря по государям, к которым писались грамоты, но при всех различиях были одинаково чрезмерно длинны и мало вразумительны. Так, в грамотах к цесарю, папе, к королям французскому, испанскому, шведскому, в Голландию, Венецию и к курфюрстам бранденбургскому и саксонскому писалось: «Бога всемогущего и во всех всяческая действующего, вездесущего и вся исполняющего и утешения благая всем человеком дарующего, содетеля нашего в троице славимого силою, и действом, и хотением, и благоволением утвердившего нас и укрепляющего властию своею всесильной избранный скиптр в православии во осмотрение великого Российского царствия и со многими покорющимися прибылыми государствы дедичного наследства и обладательства мирно держати и соблюдати навеки, мы, пресветлейший и державнейший великий государь, царь и великий князь» и т. д. К английскому королю писалось: «Милосердые ради милости бога нашего, в них же посети нас восток свыше, вое же направити ноги наша на путь мирен. Сего убо бога нашего в троице славимого мы, пресветлейший и державнейший» и т. д. Особенной длиннотой и подробностью в описании свойств божьих отличалась формула в грамотах к турецкому султану и персидскому шаху, представляя собою, действительно, как бы целый курс богословия, составленный в назидание бусур-

---

[1] П. и Б., т. I, № 126.

манам: «Бога единого, безначального, и бесконечного, и невидимого, и неписанного, страшного и неприступного, превыше небес живущего во свете неприступнем, владущего небесными силами и единым словом бессмертным премудрости своея, господом нашим Иисусом Христом, видимая и невидимая вся сотворшего и животворящим и божественным духом вся оживляющего и недреманным оком на землю призирающего и всяческая на ней устрояющего и утешения благая всем человеком подавающего, его же трепещут и боятся небесная, и земная, и преисподняя. Того единого бога нашего в триех лицах прославляющего и во единстве покланяемого, утвердившего нас скиптр держати православия, его же милостию и неизреченным промыслом живем и движемся, и величеству его славу воссылаем, мы, пресветлейший» и т. д. Этот набор слов был отменен и заменен выражающей ту же идею, но краткой формулой: «божиею милостию». Выслушав 22 декабря докладную выписку об этих «богословиях», Петр указал: «Впредь в своих, великого государя, грамотах во все окрестные государства, ко окрестным великим государем христианским и бусурманским с послы, и с посланники, и с гонцы, и чрез почты о своих, великого государя, делех, о каких ни прилучитца, писать к своему, великого государя, именованию и к титлам в начале одну богословию по сему: «Божиею милостию мы, пресветлейший и державнейший великий государь» с полным именованием и титлы, как написываны наперед сего; а богословии прежние... указал отставить и впредь тех богословий к своему, великого государя, именованию... писать не указал». Петр, давая повеление, привел и мотив, почему он приказал эти длинные «богословия» отставить — пример западных государей: «для того, что и они, окрестные великие государи христианские... к своим именованиям и титлам таких богословий в начале наперед сего никогда не писывали и ныне не пишут, а пишут только «Божиею милостию» [1].

24 декабря — новый доклад Посольского приказа: о подарках, посылавшихся в прежние времена при посольствах к разным государям. Выслушав доклад, Петр указал посольству взять с собой за границу в подарки соболей на 40 000 рублей; но количество это оказалось слишком малым, и через три дня, 27 декабря, он увеличил его, приказав взять соболей еще на 30 000, всего на 70 000 рублей. Перед отправлением великих и полномочных послов в прежнее время было принято посылать предварительно гонца с извещением о великих послах. 26 декабря царь указал послать такого гонца к римскому цесарю «со обвещением»; гонцом назначил Преображенского полка майора Адама Вейде. Адаму Вейде было предписано посетить также дворы князя курляндского, курфюрстов бранденбургского и саксонского, в Вене, дожидаясь прибытия великих послов, состоять при цесарских войсках и употребить время на ознакомление с новыми

[1] Пам. дипл. сношений, VIII, 515—519; Дворцовые разряды, IV, 1032.

усовершенствованиями в военном деле: «быть в войсках цесарских для присматривания новых воинских искусств и поведений»[1].

Из приведенных известий видно, какое живое участие Петр принимал в декабре 1696 г. в снаряжении великого посольства и как близко входил в его подробности. Одно дело оставалось еще незаконченным: не были еще вознаграждены участники Азовских войн. Видимо, выработка проекта наград была довольно сложной и потребовала немалого времени. Торжественное объявление наград состоялось 26 декабря, на второй день рождества. Собранным в Кремлевский дворец военачальникам с генералиссимусом А. С. Шеиным во главе была прочтена сказка, содержавшая довольно пространную историю второго Азовского похода с похвалами за их службу и затем объявлены пожалования. Боярину А. С. Шеину дана была золотая медаль в 13 золотых (червонцев), кубок с кровлею (крышкой), кафтан золотный (парчевый) на соболях, придача к его денежному жалованью в 250 рублей да пожалована в вотчину Барышская слобода в Алатырском уезде. Адмирал Лефорт получил золотую медаль в 7 червонцев, кубок с кровлею, кафтан золотный на соболях да в вотчину в Епифанском уезде село Богоявленское с деревнями 140 дворов; Гордон и А. М. Головин — по золотой медали в 6 червонцев, по кубку с кровлею, по кафтану золотному на соболях, в вотчину по 100 дворов; генерал-комиссар Головин награжден был медалью в $5^1/_2$ червонцев, также кубком и кафтаном и получил в вотчину село Моловдовское Городище с деревнями — 57 дворов в Кромском уезде. Соответственные награды медалями, кубками, кафтанами или кусками материй, денежным жалованьем и четвертями земли в поместную придачу получили и другие начальствовавшие в походе лица. Но вотчинами пожалованы были только высшие указанные командиры: Шеин, Лефорт, Гордон и оба Головины и, кроме них, один только Н. М. Зотов, начальствовавший дипломатической канцелярией при Главной квартире. Ему были даны: медаль в 4 золотых, кубок с кровлей, кафтан золотный на соболях и в вотчину 40 дворов. Награждены были все до последнего рядового солдата и стрельца; солдатам и стрельцам было выдано по золотой копейке[2]. «Я был вызван в город (Кремль), — записывает Гордон об этом дне. — Была прочтена сказка, или объявление, в котором после обстоятельного перечисления наших заслуг указано было (перечень наград)... Мы обедали у генералиссимуса, а затем поехали к его величеству принести нашу благодарность»[3]. 29 декабря Петр утром зашел

[1] Пам. дипл. сношений, VIII, 534, 535, 469.

[2] «Поход боярина А. С. Шеина», изд. Рубаном, стр. 205 и сл.; Дворцовые разряды, IV, 1025 и сл.

[3] Gordons Tagebuch, III, 85—86. Низшим чинам награды были объявлены месяцем позже — 26 января 1697 г. «Вышла сказка, или объявление, относительно солдат, — пишет Гордон, — что каждый получает по золотой копейке, а те, кто владеет землей, прибавку по 100 четвертей, денежного жалованья по 8 рублей». Во время составления списка этих наград состоялся указ Петра от 20 января, чтобы награды за Крымские походы 1687 и 1689 гг. не служили

к Гордону и приказал передать полковнику Граге, чтобы повторил опыты с стрельбой [1].

XLVI. ПОСЫЛКА ВОЙСК В АЗОВ. ОТПРАВКА СТОЛЬНИКОВ. УЧАСТИЕ ПЕТРА В ПРИГОТОВЛЕНИЯХ К ПОСОЛЬСТВУ

В первые месяцы 1697 г. до отъезда за границу Петра занимали те же дела, которые привлекали к себе с такой силой его внимание в течение осени предыдущего года: кумпанства, подготовка обороны против турок и Крыма, отправка стольников за границу для навигацкой науки, снаряжение великого посольства к западным дворам, под прикрытием которого и сам он должен был выехать в европейские страны.

Продолжали издаваться распоряжения, касавшиеся организации кумпанств и судостроения. Организовались самые кумпанства, и в них начинала налаживаться предварительная деятельность по выбору распорядителей, выяснению предстоящих расходов, самообложению и сбору средств для постройки кораблей. Казна обещала снабдить кумпанства необходимым лесным материалом. 10 января 1697 г. из Разрядного приказа были командированы в подведомственный Разряду воронежский край думный дворянин И. П. Савелов и дьяк Никита Павлов с поручением осмотреть и описать на Воронеже, в Козлове, Добром, Сокольске, на Усмани и в других лежащих близко к Воронежу уездах казенные леса, пригодные для кораблестроения и, описав, распределить, «развести» их по 52 кумпанствам. В Воронеже и соседних городах должны были вновь строиться струги, необходимые для сообщения с Азовом с открытием навигации, и во главе этого стругового строения был поставлен теперь стольник Кузьма Титов, производивший в прошлом, 1696, году постройку стругов в Сокольске [2].

Принимались меры по подготовке новой кампании против турок и Крыма на лето 1697 г. и делались назначения на военную службу в Азов и Белгород. 6 января получил назначение командовать войсками, отправляемыми в Азов, боярин А. С. Шеин; указано было итти туда же с полками П. И. Гордону. «6-го в среду, — пишет последний в дневнике, — рано утром я был вызван ко двору и получил приказ итти в Азов с боярином А. С. Шеиным». Последний в тот же день был назначен началь-

в пример ни для награждения за Азовский поход, ни вообще когда-либо впредь. «Генваря в 20 день великий государь... указал крымских походов 195 и 197 годов своих государевых указов, которые состоялись в тех годех за те крымские походы, бояром и воеводам и ратным людем о придачах и о каких дачах впредь ни к каким делам на пример выписки не выписывать» (Дворцовые разряды, IV, 1036).

[1] Gordons Tagebuch, III, 86.

[2] *Елагин*, История русского флота. приложение III, № 23, 14, указ 14 января 1697 г. о неисключении из кумпанств тех помещиков, за которыми число дворов после подачи сказок стало меньше 100 (там же, стр. 201, примечание, стр. 202, 203).

ником Пушкарского приказа, а несколько позже, 22 февраля, поставлен во главе еще двух приказов: Иноземского и Рейтарского [1]; при нем в товарищах оставлен прежний начальник этих приказов думный дьяк Автоном Иванов, который, кроме того, назначен был начальником походной дипломатической канцелярии Шеина — место, которое в прошлом году занимал Никита Зотов. 6 же января состоялось назначение начальником Севского разряда стольника князя Л. Ф. Долгорукого [2]. Таким образом, братья Долгорукие, оба в чинах стольников, стали командующими двух соседних военных округов: князь Яков Федорович — Белгородского, князь Лука Федорович — отец будущего знаменитого верховника — Севского. 10 января сказано было итти в поход девяти московским стрелецким полкам: шести в Азов: именно, полкам Стремянному, Озерова, Воронцова, Сухарева, Батурина, Протопопова, двум — в Белгород и одному — в Киев. 22-го был объявлен поход в Азов московскому дворянству. «Генваря в 22 день, — пишет Желябужский, — сказана служба всем без выбору под Азов; у сказки сам стоял боярин Т. Н. Стрешнев, а сказывал дьяк Иван Кобяков» [3]. Всего под начальством Шеина должно было собраться в Азове 37 475 человек [4]. Шеину дано было поручение укрепить Азов по плану, составленному в прошлом году цесарскими инженерами, против Азова на северной стороне Дона построить особую крепость, получившую название крепости св. Петра, произвести промеры моря в таганрогской бухте, устроить гавань для защиты Таганрога, соорудить у самого города крепость Троицы, а для прикрытия от набегов крымских татар возвести еще за Таганрогом на берегу, несколько к западу, на Петрушиной косе, форт Павловский. Задумано было смелое предприятие — соединение каналом Волги и Дона в том месте, где эти реки сходятся на ближайшее расстояние между собой; канал должен был связать приток Волги Камышинку с притоком Дона Иловлею, истоки которых разделены были волоком всего лишь в 20 верст. Этим путем издавна донские казаки пробирались на Волгу для грабежей. При прорытии волока каналом создался бы водный путь из Москвы по Волге и Дону к Азову. Весной 1697 г. для работ над этим каналом собрано было, по словам Плейера, 20 000 человек [5]. Руководство ими поручено было иностранцу, инженеру Бреккелю.

[1] Gordons Tagebuch, III, 87; Дворцовые разряды, IV, 1033—1034; 1042.

[2] Дворцовые разряды, IV, 1042, 1034.

[3] *Желябужский*, Записки, изд. Сахаровым, стр. 48.

[4] А именно: московского дворянства — 5 429, смоленской шляхты — 990, три полка копейщиков и рейтар — 3 152, в двух московских выборных солдатских полках Лефорта и Гордона — 9 625, в пяти полках городовых солдат — 4 500, в шести стрелецких полках — 4 881, в двух смоленских полках — 936, острогожских казаков — 1 067, донских казаков — 3 825, калмыков, живущих на Дону, — 3 000, всего — 37 475. Действительно было на службе 33 779 человек. См. *Устрялов*, История, т. III, стр. 11—12 со ссылкой на рукопись Академии наук в л., № 68 «О походе боярина и воеводы А. С. Шеина под Азов и о строении Таганрога».

[5] *Устрялов*, История, т. III, стр. 633, *Желябужский* указывает 35 000: «А бояр-

Даны были инструкции и белгородской армии. «Белгородской и гетманской армии (т. е. украинским казакам), — сообщал в Вену цесарский военный атташе при русской армии Плейер, — предписано приблизиться к Крыму и удержать татар от всякого соединения с турками. Однако в этом году решено воздержаться от всякого наступления, разве только представится случай покорить в подданство его царского величества кубанских и приазовских татар, — и по возможности заняться укреплением Азова и других лежащих при Черном море мест»[1]. Кампания на южных границах должна была, следовательно, иметь строго оборонительный характер; задача заключалась в удержании приобретений, сделанных в прошлом году. Для комплектования солдатских полков объявлен был в конце января «прибор» — вербовка охотников из свободных людей, не состоящих в службе, в тягле или в крепостной зависимости. Для приема охотников, которые в царскую службу «писаться похотят», сформирована была особая канцелярия из думного дьяка М. П. Прокофьева, дьяка Прокофья Деревнина и шести подьячих. Канцелярия должна была открыть свои действия в подмосковном селе Воскресенском на Пресне, где раньше бывали масленичные потехи с фейерверками, и поместиться в государевом дворе. Ей отряжены были из Земского приказа биричи, которых думный дьяк Михаил Прокофьев должен был посылать «по Белому и по Землянову городу по улицам и по перекресткам и за городом по слободам во вся дни кликать, чтобы в солдатскую службу. . ., которые в тое службу писаться похотят, писались и для того шли к ним, Михаилу, и к дьяку в село Воскресенское на государев двор к записке». Являющимся к записке охотникам думный дьяк и дьяк должны были возвещать привлекательные размеры государева жалованья: «что в той солдатской службе дача им будет великого государя годового жалованья: денег по 6 рублев, хлеба муки ржаные по 6 чети, овса по 2 чети, соли по пуду, ветчины по 12 пуд, масла коровья по 24 гривенки (фунта) человеку неотложно, и устроены будут дворами, и о том бы они на государево жалованье были надежны»[2].

Часть войск, именно: Новгородский разряд под командой боярина князя М. Г. Ромодановского и Рязанский разряд под командой боярина А. П. Салтыкова, в начале марта было велено выдвинуть на литовскую границу, в Великие Луки. В Польше по смерти короля Яна Собеского (7 июня 1696 г.) продолжалось бурное междуцарствие. Московское правительство поддерживало партию, выдвигавшую на польский престол кандидатуру саксонского курфюрста Августа; но сильная партия стояла за враждеб-

рин князь Борис Алексеевич Голицын ходил водою и был в понизовых городах, и на Царицыне хотели перекапывать реку; а посошных людей было всех городов 35 000 и ничего они не сделали, все простояли напрасно» (в «Записках русских людей», изд. Сахаровым, 52—53).

[1] Донесение Плейера от 28 марта 1697 г. (*Устрялов*, История, т. III, приложение XI, стр. 633).

[2] Дворцовые разряды, IV, 1037—1038.

ную России кандидатуру французского принца Конти, расположенного к союзу с турками, так как Франция эпохи Людовика XIV была в прочном союзе с Константинополем, возбуждая и поддерживая султана против Габсбургов. Грозила опасность, что Польша, если бы французскому принцу удалось сесть на польский престол, не только отпадет от союза с Австрией и Россией против Турции, но и заключит союз с турками. Потому России и важно было поддержать в Польше саксонскую партию, а лучшим средством поддержки было приближение военных сил к польским границам. С этой целью и двинуты были Новгородский и Рязанский разряды на польский рубеж, к Великим Лукам [1].

Собирались ехать за границу назначенные туда в числе 61 стольники для изучения навигацкой науки. В начале января 1697 г. Петр составил для них инструкцию, «Статьи последующие учения морского флота», в которой заключалась программа их занятий за границей. Занятия эти были двоякого рода: общеобязательные для всех и сверх того еще необязательные. Общеобязательные занятия должны были состоять в изучении мореплавания, именно в ознакомлении с морскими картами и компасом — «знать чертежи или карты морские, компас, также и прочая признаки морские»; в приобретении знания всех снастей корабля и умения управлять им, как в обыкновенном плавании, так и во время боя, и для того изучающим навигацию стольникам вменялось в обязанность искать случая побывать на море во время боя («владеть судном, как в бою, так и в простом шествии, и знать все снасти или инструменты, к тому надлежащие: парусы и веревки, а на катаргах и на иных судах весла и прочие. Сколько возможно, искать того, чтоб быть на море во время бою, а кому и не лучится, ино с прилежанием искати того, как в тое время поступить»). Окончив морское образование, с боевым курсом или без него, каждый стольник должен был выхлопотать себе свидетельство или аттестат за подписями и печатями от морских властей, под руководством которых проходил курс, — «однакожде обоим, видевшим и не видевшим бой, от начальников морских взять на тое свидетельствованные листы за руками их и печатми, что они в том деле достойны службы своей». Сверх этих для всех обязательных занятий те из стольников, которые пожелали бы заслужить по возвращении на родину особую милость, должны заняться еще изучением корабельной архитектуры. («Естли же кто похочет впредь получить себе милость болшую по возвращении своем, то[б] к сим вышеописанным повелениям и учением научились знати, как делати те суды, на которых они искушение свое приимут».)

Этим, однако, обязанности отправляемых за границу стольников еще не кончались. Кроме изучения мореплавания и кораблестроения самими стольниками, каждый из них должен был еще исполнить за границей два поручения: во-первых, нанять за границей и привезти на свой счет в Москву, — с тем, что расходы

[1] Дворцовые разряды, IV, 1044.

будут покрыты казной, — двух искусных мастеров морского дела; во-вторых, к каждому стольнику для заграничной поездки прикомандировывался на казенном содержании солдат, и стольник обязан был обучить его в чужих краях морскому делу. Кто не пожелает везти с собой солдата, может вместо него обучить морскому делу своего знакомца или человека (холопа), причем казна даст на содержание такого обучаемого человека 100 рублей. О желании взять на обучение солдата или обучать своего человека стольники должны сделать немедленное заявление генерал-комиссару (Ф. А. Головину). Конечным сроком выезда их за границу были назначены последние числа февраля — «с Москвы ехать им сим зимним временем, чтоб к последним числам февраля никто здесь не остался». Для проезда им будут выданы паспорта из Посольского приказа [1]. Командируемые стольники должны были ехать на собственный счет и собственными средствами. Каждый в пределах отведенного срока собирался в путь и ехал, смотря по своим удобствам, отдельно от других, захватывая с собой присоединяемого солдата. В упомянутом выше (стр. 366) списке стольников против каждого аристократического имени стольника стоит простое имя назначенного с ним ехать сержанта или солдата, например: «Князь Борис Куракин. С ним сержант Иев Сушков. . . Князь Григорий Долгорукий. С ним солдат Матвей Мухленин» и т. д. Из выданных стольникам паспортов видно, что они начали выезжать с начала января и продолжали покидать родину еще и в июле. «Ежедневно, — писал находившийся в Москве Плейер цесарю от 8 июля, — уезжают отсюда в Голландию, Данию и Англию молодые люди, которым под страхом потери земель и имущества велено ехать на собственный счет, и никто не может возращаться без свидетельства об оказанных заслугах» [2].

Собирались также и великие послы, и в Посольском приказе продолжалась начавшаяся в декабре 1696 г. неустанная подготовительная работа. По документам о снаряжении посольства можно заметить, что дело посольства сосредоточивал в своих руках опытный уже в дипломатической службе второй посол, Ф. А. Головин; Лефорт же, не имевший в этом отношении никакой практики, был в посольстве таким же номинальным первым послом, как во флоте адмиралом. Головин считал нужным подготовиться к посольству, прочитывая дипломатические бумаги прежних лет. «Государь мой Емельян Игнатьевич, — пишет он Украинцеву в январе 1697 г., — повели, мой государь, дела, которые с нами велено отпустить, а написано отдавать подьячим помаленку, чтобы осмотреться мне все, что надобно будет, хотя начало — вели учинить сего дни. Федька челом бью» [3].

Формировался личный состав посольства. Каждый из великих послов представлял желательных ему дворян, членов своей

---

[1] П. и Б., т. I, № 129.

[2] *Устрялов*, История, т. II, приложение XVII, № 7, стр. 316. Донесение Плейера от 8 июля у *Устрялова*, История, т. III, стр. 637.

[3] Пам. дипл. сношений, VIII, 513.

свиты. Сверх той «дюжины дворян», о которой Лефорт писал брату за границу, он взял еще двух, так что его свита состояла из 14 человек, все иноземцев. Это были: племянник его Петр Лефорт, Богдан Пристав, Яков Дуарси, Иван Гумар, Давыд Энглис, Вилим Турлавиль, Илья Кобер, Андрей Липкин, Филимон Монсов, Петр Книппер, Павел Вуд, Вахромей Меллер, Андрей Юнгер, Карл Блюмберг, причем первые семь называются в списке «дворянами», а вторые семь — пажами. Ф. А. Головин брал с собой двух родственников: сына Ивана Федоровича и брата Алексея Алексеевича Головиных и сверх того еще семь дворян: Семена Бестужева, Ульяна Сенявина, Глеба Радищева, Матвея Былецкого, Нефеда Срезнева, Григория Островского, Томаса Книппера. Возницыну полагалась свита из двух дворян, и он взял с собою также двух родственников: Андрея Федорова да Ивана Артемьева (племянник) Возницыных. С послами для церковной службы при сопровождавшей посольство походной церкви отправлялись священник Иван Поборский и дьякон Тимофей — оба от дворцовой церкви «Живоносного воскресения, что в верху» — домовой церкви покойного царя Ивана Алексеевича. Переводчиками при посольстве были назначены состоявшие переводчиками Посольского приказа, известный уже нам по письму его из-под Азова, Петр Вульф и будущий знаменитый вице-канцлер Петр Шафиров, кроме того, два толмача: Андрей Гемс и Алексей Зверев. Канцелярия посольства сформирована была из шести подьячих. Из них трое: Михаил Родостамов, Михаил Ларионов и Никифор Иванов, взяты были из Посольского приказа [1], четвертый — Федор Буслаев — из приказа Большой казны, пятый — Иван Черноцов — из приказа Казанского дворца. Шестой подьячий — Петр Ларионов, сын упомянутого подьячего Посольского приказа Михаила Ларионова,— выпросился сам взять его с отцом при посольстве, мотивируя свою просьбу заслугами отца, бывавшего за границей на дипломатической службе и ездившего под Азов, а затем желанием за границей учиться: «для науки в тех государствах цесарского языка» [2]. Медицинский персонал составили три лекаря: Иван Термонт, Яган Треандер, Варфоломей Пендерс — и при них три лекарских ученика. Кроме того, назначались с посольством мастера-специалисты серебряных и золотых дел из Серебряной и Золотой палат, иноземцы Рудольф и Дитмар, а также — по меховой части «для оправки соболей». Этих мехов для подарков при иностранных дворах посольство брало с собой на 70 000 рублей. О скорняках и собольщиках производилась Посольским приказом переписка с Сибирским приказом, который должен был прислать двух скорняков, и с московской Мещанской слободой, которая на сходе избрала трех собольщиков. Дело

---

[1] Пам. дипл. сношений, VIII, 542—549. Назначавшийся было четвертый подьячий Посольского приказа, Михаил Волков, не значится в окончательном списке посольства (*Устрялов*, История, т. III, стр. 572 и сл.). Однако его мы видим в составе посольства в Вене. Он был отправлен с майором Вейде.

[2] Пам. дипл. сношений, VIII, 610—613.

кончилось, однако, тем, что вместо пяти мастеров по меховой части поехал только один торговец мехами в московских рядах, посадский человек Сретенской сотни Иван Михайлов [1]. Для бережения отправляемых с посольством вещей назначался сторож Иван Афанасьев. По поводу назначения всех этих лиц производилась переписка, в особенности относительно ассигновки им денежного жалованья и припасов, состоявших из разного рода рыбы, белужьих и осетровых теш, спин и прутов, лососины и пр., крупичатой муки и медов вишневых, малиновых, обарных и т. д. Назначаемые подавали челобитные о жалованье, в приказе наводились справки, велись сношения с другими приказами, составлялись докладные выписки. Некоторые из назначаемых не ехали, другие сами ходатайствовали о поездке с посольством. Приказ заботился о заготовке и закупке отправляемой с посольством канцелярской обстановки и принадлежностей. 5 января из Посольского приказа в Казенный приказ писали, что великий государь 30 декабря указал послать с великими и полномочными послами: два рукомойника с лоханями, два шандала серебряные, щипцы, два ковра золотных, два сукна столовых и о том доложить себе, государю, боярину князю П. И. Прозоровскому [2]. Посол Ф. А. Головин доставил в приказ роспись нужных для посольства предметов: «Надобно к посольскому отпуску: золота твореного 10 золотых червонных, сургучу красного 6 фунтов, черного фунт, чернил сухих 2 фунта, скляница четвертная уставных, бумаги доброй 5 стоп, александрийской 3 дести, свеч восковых витых пуд, в том числе по половине алтынных и грошевых, маковых пуд, 10 паргаминов, ящик к печатем да 2 мешечка бархатные, тиски к печатем добрые, воску красного 10 фунтов зделать в лепешках, 2 щоты, 10 клеев, 2 ножницы, 10 золотников шелку красного сученого, 2 сундука на дела, 2 палуба добрые, 2 фонаря, поларшина сукна красного на мехи к делом, 200 аршин связок пестрых, ящик для почтовых отпусков и на дела». Украинцев положил на этой росписи помету: «приискать все и приторговать, что чему цена порознь и что всего дать доведется» [3]. Происходила в то же время напряженная письменная работа по изготовлению необходимого для посольства дипломатического материала: снимались копии со статейных списков посольств к тем же дворам, куда направлялись и великие послы, начиная со статейного списка гонца Истомы Шевригина, посылавшегося к папе в 1580 г. Эти копии статейных списков были переплетены в 33 кожаных золоченых переплета с шелковыми завязками. Писались грамоты ко дворам по две к каждому: верющая (аккредитивная) и полномочная — та и другая на больших александрийских листах с украшениями: с заставицами и фигурными каймами с изображением имен и титулов государей золотом. Составлялся по прежним образцам наказ для посольства.

[1] Там же, 579—583, 604.
[2] Там же, 541—542.
[3] Там же, 628.

Петр в этих подготовительных делах продолжает принимать живейшее участие, входя во все подробности, отдавая приказания и разрешая представляемые вопросы. Даже такая деталь, как отправка с посольством из государева Казенного двора рукомойников с лоханками, щипцов, ковров и т. п., вызывала два личных доклада государю начальников Посольского приказа и Казенного двора. Личные назначения и ассигновки жалованья делались с его ведома, и не раз, может быть, за это время записываемая в приказе официальная формула «Государь пожаловал, велел» и т. д. облекала собою действительное распоряжение самого Петра. Посольский приказ по делам о сборах великого посольства входит к царю с подробными докладами — докладными выписками, и тогда Петр отдает распоряжения, обозначаемые формулой: «Государь, слушав сей выписки, указал». Так, 1 января царь слушал доклад о назначении жалованья майору или генерал-бригадиру Адаму Вейде и утвердил его в размере 300 рублей; но этой суммы оказалось мало, и на следующий день, 2 января, жалованье майору было увеличено государем еще на 100 рублей, так как Вейде ехал не только в гонцах с оповещением о великом посольстве, но и обязан был еще, живя в Вене, состоять при цесарских войсках и изучать новейшие военные усовершенствования. Это не единственный случай при назначениях жалованья участникам великого посольства: первоначальная ассигновка оказывается слишком малой, вызывает челобитье об увеличении, и, может быть, в этом явлении надо видеть бережливость и расчетливость Петра. Только жалованье старшему лекарю Термонту, назначенное ему по именному указу в 500 рублей, бросается в глаза своим размером, но оно дано было в виде особой милости с оговоркой: «а впредь то иным его братье иноземцом не в образец и на пример никому не выписывать» [1]. 18 января Петр слушал и утвердил проекты грамот к курфюрстам саксонскому и брандербургскому и к герцогу курляндскому, отправляемых с майором Вейде. 23 января из Посольского приказа ему был сделан новый доклад о внешнем виде грамот к цесарю, что́ именно в них писать золотыми буквами. В прежнее время в грамотах к цесарям золотом писались только самые имена обоих государей и начальные слова их титулов, но в 1687 г., в бытность при цесарском дворе посла боярина Б. П. Шереметева, венское правительство просило впредь писать в грамотах золотом не только имена, но и весь титул государей так же, как это делается в грамотах от цесаря к московскому государю. Доклад заканчивается вопросом: «и в грамоте его, великого государя, к нему, цесарю... по прежнему ль золотом или и титлы все обоих их великих государей (т. е. царя и цесаря) золотом же писать, о том великий государь что укажет?» Петр указал писать золотом не только имена, но и титулы [2]. Петру самому пришлось также решать любопытный вопрос о титуловании папы.

---

[1] Пам. дипл. сношений, VIII, 471, 574—575.
[2] Там же, 486—488.

В составленной Посольским приказом докладной выписке по этому делу была приведена справка: «Имя нынешнего папы Римского Иннокентий двенадесятый, а отчина его есть Неаполис во Италии, а породою есть принцепс Пинятелий, а герб его есть — три горшки стоящие. А как пишет кто к папе, титул его пишет так: блаженнейший или святейший отче, а написание пишется так: блаженнейшему или святейшему отцу Иннокентию дненадесятому, архиерею величайшему Римскому. А сам папа титул свой так пишет: Иннокентий двенадесятый епископ римской, раб рабов божиих». Приведены были далее прежние примеры обращения к папе московских государей. Иван Васильевич Грозный в 1580 г. писал в грамоте к папе «Григорью третиемунадесять, папе, навышшему пастырю и учителю римские церкви». В грамоте, отправленной с Павлом Менезием в 1672 г., написано: «Клименту десятому, папе и учителю римского костела поздравление». В 1684 г. цесарским послам в Москве говорили, что в случае сношений с папой, будут писать к нему по той же форме, как писано в грамоте Менезия, или по следующей: «Честнейшему и избраннейшему господину Иннокентию первомунадесять, папе и пастырю римского костела достойнейшему». На основании этого доклада Петр затруднился решить вопрос и пожелал узнать, как обращаются к папе другие некатолические государи: короли английский, датский и шведский. В помете Украинцева на докладе читаем: «205-го (1697) февраля в 10 день великий государь указал допросить переводчиков, как пишут к папе аглинской, и дацкой, и свейской короли, и велеть им справиться о том с латинскими и немецкими печатными книгами». В Посольском приказе было отобрано показание, «сказка», от переводчиков приказа, которые, однако, оказались также не в состоянии решить вопроса и отозвались неведением. Не помогли им и книги. «И против сей пометы государственного Посольского приказу переводчики Николай Спафарий с товарищи сказал: как де к папе римскому английской, и дацкой, и свейской короли в грамотах своих его, папино, титло пишут, и пишут ли те короли от себя о чем к нему, папе, или и ни о чем не пишут, и того де им, переводчиком, знать не почему; да и в книгах де латинских и в немецких о его, папиных, титлах они ни в которых, как те короли к нему пишут, не читали и не слыхали; а в книгах духовных печатных, латинских и немецких, спорных о вере, люторы и калвины поругаются имени его, папину, и называют его, папу, антихристом и иными ругательными именами, а против того римляне папежской веры называют их, калвинов и люторов, еретиками и отпадшими от их папежской веры. К таковой сказке руку приложили переводчики Николай Спафарий, Семен Лаврецкой, Петр Вульф, Петр Шафиров». Последовал вторичный доклад государю 16 февраля, на этот раз со сказкою переводчиков, и «великий государь. . . слушав сей выписки и скаски Посольского приказу переводчиков, указал в своих, великого государя, грамотах папы римского именованье и титлу ныне со своими, великого государя, великими и полномочными послы на-

писать и впредь писать по сему: «Честнейшему господину Иннокентию второмунадесять, папе и учителю римские церкви достойнейшему поздравление» и сей его великого государя указ в государственном Посолском приказе записать в книгу» [1]. В тот же день Петр утвердил представленные ему доклады и о титулах других государей, с которыми должно было иметь дело великое посольство.

XLVII. СВЯТКИ В МОСКВЕ 1696—1697 гг.

Так, после второго Азовского похода в те немногие месяцы, которые Петр провел в Преображенском с 1 октября 1696 по 9 марта 1697 г., он, осуществляя занимавшие его проекты кораблестроения, принимая меры к удержанию завоеванного Азовского края и снаряжая великое посольство за границу для устройства союза против турок, впервые выступает перед нами как царь, отдающий повеления, выслушивающий доклады и разрешающий представляемые ему вопросы; но эта деятельность монарха длится всего только пять месяцев; затем опять последует продолжительный полуторагодовой перерыв, когда он не только вновь бросит государственную деятельность, но и совсем покинет государство и уедет за границу, смешавшись с многолюдной толпой великого посольства. Впервые в таком широком объеме ему пришлось теперь соприкоснуться с той унаследованной от предков государственной машиной, которая должна была осуществлять его планы. Старая машина принуждена была работать для новых дел, возникавших по личной инициативе Петра, выдвигаемых его волей, приспособляясь к ним, как, например, Боярская дума приспособлялась, решая вопрос о судостроении, а Владимирский Судный приказ становился исполнительным учреждением в этом деле. Механизм, сложившийся веками, действовал старыми способами, рутинно, «примеряясь к прежним случаям». Петр пользовался им для осуществления своих новых стремлений, как вообще иногда для новых целей пользуются старыми орудиями за неимением иных. Петру пока, разумеется, еще и в голову не приходило, что эти орудия непригодны для новых планов, что можно и придется заменить их другими, — он берет то, что есть под рукой. Самая новизна его замыслов и дел не казалась ему еще пока такой разительной, как впоследствии, к концу жизни, когда он стал оглядываться на прошлое; он еще не может оценить ее объективно, сознать расстояние между тем, что было до него и что он начал созидать. Для него его действия укладывались в последовательную цепь поведения, каждый новый шаг связывался с предыдущим. Строились корабли на Переяславском озере, затем стал заводиться флот на Азовском море; бились под Кожуховым, играя в войну, затем полушутя, полусерьезно стали воевать под Азовом — между этими фактами сознание Петра едва ли представляло

[1] Пам. дипл. сношений, VIII, 632—634.

ту глубину разницы в их значении, какая в действительности между ними была. Вполне естественно, что, не сознавая еще отчетливо всей новизны своих стремлений, он пользуется для их осуществления имеющимися налицо орудиями. Только понемногу, частично в системе административного механизма начинают появляться новые части, вызываемые новыми потребностями, как, например, Генеральный двор в Преображенском, где сосредоточивается управление новыми полками, «адмиралтеец» с адмиралтейским двором в Воронеже для постройки кораблей, иноземцы генералы, приглашаемые в Боярскую думу, канцелярия дьяка Прокофьева в селе Воскресенском для набора охотников в солдатскую службу.

Гораздо ранее старого административного механизма отслужил и был брошен старый дворцовый ритуал, и как раз, выступая теперь в роли царствующего монарха, Петр окончательно перестает его соблюдать. Уклонение от него в зиму 1695/96 г. могло объясняться болезнью. Теперь на такую причину указать нельзя. Очевидно, что отношения с патриархом Адрианом, не могшим, разумеется, сочувствовать ни близости с Лефортом и Немецкой слободой, ни в особенности новой, необыкновенно смелой, резко разрывавшей со всем прошлым, не имевшей никаких прецедентов мысли о заграничной поездке, — до такой степени охладились, что Петр, вообще очень точно, даже во время походов, посещавший богослужение, перестал совершенно присутствовать на торжественных службах, совершаемых патриархом, довольствуясь, вероятно, посещением домовой церкви. За все пять месяцев осени и зимы 1696/97г. Дворцовые разряды не отметили ни одного царского выхода ни в один из соборов. Ранее Петр не пропускал ни одного случая архиерейских «поставлений», непременно на них присутствовал. В январе и феврале 1697 г. было три таких поставления: в воскресенье 10 января был посвящен архимандрит елецкого монастыря Иоанн в архиепископы черниговские; через неделю в воскресенье был поставлен в нижегородские митрополиты архимандрит Покровского нового монастыря Трефилий; во вторник 2 февраля поставлен был в астраханские митрополиты архимандрит курского Знаменского монастыря Сампсон [1]. Петр ни на одном из этих поставлений в Успенском соборе не был. Не был он ни на одной из январских панихид в Архангельском соборе — ни по матери, ни по отце, ни по брате в годовой день его смерти. Святки 1696/97 г. проходили с обычными, но на этот раз, повидимому, не особенно шумными увеселениями — по крайней мере ни дневник Гордона, ни записки Желябужского ничего чрезвычайного в этом отношении не отмечают. 1 января у Гордона на Бутырках, где квартировал его полк, были «великие славильщики» — компания славильщиков, в которой, может быть, принимал скрытое участие и Петр. 3 января был большой праздник у Лефорта. 11-го Гордон был у царя, вероятно, по делам. 12-го Петр был на обеде у австрийского полковника Граге, показывавшего различ-

[1] Дворцовые разряды, IV, 1034, 1035, 1039.

ные опыты с военными усовершенствованиями. 16-го, приняв утром визит прибывшего в Москву донского атамана Фрола Минаева, Гордон после полудня отправился на опыты того же Граге со стрельбой из пушек и метанием бомб, производимых с чрезвычайной быстротой. Прямо Гордон не говорит о присутствии царя на опытах в этот день; но из слов его: «все это, как и естественно, очень понравилось», можно заключать, что опыты понравились царю. Вечером того же дня, продолжает тот же автор, «мы все, — и можно опять предположить что в том числе и царь, — отправились к Джону Фрейсу (Wryes)», где начался большой праздник англичан. Попойка продолжалась и весь день 17 января, и Гордон вернулся домой только к полуночи. 26 января, в тот день, когда объявлялись солдатам награды за Азовский поход, Петр обедал у окольничего П. М. Апраксина, который был назначен воеводой в Великий Новгород. 28 января происходило погребение скончавшегося полковника де Лозьера, занимавшего должность шаут-бейнахта во втором Азовском походе. 29-го Гордон был у царя в Кремле «по делу императорского полковника» (Граге?). Вечером царь приехал к Гордону «с думным» — дьяком, но трудно догадаться, с кем именно. 2 февраля Петр обедал у «императорского полковника» (Граге?). 8 февраля праздновал день своих именин князь Ф. Ю. Ромодановский. Гордон отмечает, что пришел домой с именин поздно. 13 февраля, в субботу на масленице, происходило увеселение, напоминавшее Азовскую войну. У Красного села на пруде «сделан был город Азов, башни и ворота и каланчи нарядные и потехи изрядные, а государь изволил тешиться». Сожжен был фейерверк, продолжавшийся с 5 до 10 часов вечера. 20-го Петр был на именинах у Л. К. Нарышкина [1]. 21 февраля в «неделю православия» Петр был у патриарха, очевидно, чтобы испросить благословение на предстоящее путешествие. По обыкновению, визит к патриарху был вечером «с первого часа ночи до третьего» и происходил в Столовой палате. При расставанье патриарх благословил государя иконой владимирской богоматери. 23-го назначен был вечер у Лефорта. Веселое настроение присутствующих было нарушено полученным известием о заговоре на жизнь царя. «Вечером я был у генерала Лефорта, — пишет Гордон, — где собирались повеселиться, но это было расстроено открытием заговора против его величества» [2]. Пятисотный стрелецкого Стремянного полка Ларион Елизарьев сделал извет на думного дворянина Ивана Цыклера в намерении убить государя, что подтвердил и пятидесятник того же полка Силин [3]. Тот-

---

[1] Gordons Tagebuch, III, 87—90, 91; *Желябужский*, Записки, изд. Сахаровым, стр. 48.

[2] *Забелин*, История города Москвы, 2-е изд., стр. 549; *его же*, Материалы для истории, археологии и статистики города Москвы, т. I, стр. 1034; Gordons Tagebuch, III, 92.

[3] *Соловьев* (т. XIV, стр. 223 по изд. 1879 г.) неправильно называет Елизарьева пятидесятником. Ларион Елизарьев еще в 1689 г. был пятисотным Стремянного стрелецкого полка, в котором Цыклер был тогда подполковником. Елизарьев и тогда был еще близок к Цыклеру. 10 августа 1689 г. он в числе

час же арестованный Цыклер оговорил на допросе окольничего Соковнина, а Соковнин — своего зятя стольника Федора Пушкина. Открылся, таким образом, заговор, во главе которого стояли окольничий и думный дворянин — два члена Боярской думы. Начались допросы и пытки.

XLVIII. ЗАГОВОР ЦЫКЛЕРА

Вокруг Петра было немало преданных ему людей, готовых поддерживать его во всяком его новом начинании, во всяком деле, как бы необычно оно ни казалось. Но такое отношение к царю было далеко не всеобщим. Далеко не все его предприятия были ясны и понятны и потому не могли находить к себе сочувствия, а кроме того, стали давать себя чувствовать своей тяжестью. Два последовавших один за другим похода на Азов, из которых первый сопровождался большими потерями и окончился неудачей, потребовали больших жертв от народа, вызывая новые, неведомые до тех пор повинности. Постройка судов в Воронеже для этих походов падала тяжелым бременем на южные города, обязанные доставлять материалы и рабочую силу; затем повинность кораблестроения приняла еще более широкие размеры и упала новой тяжестью не только на южные города, но и на все государство. В частности для феодального класса морские планы создали неслыханную раньше, новую, личную повинность: обучение навигацкой науке и притом обучение в чужих странах, за границей. Все эти явления, инициатором которых был Петр, были не таковы, чтобы возбуждать к нему расположение, а многое и в его личном поведении должно было вызывать удивление и осуждение среди современников, у которых мысль о царе соединялась с иными представлениями, выработанными в XVII в. Все это и питало чувства недовольства и раздражения, и с проявлениями этих чувств Петру пришлось теперь встретиться. Признаки такого настроения вскрываются для нас из дел, сохранившихся от учреждений тогдашней политической полиции, с которой соприкасались люди, не обладавшие достаточной выдержкой, чтобы не выражать недовольного настроения открыто. Но надо при этом заметить, что, конечно, далеко не все проявления недовольной мысли и раздраженного чувства могли стать известны политической полиции и в тех случаях, когда такие проявления до сведения полицейских органов не доходили, они остаются для нас неизвестны.

В конце 1696 или в самом начале 1697 г. был арестован кружок лиц, собиравшихся в подмосковном Андреевском монастыре, близ Воробьевых гор, в келье строителя монастыря старца Авраамия, бывшего ранее келарем Троице-Сергиева монастыря. К этому кружку принадлежали: стряпчий Троице-Сергиева монастыря

---

50 стрельцов полка вместе с Цыклером перешел к Троице. Поэтому, надо полагать, что Елизарьев хорошо знал Цыклера. Он, очевидно, продолжал с ним знакомство и впоследствии, когда Цыклер стал думным дворянином.

Кузьма Руднев, двое приказных: подьячий Владимирского Судного приказа, на который была взвалена новая работа по кумпанскомуераблестроению, Кренев и подьячий Преображенской приказной избы Бубнов и, наконец, крестьяне подмосковного дворцового села Покровского братья Роман и Иван Посошковы. Из показаний арестованных видны предметы их разговоров и причины, вызывавшие в них чувство недовольства. Это прежде всего некоторые общие непорядки московской администрации, особенно живо задевавшие членов кружка из приказных. Жаловались на чрезвычайное умножение приказного персонала, на то, что развелось слишком много против прежного дьяков и подьячих, что дьяческие и подьяческие места добываются куплею, что приказной среде является конкуренция со стороны священников и посадских людей — членов черных слобод, которые сажают детей своих в подьячие. Высказывались также сетования на злоупотребления высшего приказного персонала, начальников приказов — судей, которые без мзды никаких дел не делают, и происходили рассуждения, как эти злоупотребления устранить; говорилось, что мздоимство можно бы уничтожить, положив судьям достаточное жалованье — «лучше было бы, если бы им дано было жалованье, чем бы им сытым быть, а мзды не брать, и то было бы добро». В обсуждении подобных вопросов в келье Авраамия начинала, быть может, работать реформаторская мысль будущего писателя-публициста Ивана Посошкова, позже нашедшая себе выражение в его книге «О скудости и богатстве». Недостатки в администрации можно бы исправить, и такого исправления ждали от молодого государя с тех пор, как правление перешло к нему в руки. Но эти ожидания не сбылись; нравы и поведение государя отняли надежду на какие-либо улучшения. Поведение Петра было также темой особенно оживленных разговоров в келье Авраамия и подвергалось осуждению. Из показаний видно, что́ именно не нравилось и осуждалось в поступках Петра: покинул Кремль, не живет с царицей и потому «престало быть чадородие» в царском доме, а к обильному чадородию в доме Романовых привыкли в XVII в.; упрям нравом, никого не слушает; возвышает любимцев незнатных людей — «нововзысканных, непородных людей»; при торжественном входе войск в Москву после взятия Азова, унижая царское достоинство, шел пешком за Лефортом, который ехал. Особенно резкое неодобрение возбуждали тяжелые для народа потехи; говорили «о потехах непотребных под Семеновским и под Кожуховым для того, что многие были биты, а иные и ограблены, да в тех же потехах князь Иван Долгору́ков застрелен, и те потехи людям не в радость». Не оставался неизвестным даже и широкой публике странный и оскорбляющий религиозное чувство современников род потехи — все более развивавшаяся кощунственная игра в церковную иерархию, из которой вырастал будущий всепьянейший собор: «слова смехотворные и шутки, и де́ла богу неугодные». Отмечалась также и жестокость государя, проявлявшаяся в необычном для царского сана слишком близком и непосредственном уча-

стии в пытках и казнях: в Преображенском у розыскных дел сам пытает и казнит. Беседы, на которых все эти предметы обсуждались, привели хозяина кельи старца Авраамия в такое сильное возбуждение, что он не выдержал и выступил с открытым обличением против царя, составил какие-то «тетради», в которых, между прочим, писал: «В народе тужат многие и болезнуют о том: на кого было надеялись и ждали, как великий государь возмужает и сочетается законным браком, тогда оставя младых лет дела, все исправит на лучшее; но, возмужав и женясь, уклонился в потехи, оставя лучшее, начал творити всем печальное и плачевное». Это выступление и повлекло за собой арест всего кружка. Авраамий был сослан в Голутвин монастырь, Руднев, Кренев и Бубнов были биты кнутом и сосланы в Азов в подьячие, Посошкову, к счастью для русской публицистики, удалось оправдаться. Он показал, что с Авраамием он знаком третий год; Авраамий призывал его к себе по делу устройства станков для отливки монеты, которые должны были быть поднесены государю; никаких слов против государя он не говорил, что и было подтверждено Авраамием [1].

Людей, выступающих перед нами в деле монаха Авраамия, можно по их положению отнести к средним слоям; это — монах-строитель монастыря, монастырский стряпчий, приказные чиновники и зажиточные государственные крестьяне. Их недовольство вылилось в форму смелого и открытого, но довольно наивного письменного протеста. В раскрытом вслед за этим делом замысле Цыклера, о котором Петру было донесено 23 февраля, проявилась вспышка недовольства в более высоком служебном кругу; здесь обнаружены были планы гораздо более угрожающие и опасные. В этой чиновной и родовитой среде также недовольны были Петром, порицали его намерение ехать за границу, старались угадать и предсказывали ход событий в том случае, если бы с государем приключилось в этой поездке что-либо недоброе, высказывали свои политические предположения, в особенности же были раздражены посылкой знатной молодежи в чужие края для неведомой науки. Помимо этого общего недовольства распоряжениями и поступками Петра, у лиц, привлеченных вместе с Цыклером, можно заметить еще и чисто личные мотивы раздражения против царя, которых в кружке монаха Авраамия, очевидно, более идейно настроенного, не было заметно: это — неудачи в карьерах, неудовлетворенное честолюбие, обманутые надежды, тягостные служебные назначения. И у Цыклера, и у каждого из его родовитых знакомцев непременно есть такая личная обида, которая и вызывает в них чувство злобы к Петру. Сам Цыклер — тип честолюбца-неудачника. По происхождению сын «полковника из кормовых иноземцев», но совсем уже обрусевший, он начал службу с 1671 г., следовательно ко времени заговора был уже человеком не молодым, имел не меньше 40 лет от роду.

---

[1] *Соловьев*, История России с древнейших времен, т. XIV, изд. 3-е, стр. 220—222.

Стряпчий с 1677 г. и стольник с 1679 г., он принимал деятельное участие в стрелецком движении 1682 г., соединяя с придворным чином стольника также должность подполковника Стремянного стрелецкого полка, пользуясь большим влиянием у стрельцов и действуя в пользу Милославских, с главой которых, боярином Иваном Михайловичем, он был близок. Он был хорошо известен царевне Софье и пользовался в ее глазах по своему влиянию на стрельцов большим авторитетом. Его после боярских убийств в мае 1682 г. она призывала и просила унять расходившихся стрельцов. Когда взошла звезда Шакловитого, он в своих честолюбивых расчетах подлаживается к нему, и Софья, если только верить данному Цыклером последнему перед казнью показанию, настолько считала его своим и надежным человеком, что перед первым Крымским походом часто призывала его к себе и подговаривала вместе с Шакловитым убить Петра. Это не помешало ему, однако, когда началась распря между братом и сестрой в 1689 г., почуяв, на чью сторону склонится перевес, первым по зову Петра перейти с 50 стрельцами Стремянного полка, которым он командовал в чине полковника, к Троице, и есть известие, идущее от такого достойного доверия свидетеля, как Гордон, что Цыклер сам же тайно просил Петра вызвать его к себе, чтобы иметь благовидный предлог для перехода. В награду Цыклер получил прибавку к окладу. Весной 1692 г. он был из стольников и полковников произведен в чин думного дворянина, т. е. сделан членом Боярской думы [1], а вскоре затем был назначен воеводой в отдаленное, но доходное Верхотурье, которым правил до 1695 г. Но этим и закончились его служебные успехи. Перейдя на сторону Петра, он не сумел приобрести его доверия, как приобрел его П. А. Толстой, также когда-то приверженец Софьи. Петр не мог забыть в Цыклере смутьяна 1682 г., человека, близкого к И. М. Милославскому. Цыклер жаловался, что государь называет его бунтовщиком и «собеседником» Ивана Милославского, и высказывал обиду, что, бывая в домах у других, Петр ни разу не посетил его дома. Последней каплей, переполнившей чашу его недовольства и раздражения, было назначение его 12 ноября 1696 г. в Азов к постройке Таганрога, — серьезное, деловое поручение, которое он, однако, счел за тяжелую ссылку. Злоба против Петра породила в голове его страшные умыслы, и он стал давать волю языку, срывая раздражение и подыскивая послушные руки для исполнения своих планов. Сохраняя, видимо, влияние в своем бывшем Стремянном полку, Цыклер начал вести возбуждающие разговоры с офицерами этого полка, касался предстоящей заграничной поездки Петра, указывал на неуместное назначение Лефорта послом, на разорительность посольства для казны. «Ныне великий государь идет за море, — говорил он пятисотному Стремянного полка Елизарьеву, — и как над ним что сделается, кто у нас государь будет?» На ответ Елизарьева: «У нас есть государь — царе-

[1] Дворцовые разряды, IV, 659.

вич», Цыклер, проводя идею избирательной монархии, возразил: «В то время кого бог изберет, а тщится (старается) и государыня, что в Девичьем монастыре». В беседе с стрелецким пятидесятником Василием Филипповым он говорил: «В государстве ныне многое нестроение для того, что государь едет за море и посылает послом Лефорта и в ту посылку тощит (тратит) казну многую, и иное многое нестроение есть, можно нам за то постоять». Вызывая возбуждение в стрельцах, он не удержался от похвальбы, срывая злобу на свое назначение в Азовский край, поднять восстание среди донского казачества. Разговаривая с тем же пятидесятником Василием Филипповым по поводу приезда в Москву донских казаков — зимой 1696/97 г. в Москву приезжал донской атаман Фрол Миняев, и, конечно, с немалой свитой, — по поводу слов Филиппова, что казаки, как он слышал от одного из них, недовольны выданной им за взятие Азова наградой, что их прельщает на свою сторону, подсылая к ним грамоты, турецкий султан и что они подымутся, как и при Стеньке Разине, Цыклер сказал: «Как буду на Дону у городового дела Таганрога, то, оставя ту службу, с донскими казаками пойду к Москве для ее разорения и буду делать то же, что и Стенька Разин». Это было не более, как пустое бахвальство. Цыклер отлично понимал, к каким социальным последствиям привело бы движение казаков: «Будет от того разоренье великое, — говорил он тому же собеседнику, — и крестьяне наши и люди все пристанут к ним». Наконец, переходя от слов к делу, Цыклер подговаривал стрельцов покончить с виновником всех этих настроений, убить государя: «Изрезать его ножей в пять, — говорил он пятидесятнику Силину. — Как государь поедет с Посольского двора, и в то время можно вам подстеречь и убить», — подстрекал он Василия Филлипова, поручая ему про то убийство и другим стрельцам говорить. О таком же убийстве он толковал и с третьим пятидесятником, Федором Рожиным.

Думный дворянин и бывший верхотурский воевода был женат на дочери боярина Я. С. Пушкина и этим брачным союзом был связан с русскими боярскими домами и настолько сумел стать близким с их хозяевами, что мог себе позволить там интимные и весьма рискованные беседы. Мы видим его в доме окольничего А. П. Соковнина, который и выступает в процессе как сообщник Цыклера. А. П. Соковнин — брат известных упорных раскольниц Федоры Морозовой и княгини Авдотьи Урусовой, приятельниц протопопа Аввакума, в свое время причинивших столько досады и огорчения царю Алексею Михайловичу. В доме Соковниных, из которого вышли такие стойкие защитницы старой веры, твердо держались предания старины. Вспоминая в своих записках об участии Алексея Прокофьевича в заговоре, граф А. А. Матвеев называл его «потаенным великой капитонской ереси раскольником». А со времени трагедии с боярынями в этом доме, конечно, гнездилось оппозиционное отношение к новшествам. Эта оппозиция теперь, при виде стольких и столь решительных от-

ступлений от обычаев старины, должна была принять еще более резкий характер. Могло быть, что неприязнь к новым порядкам и явлениям, надо полагать, плохо скрываемая, вызвала остановку в служебной карьере: окольничему А. П. Соковнину не давали боярства, и это его раздражало. «Причина оного Соковнина к той злобе самая внутренняя и неукротимая, — пишет тот же граф А. А. Матвеев, — в нем была та, что он, Соковнин, до боярства не допущен»[1]. Легко себе представить, как в преданной старине, благочестивой семье Соковниных взглянули на назначение двух детей Алексея Прокофьевича, стольников Василия и Федора, в числе других стольников к отправке за границу для навигацкой науки. «Посылают нас за море учиться, неведомо чему», — сорвал в таких резких словах свое раздражение старший сын стольник Василий. При таких обидах, при таком настроении у Соковнина для разговора с Цыклером существовала общая почва; они могли понимать друг друга. И Соковнину приходили в голову те же мысли, что и Цыклеру, те же замыслы и те же средства. «Каково стрельцам? — говорил Алексей Прокофьевич Цыклеру при одном из его посещений, выражая досаду на бездеятельность стрельцов. — Где они... дети передевались? знать спят! где они пропали? Можно им государя убить, потому что ездит он один, и на пожаре бывает малолюдством и около Посольского двора ездит одиночеством! Что они спят, по се число ничего не учинят!» На замечание Цыклера, что стрельцы, должно быть, опасаются потешных, Соковнин возразил, что, должно быть, они, жалея царевича, не поднимают руки на царя: «Чаю в стрельцах рассуждение о царевиче, для того они того учинить и не хотят». После этого разговора Соковнин при других свиданиях с Цыклером у себя в доме говорил опять об убийстве государя и о стрельцах: «Ведь они даром погибают и впредь им погибнуть же». Соковнин выражал в беседах с Цыклером огорчение по поводу посылки детей за границу и на слова последнего: «И тебе самому каково, сказываешь, тошно, что с детьми своими разлучаешься», — ответил: «Не один я о том сокрушаюсь!» Собеседники развивали политические планы относительно будущего, если замысел убить государя удастся привести в исполнение. На вопрос Цыклера: «Если то учинится, кому быть на царстве?» Соковнин указывал своего кандидата, подходящего по отсутствию родства и по личным качествам, боярина Шеина: «Шеин у нас безроден, один у него сын и человек он добрый». Когда Цыклер указал другого кандидата, заявив, что у стрельцов пользуется большою любовью В. П. Шереметев, Соковнин стал предсказывать такой ход событий: «Чаю, они, стрельцы, возьмут по прежнему царевну, а царевна возьмет царевича, и как она войдет, и она возьмет князя В. В. Голицына, а князь Василий по прежнему станет орать». Как бы желая ярче подчеркнуть мысль об избирательной монархии, о том, что бояре могут избрать на царство, кого хотят,

[1] *Матвеев А. А.*, Записки, изд. Сахаровым, стр. 65.

Соковнин прибавил Цыклеру: «Если то учинится над государем, мы и тебя на царство выберем».

С домом Соковниных был тесно соединен родственными связями дом боярина М. С. Пушкина, сын которого, стольник Федор Матвеевич, свойственник Цыклера, был женат на дочери Соковнина. И эта семья Пушкиных, близкая к Соковниным не только родством, но и взглядами, не пользовалась расположением Петра, и здесь то же недовольное и раздраженное настроение. В разговорах Федора Пушкина с тестем идет речь о гневе царя на Матвея Степановича. Назначение воеводой в Азов, объявленное ему 20 февраля [1], совершенно, по его понятиям, несовместимое с его боярским чином, было Матвеем Степановичем, бывшим ранее товарищем на воеводствах в Смоленске и Киеве, понято, как признак царской немилости. Отец злобился за обидное назначение в Азов воеводой; сын — сам не назначенный в ученье за границу, но живо задетый назначением братьев жены Соковниных и, видимо, человек горячего темперамента, не сдерживаясь в разговорах с тестем, говорил: «Государь погубил нас всех, гневается на отца. И за тот гнев и за то, что за моря их посылает, надо его, государя, убить». На заявление Соковнина при свидании 24 декабря 1696 г., что государь собирается на святках отца его Матвея Степановича ругать и убить, а дом Пушкиных разорить, Федор сказал, что если так над отцом его учинится, то он государя убьет при встрече; а в разговоре с упоминавшимся выше стрелецким пятидесятником Василием Филипповым, по показанию последнего, говорил: «Как бы ему, Федьке, где-нибудь с ним, государем, съехаться, и он бы с ним не разъехался, хотя б он, Федька, ожил или пропал», т. е. жить ему или умереть, а убьет государя при встрече.

По уцелевшим документам неясно, дошло ли дело до составления между названными лицами настоящего заговора в смысле соглашения осуществить намерение общими средствами; вернее, что дело ограничилось разговорами, о которых они показали на следствии и в которых нельзя не видеть признаков сильного раздражения против Петра. Замыслы против него теперь, в 1697 г., имеют уже иной характер сравнительно с 1680-ми годами. Тогда жизни Петра грозила опасность из-за политической борьбы феодальных групп: его личность была тогда не при чем; вопрос шел о власти Милославских или Нарышкиных. Теперь раздражение направлено именно против его личности, против его поступков, его мер, его предприятий; он является виновником испытанных обид; а испытанные обиды, служебные неудачи, вообще мотивы личного характера в этой верхней служилой среде стоят на первом плане. Затем уже идут отягощение дворян повинностью учиться за морем и недовольство заграничным путешествием государя как поступком, опасным для государства; здесь на первом месте лицо, затем сословие, наконец уже государство. И весь этот замысел Цыклера с его собеседниками можно рассматривать,

---

[1] Дворцовые разряды, IV, 1041.

как мысль о мести озлобленных неудачников. В этом отношении куда шире политический размах служилых низов, соприкоснувшихся в настоящем случае с чиновными верхами, вступавшими с ними в сношения как с орудиями для исполнения своих планов. Стрелецкий пятидесятник Василий Филиппов и знакомец его донской казак Петр Лукьянов, сообщавший ему в Москве о настроении казачества, беседовали не много не мало о том, как бы с двух концов тряхнуть всем Московским государством: «Меж себя о бунте и о московском разорении говорили; а как к их воровству иной кто пристал бы, и им было такой бунт Московскому государству и разорение чинить: казакам было Москву разорять с конца, а им, стрельцам, с другого конца».

Петра ожесточил открывшийся умысел. Может быть, он вспомнил при этом о недавнем, также открытом заговоре против его любимца Вильгельма английского, и разговоры Цыклера получили в его глазах также значение заговора. Он отвечал необычайной жестокостью, приняв самое живое участие и в следствии над обвиняемыми и потом в казни их. Есть известие, передаваемое Плейером, находившимся в то время в Москве, что главные замешанные лица, надо полагать Цыклер и Соковнин, были и арестованы самим Петром [1]. Следствие велось в Преображенском, и царь посвящал ему много времени, так что, дав на 24 февраля обещание быть к ужину у Гордона, он, чего раньше не бывало, не сдержал обещания и не приехал «за множеством дел», перенеся визит на 26 февраля. Открытие заговора не помешало, однако, увеселениям, и 25 февраля был вечер у Лефорта, где танцовали до 3 часов ночи. 26 февраля Петр опять заставил Гордона прождать себя понапрасну, не мог и на этот раз приехать, был занят. Гордон отправлялся повидаться с царем в Преображенское 1 марта. На 2 марта было созвано заседание Боярской думы для суда над заговорщиками, точнее для постановления над ними приговора. Цыклер, Соковнин, Федор Пушкин, стрелецкие пятидесятники Филиппов и Рожин и казак Лукьянов были приговорены к смертной казни, и казнь была назначена на следующий день, 3 марта, но так как для нее потребовались особенно сложные приготовления, то была отложена на 4 марта. Приговор над злоумышленниками, из которых двое, Соковнин и Цыклер, были членами думы, Петр предоставил произнести их же братии, людям того же круга, чтобы отклонить от себя нарекание в несправедливости; но в устройстве казни он проявил все свое озлобление против них. 4 марта в 11 часов утра обвиненные были выведены на площадь в Преображенском; им был прочитан приговор. Цыклер и Соковнин подверглись четвертованию: палач обрубал им руки и ноги и затем — головы. Пушкин был сра-

---

[1] Донесение Плейера от 8 июля 1697 г. (*Устрялов*, История, т. III, стр. 637). То же известие находим у Александра Гордона, сына генерала, в его «History of Peter the Great» (*Устрялов*, История, т. III, стр. 387—388). Устрялов основательно критикует подробности, сообщенные этим последним писателем, составлявшим свой труд много времени спустя после событий.

зу обезглавлен. Казнь была обставлена подробностями, в которых нашла себе применение изобретательность Петра и в которых жестокость соединялась с кощунственным поруганием. В Цыклере Петр не перестал видеть «собеседника Ивана Милославского»; корень замысла, основного виновника он видел в Милославском. И вот гроб И. М. Милославского, двенадцать лет тому назад погребенного при церкви Симеона Столпника, что на Покровке, был теперь вырыт из могилы и привезен в Преображенское в санях, запряженных свиньями. Там он был открыт и поставлен под мостом, на котором стояла плаха, так что, когда палач четвертовал осужденных и рубил им головы, кровь их лилась на труп Милославского. Это был также грозный жест по адресу «государыни, что в Девичьем монастыре», имя которой не раз произносилось в разговорах осужденных. Сам Петр при этой казни едва ли присутствовал. В этот день он был на похоронах дяди М. К. Нарышкина. Казнь в Преображенском была только первым отделением кровавого зрелища. В Москве, на Красной площади, строили и 4 марта доделывали каменный четырехсторонний столб, в который были вделаны «пять рожнов железных». Вокруг этого столба были положены перевезенные в тот же день из Преображенского трупы и части трупов казненных, а головы их насажены на колья; на столбе были прибиты с четырех сторон жестяные листы с перечислением их преступлений. Еще в июле 1697 г. столб с воткнутыми на железные шесты головами виднелся на Красной площади, как сообщал в Вену цесарю очевидец Плейер [1].

По обычаю того времени ответственность за преступление падала и на родню виновных, которую разметали по дальним местам. Два сына Цыклера были «написаны» в городовую службу в Курск; трое сыновей Соковнина, в том числе и два, не хотевшие ехать за границу учиться стольника, а также три его внука посланы на городовую службу в Белгород. Брат Соковнина, боярин Федор Прокофьевич, дядька царя Федора Алексеевича, — сослан в дальние деревни, дети его «написаны» в городовую службу. Боярин М. С. Пушкин был лишен боярского чина и сослан с детьми в Сибирь, в городовую службу в Енисейск. Брату его, боярину Я. С. Пушкину, велено было быть на Белоозере у строения Кириллова монастыря и «без указа великого государя к Москве ему от того дела не ездить» [2]. Вместо боярина Матвея Пушкина воеводой в Азов был назначен боярин князь А. П. Прозоровский, с ним думный дворянин И. С. Ларионов; для строения Таганрога был командирован думный дворянин И. И. Щепин. Стрелецкий пятисотный Ларион Елизарьев был вознагражден за свой извет, был возведен в дьяки и назначен заведывать житным двором, что у Мясницких ворот [3].

---

[1] Gordons Tagebuch, III, 92—93; *Устрялов*, История, т. III, приложение XI, стр. 637.

[2] Дворцовые разряды, IV, 1046; П. С. З., № 1577; *Желябужский*, Записки, изд. Сахаровым, стр. 51.

[3] *Устрялов*, История, т. II, стр. 61, Дворцовые разряды, IV, 1045.

ПРИМЕЧАНИЯ К ИЛЛЮСТРАЦИЯМ

Работа акад. М. М. Богословского насыщена бытовым материалом. Ставя в центре своего внимания фигуру Петра и прослеживая его жизнь почти изо дня в день, автор знакомит читателя с лицами, окружавшими Петра, рассказывает о событиях, происходивших при его участии, описывает местности, связанные с этими событиями. Так, перед нашими глазами проходят обитатели московского дворца, бояре, иноземцы, служилые люди, потешные и стрельцы, дьяки с подьячими, корабельные плотники и матросы. Из московского Кремля автор ведет нас в Немецкую слободу, а оттуда по широкому водному пути на далекий север и в простор южных степей.

По мере чередования этих образов является желание завершить создаваемые ими представления зрительными впечатлениями от подлинных предметов и изображений их, сохранившихся от описываемого времени. Понятно желание автора снабдить свою работу иллюстрациями. Но он сам не успел этого сделать.

Для издания «Петра I» был произведен просмотр вещевого, гравюрного и живописного материала, находящегося в наших хранилищах и относящегося ко времени Петра. Основным критерием при отборе материала являлась подлинность каждого предмета, реалистичность изображения и его современность изображаемому событию. Исключение сделано лишь, во-первых, для нескольких аллегорических гравюр, отражающих вкус своего времени и интерес, возбуждаемый тем или иным событием, и, во-вторых, для миниатюр из рукописного экземпляра «Истории Петра» Крекшина, относящихся к первой половине XVIII в. и нарисованных художником, близким хронологически к Петру и отражавшим взгляд на изображаемые события людей того времени.

Для того чтобы дать возможность подробнее ознакомиться с существующим гравюрным и живописным материалом конца XVII в., не вошедшим в настоящее издание, в нижеследующих примечаниях к отдельным рисункам делаются указания на этот материал.

Петр I неоднократно служил моделью для художников. Лучшие живописцы Западной Европы писали с него портреты, которые потом использовались в качестве оригиналов другими художниками, дававшими многочисленные варианты этих основных портретов. При просмотре портретов Петра, написанных с него в период расцвета его преобразовательской деятельности, выбор был остановлен на портрете, писанном с натуры в 1717 г. лучшим голландским живописцем того времени Карлом Моором. Этот портрет является, повидимому, наиболее реалистическим из всех портретов Петра. Сам Петр, ценивший реализм в своих изображениях (на это указывает, например, маска, снятая с его головы при его жизни скульптором Растрелли, по которой потом было отлито совершенно точное воспроизведение головы Петра), выбрал именно этот портрет в качестве официального, и для распространения его заказал в 1718 г. гравюру с него лучшему голландскому граверу Хубракену. Эта гравюра, превосходно исполненная резцом, особенно ценна потому, что местонахождение портрета Моора неизвестно. Имея в виду официальный характер портрета, Хубракен заключил его в пышное обрамление, в котором

поместил государственный герб с императорским титулом Петра и два медальона с изображениями морского сражения при Гангуте и плана Петербурга, опирающиеся на якорь и пушки с ядрами.

К рис. 1. Согласно надписи на миниатюре, она изображает Петра еще царевичем, т. е. в возрасте не более 10 лет. Таким образом, это самый ранний по времени портрет Петра. В манере его письма (поза, складки кафтана) еще заметна иконописная традиция, но в трактовке головы уже видно стремление дать реалистический портрет, характерное и для большинства портретов «Корени российских государей». Черт реализма незаметно в других портретах Петра в детском возрасте русского происхождения, каковы, например, миниатюра в «чине венчания на царство царей Иоанна и Петра Алексеевичей», находящаяся в настоящее время в Оружейной палате (гравированная копия этого рисунка имеется в «Материалах для русской иконографии» Ровинского) и ряд гравюр 80-х годов XVII в., воспроизведенных в его же «Словаре гравированных портретов».

К рис. 7. Изображений Алексея Михайловича сохранилось немало; кроме таких, которые по характеру письма граничат с иконой (как, например, двойной портрет Михаила Федоровича и Алексея Михайловича в Государственном историческом музее или изображение Алексея Михайловича вместе с царицею Марией Ильиничной, царевичем Алексеем, патриархом Никоном и греческими царем Константином и царицею Еленой работы Салтанова, находящееся в Истринском музее), а также таких, в которых сквозь условность иконописной манеры письма видно стремление художника дать изображение именно данного человека (миниатюрное изображение Алексея Михайловича в «Корени российских государей», составленном в 1672 г., и близкий к этому изображению портрет маслом того же года, находящийся в Музее боярского быта в Москве), есть несколько портретов Алексея Михайловича в нашем смысле слова. Это — портрет неизвестного голландского мастера, находящийся в Эрмитаже, портрет в альбоме Мейерберга, портрет работы Лопуцкого в Государственном историческом музее и, наконец, портрет работы неизвестного художника, находившийся ранее в московском Главном архиве министерства иностранных дел, который воспроизведен здесь. Ему отдано предпочтение, так как он дает представление об Алексее Михайловиче в последние годы его жизни — перед нами лицо стареющего человека с отяжелевшими, обрюзгшими чертами и седеющими волосами.

К рис. 8. Портретов Федора Алексеевича имеется несколько, но бо́льшая часть их иконописного характера (лучшим среди них надо считать портрет в рост, написанный живописцами Салтановым и Максимовым и находящийся в Государственном историческом музее). Помещенный здесь портрет, подлинник которого находится в музее «Село Коломенское», несмотря на не слишком высокую технику письма, выгодно отличается от других изображений Федора Алексеевича своим реализмом.

К рис. 15. По мнению Ровинского («Словарь гравированных портретов»), оригиналами, по которым была выполнена данная гравюра, должны были быть портреты Ивана и Петра, привезенные в Париж русским посольством князя Долгорукого и князя Мышецкого. Можно присоединиться к предположению Ровинского о том, что гравюра сделана по оригиналам, привезенным из России и, вероятно, писанным с натуры, — на это указывает верность изображения одежды и лиц: перед нами, действительно, вялая фигура Ивана и живое, с быстрыми темными глазами лицо Петра. Но Ровинский ошибается, предполагая, что портреты были привезены в Париж посольством Долгорукого. Хотя в тексте, помещенном под гравюрой и упоминается о русском посольстве, но под ним надо подразумевать посольство не Долгорукого, выехавшее из Москвы во Францию только в 1687 г. (а гравюра помечена 1685 г.), а стольника Алмазова и дьяка Ипполитова, выехавшее из Москвы в Париж в январе 1685 г. для переговоров о заключении союза против турок и татар. Вместе с тем оно должно было известить французского короля о вступлении на престол Ивана и Петра Алексеевичей. Вполне вероятно, что послы привезли с собой их портреты.

К рис. 23 и 28. Из показаний на допросах по делу Ф. Шакловитого выяснилось, что Л. Тарасевич и его помощники черкасы, находясь на загородном дворе Шакловитого под Девичьим монастырем, вырезали на двух медных досках «персону царевны Софьи Алексеевны» «да герб Федки Шакловитого». С этих досок были сделаны оттиски, раздававшиеся разным лицам, причем портрет Софьи печатался не только на бумаге, но и на шелковой материи: атласе, объяри и тафте. Оригиналом для гравюры Тарасевича послужил портрет Софьи маслом, изображенной в медальоне, находящемся на груди двуглавого орла, на крыльях которого помещены аллегорические изображения семи добродетелей. В настоящее время этот портрет находится в Музее «б. Новодевичий монастырь» в Москве. Титла и вирши для гравюры с изображением Софьи были написаны Сильвестром Медведевым. Вот текст этих виршей:

«Какова в царском лицы премудрость сияет.
Какова честь в очесех и в устех блистает.
Та твоим о Россия царством обещанна.
От древних дедов тебе защищать создана.
Та имени твоего крепкая защита.
Вне о ранней варвару земле знакомита.
Клятво преступных знамен полки преломивше.
И неукрощаемых сердца умягчивша.
Вначале ее трие монархи случились.
С адрицким львом и крепки рати ополчились.
Благочестье, надежда в божьей десницы.
Ту крайно прославляют дев честии лицы.
Правдодержанна сердцем велико желанна.
И крепки рати в поле вести немотчанна.
Ибо ревнителен смысл и победоносен.
Дарованьми своими зело чюдоносен.
Великодушна тщанья мраморы являют.
Щедру руку зданные храмы прославляют.
Такова Семирамись у Ефрата жила.
Яже в веки памятно дело сотворила.
Елисавеф Британска скипетродержащи.
Пулхерия таковым умом бе смыслящи.
Россио аще царствы многими почтенна.
Преблагочестивою еси умаленна».

В 1687 г. Шакловитый передал А. А. Виниусу лист гравюры Тарасевича, «назнаменованной против того, каков напечатан», «чтоб такую ж персону за морем в Галанской земле велеть напечатать». Виниус послал заказ Николаю Витзену, амстердамскому бургомистру, неоднократно исполнявшему различные поручения московского правительства. Гравюра была вырезана амстердамским гравером Блотелингом, причем все находившиеся на ней русские надписи были заменены соответствующими латинскими. Около ста отпечатков этой гравюры были присланы Витзеном Виниусу и раздавались приверженцам Софьи (см. «Розыскные дела о Ф. Шакловитом», т. I). В 1699 г. гравюры Тарасевича и Блотелинга с изображением Софьи велено было уничтожить. Вследствие этого к концу XVIII в. уцелел всего лишь один экземпляр гравюры Тарасевича, с которого в 1777 г. была сделана копия Афанасьевым. По ней только мы и можем судить о гравюре Тарасевича, так как с тех пор и этот единственный экземпляр ее исчез. Гравюра Блотелинга была уничтожена совершенно, так что три экземпляра ее, имеющиеся, по наблюдению Ровинского, в настоящее время, были приобретены за границей уже позже (один из них находится в настоящее время в Музее изобразительных искусств им. А. С. Пушкина в Москве в б. коллекции Ровинского).

Из других современных изображений Софьи следует упомянуть о картинке, помещенной в книге: «*Schlessing*, Derer beyden Czaren in Russland, 1693—1694». Она изображена в рост в профиль в сарафане, на голове венец, на спину спускаются две длинные косы. на ногах башмаки на очень высоких каблуках. За Софьей идут женщины ее свиты. Картинка имеет карикатурный характер.

Из более ранних изображений Софьи очень интересен ее поясной портрет, написанный маслом и находящийся в Версале. На нем Софья совсем еще молодая девушка. На голове ее высокий венец, в ушах длинные серьги, на плечах ожерелье. Все эти украшения осыпаны жемчугом и камнями. Прекрасно написано лицо с большим умным лбом, но неприятным выражением тонких губ. В московском архиве министерства иностранных дел имелась фотографическая копия этого портрета. В б. коллекции Ровинского, находящейся в Музее изобразительных искусств в Москве, имеется гравюра, сделанная с этого портрета. Остальные портреты Софьи имеют или условно иконописный или фантастический характер.

К рис. 24. Для прославления военной деятельности В. В. Голицына в 1682 г. в Чернигове была выпущена аллегорическая гравюра Тарасевича (очевидно, по желанию царевны Софьи). В верхней части ее на груди двуглавого орла изображена в виде богоматери царевна Софья со щитом в левой руке, а правой мечущая громы на татарское войско, обратившееся в бегство от побивающего его всадника (В. В. Голицын); орел терзает трупы убитых татар; вдали видно стрелецкое войско. Толпа народа смотрит на эту борьбу. (Эта гравюра воспроизведена в «Материалах» Ровинского.)

К рис. 25. Оригиналом для этой гравюры послужил, видимо, не сохранившийся современный портрет маслом, с которого имеется несколько более поздних копий (см. например, в Государственном историческом музее в Москве). Изображение В. В. Голицына имеется на описанной выше гравюре 1682 г., прославляющей его воинские подвиги, а также, кроме того, в книге «Derer beyden Czaren» есть его конный портрет.

К рис. 32. В Государственном историческом музее в Москве есть поясной портрет маслом прекрасной работы, изображающий молодого человека в возрасте 22—23 лет в пышном черном парике, одетого в латы. По характеру письма этот портрет напоминает голландские портреты конца XVII в. (Меншикова, Лефорта, Б. И. Куракина и др.), а также портрет Петра работы Кнеллера. Этот портрет считается портретом Б. А. Голицына. Единственным основанием для этого утверждения служит надпись позднего происхождения, сделанная на обороте портрета: «Кн. Б. А. Голицын». Но надпись является, несомненно, ошибочной. Кн. Б. А. Голицын родился в 1654 г., следовательно, ко времени написания портрета он был уже пожилым человеком и должен был выглядеть много старше того, кто изображен на портрете. Можно предположить, что на портрете изображен один из молодых людей, посланных Петром учиться за границу. Если этот портрет вышел из семьи Голицыных, то возможно, что он изображает сына Б. А. Голицына — Алексея Борисовича, находившегося в конце XVII и в начале XVIII в. в Амстердаме, где с него и мог быть написан этот портрет.

К рис. 46 и 50. Оба эти плана хранятся под одним номером. Вместе с ними находятся: дублет плана осады, но без объяснения цифровых обозначений, и проект новых укреплений в Азове, составленный инженером де Лавалем и преподнесенный им Лефорту. На планах нет никаких надписей, поясняющих причину их составления (за исключением чертежа де Лаваля, который будет помещен в третьем томе данной работы), время, когда они попали в архив, и их происхождение. По всей вероятности, они в свое время находились в руках Миллера, который, судя по описям его портфелей, напечатанным Голицыным, занимался историей Азовских походов Петра (в настоящее время среди портфелей Миллера, хранящихся в ГАФКЭ, не имеется портфеля с данной работой). Вместе с многими другими планами и картами, собранными Миллером, эти планы могли попасть в отдел карт, планов и чертежей библиотеки б. Арх. мин. ин. дел. План Лаваля, несомненно, подлинный и относящийся к концу XVII в., дает возможность датировать и остальные, находящиеся вместе с ним, планы. На обороте его стоит русская надпись почерком конца XVII в.: «чертежи азовские». На обороте приводимого здесь плана осады тем же почерком написано: «азовские все чертежи». Таким образом, уже в конце XVII в. оба эти плана находились вместе. Может быть, план осады послужил вспомогательным материалом для Лаваля. На плане

самого Азова (рис. № 46) надписи сделаны тем же готическим мало разборчивым шрифтом, что и на плане осады (сравнить на прилагаемых снимках надписи: «Asoff»). На плане Азова стоит надпись: «1695». Ее можно принять за действительную дату составления обоих планов, так как в конце пояснений к плану осады (рис. 50) говорится об апрошах, редутах и батареях, сооруженных «в этом году». Планы составлены кем-то из иностранцев, одним из приближенных Лефорта. Это видно из того, что, обозначая места нахождения русских лагерей, автор плана называет Лефорта, не в пример другим начальникам, «господином», желая, очевидно, этим выделить его из среды остальных. Оба эти плана ценны особенно потому, что являются неизвестными до сих пор и единственными планами, относящимися к осаде Азова 1695 г. Несмотря на свою примитивность, они дают верное и наглядное представление о расположении русских войск и произведенных ими осадных работах. Правильность их можно проверить по помещенному под № 56 плану осады 1696 г., на который нанесены некоторые обозначения, относящиеся к осаде прошлого года.

К рис. 48. Кроме этого портрета Я. Ф. Долгорукого, есть еще изображение его в рост на гравюре, сделанной во время его пребывания в Париже в 1687 г. (см. «Словарь» и «Материалы» Ровинского). Есть также прекрасный гравированный портрет его, на котором он изображен пишущим; на голове его большой завитой пудреный парик. Судя по последнему обстоятельству, а также по титулу: «сенатор», этот портрет должен быть отнесен к более позднему времени, по сравнению с азовской осадой.

К рис. 54. Кроме этого примитивного наброска, представляющего интерес как произведение, вышедшее из-под пера Петра, сохранились и более точные современные планы, например, в атласе течения реки Дона, составленном Крюйсом, и в воронежском архиве (воспроизведен Елагиным в его «Истории русского флота»).

К рис. 55. План Боргсдорфа в несколько исправленном топографически виде приведен Устряловым в альбоме карт и планов, приложенном к его «Истории царствования Петра Великого», и Ласковским в альбоме к «Истории инженерного искусства в России». Этот же план, но несколько видоизмененный, повидимому, приведен и в приложении к «Дневнику» Гордона, изданному Поссельтом, и в приложении к его работе «Der general und admiral Fr. Lefort». План Азова конца XVII в. имеется в «Дневнике» Корба.

К рис. 56—58. Взятие Азова было для своего времени настолько крупным событием, что послужило темой для ряда изображений и в России и за границей. Так, на календарном листе 1696 г., на котором были изображены важнейшие события этого года, находилось и взятие Азова (см. рис. 58, изображение X). В книге «Meubach Tegenwoordige staaf van groat Russland... Peter Alexewitz», изданной в Амстердаме в 1717 г., есть картинка, изображающая шествие Петра через триумфальные ворота после взятия Азова. Еще больше внимания этой теме было уделено, конечно, в России. Первое место среди гравюр, посвященных взятию Азова, занимает, бесспорно, гравюра Шхонебека (рис. 56), сделанная по желанию самого Петра, как значится в тексте, помещенном под гравюрой. Она интересна как попытка дать реалистическое изображение исторического события. Фигуры действующих лиц сделаны, очевидно, с натуры, материалом же для изображения местности, в которой происходит действие, послужил, несомненно, план осады Азова, сделанный инженером Боргсдорфом (см. рис. 55). На него, вероятно, и указывает Петру Тиммерман. Кроме этой картины реалистического характера, был сделан ряд изображений фантастических в стиле того торжества, которое было устроено Петром при въезде в Москву после взятия Азова, исполненных, очевидно, по его желанию и в его вкусе. Кроме приведенного здесь изображения на рис. 57, можно назвать еще несколько, например, большая аллегорическая гравюра Нахтгласса, изображающая Петра на троне в короне и латах со скипетром и державой в руках. За ним и по сторонам его стоят аллегорические фигуры. Над ним — трубящая слава. В нижней части гравюры — щит с русским гербом, окруженный знаменами. По сторонам его — связанные турки и татары. Внизу — вирши, сочинения Ильи Копиевского (эта

гравюра воспроизведена в «Словаре» Ровинского и в его «Материалах»). Картинка, гравированная Тарасевичем для Патерика печерского в 1701 г., изображает Петра на коне, а за ним царевича Алексея Петровича и войско. В нижней части гравюры помещены виды Азова и Казы-Кермена. Еще позднее, во время Шведской войны, Шхонебек выпустил гравюру по случаю взятия Орешка, в которой опять вспомнил и о взятии Азова. Была выпущена и медаль в память взятия Азова, с изображениями с одной стороны штурма Азова, а с другой — портрета Петра (экземпляр этой медали имеется в Государственном историческом музее в Москве).

Помещенная в конце книги карта представляет собою копию карты, составленной Як. Брюсом на основании топографических материалов, собранных полковником Ю. Менгденом, в ближайшее время после азовского похода 1696 года. Согласно надписи, имеющейся на карте, амстердамский купец Иоганн Тессинг, заключивший в 1700 г. договор на печатание для России книг и карт, «выразел ее на меди латинскими и русскими буквами», но, повидимому, не успел выпустить в свет (он умер в 1701 г.). По крайней мере, о существовании такой карты сведений нет. Г. Ф. Миллер считал, что аналогичная карта, помещенная в атласе Гоманна 1731 г., является копией карты Брюса; но на карте Гоманна все надписи сделаны только по-немецки.

Таким образом, помещенная здесь копия карты Брюса представляет собою большую ценность, как воспроизведение не сохранившегося подлинника карты Брюса. Как видно из надписи, копия была сделана при жизни Брюса, причем он назван генерал-фельдмаршалом; следовательно, ее надо отнести ко времени между 1727 (дата назначения Брюса генерал-фельдмаршалом) и 1735 г. (дата его смерти). По справке, наведенной А. И. Андреевым в рукописном отделении библиотеки Академии наук в Ленинграде, где в настоящее время хранится эта копия, она попала туда в составе коллекции карт Як. Брюса, поступившей после его смерти в Академию наук.

Карта Брюса представляет интерес, как наиболее близкая по времени составления к азовским походам и непосредственно к ним относящаяся. Вместе с тем для своего времени она отличается большою точностью, вследствие чего сохраняла практическое значение и в последующее время. В русском переводе работы академика Байера «Die Begebenheiten von Asow» (1734 г.), вышедшем под заглавием: «Краткое описание всех случаев, касающихся до Азова», говорится об этой карте, что она «и по сие время еще за исправнейшую почитается».

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

Условные сокращения: архм — архимандрит, архп — архиепископ, б-н — боярин, дв. — дворянин, еп. — епископ, кн. — князь, мтр — митрополит, ок. — окольничий, ст.—стольник, ц. — царь, ц-ч — царевич.

Г

Ж

З

И

К

Н

О

П

Р

С

Х

Ц

Ч

Ш

Щ

Э

Ю

Я

УКАЗАТЕЛЬ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ

Условные сокращения: г. — город, г-к — городок, д. — деревня, р. — река, рч. — речка, у. — уезд

А

Б

В

Г

Д

Е

Ж

З

И

К

Л

М

Н

О

П

Р

С

ОБЪЯСНИТЕЛЬНЫЙ СЛОВАРЬ

А

Ага — начальник янычар.

Аксамит — плотная шелковая ткань, затканная нитями пряденого золота (см.) или сплошь (аксамит гладкий), или в виде узора, образуемого рельефными петлями (аксамит петельчатый). А. был самой дорогой материей XVI—XVII вв. и употреблялся почти исключительно в придворном кругу.

Алебарда — холодное оружие, представляющее собой соединение топора с копьем на длинном древке. А. имела характер декоративного оружия, употреблявшегося при торжественных дворцовых церемониях.

Алтабас — тяжелая шелковая ткань, близкая к аксамиту; отличалась от последнего тем, что была заткана нитями не пряденого, а более тонкого волоченого золота (см.), которые придавали ей металлическо-кованный вид. А. ценился несколько дешевле аксамита и был распространеннее его.

Амбразура — бойница, крытый проем в стене укрепления для стрельбы из орудий.

Анбурский — гамбурский.

Антидор — большая просфора, хлеб, употребляемый при христианском богослужении.

Апроши (подступы) — продолговатые ровики с внешней насыпью, служащие для безопасного приближения к атакованному фронту крепости.

Ароматник — флакон для духов.

Аспид — мрамор.

Атаман кошевой — начальник куренных (сельских атаманов), подчиненный гетману.

Атаман наказный — исполняющий должность атамана.

Аханный осетр — пойманный особой двойной сетью — аханом.

Б

Багинет — род длинного ножа с обухом, имевшего черен, которым мог вставляться в дуло ружья — штык.

Байберек — легкая, мягкая ткань преимущественно восточного происхождения, состоящая из некрученого шелка с шерстью, репсовой выделки (рубчатая), иногда пробиравшаяся тонкими нитями пряденого золота (см.), гладкая или с рисунком.

Бараши — жители Барашской слободы в Москве, придворные шатерничьи.

Бархат двоеморхий — имеющий два ворса («морха»): один—низкий—служил для образования фона («земли») ткани, другой — высокий — для образования узора.

Басманник — житель Басманной слободы в Москве.

Бастион — наружный выступ в укреплении, обычно пятисторонний, образованный изломом линий вала и рва; он служит для обстреливания наружного пространства между соседними бастионами.

Батарея (раскат) — укрепление, занятое прикрываемой им артиллерией.

Бахтерцы — доспехи, состоявшие из продолговатых плоских блях, нашитых на полукафтанье.

Баштыкин — орудие, заряжавшееся с казенной части.

Беги небесные — изображение неба с солнцем, луной, звездами и планетами — излюбленный мотив росписи потолков в царских и боярских палатах XVII в.

Бей — правитель города у турок.

Бердыш — топор с длинным искривленным лезвием, насаженный на древко; иногда снабжался удлиненным в виде молотка или стержня обухом.

Бизария — горячность.

Бирич (бирюч) — глашатай, объявлявший по улицам и площадям правительственные постановления.

Ближние люди — придворные.

Блинда — деревянная рама из двух стоек и двух поперечных брусьев;

употребляется во время осады крепостей при устройстве из траншей спусков в ров, подверженных наклонным выстрелам с валов.

Блиндаж — род щита, служащего для прикрытия войска, орудий и военных запасов в траншеях и других укреплениях.

Бобыль — крестьянин, не имевший полевого хозяйства вследствие бедности, но часто сохранявший за собой усадьбу.

Большой полк — главный корпус русской армии XVI—XVII вв.; см. полк.

Бой свальный — общий.

Больверки — каменные сооружения, служащие для защиты морских берегов от разрушительного действия волн.

Боярская дума — феодальный совет при царе, состоявший из думных людей: бояр, окольничих, думных дворян и думных дьяков. Круг ведомства Б. д. не был точно определен.

Брандер — зажигательное судно. Б. наполнялся горючим материалом и пускался по ветру на неприятельский флот.

Бригантина — малое судно из разряда галер с длинными тонкими веслами, одной мачтой и одним косым парусом, легкое на поворотах и мелко сидевшее в воде.

Бруствер — прикрытие в виде земляного вала или бревенчатой или каменной ограды, возвышавшейся над крепостной стеной, через которое отстреливаются от осаждающих.

Будара — см. струг.

Буздухан — видоизменение булавы (см.) с яблоком, усаженным шипами или гвоздями.

Булава — почетное оружие, эмблема власти; представляет собой короткую рукоять с «яблоком» (шаром) на конце.

Бунчук — конский хвост, насаженный на украшенное древко, употреблявшийся, как знак сана или власти.

В

Вагенбург — способ расположения военного лагеря в пути, четырехугольником, образуя защиту.

Варя [солода] — количество напитка, сваренного за один раз.

Венедейский — венецианский.

Верки — отдельные части воинских укреплений, составные части крепости.

Верх — царский дворец.

Верховые города — города центральной части Московского государства.

Весло правильное — рулевое весло.

Взнять — поднять.

Вирши — стихотворные произведения, построенные по правилам силлабического стихосложения; начали распространяться в России с конца XVII в. под влиянием ученых украинцев во главе с Симеоном Полоцким.

Власти — высшие должности в монастырском управлении.

Воевода — высшая административная должность в местном управлении, в которой соединялись функции гражданского и военного управления.

Воевода полковой — командующий армией или частью ее.

Возник — упряжная лошадь.

Волошский — румынский.

Ворот — вал на оси, приводимый в движение колесом и служащий для поднятия тяжестей.

Воскресенье мясопустное — воскресенье перед мясопустной неделей, или масленицей.

Вязень — пленник, узник.

Вялый — вяленый.

Г

Голландка — род пушки.

Галант — обходительный человек.

Гамаюн — согласно «Толковому словарю» Даля это название следует производить от глагола гомоюнить, что значит шуметь, буянить.

Галеас — самое большое из парусных и гребных судов; имело те же части, что и галера (см.), но было на одну треть длиннее галер, соответственно шире и выше их: имело по 3 мачты, с 1 парусом на каждой. На носу Г. помещалась трехъярусная батарея с 7 пушками; на каждое весло требовалось по 7 человек; экипаж состоял из 800—1200 человек. Движения Г. при их тяжести и громоздкости были довольно медленны и неповоротливы; поэтому в Западной Европе Г. уже к середине XVII в. вышли из употребления.

Галера — парусное и гребное судно с двумя мачтами, которые можно было убирать в случае надобности; на них были большие треугольные паруса; на носу помещалось пять орудий; экипаж — до 450 человек; на каждом весле сидело по 5—6 человек. В Западной Европе в качестве гребцов обычно употреблялись осужденные или военнопленные, ноги их приковывались к скамьям, на которых они сидели. Далматское название Г. —

«каторга» — было перенесено на наименование гребной работы на ней, а затем и принудительного труда вообще.

Галиот — малая галера; имел одну, а иногда и две мачты; был очень быстроходен и легок на поворотах.

Гаубица — короткое артиллерийское орудие, длина его занимает среднее место между мортирой и пушкой.

Генерал-профос — судья.

Гнездо — пара.

Город — центральная часть городской территории в нашем смысле слова, обнесенная (огороженная) стеной с башнями и воротами; в ней помещались правительственные учреждения. Г. в частном смысле слова в XVII в. назывался Архангельск; употреблённый в этом значении, как имя собственное, «город» пишется в тексте с прописной буквы.

Города поднизовые — расположенные по низовьям Волги.

Городовое дело — повинность постройки и ремонта укреплений.

Гости — высший слой купечества, наделенный привилегиями и несший некоторые казенные службы по финансовому управлению.

Гостиная сотня — вторая группа привилегированного купечества после гостей, также несшая в виде повинностей казенные службы.

Готовальня — какой-либо карманный набор инструментов, уложенный в футляр.

Гривенка — фунт.

Гумор — нрав.

Д

Дворцовые слободы — слободы, населенные ремесленниками и находившиеся в ведении приказа Большого дворца, заведывавшего снабжением царского двора; ему были подчинены дворы (дворцы): Кормовой, Сытенный, Хлебенный и Житный (Житенный) — см. эти слова.

Дворяне городовые — провинциальные служилые люди, приписанные к уездным городам и делившиеся на три разряда: дворян выборных, детей боярских дворовых и детей боярских городовых.

Дворяне московские — одна из групп, на которые подразделялось столичное дворянство, составлявшееся из стольников, стряпчих, дворян московских и жильцов. Из рядов столичного дворянства, главным образом, назначались должностные лица центрального и областного управления как в гражданской, так и в военной областях; оно занимало также придворные должности и входило в состав посольств.

Деловцы — работники.

Дети боярские — низший разряд провинциального дворянства.

Диадима — широкий круглый воротник, вроде пелерины, покрывавший грудь и плечи; делался из тяжелой «золотной» материи и украшался шитьем с жемчугом, драгоценными камнями и небольшими иконами. Д. составляла часть церемониальной царской одежды.

Дощаник — речное плоскодонное судно с мачтой и палубой, служившее для перевозки груза.

Древко тощее — древко, пустое внутри, легкое.

Дска — доска.

Дукат — золотая монета, червонец.

Думные люди — члены Боярской думы (см.); в состав их входили: 1) высший разряд служилых чинов, делившийся на три группы: бояр, окольничих, думных дворян и 2) думные дьяки (см. эти слова).

Думный дьяк — звание, в которое возводились дьяки за служебные заслуги и которое давало право на участие в заседаниях Боярской думы. Несмотря на то, что Д. д. среди членов Боярской думы занимали низшее место, они фактически являлись наиболее влиятельной и инициативной частью этого учреждения.

Дьяки — помощники бояр и окольничих по управлению приказами и провинциальными воеводскими и съезжими избами (см.). На них фактически лежала вся текущая работа этих учреждений. Д. входили также в состав посольств.

Е

Ертоул — передовой отряд русской армии XVI—XVII вв., на обязанности которого лежала разведочная часть и улучшение путей, по которым двигалось главное войско.

Есаул — чин в казачьем войске.

Ества — кушанье.

Ж

Жагра — рогатка, служащая для поддержания фитилей при пальбе, а также пальник.

Жаркий цвет — огненный.

Жильцы — низший разряд столичного дворянства, набиравшийся из уездных дворян, по очереди назначавшихся в Москву для несения охраны царского дворца и занятия административных должностей. Вместе с остальными группами столичного дворянства Ж. составляли «государев полк» — царскую гвардию, сопровождавшую царя во время походов.

Житный или *житенный* двор — склад для хранения зерна, поступавшего из дворцовых владений.

З

Завод — снаряжение.

Завязошный ряд — один из торговых рядов в Москве на Красной площади; в нем продавалась тесьма, шнурки и прочие подобные предметы.

Задворные люди — холопы, поселенные своими владельцами на отдельных участках земли, на которых они жили своим особым хозяйством и платили с них оброк или несли барщину.

Запана — украшение в форме застежки, брошки, бляхи из драгоценного металла с камнями, часто отделанное эмалью.

Засека — искусственное препятствие, состоявшее из ряда деревьев или крупных ветвей, наваленных или уложенных вершинами к стороне неприятеля одно около другого.

Засечная линия — оборонительная преграда из засек, применявшаяся для обороны южной и юго-восточной границ России до XVIII в.

Зелье — порох.

Зелейная казна — запас пороха.

Зельный чин — чрезмерный.

Земля — фон.

Земский собор — учреждение, функционировавшее в тех случаях, когда крепостническое правительство нуждалось для проведения своих мероприятий в поддержке феодальных верхов. В своем полном составе З. с. складывался из: 1) Боярской думы (см.), 2) Освященного собора (см.) и 3) представителей от служилых чинов и купечества.

Зипун — короткий кафтан, доходивший только до колен, со стоячим воротником.

Знак — см. клейнод.

Золотный — сделанный из материи, затканной золотыми нитями.

Золото волоченое — тонкая золотая проволока.

Золото пряденое — шелковая нить, обернутая тончайшей и узкой золотой полоской.

Золото твореное — раствор золота, употреблявшийся при живописных работах.

Зурна (сурна) — духовой деревянный музыкальный инструмент, имеющий вид свирели или рожка.

Зуфь — шерстяная ткань восточного происхождения.

И

Извет — донос.

Изращатый пирог — печенье, украшенное узорами, торт.

Интернунций цесарский — второстепенный австрийский посол, состоявший при правительствах, с которыми не поддерживалось особенно оживленных сношений.

Испод — изнанка, подкладка, подбой.

Испод белий черевий — подкладка, сделанная из беличьих брюшков (низший сорт беличьего меха по сравнению с «хребтами», имевший низкий ворс и применявшийся при изготовлении мелких вещей).

К

Кабацкий голова — должностное лицо, выбиравшееся из зажиточных посадских людей, ведавшее продажей казенного вина.

Казенка — отгороженная дощатыми перегородками часть комнаты с особой дверью, служившая в приказах в качестве помещения для склада, архива, для хранения денег или в качестве кабинета начальника приказа.

Казна — в данном случае денежные средства.

Казначей — придворный чин, заведывавший приказом Большой казны.

Каланчи — две каменные башни, выстроенные турками на обоих берегах Дона одна против другой для охраны подступов к Азову в трех верстах от него выше по течению.

Калья — суп.

Камера (в артиллерии) — внутренняя пустота, простор в чем-либо.

Камка — легкая шелковая ткань полотняного переплетения с узором того же цвета.

Камка-куфтерь — лучший сорт итальянской камки с крупным узором.

Камка-лудан (лаудан) — английская камка (лондонская).

Камка мелкотравная — низший сорт камки, самая тонкая, с мелким узором.

Капабель — способный.

Капитонская ересь — одна из раскольничьих сект, получившая название по имени ее основателя Капитона.

Каптана — зимний экипаж, закрытый возок.

Карабин — ружье с коротким стволом.

Караван судов, морской караван — флот.

Каторга — парусное и гребное судно; см. галера.

Каторжные мастера — корабельные мастера.

Кафтан ездовой — надевавшийся при верховой езде; он кроился короче обычного и с более короткими рукавами, но делался шире в подоле.

Квадрант — инструмент, употреблявшийся в артиллерии для повышения орудия на известное число градусов.

Керакса — рамка с натянутыми на нее в поперечном направлении параллельно расположенными толстыми нитями. К. накладывалась на страницу книги или тетради перед тем, как надо было писать; по ней проводили костяной палочкой, отчего на бумаге получался отпечаток линеек. К. заменяла современный транспорант.

Клевикорт — клавикорды, старинное фортепиано.

Клей-карлук — рыбий клей.

Клеймо — украшение, литое из олова, на пушках.

Клейнот, клейнод — войсковой знак, символ власти; к К. принадлежали: бунчук, булава, пернач и др. (см.).

Колымага — летний экипаж, коляска.

Констапель — низший командный чин в морской артиллерии.

Контрвалационная линия — непрерывная линия укреплений, которой осаждавшие войска окружали свое расположение для обеспечения линии обложения от прорыва и вылазок из осажденной крепости.

Кончар — род меча с узким лезвием (полосой).

Конюшенного чина люди — штат, состоявший при царских конюшнях.

Кормовой дворец (двор) — учреждение, заведывавшее хранением и выдачей провизии для царского стола, а также штатом царской кухни.

Кормовые иноземцы — иноземцы, состоявшие на русской правительственной службе и получавшие ежемесячные «кормы», т. е. содержание натурой.

Коробья — гнутый короб, сундучок с напускной крышкой, круглый или с четырьмя тупыми углами.

Коруна — корона.

Косяк — косой ломоть, пластина клином, в данном случае являвшаяся мерой мыла (мыло продавалось «косяками»).

Крашенина — окрашенный холст.

Кравчий — придворный чин, на обязанности которого было во время торжественных придворных обедов подавать блюда царю и наблюдать за прислуживавшими у стола стольниками (см.).

Крепость — укрепление.

Крестовая палата — моленная.

Крестьяне черные — государственные крестьяне.

Круг [казачий] — сходка.

Крыльца — лопатки.

Кумпанство — 1) товарищество, добровольно составленное из землевладельцев для отбывания повинности постройки кораблей;

2) комплекс из 8 тыс. дворов духовных землевладельцев или 10 тыс. дворов светских землевладельцев, от которого должен был быть построен один корабль.

Куншт — гравюра.

Купа — группа.

Куранты — газеты.

Куртина (в укреплении) — линия, соединяющая два соседних бастиона.

Куря — курица.

Л

Лестовка — ремень, кожаные четки раскольников.

Литавра — род музыкального барабана, медный котел в форме полушара, затянутый с открытой стороны кожей с винтами для настройки.

Лицевой — иллюстрированный.

Личина — портрет.

Ложемент — ров с прикрытием со стороны неприятеля, служащий для защиты стрелков.

Лубье саадашное — футляр для хранения лука и стрел; см. саадак.

Лучки жильнички — луки с тетивой из жил.

М

Мама — старшая няня.

Марш — поход, путешествие.

Мафематийский — математический.

Мед обарный — мед, заваренный кипятком, род сбитня (?).

Мед-сырец — сотовый мед (в противоположность напитку, изготовленному из меда).

Мех к делам — мешок, в который клались бумаги, заменявший современный нам портфель.

Минея месячная — церковная служебная книга, разделенная помесячно, заключает в себе богослужебные песни на каждый день месяца на весь год.

Мозжера — мортира.

Морх (в бархате) — ворс.

Мошкотелен вейн — виноградное вино мускат.

Мундштук — уздечка с удилами и различными украшениями, надевавшимися на лошадь.

Н

Набат — 1) тревожный колокольный звон; 2) большой медный барабан, употреблявшийся в русских войсках XVII в.

Набат потешный — игрушечный барабан.

Навечерие — канун, вечер перед каким-либо днем, например, праздником.

Навигация — плавание, судоходство.

Навигацкая наука — наука мореплавания.

Нагалище, влагалище — футляр, чехол.

Надолбы — бревна, стоймя вкопанные за наружным краем рва в один, два или три ряда с тем, чтобы неприятель не мог ни перескочить через них, ни пройти между ними. Н. составляли обычное средство защиты от нападения татарской конницы. В отдельных случаях Н. назывались также перила.

Накра — музыкальный инструмент, бубны.

Налой учительный — род столика с наклонной верхней доской, пюпитр для писания в стоячем положении.

Напарей, напарья — большой бурав в виде лопаты или совка с коловоротом.

Напуск — натиск.

Наряд пушечный — артиллерия.

Наряжать — приготовлять.

Начелок — часть убора, надевавшегося на верховую лошадь.

Нашивка плетеная — украшение в виде полосы из вышивки, золотой тесьмы или кружева, нашивавшееся на одежду в поперечном направлении около пуговиц; иногда концы нашивок служили завязками вместо пуговиц.

Недоросли служилые — служилые люди, достигшие пятнадцатилетнего возраста, с которого начиналась обязательная служба.

Нетчики — лица, уклонявшиеся от обязательной службы или повинности.

О

Обвестить — известить, уведомить, сообщить.

Оберегатель [«царственные большие печати и государственных великих посольских дел оберегатель»] — почетный титул, данный правительницей Софьей в 1683 г. начальнику Посольского приказа кн. В. В. Голицыну.

Обоз — лагерь.

Образец — изразец.

Обращатый — изразцовый, сделанный из поливных изразцов.

Объярь — шелковая материя сатиновой или репсовой выделки (рубчатая), которая иногда сплошь пробиралась тончайшими полосками золота или серебра.

Однорядка — долгополый однобортный кафтан без воротника с разрезами по бокам подола; у ворота, на груди и в разрезах помещались нашивки, состоявшие из завязок с кистями.

Окольничий — второй после боярина чин в разряде думных людей (см.). О. занимали те же должности, что и бояре, но с несколько меньшим значением: назначались начальниками приказов или помощниками их, если начальниками были бояре, городовыми воеводами, вели дипломатические переговоры, участвовали в придворных церемониях.

Омшеник — зимняя кладовая, промшеная, проконопаченная изба без печи.

Опашень — верхняя мужская одежда, запахивавшаяся, заходившая по-

лою за полу, широкий долгополый кафтан с разрезами в подоле по бокам; перед украшался нашивками с пуговицами.

Оружничий или *оружейничий* — заведовавший Оружейной палатой и Оружейным приказом.

Освященный собор — высшие духовные чины во главе с патриархом.

Ослопная [свеча] — толстая и длинная.

Охабень — мужская одежда с четырехугольным откидным воротником, сходная с опашнем, но более легкая.

Охотник — доброволец.

Охтавик — музыкальный инструмент.

П

Палаш — меч с широким обоюдоострым прямым клинком и закрытым эфесом.

Палисад — частокол, тын, ограда из кольев.

Палуб — кусок луба, служащий для прикрытия от дождя и пыли клади, везущейся на телеге.

Палуба — крыша, потолок, накат, настилка.

Партикулярная постройка кораблей — кумпанская, общественная в отличие от постройки, производимой средствами казны.

Паузок — речное судно, служившее для перегрузки клади с больших судов — дощаников — на мелководье.

Пеня — в данном случае вина.

Пергамин — *пергамент*, телячья или другая кожа, выделанная для письма и употреблявшаяся взамен бумаги до распространения последней; позднее на пергаменте стали писать лишь документы, требовавшие вследствие своей важности особой сохранности, например, грамоты.

Передняя — комната во дворце, приемная царя.

Перепечь — печеное яйцо.

Пернач — булава с «яблоком» (шаром) из поставленных ребром «перьев» (щитков).

Персонник — альбом с изображениями каких-либо лиц.

Песочница — сосуд, сходный по форме с чернильницей, закрывавшийся крышкой с мелкими дырочками. П. наполнялась песком и служила для засыпки им исписанной бумаги, заменяя современную промокательную бумагу.

Петарда — жестяная коробка, начиненная порохом для взрыва чего-либо.

Пешня — железный лом с ручкой, в которую вставляется деревянная рукоять.

Пиловая мельница — мельница, служащая для распиливания дерева.

Пистоль — пистолет.

Пищаль винтованная — ружье с нарезанным стволом.

Площадной. «Площадью» или «площадкой» называлось Постельное крыльцо в Кремле, находившееся посреди дворцовых зданий; на нем ежедневно собирались младшие придворные чины и приказные люди, которым надо было быть во дворце, но которые не имели доступа в его внутренние помещения. Отсюда произошло выражение «площадной» в смысле обыкновенного, рядового, в противоположность «комнатному», дворцовому.

Подволока — потолок.

Подпушка — подкладка в платье.

Подьячие — основные канцелярские работники, делились на старших и младших. Старшие назначались помощниками дьяков в московских приказах и провинциальных учреждениях; в низших провинциальных канцеляриях они вели самостоятельную работу. Младшие подьячие — писцы.

Полк — корпус. Армия русского государства подразделялась на пять полков (в смысле корпусов): большой — главные силы, передовой — авангард, правой руки, левой руки и сторожевой — арьергард. Иногда перед передовым полком шел еще ертоул — передовой, разведочный отряд.

Полки иноземного строя — впервые были сформированы в 1632 г. для похода на Смоленск. Они составлялись из низших разрядов провинциальных служилых людей (главным образом детей боярских), под командой иностранных офицеров и состояли из пехоты (солдатские) и кавалерии (рейтары, драгуны). К концу XVII в. число этих полков сильно возросло.

Полоть мяса — полтуши, разрубленной вдоль.

Полукаторжи — гребные и парусные суда малого размера: каторги, галеры (см.).

Портище [материя] — отрезок ткани, необходимый на какую-либо одежду.

Порты [триумфальные] — ворота.

Посадские люди — часть городского

населения (торговое и ремесленное), участвовавшая в несении посадских повинностей и в платеже налогов.

Посошные люди — люди, собиравшиеся для отбывания какой-либо государственной повинности с «сох». Сохой называлась окладная земельная единица, заключавшая в себе различное количество земли, в зависимости от ее качества и принадлежности ее землевладельцам светским, духовным или казне.

Постельница — придворный чин при царице.

Постельничий — придворная должность. П. ведал всей «государевою постельною казною» (платьем, бельем и пр.) и хранил царскую печать. Ему были подчинены спальники и стряпчие (см.).

Потеха — игра, забава, игрушка, зрелище, охота, конский бег и пр.

Потешный — игрушечный.

Прапор, прапорец — знамя, значок.

Прибор — набор, вербовка.

Приговаривать — нанимать.

Приговор — определение, постановление.

Приказы — высшие центральные учреждения в Москве, соединявшие в себе функции судебные и административные.

Приказы стрелецкие — стрелецкие полки.

Приказные люди — канцелярский состав приказов.

Причалка воровинная — веревка, которой что-либо привязано.

Протазан — фигурное, широкое, иногда золоченое и резное, копье с большой кистью под ним, насаженное на длинное древко. П. представлял собой декоративное оружие, применявшееся при торжественных придворных церемониях.

Прут осетрий — вязига, сухожилие, лежащее вдоль хребта красной рыбы.

Пшено сорочинское — рис.

Р

Равелин — вспомогательная постройка в виде угла, состоящая из вала и рва; располагается перед серединой наиболее важных сторон или фронтов крепостной ограды и прикрывает расположенные позади нее крепостные ворота.

Разводить — распределять.

Разряд, или *Разрядный приказ* — центральное учреждение, ведавшее организацией военной службы.

Разряды — военные округа, на которые Московское государство подразделялось в XVII в.

Разряды дворцовые — официальный журнал, в котором отмечались придворные церемонии и назначения служилых людей на должности в Москве и провинциальных городах.

Райна — рей, поперечное дерево на мачте, к которому привязан парус.

Ракитки — порода мелких попугаев.

Раковинный — перламутровый.

Рамена — плечи.

Раскат — плоская насыпь или помост под валом крепости для постановки пушек.

Регимент — полк.

Регимент морской — морской экипаж.

Редут — полевое укрепление, представляющее замкнутый квадрат или иной многоугольник, охваченный земляным валом (бруствером) и наружным рвом со всех сторон.

Резь — резьба.

Ренское — белое виноградное вино, рейнвейн.

Репей — живописное или резное украшение в форме розетки.

Рогатина — видоизменение копья; обоюдоострое лезвие, насаженное на древко.

Рожон — заостренный шест.

Романея — заграничное виноградное вино.

Рудожелтый цвет — оранжевый.

Рундук — площадка, помост со ступенями перед крыльцом.

Рында — телохранитель, назначавшийся из стольников и стряпчих (см.). Во время торжественных придворных церемоний Р. стояли по сторонам трона в белых кафтанах, опушенных горностаем, в высоких шапках, с серебряными топорами в руках.

С

Саадак — 1) налучье, чехол на лук, обычно кожаный, тисненый, иногда убранный серебром и золотом и украшенный драгоценными каменьями, или бархатный, вышитый.

2) весь прибор, состоявший из лука с налучьем и колчана со стрелами.

Сапа — защищенный наружным прикрытием ров для подхода к крепости.

Сар — матрос.

Сбитень — горячий напиток из подожженного меда с пряностями; заменял собой чай.

Свальный — общий.

Свечи сальные маканые — низший

сорт свечей. Макаными свечи назывались по способу приготовления: фитиль погружался, «макался» в растопленное сало, отчего на нем оставался слой сала. Повторив эту операцию несколько раз, получали свечу. Такой способ приготовления свечей был самым примитивным, и маканые, или «маковые», свечи ценились дешевле других сортов.

Свидетельствованный лист — свидетельство, удостоверение, аттестат.

Северьга — стрела.

Седельный ряд — один из торговых рядов в Москве на Красной площади.

Сект — заграничное виноградное вино.

Сенс — разум, мысль.

Синклит — совет.

Сказка — показание, сведение, объявление.

Сканный — филигранный (род ювелирной работы из металлической проволоки, преимущественно серебряной).

Складка — группа, складчина.

Скобель — нож с двумя поперечными ручками на концах.

Служилые чины — разряды, на которые делились служилые люди.

Смирный — траурный.

Сокольник — *лицо*, приставленное к ловчим птицам для ухода за ними, обучения и охоты.

Сорок соболей — соболя обычно продавались связанными по сорок штук (количество, нужное на шубу). Более дорогие соболя продавались парами, а самые лучшие — по одной штуке («одинцы»).

Сотские черных слобод и сотен — выборные органы самоуправления, выбиравшиеся населением сотен и слобод (см.) из числа «лучших» (зажиточных) людей, а на деле являвшиеся низшими органами правительственной власти на местах.

Спальник — придворный чин; спальники по очереди дежурили в царской спальне.

Спектакуль — зритель.

Статейный список — группа документов, касающаяся того или иного русского посольства в иностранные государства: грамоты, документы предшествующего времени, касающиеся посольства в ту же страну и взятые для справок, описание самого путешествия посольства и др.

Став, ставик — один из видов посуды.

Ставка медов — изготовление напитков из меда.

Стапель — помост и все устройство на берегу для стройки и спуска кораблей.

Старшина [казачья] — круг лиц, занимавших должности при гетмане в полках и в сотнях.

Статьи — предложения.

Стольник — один из чинов столичных служилых людей. Название этого чина указывает на его преимущественно придворное значение — смотрителя за царским столом, прислуживавшего за ним во время торжественных обедов, но эти обязанности в XVII в. распределялись среди сравнительно небольшого круга комнатных, или ближних, стольников, большинство же стольников назначалось на различные административные должности: воеводами, начальниками второстепенных приказов, послами.

Столповые приказчики — дворцовая должность, заведующие царскими лошадьми, сбруей, экипажами и фуражом.

Страмент — инструмент.

Стремянные конюхи — сопровождавшие царя во время его поездок.

Стремянной стрелецкий полк — полк стрельцов, сопровождавший царя во время его поездок.

Струг — речное плоскодонное гребное судно, употреблявшееся для перевозки грузов.

Струг ертоульный — передовой струг во флотилии.

Струи — узор в виде разводов на объяри (см.); отсюда — «струйчатая» объярь (муар).

Стряпчий — 1) одна из групп столичного дворянства, вторая за стольниками; С. заведывали царской «стряпней» — личными вещами царя (платьем, бельем, сбруей и др.), помимо придворной службы С. назначались на воеводства в третьестепенные города, входили в состав посольств и несли другие административные обязанности незначительного ранга;

2) ходатай по делам.

Стряпчий конюх — придворный чин конюшенного ведомства; на обязанности С. к. лежало хранение «конюшенной стряпни», т. е. сбруи.

Стяг говядины — очищенная мясная туша, без головы и ног.

Суконная сотня — третья после гостей группа привилегированного купечества.

Супе — ужин.

Суптельный — тонкий, легкий.

Сурожский ряд — один из торговых рядов в Москве на Красной площади, в котором торговали шелковыми и бумажными материями (привозившимися из-за границы).

Съезжая изба — канцелярия воеводы; здесь — местное административное учреждение.

Сытный двор (дворец) — дворцовое учреждение, в ведении которого находились: приготовление пива, меда, вина, погреба с этими напитками, посуда для них.

Т

Табор — военный лагерь.

Такелаж — общее название всех снастей на судне.

Таможенная книга — документ таможенного управления, составлявшийся таможенными головами на месте нахождения таможен; в Т. к. заносились сведения о продававшихся или провозившихся товарах и о количестве пошлин, взятых с них.

Таможенный голова — выборная должность из зажиточных посадских людей для взимания торговых пошлин и ведения таможенных книг.

Тараруй — болтун, шутник, человек несерьезный.

Тафта — легкая шелковая одноцветная ткань полотняного переплетения.

Тафья — круглая шапочка, плотно покрывавшая верх головы (ермолка, тюбетейка).

Творог-извар — творог, приготовленный из топленого молока(?).

Терлик — длинный кафтан, сшитый в талию с длинными же рукавами, украшенный спереди нашивками с кистями и пуговицами; в XVII в. Т. употреблялся лишь в качестве служебного платья при дворе.

Тесак — меч с прямым, широким, коротким обоюдоострым клинком и крестообразной рукоятью.

Теснота — стесненное, тяжелое положение.

Теша — тешка, брюшко красной рыбы с краем бочков.

Тисок — пресс.

Толмач — переводчик устной речи в отличие от переводчиков письменных документов; от последних требовалось лучшее знание иностранных языков.

Топор посольский — серебряный топор, который держал рында (см.).

Торги — торговый капитал.

Травчатый, травный — узор, состоящий из «трав», растительного орнамента.

Транжемент — лагерь.

Траншея — *окопы*, состоящие из рва и бруствера (см.), насыпанного к стороне неприятеля.

Трип — шерстяной плюш.

Трость морская — болотное коленчатое растение, камыш, тростник, бамбук.

Тулумбас — большой турецкий барабан, в который бьют одной колотушкой.

Тумбас — турецкое грузовое судно.

Тура — цилиндр, сплетенный из прутьев и наполненный землей. Т. составляли прикрытие полевых окопов: за ними помещались орудия осаждающих.

Турский — турецкий.

Тягло — податная обязанность.

У

Уж — веревка.

Утя — утка.

Ушкола — лодка.

Ф

Фальконет — артиллерийское орудие небольшого калибра, стрелявшее свинцовыми ядрами.

Фас — лицевая сторона.

Фашина — связка хвороста, вязанка прутьев, которыми закладывают топкие места, заваливают рвы, кладут под насыпи батарей.

Ферезь — мужское длинное платье с длинными же рукавами, без воротника, с разрезами в боковых частях подола; украшение ее составляли нашивки (см.) с кистями. Ф. имела значение официального мундира.

Финифть — эмаль.

Фиоль — виола, струнный смычковый инструмент, род скрипки.

Флейт — трехмачтовое грузовое судно, распространенное в военных флотах XVIII в. и служившее преимущественно для перевозки военных грузов.

Форт — небольшое отдельное укрепление, способное к самостоятельной обороне.

Фортеция — крепость.

Фортификация — наука о военных укреплениях.

Фортуна — богиня счастья в классической мифологии.

Фрегат — трехмачтовое военное судно с прямыми парусами и одной закрытой батареей.

Фряжские питья — заграничные виноградные вина.

Фряжский — заморский, заграничный.

Фурката — каторга (см.).

Х

Хоз — сафьян, выделанная козловая кожа. Прилагательные от этого слова — хозовый, гзовый.

Ц

Цветное платье — парадное, праздничное.

Ценинная печь — печь, выложенная поливными изразцами.

Цесарь — римский император; в XVII в. этим титулом именовался австрийский император.

Целовальник — выборная от посадского населения должность для отбывания различных государственных повинностей, например, продажи вина (кабацкий целовальник), сбора торговых пошлин (таможенный целовальник) и др. При начале своей службы целовальники приносили присягу и целовали крест, отчего и произошло название этой должности.

Циркумваляционная линия — непрерывная линия укреплений, обеспечивающая осаждающую армию от нападения извне.

Цымбалы — музыкальный инструмент, состоящий из металлических струн, по которым бьют молоточками; род маленьких гуслей.

Ч

Часослов — церковно-богослужебная книга христианского богослужения; при обучении грамоте в допетровской России за нее принимались вслед за букварем.

Чашник — придворный чин, заведывавший подачей вина и других напитков на царский стол.

Чекан — топорик с молоточком на длинной рукояти.

Чеканный — сделанный чеканом; металлический предмет, украшенный рельефным рисунком, получающимся от ударов по металлу молоточком, наставленным на стальные стержни с наконечниками различной формы.

Червчатый — багровый, густокрасный.

Чердак — каюта.

Черные сотни — административно-территориальные единицы, на которые подразделялось московское торговое и ремесленное население, жившее на «черной», т. е. обложенной налогами, посадской земле.

Черта — укрепленная линия, состоявшая в степных местах из земляного вала со рвом впереди, а в лесных из засек (см.), охранявшая подступы к Русскому государству с южной и юго-восточной сторон от нападения степных кочевников.

Четверть — мера сыпучих тел.

Четь (четверть) — земельная мера, равнявшаяся полутора десятинам в трех полях (при трехпольной системе земледелия).

Чуга — платье для верховой езды и воинское; Ч. похожа на кафтан ездовой, но с более короткими рукавами, по бокам подола делались разрезы.

Чушка — чехол.

Ш

Шамшировый станок у пищали — сделанный из дерева самшит (букс).

Шандал, шандан — подсвечник.

Шанцы — военный окоп, небольшое укрепление.

Шаутбейнахт — контр-адмирал.

Шестопер — почетное оружие, пернач (см.), но с головкой из шести перьев.

Шкатуна — шкатулка.

Шняк — рыболовная морская лодка, род карбаса с одной мачтой с прямым парусом и тремя парами весел; в носу и корме ее помещаются «чердаки», т. е. каюты для клади.

Шпалеры — обои, гобелены.

Шхиптимерман — корабельный плотник.

Ю

Юмферы — блоки.

Юфть — коровья кожа, выделанная на чистом дегте.

Я

Яблоко — украшение в виде шара.

Язык — пленник, взятый для получения сведений о местонахождении и количестве неприятеля.

Якобиты — приверженцы изгнанного в 1688 г. английского короля Якова II и его потомков.

Янычары — турецкая пехота.

Яхта — небольшое мореходное судно.

Стр.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Стр.

Редактор *В. Лебедев.*
Младший редактор *Н. Клейнман.*
Технич. редактор *Е. Раецкая.*
Художник *Д. Бажанов.*
Корректор *З. Пупол.*

* * *

М. Богословский, «Петр I». Соцэкгиз, 1940, Индекс 9 (с) 14 / Б 74

* * *

Сдано в набор 19/X 1939 г. Подп. к печ. 28/II 1940 г.
Формат бум. 60×92/16. Объем 27 1/4 п. л.+2 вклейки.
Учетно-издат. л. 33.07. Тираж 20000 экз.
Огиз № 2204. Заказ № 1330.
Серия — монография.
Уполномоченный Главлита № А-22277.
Бумага Камского бумкомбината.

* * *

Цена книги 8 р. 25 к., переплет в ледерине 2 р. 25 к.; переплет в коленкоре 1 р. 75 к.

* * *

2-я типография ОГИЗа РСФСР треста «Полиграфкнига» «Печатный Двор» им. А. М. Горького. Ленинград, Гатчинская, 26.

Карта части территории России от г. Москвы до Черного моря, составленная Як. Брюсом после Азовского похода 1696 г., с подробным обозначением населенных пунктов, расположенных по пути следования русской армии к Азову. Подлинник хранится в отделе рукописной книги библиотеки Академии наук СССР в Ленинграде.

2-

